РЕАБИЛИТАЦИЯ

Политические процессы 30-50-х годов

Библиотека журнала
«Известия ЦК КПСС»

Мы знаем теперь, что политические
обвинения и репрессии против ряда
деятелей партии и государства,
против многих коммунистов
и беспартийных, хозяйственных
и военных кадров, ученых и деятелей
культуры были результатом
преднамеренной фальсификации.
Многие обвинения в последующем —
в особенности после XX съезда партии —
были сняты. Тысячи безвинно
пострадавших полностью
реабилитированы.
Но процесс восстановления
справедливости
не был доведен до конца... Мы должны
это сделать. Тем более, что и сейчас
еще встречаемся с попытками отвернуться
от больных вопросов нашей истории,
замолчать их, сделать вид, будто
ничего особенного не произошло.
С этим мы не можем согласиться.
Это было бы пренебрежением
к исторической
правде, неуважением к памяти тех,
кто оказался невинной жертвой
беззакония
и произвола. Не можем еще и потому,
что правдивый анализ
должен помочь нам решать сегодняшние
наши проблемы: демократизации,
законности, гласности, преодоления
бюрократизма — словом, насущные
проблемы
перестройки. Вот почему нам нужны
и здесь полная ясность,
четкость и последовательность.

Из доклада М. С. Горбачева
«Октябрь и перестройка:
революция продолжается»

РЕАБИЛИТАЦИЯ

Политические процессы 30-50-х годов

Москва
Издательство
политической
литературы
1991

ББК 63.3(2)7
Р31

Под общей редакцией
академика АН СССР **А. Н. Яковлева**

Р $\frac{0902020000—056}{079(02)—91}$

ISBN 5—250—01429—1

ВО ИМЯ ЗАКОННОСТИ, СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРАВДЫ

Эта книга строго документальна. Составленная из публикаций в журнале «Известия ЦК КПСС», она рассказывает о работе Комиссии Политбюро ЦК партии по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов.

Интерес к документам, которые освещают в истинном свете трагические события прошлого, сегодня повсеместен и огромен. Это и понятно: рожденная перестройкой гласность требует правдивого освещения нашей истории. «Необходимо,— подчеркнул М. С. Горбачев,— оценить прошлое с чувством исторической ответственности и на основе исторической правды. Это надо сделать, во-первых, в силу огромной важности тех лет для судеб нашего государства, судеб социализма. Во-вторых, потому, что эти годы находятся в центре многолетних дискуссий как у нас в стране, так и за рубежом... Наконец, нам нужны правдивые оценки этого и всех других периодов нашей истории особенно сейчас, когда развернулась перестройка,— нужны не для того, чтобы сводить политические счеты или, как говорится, надрывать душу, а для того, чтобы воздать должное всему героическому, что было в прошлом, извлечь уроки из ошибок и просчетов»*.

В последнее время на тему репрессий и реабилитации жертв сталинского произвола написано немало художественных и историко-публицистических произведений. Несмотря на это (а может быть, и благодаря этому), внимание современного читателя все больше привлекают документальные материалы. Более того, нередки случаи, когда читатели сознательно отдают предпочтение именно документам, не без основания полагая, что это самый прямой путь к истине и что всякие «сопутствующие» суждения и оценки могут лишь помешать правильному восприятию исторических событий.

Не будем сейчас оспаривать или защищать это читательское мнение и противопоставлять художественно-публицистическое

* *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 14.

освещение прошлого научному анализу. Но бесспорно то, что основу всякого истинного знания о прошлом составляют конечно же документальные источники.

Читая о «делах» репрессированных в годы сталинщины советских людей, читатель познакомится с подлинными документами — протоколами заседаний Верховного суда и Прокуратуры СССР, заключениями Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и Комитета государственной безопасности СССР, архивными материалами (письмами, заявлениями, протоколами допросов репрессированных и т. п.), а также аналитическими записками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Все эти документы стали предметом внимательного рассмотрения на заседаниях Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов, образованной 28 сентября 1987 года. Ею были рассмотрены материалы ряда дел, фальсифицированных в годы произвола и необоснованных репрессий. Среди них «дела» «антисоветского правотроцкистского блока», «антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии», «союза марксистов-ленинцев», «московского центра», «кремлевского дела», «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», «параллельного антисоветского троцкистского центра», «московской контрреволюционной организации» — «Рабочая оппозиция», «ленинградского дела», «дела Еврейского антифашистского комитета», «антипартийной группы правых Слепкова и других («бухаринской школы»)», дела «ленинградской контрреволюционной группы Сафарова, Залуцкого и других».

Это наиболее крупные политические процессы 30—40-х — начала 50-х годов, репрессивное острие которых было направлено прежде всего против руководящих партийных, советских, хозяйственных и военных кадров. Все эти процессы, как установила Комиссия Политбюро ЦК КПСС, явились результатом произвола и вопиющих нарушений законности. Следственные материалы в ходе подготовки этих процессов грубо фальсифицировались. Тщательно проверив все имеющиеся в архивах документы, Комиссия Политбюро сделала однозначный вывод о том, что ни «блоков», ни «центров» в действительности не существовало, они были созданы искусственно органами НКВД — МГБ — МВД по прямому указанию Сталина и его ближайшего окружения.

Важно отметить, что репрессии были обрушены на коммунистов, представлявших цвет партии, большинство из которых вступили в нее еще до революции или в годы гражданской войны, многие были соратниками В. И. Ленина. Деформируя партию, превращая ее в «орден меченосцев» и бюрократическую организацию, насаждая в стране казарменный социализм, Сталин стремился всеми силами убрать тех, кто мог даже мысленно восстать против его диктаторских устремлений и проводимого им курса в руководстве партией и государством. В результате фальсифи-

цированных политических процессов старая, ленинская гвардия большевиков была практически вся уничтожена. Зачисленные в разряд «врагов народа» ее представители не имели право даже на посмертную память: их имена были вычеркнуты из истории и преданы забвению. Сегодня жертвы политических процессов 30 — начала 50-х годов реабилитированы в судебном порядке, восстановлены в партии, память о них возвращена нынешнему и будущим поколениям.

Комиссия Политбюро ЦК КПСС приступила к работе не на пустом месте. Как известно, реабилитация лиц, репрессированных за так называемые «контрреволюционные преступления», началась в середине 50-х годов и особенно активизировалась после XX съезда КПСС и принятого 30 июня 1956 года постановления ЦК партии «О преодолении культа личности и его последствий». В 1954—1961 годах было реабилитировано более 700 тысяч человек. Об этой работе рассказывает третий раздел книги («Как начиналась реабилитация»), которому предпослан доклад Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года. Однако затем, в годы, которые сегодня принято называть «периодом застоя», работа по реабилитации постепенно была свернута. Более того, по существу, начался процесс «молчаливого» оправдания беззаконий. Это проявлялось и в замалчивании трагических событий прошлого — негласном запрещении темы репрессий как в художественной, так и в исторической литературе, и во все более частом упоминании имени Сталина в «положительном свете».

Перестройка, рожденные ею процессы демократизации и гласности вывели эту тему из забвения, а главное — дали толчок продолжению работы по реабилитации жертв сталинского произвола. В 1988—1989 годах и первой половине 1990 года реабилитировано около одного миллиона граждан. Общее число тех, кому возвращено доброе имя, составляет теперь более двух миллионов. Практически завершена реабилитация граждан в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года.

Параллельно идет процесс восстановления части необоснованно обвиненных в политических преступлениях и подвергшихся репрессиям членов партии. За 1988—1989 годы ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы партии, политорганы Вооруженных Сил СССР, а также Комитет партийного контроля при ЦК КПСС рассмотрели 11 839 персональных дел коммунистов, реабилитированных в судебном отношении. 11 399 из них восстановлены в рядах КПСС.

Значительная работа проведена по реабилитации некоторой части политэмигрантов, представителей коммунистических и рабочих партий, иностранных граждан.

Процесс реабилитации активно продолжается. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года отменены все внесудебные решения, вынесенные так называемыми

«тройками» и «особыми совещаниями» в отношении незаконно репрессированных коммунистов и беспартийных. Благородная работа по реабилитации, восстановлению исторической правды и справедливости нашла широкий отклик у советских людей, одним из проявлений которого стала деятельность общества «Мемориал», других общественных организаций.

Читатель этой книги познакомится с наиболее «громкими» политическими процессами 30 — начала 50-х годов, связанных с именами Н. И. Бухарина, Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, М. Н. Рютина, А. Г. Шляпникова, М. Н. Тухачевского, Н. А. Вознесенского, других партийных и государственных деятелей.

Понятно, что процесс реабилитации жертв сталинского произвола еще далек от своего завершения. В тщательном и беспристрастном анализе нуждаются политические процессы 20 — начала 30-х годов. В их числе суд над меньшевиками (1931 г.), где государственным обвинителем выступал Н. В. Крыленко, впоследствии также репрессированный. Нет сомнения, что меньшевики (как и эсеры) были идейными противниками большевизма, однако есть большие сомнения в том, что все они вели активную контрреволюционную, террористическую борьбу с Советской властью, осуществляя подготовку вооруженного восстановления капитализма в СССР, как это утверждалось обвинителями.

Еще меньше доверия вызывает так называемое «шахтинское дело» — первый крупный процесс над «вредителями в промышленности» (1928 г.), когда на скамье подсудимых оказались 50 советских горных инженеров и три немецких специалиста, работавших консультантами в угольной промышленности Донбасса. Суд завершился пятью смертными приговорами, и сразу после процесса было арестовано не менее двух тысяч специалистов. В 1930 году был инсценирован судебный процесс так называемой «промпартии»: врагами народа были объявлены представители старой технической интеллигенции. В том же 1930 году были осуждены крупные ученые-экономисты А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев и другие, которым было предъявлено ложное обвинение в создании несуществовавшей «контрреволюционной трудовой крестьянской партии». В 1933 году под председательством В. В. Ульриха слушалось «дело о вредительстве на электрических станциях в СССР», обвиняемыми по которому стали специалисты Московской, Челябинской, Златоустовской, Бакинской и других крупных электростанций.

Располагая данными о широком применении в прошлом фальсификации дел при подготовке и проведении политических процессов, Комиссия Политбюро ЦК КПСС рекомендовала Прокуратуре СССР, Комитету государственной безопасности СССР и Верховному суду СССР закончить проверку материалов о правомерности привлечения к уголовной ответственности граждан, проходивших по так называемым делам «всенародного союза борьбы за возрождение свободной России («академическое дело»)», «союзного бюро ЦК РСДРП(м)», «русского национа-

листического союза», «участников эсеровской группы в Москве», организации «всероссийской республиканской демократической партии», «промпартии» и «контрреволюционного заговора в сельском хозяйстве» («политический центр»).

На этом не заканчивается перечень политических процессов конца 20 — начала 30-х годов. В него с полным основанием следует занести массовое и трагическое по своим последствиям раскулачивание во время насильственно проведенной коллективизации. Достаточно сказать, что с конца 1929 до середины 1930 года было раскулачено свыше 320 тысяч семей (не менее 2 миллионов человек), конфисковано имущество стоимостью свыше 400 миллионов рублей. Многие раскулаченные попадали в исправительно-трудовые лагеря или отправлялись в спецпоселения в отдаленные районы страны. По имеющимся данным, к осени 1931 года было выслано свыше 265 тысяч семей.

Однако общее число репрессированных крестьян значительно превышает эти цифры. В речи на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников, произнесенной 19 февраля 1933 года, Сталин привел данные о том, что до коллективизации на каждые 100 дворов в деревне можно было насчитать 4—5 кулацких дворов, 8 или 10 дворов зажиточных, 45—50 середняцких, 35 бедняцких. «Развернув колхозное строительство,— с гордостью сказал Сталин,— мы добились того, что уничтожили эту кутерьму и несправедливость, разбили кулацкую кабалу» *. Таким образом, на каждые 100 дворов Сталин насчитал от 12 до 16 кулацко-зажиточных. Всего же в начале 30-х годов в нашей стране было около 25 миллионов крестьянских хозяйств. Стало быть, более 3 миллионов из них Сталин отнес в черную графу. Если учесть, что, по данным статистики тех лет, в каждой «кулацкой» семье было в среднем 7—8 человек, то в разряд «ликвидированных как класс» попало более 20 миллионов человек.

Если же к этим цифрам прибавить число «поголовно наказанных» Сталиным народов Крыма, Кавказа, немцев Поволжья, калмыков и других, если вспомнить, что в лагерях ГУЛАГа оказались многие тысячи бывших советских военнопленных и оставшихся на оккупированных гитлеровцами территориях советских людей, если учесть массовые депортации в восточные районы страны жителей Прибалтики, западных частей Украины, Белоруссии и Молдавии, то необходимо признать: под молох сталинских репрессий попали представители всех социальных слоев общества, всех профессий, возрастов, национальностей и вероисповеданий. Это была настоящая война с народом. Война во имя укрепления диктатуры Сталина и его аппарата.

Что же явилось причиной столь массовых, если не сказать — тоталитарных репрессий? Вопрос очень не простой, до сих пор остающийся в центре дискуссий.

Как известно, Сталин еще в 20-е годы сформулировал пре-

---

* *Сталин И. В.* Соч. Т. 13. С. 247.

словутый тезис об обострении классовой борьбы по мере успехов социалистического строительства. Развернутое толкование этого тезиса Сталин дал в марте 1937 года в своем докладе на Пленуме ЦК ВКП(б) «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Под «иными двурушниками» имелись в виду еще не названные, но уже подразумевающиеся «правые» — Бухарин, Рыков, Томский. В докладе утверждалось буквально следующее.

«Необходимо разбить и отбросить прочь,— говорил Сталин,— гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным.

Это — не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с Советской властью.

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обреченных.

Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР не одиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно потому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки.

Так учит нас история. Так учит нас ленинизм.

Необходимо помнить все это и быть на-чеку» *.

Это было примитивное и довольно неуклюжее оправдание репрессивной политики, не выдерживающее никакой критики ни с теоретических позиций ортодоксального марксизма, ни с точки зрения обычного здравого смысла. Напомним читателю, что в «Критике Готской программы» К. Маркса и в ленинской работе «Государство и революция» классовая борьба, диктатура пролетариата объявлялись атрибутами лишь переходного периода от капитализма к социализму, когда в качестве одной из ведущих функций государства виделась функция подавления сопротивления политически свергнутых, но экономически еще не ликвидированных эксплуататорских классов. С этой точки зрения функция политических репрессий в середине 30-х годов должна была бы

---

* *Сталин И. В.* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и Заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 года. М., 1937. С. 22.

утратить свою былую остроту, ибо новая — «сталинская» — Конституция СССР ровно за три месяца до Пленума ЦК, на котором был подтвержден тезис об обострении классовой борьбы, заявила о построении в СССР социалистического общества и полной ликвидации эксплуататорских классов. На деле же произошло совершенно обратное — именно на эти годы пришлась новая, ужесточенная волна репрессий.

Но предположим, что сталинские аресты и расстрелы были направлены против не мнимых, а действительных политических противников. Тогда возникает вопрос — была ли политическая оппозиция в стране настолько сильной и опасной, что требовала превентивного проведения массовых и жестоких карательных акций?

Да, оппозиция сталинскому руководству была. В том числе и внутри партии. Это была идейная борьба. Сначала ее возглавлял Троцкий, чуть позже с ним блокировались Зиновьев и Каменев. В годы «великого перелома», когда спешно свертывался нэп, проявились известные разногласия между Сталиным, с одной стороны, и Бухариным, Рыковым, Томским, с другой. Были и отдельные группы недовольных партийцев — вроде «союза марксистов-ленинцев» (группа Рютина), платформа которого впервые публикуется в данном сборнике. Все это было. Но, не вдаваясь сейчас в сущность оппозиционных взглядов и политических устремлений оппозиционеров, отметим как бесспорный исторический факт: в середине 30-х годов обо всех этих оппозициях можно было однозначно говорить лишь в прошедшем времени. Во всяком случае, в марте 1937 года, когда Сталин делал свой доклад о «мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», в стране не было даже тени оппозиции.

Характерно, что об этом говорил сам Сталин. И говорил в заключительном слове на том же мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК, не замечая вопиющего противоречия своего вывода с только что декларированным обвинением. «Сами по себе троцкисты никогда не представляли большой силы в нашей партии,— заявил Сталин.— Вспомните последнюю дискуссию в нашей партии в 1927 году. Это был настоящий партийный референдум. Из 854 тысяч членов партии голосовало только 730 тысяч членов партии. Из них за большевиков, за Центральный Комитет партии против троцкистов голосовало 724 тысячи членов партии, за троцкистов — 4 тысячи членов партии, то есть около полпроцента, и воздержалось 2600 членов партии. Не приняло участия в голосовании 123 тысячи членов партии. Не приняли они участия либо потому, что были в отъезде, либо потому, что были в сменах. Если к 4 тысячам голосовавших за троцкистов прибавить всех воздержавшихся,— полагая, что они тоже сочувствовали троцкистам,— и если к этой сумме прибавить не полпроцента не участвовавших в голосовании, как это следовало бы сделать по правилу, а 5 процентов не участвовавших, то есть около 6 тысяч членов партии, то получится около 12 тысяч членов партии, сочувствовавших

так или иначе троцкизму. Вот вам вся сила господ троцкистов.

Добавьте к этому то обстоятельство, что многие из этого числа разочаровались в троцкизме и отошли от него, и вы получите представление о ничтожности троцкистских сил» *.

Об отсутствии в партии и стране организованной оппозиции Сталин заявлял и раньше, в частности на XVII съезде ВКП(б), получившем в официальной историографии того времени название «съезда победителей». Говорил с гордостью, как о своем личном триумфе:

«Настоящий съезд проходит под флагом полной победы ленинизма, под флагом ликвидации остатков антиленинских группировок.

Разбита и рассеяна антиленинская группа троцкистов. Ее организаторы околачиваются теперь за границей на задворках буржуазных партий.

Разбита и рассеяна антиленинская группировка правых уклонистов. Ее организаторы давно уже отреклись от своих взглядов и теперь всячески стараются загладить свои грехи перед партией.

Разбиты и рассеяны национал-уклонистские группировки. Их организаторы либо окончательно спаялись с интервенционистской эмиграцией, либо принесли повинную».

И далее:

«Если на XV съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде — и доказывать нечего, да, пожалуй,— и бить некого. Все видят, что линия партии победила *(гром аплодисментов)*» **.

Итак, «бить некого». Однако сразу же после съезда и особенно после убийства Кирова 1 декабря 1934 года Сталин и его ближайшее окружение развязывают массовую кампанию по истреблению партийных, советских, комсомольских, хозяйственных и военных кадров, которая продолжается вплоть до начала Великой Отечественной войны. Замечу попутно, что Комиссия Политбюро ЦК КПСС дважды возвращалась к выяснению запутанных обстоятельств убийства Кирова. В конце ноября 1990 года пленум Верховного суда СССР рассмотрел протест Генерального прокурора СССР по делу так называемого «ленинградского центра» и пришел к выводу, что «террористический акт в отношении С. М. Кирова задуман и совершен одним Николаевым». Но так или иначе сам факт убийства Сталин использовал, как говорится, на все сто процентов. Выстрел в Смольном стал поводом для расправы не только с теми, кто раньше принимал участие в той или иной оппозиции, но и против преданных Сталину партийных кадров, на которых пало хотя бы малейшее подозрение

---

* *Сталин И. В.* Указ. соч. С. 44—45.

** XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января — 10 февраля 1934 г.: Стенографический отчет. М., 1934. С. 27—28.

в инакомыслии. В архиве Комитета партийного контроля при ЦК КПСС имеется 11 томов списков на массовые расстрелы коммунистов. Эти списки представлялись органами НКВД на подпись Сталину, Молотову, Кагановичу и другим членам высшего руководства. По таким спискам с февраля 1934 по сентябрь 1938 года 38 848 коммунистов были расстреляны и 5449 — заключены в тюрьмы и лагеря. Согласно подписанным Сталиным, Молотовым и Кагановичем приказам были репрессированы коммунисты-политэмигранты, жены «врагов народа» и их дети старше 15 лет. В соответствии с одним из таких приказов от 30 июля 1937 года был установлен лимит на 258 950 человек, подлежащих осуждению по первой и второй категориям (первая категория — расстрел, вторая — десять лет лагерей). Этот лимит был распределен на все республики, края и области страны. При этом репрессиям были подвергнуты конечно же не только руководящие кадры, но и многие тысячи рядовых коммунистов, беспартийные.

Чем же были вызваны эти репрессии? На наш взгляд, в основе их лежит целый комплекс причин. Не претендуя на их всестороннее раскрытие, назову, на мой взгляд, главную.

Еще раз напомню, что молодое Советское государство родилось как государство диктатуры пролетариата, где функция насилия была одной из основных, а в условиях гражданской войны, безусловно, ведущей. Да, это диктовалось сопротивлением свергнутых классов, остротой политической борьбы. Но не только. «Революционное насилие», как верно замечают современные исследователи, являлось к тому же фактически главным стимулом к труду, ибо экономические стимулы в условиях «военного коммунизма» были, по существу, сведены на нет. Так, уже в декрете СНК от 14 ноября 1919 года «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах» для нарушителей трудовой дисциплины и лиц, не выполнявших норм выработки без уважительных причин, предусматривались наказания до 6 месяцев заключения в лагере принудработ. Лагерь полагался и крестьянам за недосев, невыполнение продразверстки и иных повинностей. Репрессии, таким образом, были неотъемлемой частью хозяйственного механизма переходного периода.

Оживив экономические стимулы к труду, нэп смягчил политику репрессий, но преодолеть ее не смог. И когда в конце 20 — начале 30-х годов встал вопрос об источниках осуществления ускоренной индустриализации страны и о методах сплошной коллективизации крестьянства, у сталинского руководства был уже готов «апробированный» ответ: орудием проведения индустриализации и коллективизации стал развитой репрессивный аппарат, исправительно-трудовые лагеря «архипелага ГУЛАГ». Дешевая рабочая сила, подневольный рабский труд заключенных, новое «крепостное право» в деревне, жители которой были лишены паспортов и работали за нищенские трудодни,— таковы были «внутренние ресурсы» сталинских методов строительства социализма.

Другой, альтернативной моделью экономического развития страны могли бы стать углубление новой экономической политики, развитие рыночных отношений, укрепление материальных стимулов к труду. Но для сталинского руководства этот путь был неприемлем по двум причинам. Во-первых, он таил угрозу сложившимся социально-экономическим, а следовательно, и политическим отношениям, построенным на фундаменте командно-административной системы. Идеологически это обосновывалось как угроза пролетарской диктатуре со стороны мелкобуржуазной стихии. Во-вторых, этот путь представлялся неоправданно длительным, а потому и невозможным в условиях капиталистического окружения. Характерно признание, сделанное Сталиным в 1931 году в речи на I Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» *. Вопрос о том, какую человеческую цену нужно было заплатить за этот «пробег», для Сталина не существовал.

Шквал непрекращающихся репрессий был в значительной степени порожден страхом. Опирающийся на бюрократическую, командно-административную систему, сталинский режим был буквально пронизан этим страхом. Враги мерещились всюду — в партийном аппарате, в Красной Армии, в комсомоле, среди интеллигенции, на шахтах и заводах, в сельсоветах, в Коминтерне...

Призванные укрепить сталинскую диктатуру, репрессии явились наиболее очевидным свидетельством ее глубочайшего внутреннего кризиса, ее прогрессирующей агонии.

Первое разрешение этого кризиса последовало после смерти Сталина, на XX съезде партии. Но, осудив культ личности и связанные с ним беззакония, партия тогда еще не была готова к тому, чтобы ликвидировать коренные причины, породившие грубейшие деформации социализма. Такую возможность открыла перестройка, начатые под руководством КПСС масштабные экономические и политические реформы, процессы демократизации и гласности. Органической составной частью процессов общественного обновления стала благородная и гуманная работа по реабилитации жертв произвола 30—40-х и начала 50-х годов, материалы которой содержатся в этой книге **.

Н. МИХАЙЛОВ,
доктор философских наук

---

* *Сталин И. В.* Соч. Т. 13. С. 39.

** Все материалы были подготовлены по поручению Комиссии Политбюро ЦК КПСС и публикуются в том виде, в каком они рассматривались членами Комиссии. Для удобства читателей материалы расположены в хронологическом порядке.

I. ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС ПОСТАНОВЛЯЕТ...

ОБ ОБРАЗОВАНИИ КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС ПО ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, СВЯЗАННЫХ С РЕПРЕССИЯМИ, ИМЕВШИМИ МЕСТО В ПЕРИОД 30—40-х И НАЧАЛА 50-х ГОДОВ

Постановление Политбюро ЦК КПСС
28 сентября 1987 г.

1. Для обстоятельного изучения фактов и документов, связанных с репрессиями в период 30—40-х и начала 50-х годов, образовать Комиссию Политбюро ЦК КПСС в составе тт. Соломенцева М. С. (председатель), Чебрикова В. М., Яковлева А. Н., Демичева П. Н., Лукьянова А. И., Разумовского Г. П., Болдина В. И., Смирнова Г. Л.

2. Передать в распоряжение Комиссии Политбюро материалы комиссий, изучавших эти вопросы после 1953 года, а также другие имеющиеся в ЦК КПСС, Комитете партийного контроля при ЦК КПСС, Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Комитете госбезопасности СССР, Прокуратуре СССР и Верховном суде СССР на этот счет документы.

Разрешить Комиссии в случае необходимости изучить соответствующие материалы, имеющиеся в министерствах и ведомствах, партийных и государственных органах на местах, а также получать свидетельские показания отдельных граждан по этому вопросу.

3. Комиссии по мере готовности соответствующие выводы докладывать Политбюро ЦК КПСС.

О СООРУЖЕНИИ ПАМЯТНИКА ЖЕРТВАМ БЕЗЗАКОНИЙ И РЕПРЕССИЙ

Постановление Политбюро ЦК КПСС
4 июля 1988 г.

1. Воздвигнуть в Москве памятник жертвам беззаконий и репрессий, имевших место в годы культа личности.

2. Поручить тт. Захарову В. Г. (Минкультуры СССР) и Сайкину В. Т. (Мосгорисполком) внести предложения по этому вопросу с учетом обсуждения, состоявшегося на заседании Политбюро ЦК.

О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ ПО ЗАВЕРШЕНИЮ РАБОТЫ, СВЯЗАННОЙ С РЕАБИЛИТАЦИЕЙ ЛИЦ, НЕОБОСНОВАННО РЕПРЕССИРОВАННЫХ В 30—40-е ГОДЫ И НАЧАЛЕ 50-х ГОДОВ

Постановление Политбюро ЦК КПСС

11 июля 1988 г.

Исходя из необходимости полного завершения работы, связанной с реабилитацией лиц, необоснованно репрессированных в 30—40-е годы и начале 50-х годов, Центральный Комитет КПСС постановляет:

Поручить Прокуратуре СССР и Комитету государственной безопасности СССР дать указание своим местным органам продолжить работу по пересмотру дел на лиц, репрессированных в 30—40-е годы и начале 50-х годов, независимо от наличия заявлений и жалоб граждан. Верховному суду СССР и судебным органам на местах рассматривать эти дела в судебном порядке по протестам соответствующих прокуроров.

Прокуратуре СССР, Комитету государственной безопасности СССР, Министерству юстиции СССР установить сроки представления отчетности о работе, проводимой их местными органами.

Предложить ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам партии принять меры по своевременному рассмотрению вопросов, связанных с партийностью лиц, реабилитированных в судебном порядке, и о результатах проводимой работы один раз в полугодие информировать Комитет партийного контроля при ЦК КПСС.

Установить, что постановления ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов партии о восстановлении реабилитированных в партии являются окончательными, а постановления об отказе в восстановлении подлежат утверждению КПК при ЦК КПСС.

Возложить на райкомы (горкомы) партии выдачу по просьбе родственников официальных справок о результатах рассмотрения вопросов, связанных с партийностью лиц, реабилитированных в судебном порядке.

Комиссии Политбюро ЦК КПСС осуществлять общий контроль за ходом проводимой работы.

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В СОСТАВЕ КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС ПО ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, СВЯЗАННЫХ С РЕПРЕССИЯМИ, ИМЕВШИМИ МЕСТО В ПЕРИОД 30—40-х И НАЧАЛА 50-х ГОДОВ

Постановление Политбюро ЦК КПСС

11 октября 1988 г.

1. Утвердить члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС т. Яковлева А. Н. председателем Комиссии Политбюро ЦК по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов, освободив от этих обязанностей т. Соломенцева М. С. в связи с уходом на пенсию.

2. Включить в состав данной Комиссии тт. Медведева В. А.— члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС, Пуго Б. К.— Председателя КПК при ЦК КПСС, Крючкова В. А.— председателя КГБ СССР.

3. Освободить т. Демичева П. Н. от обязанностей члена Комиссии в связи с уходом на пенсию.

О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОТНОШЕНИИ ЖЕРТВ РЕПРЕССИЙ, ИМЕВШИХ МЕСТО В ПЕРИОД 30—40-х И НАЧАЛА 50-х ГОДОВ

Постановление Политбюро ЦК КПСС

5 января 1989 г.

Документальные данные, опыт реабилитации, накопленный и непосредственно после XX и XXII съездов КПСС, и в самое последнее время, неоспоримо свидетельствуют: в период 30—40-х и начала 50-х годов имела место практика массовых репрессий и произвола. Верхом беззакония стали специально созданные несудебные органы — так называемые «тройки», «особые совещания», а также практика составления и утверждения списков репрессируемых.

Подобная практика обернулась трагическими последствиями для сотен тысяч советских людей, оказала пагубное воздействие на социально-экономическое развитие страны, утверждала в сознании пренебрежение к нормам закона и человеческой жизни. Прогрессу советского общества, делу социализма и авторитету партии был нанесен серьезный ущерб.

Восстановление исторической, юридической справедливости приобрело сейчас огромное политическое значение. От него во многом зависит наше продвижение по пути формирования социалистического правового государства, развитие общественного сознания.

Полной реабилитации всех невинно репрессированных, увековечения их памяти ждут общественность, родственники и близкие пострадавших.

Центральный Комитет КПСС постановляет:

1. Внести на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР предложение — законодательным актом отменить внесудебные решения, вынесенные в период 30—40-х и начала 50-х годов действовавшими в то время «тройками», «особыми совещаниями». Считать всех граждан, которые были репрессированы решениями указанных органов, реабилитированными.

Вместе с тем признать, что эта мера не распространяется на изменников Родины и карателей периода Великой Отечественной войны, нацистских преступников, участников националистических банд-формирований и их пособников, на работников, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, а также на лиц, совершивших умышленные убийства и другие уголовные преступления. В отношении перечисленных категорий должен действовать установленный законом порядок обжалования и повторного рассмотрения вынесенных приговоров и иных решений.

Считать необходимым ускорить рассмотрение в установленном законом порядке уголовных дел на осужденных в годы репрессий судебными органами.

Обеспечить работу по возмещению в установленном порядке материального ущерба реабилитированным, извещению их родственников.

Поддержать предложения советской общественности о создании при краевых, областных и городских Советах народных депутатов, Верховных Советах автономных и союзных республик Комиссий из числа народных депутатов и представителей общественности для оказания содействия советским органам в обеспечении прав и интересов реабилитированных, создании памятников жертвам репрессий, а также в содержании в надлежащем порядке мест их захоронения.

Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по данному вопросу.

2. Опубликовать данное постановление ЦК КПСС в печати в изложении и полностью в журнале «Известия ЦК КПСС».

3. Контроль за выполнением настоящего постановления возложить на Государственно-правовой и Идеологический отделы ЦК КПСС.

II. О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ *

Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза [1]

25 февраля 1956 года

Товарищи! В отчетном докладе Центрального Комитета партии XX съезду, в ряде выступлений делегатов съезда, а также и раньше на пленумах ЦК КПСС, немало говорилось о культе личности и его вредных последствиях.

После смерти Сталина Центральный Комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать; он непогрешим в своих поступках.

Такое понятие о человеке, и, говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас много лет.

В настоящем докладе не ставится задача дать всестороннюю оценку жизни и деятельности Сталина. О заслугах Сталина еще при его жизни написано вполне достаточное количество книг, брошюр, исследований. Общеизвестна роль Сталина в подготовке и проведении социалистической революции, в гражданской войне, в борьбе за построение социализма в нашей стране. Это всем хорошо известно. Сейчас речь идет о вопросе, имеющем огромное значение и для настоящего и для будущего партии,— речь идет о том, как постепенно складывался культ личности Сталина, который превратился на определенном этапе в источник целого ряда крупнейших и весьма тяжелых извращений партийных принципов, партийной демократии, революционной законности.

В связи с тем что не все еще представляют себе, к чему на практике приводил культ личности, какой огромный ущерб был причинен нарушением принципа коллективного руководства в партии и сосредоточением необъятной, неограниченной власти в руках одного лица, Центральный Комитет партии считает необходимым доложить XX съезду Коммунистической партии Советского Союза материалы по этому вопросу.

---

* Документы, публикующиеся в сборнике, приведены с сохранением стиля и орфографии оригинала. Содержащиеся в докладе Н. С. Хрущева политические оценки не во всем совпадают с более поздними оценками в других материалах и документах. *Ред.*

* * *

Разрешите прежде всего напомнить вам, как сурово осуждали классики марксизма-ленинизма всякое проявление культа личности. В письме к немецкому политическому деятелю Вильгельму Блосу [2] Маркс заявлял:

«...Из неприязни ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран,— я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал. Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов произошло под тем условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами (Лассаль [3] впоследствии поступал как раз наоборот)» (Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXVI, изд. 1-е, стр. 487—488).

Несколько позже Энгельс писал:

«И Маркс, и я, мы всегда были против всяких публичных демонстраций по отношению к отдельным лицам, за исключением только тех случаев, когда это имело какую-либо значительную цель; а больше всего мы были против таких демонстраций, которые при нашей жизни касались бы лично нас» (Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXVIII, стр. 385).

Известна величайшая скромность гения революции Владимира Ильича Ленина. Ленин всегда подчеркивал роль народа, как творца истории, руководящую и организующую роль партии, как живого, самодеятельного организма, роль Центрального Комитета.

Марксизм не отрицает роли лидеров рабочего класса в руководстве революционно-освободительным движением.

Придавая большое значение роли вожаков и организаторов масс, Ленин вместе с тем беспощадно бичевал всякие проявления культа личности, вел непримиримую борьбу против чуждых марксизму эсеровских взглядов «героя» и «толпы», против попыток противопоставить «героя» массам, народу.

Ленин учил, что сила партии состоит в неразрывной связи с массами, в том, что за партией идет народ — рабочие, крестьяне, интеллигенция. «Только тот победит и удержит власть,— говорил Ленин, — кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества» (В. И. Ленин, т. 26, стр. 259) *.

Ленин с гордостью говорил о большевистской, коммунистической партии, как вожде и учителе народа, он призывал выносить на суд сознательных рабочих, на суд своей партии все важнейшие вопросы; он заявлял: «...ей мы верим, в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи» (Соч., т. 25, стр. 239).

Ленин решительно выступал против всяких попыток умалить или ослабить руководящую роль партии в системе Советского государства. Он выработал большевистские принципы партийного

* В докладе даются ссылки на 4-е издание Сочинений В. И. Ленина. *Ред.*

руководства и нормы партийной жизни, подчеркнув, что высшим принципом партийного руководства является его коллективность. Еще в дореволюционные годы Ленин называл Центральный Комитет партии коллективом руководителей, хранителем и истолкователем принципов партии. «Принципы *партии*,— указывал Ленин,— блюдет от съезда до съезда и истолковывает их Центральный Комитет» (Соч., т. 13, стр. 116).

Подчеркивая роль Центрального Комитета партии, его авторитет, Владимир Ильич указывал: «Наш ЦК сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную...» (Соч., т. 33, стр. 443).

При жизни Ленина Центральный Комитет партии был подлинным выражением коллективного руководства партией и страной. Будучи воинствующим марксистом-революционером, всегда непримиримым в принципиальных вопросах, Ленин никогда не навязывал силой своих взглядов товарищам по работе. Он убеждал, терпеливо разъяснял свое мнение другим. Ленин всегда строго следил за тем, чтобы осуществлялись нормы партийной жизни, соблюдался Устав партии, своевременно созывались съезды партии, пленумы Центрального Комитета.

Помимо всего великого, что сделал В. И. Ленин для победы рабочего класса и трудового крестьянства, для победы нашей партии и претворения в жизнь идей научного коммунизма, его проницательность проявилась и в том, что он своевременно подметил в Сталине именно те отрицательные качества, которые привели позднее к тяжелым последствиям. Озабоченный дальнейшими судьбами партии и Советского государства, В. И. Ленин дал совершенно правильную характеристику Сталину, указав при этом, что надо рассмотреть вопрос о перемещении Сталина с должности генерального секретаря в связи с тем, что Сталин слишком груб, недостаточно внимателен к товарищам, капризен и злоупотребляет властью.

В декабре 1922 года в своем письме к очередному съезду партии Владимир Ильич писал:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Это письмо — важнейший политический документ, известный в истории партии как «завещание» Ленина [4],— роздано делегатам XX съезда партии. Вы его читали и будете, вероятно, читать еще не раз. Вдумайтесь в простые ленинские слова, в которых выражена забота Владимира Ильича о партии, о народе, о государстве, о дальнейшем направлении политики партии.

Владимир Ильич говорил:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отно-

шениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.».

Этот ленинский документ был оглашен по делегациям XIII съезда партии, которые обсуждали вопрос о перемещении Сталина с поста генерального секретаря. Делегации высказались за оставление Сталина на этом посту, имея в виду, что он учтет критические замечания Владимира Ильича и сумеет исправить свои недостатки, которые внушали серьезные опасения Ленину.

Товарищи! Необходимо доложить съезду партии о двух новых документах, дополняющих ленинскую характеристику Сталина, данную Владимиром Ильичем в его «завещании».

Эти документы — письмо Надежды Константиновны Крупской председательствовавшему в то время в Политбюро Каменеву и личное письмо Владимира Ильича Ленина Сталину.

Зачитываю эти документы:

1. Письмо Н. К. Крупской:

«Лев Борисыч,

по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию [5], как более близким товарищам В. И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности.

Н. Крупская

Это письмо было написано Надеждой Константиновной 23 декабря 1922 года. Через два с половиной месяца, в марте 1923 года, Владимир Ильич Ленин направил Сталину следующее письмо:

2. Письмо В. И. Ленина.

«Товарищу СТАЛИНУ.

Копия: **Каменеву и Зиновьеву.**

Уважаемый т. Сталин,

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано,

а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. *(Движение в зале.)*

С уважением: **Ленин.**

5-го марта 1923 года».

Товарищи! Я не буду комментировать эти документы. Они красноречиво говорят сами за себя. Если Сталин мог так вести себя при жизни Ленина, мог так относиться к Надежде Константиновне Крупской, которую партия хорошо знает и высоко ценит как верного друга Ленина и активного борца за дело нашей партии с момента ее зарождения, то можно представить себе, как обращался Сталин с другими работниками. Эти его отрицательные качества все более развивались и за последние годы приобрели совершенно нетерпимый характер.

Как показали последующие события, тревога Ленина не была напрасной: Сталин первое время после кончины Ленина еще считался с его указаниями, а затем стал пренебрегать серьезными предупреждениями Владимира Ильича.

Если проанализировать практику руководства партией и страной со стороны Сталина, вдуматься во все то, что было допущено Сталиным, убеждаешься в справедливости опасений Ленина. Те отрицательные черты Сталина, которые при Ленине проступали только в зародышевом виде, развились в последние годы в тяжкие злоупотребления властью со стороны Сталина, что причинило неисчислимый ущерб нашей партии.

Мы должны серьезно разобрать и правильно проанализировать этот вопрос для того, чтобы исключить всякую возможность повторения даже какого-либо подобия того, что имело место при жизни Сталина, который проявлял полную нетерпимость к коллективности в руководстве и работе, допускал грубое насилие над всем, что не только противоречило ему, но что казалось ему, при его капризности и деспотичности, противоречащим его установкам. Он действовал не путем убеждения, разъяснения, кропотливой работы с людьми, а путем навязывания своих установок, путем требования безоговорочного подчинения его мнению. Тот, кто сопротивлялся этому или старался доказывать свою точку зрения, свою правоту, тот был обречен на исключение из руководящего коллектива с последующим моральным и физическим уничтожением. Это особенно проявилось в период после XVII съезда партии, когда жертвами деспотизма Сталина оказались многие честные, преданные делу коммунизма, выдающиеся деятели партии и рядовые работники партии.

Следует сказать, что партия провела большую борьбу против троцкистов, правых, буржуазных националистов, идейно разгромила всех врагов ленинизма. Эта идейная борьба была проведена успешно, в ходе ее партия еще более окрепла и закалилась. И здесь Сталин сыграл свою положительную роль.

Партия провела большую идейную политическую борьбу против тех людей в своих рядах, которые выступали с антиленинскими положениями, с враждебной партии и делу социализма политической линией. Это была упорная, тяжелая, но необходимая борьба, потому что политическая линия и троцкистско-зиновьевского блока и бухаринцев по существу вела к реставрации капитализма, к капитуляции перед мировой буржуазией. Представим себе на минуту, что бы получилось, если бы у нас в партии в 1928—1929 годах победила политическая линия правого уклона, ставка на «ситцевую индустриализацию», ставка на кулака и тому подобное. У нас не было бы тогда мощной тяжелой индустрии, не было бы колхозов, мы оказались бы обезоруженными и бессильными перед капиталистическим окружением.

Вот почему партия вела непримиримую борьбу с идейных позиций, разъясняла всем членам партии и беспартийным массам, в чем вред и опасность антиленинских выступлений троцкистской оппозиции и правых оппортунистов. И эта огромная работа по разъяснению линии партии дала свои плоды: и троцкисты, и правые оппортунисты были политически изолированы, подавляющее большинство партии поддержало ленинскую линию, и партия сумела вдохновить и организовать трудящихся на проведение в жизнь ленинской линии партии, на построение социализма.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже в разгар ожесточенной идейной борьбы против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других к ним не применялись крайние репрессивные меры. Борьба велась на идейной основе. Но через несколько лет, когда социализм был уже в основном построен в нашей стране, когда были в основном ликвидированы эксплуататорские классы, когда коренным образом изменилась социальная структура советского общества, резко сократилась социальная база для враждебных партий, политических течений и групп, когда идейные противники партии были политически давно уже разгромлены, против них начались репрессии.

И именно в этот период (1935—1937—1938 гг.) сложилась практика массовых репрессий по государственной линии сначала против противников ленинизма — троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, давно уже политически разбитых партией, а затем и против многих честных коммунистов, против тех кадров партии, которые вынесли на своих плечах гражданскую войну, первые, самые трудные годы индустриализации и коллективизации, которые активно боролись против троцкистов и правых, за ленинскую линию партии.

Сталин ввел понятие «враг народа». Этот термин сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности. Это понятие

«враг народа», по существу, уже снимало, исключало возможность какой-либо идейной борьбы или выражения своего мнения по тем или иным вопросам даже практического значения. Основным и, по сути дела, единственным доказательством вины делалось, вопреки всем нормам современной юридической науки, «признание» самого обвиняемого, причем это «признание», как показала затем проверка, получалось путем физических мер воздействия на обвиняемого.

Это привело к вопиющим нарушениям революционной законности, к тому, что пострадали многие совершенно ни в чем не виновные люди, которые в прошлом выступали за линию партии.

Следует сказать, что и в отношении людей, которые в свое время выступали против линии партии, часто не было достаточно серьезных оснований, чтобы их физически уничтожить. Для обоснования физического уничтожения таких людей и была введена формула «враг народа».

Ведь многие лица, которых впоследствии уничтожили, объявив их врагами партии и народа, при жизни В. И. Ленина работали вместе с Лениным. Некоторые из них и при Ленине делали ошибки, но, несмотря на это, Ленин использовал их на работе, поправлял, стремился к тому, чтобы они оставались в рамках партийности, вел их за собой.

В этой связи следует ознакомить делегатов съезда партии с неопубликованной запиской В. И. Ленина в Политбюро ЦК в октябре 1920 года [6]. Определяя задачи Контрольной Комиссии, Ленин писал, что эту Комиссию необходимо сделать настоящим «органом партийной и пролетарской совести».

«К[а]к особое задание Ко[нтрольной] К[омиссии], рекомендовать внимательно-индивидуализирующее отношение, часто даже прямое своего рода лечение по отношению к представителям т[ак] н[азываемой] оппозиции, потерпевшим психол[огический] кризис в связи с неудачами в их советской или партийной карьере. Надо постараться успокоить их, объяснить им дело товарищески, подыскать им (без способа приказывания) подходящую к их психологическ[им] особенностям работу, дать в этом пункте советы и указания Оргбюро цека и т. п.».

Всем хорошо известно, как непримирим был Ленин к идейным противникам марксизма, к тем, кто уклонялся от правильной партийной линии. В то же время Ленин, как это видно из зачитанного документа, из всей практики его руководства партией, требовал самого внимательного партийного подхода к людям, которые проявляли колебания, имели отступления от партийной линии, но которых можно было вернуть на путь партийности. Ленин советовал терпеливо воспитывать таких людей, не прибегая к крайним мерам.

В этом проявлялась мудрость Ленина в подходе к людям, в работе с кадрами.

Совсем иной подход был характерен для Сталина. Сталину были совершенно чужды ленинские черты — проводить терпели-

вую работу с людьми, упорно и кропотливо воспитывать их, уметь повести за собой людей не путем принуждения, а оказывая на них воздействие всем коллективом с идейных позиций. Он отбрасывал ленинский метод убеждения и воспитания, переходил с позиций идейной борьбы на путь административного подавления, на путь массовых репрессий, на путь террора. Он действовал все шире и настойчивее через карательные органы, часто нарушая при этом все существующие нормы морали и советские законы.

Произвол одного лица поощрял и допускал произвол других лиц. Массовые аресты и ссылки тысяч и тысяч людей, казни без суда и нормального следствия порождали неуверенность в людях, вызывали страх и даже озлобление.

Это, конечно, не способствовало сплочению рядов партии, всех слоев трудового народа, а, наоборот, приводило к уничтожению, отсечению от партии честных, но неугодных Сталину работников.

Наша партия вела борьбу за претворение в жизнь ленинских планов построения социализма. Это была идейная борьба. Если бы в этой борьбе был проявлен ленинский подход, умелое сочетание партийной принципиальности с чутким и внимательным отношением к людям, желание не оттолкнуть, не потерять людей, а привлечь их на свою сторону, то мы, вероятно, не имели бы такого грубого нарушения революционной законности, применения методов террора в отношении многих тысяч людей. Исключительные меры были бы применены только к тем лицам, которые совершили действительные преступления против советского строя.

Обратимся к некоторым фактам истории.

В дни, предшествовавшие Октябрьской революции, два члена ЦК партии большевиков — Каменев и Зиновьев выступили против ленинского плана вооруженного восстания. Более того, 18 октября в меньшевистской газете «Новая жизнь» они опубликовали свое заявление о подготовке большевиками восстания и о том, что они считают восстание авантюрой. Каменев и Зиновьев раскрыли тем самым перед врагами решение ЦК о восстании, об организации этого восстания в ближайшее время.

Это было изменой делу партии, делу революции. В. И. Ленин в связи с этим писал: «Каменев и Зиновьев *выдали* Родзянке и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании...» (Соч., т. 26, стр. 194). Он поставил перед ЦК вопрос об исключении Зиновьева и Каменева из партии.

Но после свершения Великой Октябрьской социалистической революции, как известно, Зиновьев и Каменев были выдвинуты на руководящие посты. Ленин привлекал их к выполнению ответственнейших поручений партии, к активной работе в руководящих партийных и советских органах. Известно, что Зиновьев и Каменев при жизни В. И. Ленина совершили немало других крупных ошибок. В своем «завещании» Ленин предупреждал, что «октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью». Но Ленин не ставил вопроса об их аресте и, тем более, об их расстреле.

Или возьмем, к примеру, троцкистов. Сейчас, когда прошел достаточный исторический срок, мы можем говорить о борьбе с троцкистами вполне спокойно и довольно объективно разобраться в этом деле. Ведь вокруг Троцкого были люди, которые отнюдь не являлись выходцами из среды буржуазии. Часть из них была партийной интеллигенцией, а некоторая часть — из рабочих. Можно было бы назвать целый ряд людей, которые в свое время примыкали к троцкистам, но они же принимали и активное участие в рабочем движении до революции и в ходе самой Октябрьской социалистической революции, и в укреплении завоеваний этой величайшей революции. Многие из них порвали с троцкизмом и перешли на ленинские позиции. Разве была необходимость физического уничтожения таких людей? Мы глубоко уверены, что если бы жив был Ленин, то такой крайней меры в отношении многих из них не было бы принято.

Таковы лишь некоторые факты истории. А разве можно сказать, что Ленин не решался применять к врагам революции, когда это действительно требовалось, самые жестокие меры? Нет, этого никто сказать не может. Владимир Ильич требовал жестокой расправы с врагами революции и рабочего класса и, когда возникала необходимость, пользовался этими мерами со всей беспощадностью. Вспомните хотя бы борьбу В. И. Ленина против эсеровских организаторов антисоветских восстаний, против контрреволюционного кулачества в 1918 году и других, когда Ленин без колебания принимал самые решительные меры по отношению к врагам. Но Ленин пользовался такими мерами против действительно классовых врагов, а не против тех, которые ошибаются, которые заблуждаются, которых можно путем идейного воздействия на них повести за собой и даже сохранить в руководстве.

Ленин применял суровые меры в самых необходимых случаях, когда в наличии были эксплуататорские классы, бешено сопротивлявшиеся революции, когда борьба по принципу «кто — кого» неизбежно принимала самые острые формы, вплоть до гражданской войны. Сталин же применял самые крайние меры, массовые репрессии уже тогда, когда революция победила, когда укрепилось Советское государство, когда эксплуататорские классы были уже ликвидированы и социалистические отношения утвердились во всех сферах народного хозяйства, когда наша партия политически окрепла и закалилась как количественно, так и идейно. Ясное дело, что здесь были проявлены со стороны Сталина в целом ряде случаев нетерпимость, грубость, злоупотребление властью. Вместо доказательств своей политической правоты и мобилизации масс он нередко шел по линии репрессий и физического уничтожения не только действительных врагов, но и людей, которые не совершали преступлений против партии и Советской власти. В этом никакой мудрости нет, кроме проявления грубой силы, что так беспокоило В. И. Ленина.

Центральный Комитет партии за последнее время, особенно после разоблачения банды Берия [7], рассмотрел ряд дел, сфабрико-

ванных этой бандой. При этом обнаружилась весьма неприглядная картина грубого произвола, связанного с неправильными действиями Сталина. Как показывают факты, Сталин, воспользовавшись неограниченной властью, допускал немало злоупотреблений, действуя от имени ЦК, не спрашивая мнения членов ЦК и даже членов Политбюро ЦК, зачастую не ставя их в известность о единолично принимаемых Сталиным решениях по очень важным партийным и государственным вопросам.

* * *

Рассматривая вопрос о культе личности, нам необходимо прежде всего выяснить, какой ущерб это нанесло интересам нашей партии.

Владимир Ильич Ленин всегда подчеркивал роль и значение партии в руководстве социалистическим государством рабочих и крестьян, видя в этом главное условие успешного строительства социализма в нашей стране. Указывая на огромную ответственность большевистской партии, как правящей партии Советского государства, Ленин призывал к строжайшему соблюдению всех норм партийной жизни, к осуществлению принципов коллективности руководства партией и страной.

Коллективность руководства вытекает из самой природы нашей партии, построенной на началах демократического централизма. «Это значит,— говорил Ленин,— что все дела партии ведут, прямо или через представителей, все члены партии, на равных правах и без всякого исключения; причем все должностные лица, все руководящие коллегии, все учреждения партии — выборные, подотчетные, сменяемые» (Соч., т. 11, стр. 396).

Известно, что сам Ленин показывал пример строжайшего соблюдения этих принципов. Не было такого важного вопроса, по которому Ленин принимал бы решение единолично, не посоветовавшись и не получив одобрения большинства членов ЦК или членов Политбюро ЦК.

В самые трудные для нашей партии и страны периоды Ленин считал необходимым регулярно проводить съезды, конференции партии, пленумы ее Центрального Комитета, на которых обсуждались все важнейшие вопросы и принимались всесторонне разработанные коллективом руководителей решения.

Вспомним, например, 1918 год, когда над страной нависла угроза нашествия империалистических интервентов. В этих условиях был созван VII съезд партии для обсуждения жизненно важного и неотложного вопроса — о мире. В 1919 году, в разгар гражданской войны, созывается VIII съезд партии, на котором была принята новая программа партии, решены такие важные вопросы, как вопрос об отношении к основным массам крестьянства, о строительстве Красной Армии, о руководящей роли партии в работе Советов, об улучшении социального состава партии и другие. В 1920 году созывается IX съезд партии, определивший задачи

партии и страны в области хозяйственного строительства. В 1921 году на X съезде партии были приняты разработанная Лениным новая экономическая политика и историческое решение «О единстве партии».

При жизни Ленина съезды партии проводились регулярно, на каждом крутом повороте в развитии партии и страны Ленин считал прежде всего необходимым широкое обсуждение партией коренных вопросов внутренней и внешней политики, партийного и государственного строительства.

Весьма характерно, что свои последние статьи, письма и заметки Ленин адресовал именно партийному съезду, как высшему органу партии. От съезда к съезду Центральный Комитет партии выступал как высокоавторитетный коллектив руководителей, строго соблюдающий принципы партии и проводящий в жизнь ее политику.

Так было при жизни Ленина.

Соблюдались ли эти священные для нашей партии ленинские принципы после кончины Владимира Ильича?

Если в первые годы после смерти Ленина съезды партии и пленумы ЦК проводились более или менее регулярно, то позднее, когда Сталин начал все более злоупотреблять властью, эти принципы стали грубо нарушаться. Особенно это проявилось за последние полтора десятка лет его жизни. Разве можно считать нормальным тот факт, что между XVIII и XIX съездами партии прошло более тринадцати лет, в течение которых наша партия и страна пережили столько событий? Эти события настоятельно требовали принятия партией решений по вопросам обороны страны в условиях Отечественной войны и по вопросам мирного строительства в послевоенные годы. Даже после окончания войны съезд не собирался более семи лет.

Почти не созывались пленумы Центрального Комитета. Достаточно сказать, что за все годы Великой Отечественной войны фактически не было проведено ни одного пленума ЦК. Правда, была попытка созвать пленум ЦК в октябре 1941 года [8], когда в Москву со всей страны были специально вызваны члены ЦК. Два дня они ждали открытия пленума, но так и не дождались. Сталин даже не захотел встретиться и побеседовать с членами Центрального Комитета. Этот факт говорит о том, насколько был деморализован Сталин в первые месяцы войны и как высокомерно и пренебрежительно относился он к членам ЦК.

В этой практике нашло свое выражение игнорирование со стороны Сталина норм партийной жизни, попрание им ленинского принципа коллективности партийного руководства.

Произвол Сталина по отношению к партии, к ее Центральному Комитету особенно проявился после XVII съезда партии, состоявшегося в 1934 году.

Центральный Комитет, располагая многочисленными фактами, свидетельствующими о грубом произволе в отношении партийных кадров, выделил партийную комиссию Президиума ЦК [9], которой

поручил тщательно разобраться в вопросе о том, каким образом оказались возможными массовые репрессии против большинства состава членов и кандидатов Центрального Комитета партии, избранного XVII съездом ВКП(б).

Комиссия ознакомилась с большим количеством материалов в архивах НКВД, с другими документами и установила многочисленные факты фальсифицированных дел против коммунистов, ложных обвинений, вопиющих нарушений социалистической законности, в результате чего погибли невинные люди. Выясняется, что многие партийные, советские, хозяйственные работники, которых объявили в 1937—1938 годах «врагами», в действительности никогда врагами, шпионами, вредителями и т. п. не являлись, что они, по существу, всегда оставались честными коммунистами, но были оклеветаны, а иногда, не выдержав зверских истязаний, сами на себя наговаривали (под диктовку следователей-фальсификаторов) всевозможные тяжкие и невероятные обвинения. Комиссия представила в Президиум ЦК большой документальный материал о массовых репрессиях против делегатов XVII партийного съезда и членов Центрального Комитета, избранного этим съездом. Этот материал был рассмотрен Президиумом Центрального Комитета.

Установлено, что из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета партии, избранных на XVII съезде партии, было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937—1938 гг.) 98 человек, то есть 70 процентов. (*Шум возмущения в зале.*)

Что собой представлял состав делегатов XVII съезда? Известно, что 80 процентов состава участников XVII съезда с правом решающего голоса вступили в партию в годы революционного подполья и гражданской войны, то есть до 1920 года включительно. По социальному положению основную массу делегатов съезда составляли рабочие (60 процентов делегатов с правом решающего голоса).

Поэтому совершенно немыслимо было, чтобы съезд такого состава избрал Центральный Комитет, в котором большинство оказалось бы врагами партии. Только в результате того, что честные коммунисты были оклеветаны и обвинения к ним были фальсифицированы, что были допущены чудовищные нарушения революционной законности, 70 процентов членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом, были объявлены врагами партии и народа.

Такая судьба постигла не только членов ЦК, но и большинство делегатов XVII съезда партии. Из 1966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях значительно больше половины — 1108 человек. Уже один этот факт говорит, насколько нелепыми, дикими, противоречащими здравому смыслу были обвинения в контрреволюционных преступлениях, предъявленные, как теперь выясняется, **большинству** участников XVII съезда партии. (*Шум возмущения в зале.*)

Нужно напомнить, что XVII съезд партии вошел в историю как съезд победителей. Делегатами съезда были избраны активные

участники строительства нашего социалистического государства, многие из них вели самоотверженную борьбу за дело партии в дореволюционные годы в подполье и на фронтах гражданской войны, они храбро дрались с врагами, не раз смотрели в глаза смерти и не дрогнули. Как же можно поверить, чтобы такие люди в период после политического разгрома зиновьевцев, троцкистов и правых, после великих побед социалистического строительства оказались «двурушниками», перешли в лагерь врагов социализма?

Это произошло в результате злоупотребления властью со стороны Сталина, который начал применять массовый террор против кадров партии.

Почему массовые репрессии против актива все больше усиливались после XVII съезда партии? Потому, что Сталин к этому времени настолько возвысился над партией и над народом, что он уже совершенно не считался ни с Центральным Комитетом, ни с партией. Если до XVII съезда он еще признавал мнение коллектива, то после полного политического разгрома троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, когда в результате этой борьбы и побед социализма было достигнуто сплочение партии, сплочение народа, Сталин все больше и больше перестал считаться с членами ЦК партии и даже с членами Политбюро. Сталин полагал, что он может теперь сам вершить все дела, а остальные нужны ему как статисты, всех других он держал в таком положении, что они должны были только слушать и восхвалять его.

После злодейского убийства С. М. Кирова начались массовые репрессии и грубые нарушения социалистической законности. Вечером 1 декабря 1934 года по инициативе Сталина (без решения Политбюро — это было оформлено опросом только через 2 дня) было подписано секретарем Президиума ЦИК Енукидзе [10] следующее постановление [11]:

«1) Следственным властям — вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком;

2) Судебным органам — не задерживать исполнение приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению;

3) Органам Наркомвнудела — приводить в исполнение приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров».

Это постановление послужило основанием для массовых нарушений социалистической законности. Во многих фальсифицированных следственных делах обвиняемым приписывалась «подготовка» террористических актов, и это лишало обвиняемых какой-либо возможности проверки их дел даже тогда, когда они на суде отказывались от вынужденных своих «признаний» и убедительно опровергали предъявленные им обвинения.

Следует сказать, что обстоятельства, связанные с убийством т. Кирова, до сих пор таят в себе много непонятного и загадочного и требуют самого тщательного расследования. Есть основания думать, что убийце Кирова — Николаеву [12] кто-то помогал из людей, обязанных охранять Кирова. За полтора месяца до убийства Николаев был арестован за подозрительное поведение, но был выпущен и даже не обыскан. Крайне подозрительным является то обстоятельство, что когда прикрепленного к Кирову чекиста 2 декабря 1934 года везли на допрос, он оказался убитым при «аварии» автомашины, причем никто из сопровождающих его лиц при этом не пострадал. После убийства Кирова руководящие работники Ленинградского НКВД были сняты с работы и подвергнуты очень мягким наказаниям, но в 1937 году были расстреляны. Можно думать, что их расстреляли затем, чтобы замести следы организаторов убийства Кирова. (*Движение в зале.*)

Массовые репрессии резко усилились с конца 1936 года после телеграммы Сталина и Жданова [13] из Сочи от 25 сентября 1936 года, адресованной Кагановичу [14], Молотову [15] и другим членам Политбюро, в которой говорилось следующее:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова [16] на пост наркомвнудела. Ягода [17] явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. **ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года.** Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД». Следует кстати заметить, что с партработниками Сталин не встречался и поэтому мнение их знать не мог.

Эта сталинская установка о том, что «НКВД опоздал на 4 года» с применением массовых репрессий, что надо быстро «наверстать» упущенное, прямо толкала работников НКВД на массовые аресты и расстрелы.

Приходится отметить, что эта установка была навязана и февральско-мартовскому Пленуму ЦК ВКП(б) 1937 года. В резолюции Пленума по докладу Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» говорилось:

«Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все факты, выявленные в ходе следствия по делам антисоветского троцкистского центра и его сторонников на местах, показывают, что с разоблачением этих злейших врагов народа Наркомвнудел запоздал, по крайней мере, на 4 года».

Массовые репрессии проводились в то время под флагом борьбы с троцкистами. Представляли ли в действительности в это время троцкисты такую опасность для нашей партии и Советского государства? Следует напомнить, что в 1927 году, накануне XV съезда партии, за троцкистско-зиновьевскую оппозицию голосовало всего лишь 4 тысячи человек, тогда как за линию партии голосовало 724 тысячи. За 10 лет, которые прошли с XV съезда партии до февральско-мартовского Пленума ЦК, троцкизм был

полностью разгромлен, многие бывшие троцкисты отказались от своих прежних взглядов и работали на различных участках социалистического строительства. Ясно, что оснований для массового террора в стране в условиях победы социализма не было.

В докладе Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» была сделана попытка теоретически обосновать политику массовых репрессий под тем предлогом, что по мере нашего продвижения вперед к социализму классовая борьба должна якобы все более и более обостряться. При этом Сталин утверждал, что так учит история, так учит Ленин.

На самом же деле Ленин указывал, что применение революционного насилия вызывается необходимостью подавить сопротивление эксплуататорских классов, и эти указания Ленина относились к тому периоду, когда существовали и были сильны эксплуататорские классы. Как только политическая обстановка в стране улучшилась, как только в январе 1920 года был взят Красной Армией Ростов и была одержана главная победа над Деникиным, Ленин дал указание Дзержинскому об отмене массового террора и об отмене смертной казни. Ленин следующим образом обосновал это важное политическое мероприятие Советской власти в своем докладе на сессии ВЦИК 2 февраля 1920 года:

«Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали. Мы говорим, что применение насилия вызывается задачей подавить эксплуататоров, подавить помещиков и капиталистов; когда это будет разрешено, мы от всяких исключительных мер отказываемся. Мы доказали это на деле» (Соч., т. 30, стр. 303—304).

Сталин отступил от этих прямых и ясных программных указаний Ленина. После того как были уже ликвидированы все эксплуататорские классы в нашей стране и не было никаких сколько-нибудь серьезных оснований для массового применения исключительных мер, для массового террора, Сталин ориентировал партию, ориентировал органы НКВД на массовый террор.

Этот террор оказался фактически направленным не против остатков разбитых эксплуататорских классов, а против честных кадров партии и Советского государства, которым предъявлялись ложные, клеветнические, бессмысленные обвинения в «двурушничестве», «шпионаже», «вредительстве», подготовке каких-либо выдуманных «покушений» и т. п.

На февральско-мартовском Пленуме ЦК (1937 г.) в выступлениях ряда членов ЦК, по существу, высказывались сомнения в правильности намечавшегося курса на массовые репрессии под предлогом борьбы с «двурушниками».

Наиболее ярко эти сомнения были выражены в выступлении тов. Постышева [18]. Он говорил:

«Я рассуждал: прошли такие крутые годы борьбы, гнилые члены партии ломались или уходили к врагам, здоровые дрались за дело партии. Это — годы индустриализации, коллективизации. Я никак не предполагал, что, пройдя этот крутой период, Карпов [19] и ему подобные попадут в лагерь врага. (Карпов — это работник ЦК партии Украины, которого хорошо знал Постышев.) А вот по показаниям якобы Карпов с 1934 года был завербован троцкистами. Я лично думаю, что в 1934 году здоровому члену партии, который прошел длительный путь ожесточенной борьбы с врагами за дело партии, за социализм, попасть в стан врагов невероятно. Я этому не верю... Я себе не представляю, как можно пройти тяжелые годы с партией и потом в 1934 году пойти к троцкистам. Странно это...» *(Движение в зале.)*

Используя установку Сталина о том, что чем ближе к социализму, тем больше будет и врагов, используя резолюцию февральско-мартовского Пленума ЦК по докладу Ежова, провокаторы, пробравшиеся в органы государственной безопасности, а также бессовестные карьеристы стали прикрывать именем партии массовый террор против кадров партии и Советского государства, против рядовых советских граждан. Достаточно сказать, что количество арестованных по обвинению в контрреволюционных преступлениях увеличилось в 1937 году по сравнению с 1936 годом более чем в **десять** раз!

Известно, какой грубый произвол допускался также в отношении руководящих работников партии. Устав партии, принятый XVII съездом, исходил из ленинских указаний периода X съезда партии и говорил, что условием применения к членам ЦК, кандидатам в члены ЦК и членам Комиссии партийного контроля такой крайней меры, как исключение из партии, «должен быть созыв Пленума ЦК с приглашением всех кандидатов в члены ЦК и всех членов Комиссии партийного контроля», что только при условии, если такое общее собрание ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает это необходимым, могло состояться исключение из партии члена или кандидата ЦК.

Большинство членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом и подвергшихся арестам в 1937—1938 годах, были исключены из партии незаконно, с грубым нарушением Устава партии, поскольку вопрос об их исключении не ставился на обсуждение Пленума ЦК.

Теперь, когда расследованы дела в отношении некоторых из этих мнимых «шпионов» и «вредителей», установлено, что эти дела являются фальсифицированными. Признания многих арестован-

ных людей, обвиненных во вражеской деятельности, были получены путем жестоких, бесчеловечных истязаний.

В то же время Сталин, как сообщают члены Политбюро того времени, не рассылал им заявлений ряда оклеветанных политических деятелей, когда те отказывались от своих показаний на суде Военной коллегии и просили объективно расследовать их дело. А таких заявлений было немало, и Сталин, несомненно, был ознакомлен с ними.

Центральный Комитет считает необходимым доложить съезду о ряде фальсифицированных «дел» против членов Центрального Комитета партии, избранных на XVII партийном съезде.

Примером гнусной провокации, злостной фальсификации и преступных нарушений революционной законности является дело бывшего кандидата в члены Политбюро ЦК, одного из видных деятелей партии и Советского государства т. Эйхе [20], члена партии с 1905 года. *(Движение в зале.)*

Тов. Эйхе был арестован 29 апреля 1938 года по клеветническим материалам без санкции прокурора СССР, которая была получена лишь через 15 месяцев после ареста.

Следствие по делу Эйхе проводилось в обстановке грубейших извращений советской законности, произвола и фальсификации.

Эйхе под пытками понуждали подписывать заранее составленные следователями протоколы допросов, в которых возводились обвинения в антисоветской деятельности против него самого и ряда видных партийных и советских работников.

1 октября 1939 года Эйхе обратился с заявлением на имя Сталина, в котором категорически отрицал свою виновность и просил разобраться с его делом. В заявлении он писал:

«Нет более горькой муки, как сидеть в тюрьме при строе, за который всегда боролся».

Сохранилось второе заявление Эйхе, посланное им Сталину 27 октября 1939 года, в котором он убедительно, опираясь на факты, опровергает предъявленные ему клеветнические обвинения, показывает, что эти провокационные обвинения являются, с одной стороны, делом действительных троцкистов, санкцию на арест которых он, как первый секретарь Западно-Сибирского крайкома партии, давал и которые сговорились отомстить ему, а с другой стороны, результатом грязной фальсификации вымышленных материалов следователями.

Эйхе писал в своем заявлении:

«25 октября с. г. мне объявили об окончании следствия по моему делу и дали возможность ознакомиться со следственным материалом. Если бы я был виноват хотя бы в сотой доле хотя одного из предъявленных мне преступлений, я не посмел бы к Вам обратиться с этим предсмертным заявлением, но я не совершил ни одного из инкриминируемых мне преступлений, и никогда у меня не было ни тени подлости на душе. Я Вам никогда в жизни не говорил ни полслова неправды и теперь, находясь обеими ногами в могиле, я Вам тоже не вру. Все мое дело — это образец прово-

кации, клеветы и нарушения элементарных основ революционной законности...

...Имеющиеся в следственном моем деле обличающие меня показания не только нелепы, но содержат по ряду моментов клевету на ЦК ВКП(б) и СНК, так как принятые не по моей инициативе и без моего участия правильные решения ЦК ВКП(б) и СНК изображаются вредительскими актами контрреволюционной организации, проведенными по моему предложению...

Теперь я перехожу к самой позорной странице своей жизни и к моей действительно тяжкой вине перед партией и перед Вами. Это о моих признаниях в контрреволюционной деятельности... Дело обстояло так: не выдержав истязаний, которые применили ко мне Ушаков и Николаев [21], особенно первый, который ловко пользовался тем, что у меня после перелома еще плохо заросли позвонки и причинял мне невыносимую боль, заставили меня оклеветать себя и других людей.

Большинство моих показаний подсказаны или продиктованы Ушаковым, а в остальных я по памяти переписывал материалы НКВД по Западной Сибири, приписывая все эти приведенные в материалах НКВД факты себе. Если в творимой Ушаковым и мною подписанной легенде что-нибудь не клеилось, то меня заставляли подписывать другой вариант. Так было с Рухимовичем [22], которого сперва записали в запасной центр, а потом, даже не говоря мне ничего, вычеркнули; так же было с председателем запасного центра, созданного якобы Бухариным в 1935 году. Сперва я записал себя, но потом мне предложили записать Межлаука [23], и многие другие моменты...

...Я Вас прошу и умоляю поручить доследовать мое дело, и это не ради того, чтобы меня щадили, а ради того, чтобы разоблачить гнусную провокацию, которая, как змея, опутала многих людей, в частности и из-за моего малодушия и преступной клеветы. Вам и партии я никогда не изменял. Я знаю, что погибаю из-за гнусной, подлой работы врагов партии и народа, которые создали провокацию против меня» (дело Эйхе, т. 1, пакет).

Казалось бы, такое важное заявление должно было быть обязательно обсуждено в ЦК. Но этого не произошло, заявление было направлено Берия, и жестокая расправа над оклеветанным кандидатом в члены Политбюро тов. Эйхе продолжалась.

2 февраля 1940 года Эйхе был предан суду. В суде Эйхе виновным себя не признал и заявил следующее:

«Во всех якобы моих показаниях нет ни одной названной мною буквы, за исключением подписей внизу протоколов, которые подписаны вынужденно. Показания даны под давлением следователя, который с самого начала моего ареста начал меня избивать. После этого я и начал писать всякую чушь... Главное для меня — это сказать суду, партии и Сталину о том, что я не виновен. Никогда участником заговора не был. Я умру так же с верой в правильность политики партии, как верил в нее на протяжении всей своей работы» (дело Эйхе, том 1).

4 февраля Эйхе был расстрелян. (*Шум возмущения в зале.*) В настоящее время бесспорно установлено, что дело Эйхе было сфальсифицировано, и он посмертно реабилитирован.

Полностью отказался на суде от своих вынужденных показаний кандидат в члены Политбюро т. Рудзутак [24], член партии с 1905 года, пробывший 10 лет на царской каторге. В протоколе судебного заседания Военной коллегии Верховного суда записано следующее заявление Рудзутака:

«...Его единственная просьба к суду — это довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что в органах НКВД имеется еще не выкорчеванный гнойник, который искусственно создает дела, принуждая ни в чем не повинных людей признавать себя виновными. Что проверка обстоятельств обвинения отсутствует и не дается никакой возможности доказать свою непричастность к тем преступлениям, которые выдвинуты теми или иными показаниями разных лиц. Методы следствия таковы, что заставляют выдумывать и оговаривать ни в чем не повинных людей, не говоря уже о самом подследственном. Просит суд дать ему возможность все это написать для ЦК ВКП(б). Заверяет суд, что лично у него никогда не было никакой плохой мысли против политики нашей партии, так как он всегда полностью разделял всю ту политику партии, которая проводилась во всех областях хозяйственного и культурного строительства».

Это заявление Рудзутака было оставлено без внимания, хотя Рудзутак, как известно, являлся в свое время председателем Центральной Контрольной Комиссии, которая была создана по мысли Ленина для борьбы за единство партии. Председатель же этого высокоавторитетного партийного органа стал жертвой грубого произвола: его даже не вызвали в Политбюро ЦК, Сталин не пожелал с ним разговаривать. Он был осужден в течение 20 минут и расстрелян. (*Шум возмущения в зале.*)

Тщательной проверкой, произведенной в 1955 году, установлено, что дело по обвинению Рудзутака было сфальсифицировано и он был осужден на основании клеветнических материалов. Рудзутак посмертно реабилитирован.

Каким образом искусственно — провокационными методами — создавались бывшими работниками НКВД различные «антисоветские центры» и «блоки», видно из показаний т. Розенблюма, члена партии с 1906 года, подвергавшегося аресту Ленинградским управлением НКВД в 1937 году.

При проверке в 1955 году дела Комарова [25] Розенблюм сообщил следующий факт: когда он, Розенблюм, был арестован в 1937 году, то был подвергнут жестоким истязаниям, в процессе которых у него вымогали ложные показания как на него самого, так и на других лиц. Затем его привели в кабинет Заковского [26], который предложил ему освобождение при условии, если он даст в суде ложные показания по фабриковавшемуся в 1937 году НКВД «делу о Ленинградском вредительском, шпионском, диверсионном, террористическом центре». (*Движение в зале.*) С неверо-

ятным цинизмом раскрывал Заковский подлую «механику» искусственного создания липовых «антисоветских заговоров».

«Для наглядности,— заявил Розенблюм,— Заковский развернул передо мной несколько вариантов предполагаемых схем этого центра и его ответвлений...

Ознакомив меня с этими схемами, Заковский сказал, что НКВД готовит дело об этом центре, причем процесс будет открытый.

Будет предана суду головка центра, 4—5 человек: Чудов [27], Угаров [28], Смородин [29], Позерн [30], Шапошникова [31] (это жена Чудова) и др. и от каждого филиала по 2—3 чел. ...

...Дело о Ленинградском центре должно быть поставлено солидно. А здесь решающее значение имеют свидетели. Тут играет немаловажную роль и общественное положение (в прошлом, конечно), и партийный стаж свидетеля.

Самому тебе,— говорил Заковский,— ничего не придется выдумывать. НКВД составит для тебя готовый конспект по каждому филиалу в отдельности, твое дело его заучить, хорошо запомнить все вопросы и ответы, которые могут задавать на суде. Дело это будет готовиться 4—5 месяцев, а то и полгода. Все это время будешь готовиться, чтобы не подвести следствие и себя. От хода и исхода суда будет зависеть дальнейшая твоя участь. Сдрейфишь и начнешь фальшивить — пеняй на себя. Выдержишь — сохранишь кочан (голову), кормить и одевать будем до смерти на казенный счет» (материал проверки дела Комарова, л. д. 60—69).

Вот какие подлые дела творились в то время! (*Движение в зале.*)

Еще более широко практиковалась фальсификация следственных дел в областях. Управление НКВД по Свердловской области «вскрыло» так называемый «Уральский повстанческий штаб — орган блока правых, троцкистов, эсеров, церковников»,— руководимый якобы секретарем Свердловского обкома партии и членом ЦК ВКП(б) Кабаковым [32], членом партии с 1914 года. По материалам следственных дел того времени получается, что почти во всех краях, областях и республиках существовали якобы широко разветвленные «правотроцкистские шпионско-террористические, диверсионно-вредительские организации и центры» и, как правило, эти «организации» и «центры» почему-то возглавлялись первыми секретарями обкомов, крайкомов или ЦК нацкомпартий. (*Движение в зале.*)

[В результате этой чудовищной фальсификации подобных «дел», в результате того, что верили различным клеветническим «показаниям» и вынужденным оговорам себя и других, погибли многие тысячи честных, ни в чем не повинных] коммунистов. Таким же образом были сфабрикованы «дела» на видных партийных и государственных деятелей — Косиора [33], Чубаря [34], Постышева, Косарева [35] и других.

В те годы необоснованные репрессии проводились в массовых

масштабах, в результате чего партия понесла большие потери в кадрах.

Сложилась порочная практика, когда в НКВД составлялись списки лиц, дела которых подлежали рассмотрению на Военной Коллегии, и им заранее определялась мера наказания. Эти списки направлялись Ежовым лично Сталину для санкционирования предлагаемых мер наказания. В 1937—1938 годах Сталину было направлено 383 таких списка на многие тысячи партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников и была получена его санкция.

Значительная часть этих дел сейчас пересматривается, и большое количество их прекращается как необоснованные и фальсифицированные. Достаточно сказать, что с 1954 года по настоящее время Военной Коллегией Верховного суда уже реабилитировано 7679 человек, причем многие из них реабилитированы посмертно.

Массовые аресты партийных, советских, хозяйственных, военных работников нанесли огромный ущерб нашей стране, делу социалистического строительства.

Массовые репрессии отрицательно влияли на морально-политическое состояние партии, порождали неуверенность, способствовали распространению болезненной подозрительности, сеяли взаимное недоверие среди коммунистов. Активизировались всевозможные клеветники и карьеристы.

Известное оздоровление в партийные организации внесли решения январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 года [36]. Но широкие репрессии продолжались и в 1938 году.

И только потому, что наша партия обладает великой морально-политической силой, она сумела справиться с тяжелыми событиями 1937—1938 годов, пережить эти события, вырастить новые кадры. Но нет сомнения, что наше продвижение вперед к социализму и подготовка к обороне страны осуществлялись бы более успешно, если бы не огромные потери в кадрах, которые мы понесли в результате массовых, необоснованных и несправедливых репрессий в 1937—1938 годах.

Мы обвиняем Ежова в извращениях 1937 года, и правильно обвиняем. Но надо ответить на такие вопросы: разве мог Ежов сам, без ведома Сталина, арестовать, например, Косиора? Был ли обмен мнениями или решение Политбюро по этому вопросу? Нет, не было, как не было этого и в отношении других подобных дел. Разве мог Ежов решать такие важные вопросы, как вопрос о судьбе видных деятелей партии? Нет, было бы наивным считать это делом рук только Ежова. Ясно, что такие дела решал Сталин, без его указаний, без его санкции Ежов ничего не мог делать.

Мы сейчас разобрались и реабилитировали Косиора, Рудзутака, Постышева, Косарева и других. На каком же основании они были арестованы и осуждены? Изучение материалов показало, что никаких оснований к этому не было. Арестовывали их, как

и многих других, без санкции прокурора. Да в тех условиях никакой санкции и не требовалось; какая еще может быть санкция, когда все разрешал Сталин. Он был главным прокурором в этих вопросах. Сталин давал не только разрешения, но и указания об арестах по своей инициативе. Об этом следует сказать, чтобы была полная ясность для делегатов съезда, чтобы вы могли дать правильную оценку и сделать соответствующие выводы.

Факты показывают, что многие злоупотребления были сделаны по указанию Сталина, не считаясь с какими-либо нормами партийной и советской законности. Сталин был человек очень мнительный, с болезненной подозрительностью, в чем мы убедились, работая вместе с ним. Он мог посмотреть на человека и сказать: «Что-то у вас сегодня глаза бегают» или: «Почему вы сегодня часто отворачиваетесь, не смотрите прямо в глаза». Болезненная подозрительность привела его к огульному недоверию, в том числе и по отношению к выдающимся деятелям партии, которых он знал много лет. Везде и всюду он видел «врагов», «двурушников», «шпионов».

Имея неограниченную власть, он допускал жестокий произвол, подавлял человека морально и физически. Создалась такая обстановка, при которой человек не мог проявить свою волю.

Когда Сталин говорил, что такого-то надо арестовать, то следовало принимать на веру, что это «враг народа». А банда Берия, хозяйничавшая в органах госбезопасности, из кожи лезла вон, чтобы доказать виновность арестованных лиц, правильность сфабрикованных ими материалов. А какие доказательства пускались в ход? Признания арестованных. И следователи добывали эти «признания». Но как можно получить от человека признание в преступлениях, которых он никогда не совершал? Только одним способом — применением физических методов воздействия, путем истязаний, лишения сознания, лишения рассудка, лишения человеческого достоинства. Так добывались мнимые «признания».

Когда волна массовых репрессий в 1939 году начала ослабевать, когда руководители местных партийных организаций начали ставить в вину работникам НКВД применение физического воздействия к арестованным, Сталин направил 10 января 1939 года шифрованную телеграмму секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам Управлений НКВД. В этой телеграмме говорилось:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия

должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Таким образом, самые грубые нарушения социалистической законности, пытки и истязания, приводившие, как это было показано выше, к оговорам и самооговорам невинных людей, были санкционированы Сталиным от имени ЦК ВКП(б).

Недавно, всего за несколько дней до настоящего съезда, мы вызвали на заседание Президиума ЦК и допросили следователя Родоса [37], который в свое время вел следствие и допрашивал Косиора, Чубаря и Косарева. Это — никчемный человек, с куриным кругозором, в моральном отношении буквально выродок. И вот такой человек определял судьбу известных деятелей партии, определял и политику в этих вопросах, потому что, доказывая их «преступность», он тем самым давал материал для крупных политических выводов.

Спрашивается, разве мог такой человек сам, своим разумом повести следствие так, чтобы доказать виновность таких людей, как Косиор и другие. Нет, он не мог много сделать без соответствующих указаний. На заседании Президиума ЦК он нам так заявил: «Мне сказали, что Косиор и Чубарь являются врагами народа, поэтому я, как следователь, должен был вытащить из них признание, что они враги». *(Шум возмущения в зале.)*

Этого он мог добиться только путем длительных истязаний, что он и делал, получая подробный инструктаж от Берия. Следует сказать, что на заседании Президиума ЦК Родос цинично заявил: «Я считал, что выполняю поручение партии». Вот как выполнялось на практике указание Сталина о применении к заключенным методов физического воздействия.

Эти и многие подобные факты свидетельствуют о том, что всякие нормы правильного партийного решения вопросов были ликвидированы, все было подчинено произволу одного лица.

* * *

Единовластие Сталина привело к особо тяжким последствиям в ходе Великой Отечественной войны.

Если взять многие наши романы, кинофильмы и исторические «исследования», то в них совершенно неправдоподобно изображается вопрос о роли Сталина в Отечественной войне. Обычно рисуется такая схема. Сталин все и вся предвидел. Советская Армия чуть ли не по заранее начертанным Сталиным стратегическим планам проводила тактику так называемой «активной обороны», то есть ту тактику, которая, как известно, допустила немцев до Москвы и Сталинграда. Применив такую тактику, Советская Армия только-де благодаря гению Сталина перешла в наступление и разгромила врага. Всемирно-историческая победа, одержанная ~~Вооруженными Силами Советской~~ стран[illegible] нашим героическим народом, приписывается в ~~такого рода~~ романах, кино-

фильмах и ~~«исследованиях»~~ всецело ~~полководческому гению~~ Сталина.

Надо внимательно разобраться в этом вопросе, так как это имеет огромное не только историческое, но прежде всего политическое, воспитательное, практическое значение.

Каковы факты в этом вопросе?

До войны в нашей печати и во всей воспитательной работе преобладал хвастливый тон: если враг нападет на священную Советскую землю, то мы ответим на удар врага тройным ударом, войну будем вести на территории противника и выиграем ее малой кровью. Однако эти декларативные заявления далеко не во всем подкреплялись практическими делами, чтобы обеспечить действительную неприступность наших границ.

В ходе войны и после нее Сталин выдвинул такой тезис, что трагедия, которую пережил наш народ в начальный период войны, является якобы результатом «внезапности» нападения немцев на Советский Союз. Но ведь это, товарищи, совершенно не соответствует действительности. Как только Гитлер пришел к власти в Германии, он сразу же поставил перед собой задачу разгромить коммунизм. Об этом фашисты говорили прямо, не скрывая своих планов. Для осуществления этих агрессивных планов заключались всевозможные пакты, блоки, оси, вроде пресловутой оси Берлин — Рим — Токио [38]. Многочисленные факты предвоенного периода красноречиво доказывали, что Гитлер направляет все свои усилия для того, чтобы развязать войну против Советского государства, и сконцентрировал большие войсковые соединения, в том числе танковые, поблизости от советских границ.

Из опубликованных теперь документов видно, что еще 3 апреля 1941 года Черчилль через английского посла в СССР Криппса сделал личное предупреждение Сталину о том, что германские войска начали совершать передислокацию, подготавливая нападение на Советский Союз. Само собой разумеется, что Черчилль делал это отнюдь не из-за добрых чувств к советскому народу. Он преследовал здесь свои империалистические интересы — стравить Германию и СССР в кровопролитной войне и укрепить позиции Британской империи. Тем не менее Черчилль указывал в своем послании, что он просит «предостеречь Сталина с тем, чтобы обратить его внимание на угрожающую ему опасность». Черчилль настойчиво подчеркивал это и в телеграммах от 18 апреля и в последующие дни. Однако эти предостережения Сталиным не принимались во внимание. Больше того, от Сталина шли указания не доверять информации подобного рода с тем, чтобы-де не спровоцировать начало военных действий.

Следует сказать, что такого рода информация о нависающей угрозе вторжения немецких войск на территорию Советского Союза шла и от наших армейских и дипломатических источников, но в силу сложившегося предвзятого отношения к такого рода информации в руководстве она каждый раз направлялась с опаской и обставлялась оговорками.

Так, например, в донесении из Берлина от 6 мая 1941 года военно-морской атташе в Берлине капитан 1-го ранга Воронцов доносил: «Советский подданный Бозер... сообщил помощнику нашего морского атташе, что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Латвию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах...»

В своем донесении от 22 мая 1941 года помощник военного атташе в Берлине Хлопов докладывал, что «наступление немецких войск назначено якобы на 15.VI, а возможно, начнется и в первых числах июня...».

В телеграмме нашего посольства из Лондона от 18 июня 1941 года докладывалось: «Что касается текущего момента, то Криппс твердо убежден в неизбежности военного столкновения Германии и СССР,— и притом не позже середины июня. По словам Криппса, на сегодня немцы сконцентрировали на советских границах (включая воздушные силы и вспомогательные силы частей) 147 дивизий...»

Несмотря на все эти чрезвычайно важные сигналы, не были приняты достаточные меры, чтобы хорошо подготовить страну к обороне и исключить момент внезапности нападения.

Были ли у нас время и возможности для такой подготовки? Да, и время, и возможности были. Наша промышленность находилась на таком уровне развития, что она была в состоянии полностью обеспечить Советскую Армию всем необходимым. Это подтверждается хотя бы тем, что, когда в ходе войны была потеряна почти половина всей нашей промышленности в результате занятия врагом Украины, Северного Кавказа, западных районов страны, важных промышленных и хлебных районов, советский народ сумел организовать производство военных материалов в восточных районах страны, пустить там в ход вывезенное из западных промышленных районов оборудование и обеспечить наши Вооруженные Силы всем необходимым для разгрома врага.

Если бы наша промышленность была вовремя и по-настоящему мобилизована для обеспечения армии вооружением и необходимым снаряжением, то мы понесли бы неизмеримо меньше жертв в этой тяжелой войне. Однако такой мобилизации своевременно проведено не было. И с первых же дней войны обнаружилось, что наша армия вооружена плохо, что мы не имели достаточного количества артиллерии, танков и самолетов для отпора врагу.

Советская наука и техника дали перед войной великолепные образцы танков и артиллерии. Но массовое производство всего этого не было налажено, и мы начали перевооружение армии, по существу, в самый канун войны. В результате этого в момент нападения врага на Советскую землю у нас не оказалось в нужных количествах ни старой техники, которую мы снимали с вооружения, ни новой техники, которую собирались вводить. Очень плохо

было с зенитной артиллерией, не налажено было производство бронебойных снарядов для борьбы с танками. Многие укрепленные районы оказались к моменту нападения беспомощными, так как старое вооружение с них было снято, а новое еще не введено.

Да дело, к сожалению, не только в танках, артиллерии и самолетах. К моменту войны мы не имели даже достаточного количества винтовок для вооружения людей, призываемых в действующую армию. Помню, как в те дни я позвонил из Киева т. Маленкову [39] и сказал ему:

— Народ пришел в армию и требует оружие. Пришлите нам оружие.

На это мне Маленков ответил:

— Оружие прислать не можем. Все винтовки передаем в Ленинград, а вы вооружайтесь сами. *(Движение в зале.)*

Так обстояло дело с вооружением.

Нельзя не вспомнить в этой связи и такой, например, факт. Незадолго до нападения гитлеровских армий на Советский Союз Кирпонос, будучи командующим Киевского Особого военного округа (он впоследствии погиб на фронте), написал Сталину, что немецкие армии подошли к Бугу, усиленно подготовляют все к наступлению и в ближайшее время, видимо, перейдут в наступление. Учитывая все это, Кирпонос предлагал создать надежную оборону, вывести тысяч 300 населения из пограничных районов и создать там несколько мощных укрепленных полос: вырыть противотанковые рвы, создать укрытия для бойцов и так далее.

На эти предложения из Москвы был дан такой ответ, что это провокация, что никаких подготовительных работ на границе делать не следует, что не нужно давать немцам повода открыть против нас военные действия. И наши границы не были по-настоящему подготовлены для отпора врагу.

Когда фашистские войска уже вторглись на советскую землю и начали военные действия, из Москвы последовал приказ — на выстрелы не отвечать. Почему? Да потому, что Сталин вопреки очевидным фактам считал, что это еще не война, а провокация отдельных недисциплинированных частей немецкой армии и что если мы ответим немцам, то это послужит поводом для начала войны.

Известен и такой факт. Накануне самого вторжения гитлеровских армий на территорию Советского Союза нашу границу перебежал немец и сообщил, что немецкие войска получили приказ — 22 июня, в 3 часа ночи, начать наступление против Советского Союза. Об этом немедленно было сообщено Сталину, но и этот сигнал остался без внимания.

Как видите, игнорировалось все: и предупреждения отдельных военачальников, и показания перебежчиков, и даже явные действия врага. Какая же это прозорливость руководителя партии и страны в такой ответственный момент истории?

А к чему привела такая беспечность, такое игнорирование очевидных фактов? Это привело к тому, что в первые же часы и дни

противник истребил в наших пограничных районах огромное количество авиации, артиллерии, другой военной техники, уничтожил большое количество наших военных кадров, дезорганизовал управление войсками, и мы оказались не в состоянии преградить ему путь в глубь страны.

Весьма тяжкие последствия, особенно для начального периода войны, имело также то обстоятельство, что на протяжении 1937—1941 годов в результате подозрительности Сталина по клеветническим обвинениям истреблены были многочисленные кадры армейских командиров и политработников. На протяжении этих лет репрессировано было несколько слоев командных кадров, начиная буквально от роты и батальона и до высших армейских центров, в том числе почти полностью были уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке.

Политика широких репрессий против армейских кадров имела еще и те тяжкие последствия, что она подрывала основу воинской дисциплины, так как на протяжении нескольких лет командиров всех степеней и даже солдат в партийных и комсомольских ячейках приучали к тому, чтобы «разоблачать» своих старших командиров, как замаскировавшихся врагов. *(Движение в зале.)* Естественно, что это отрицательно сказалось в первый период войны на состоянии воинской дисциплины.

А ведь до войны у нас были превосходные военные кадры, беспредельно преданные партии и Родине. Достаточно сказать, что те из них, кто сохранился, я имею в виду таких товарищей, как Рокоссовский [40] (а он сидел), Горбатов [41], Мерецков [42] (он присутствует на съезде), Подлас [43] (а это замечательный командир, он погиб на фронте) и многие, многие другие, несмотря на тяжелые муки, которые они перенесли в тюрьмах, с первых же дней войны показали себя настоящими патриотами и беззаветно дрались во славу Родины. Но ведь многие из таких командиров погибли в лагерях и тюрьмах, и армия их не увидала.

Все это, вместе взятое, и привело к тому положению, которое создалось в начале войны для нашей страны и которое угрожало величайшей опасностью для судеб нашей Родины.

Было бы неправильным не сказать о том, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из бесед в эти дни он заявил:

— То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал к делам и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать такие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте.

Таким образом, грозная опасность, которая нависла над нашей Родиной в первый период войны, явилась во многом результатом порочных методов руководства страной и партией со стороны самого Сталина.

Но дело не только в самом моменте начала войны, который серьезно дезорганизовал нашу армию и причинил нам тяжкий урон. Уже после начала войны та нервозность и истеричность, которую проявлял Сталин при своем вмешательстве в ход военных операций, наносили нашей армии серьезный ущерб.

Сталин был очень далек от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах. И это естественно, так как за всю Отечественную войну он не был ни на одном участке фронта, ни в одном из освобожденных городов, если не считать молниеносного выезда на Можайское шоссе при стабильном состоянии фронта, о чем написано столько литературных произведений со всякого рода вымыслами и столько красочных полотен. Вместе с тем Сталин непосредственно вмешивался в ход операций и отдавал приказы, которые нередко не учитывали реальной обстановки на данном участке фронта и которые не могли не вести к колоссальным потерям человеческих жизней.

Я позволю себе привести в этой связи один характерный факт, показывающий, как Сталин руководил фронтами. Здесь на съезде присутствует маршал Баграмян [44], который в свое время был начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта и который может подтвердить то, что я расскажу вам сейчас.

Когда в 1942 году в районе Харькова для наших войск сложились исключительно тяжелые условия, нами было принято правильное решение о прекращении операции по окружению Харькова, так как в реальной обстановке того времени дальнейшее выполнение операции такого рода грозило для наших войск роковыми последствиями.

Мы доложили об этом Сталину, заявив, что обстановка требует изменить план действий, чтобы не дать врагу уничтожить крупные группировки наших войск.

Вопреки здравому смыслу Сталин отклонил наше предложение и приказал продолжать выполнять операцию по окружению Харькова, хотя к этому времени над нашими многочисленными военными группировками уже нависла вполне реальная угроза окружения и уничтожения.

Я звоню Василевскому [45] и умоляю его:

— Возьмите,— говорю,— карту, Александр Михайлович (т. Василевский здесь присутствует), покажите товарищу Сталину, какая сложилась обстановка. А надо сказать, что Сталин операции планировал по глобусу. *(Оживление в зале.)* Да, товарищи, возьмет глобус и показывает на нем линию фронта. Так вот я и говорю т. Василевскому, покажите на карте обстановку, ведь нельзя при этих условиях продолжать намеченную ранее операцию. Для пользы дела надо изменить старое решение.

Василевский мне на это ответил, что Сталин рассмотрел уже этот вопрос и что он, Василевский, больше не пойдет Сталину докладывать, так как тот не хочет слушать никаких его доводов по этой операции.

После разговора с Василевским я позвонил Сталину на дачу. Но Сталин не подошел к телефону, а взял трубку Маленков. Я говорю т. Маленкову, что звоню с фронта и хочу лично переговорить с т. Сталиным. Сталин передает через Маленкова, чтобы я говорил с Маленковым. Я вторично заявляю, что хочу лично доложить Сталину о тяжелом положении, создавшемся у нас на фронте. Но Сталин не счел нужным взять трубку, а еще раз подтвердил, чтобы я говорил с ним через Маленкова, хотя до телефона пройти несколько шагов.

«Выслушав» таким образом нашу просьбу, Сталин сказал:

— Оставить все по-прежнему!

Что же из этого получилось? А получилось самое худшее из того, что мы предполагали. Немцам удалось окружить наши воинские группировки, в результате чего мы потеряли сотни тысяч наших войск. Вот вам военный «гений» Сталина, вот чего он нам стоил. *(Движение в зале.)*

Однажды после войны при встрече Сталина с членами Политбюро Анастас Иванович Микоян[46] как-то сказал, что вот, мол, Хрущев тогда был прав, когда звонил по поводу Харьковской операции, что напрасно его тогда не поддержали.

Надо было видеть, как рассердился Сталин! Как это так признать, что он, Сталин, был тогда не прав! Ведь он «гений», а гений не может быть неправым. Все, кто угодно, могут ошибаться, а Сталин считал, что он никогда не ошибается, что он всегда прав. И он никому и никогда не признавался ни в одной большой или малой своей ошибке, хотя он совершал немало ошибок и в теоретических вопросах, и в своей практической деятельности. После съезда партии нам, видимо, необходимо будет пересмотреть оценку многих военных операций и дать им правильное объяснение.

Большой крови стоила нам и та тактика, на которой настаивал Сталин, не зная природы ведения боевых операций, после того как удалось остановить противника и перейти в наступление.

Военные знают, что уже с конца 1941 года вместо ведения крупных маневренных операций с обходами противника с флангов, с заходами в его тылы Сталин требовал непрерывных лобовых атак, с тем чтобы брать село за селом. И мы несли на этом огромные потери до тех пор, пока нашему генералитету, который выносил на своих плечах всю тяжесть ведения войны, не удалось изменить положение дел и перейти к ведению гибких маневренных операций, что сразу дало серьезное изменение положения на фронтах в нашу пользу.

Тем более позорным и недостойным явился факт [когда после нашей великой победы над врагом, давшейся нам очень тяжелой ценой, Сталин начал громить многих из тех полководцев, которые внесли свой немалый вклад в дело победы над врагом, так как Сталин исключал всякую возможность, чтобы заслуги, одержанные на фронтах, были приписаны кому бы то ни было, кроме него самого.]

Сталин проявлял большой интерес к оценке т. Жукова[47],

как военного полководца. Он не раз спрашивал мое мнение о Жукове, и я ему говорил:

— Жукова знаю давно, он хороший генерал, хороший командующий.

После войны Сталин стал рассказывать о Жукове всякие небылицы, в частности он говорил мне:

— Вот вы хвалили Жукова, а ведь он этого не заслуживает. Говорят, что Жуков на фронте перед какой-либо операцией поступал так: возьмет горсть земли, понюхает ее и потом говорит: можно, мол, начинать наступление или, наоборот, нельзя, дескать, проводить намеченной операции.

Я на это ответил тогда:

— Не знаю, т. Сталин, кто это выдумал, но это неправда.

Видимо, сам Сталин выдумывал такие вещи, чтобы принизить роль и военные способности маршала Жукова.

В этой связи сам Сталин очень усиленно популяризировал себя как великого полководца, всеми способами внедрял в сознание людей ту версию, что все победы, одержанные советским народом в Великой Отечественной войне, являются результатом мужества, доблести, гения Сталина и никого больше. Как Кузьма Крючков — сразу на пику 7 человек поднимал. *(Оживление в зале.)*

В самом деле, возьмите наши исторические и военные кинокартины или некоторые произведения литературы, которые читать тошно. Ведь все они предназначены для пропаганды именно этой версии для прославления Сталина, как гениального полководца. Вспомним хотя бы картину «Падение Берлина». Там действует один Сталин: он дает указания в зале с пустыми стульями, и только один человек приходит к нему и что-то доносит — это Поскребышев [48], неизменный его оруженосец. *(Смех в зале.)*

А где же военное руководство? Где же Политбюро? Где правительство? Что они делают и чем занимаются? Этого в картине нет. [Сталин один действует за всех, не считаясь и не советуясь ни с кем. В таком извращенном виде все это показано народу. Для чего? Для того, чтобы возвеличить Сталина, и все это — вопреки фактам, вопреки исторической правде.]

Спрашивается, а где же наши военные, которые на своих плечах вынесли всю тяжесть войны? Их в фильме нет, для них после Сталина не осталось никакого места.

[Не Сталин, а ~~партия в целом, Советское правительство~~, наша героическая армия, ~~ее талантливые полководцы и доблестные воины,~~ весь советский народ — вот кто обеспечил победу в Великой Отечественной войне.] *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Члены ЦК партии, министры, наши хозяйственники, деятели советской культуры, руководители местных партийных и советских организаций, инженеры и техники — каждый находился на своем посту и самоотверженно отдавал свои силы и знания для обеспечения победы над врагом.

Исключительный героизм проявил наш тыл — славный рабочий класс, наше колхозное крестьянство, советская интеллигенция, которые под руководством партийных организаций, преодолевая неимоверные трудности и лишения военного времени, отдавали все свои силы делу защиты Родины.

Величайший подвиг совершили в войне наши советские женщины, которые вынесли на своих плечах огромную тяжесть производственной работы на фабриках и в колхозах, на различных участках хозяйства и культуры, многие женщины принимали непосредственное участие на фронтах Великой Отечественной войны, наша мужественная молодежь, которая на всех участках фронта и тыла внесла свой неоценимый вклад в дело защиты Советской Отчизны, в дело разгрома врага.

Бессмертны заслуги советских воинов, наших военных командиров и политработников всех степеней, которые в первые же месяцы войны, лишившись значительной части армии, не растерялись, а сумели перестроиться на ходу, создать и закалить в ходе войны могучую и героическую армию и не только отразить натиск сильного и коварного врага, но и разгромить его.

Величайший подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, спасшего сотни миллионов людей Востока и Запада от нависшей над ними угрозы фашистского порабощения, будет жить в памяти благодарного человечества века и тысячелетия. *(Бурные аплодисменты.)*

Главная роль и главная заслуга в победоносном завершении войны принадлежит нашей Коммунистической партии, Вооруженным Силам Советского Союза, миллионам и миллионам советских людей, воспитанных партией. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

* * *

Товарищи! Обратимся к некоторым другим фактам. Советский Союз по праву считается образцом многонационального государства, ибо у нас на деле обеспечены равноправие и дружба всех народов, населяющих нашу великую Родину.

Тем более вопиющими являются действия, инициатором которых был Сталин и которые представляют собой грубое попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства. Речь идет о массовом выселении со своих родных мест целых народов, в том числе всех коммунистов и комсомольцев без каких бы то ни было исключений. Причем такого рода выселение никак не диктовалось военными соображениями.

Так, уже в конце 1943 года, когда на фронтах Великой Отечественной войны определился прочный перелом в ходе войны в пользу Советского Союза, принято было и осуществлено решение о выселении с занимаемой территории всех карачаевцев. В этот же период, в конце декабря 1943 года, точно такая же участь постигла все население Калмыцкой автономной республики.

В марте 1944 года выселены были со своих родных мест все чеченцы и ингуши, а Чечено-Ингушская автономная республика ликвидирована. В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской автономной республики выселены были в отдаленные места все балкарцы, а сама республика переименована в Кабардинскую автономную республику. Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда было выслать. А то он бы и их выселил. *(Смех, оживление в зале.)*

В сознании не только марксиста-ленинца, но и всякого здравомыслящего человека не укладывается такое положение — как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям.

После окончания Отечественной войны советский народ с гордостью отмечал славные победы, достигнутые ценой больших жертв и неимоверных усилий. Страна переживала политический подъем. Партия вышла из войны еще более сплоченной, в огне войны закалились кадры партии. В этих условиях ни у кого даже мысль не могла возникнуть о возможности какого-либо заговора в партии.

И вот в этот период вдруг возникает так называемое «ленинградское дело» [49]. Как теперь уже доказано, это дело было сфальсифицировано. Невинно погибли тт. Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков и другие.

Известно, что Вознесенский и Кузнецов были видные и способные работники. В свое время они были близки к Сталину. Достаточно сказать, что Сталин выдвинул Вознесенского первым заместителем Председателя Совета Министров, а Кузнецов был избран секретарем Центрального Комитета. Уже одно то, что Сталин поручил Кузнецову наблюдение за органами госбезопасности, говорит о том, каким доверием он пользовался.

Как же случилось, что эти люди были объявлены врагами народа и уничтожены?

Факты показывают, что и «ленинградское дело» — это результат произвола, который допускал Сталин по отношению к кадрам партии.

Если бы в Центральном Комитете партии, в Политбюро ЦК существовала нормальная обстановка, при которой подобные вопросы обсуждались бы, как это положено в партии, и взвешивались бы все факты, то этого дела не возникло бы, как не возникли бы и другие подобные дела.

Надо сказать, что в послевоенный период положение еще больше усложнилось. Сталин стал более капризным, раздражительным, грубым, особенно развилась его подозрительность. До невероятных размеров увеличилась мания преследования. Многие работники становились в его глазах врагами. После войны Сталин еще больше отгородился от коллектива, действовал исключительно единолично, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Невероятной подозрительностью Сталина ловко пользовался гнусный провокатор, подлый враг Берия, который истребил тысячи коммунистов, честных советских людей. Выдвижение Вознесенского и Кузнецова пугало Берия. Как теперь установлено, именно Берия «подбрасывал» Сталину состряпанные им и его подручными материалы в виде заявлений, анонимных писем, в виде разных слухов и разговоров.

Центральный Комитет партии проверил так называемое «ленинградское дело», невинно пострадавшие люди теперь реабилитированы, восстановлена честь славной Ленинградской партийной организации. Фальсификаторы этого дела — Абакумов [50] и другие — были преданы суду, их судили в Ленинграде, и они получили по заслугам.

Возникает вопрос: почему же мы теперь смогли разобраться в этом деле, а не сделали этого раньше, при жизни Сталина, чтобы не допустить гибели невинных людей? Потому, что Сталин сам давал направление «ленинградскому делу» и большинство членов Политбюро того периода не знало всех обстоятельств дела и, конечно, не могло вмешаться.

Как только Сталин получил от Берия и Абакумова некоторые материалы, он, не разобравшись по существу в этих фальшивках, дал указание расследовать «дело» Вознесенского и Кузнецова. И этим уже была предрешена их судьба.

Поучительным в этом отношении является также дело о якобы существовавшей в Грузии мингрельской националистической организации. По этому вопросу, как известно, были приняты в ноябре 1951 года и в марте 1952 года решения ЦК КПСС [51]. Эти решения принимались без обсуждения в Политбюро, Сталин сам диктовал эти решения. В них возводились тяжкие обвинения против многих честных коммунистов. На основании подложных материалов утверждалось, что в Грузии якобы существует националистическая организация, которая ставит своей целью ликвидацию Советской власти в этой республике с помощью империалистических государств.

В связи с этим был арестован ряд ответственных партийных и советских работников Грузии. Как потом установлено, это была клевета на Грузинскую партийную организацию.

Мы знаем, что в Грузии, как и в некоторых других республиках, в свое время были проявления местного буржуазного национализма. Возникает вопрос, может быть, действительно в период, когда принимались упомянутые выше решения, националистические тенденции разрослись до таких размеров, что была угроза выхода Грузии из состава Советского Союза и перехода ее в состав турецкого государства? *(Оживление в зале, смех.)*

Это, конечно, чепуха. Трудно даже себе представить, как могли прийти в голову подобные предположения. Всем известно, как поднялась Грузия в своем экономическом и культурном развитии за годы Советской власти.

Промышленная продукция Грузинской республики в 27 раз

превышает производство дореволюционной Грузии. В республике заново созданы многие отрасли промышленности, которых не было там до революции: черная металлургия, нефтяная промышленность, машиностроение и другие. Уже давно ликвидирована неграмотность населения, тогда как в дореволюционной Грузии неграмотных насчитывалось 78 процентов.

Сравнивая положение в своей республике с тяжелым положением трудящихся в Турции, могли ли грузины стремиться присоединиться к Турции? В Турции в 1955 году выплавлено стали на душу населения в 18 раз меньше, чем в Грузии. В Грузии производится электроэнергии на душу населения в 9 раз больше, чем в Турции. По данным переписи 1950 года 65 процентов населения Турции было неграмотным, а среди женщин — около 80 процентов. В Грузии имеется 19 высших учебных заведений, в которых обучается около 39 тысяч студентов, что в 8 раз больше, чем в Турции (на тысячу человек населения). В Грузии за годы Советской власти неизмеримо поднялось материальное благосостояние трудящихся.

Ясно, что в Грузии по мере развития экономики и культуры, роста социалистической сознательности трудящихся все больше исчезает почва, которой питается буржуазный национализм.

И как оказалось на самом деле, никакой националистической организации в Грузии не было. Тысячи ни в чем не повинных советских людей стали жертвами произвола и беззакония. И все это делалось под «гениальным» руководством Сталина — «великого сына грузинского народа», как любили называть грузины своего земляка. *(Движение в зале.)*

Произвол Сталина давал себя знать не только при решении вопросов внутренней жизни страны, но и в области международных отношений Советского Союза.

На июльском Пленуме ЦК [52] подробно обсуждались причины возникновения конфликта с Югославией. При этом отмечалась весьма неблаговидная роль Сталина. Ведь в «югославском деле» не было таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить путем товарищеского партийного обсуждения. Для возникновения этого «дела» не было серьезных оснований, вполне возможно было не допустить разрыва с этой страной. Это не значит, однако, что у югославских руководителей не было ошибок или недостатков. Но эти ошибки и недостатки были чудовищно преувеличены Сталиным, что привело к разрыву отношений с дружественной нам страной.

Мне вспоминаются первые дни, когда искусственно стал раздуваться конфликт между Советским Союзом и Югославией.

Однажды, когда я приехал из Киева в Москву, меня пригласил к себе Сталин и, указывая на копию письма, незадолго перед тем направленного к Тито [53], спросил:

— Читал?

И, не дожидаясь ответа, сказал:

— Вот шевельну мизинцем — и не будет Тито. Он слетит...

Дорого нам обошлось это «шевеление мизинцем». Такое заявление отражало манию величия Сталина, ведь он так и действовал: шевельну мизинцем — и нет Косиора, шевельну еще раз мизинцем — и нет уже Постышева, Чубаря, шевельну опять мизинцем — и исчезают Вознесенский, Кузнецов и многие другие.

Но с Тито так не получилось. Сколько ни шевелил Сталин не только мизинцем, но и всем, чем мог, Тито не слетел. Почему? Да потому, что в споре с югославскими товарищами за Тито стояло государство, стоял народ, прошедший суровую школу борьбы за свою свободу и независимость, народ, который оказывал поддержку своим руководителям.

Вот к чему приводила мания величия Сталина. Он полностью утрачивал чувство реальности, проявлял подозрительность, высокомерие в отношении не только отдельных лиц внутри страны, но и в отношении целых партий и стран.

Теперь мы внимательно разобрались в вопросе с Югославией и нашли правильное решение, которое одобряется народами и Советского Союза, и Югославии, как и всеми трудящимися стран народной демократии, всем прогрессивным человечеством. Ликвидация ненормальных отношений с Югославией осуществлена в интересах всего лагеря социализма, в интересах укрепления мира во всем мире.

Следует также напомнить о «деле врачей-вредителей»[54]. *(Движение в зале.)* Собственно, никакого «дела» не было, кроме заявления врача Тимашук, которая, может быть, под влиянием кого-нибудь или по указанию (ведь она была негласным сотрудником органов госбезопасности) написала Сталину письмо, в котором заявляла, что врачи якобы применяют неправильные методы лечения.

Достаточно было такого письма к Сталину, как он сразу сделал выводы, что в Советском Союзе имеются врачи-вредители, и дал указание — арестовать группу крупных специалистов советской медицины. Он сам давал указания, как вести следствие, как допрашивать арестованных. Он сказал: на академика Виноградова надеть кандалы, такого-то бить. Здесь присутствует делегат съезда, бывший министр госбезопасности т. Игнатьев[55]. Сталин ему прямо заявил:

— Если не добьетесь признания врачей, то с вас будет снята голова. *(Шум возмущения в зале.)*

Сталин сам вызывал следователя, инструктировал его, указывал методы следствия, а методы были единственные — бить, бить и бить.

Через некоторое время после ареста врачей мы, члены Политбюро, получили протоколы с признаниями врачей. После рассылки этих протоколов Сталин говорил нам:

— Вы слепцы, котята, что же будет без меня — погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов.

Дело было поставлено так, что никто не имел возможности проверить факты, на основе которых ведется следствие. Не было

возможности проверить факты путем контакта с людьми, которые давали эти признания.

Но мы чувствовали, что дело с арестом врачей — это нечистое дело. Многих из этих людей мы лично знали, они лечили нас. И когда после смерти Сталина мы посмотрели, как создавалось это «дело», то увидели, что оно от начала до конца ложное.

Это позорное «дело» было создано Сталиным, но он не успел его довести до конца (в своем понимании), и поэтому врачи остались живыми. Теперь все они реабилитированы, работают на тех же постах, что и раньше, лечат руководящих работников, включая и членов правительства. Мы им оказываем полное доверие, и они добросовестно исполняют, как и раньше, свой служебный долг.

В организации различных грязных и позорных дел гнусную роль играл махровый враг нашей партии, агент иностранной разведки Берия, втершийся в доверие к Сталину. Как этот провокатор смог добиться такого положения в партии и государстве, что стал первым заместителем Председателя Совета Министров Советского Союза и членом Политбюро ЦК? Теперь установлено, что этот мерзавец шел вверх по государственной лестнице через множество трупов на каждой ступеньке.

Были ли сигналы о том, что Берия враждебный партии человек? Да, были. Еще в 1937 году на Пленуме ЦК бывший нарком здравоохранения Каминский [56] говорил, что Берия работал в мусаватистской разведке [57]. Не успел закончиться Пленум ЦК, как Каминский был арестован и затем расстрелян. Проверил ли Сталин заявление Каминского? Нет, потому что Сталин верил Берия, и этого было для него достаточно. А если Сталин верил, то никто не мог уже сказать что-либо противоречащее его мнению; кто бы вздумал возразить, того постигла бы такая же судьба, как и Каминского.

Были и другие сигналы. Представляет интерес заявление т. Снегова [58] в Центральный Комитет партии (кстати сказать, недавно реабилитированного после 17-летнего пребывания в лагерях). В своем заявлении он пишет:

«В связи с постановкой вопроса о реабилитации бывшего члена ЦК Картвелишвили-Лаврентьева [59] мною даны представителю КГБ подробные показания о роли Берия в расправе с Картвелишвили и преступных мотивах, которыми Берия руководствовался.

Считаю необходимым восстановить важный факт в этом вопросе и сообщить о нем в ЦК, поскольку я считал неудобным помещать его в следственных документах.

30.X.1931 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП состоялся доклад секретаря Заккрайкома Картвелишвили. Присутствовали все члены бюро крайкома, из которых я один — живой. На этом заседании И. В. Сталин в конце своего выступления внес предложение сформировать секретариат Заккрайкома в составе: 1-м секретарем Картвелишвили, 2-м — Берия (это впервые в истории партии фамилия Берия была названа, как кандидат на партийный

пост), тут же Картвелишвили репликой заявил, что знает хорошо Берия и поэтому категорически отказывается с ним работать. Тогда И. В. Сталин предложил вопрос оставить открытым и решить его в рабочем порядке. Через 2 дня было решено о выдвижении Берия на партийную работу и об уходе Картвелишвили из Закавказья.

Подтвердить это могут тт. Микоян А. И. и Каганович Л. М., присутствовавшие на этом заседании.

Многолетние враждебные отношения между Картвелишвили и Берия широко были известны; истоки их идут со времени работы тов. Серго[60] в Закавказье, поскольку Картвелишвили был ближайшим помощником Серго. Они и послужили для Берия основанием, чтобы сфальсифицировать «дело» против Картвелишвили.

Характерно, что Картвелишвили по этому «делу» обвиняется в террористическом акте против Берия».

В обвинительном заключении по делу Берия подробно изложены его преступления. Но кое-что стоит напомнить, тем более что, возможно, не все делегаты съезда читали этот документ. Здесь я хочу напомнить о зверской расправе Берия над Кедровым, Голубевым и приемной матерью Голубева — Батуриной[61], которые пытались довести до сведения ЦК о предательской деятельности Берия. Они были расстреляны без суда, а приговор был оформлен после расстрела задним числом. Вот что писал в Центральный Комитет партии т. Андрееву[62] (т. Андреев был тогда секретарем ЦК) старый коммунист т. Кедров[63]:

«Из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы взываю к вам о помощи. Услышьте крик ужаса, не пройдите мимо, заступитесь, помогите уничтожить кошмар допросов, вскрыть ошибку.

Я невинно страдаю. Поверьте. Время покажет. Я не агент-провокатор царской охранки, не шпион, не член антисоветской организации, в чем меня обвиняют, основываясь на клеветнических заявлениях. И никаких других преступлений в отношении Партии и Родины я никогда не совершал. Я незапятнанный ничем старый большевик, честно боровшийся (без малого) 40 лет в рядах Партии на благо и счастье народа...

...Теперь мне, 62-летнему старику, следователи угрожают еще более тяжкими и жестокими и унизительными мерами физического воздействия. Они уже не в состоянии осознать своей ошибки и признать незаконность и недопустимость своих поступков в отношении меня. Они ищут оправдания им в изображении меня злейшим, неразоружающимся врагом и настаивают на усилении репрессии. Но пусть знает Партия, что я невиновен и никакими мерами не удастся верного сына Партии, преданного ей до гроба жизни, превратить во врага.

Но у меня нет выхода. Я бессилен отвратить от себя надвигающиеся новые тяжкие удары.

Всему, однако, есть предел. Я измотан вконец. Здоровье подорвано, силы и энергия иссякают, развязка приближается. Умереть в советской тюрьме с клеймом презренного предателя и

изменника Родины — что может быть страшнее для честного человека. Какой ужас! Беспредельная горечь и боль сжимают судорогой сердце. Нет, нет! Это не случится, не должно случиться, кричу я. И Партия, и Советское правительство, и нарком Л. П. Берия не допустят свершиться той жестокой непоправимой несправедливости.

Убежден, что при спокойном, беспристрастном расследовании, без отвратительной ругани, без злобы, без жутких издевательств необоснованность обвинений будет легко установлена. Я глубоко верю, что правда и справедливость восторжествуют. Я верю, верю».

Старого большевика т. Кедрова Военная коллегия оправдала. Но, несмотря на это, он был расстрелян по распоряжению Берия. *(Шум возмущения в зале.)*

Берия учинил также жестокую расправу над семьей товарища Орджоникидзе. Почему? Потому что Орджоникидзе мешал Берия в осуществлении его коварных замыслов. Берия расчищал себе путь, избавляясь от всех людей, которые могли ему мешать. Орджоникидзе всегда был против Берия, о чем он говорил Сталину. Вместо того чтобы разобраться и принять необходимые меры, Сталин допустил уничтожение брата Орджоникидзе, а самого Орджоникидзе довел до такого состояния, что последний вынужден был застрелиться. *(Шум возмущения в зале.)* Вот что представлял из себя Берия.

Центральным Комитетом партии Берия был разоблачен вскоре после смерти Сталина. В результате тщательного судебного разбирательства были установлены чудовищные злодеяния Берия, и он был расстрелян.

Спрашивается, почему же Берия, который уничтожил десятки тысяч партийных и советских работников, не был разоблачен при жизни Сталина? Он не был раньше разоблачен потому, что умело использовал слабости Сталина, разжигая в нем чувство подозрительности, во всем угождал Сталину, действовал при его поддержке.

* * *

Товарищи!

Культ личности приобрел такие чудовищные размеры главным образом потому, что сам Сталин всячески поощрял и поддерживал возвеличивание его персоны. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Одним из наиболее характерных проявлений самовосхваления и отсутствия элементарной скромности у Сталина является издание его «Краткой биографии», вышедшей в свет в 1948 году.

Эта книга представляет собой выражение самой безудержной лести, образец обожествления человека, превращения его в непогрешимого мудреца, самого «великого вождя» и «непревзойденного полководца всех времен и народов». Не было уже других слов, чтобы еще больше восхвалять роль Сталина.

Нет необходимости цитировать тошнотворно-льстивые характеристики, нагроможденные в этой книге одна на другую. Следует только подчеркнуть, что все они одобрены и отредактированы лично Сталиным, а некоторые из них собственноручно вписаны им в макет книги.

Что же Сталин счел необходимым вписать в эту книгу? Может быть, он стремился умерить пыл лести составителей его «Краткой биографии»? Нет. Он усиливал именно те места, где восхваление его заслуг казалось ему недостаточным.

Вот некоторые характеристики деятельности Сталина, вписанные рукою самого Сталина:

«В этой борьбе с маловерами и капитулянтами, троцкистами и зиновьевцами, бухариными и каменевыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя то руководящее ядро нашей партии... которое отстояло великое знамя Ленина, сплотило партию вокруг заветов Ленина и вывело советский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Руководителем этого ядра и ведущей силой партии и государства был тов. Сталин».

И это пишет сам Сталин! Далее он добавляет:

«Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа, имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования».

Где и когда мог какой-либо деятель так прославлять самого себя? Разве это достойно деятеля марксистско-ленинского типа? Нет. Именно против этого так решительно выступали Маркс и Энгельс. Именно это всегда резко осуждал Владимир Ильич Ленин.

В макете книги была такая фраза: «Сталин — это Ленин сегодня». Эта фраза показалась ему явно недостаточной, и Сталин собственноручно переделывает ее следующим образом:

«Сталин — достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии, Сталин — это Ленин сегодня». Вот как сильно сказано, но не народом, а самим Сталиным.

Можно привести множество подобных самовосхваляющих характеристик, внесенных в макет книги рукою Сталина. Особенно усердно он расточал похвалы в свой адрес по поводу своего военного гения, своих полководческих талантов.

Позволю себе привести еще одну вставку, сделанную Сталиным в отношении сталинского военного гения.

«Товарищ Сталин,— пишет он,— развил дальше передовую советскую военную науку. Товарищ Сталин разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления и наступления, о взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиации в современной войне, об артиллерии, как самом могучем роде войск. На разных этапах войны сталинский гений находил правильные

решения, полностью учитывающие особенности обстановки». *(Движение в зале.)*

Далее сам же Сталин пишет:

«Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства».

Так прославлялся Сталин как полководец. Но кем же? Самим же Сталиным, но выступающим уже не в роли полководца, а в роли автора-редактора, одного из главных составителей своей хвалебной биографии.

Таковы, товарищи, факты. Надо прямо сказать, что это позорные факты.

И еще один факт из той же «Краткой биографии» Сталина. Известно, что над созданием «Краткого курса истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)» работала комиссия Центрального Комитета партии. Этот, к слову говоря, также весьма пропитанный культом личности труд составлялся определенным коллективом авторов. И это положение было отражено в макете «Краткой биографии» Сталина в следующей формулировке:

«Комиссия Центрального Комитета ВКП(б) под руководством товарища Сталина, при его личном активнейшем участии, создает «Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)».

Однако эта формулировка не могла уже удовлетворить Сталина, и в изданной «Краткой биографии» это место заменено следующим положением:

«В 1938 году вышла в свет книга «История ВКП(б). Краткий курс», написанная товарищем Сталиным и одобренная Комиссией ЦК ВКП(б)». Что же тут еще больше скажешь! *(Оживление в зале.)*

Как видите, произошло поразительное превращение труда, созданного коллективом, в книгу, написанную Сталиным. Нет нужды говорить о том, как и почему произошло подобное превращение.

Возникает законный вопрос: если Сталин является автором этой книги, то зачем ему нужно было так прославлять личность Сталина и, по существу, весь послеоктябрьский период истории нашей славной Коммунистической партии делать лишь фоном деяний «сталинского гения»?

Разве нашли в этой книге достойное отражение усилия партии по социалистическому преобразованию страны, построению социалистического общества, индустриализации и коллективизации страны и другие мероприятия, осуществленные партией, твердо идущей по пути, начертанному Лениным? Там главным образом говорится о Сталине, его выступлениях, его докладах.

Все, без какого бы то ни было исключения, связано с его именем.

И когда сам же Сталин заявляет, что именно он написал «Краткий курс истории ВКП(б)», то это не может не вызывать по меньшей мере удивления и недоумения. Разве может марксист-ленинец так писать о самом себе, возводя до небес культ своей личности?

Или возьмем вопрос о Сталинских премиях [64]. *(Движение в зале.)* Даже цари не учреждали таких премий, которые назвали бы своим именем.

Сам Сталин признал лучшим тот текст Государственного гимна Советского Союза, в котором **ни слова** нет о Коммунистической партии, но зато есть следующее беспримерное славословие Сталину:

«Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил».

В этих строчках гимна вся огромная воспитательная, руководящая и вдохновляющая деятельность великой ленинской партии приписана одному Сталину. Это, конечно, явное отступление от марксизма-ленинизма, явное принижение и умаление роли партии. К вашему сведению следует сказать, что Президиум ЦК уже принял решение о создании нового текста гимна, который отражал бы роль народа, роль партии. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

А разве без ведома Сталина его имя присваивалось многим крупнейшим предприятиям и городам, разве без его ведома по всей стране устанавливались монументы Сталина — эти «памятники при жизни»? Ведь это же факт, что сам Сталин 2 июля 1951 года подписал постановление Совета Министров СССР, в котором предусматривалось сооружение на Волго-Донском канале монументальной скульптуры Сталина, а 4 сентября того же года издал распоряжение об отпуске на сооружение этого монумента 33 тонн меди. Кто был вблизи Сталинграда, тот видел, какая там статуя высится, причем в таком месте, где людей мало бывает. А на ее сооружение затрачено много средств, и это в то время, когда наши люди в этих районах после войны еще жили в землянках. Судите сами, правильно ли писал Сталин в своей биографии о том, что он «не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования»?

Вместе с тем Сталин проявлял неуважение к памяти Ленина. Не случайно Дворец Советов [65], как памятник Владимиру Ильичу, решение о строительстве которого было принято свыше 30 лет тому назад, не был построен, и вопрос о его сооружении постоянно откладывался и предавался забвению. Надо исправить это положение и памятник Владимиру Ильичу Ленину соорудить. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Нельзя не вспомнить и о решении Советского правительства от 14 августа 1925 года «Об учреждении премий В. И. Ленина за научные работы». Это постановление было обнародовано в печати,

но до сих пор Ленинских премий нет. Это также нужно исправить. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

При жизни Сталина, благодаря известным методам, о которых я уже говорил, приводя факты, как писалась хотя бы «Краткая биография Сталина», все события освещались так, что Ленин как будто играл второстепенную роль даже при совершении Октябрьской социалистической революции. Во многих кинокартинах, в произведениях художественной литературы образ Ленина освещается неправильно, недопустимо принижается.

Сталин очень любил смотреть фильм «Незабываемый 1919-й год», где он изображен едущим на подножке бронепоезда и чуть ли не саблей поражающим врагов. Пусть Климент Ефремович, наш дорогой друг, наберется храбрости и напишет правду о Сталине, ведь он знает, как Сталин воевал. Тов. Ворошилову[66], конечно, тяжело это дело начинать, но хорошо бы ему это сделать. Это будет одобрено всеми — и народом и партией. И внуки за это будут благодарить. *(Продолжительные аплодисменты.)*

При освещении событий, связанных с Октябрьской революцией и гражданской войной, в ряде случаев дело изображалось так, что главная роль везде как бы принадлежит Сталину, что всюду и везде он подсказывает Ленину, как и что надо делать. Но ведь это же клевета на Ленина! *(Продолжительные аплодисменты.)*

Я, вероятно, не согрешу против истины, если скажу, что 99 процентов из присутствующих здесь мало что знали и слышали о Сталине до 1924 года, а Ленина в стране все знали; вся партия знала, весь народ знал, от мала до велика. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Все это надо решительно пересмотреть, чтобы нашли свое правильное отражение в истории, литературе, произведениях искусства роль В. И. Ленина, великие деяния нашей Коммунистической партии и советского народа — народа-творца, народа-созидателя. *(Аплодисменты.)*

* * *

Товарищи! Культ личности способствовал распространению в партийном строительстве и хозяйственной работе порочных методов, порождал грубые нарушения внутрипартийной и советской демократии, голое администрирование, разного рода извращения, замазывание недостатков, лакировку действительности. У нас развелось немало подхалимов, аллилуйщиков, очковтирателей.

Нельзя не видеть и того, что в результате многочисленных арестов партийных, советских и хозяйственных работников многие наши кадры стали работать неуверенно, с оглядкой, бояться нового, остерегаться и собственной тени, меньше стали проявлять инициативы в работе.

А возьмите решения партийных и советских органов. Они стали составляться по шаблону, зачастую без учета конкретной обста-

новки. Дело дошло до того, что выступления партийных и других работников даже на самых небольших заседаниях, совещаниях по любым вопросам произносились по шпаргалке. Все это порождало опасность оказенивания партийной и советской работы, бюрократизации аппарата.

Отрыв Сталина от жизни, незнание им действительного положения дел на местах можно наглядно показать на примере руководства сельским хозяйством.

Все, кто хоть мало-мальски интересовался положением в стране, видели тяжелое состояние сельского хозяйства, а Сталин этого не замечал. Говорили ли мы об этом Сталину? Да, говорили, но он нас не поддерживал. Почему же так получилось? Потому, что Сталин никуда не выезжал, с рабочими и колхозниками не встречался и не знал действительного положения на местах.

Он страну и сельское хозяйство изучал только по кинофильмам. А кинофильмы приукрашивали, лакировали положение дел в сельском хозяйстве. Колхозная жизнь во многих кинофильмах изображалась так, что столы трещали от обилия индеек и гусей. Видимо, Сталин думал, что в действительности так оно и есть.

Владимир Ильич Ленин по-другому смотрел на жизнь, он все время был тесно связан с народом: принимал крестьян-ходоков, часто выступал на фабриках и заводах, ездил в деревни, беседовал с крестьянами.

Сталин отгородился от народа, он никуда не выезжал. И так продолжалось десятки лет. Последняя его поездка на село была в январе 1928 года, когда он ездил в Сибирь по вопросам хлебозаготовок. Откуда же он мог знать положение в деревне?

И когда Сталину в одной из бесед было сказано, что положение в сельском хозяйстве у нас тяжелое, особенно плохо обстоит дело в стране с производством мяса и других продуктов животноводства, была создана комиссия, которой было поручено подготовить проект постановления «О мерах по дальнейшему развитию животноводства в колхозах и совхозах». Мы разработали такой проект.

Конечно, наши тогдашние предложения не охватывали всех возможностей, но были намечены пути подъема общественного животноводства. Предлагалось тогда поднять заготовительные цены на продукты животноводства, чтобы повысить материальную заинтересованность у колхозников, работников МТС и совхозов в развитии животноводства. Но проект, разработанный нами, не был принят, в феврале 1953 года он был отложен.

Более того, при рассмотрении этого проекта Сталин внес предложение повысить налог на колхозы и колхозников еще на 40 миллиардов рублей, так как, по его мнению, крестьяне живут богато, и, продав только одну курицу, колхозник может полностью расплатиться по государственному налогу.

Вы только подумайте, что это означало? Ведь 40 миллиардов рублей — это такая сумма, которую крестьяне не получали за все сдаваемые ими продукты. В 1952 году, например, колхозы и кол-

хозники получили за всю сданную и проданную ими государству продукцию 26 миллиардов 280 миллионов рублей.

Разве такое предложение Сталина основывалось на каких-то данных? Конечно нет. Факты и цифры в таких случаях его не интересовали. Если что сказал Сталин, значит, это так и есть — ведь он «гений», а гению не нужно считать, ему достаточно посмотреть, чтобы сразу все определить, как должно быть. Он сказал свое слово, а потом все должны повторять за ним сказанное и восторгаться его мудростью.

Но что было мудрого в предложении увеличить сельскохозяйственный налог на 40 миллиардов рублей? Ровным счетом ничего, так как это предложение исходило не из реальной оценки действительности, а из фантастических измышлений оторванного от жизни человека.

Сейчас в сельском хозяйстве мы стали понемногу выкарабкиваться из тяжелого положения. Выступления делегатов XX съезда партии радуют каждого из нас, когда многие делегаты говорят, что есть все условия выполнить задания шестой пятилетки по производству основных продуктов животноводства не за пять лет, а за 2—3 года. Мы уверены в успешном выполнении заданий новой пятилетки. *(Продолжительные аплодисменты.)*

* * *

Товарищи!

Когда мы сейчас резко выступаем против культа личности, получившего при жизни Сталина широкое распространение, и говорим о многих отрицательных явлениях, порожденных этим чуждым духу марксизма-ленинизма культом, у отдельных людей может возникнуть вопрос: как же так, ведь Сталин стоял во главе партии и страны 30 лет, при нем были достигнуты крупные победы, разве можно отрицать это? Я считаю, что так ставить вопрос могут только ослепленные и безнадежно загипнотизированные культом личности люди, которые не понимают сущности революции и Советского государства, не понимают по-настоящему, по-ленински роли партии и народа в развитии советского общества.

Социалистическую революцию совершил рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством, при поддержке среднего крестьянства, совершил народ, руководимый большевистской партией. Великая заслуга Ленина состоит в том, что он создал боевую партию рабочего класса, вооружил ее марксистским пониманием законов общественного развития, учением о победе пролетариата в борьбе с капитализмом, он закалил партию в огне революционных битв народных масс. В ходе этой борьбы партия последовательно отстаивала интересы народа, стала его испытанным вождем, привела трудящихся к власти, к созданию первого в мире социалистического государства.

Вы хорошо помните мудрые ленинские слова о том, что Советское государство сильно сознательностью масс, о том, что историю теперь творят миллионы и десятки миллионов людей.

Организаторской работе партии, ее многочисленных местных организаций, самоотверженному труду нашего великого народа обязаны мы своими историческими победами. Эти победы — результат огромной по своему размаху деятельности народа и партии в целом, они вовсе не являются плодом руководства одного лишь Сталина, как это пытались представить в период процветания культа личности.

Если по-марксистски, по-ленински подойти к существу этого вопроса, то надо со всей прямотой заявить, что практика руководства, сложившаяся в последние годы жизни Сталина, стала серьезным тормозом на пути развития советского общества.

Сталин долгими месяцами не рассматривал многие важнейшие и неотложные вопросы жизни партии и страны. При руководстве Сталина наши мирные отношения с другими странами нередко ставились под угрозу, так как единоличные решения могли вызвать и иногда вызывали большие осложнения.

За последние годы, когда мы освободились от порочной практики культа личности и наметили ряд мер в области внутренней и внешней политики, все видят, как буквально на глазах растет активность, развивается творческая инициатива широких масс трудящихся, как благотворно начинает сказываться это на результатах нашего хозяйственного и культурного строительства. *(Аплодисменты.)*

Некоторые товарищи могут задать вопрос: куда же смотрели члены Политбюро ЦК, почему они своевременно не выступили против культа личности и делают это лишь в последнее время?

Прежде всего надо иметь в виду, что члены Политбюро смотрели на эти вопросы по-разному в разные периоды. В первое время многие из них активно поддерживали Сталина, потому что Сталин является одним из сильнейших марксистов и его логика, сила и воля оказывали большое воздействие на кадры, на работу партии.

Известно, что Сталин после смерти В. И. Ленина, особенно в первые годы, активно боролся за ленинизм, против извратителей и врагов ленинского учения. Исходя из ленинского учения, партия во главе со своим Центральным Комитетом развернула большую работу по социалистической индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, осуществлению культурной революции. В то время Сталин завоевал популярность, симпатии и поддержку. Партии пришлось вести борьбу с теми, кто пытался сбить страну с единственно правильного, ленинского пути,— с троцкистами, зиновьевцами и правыми, буржуазными националистами. Эта борьба была необходима. Но затем Сталин, все более злоупотребляя властью, стал расправляться с видными деятелями партии и государства, применять против честных советских людей террористические методы. Как уже говорилось, именно так Сталин поступил с видными деятелями нашей партии и государства — Косиором, Рудзутаком, Эйхе, Постышевым и многими другими.

Попытки выступить против необоснованных подозрений и обвинений приводили к тому, что протестовавший подвергался реп-

рессиям. В этом отношении характерна история с т. Постышевым.

В одной из бесед, когда Сталин проявил недовольство по адресу Постышева и задал ему вопрос:

— Кто вы такой?

Постышев твердо заявил с присущим ему окающим акцентом:

— Большевик я, товарищ Сталин, большевик!

И это заявление было расценено сначала как неуважение к Сталину, а потом как вредный акт и впоследствии привело к уничтожению Постышева, объявленного без всяких к тому оснований «врагом народа».

Об обстановке, сложившейся в то время, мы нередко беседовали с Николаем Александровичем Булганиным. Однажды, когда мы вдвоем ехали в машине, он мне сказал:

— Вот иной раз едешь к Сталину, вызывают тебя к нему, как друга. А сидишь у Сталина и не знаешь, куда тебя от него повезут: или домой или в тюрьму.

Ясно, что такая обстановка ставила любого из членов Политбюро в крайне тяжелое положение. Если к тому же учесть, что за последние годы пленумы ЦК партии фактически не созывались, а заседания Политбюро проводились от случая к случаю, то станет понятным, как трудно было кому-либо из членов Политбюро высказаться против той или иной несправедливой или неправильной меры, против очевидных ошибок и недостатков в практике руководства.

Как уже отмечалось, многие решения принимались единолично или опросом, без коллективного обсуждения.

Всем известна печальная судьба члена Политбюро т. Вознесенского, ставшего жертвой репрессий Сталина. Характерно отметить, что решение о выводе его из состава Политбюро нигде не обсуждалось, а было проведено опросом. Также опросом были проведены решения об освобождении с занимаемых постов тт. Кузнецова и Родионова.

Серьезно принижалась роль Политбюро ЦК, дезорганизовывалась его работа созданием различных комиссий внутри Политбюро, образованием так называемых «пятерок», «шестерок», «семерок», «девяток». Вот, например, решение Политбюро от 3 октября 1946 года:

«**Предложение тов. Сталина.**

1. Поручить Комиссии по внешним делам при Политбюро (шестерке) заниматься впредь наряду с вопросами внешнеполитического характера также вопросами внутреннего строительства и внутренней политики.

2. Пополнить состав шестерки председателем Госплана СССР тов. Вознесенским и впредь шестерку именовать семеркой.

Секретарь ЦК — И. Сталин».

Что это за терминология картежника? *(Смех в зале.)* Ясно, что создание подобных комиссий — «пятерок», «шестерок», «семерок» и «девяток» внутри Политбюро подрывало принцип коллектив-

ного руководства. Получалось, что некоторые члены Политбюро отстранялись таким образом от решения важнейших вопросов.

В невыносимые условия был поставлен один из старейших членов нашей партии — Климент Ефремович Ворошилов. На протяжении ряда лет он фактически был лишен права принимать участие в работе Политбюро. Сталин запретил ему появляться на заседаниях Политбюро и посылать ему документы. Когда заседало Политбюро и т. Ворошилов об этом узнавал, то каждый раз он звонил и спрашивал разрешения, можно ли ему прийти на это заседание. Сталин иногда разрешал, но всегда выражал недовольство. В результате своей крайней мнительности и подозрительности Сталин дошел до такого нелепого и смехотворного подозрения, будто Ворошилов является английским агентом. *(Смех в зале.)* Да, английским агентом. И к нему дома был подставлен специальный аппарат для подслушивания его разговоров. *(Шум возмущения в зале.)*

Сталин единолично отстранил также от участия в работе Политбюро и другого члена Политбюро, Андрея Андреевича Андреева.

Это был самый разнузданный произвол.

А возьмите первый Пленум ЦК после XIX съезда партии, когда выступил Сталин и на Пленуме давал характеристику Вячеславу Михайловичу Молотову и Анастасу Ивановичу Микояну, предъявив этим старейшим деятелям нашей партии ничем не обоснованные обвинения.

Не исключено, что если бы Сталин еще несколько месяцев находился у руководства, то на этом съезде партии товарищи Молотов и Микоян, возможно, не выступали бы.

Сталин, видимо, имел свои планы расправы со старыми членами Политбюро. Он не раз говорил, что надо менять членов Политбюро. Его предложение после XIX съезда избрать в Президиум Центрального Комитета 25 человек преследовало цель устранить старых членов Политбюро, ввести менее опытных, чтобы те всячески восхваляли его. Можно даже предполагать, что это было задумано для того, чтобы потом уничтожить старых членов Политбюро и спрятать концы в воду по поводу тех неблаговидных поступков Сталина, о которых мы сейчас докладываем.

Товарищи! Чтобы не повторить ошибок прошлого, Центральный Комитет решительно выступает против культа личности. Мы считаем, что Сталина чрезмерно возвеличили. Бесспорно, что в прошлом Сталин имел большие заслуги перед партией, рабочим классом и перед международным рабочим движением.

Вопрос осложняется тем, что все то, о чем говорилось выше, было совершено при Сталине, под его руководством, с его согласия, причем он был убежден, что это необходимо для защиты интересов трудящихся от происков врагов и нападок империалистического лагеря. Все это рассматривалось им с позиций защиты интересов рабочего класса, интересов трудового народа, интересов победы социализма и коммунизма. Нельзя сказать, что это

действия самодура. Он считал, что так нужно делать в интересах партии, трудящихся, в интересах защиты завоеваний революции. В этом истинная трагедия!

Товарищи! Ленин не раз подчеркивал, что скромность является неотъемлемым качеством подлинного большевика. И сам Ленин был живым олицетворением величайшей скромности. Нельзя сказать, что в этом деле мы во всем следуем ленинскому примеру. Достаточно хотя бы сказать, что многочисленным городам, фабрикам и заводам, колхозам и совхозам, советским, культурным учреждениям розданы у нас на правах, если можно так выразиться, частной собственности имена тех или иных государственных и партийных деятелей, еще здравствующих и процветающих. В деле присвоения своих имен различным городам, районам, предприятиям, колхозам многие из нас соучастники. Это надо исправить. *(Аплодисменты.)*

Но делать это надо с умом, без торопливости. Центральный Комитет обсудит это дело и хорошенько разберется, чтобы не допустить здесь каких-либо ошибок и перегибов. Я помню, как на Украине узнали об аресте Косиора. Киевская радиостанция обычно начинала свои радиопередачи так: «Говорит радиостанция имени Косиора». В один из дней радиопередачи начались без упоминания имени Косиора. И все догадались, что с Косиором что-то случилось, что он, наверное, арестован.

Так что если мы всюду начнем снимать вывески и проводить переименования, то люди могут подумать, что с теми товарищами, чьи имена носят предприятия, колхозы или города, что-то произошло, что, наверное, и они арестованы. *(Оживление в зале.)*

Чем у нас иной раз измеряется авторитет и значение того или иного руководителя? Да тем, что его именем названо столько-то городов, заводов и фабрик, столько-то колхозов и совхозов. Не пора ли нам покончить с этой «частной собственностью» и провести «национализацию» фабрик и заводов, колхозов и совхозов. *(Смех, аплодисменты. Возгласы: «Правильно!»)* Это будет на пользу нашему делу. Культ личности сказывается ведь и в такого рода фактах.

Мы должны со всей серьезностью отнестись к вопросу о культе личности. Этот вопрос мы не можем вынести за пределы партии, а тем более в печать. Именно поэтому мы докладываем его на закрытом заседании съезда. Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать перед ними наших язв. Я думаю, что делегаты съезда правильно поймут и оценят все эти мероприятия. *(Бурные аплодисменты.)*

* * *

Товарищи! Нам нужно решительно, раз и навсегда развенчать культ личности, сделать надлежащие выводы как в области идейно-теоретической, так и в области практической работы.

Для этого необходимо:

Во-первых, по-большевистски осудить и искоренить как чуждый духу марксизма-ленинизма и несовместимый с принципами

партийного руководства и нормами партийной жизни культ личности, вести беспощадную борьбу против всех и всяческих попыток возродить его в той или иной форме.

Восстановить и последовательно проводить во всей нашей идеологической работе важнейшие положения учения марксизма-ленинизма о народе, как творце истории, создателе всех материальных и духовных богатств человечества, о решающей роли марксистской партии в революционной борьбе за преобразование общества, за победу коммунизма.

В связи с этим нам предстоит провести большую работу над тем, чтобы с позиций марксизма-ленинизма критически рассмотреть и поправить получившие широкое хождение ошибочные взгляды, связанные с культом личности, в области исторической, философской, экономической и других наук, а также в области литературы и искусства. В частности, необходимо в ближайшее время провести работу по созданию полноценного, составленного с научной объективностью марксистского учебника по истории нашей партии, учебников по истории советского общества, книг по истории гражданской войны и Великой Отечественной войны.

Во-вторых, последовательно и настойчиво продолжать проводимую в последние годы Центральным Комитетом партии работу по строжайшему соблюдению во всех партийных организациях, сверху донизу, ленинских принципов партийного руководства и прежде всего высшего принципа — коллективности руководства, по соблюдению норм партийной жизни, закрепленных Уставом нашей партии, по развертыванию критики и самокритики.

В-третьих, полностью восстановить ленинские принципы советского социалистического демократизма, выраженные в Конституции Советского Союза, вести борьбу против произвола лиц, злоупотребляющих властью. Необходимо до конца исправить нарушения революционной социалистической законности, которые накопились за длительный период в результате отрицательных последствий культа личности.

Товарищи!

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза с новой силой продемонстрировал нерушимое единство нашей партии, ее сплоченность вокруг своего Центрального Комитета, ее решимость выполнить великие задачи коммунистического строительства. *(Бурные аплодисменты.)* И тот факт, что мы сейчас во всей широте ставим принципиальные вопросы о преодолении чуждого марксизму-ленинизму культа личности и о ликвидации причиненных им тяжелых последствий, говорит о великой моральной и политической силе нашей партии. *(Продолжительные аплодисменты.)*

У нас есть полная уверенность в том, что наша партия, вооруженная историческими решениями своего XX съезда, поведет советский народ по ленинскому пути к новым успехам, к новым победам. *(Бурные, продолжительные аплодисменты.)*

Да здравствует победоносное знамя нашей партии — ленинизм! *(Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.)*

III. КАК НАЧИНАЛАСЬ РЕАБИЛИТАЦИЯ

ИЗ «ОТЧЕТА О РАБОТЕ КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ЦК КПСС ЗА ПЕРИОД С ОКТЯБРЯ 1952 г. ПО 1 ЯНВАРЯ 1956 г.»

Комитет партийного контроля в соответствии с Уставом КПСС рассматривал апелляции коммунистов на решения ЦК компартий союзных республик, краевых и областных комитетов КПСС об исключениях из партии и партийных взысканиях, проводил работу по проверке материалов и заявлений по поручениям Президиума и Секретариата ЦК КПСС, а также проверял заявления, поступающие в КПК при ЦК КПСС.

Комитет партийного контроля рассмотрел большое количество дел коммунистов, исключенных из партии по политическим обвинениям.

В результате разоблачения Центральным Комитетом КПСС банды Берия — Абакумова и его сообщников выяснилось, что они, злоупотребляя властью, творили вопиющий произвол, грубо нарушали социалистическую законность — без всяких оснований зачисляли в число врагов народа честных и преданных партии работников, пытались поставить органы государственной безопасности над партией.

Так, например, НКВД СССР был арестован по необоснованному обвинению в участии в «троцкистско-зиновьевской организации» т. Емельянов Н. А., рабочий Сестрорецкого оружейного завода, член партии с 1904 г., принимавший активное участие в революционном движении. В 1906—1907 гг. он перевозил через границу партийную литературу и оружие для боевой группы при ЦК РСДРП. В июле — августе 1917 г. по поручению ЦК партии он скрывал у себя дома, в сарае и шалаше в Разливе под Сестрорецком Владимира Ильича Ленина, а в сентябре 1917 г. переправил В. И. Ленина в новое подполье, в Финляндию.

Проверкой, проведенной Прокуратурой СССР и Комитетом партийного контроля, установлено, что т. Емельянов без оснований был привлечен к ответственности. В настоящее время он полностью реабилитирован и восстановлен в партии.

Или другой пример: т. Афанасьев А. А.— бывший министр морского флота СССР по заданию Берия и Абакумова был подвергнут гнусной провокации — работниками МГБ было инсценировано похищение т. Афанасьева якобы «американскими разведчиками»

и вербовка его в качестве шпиона иностранного государства. Впоследствии, в связи с тем, что т. Афанасьев о случившемся заявил Берия, последний, чтобы замести следы провокации, организовал поимку «американских разведчиков», а в действительности сотрудников МГБ, но через несколько дней без санкции прокурора т. Афанасьев был арестован и особым совещанием осужден без всяких оснований. Он также реабилитирован судом и восстановлен членом КПСС.

Тов. Коляда Н. З. (партизанская кличка «Батя»), член КПСС с 1920 г., бывший командир объединенных партизанских отрядов в Смоленской области, в октябре 1942 г. был арестован органами госбезопасности и осужден к длительному сроку заключения по ложному обвинению «в невыполнении заданий командования и обмане директивных органов». В действительности партизанские отряды под его командованием только с 15 апреля по 25 мая 1942 г. провели 79 боевых операций, уничтожили более 1800 вражеских солдат, офицеров и полицейских, пустили под откос 3 воинских эшелона и освободили от фашистских захватчиков 230 населенных пунктов. Т. Коляда полностью реабилитирован и восстановлен в партии.

По поручению Центрального Комитета КПСС Комитет партийного контроля проверил и рассмотрел заявления генералов Советской Армии — тт. Телегина К. Ф., Крюкова В. В., Голушкевича В. С., Манюка А. Я., Ласкина И. А., Мошенина С. А., Жарова Ф. И., Ухова В. П., Попова Д. Ф., адмирала Алафузова В. А., вице-адмирала Степанова Г. А. и других, которые выбыли из партии в связи с их арестом органами госбезопасности.

Комитет партийного контроля восстановил указанных товарищей в рядах КПСС, так как было установлено, что они арестовывались по необоснованным обвинениям в «участии в военном заговоре», «шпионаже» и «антисоветской деятельности» и т. д. Многие из арестованных, в нарушение советских законов, по нескольку лет содержались под стражей без следствия и суда.

Генерал-лейтенант т. Ласкин И. А., член КПСС с 1920 г., в августе 1941 г. в районе города Умань вместе с соединением попал в окружение, пробираясь к линии фронта, он был задержан немцами, но бежал; впоследствии командовал 172 стрелковой дивизией, участвовал в обороне Севастополя, был ранен, а с августа 1942 г. являлся начальником штаба 64 армии на Сталинградском фронте.

В период ликвидации немецкой группировки войск под Сталинградом... предъявил ультиматум генерал-фельдмаршалу Паулюсу и лично доставил его командующему 64 армией. 18 декабря 1943 г., когда т. Ласкин был начальником штаба Северо-Кавказского фронта, его вызвали в Москву и арестовали, предъявив обвинение в «связи с разведорганами врага». В течение 8 лет т. Ласкин содержался в заключении без суда. В июне 1952 г. Военная коллегия ввиду необоснованности предъявленного ему обвинения направила дело на доследование. Чтобы прикрыть свои незаконные действия, следствие составило новое заключение, вме-

нив Ласкину в вину то, что, будучи в окружении немецких войск, он «нарушил воинскую присягу» (уничтожил партбилет, бросил оружие и переоделся в гражданскую одежду), и по этим обвинениям его осудили к 10 годам лишения свободы.

Тов. Голушкевич В. С., член КПСС с 1939 г., генерал-майор, в начале Отечественной войны работал в штабах Центрального и Западного фронтов. В годы гражданской, финской и Отечественной войн принимал участие в боях за Родину, имел 4 ранения.

В 1942 г. т. Голушкевич был арестован органами НКВД СССР. Следствие по его делу велось до января 1943 г., а в дальнейшем около 8 лет он не допрашивался. Ввиду того что он не признал себя виновным «в участии в заговорщической группе», в ноябре 1950 г. ему предъявили новое ложное обвинение «в ведении антисоветских разговоров» и в марте 1952 г. Военная Коллегия Верховного суда СССР осудила его по этому обвинению к 10 годам лишения свободы.

Тов. Романов Ф. Н., член КПСС с 1920 г., генерал-майор. В начале Отечественной войны был начальником штаба Южного фронта, затем начальником штаба 27 армии. В январе 1942 г. был арестован органами НКВД за то, что будто бы вел антисоветские разговоры и якобы являлся участником антисоветского военного заговора в 1938 г.

Следствие по делу тянулось свыше 10 лет, в августе 1952 г. Военная Коллегия Верховного суда СССР осудила его на 12 лет лишения свободы.

Комитет партийного контроля рассмотрел также заявления генералов Советской Армии тт. Потапова М. И., Цирульникова П. Г., Абрамидзе П. И., Мельникова И. И., Снегова М. Г., Зайцева Г. М. и Борисова М. Д., во время Отечественной войны попавших в немецкий плен.

Расследованием материалов было установлено, что указанные товарищи, находясь в плену, ничем себя не опорочили, и, учитывая их заслуги за время службы в Советской Армии и положительные отзывы об их работе и поведении, Комитет партийного контроля восстановил их в партии.

Комитет партийного контроля рассмотрел заявления бывших руководящих комсомольских работников тт. Уткина С. А., Пикиной В. Ф.— секретарей ЦК ВЛКСМ, Александрова — секретаря МК и МГК, Сорокина — зав. отделом ЦК, Брандина — секретаря Азово-Черноморского крайкома, Коваленко М. А.— заместителя заведующего отделом по работе среди пионеров ЦК комсомола Украины и других, которые в результате фальсификации обвинительных материалов и применения незаконных методов следствия со стороны работников НКВД — МГБ были без оснований осуждены и в связи с этим исключены из партии. В настоящее время все они реабилитированы и восстановлены в КПСС.

Восстановлен в КПСС ряд крупных специалистов авиационной промышленности, которые выбыли из партии в связи с арестом их органами НКВД по ложному обвинению «в принадлежно-

сти к вредительской организации», якобы существовавшей в авиационной промышленности. В числе восстановленных тт. Стерлин А. Э., член партии с 1919 г., работавший нач. экспериментально-аэродинамического отдела ЦАГИ; Чаромский А. Д., член КПСС с 1917 г., работавший в Центральном институте авиамоторостроения нач. отдела нефтяных двигателей и главным конструктором по авиадизелям; Изаксон А. М., член партии с 1917 г., многие годы работавший над созданием советских вертолетов, в 1937 г. являвшийся нач. конструкторского бюро завода № 156; Чижевский В. А., член партии с 1920 г., быв. главный конструктор завода № 35 и главный конструктор конструкторского бюро № 29 НКАП и другие.

Во время Отечественной войны, находясь в заключении, они добросовестно работали над усовершенствованием и созданием новых образцов самолетов. Президиумом Верховного Совета СССР досрочно были освобождены из заключения со снятием судимости, а в настоящее время в результате проведенной проверки полностью реабилитированы.

Комитет партийного контроля рассмотрел материалы и принял решения о партийной реабилитации (посмертно) членов партии тт. Акулова И. А.— бывшего секретаря ЦИК СССР, Марголина Н. В.— бывшего первого секретаря Днепропетровского обкома КП(б) Украины, Калмыкова Б. Э.— бывшего первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б), Корытного С. З.— бывшего секретаря Московского горкома ВКП(б), Немцова Н. М.— бывшего председателя Комиссии по делам частной амнистии при Президиуме ВЦИК, Орджоникидзе П. К., Орахелашвили М. Д.— бывшего секретаря ЦК Компартии Грузии и Орахелашвили М. П., Голощекина Ф. И.— бывшего главного арбитра при СНК СССР, Невского В. И.— бывшего директора Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина, Валецкого М. Г.— бывшего ответственного секретаря редакции журнала «Коммунистический Интернационал», Лауэра Г. Б.— бывшего члена Президиума Госплана СССР, Пестковского С. С.— бывшего работника Коминтерна, Кахиани М. И.— бывшего уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Северо-Кавказскому краю, Кавтарадзе Г. Д.— бывшего начальника Рязано-Уральской железной дороги и других.

За последние два года в ЦК КПСС и в КПК поступило большое количество заявлений ранее исключенных из партии по обвинению в «связи с родственниками», арестованными органами НКВД — МГБ. После проверки в подавляющем большинстве случаев они восстанавливались в партии, так как были исключены без каких-либо оснований. Кроме того, в КПК обращаются жены и дети советских, партийных, хозяйственных и военных работников, осужденных в 1937—1940 гг., с просьбой об оказании помощи в разрешении вопроса об их реабилитации. По указанным заявлениям эти лица принимаются членами КПК и другими отв. работниками аппарата КПК, им даются соответствующие разъяснения и в необходимых случаях оказывается помощь. Заявления направ-

ляются в органы прокуратуры, и за их разрешением устанавливается контроль.

По поручению Центрального Комитета КПСС Комитетом партийного контроля проводилось расследование и рассмотрение дел на работников НКВД — МГБ, допускавших фальсификацию следственных материалов.

Например, исключен из партии Мартиросов Г. И., который, будучи начальником отделения Гагринского отдела НКВД, в 1937 г. принимал участие в создании дела так называемой «дашнакской контрреволюционной организации» в Гаграх, в результате чего по сфальсифицированному делу 18 человек были приговорены к высшей мере наказания и 12 человек к длительным срокам заключения.

Паташник М. М.— бывший начальник УНКВД по Молотовской области, при участии подчиненных ему работников в 1940—1941 гг. арестовал 38 инженерно-технических работников и рабочих Кизеловского угольного бассейна, сфабриковал на них дело по обвинению во вредительстве (впоследствии из них 16 человек были невинно приговорены к расстрелу).

Жуков Г. С., будучи начальником дорожно-транспортного отдела НКВД Западной железной дороги, производил массовые незаконные аресты, а также создал фиктивное дело на бывшего начальника дороги т. Русанова Г. А. (член партии с 1916 г.), который отказался давать ложные показания и был доведен Жуковым до самоубийства. В результате преступных действий Жукова без оснований были арестованы и осуждены нач. политотдела Смоленского отделения т. Астафьев И. П., нач. политотдела Западной железной дороги т. Болотовский, нач. ДорУРСа т. Кац Н. X., которые теперь реабилитированы и восстановлены в партии.

Хорошкевич Е. В., бывший следователь секретно-политического отдела НКВД, при ведении следствия по сфальсифицированному Берия делу Калининой Е. И.— жены М. И. Калинина, применяла незаконные методы следствия.

Кузнецов М. В.— бывший начальник отделения Главного экономического управления НКВД СССР, допускал грубейшие нарушения социалистической законности в следственной работе.

Указанные лица исключены из КПСС.

По поручению Президиума ЦК КПСС Комитет партийного контроля рассмотрел вопрос и привлек к партийной ответственности за допущенные нарушения социалистической законности т. Сафонова Г. Н.— бывшего Генерального прокурора СССР, т. Вавилова А. П.— бывшего Главного военного прокурора и бывших членов Военной Коллегии Верховного суда СССР тт. Матулевича И. О., Детистова И. В., Зарянова И. М., Суслина А. Г., Дмитриева Л. Д. и Сюльдина В. В.

В результате проверки и рассмотрения материалов в КПК установлено, что бывшее руководство Прокуратуры СССР (т. Сафонов) и Главной военной прокуратуры (т. Вавилов) не выполняло своей первостепенной партийной и государственной обя-

занности — высшего надзора за соблюдением социалистической законности судебно-следственными органами. Давая санкции на арест советских граждан по политическим обвинениям, они слепо верили материалам следствия НКВД—МГБ и в дальнейшем не осуществляли контроля и надзора за следствием по этим делам, штамповали обвинительные заключения, составленные фальсификаторами.

Военная Коллегия Верховного суда СССР, получая материалы следственных органов, глубоко не разбиралась, на каких конкретных материалах и доказательствах основывались эти обвинения, не изучала обстоятельства того или иного дела, в результате чего выносились неправильные приговоры.

Члены Военной Коллегии, несмотря на то, что многие обвиняемые на суде отвергали предъявленные им обвинения как вымышленные следствием, не принимали это во внимание, дела рассматривались в течение 10—15 минут, свидетели не опрашивались. Имели место факты, когда члены Военной Коллегии до рассмотрения дела в суде заранее писали приговоры, а после судебного заседания проставляли в них лишь меру наказания; в ряде случаев приговоры Военной Коллегии выносились заочно, а некоторые дела по политическим обвинениям рассматривались в тюрьмах МГБ, где отсутствовали нормальные условия для судебного разбирательства.

Комитет партийного контроля по поручению Центрального Комитета КПСС провел необходимую проверку и рассмотрел вопрос о партийной ответственности бывшего первого секретаря Северо-Осетинского обкома т. Кулова К. Д. и бывшего первого секретаря ЦК КП Армении т. Арутинова Г. А., которые, находясь на руководящей партийной работе, всячески восхваляли ныне разоблаченного врага народа Берия, подхалимничали перед ним и насаждали культ Берия. В различного рода приветствиях и выступлениях в республиканской печати превозносили его как «организатора разгрома немецких захватчиков на Кавказе», организовывали ему различного рода подарки. За такое антипартийное поведение тт. Арутинов и Кулов ЦК КПСС были сняты с руководящей партийной работы и Комитетом партийного контроля привлечены к строгой партийной ответственности.

Решением КПК исключен из партии Багиров — бывший секретарь ЦК Компартии Азербайджана, который двурушнически вел себя перед партией, скрывал от ЦК КПСС известные ему данные о враждебной деятельности врага народа Берия, творил произвол и беззакония в республике, избивал партийные, советские и хозяйственные кадры, в личном поведении допускал большие злоупотребления. Как теперь выяснилось, Багиров скрывал от партии, что еще в 1921 г. во время чистки был исключен за некоммунистическое поведение, избиение арестованных и за взятки. В 1929 г. Президиумом ЦКК привлекался к ответственности за допущение расправы в органах ГПУ в бытность председателем ГПУ Азербайджана.

Исправляя допущенные в прошлом Ленинградским обкомом и Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б) ошибки, Комитет партийного контроля пересмотрел дела исключенных из партии по так называемому «ленинградскому делу» и восстановил в партии более 170 коммунистов. В числе восстановленных в партии тт. Воротов Г. Г.— бывший секретарь Ленинградского обкома, Кедров Г. Т.— бывший секретарь Ленинградского горкома партии, Бумагин Г. Х.— бывший секретарь Ленинградского и затем Новгородского обкома, Дмитриев И. Д.— бывший председатель Ленинградского облисполкома, Прокофьев А. Н.— бывший первый секретарь Выборгского горкома партии, Панарин Н. Я.— бывший заместитель председателя Ленинградского облисполкома, Телегин Н. В.— бывший директор Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина, Беляев С. Ф.— бывший зам. директора Института истории партии, Хованов Н. П.— бывший секретарь Крымского обкома, Никаноров В. И.— бывший председатель Крымского облисполкома и другие.

Как видно из материалов рассмотренных дел, Ленинградский горком и обком партии беспринципно, без тщательной проверки исключали из партии по необоснованным и искусственно созданным обвинениям по так называемым «связям с антипартийным руководством», а в КПК во многих случаях заочно подтверждали неправильные решения...

За отчетный период Комитет партийного контроля рассмотрел 1844 апелляции исключенных из партии в связи с пребыванием их во время Отечественной войны в плену и на оккупированной территории.

В результате рассмотрения этих дел Комитет партийного контроля восстановил в партии 342 человека или 18 процентов к числу рассмотренных апелляций. Принимая решения о восстановлении в партии, учитывалась обстановка, при которой коммунист оказался на оккупированной территории или в плену, как он вел себя в этот период и после, принимались во внимание положительные отзывы парторганизаций и отдельных членов партии.

1956 г.

ИЗ «СПРАВКИ О РАБОТЕ КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ЦК КПСС ЗА ПЕРИОД С 1 МАРТА 1956 г. ПО 1 МАРТА 1957 г.»

Рассмотрение заявлений бывших членов КПСС, исключенных в прошлом из партии по политическим обвинениям

Большое место в работе Комитета партийного контроля занимало рассмотрение заявлений лиц, исключенных из партии в 1937—1939 гг. по политическим обвинениям и реабилитирован-

ных в настоящее время судебными органами. Были приняты все возможные меры для того, чтобы тщательно проверить обоснованность предъявленных им обвинений, подойти к ним объективно, всесторонне учесть обстановку, в которой возникло дело, и решить вопрос с учетом их деловых и политических качеств.

За отчетный период Комитетом партийного контроля рассмотрено 2323 таких заявления, восстановлено в рядах КПСС 2307 человек. Тем самым была исправлена несправедливость, допущенная в отношении этих товарищей. Восстановленным коммунистам оказывалась необходимая помощь в получении соответствующей работы, в назначении пенсии, в разрешении вопросов в бытовом устройстве. Абсолютное большинство восстановленных в партии приобщается к активной общественно-политической и производственной жизни. В ряде случаев эти товарищи избраны секретарями парторганизаций, членами партийных бюро, находятся на руководящей профсоюзной и хозяйственной работе.

Рассмотрение персональных дел членов партии, связанных с нарушением социалистической законности

Комитет партийного контроля рассмотрел ряд дел бывших работников НКВД—МГБ, которые в период работы в органах госбезопасности грубо нарушали социалистическую законность, применяли недозволенные методы следствия, фальсифицировали обвинительные материалы на честных советских, партийных и хозяйственных работников, приписывая им совершение тягчайших преступлений перед партией и государством.

Всего за отчетный период КПК исключено из партии за нарушение революционной законности 68 человек. Например, по поручению ЦК КПСС Комитет партийного контроля рассмотрел вопрос о нарушениях социалистической законности бывшими работниками УНКВД — УМГБ по Хабаровскому краю. Как видно из материалов рассмотренных дел, в 1941—1949 гг. в краевом управлении применялись провокационные методы в агентурно-оперативной работе. В этих целях в 50 километрах от г. Хабаровска близ границы с Маньчжурией был создан «ЛЗ» (ложный закордон), состоявший из советской погранзаставы, так называемых «Маньчжурского пограничного полицейского поста» и «уездной японской военной миссии». Советских граждан, подозреваемых в шпионаже или антисоветской деятельности, работники краевого управления провокационным путем вербовали якобы для посылки за границу с заданием от органов НКВД, а затем с целью провокации инсценировали им переход через границу в Маньчжурию. В действительности они попадали не за границу, а в так называемую «уездную японскую военную миссию», где

сотрудники НКВД, переодетые в японскую военную форму, под видом белогвардейцев-эмигрантов учиняли допросы с применением мер физического воздействия и добивались от «задержанных» признания «японским властям» об их связи с советской разведкой и даже согласия работать в пользу японской разведки. После этого их возвращали в район советской погранзаставы, где они арестовывались и отправлялись в Хабаровскую тюрьму. Таким путем были сфальсифицированы дела на 148 человек, которые впоследствии были осуждены на длительные сроки заключения.

По этому делу Комитетом партийного контроля исключены из партии бывшие ответственные работники Хабаровского краевого управления НКВД—МГБ Антонов Д. А., Глотов Г. С., Сидорович С. К., Балакирев В. П., Попов А. С., Слободянюк И. А., а также привлечены к строгой партийной ответственности Акимов Ф. Ф., Писманник М. Л., Дмитрюков и Карлинский.

Исключен из партии Шабельников В. Н., который, будучи начальником райотдела НКВД Александрово-Заводского района Читинской области, нарушал социалистическую законность, допускал многочисленные незаконные аресты советских граждан и применял недозволенные методы следствия. Так, в начале 1938 г. была арестована группа жителей с. Маньково в количестве 19 человек, в их числе 6 человек активных участников партизанского движения в Забайкалье. Все арестованные обвинялись как участники контрреволюционной повстанческой организации. 18 из них были осуждены к ВМН *. Также незаконно райотделом НКВД была арестована в 1937—1938 гг. группа граждан в количестве 47 человек по обвинению в участии в антисоветской повстанческой организации. 22 человека из них были осуждены к ВМН и 25 человек к длительным срокам заключения. Как теперь установлено, все они были осуждены необоснованно и сейчас реабилитированы.

Органы прокуратуры при проверке заявлений тт. Ротай С. С., Забелкина П. А. и Шаджа И. Г. об их судебной реабилитации установили, что Першин С. А., будучи начальником 6-го отделения 3-го отдела УГБ УНКВД Орджоникидзевского края, грубо нарушал социалистическую законность, подвергал арестованных избиению, применял извращенные методы следствия. Комитетом партийного контроля он исключен из партии.

По поручению ЦК КПСС Комитет партийного контроля рассмотрел материалы о нарушении социалистической законности членами КПСС — Городниченко В. Т. и Боярским В. А., работавшими в 1937 г. в органах НКВД по Северной Осетии. Путем применения незаконных методов следствия, нарушения социалистической законности они добились признательных показаний от

---

* ВМН — высшая мера наказания (расстрел). *Ред.*

арестованных тт. Кабоева Г. Ф., работавшего зам. председателя Северо-Кавказского крайисполкома, Бутаева К. О., Маурера Г. В. и Кокова С. Г., работавших в период 1934—1937 гг. первыми секретарями обкома партии, о существовании в Северной Осетии антисоветской буржуазно-националистической организации «правых», в результате чего были необоснованно арестованы более 600 человек.

Таким же провокационным путем при активном участии Боярского возникло дело «правотроцкистской контрреволюционной буржуазно-националистической молодежной организации в Северной Осетии», по которому было арестовано большое количество ни в чем не повинных людей.

Комитет партийного контроля исключил Боярского и Городниченко из членов КПСС.

По поручению ЦК КПСС Комитет партийного контроля рассмотрел материалы о нарушении социалистической законности бывшим начальником отделения экономического отдела управления НКВД Московской области Каверзневым М. К. и его заместителем Крайновым Н. И. и исключил их из партии. Как теперь установлено, Каверзнев и Крайнов, грубо нарушая социалистическую законность, избивали арестованных, вымогали от них ложные признательные показания, фабриковали следственные дела, по которым было осуждено к расстрелу и длительным срокам заключения большое количество ни в чем не повинных советских, партийных и хозяйственных работников.

По сфальсифицированным ими материалам необоснованно были обвинены в контрреволюционной деятельности и впоследствии осуждены к высшей мере наказания директор Московского электрозавода, член КПСС с 1919 г. т. Петровский В. П., главный инженер и зам. начальника Главэлектропрома, член КПСС с 1926 г. т. Рябов Ф. Ф., зам. директора электрозавода, член КПСС с 1917 г. т. Сидоров Д. Ф. Ими также были сфальсифицированы обвинительные материалы на ответственных работников Мосэнерго, завода «Динамо», руководящих партийных и комсомольских работников Воскресенского района и группу работников Воскресенского химкомбината. По этим делам ряд лиц был расстрелян и многие осуждены на длительные сроки.

В соответствии с поручением ЦК КПСС были рассмотрены материалы о бывших работниках УНКВД по Ивановской области — Волкове К. П., Серебрякове П. В. и Козлове А. С. В 1937 г. путем применения незаконных методов ведения следствия было получено признательное показание от арестованного бывшего секретаря Ивановского обкома КПСС Епанечникова Д. С. о том, что он является участником контрреволюционной организации правых, от него добились показаний на 63 руководящих работника области. По этому делу было невинно осуждено большое количество лиц, в том числе секретари обкома партии Носов и Ковалев, председатель облисполкома Агеев, секретарь обкома

комсомола Адмиральская, секретарь Partколлегии КПК по Ивановской области Вятковский, которые были расстреляны. После смены таким путем руководства области работники УНКВД в 1938 г. арестовали 3-го секретаря обкома партии Шульцева, добились от него показания о существовании в области «запасного правотроцкистского блока» и участия в нем секретарей обкома Симочкина, Короткова, пред. облисполкома Аралова, прокурора области Карасика, пред. облсуда Волкова, и по сфальсифицированным материалам по этому делу было арестовано более 30 человек. Ряд из них, в том числе Симочкин и Коротков, были расстреляны.

Также по сфабрикованным материалам по обвинению в участии в «военно-фашистском заговоре» было арестовано более 40 человек командно-политического состава стрелкового корпуса, дислоцировавшегося в то время на территории Ивановской области. Комитетом партийного контроля Волков, Серебряков и Козлов исключены из членов КПСС.

Исключен из членов КПСС Никитин Д. М. Работая в 1939—1941 гг. помощником начальника следственной части НКВД СССР, он грубо нарушал социалистическую законность, применял к аресто̌анным во время допросов запрещенные методы следствия и понуждал их к даче ложных признательных показаний. Например, он участвовал в ведении следствия по делу бывшего зам. председателя Комиссии советского контроля при СНК СССР, члена КПСС с 1905 г. Беленького З. М., впоследствии осужденного к высшей мере наказания. Как теперь выяснилось, Никитин избивал его, устраивал стойки и такими извращенными методами добился от Беленького признательных показаний.

Такие же незаконные методы Никитин применял по делам бывшего пом. начальника Генерального штаба Красной Армии дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Смушкевича Я. В. и бывшего начальника Главного управления Военно-Воздушных Сил Красной Армии Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Рычагова П. В. ...

Рассмотрение заявлений исключенных из партии за пребывание в плену и на оккупированной территории

Комитетом партийного контроля рассмотрено 574 апелляции исключенных из КПСС за пребывание в период Великой Отечественной войны в плену и на оккупированной врагом территории. Из них восстановлено в партии 464 человека, или 81 процент.

В прошлом к коммунистам, оказавшимся в плену или на оккупированной территории, был неправильный, огульный подход. Их, как правило, без всякой проверки исключали из пар-

тии; больше того, они и даже члены их семей брались под подозрение.

После XX съезда партии Комитет партийного контроля принял меры к исправлению допущенных в прошлом ошибок в рассмотрении персональных дел коммунистов, исключенных за нахождение в плену и на оккупированной территории, многие из которых были восстановлены в партии...

Как известно, за пребывание в плену и на оккупированной врагом территории было исключено из партии большое количество коммунистов (более ста тысяч), но в последнее время они мало обращались с заявлениями о восстановлении в партии.

После постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29. VI. 56 г. «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей» количество апелляций от бывших коммунистов, исключенных из партии за пребывание в плену и на оккупированной территории, значительно возросло.

В целях быстрейшего и наиболее правильного рассмотрения этих апелляций, с учетом производственной и общественно-политической работы апеллирующих в настоящее время, по представлению Комитета партийного контроля 09. VIII. 56 г. было принято постановление ЦК КПСС «О порядке рассмотрения вопросов о восстановлении в КПСС бывших военнослужащих и лиц, находящихся в настоящее время в Советской Армии, выбывших из КПСС в связи с их пребыванием в плену или на временно оккупированной территории в период Великой Отечественной войны». Этим постановлением ЦК поручил местным партийным органам рассматривать апелляции бывших членов партии, исключенных за пребывание в плену и на оккупированной территории.

В результате реализации этого постановления местные партийные органы стали более внимательно и чутко относиться к рассмотрению заявлений, и многие коммунисты, неправильно исключенные из партии, восстановлены в рядах КПСС.

Но следует отметить, что и до настоящего времени встречаются факты перестраховки, когда некоторые партийные органы без всяких к тому оснований отказывают в восстановлении в партии...

О выполнении поручений ЦК КПСС

Центральным Комитетом КПСС было поручено Комитету партийного контроля проверить 58 заявлений о несоблюдении отдельными руководящими работниками партийной и государственной дисциплины, нарушениях социалистической законности, а также заявлений о восстановлении в партии. Всего за отчетный период закончено проверкой 40 заявлений, результаты рассмотрены КПК, приняты соответствующие решения, о чем доложено ЦК КПСС...

Комитетом партийного контроля также был проверен и рассмотрен вопрос об антипартийном поведении Мишаковой, которая оклеветала большую группу партийных и комсомольских работников. По ее материалам были объявлены «врагами народа» и необоснованно осуждены руководящие работники ЦК ВЛКСМ и Чувашского обкома партии и комсомола. Мишакова исключена из партии.

По поручению Секретариата ЦК КПСС Комитет партийного контроля проверил заявление секретаря парторганизации Управления КГБ по Псковской области т. Иванова о нарушениях социалистической законности бывшим начальником Псковского окротдела НКВД т. Карповым Г. Г., ныне работающим председателем Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР.

Проверкой было установлено, что т. Карпов, работая в 1937—1938 гг. в Ленинградском управлении и Псковском окружном отделе НКВД, грубо нарушал социалистическую законность, производил массовые аресты ни в чем не повинных граждан, применял извращенные методы ведения следствия, а также фальсифицировал протоколы допросов арестованных. За такие незаконные действия большая группа следственных работников Псковского окружного отдела НКВД еще в 1941 г. была осуждена, а т. Карпов в то время был отозван на работу в Москву в центральный аппарат НКВД. В связи с этим военная коллегия войск НКВД Ленинградского военного округа вынесла определение о возбуждении уголовного преследования в отношении Карпова Г. Г., но это определение Министерством госбезопасности было положено в архив.

За допущенные нарушения социалистической законности в 1937—1938 гг. т. Карпов Г. Г. заслуживал исключения из КПСС, но, учитывая давность совершенных им проступков и положительную работу в последующие годы, Комитет партийного контроля ограничился в отношении т. Карпова Г. Г. объявлением ему строгого выговора с занесением в учетную карточку...

16 апреля 1957 г.

ИЗ «ОТЧЕТА О РАБОТЕ КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ЦК КПСС ЗА ПЕРИОД С XX ПО XXII СЪЕЗД КПСС (1956—1961 гг.)»

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС во всей своей работе за отчетный период руководствовался историческими решениями XX съезда партии и последующими указаниями Центрального Комитета КПСС.

В соответствии с решениями XX съезда, направленными на восстановление ленинских норм партийной жизни и ликвидацию

последствий культа личности И. В. Сталина, были устранены серьезные недостатки и ошибки в работе КПК, имевшиеся в прошлом, и его деятельность была перестроена самым решительным образом. Из практики работы исключены такие пороки, укоренившиеся под воздействием культа личности, как: подмена коллегиальности единоличными решениями, предвзятость и излишняя подозрительность при рассмотрении персональных дел, обсуждение многих персональных дел заочно и без должной проверки предъявленных коммунистам обвинений. Комитетом партийного контроля был полностью восстановлен предусмотренный Уставом КПСС порядок рассмотрения персональных дел коммунистов...

Результаты рассмотрения заявлений о восстановлении в КПСС лиц, в прошлом исключенных из партии в связи с их осуждением по необоснованным политическим обвинениям

Выполняя указания ЦК КПСС, Комитет партийного контроля и местные партийные органы провели большую работу по реабилитации в партийном отношении коммунистов, в прошлом без оснований привлеченных к судебной ответственности и исключенных из партии по тягчайшим политическим обвинениям.

За истекшее после XX съезда КПСС время реабилитированы в партийном отношении 30 954 коммуниста (многие посмертно). Среди них 3693 бывших руководящих партийных и комсомольских работника, 4148 руководящих работников советских органов, 6165 руководящих хозяйственных работников, 4394 командира и политработника Советской Армии.

О партийной реабилитации членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), членов Центральной Ревизионной Комиссии и членов КПК, избранных на XVII съезде партии

Вопиющие нарушения советской законности и Устава партии были допущены в 1937—1938 гг. в отношении многих членов и кандидатов в члены ЦК, членов Центральной Ревизионной Комиссии и членов КПК, избранных на XVII съезде партии.

Из 71 члена ЦК 44 были арестованы, из них 14 человек в нарушение Устава партии выведены из ЦК опросом, без обсуждения на пленуме, а в отношении тт. Косиора С. В., Чубаря В. Я., Эйхе Р. И., Косарева А. В., Евдокимова Е. Г., Стецкого А. И. и Мирзояна Л. И. вопрос на Пленуме ЦК вообще не решался.

По поручению ЦК КПСС Комитет партийного контроля рассмотрел дела необоснованно осужденных и исключенных из партии членов ЦК и 41 человека реабилитировал в партийном отношении посмертно. В их числе:

тов. Косиор С. В., член партии с 1907 г., член Политбюро ЦК, в апреле 1938 г. без рассмотрения вопроса на Пленуме ЦК был отстранен от всех порученных ему дел, а в мае арестован и расстрелян по сфабрикованным обвинениям в принадлежности к контрреволюционной организации и создании на Украине заговорщического террористического центра;

тов. Рудзутак Я. Э., член партии с 1905 г., кандидат в члены Политбюро ЦК. На суде он не признал себя виновным в предъявленных ему тяжких политических обвинениях и просил довести до сведения ЦК о том, что в органах НКВД искусственно создают дела, принуждая ни в чем не повинных людей признавать себя виновными. Тов. Рудзутак был приговорен к расстрелу;

тов. Чубарь В. Я., член партии с 1907 г., 16 июня 1938 г. Политбюро ЦК приняло решение о невозможности оставления его членом Политбюро и зам. председателя СНК и СТО. Пленум ЦК этот вопрос не рассматривал, из партии т. Чубарь не исключался. Несмотря на это, его арестовали и без оснований приговорили к высшей мере наказания;

тов. Эйхе Р. И., член партии с 1905 г., кандидат в члены Политбюро ЦК, без рассмотрения вопроса о нем на Пленуме ЦК арестован в апреле 1938 г. и расстрелян по вымышленным обвинениям;

тов. Постышев П. П., член партии с 1904 г., кандидат в члены Политбюро ЦК. В феврале 1938 г., в нарушение Устава партии, решением КПК, утвержденным опросным порядком Пленумом ЦК, был исключен из партии, вскоре арестован и расстрелян.

Из 68 кандидатов в члены ЦК 55 были арестованы органами НКВД и осуждены. Товарищей Блюхера В. К., Угарова А. И., Пахомова Н. И., Исаева У. Д., Смородина П. И., Кулькова М. М., Стриевского К. К., Затонского В. П., Филатова Н. А., Бройдо Г. И., Прамнэка Э. К., Позерна Б. П. арестовали без рассмотрения вопроса о них на Пленуме ЦК. Судьба других товарищей была решена в основном на двух Пленумах ЦК — 23 июня и 12 октября 1937 г., когда было исключено 30 человек, или 44 процента общего состава кандидатов в члены ЦК, причем многие из них до этого уже были арестованы органами НКВД.

Комитет партийного контроля решил вопрос о партийной реабилитации 48 бывших кандидатов в члены ЦК. Среди них:

тов. Угаров А. И., член партии с 1918 г., работал секретарем Ленинградского горкома, а затем Московского горкома и обкома ВКП(б). Как теперь установлено, ему было предъявлено вымыш-

ленное обвинение, будто бы он состоял на службе английской разведки и входил в руководящий состав антисоветской террористической организации правых в Ленинграде, участвовал в создании резервной террористической группы для совершения убийства С. М. Кирова. Следствие по его делу непосредственно вели Берия, Кобулов, Шварцман, которые путем пыток и истязаний заставляли его подписывать сфабрикованные ими протоколы допросов;

тов. Уншлихт И. С., член партии с 1900 г., в прошлом активный деятель Социал-демократической партии Польши и Литвы, участник V Лондонского съезда РСДРП. Арестовали его без санкции прокурора и осудили по вымышленному делу так называемой «ПОВ» (Польска организация войскова);

тов. Калыгина А. С., член партии с 1915 г., в прошлом ткачиха, активная участница революционного движения, подвергавшаяся репрессиям со стороны царских властей. Работала вторым секретарем Калининского обкома, а затем секретарем Воронежского горкома ВКП(б). Начиная с XIV съезда партии, она избиралась кандидатом в члены ЦК. В 1937 г. ее арестовали и осудили к высшей мере наказания по сфальсифицированным обвинениям.

Из 22-х членов Центральной Ревизионной Комиссии было арестовано и осуждено по обвинению в политических преступлениях против партии и государства 18 человек. К данному времени 17 из них полностью реабилитированы. В том числе: т. Орахелашвили М. Д., член партии с 1903 г., последнее время работал зам. директора ИМЭЛа, у которого в апреле 1937 г. бывший нарком внутренних дел Ежов без решения ЦК ВКП(б) отобрал партийный билет, после чего его выслали в Астрахань, а затем арестовали и отправили в Тбилиси. В результате пыток и истязаний т. Орахелашвили вынужденно подписал ложные показания на Серго Орджоникидзе и на ряд других коммунистов. Решением «тройки» НКВД Грузинской ССР т. Орахелашвили был приговорен к высшей мере наказания. Расправа над ним была учинена потому, что он ранее написал в ЦК ВКП(б) письмо, в котором выражал политическое недоверие Берия.

В 1937—1938 гг. почти половина (29 из 61) членов Комиссии партийного контроля была арестована и осуждена. В настоящее время 27 из них реабилитированы в партийном отношении. В их числе: т. Акулов И. А., член партии с 1907 г., участник VII (Апрельской) конференции и VI съезда партии, являвшийся в прошлом зам. председателя ЦКК ВКП(б); т. Акулинушкин П. Д., член партии с 1917 г., работавший секретарем Красноярского крайкома партии; т. Яковлев А. И., член партии с 1917 г., уполномоченный КПК по Саратовскому краю; т. Рубенов Р. Г., член партии с 1917 г., уполномоченный КПК по Ленинградской области; т. Сорокин М. Л., член партии с 1921 г., директор Тульского оружейного завода, и другие.

Дела в отношении осужденных трех членов и семи кандидатов в члены ЦК, одного члена Центральной Ревизионной Комиссии и двух членов КПК в партийном порядке не рассмотрены, в настоящее время по ним ведется проверка.

О партийной реабилитации руководящих партийных и комсомольских работников

Всего реабилитировано в партийном отношении 3693 бывших руководящих партийных и комсомольских работника, из них непосредственно Комитетом партийного контроля 607 человек, в том числе секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик — 99, секретарей райкомов и горкомов партии — 76, работников аппарата ЦК — 83, работников Коминтерна и КИМа — 36 человек.

Среди реабилитированных: тт. Румянцев И. И.— член партии с 1905 г., секретарь Западного обкома партии; Шеболдаев Б. П.— член партии с 1914 г., секретарь Курского обкома партии; Стецкий А. И.— член партии с 1915 г., зав. отделом пропаганды ЦК ВКП(б); Рындин К. В. — член партии с 1915 г., секретарь Челябинского обкома партии; Смородин П. И.— член партии с 1917 г., секретарь Сталинградского обкома партии.

В 1937—1938 гг. было необоснованно арестовано более двух третей (из 128—96) членов и кандидатов в члены ЦК ВЛКСМ, избранных на X съезде комсомола в 1936 г. В результате сфабрикованного по указанию Берия дела погибли почти все секретари ЦК ВЛКСМ: тт. Косарев А. В., Вершков П. А., Горшенин П. С., Белобородов К. Г., Файнберг Е. Л., Лукьянов Д. Д., а также члены бюро ЦК ВЛКСМ: тт. Андреев С. И., Вайшля И. С., Герцович Л. Б., Мускин В. А., Снетков Р. С., Тимиргалина Ш. Т., Черный А. Д. Ныне они реабилитированы.

Большой урон нанесен в 1937—1938 гг. кадрам партийных и советских работников национальных республик, где в результате массовых репрессий были уничтожены многие честные и преданные делу партии руководящие работники из числа коренной национальности. В том числе: т. Икрамов А. И.— первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, т. Калмыков Б. Э.— секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии и другие, которые в настоящее время полностью реабилитированы в судебном и партийном порядке.

Выполняя указание ЦК КПСС, Комитет партийного контроля принял меры к исправлению допущенных в прошлом Ленинградским обкомом и Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б) ошибок и пересмотрел дела исключенных из партии по так называемому «ленинградскому делу».

В связи с этим делом из партии необоснованно были исключены сотни коммунистов и многие из них подвергнуты репрессиям со стороны органов МГБ.

О партийной реабилитации руководящих работников советских органов, наркоматов, промышленных предприятий, транспорта и строительства

Комитетом партийного контроля, а также обкомами, крайкомами и ЦК компартий союзных республик восстановлено в КПСС 10 313 бывших руководящих работников советских органов, наркоматов, промышленных предприятий, транспорта и строительства, которые были необоснованно подвергнуты репрессиям.

Реабилитированы судом и восстановлены в КПСС 4148 коммунистов, находившихся в прошлом на руководящих постах в советских органах. В числе реабилитированных Комитетом партийного контроля — 72 бывших председателя облисполкомов, крайисполкомов, председателя совнаркомов союзных республик и их заместителей. Среди этих товарищей Антипов Н. К., член партии с 1912 г.— зам. Председателя Совнаркома СССР и председатель Комиссии советского контроля; т. Голодед Н. М., член партии с 1918 г.— Председатель Совнаркома Белорусской ССР; т. Исаев У. Д., член партии с 1921 г.— Председатель Совнаркома Казахской ССР; т. Грядинский Ф. П., член партии с 1912 г.— председатель Западно-Сибирского крайисполкома; т. Филатов Н. А., член партии с 1912 г.— председатель Московского облисполкома.

В числе реабилитированных руководящих работников наркоматов: т. Бубнов А. С., член партии с 1903 г.— нарком просвещения РСФСР; т. Рухимович М. Л., член партии с 1913 г.— нарком оборонной промышленности СССР; т. Любимов И. Е., член партии с 1902 г.— нарком легкой промышленности СССР; т. Калманович М. И., член партии с 1917 г.— нарком совхозов СССР; т. Серебровский А. П., член партии с 1903 г.— зам. наркома тяжелой промышленности СССР; т. Комаров Н. П., член партии с 1903 г.— нарком коммунального хозяйства РСФСР; т. Затонский В. П., член партии с 1917 г.— нарком просвещения Украинской ССР.

Реабилитирована большая группа коммунистов, в прошлом работавших на железнодорожном транспорте. В 1936—1938 гг. необоснованно было арестовано и в связи с этим исключено из партии 12 заместителей наркома путей сообщения, 65 начальников дорог, 63 начальника политотделов и заместителей начальников дорог. На Северо-Кавказской дороге было арестовано один за другим 3 начальника, Московско-Курской — 4, Томской — 4. Руководящим работникам железнодорожного транспорта предъявлялись невероятно надуманные обвинения. Например, в следственном деле т. Благонравова Г. И., бывшего зам. наркома путей сообщения (член партии с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б)), записано, что он являлся участником антисоветской заговорщической организации правых, принимал участие в подготовке вооруженного захвата власти в стране, проводил вредительство на железнодорожном транспорте и готовился к совершению террористического акта над Кагановичем и Ежовым.

О партийной реабилитации руководящих военных работников

За годы, прошедшие после XX съезда КПСС, реабилитировано в партийном отношении 4394 бывших командира и политработника Советской Армии. В их числе посмертно реабилитированы Маршалы Советского Союза т. Блюхер В. К., член партии с 1916 г., т. Тухачевский М. Н., член партии с 1918 г., т. Егоров А. И., член партии с 1918 г.

Реабилитированы также т. Куйбышев Н. В., член партии с 1918 г., бывший командующий и член Военного совета Закавказского военного округа; т. Пумпур П. И., член партии с 1919 г., Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации, участник боев в Испании, командующий ВВС Московского военного округа; т. Хаханян Г. Д., член партии с 1917 г., член Военного совета Особой Дальневосточной армии, член Комиссии советского контроля при Совнаркоме СССР; т. Ковтюх Е. И., член партии с 1918 г., прославленный герой гражданской войны, командир Таманской дивизии (в романе Серафимовича «Железный поток» показан под фамилией Кожуха).

* * *

Рассмотрение Комитетом партийного контроля дел коммунистов, реабилитированных в политическом отношении, еще раз убедительно показывает, что культ личности И. В. Сталина и принявшие повсеместно широкий размер нарушения норм партийной жизни и социалистической законности причинили большой вред советскому обществу, безвинно были уничтожены или на длительный период оторваны от активной деятельности многие тысячи опытных, идейно закаленных и преданных делу партии кадров.

После июньского Пленума ЦК КПСС 1957 г., разоблачившего антипартийную группу Маленкова, Молотова, Кагановича и других, работники ЦК КПСС по поручению Президиума ЦК проводили проверку материалов о преступлениях участников этой группы по истреблению кадров партии и государства.

В результате глубокого изучения имеющихся документов, бесед с коммунистами был подготовлен большой фактический материал, изобличающий Маленкова, Молотова, Кагановича в массовом истреблении в 1937—1938 гг. и позднее партийных, советских, хозяйственных, военных и других кадров.

Проверкой с выездом в Армению и Белоруссию установлено, что Маленков, выезжая в 1937 г. в эти республики, учинил полный разгром партийного, советского и хозяйственного актива. По его указанию были арестованы, а впоследствии расстреляны многие ни в чем не повинные руководящие работники республик.

Маленков несет персональную ответственность за грубые нарушения Устава партии и социалистической законности, допущенные в отношении актива Ленинградской парторганизации в 1949—1952 гг. Он был одним из инициаторов создания так называемого

«ленинградского дела», допрашивал «обвиняемых» и вдохновлял фальсификаторов.

Расследование показало, что в истреблении партийных и советских кадров повинен Молотов В. М., он вместе со Сталиным И. В. санкционировал расстрел тысяч ни в чем не виновных коммунистов.

В 1959 г. Молотов обратился в КПК при ЦК КПСС с заявлением. По поручению Президиума ЦК КПСС Комитет проверил это заявление и установил, что оно от начала до конца является клеветническим.

Установлено, что с приходом Кагановича Л. М. на пост наркома путей сообщения на транспорте стали твориться беззакония, произвол и применяться массовые аресты невинных людей. Многие аресты производились по его личной инициативе. Он посылал на имя Ежова, а позднее Берия письма, в которых необоснованно возводил политические обвинения на многих коммунистов, честно работавших на транспорте, и требовал их немедленного ареста.

По поручению Президиума ЦК Комитет проверил заявления тт. Клементьева Ю. В. и Набатчикова А. М. об антипартийном отношении Кагановича Л. М. к работавшим с ним сотрудникам. 13 июля 1957 г. КПК принял решение: «За поведение, недостойное звания члена КПСС, за издевательство над подчиненными сотрудниками объявить т. Кагановичу Л. М. строгий выговор с занесением в учетную карточку».

По всем этим вопросам специальными записками доложено ЦК КПСС...

В настоящее время работники КПК принимают активное участие в проводимой Центральным Комитетом КПСС работе по проверке правильности осуждения лиц, прошедших по открытым судебным процессам в 1935—1939 гг.

Большая ответственность за массовое исключение из партии коммунистов по необоснованным фальсифицированным материалам ложится на бывший состав Партколлегии Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б).

Имеющиеся в Комитете партийного контроля материалы показывают, что в прошлом, особенно в 1936—1940 гг., Партколлегия Комиссии партийного контроля не проверяла обоснованность предъявленных членам партии тягчайших политических обвинений и, по существу, без всякого разбора исключала их из партии с формулировкой «как врага народа», «как контрреволюционера» и т. п. Во многих случаях решения об исключении из партии выносились по спискам арестованных, присланным из НКВД.

Известно, что после ареста органы НКВД высылали членов семей арестованных из Ленинграда, Москвы и других крупных городов в отдаленные районы страны. Среди высланных было немало коммунистов, исключенных в связи с этим из партии местными партийными органами. Они обращались в Партколлегию КПК с просьбами рассмотреть вопрос о партийном положении, но такие апелляции по существу не рассматривались, а оформлялся

протокол, в который порой включалось до 130 человек, и без всякой мотивировки принималось решение — «в пересмотре дела отказать». Только за 1937—1938 гг. таким путем было оформлено решений об исключении из партии на 1290 человек.

Проводя работу по реабилитации коммунистов, в прошлом необоснованно осужденных по политическим мотивам, Комитет партийного контроля все заявления о восстановлении в партии рассматривал в строго индивидуальном порядке с предварительной тщательной проверкой материалов персональных дел. Восстановленным в партии Комитет партийного контроля и местные партийные органы оказывали необходимую помощь в устройстве на работу, в назначении пенсии, а также в разрешении жилищного вопроса. Большинство их в настоящее время активно участвуют в общественно-политической и производственной работе.

При рассмотрении дел иногда выяснялось, что среди реабилитированных по суду и подавших заявления о восстановлении в КПСС были лица, которые в период острой борьбы с троцкистами, зиновьевцами и правыми оппортунистами активно выступали против партии, в защиту оппозиции. Этих людей не было оснований привлекать к судебной ответственности, но из партии они в свое время были исключены правильно, поэтому Комитет партийного контроля отказывал таким лицам в восстановлении в КПСС. Всего по указанным мотивам отказано в восстановлении в партии 195 человекам.

Рассмотрение персональных дел коммунистов, привлеченных к партийной ответственности за нарушения социалистической законности

За отчетный период Комитет партийного контроля рассмотрел 387 персональных дел коммунистов, виновных в грубом нарушении социалистической законности, и 347 человек исключил из КПСС. Большинство таких дел Комитет рассматривал в порядке поступления апелляций на решения местных партийных органов, а 69 дел рассмотрено непосредственно КПК.

Среди исключенных из партии 10 министров внутренних дел и госбезопасности (союзных и республиканских) и их заместителей, 77 ответственных работников центрального, а также областных, краевых и республиканских аппаратов НКВД — МГБ, 72 начальника городских и районных отделов госбезопасности и оперативных работников этих отделов и других.

По поручению ЦК КПСС Комитет рассмотрел дела и исключил из партии бывших руководящих работников НКВД — МВД Круглова С. Н., Неймана Н. И. и Федотова П. В.

Круглов, будучи долгое время заместителем Берия, проявил себя как лично преданный Берия человек, грубо нарушал социалистическую законность. Занимаясь в 1944 г. выселением чеченцев и ингушей, он допустил произвол по отношению к выселяемым, применял расстрелы невинных людей, больных стариков и жен-

щин с детьми. Он обманывал партию и правительство, докладывая о полнейшем порядке с переселением чеченцев и ингушей и о якобы хороших условиях, созданных переселенцам по новому местожительству в республиках Средней Азии. По указанию Маленкова принимал активное участие в создании так называемой «особой тюрьмы» для руководящих партийных и советских работников.

Нейман грубо нарушал социалистическую законность, сфальсифицировал ряд дел на видных партийных и советских работников — секретаря ЦК Компартии Казахстана т. Мирзояна Л. И., секретаря ЦК КП Азербайджана т. Касимова Юсуфа и других, необоснованно обвинив их в тягчайших преступлениях против партии и государства.

Федотов П. В., последнее время работавший начальником 2-го Главного управления КГБ, будучи в составе бригады НКВД СССР, руководимой Маленковым и Литвином, сфальсифицировал обвинения на многих партийных и советских работников Армении, применял к ним меры физического воздействия. Путем истязаний добился признательных показаний в преступлениях против государства от незаконно арестованных: командира 76-й Армянской стрелковой дивизии Атояна, нач. политотдела Абрамяна, командира полка Авакимяна. Полученные таким преступным путем показания послужили основанием для поголовного ареста командного и политического состава этой дивизии, из которых многие были расстреляны. Федотовым сфальсифицированы материалы против ряда других видных работников: бывшего полпреда СССР в Венгрии Бекзадяна А. А., бывшего первого секретаря обкома партии республики Немцев Поволжья Попок Я. А., бывшего первого секратаря ЦК КП Киргизии Амосова М. К. и других. По его инициативе в Хабаровском крае на границе с Маньчжурией был организован так называемый «ложный закордон», где в результате беззаконий и провокаций безвинно погибло много советских граждан.

По поручению ЦК рассмотрен также вопрос о нарушениях социалистической законности Козыревым А. А.— бывшим зам. нач. следственного управления КГБ, Язевым П. К.— бывшим начальником оперативно-следственной группы УНКВД Амурской области, Якушевым Л. Т.— бывшим наркомом внутренних дел Крымской АССР, Богдановым Н. К.— бывшим зам. наркома внутренних дел Казахской ССР. Указанные лица в карьеристских целях грубо нарушали социалистическую законность, фальсифицировали дела на партийных и советских работников и тем самым совершили тягчайшие антипартийные проступки, несовместимые с пребыванием в рядах КПСС. Ввиду этого Комитет исключил их из партии.

По всем таким делам проводилась тщательная проверка, учитывался характер и последствия совершенных нарушений, а также обстановка, при которой были допущены беззакония. Комитет счел возможным восстановить 40 человек в партии с объявлением строгих взысканий.

Рассмотрение заявлений коммунистов, исключенных из партии за пребывание в плену и на оккупированной территории

Как известно, в первые послевоенные годы были допущены серьезные ошибки при рассмотрении вопросов о партийном положении коммунистов, которые в период Великой Отечественной войны попали в плен или оказались на временно оккупированной врагом территории.

Под воздействием культа личности, в нарушение Устава КПСС и социалистической законности партийные организации были сориентированы на огульный, предвзятый подход к разбору дел таких коммунистов.

Сам факт пребывания в плену или на оккупированной территории, вне зависимости от условий и без учета поведения коммуниста, совершенно необоснованно расценивался как проступок, несовместимый с пребыванием в партии. Такие коммунисты исключались из партии. Более того, вокруг них и членов их семей создавалась обстановка недоверия и подозрительности, а в ряде случаев они необоснованно подвергались репрессиям. Об этом свидетельствуют такие примеры:

Селезнев И. У., член КПСС с 1937 г., в октябре 1941 г. вместе с частью оказался в окружении и при попытке выйти из него попал в плен. Он трижды бежал из лагерей военнопленных, но каждый раз задерживался немецкими властями. В мае 1942 г. он совершил побег в четвертый раз и ему удалось перейти линию фронта. Здесь его обвинили в самовольной сдаче в плен, работе на немцев и осудили на 10 лет лишения свободы с заменой тюремного заключения отправкой на фронт. После этого т. Селезнев до конца войны находился на фронте, был дважды ранен, награжден орденом Красной Звезды и двумя медалями. Демобилизовавшись из армии, он работал председателем колхоза, а затем рядовым колхозником. Несмотря на то, что Военная Коллегия Верховного суда СССР впоследствии прекратила судебное дело Селезнева за отсутствием состава преступления, Калужский обком КПСС отказал ему в просьбе о восстановлении в партии.

Курским обкомом партии и Партколлегией КПК в 1944 г. была исключена из партии т. Зайцева Е. А. (член КПСС с 1921 г.), которая, имея двух малолетних детей, во время наступления немцев не смогла эвакуироваться. Немцами она дважды арестовывалась, почти весь период оккупации находилась в тюрьме, ничем себя не скомпрометировала. Освобождена из тюрьмы в январе 1943 г. Советской Армией.

Ставропольским крайкомом КПСС в 1944 г. был исключен из партии за пребывание на оккупированной врагом территории т. Голубев Г. М., член КПСС с 1912 г., активный участник Октябрьской революции и гражданской войны. Находясь в Кисловодске, он не смог эвакуироваться по состоянию здоровья.

Многие коммунисты, выбывшие и исключенные из партии в связи с пребыванием в плену или на оккупированной территории, обращались в Партколлегию КПК с заявлениями о восстановлении в КПСС, однако и здесь вопрос о них длительное время решался неправильно, в большинстве случаев им необоснованно отказывали в восстановлении в КПСС.

Решения XX съезда КПСС и меры, принятые Центральным Комитетом партии, положили конец этой несправедливости.

Руководствуясь постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 июня 1956 г. «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей», Комитет и местные партийные органы приняли меры к пересмотру ошибочных решений в отношении таких коммунистов.

Всего за это время рассмотрено 24 038 заявлений коммунистов и восстановлено в партии 16 223 человека. Комитет партийного контроля принимал решения об отказе в восстановлениях в партии лишь в тех случаях, когда проверкой действительно подтверждались факты недостойного поведения апеллирующего.

Июль 1961 г.

IV. ФАЛЬШИВЫЕ ПРОЦЕССЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

«СОЮЗ МАРКСИСТОВ-ЛЕНИНЦЕВ»

Постановлениями коллегии ОГПУ в 1932—1933 гг. в несудебном порядке были привлечены к уголовной ответственности с назначением различных мер наказания М. Н. Рютин, М. С. Иванов, В. Н. Каюров, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, П. А. Галкин, В. И. Демидов, П. П. Федоров, Г. Е. Рохкин, П. М. Замятин, Н. И. Колоколов, В. Л. Лисянская, В. Б. Горелов, А. Н. Слепков, Д. П. Марецкий, Н. И. Васильев, Б. М. Пташный, Я. Э. Стэн, П. Г. Петровский, И. С. Розенгауз, Я. В. Старосельский, Б. А. Карнаух, С. В. Токарев, М. И. Мебель, А. В. Каюров, П. А. Сильченко, И. Н. Боргиор, А. С. Зельдин, А. И. Козловский и М. Е. Равич-Черкасский.

Все они обвинялись в том, что в целях борьбы с Советской властью и восстановления капитализма в СССР создали контрреволюционную организацию «союз марксистов-ленинцев», подготовили программный документ этой организации и активно занимались антисоветской деятельностью.

Суть «дела» заключалась в следующем.

В начале 1932 г. М. Н. Рютин, бывший секретарь Краснопресненского райкома ВКП(б) г. Москвы, которого в 1930 г. ЦКК исключила из партии, как говорилось в решении, «за пропаганду правооппортунистических взглядов», а затем работавший экономистом «Союзэлектро», и старые большевики – В. Н. Каюров, член партии с 1900 г., руководитель плановой группы Центроархива, и М. С. Иванов, член партии с 1906 г., руководитель группы Наркомата Рабоче-Крестьянской Инспекции РСФСР, обеспокоенные широко распространившимися грубыми нарушениями внутрипартийной демократии, насаждением в руководстве партийными и государственными делами административно-командных методов, решили в письменной форме изложить свои взгляды на создавшуюся обстановку.

Непосредственным исполнителем этого стал М. Н. Рютин. В марте 1932 г. им были подготовлены проекты двух документов под названием «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» * и обращение «Ко всем членам ВКП(б)». В редактировании этих

---

* См. настоящее издание. С. 334.

материалов приняли участие М. С. Иванов, В. Н. Каюров и его сын, член партии с 1914 г., старший инспектор Наркомснаба СССР А. В. Каюров.

21 августа 1932 г. в деревне Головино под Москвой, на частной квартире члена партии электротехника стройтреста П. А. Сильченко (в его отсутствие) была проведена встреча с участием Мартемьяна Никитича Рютина, Михаила Семеновича Иванова, Василия Николаевича Каюрова, Александра Васильевича Каюрова и его коллеги Николая Ивановича Колоколова, Натальи Павловны Каюровой, секретаря правления «Союзмолоко», Павла Андриановича Галкина, директора 26-й Московской типографии, Петра Михайловича Замятина, инструктора треста «Нарпит» Краснопресненского района, Павла Платоновича Федорова, профессора Московского торфяного института, Василия Ивановича Демидова, начальника административно-хозяйственного отдела московского автозавода, Григория Евсеевича Рохкина, научного сотрудника ОГИЗа, Виктора Борисовича Горелова, директора треста «Киномехпром» Союзкино, Бориса Михайловича Пташного, начальника управления Наркомснаба УССР, харьковчан Николая Ивановича Васильева, управляющего объединением «Гипрококс», и Семена Васильевича Токарева, заместителя управляющего объединением «Гипрококс».

Участники встречи обсудили вопросы:

1. Доклад М. Н. Рютина «Кризис партии и пролетарской диктатуры».

2. Утверждение платформы организации и воззвания.

3. Организационные вопросы (выборы).

Участники совещания приняли за основу платформу и обращение ко всем членам партии, доложенные М. Н. Рютиным. Утвержденные документы было решено передать на окончательное редактирование комитету, избранному на этом совещании в составе: М. С. Иванов — секретарь и члены комитета — В. Н. Каюров, П. А. Галкин, В. И. Демидов и П. П. Федоров. М. Н. Рютин, по его же просьбе, в состав комитета на вошел, как беспартийный и по причинам конспиративного характера. Было условлено дать создаваемой организации название «союз марксистов-ленинцев».

На втором заседании комитета, проходившем на квартире М. С. Иванова, было принято решение распространять программные документы «союза» среди членов партии путем личных контактов и рассылки почтой, выяснять их отношение к этим материалам. Так, вскоре с ними были ознакомлены Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Я. Э. Стэн [1], бывший секретарь Московского комитета ВКП(б) Н. А. Угланов [2] и ряд других лиц в Москве и Харькове. Всего комитет провел несколько заседаний, на которых подводились итоги распространения материалов «союза».

Анализ содержания «платформы» и так называемого «манифеста» «союза марксистов-ленинцев» — обращения «Ко всем членам ВКП(б)» — показывает, что в них давалась оценка тяжелого экономического положения, в котором оказалась страна из-за

допущенных сталинским руководством перегибов в вопросах форсирования темпов индустриализации и сплошной коллективизации, сопровождавшихся насилиями над крестьянами, говорилось о необходимости демократизации внутрипартийной и государственной жизни, восстановления ленинских норм и принципов, об отказе от насильственной коллективизации, о стихийных проявлениях недовольства и восстаниях крестьян (Северный Кавказ, Закавказье, Сибирь, Украина) и рабочих некоторых промышленных центров (Иваново, Вичуга), делался вывод, что трудно ждать кардинальных изменений, пока во главе Центрального Комитета ВКП(б) находится И. В. Сталин. Шла речь о таких явлениях, как усиление бюрократизма, извращение сущности пролетарской диктатуры, принижение роли Советов, профсоюзов, комсомола. Для восстановления пролетарской диктатуры, ленинских принципов жизни и деятельности партии, повышения активности ее членов, выхода страны из тяжелого экономического положения предлагалось осуществить организационные изменения в руководстве партии, сместить И. В. Сталина с поста Генерального секретаря. И. В. Сталин характеризовался при этом как «великий агент, провокатор, разрушитель партии», «могильщик революции в России».

В принятом обращении «Ко всем членам ВКП(б)», в частности, говорилось:

«Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его кликой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис. С помощью обмана, клеветы и одурачивания партийных лиц, с помощью невероятных насилий и террора, под флагом борьбы за чистоту принципов большевизма и единства партии, опираясь на централизованный мощный партийный аппарат, Сталин за последние пять лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру, порвал с ленинизмом, стал на путь самого необузданного авантюризма и дикого личного произвола и поставил Советский Союз на край пропасти.

...Авантюристические темпы индустриализации, влекущие за собой колоссальное снижение реальной заработной платы рабочих и служащих, непосильные открытые и замаскированные налоги, инфляцию, рост цен и падение стоимости червонца; авантюристическая коллективизация с помощью невероятных насилий, террора, раскулачивания, направленного фактически главным образом против середняцких и бедняцких масс деревни, и, наконец, экспроприация деревни путем всякого рода поборов и насильственных заготовок привели всю страну к глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду как в деревне, так и в городах... Всякая личная заинтересованность к ведению сельского хозяйства убита, труд держится на голом принуждении и репрессиях, насильственно созданные колхозы разваливаются. Все молодое и здоровое из деревни бежит, миллионы людей, оторванных от производительного труда, кочуют по стране, перенаселяя города, остающееся в деревне население голодает... В перспективе — дальнейшее обнищание, одичание и запустение деревни...

На всю страну надет намордник, бесправие, произвол и насилие, постоянные угрозы висят над головой каждого рабочего и крестьянина. Всякая революционная законность попрана!.. Учение Маркса и Ленина Сталиным и его кликой бесстыдно извращается и фальсифицируется. Наука, литература, искусство низведены до уровня низких служанок и подпорок сталинского руководства. Борьба с оппортунизмом опошлена, превращена в карикатуру, в орудие клеветы и террора против самостоятельно мыслящих членов партии. Права партии, гарантированные Уставом, узурпированы ничтожной кучкой беспринципных полити-

канов. Демократический централизм подменен личным усмотрением вождя, коллективное руководство — системой доверенных людей.

Печать, могучее средство коммунистического воспитания и оружие ленинизма, в руках Сталина и его клики стала чудовищной фабрикой лжи, надувательства и терроризирования масс. Ложью и клеветой, расстрелами и арестами... всеми способами и средствами они будут защищать свое господство в партии и стране, ибо они смотрят на них, как на свою вотчину.

Ни один самый смелый и гениальный провокатор для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма не мог бы придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики...»

14 сентября 1932 г. в ЦК ВКП(б) поступило заявление от членов ВКП(б) Н. К. Кузьмина [3] и Н. А. Стороженко [4], в котором сообщалось, что ими получено для ознакомления от А. В. Каюрова обращение «Ко всем членам ВКП(б)». Текст его прилагался. 15 сентября М. С. Иванов, В. Н. Каюров, А. В. Каюров, В. Б. Горелов, а потом М. Н. Рютин и другие лица, имевшие какое-либо отношение к деятельности или материалам «союза», были арестованы органами ОГПУ.

27 сентября 1932 г. Президиум ЦКК принял решение исключить из партии 14 человек, известных к этому моменту как участники организации «союза марксистов-ленинцев». В постановлении Президиума ЦКК (оно было подписано секретарем партколлегии ЦКК Е. М. Ярославским) ставилась задача:

«ЦКК предлагает ОГПУ выявить невыявленных еще членов контрреволюционной группы Рютина, выявить закулисных вдохновителей этой группы и отнестись ко всем этим белогвардейским преступникам, не желающим раскаяться до конца и сообщить всю правду о группе и ее вдохновителях, со всей строгостью революционного закона».

С учетом этой директивы органы ОГПУ еще больше активизировали свою работу. Круг привлекаемых к ответственности расширялся. Через несколько дней после решения Президиума ЦКК вопрос о группе М. Н. Рютина был вынесен на объединенный Пленум ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б).

2 октября 1932 г. объединенный Пленум ЦК совместно с Президиумом ЦКК ВКП(б) принял постановление, подписанное И. В. Сталиным:

«1. Одобрить постановление ЦКК об исключении из партии членов контрреволюционной группы Рютина — Слепкова [5], именовавшей себя «союзом марксистов-ленинцев». 2. Пленум ЦК ВКП(б) и Президиум ЦКК поручают Политбюро и Президиуму ЦКК принять самые решительные меры для полной ликвидации деятельности белогвардейской контрреволюционной группы Рютина — Слепкова, их вдохновителей, их укрывателей. 3. Пленум ЦК ВКП(б) и Президиум ЦКК считают необходимым немедленное исключение из партии всех, знавших о существовании этой контрреволюционной группы, в особенности читавших ее контрреволюционные документы и не сообщивших об этом в ЦКК и ЦК ВКП(б), как укрывателей врагов партии и рабочего класса».

В результате этой директивы были репрессированы многие коммунисты.

Уже через несколько дней, 9 октября 1932 г. на вновь созванном под председательством Я. Э. Рудзутака Президиуме ЦКК ВКП(б) было принято постановление об исключении из рядов партии 24 человек как «членов и пособников контрреволюцион-

ной группы Рютина — Иванова — Галкина, как разложившихся, ставших врагами коммунизма и Советской власти, как предателей партии и рабочего класса, пытавшихся создать подпольным путем под обманным флагом «марксизма-ленинизма» буржуазную кулацкую организацию по восстановлению в СССР капитализма и, в частности, кулачества». Постановление было опубликовано в «Правде» 11 октября 1932 г.

На заседании Президиума ЦКК предоставили слово Г. Е. Зиновьеву и Л. Б. Каменеву, которым было предъявлено обвинение в том, что они знали о существовании этой организации, знакомились с ее документами, но не сообщили о ней в ЦК ВКП(б) или ЦКК ВКП(б). Несмотря на высказанное Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым «сожаление о содеянном», их в числе других также исключили из рядов ВКП(б). Позднее по тем же мотивам были исключены из партии П. А. Сильченко и А. И. Козловский *.

Исключив участников «союза марксистов-ленинцев» из рядов партии, ЦКК ВКП(б) передала дальнейшее решение их судьбы в ОГПУ. 11 октября 1932 г. коллегией ОГПУ все они были осуждены к различным срокам тюрьмы, заключения и ссылки. Наибольший срок получил М. Н. Рютин. Он был приговорен к 10-летнему тюремному заключению. Всего по делу о так называемом «союзе марксистов-ленинцев» было привлечено к партийной и судебной ответственности в 1932—1933 гг. 30 человек.

В дальнейшем часть уже осужденных вновь была привлечена к уголовной ответственности по тем же самым обвинениям с ужесточением ранее вынесенных приговоров, в том числе М. Н. Рютин, М. С. Иванов, П. А. Галкин, П. П. Федоров, Г. Е. Рохкин, Я. Э. Стэн, М. И. Мебель, П. М. Замятин, А. В. Каюров, И. Н. Боргиор, Д. П. Марецкий, П. Г. Петровский, которых приговорили к высшей мере наказания — расстрелу. Большинству других были увеличены сроки лишения свободы. Некоторым из этих лиц приговоры дважды и трижды пересматривались в сторону ужесточения.

К настоящему времени Верховным судом СССР со всех них полностью сняты обвинения в совершении уголовно наказуемых деяний, дела производством прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления. Как сказано в решении Верховного суда СССР, расследование по этому делу проводилось с грубыми нарушениями закона. Следственные действия были проведены без возбуждения уголовного дела, а Г. Е. Зиновьеву и Л. Б. Каменеву обвинения вообще не предъявлялись. Проходившие по делу были лишены возможности защищать себя от предъявленного обвинения, репрессированы они были внесудебным органом, без проверки материалов предварительного следствия.

«Союз марксистов-ленинцев» ко времени пресечения его деятельности находился в стадии организационного оформления и выработки программных документов, никаких практических дей-

* А. И. Козловский — врач лечсанчасти ВЦСПС.

ствий по осуществлению содержащихся в них установок, за исключением распространения «манифеста» и политической «платформы», его участники не совершили. В состав каких-либо антисоветских организаций или объединений члены «союза» также не входили.

Органы предварительного следствия и коллегия ОГПУ не располагали подлинными экземплярами «манифеста» и «платформы» «союза марксистов-ленинцев», а только их копиями, изъятыми при арестах и обыске на квартире П. А. Сильченко 15 октября 1932 г. Дошедшие до нас экземпляры документов являются копиями с копий, сделанных в ОГПУ в те годы, и подлинная их идентичность с необнаруженными оригиналами спорна: документы ходили по рукам в Московской и Харьковской партийных организациях, их размножали, дописывали, редактировали. Были тут и явные заимствования из контрреволюционных воззваний и антисоветских листовок, белоэмигрантских документов, что вряд ли могло соответствовать настроениям М. Н. Рютина. Еще в сентябре 1930 г., защищаясь от ложного доноса, он писал в ЦКК ВКП(б): *«О термидоре и забастовках я ни слова не говорил. Тут все вымышлено от начала и до конца. Я не троцкист и не устряловец*[6]*, чтобы городить такую чепуху».* А такой «чепухи» в этом документе оказалось много — группе хотели придать характер гигантского заговора внутри партии и государства, который охватил будто бы миллионы советских людей. Эту «платформу», простое знакомство с нею вменяли в вину многим даже в 1937—1938 гг., в том числе и Н. И. Бухарину.

Что же касается политических воззрений и теоретических взглядов, изложенных в программных документах так называемого «союза марксистов-ленинцев», то, надо сказать, они носили дискуссионный характер и не содержали призывов к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти. Эти взгляды безусловно расходились с той практикой, которую поддерживала и восхваляла официальная пропаганда, но отнюдь не противоречили марксистско-ленинской концепции социализма.

Представление о содержании документов дает приобщенная к делу схема «платформы», написанная М. Н. Рютиным в процессе следствия, состоящая из следующих разделов: 1. Маркс о роли личности в истории; 2. Сталин как беспринципный политикан; 3. Сталин как софист; 4. Сталин как вождь; 5. Сталин как теоретик; 6. Классовая борьба и марксизм; 7. Простое, расширенное воспроизводство и марксизм-ленинизм; 8. О построении социалистического общества; 9. Ленинизм и борьба с оппортунизмом; 10. Уроки внутрипартийной борьбы в свете истекших лет; 11. Оценка взглядов пролетарской диктатуры на современное положение вещей в СССР; 12. Кризис Коминтерна; 13. Кризис пролетарской диктатуры (экономический кризис, кризис партии, кризис Советов и приводных ремней пролетарской диктатуры).

К этому необходимо добавить, что сложившаяся к тому времени в партии и стране обстановка жестокого преследования инако-

мыслящих не позволяла, как это было при В. И. Ленине, открыто высказывать свое мнение, если оно расходилось с мнением партийного руководства и особенно И. В. Сталина. У В. Н. Каюрова и М. С. Иванова было намерение отправить письмо с изложением своих взглядов на обстановку в партии и стране в ЦК ВКП(б). Но позднее они от этого отказались, понимая, к каким последствиям это может привести.

Среди организаторов «союза марксистов-ленинцев» выделяются фигуры В. Н. Каюрова и М. Н. Рютина. В. Н. Каюров относился к старой большевистской гвардии, активно участвовал в партийной работе, до революции возглавлял большевистскую организацию петербургского завода «Эриксон», после Февральской революции был председателем Выборгского районного Совета рабочих и солдатских депутатов. В июльские дни 1917 г. он в числе тех, кто укрывал В. И. Ленина от разгулявшейся реакции. 6 июля 1917 г. В. И. Ленин находился на квартире В. Н. Каюрова на Выборгской стороне. После Октябрьской революции активно боролся за укрепление Советской власти, пользовался особым доверием у В. И. Ленина, получал от него важные задания. Именно он привез в июле 1919 г. из Москвы письмо В. И. Ленина «Питерским рабочим». В 1921—1924 гг. В. Н. Каюров работал в Сибири и на Урале, затем в «Грознефти», в 1925—1930 гг.— консультант Наркомата Рабоче-Крестьянской Инспекции РСФСР, в 1930—1932 гг.— руководитель группы Центрархива. Пользовался авторитетом в партии.

К известным партийным деятелям принадлежал и М. Н. Рютин. Он вступил в ленинскую партию в 1914 г., принимал участие в революционном движении. После окончания учительской семинарии был народным учителем. В 1917 г. возглавил Харбинский Совет рабочих и солдатских депутатов, участвовал в становлении Советской власти на востоке страны, был командующим войсками Иркутского округа, командиром партизанских отрядов в Прибайкалье, председателем Иркутского губкома партии, делегатом X съезда РКП(б). Впоследствии был на ответственной работе в Восточной и Западной Сибири, Дагестане. В 1924—1928 гг. работал секретарем Краснопресненского райкома партии г. Москвы, участвовал в борьбе с «новой» и троцкистско-зиновьевской оппозицией. На XV съезде ВКП(б) в 1927 г. был избран кандидатом в члены ЦК партии.

В острой внутрипартийной полемике, возникшей после этого съезда между группой И. В. Сталина, с одной стороны, и Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым, М. П. Томским — с другой, о путях и методах строительства социализма в нашей стране, развития советской деревни, М. Н. Рютин в вопросе применения чрезвычайных мер к крестьянству фактически поддержал Н. И. Бухарина. Хотя в письме в ЦКК 21 сентября 1930 г. он и отмечал, что «целиком никогда не был с группой Бухарина. Теоретических взглядов Бухарина и его последователей в области исторического материализма (теория равновесия и пр.) я никогда не разделял, то же

самое должен сказать и о теории организованного капитализма, о теории «мирного врастания кулацких кооперативных гнезд» в социализм, о теории самотека».

После острой беседы в 1928 г. с И. В. Сталиным М. Н. Рютина обвинили в примиренческом отношении к правым: об этом говорилось в заявлении группы членов райкома и членов бюро райкома, с которым они обратились в Московский комитет партии 15 октября 1928 г.

16 октября 1928 г. объединенное заседание Секретариата ЦК и Секретариата МК ВКП(б) с участием председателя ЦКК ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе, членов президиума МКК приняло решение снять М. Н. Рютина с работы в Московской организации партии. В тот же день такое же решение вынесло и бюро МК ВКП(б). Объединенный пленум МК и МКК ВКП(б), заслушав 18—19 октября 1928 г. вопрос о положении в Московской парторганизации, освободил М. Н. Рютина от обязанностей секретаря Краснопресненского райкома партии и члена бюро МК.

В постановлении не указана причина освобождения. Но, как сказано в докладе секретаря МК Н. А. Угланова, претензии к М. Н. Рютину выражались в том, что «он допустил при споре на закрытом заседании бюро Краснопресненского райкома ошибку, которая для него, кандидата ЦК, недопустима, которая умаляла его достоинство и которая умаляла руководящих товарищей. В споре о руководстве партией на заседании бюро РК товарищ Рютин, споря против тенденций дальнейшего отсечения руководящих товарищей от руководства, говорил: «Что вы ставите вопрос о тов. Сталине? Мы знаем, что у тов. Сталина есть свои недостатки, о которых говорил тов. Ленин». Этого нельзя было говорить потому, что еще раньше нам об этом говорили троцкисты.

И второе: у него в резолюции, предложенной на активе, отсутствовал момент борьбы с примиренчеством. Из секретарей райкомов он в теоретическом отношении является наиболее квалифицированным членом партии. Эту ошибку, конечно, ему следует поставить в бóльшую вину, чем другому».

Выступая на пленуме, М. Н. Рютин признал эти претензии справедливыми и назвал в числе своих политических просчетов еще одну ошибку, а именно, что он занимал так называемую буферную позицию во время обсуждения в ЦК вопросов о правом уклоне. М. Н. Рютин говорил: «Споры в ЦК вызывали у нас, у многих членов бюро Московского комитета, беспокойство за сплоченность руководящего органа ЦК. И я стал на ту точку зрения, что низовые партийные организации, районные, должны будут соответствующим образом воздействовать на руководящих товарищей, чтобы в их рядах были устранены разногласия, трения, которые возникли. Теперь приходится признать, что наш опыт показал, что буфер не только тогда, когда он возникает в среде самих спорящих, но и тогда, когда этот буфер возникает со стороны, он не оправдывает своей роли. Это создало некоторую отчужденность, некоторую замкнутость Московской организации или, точнее, руководящей

группы работников Московской организации от Центрального Комитета». На второй день заседания этого пленума неожиданно приехал И. В. Сталин, участвовал в его работе и выступил с речью [7].

22 октября 1928 г. пленум Краснопресненского РК освободил М. Н. Рютина от обязанностей секретаря райкома партии. Вскоре он был назначен заместителем редактора газеты «Красная звезда», затем работал председателем Управления фотокинопромышленности, членом Президиума ВСНХ.

В 1929 г. М. Н. Рютин едет уполномоченным ЦК ВКП(б) по коллективизации в Восточную Сибирь, где сталкивается с грубыми искажениями ленинской линии, с фактами насилия и перегибов в колхозном строительстве. Записка в Политбюро ЦК, написанная им по возвращении в Москву, вызвала гнев у И. В. Сталина и Л. М. Кагановича, ведавшего вопросами сельского хозяйства. Однако вскоре принципиальные положения и главные мысли своей записки М. Н. Рютин увидел на страницах «Правды» в статье И. В. Сталина «Головокружение от успехов» и в письме ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении».

Казалось бы, конфликт был исчерпан. Но И. В. Сталин не забывал обид. 21 января 1930 г. в статье «К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса», опубликованной в газете «Красная звезда», он «одернул» М. Н. Рютина, опубликовавшего в той же газете на ту же тему двумя номерами раньше передовую статью, основной темой которой была мысль — осуществляемый в деревне курс расходится с линией XV съезда партии. В сентябре того же года Президиум ЦКК исключил М. Н. Рютина из рядов ВКП(б) с формулировкой — за «предательски-двурушническое поведение в отношении партии и за попытку подпольной пропаганды правооппортунистических взглядов, признанных XVI съездом несовместимыми с пребыванием в партии».

Поводом для возникновения персонального дела М. Н. Рютина послужило заявление в ЦК ВКП(б) знавшего его по работе в Краснопресненском райкоме члена партии А. С. Немова, который сообщал, что, будучи в августе 1930 г. в отпуске в г. Ессентуки, встретил там М. Н. Рютина, и тот будто бы резко отрицательно отзывался о политике ЦК во главе с И. В. Сталиным, считая ее губительной для страны, оценивал материальное положение трудящихся в стране как очень тяжелое, высказывался против мер по насильственной коллективизации, осуждал расправу с членами партии, которые выражали какое-либо несогласие с мнением И. В. Сталина, неодобрительно отзывался о проводимой линии в братских партиях.

При разборе персонального дела и в своем письменном объяснении в адрес ЦКК ВКП(б) М. Н. Рютин категорически отрицал приписываемые ему высказывания, утверждая, что суть их извращена. Других свидетелей указанных бесед М. Н. Рютина и А. С. Немова в Ессентуках не было. Однако в ходе рассмотрения

персонального дела на заседании Президиума ЦКК ВКП(б) 23 сентября 1930 г. доводы М. Н. Рютина во внимание приняты не были, в основу обвинения было положено заявление А. С. Немова. Судя по выступлениям Е. М. Ярославского, и особенно А. С. Енукидзе и М. Ф. Шкирятова [8], главная вина М. Н. Рютина усматривалась в критике им действий И. В. Сталина при решении вопроса об освобождении в 1928 г. М. Н. Рютина от должности секретаря Краснопресненского райкома ВКП(б) г. Москвы, о чем он написал и в своем объяснении. «Сталина даже тогда, когда я в 28-м году выступил против него на бюро Краснопресненского райкома,— писал М. Н. Рютин в ЦКК,— я считал самым крупным вождем партии, способным проводить в жизнь ленинские принципы. Я тогда допустил отступления от линии в вопросе о темпах и в оценке положения в деревне. Я считаю, что т. Сталин напрасно ошельмовал меня и ловким маневром вышвырнул с партийной работы. Я считаю это нечестным с его стороны по отношению ко мне».

М. Н. Рютин из партии был исключен, а затем арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде и агитации. Однако 17 января 1931 г. даже коллегия ОГПУ вынуждена была признать обвинение недоказанным, и М. Н. Рютин был освобожден. Последние полтора года, до нового ареста в сентябре 1932 г., он работал экономистом в «Союзэлектро».

В 1936 г. М. Н. Рютина, находившегося в Верхне-Уральском политизоляторе, переводят в Москву. Ему предъявляют новое обвинение — в терроризме — на материалах ранее написанных им нелегальных «документов» — «платформы» и «манифеста-обращения» «союза марксистов-ленинцев».

В письме Президиуму ЦИК СССР от 4 ноября 1936 г., хранящемся в его деле, М. Н. Рютин просит снять с него эти обвинения и защищает свое достоинство гражданина. Вот полный текст этого документа.

«Президиуму
Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР

Заключенного
Внутренней тюрьмы НКВД —
М. Н. РЮТИНА

ЗАЯВЛЕНИЕ

В настоящее время после отбытия почти пяти лет своего десятилетнего заключения я вновь НКВД привлечен к уголовной ответственности за то, что, во-первых, теперь отдельные места и выражения написанных мною в свое время нелегальных «документов» истолковываются ведущими следствие как призыв к террору и, во-вторых, что на основе этих документов где-то якобы образовались и раскрыты правые террористические группы.

По существу предъявленного мне нового обвинения считаю необходимым сообщить Центральному Исполнительному Комитету следующее:

1. Я не признаю себя виновным ни в чем, кроме того, за что я несу уже длительный срок наказания. Я никогда террористом не был, не являюсь и не буду. Никогда террористических взглядов и настроений не имел и не имею. Нигде, никогда, никому никакого сочувствия террору не высказывал и относился к нему всегда враждеб-

но. Новое «толкование» отдельных цитат из «документов» как террористических — является явно пристрастным и тенденциозным.

К этому считаю необходимым добавить, что от своих взглядов, изложенных в «документах», я уже четыре года тому отказался. С тех пор ни к каким политическим партиям, группировкам и течениям не принадлежу. От всякой политической борьбы и политической деятельности навсегда отказался.

2. Я осужден (и приговор до сих пор никем не отменен) и отбыл почти половину своего заключения за всю совокупность своих взглядов, изложенных в «документах»; как бы ни толковать эти «документы» или отдельные их места, за всю совокупность «документов», вплоть до последней строчки, до последнего слова, до последней буквы, за все это я уже осужден, приговор никем не отменен, и новое привлечение меня к ответственности за эти же «документы» или отдельные их места и выражения является явно незаконным, произвольным и пристрастным.

3. Я осужден и отбываю уже пятый год наказания за всю совокупность своих действий (и за все их последствия), в том числе и за распространение «документов» и за все последствия этого распространения в виде возможности и образования на основе и под влиянием этих документов через месяц, через год, через пять, через десять лет после их распространения каких-либо нелегальных групп и ячеек. Новое привлечение меня к ответственности за те же действия и их последствия является явно незаконным, произвольным и пристрастным.

4. Ни одно уголовное законодательство, начиная с римского права и вплоть до наших дней во всех странах, в том числе и советское уголовное законодательство, не допускают привлечения к ответственности и наказания преступника два раза за одно и то же преступление, хотя бы второй раз и под другим названием.

Самый факт вторичного привлечения меня к ответственности за то же преступление, за которое я отбыл почти пятилетнее заключение, за те же самые «документы» или отдельные их места и те же последствия их распространения является чудовищным. История судебных процессов и карательной политики Европы и Америки в течение последних столетий, насколько мне известно, не знает подобного чудовищного случая!

5. Статьи Уголовного кодекса, по которым я был осужден, обнимали и обнимают, несомненно, всю совокупность совершенных мною преступных деяний и моих преступных взглядов, но в этих статьях не содержится никакого обвинения в терроре. Следовательно, ни в моих «документах», ни в моих действиях не было и нет ничего «террористического». В противном случае на * мне были бы применены другие соответствующие статьи Уголовного кодекса.

6. Политбюро ЦК ВКП(б) во время моего дела, несомненно, знакомилось или по крайней мере его знакомили и с написанными мною преступными «документами», и со всей совокупностью совершенного мною преступления. И однако же Политбюро не нашло в них никаких данных для обвинения меня в терроре. В противном случае оно, несомненно, дало бы соответствующие указания Коллегии ГПУ, и я был бы привлечен за террор. Я не был привлечен за террор, следовательно, ни в моих взглядах, ни в моих действиях не было ничего террористического.

7. Коллегия ГПУ, осудившая меня на десять лет заключения, несомненно, в свою очередь внимательно знакомилась с написанными мною нелегальными «документами» и тщательно изучала все мельчайшие детали моего дела. Она также не нашла в них ничего «террористического», иначе я был бы привлечен по соответствующим статьям за террор. Я не был привлечен, следовательно, в моих взглядах и действиях не было найдено и не было ничего террористического.

8. Начальник СПО ГПУ Молчанов, ведший надо мной следствие, опять-таки бесспорно изучал внимательно все мельчайшие детали моих «документов» и всего дела. Он также не нашел в нем никаких данных для предъявления мне обвинения в терроре и не предъявил его. Следовательно, и это свидетельствует о том, что в моем деле не было ничего террористического.

А теперь тот же Молчанов по тем же документам или отдельным их местам, за те же действия (распространение документов и его последствия) предъявляет мне обвинение в терроре! Чудовищно!

9. Печать, газеты в течение ряда месяцев после моего дела вели по нему обстоятельную разъяснительную кампанию. Они действовали, не подлежит сомнению, на

---

* Так в тексте. *Ред.*

основе полученных директив и были достаточно осведомлены. Они также не нашли в моем деле никаких следов террора и не отмечали его. Неужели и они «слона-то и не приметили».

10. Наконец, Президиум ЦИК СССР, как высший законодательный орган, контролирующий деятельность всех исполнительных органов власти, в том числе и ГПУ (НКВД), в порядке контроля также, бесспорно, знакомился с моим делом. Он также не нашел в нем инкриминируемого мне теперь обвинения в терроре. Иначе он дал бы соответствующим органам указание отменить приговор Коллегии ГПУ и предъявить мне новое соответствующее обвинение.

Таким образом, самые высшие советские и партийные органы, самые авторитетные лица страны во всей совокупности моего дела не нашли ничего террористического, и в том числе Молчанов, а теперь тот же Молчанов, по тому же делу, после отбытия мною почти половины своего десятилетнего заключения предъявляет обвинение в терроре!

На основании всего вышеизложенного с полной очевидностью и бесспорностью следует:

во-первых, что в моих взглядах, документах, действиях и во всей совокупности дела не содержалось и не содержится никаких данных нового обвинения меня в терроре и поэтому предъявление подобного обвинения является явно незаконным, произвольным, тенденциозным и пристрастным;

во-вторых, если бы в моем деле и заключалось что-либо террористическое (чего в действительности нет), то я за это уже осужден, ибо я осужден за каждую строчку и слово моих «документов», при каком угодно толковании, за каждое произнесенное мною слово, за малейшее свое действие, за каждый свой шаг по распространению «документов» и его последствия, каковы бы они ни были, приговор не отменен, я отбыл уже длительный срок наказания и поэтому новое привлечение меня к ответственности за то же самое является опять-таки совершенно незаконным, произвольным и пристрастным.

По существу инкриминируемых мне вновь отдельных выражений из «документов», как призыва к террору, я также смог убедительно, думаю, доказать явную пристрастность и абсурдность их нового «толкования». (Не случайно самые высшие партийные и советские органы, самые авторитетные лица и приговор Коллегии ГПУ не нашли в них ничего террористического), но я, к сожалению, крайне ограничен местом, так как мне, несмотря на все мои настойчивые просьбы, администрация тюрьмы, очевидно, по указанию ведущего следствие, решительно отказала дать бумаги столько, сколько необходимо, и ограничила меня этим листком, и поэтому вынужден отказаться от этого желания.

На основании всего вышесказанного, будучи глубочайше убежден в своей невинности в том, в чем меня теперь обвиняют, находя это обвинение абсолютно незаконным, произвольным и пристрастным, продиктованным исключительно озлоблением и жаждой новой, на этот раз кровавой расправы надо мной, я, естественно, категорически отказался и отказываюсь от дачи всяких показаний по предъявленному мне обвинению. Я не намерен и не буду на себя говорить неправду, чего бы мне это ни стоило.

Ко всему сказанному в заключение считаю необходимым добавить, что самые методы следствия, применяемые ко мне, являются также совершенно незаконными и недопустимыми. Мне на каждом допросе угрожают, на меня кричат, как на животное, меня оскорбляют, мне, наконец, не дают даже дать мотивированный письменный отказ от дачи показаний, а разрешают написать только — «отказываюсь от дачи показаний», без всякой мотивировки, что явно преследует цель, получив такой немотивированный отказ, толковать его потом так, как будет наиболее выгодно ведущему следствие. Этим самым нарушаются самые элементарные права подследственного, ибо последний имеет право писать любые письменные заявления, касающиеся его дела, следственным, судебным и законодательным органам власти. Все это, вместе взятое, граничит с вымогательством личных показаний.

На основании всего вышеизложенного я прошу Центральный Исполнительный Комитет СССР:

1. О защите меня, как заключенного, отбывающего уже длительный срок заключения и как человека от незаконной расправы надо мной, от незаконного нового привлечения меня к ответственности за то дело, за которое я несу уже наказание, с новым сложным и пристрастным его использованием и даче указаний соответствую-

щим органам об отмене нового незаконно предъявленного мне обвинения и о возвращении меня в нормальные условия заключения для продолжения отбывания моего наказания.

2. О защите меня от дальнейших угроз, обращения со мной, как с животным, оскорблений и криков, каким я подвергаюсь.

Я, само собой разумеется, не страшусь смерти, если следственный аппарат НКВД явно незаконно и пристрастно для меня ее приготовит. Я заранее заявляю, что я не буду просить даже о помиловании, ибо я не могу каяться и просить прощения или какого-либо смягчения наказания за то, чего я не делал и в чем я абсолютно неповинен. Но я не могу и не намерен спокойно терпеть творимых надо мной беззаконий и прошу меня защитить от них.

В случае неполучения этой защиты я еще раз вынужден буду пытаться защищать себя тогда теми способами, которые в таких случаях единственно остаются у беззащитного, бесправного, связанного по рукам и ногам, наглухо закупоренного от внешнего мира и невинно преследуемого заключенного.

М. РЮТИН.

4. XI — 1936 года.

Москва, Внутренняя тюрьма
особого назначения НКВД».

Это письмо М. Н. Рютина Н. И. Ежов немедленно направил И. В. Сталину. Ответа не последовало.

Мартемьяна Никитича Рютина судила Военная Коллегия Верховного суда СССР 10 января 1937 г. с применением чрезвычайного закона от 1 декабря 1934 г., без участия обвинения и защиты. Он был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

8 июня 1988 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отменила приговор Коллегии ОГПУ от 11 октября 1932 г., а 13 июня 1988 г. пленум Верховного суда СССР отменил судебные приговоры за отсутствием состава преступления в отношении лиц, осужденных по делу так называемого «союза марксистов-ленинцев», а затем вновь привлеченных к уголовной ответственности по тем же и другим надуманным обвинениям. В декабре 1988 г. М. Н. Рютин был восстановлен в партии.

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС — **Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС**

«МОСКОВСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ — ГРУППА «РАБОЧЕЙ ОППОЗИЦИИ»

В марте — апреле 1935 г. в Москве особым совещанием при НКВД СССР было рассмотрено дело так называемой «московской контрреволюционной организации — группы «рабочей оппозиции». По этому делу были привлечены 18 человек: А. Г. Шляпников, С. П. Медведев, Г. И. Бруно, С. И. Масленников, М. А. Вичинский, В. П. Демидов, М. Н. Иванов, М. Ф. Михайлов, И. И. Николаенко, М. И. Прокопенко, А. А. Серебренников, В. Е. Тарасов, О. Х. Прокопенко, К. М. Тарасова, А. А. Тихомиров, Н. И. Ружицкая, З. И. Ахмедова, М. И. Догадина.

Центральная Контрольная Комиссия ВКП(б)

№№ по поряд.	ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
1	Фамилия, имя, отчество.	Шляпников Александр Гаврилович
2	Год рождения.	1884
3	Время вступления в партию, кандидатом, когда переведен в члены, какой организацией принят, № партбилета и в каком райкоме и ячейке состоит на учете в данное время.	1901 г
4	Состоял ли в других партиях (в каких, с какого и по какое время).	Нет (За границей был в С.Д. партиях — во Франции с 1908-12 — Герм. 1912.)
5	Каким репрессиям подвергался за рев. деятельность до революции.	Сидел в тюрьмах царя, был в эмиграции
6	Социальное положение (основная профессия, специальность, производственный стаж, на каких предприятиях работал).	токарь по металлу. теперь — чл. [illegible] Госплана РСФСР
7	Имеет ли связь с сельским хозяйством, мощность и характер хоз-ства.	нет
8	Род занятий и хозяйственное положение родителей, связь родственная, хозяйственная и др.	[illegible]
9	Образование (какое учебное заведение окончил).	низшее
10	Служил ли в старой армии (сколько времени, в качестве кого, добровольно или по мобилизации).	Был и освобожден, [illegible]
11	Служил ли в белой армии или в учреждениях белогвардейских правительств, сколько времени и в качестве кого.	нет
12	Был ли в Красной армии, с какого года и по какой, в качестве кого, добровольно или по мобилизации.	Организовал первые группы Красн. гвардии. Был в Кр. Арм. [illegible] 1918 и 1920
13	Участвовал ли в боях гражд. войны (где, когда), имел ли ранения, контузии, награды.	На Сев. Кавказе, в качестве нач. экспед. [illegible]
14	Какие должности занимал за время революции продолжительностью не менее года.	[illegible] ЦИКа, [illegible]
15	Какую должность занимал в момент привлечения, размер зарплаты, сколько членов семьи имеет на своем иждивении.	Член президиума Госплана РСФСР 550 р. Жена и трое детей
16	Где работает в настоящее время и размер заработка.	Госплан РСФСР, чл. президиума. 550 р
17	Какую партработу выполнял (где, когда, сколько времени).	От нагрузок освобожден по болезни ([illegible]).
18	Партийно-общественная работа в последнее время (партнагрузка).	[illegible]
19	Подвергался ли к партответственности и советскому суду (когда, где, за что)	Только подвергался [illegible] «Рабочей Оппозиции» [illegible]
20	Какой контр. комиссией разбиралось дело, когда, какое партвзыскание вынесено	ЦКК ([illegible])
21	О чем просит ЦКК ВКП(б) (коротко)	Заявление подано
22	Дополнительные сведения, непредусмотренные анкетой.	
23	Точный адрес, по которому послать выписку из решения ЦКК ВКП(б).	Арбат, Спасопесковский пер. 9/1 кв. 53. т. Г. 1-37-86

(Подпись) А. Шляпников

" " дня м-ца 19 г.

г. Москва.

21-я тип. «Мосполиграф» Н. 1442

Личный листок А. Г. Шляпникова, заполненный им во время партийной чистки в 1933 г.

А. Г. Шляпникову и С. П. Медведеву предъявлялось обвинение в том, что, являясь руководителями так называемой «рабочей оппозиции», они проводили подпольную антисоветскую подрывную деятельность. А. Г. Шляпников будто бы создал и возглавил в городах Москве, Омске и Ростове контрреволюционные группы «рабочей оппозиции», а также, совместно с С. П. Медведевым, возглавлял так называемую «московскую контрреволюционную организацию — группу «рабочей оппозиции». Члены этой группы якобы периодически собирались на квартире у С. П. Медведева или у А. Г. Шляпникова, где критиковали политику партии и Советского правительства, вырабатывали контрреволюционные установки. Все члены «группы» подверглись уголовному и партийному наказанию. При этом в качестве одного из важнейших звучало обвинение в приверженности членов группы к идеологии платформы «рабочей оппозиции», сформировавшейся в начале 20-х гг. и подвергнутой критике на Х съезде РКП(б) в 1921 г.

И по всему существу этого «дела» и даже по официальной формуле обвинительного заключения, подготовленного в 1935 г. НКВД, эта группа не имела ничего общего с «рабочей оппозицией», кроме того, что некоторые из ее участников в свое время действительно поддерживали известную группе платформу «рабочей оппозиции», прекратившей существование еще в 1922 г.

В полностью фальсифицированных обвинениях в 1935 и 1937 гг. была сделана попытка искусственно увязать участников так называемой «московской контрреволюционной организации — группы «рабочей оппозиции» с якобы продолжавшейся и в 30-е гг. деятельностью былой оппозиционной группы внутри РКП(б).

История «рабочей оппозиции», название которой было использовано весной 1935 г. при возникновении и расследовании настоящего «дела», уходит своими корнями к тому переломному этапу, когда страна осуществляла переход от гражданской войны к мирному строительству.

«Рабочая оппозиция», лидерами которой стали А. Г. Шляпников, А. М. Коллонтай, С. П. Медведев и другие, сформировалась в ходе внутрипартийной дискуссии о «верхах» и «низах», заметной вехой в которой стала Всероссийская конференция РКП(б) (сентябрь 1920 г.). К концу года разгорелась дискуссия о сущности и роли профсоюзов. Дискуссия проходила на фоне резкого обострения ситуации в стране — политического и экономического кризиса начала 1921 г.

Установки «рабочей оппозиции» излагались в ее тезисах Х съезду РКП(б) под названием «Задачи профессиональных союзов (к Х съезду партии)» и в брошюре А. М. Коллонтай «Рабочая оппозиция». Основная идея установок состояла в немедленной и полной передаче управления народным хозяйством в руки профсоюзов, как это в перспективе намечалось и Программой РКП(б), принятой в марте 1919 г. Верховное хозяйственное управление предлагалось закрепить за всероссийским съездом производителей. В политической области лидерами «рабочей оппозиции» предполагалось

осуществить меры по освобождению партийных органов от функций непосредственного хозяйственного управления. Одновременно ими вносился ряд предложений, направленных против бюрократизации партийного и государственного управления. «Рабочая оппозиция» выступала также за ослабление материальных тягот рабочего класса. Защищая на X съезде партии тезисы «рабочей оппозиции», А. Г. Шляпников говорил:

«У нас нет расхождений в основных вопросах нашей внутренней и международной политики. Эту сторону доклада, т. Ленин, мы принимаем. Но у нас много расхождений в тактических вопросах, в способах осуществления нашей общеполитической линии» [9].

Делегаты X съезда партии внимательно рассмотрели платформу «рабочей оппозиции». В документах съезда, в выступлениях В. И. Ленина отмечено, что в платформе «рабочей оппозиции» наметился явный уклон в сторону синдикализма и анархизма, выразившийся в стремлении передать массе беспартийных рабочих, разбросанных по отдельным производственным ячейкам, управление как отдельными производствами, так и всем народнохозяйственным комплексом в целом. В условиях переходного периода это вело к игнорированию роли партии в руководстве строительством нового общества.

«...Вместо продолжения и исправления начатой уже Советской властью практической работы строительства новых форм хозяйства получается мелкобуржуазно-анархистское разрушение этой работы, способное повести лишь к торжеству буржуазной контрреволюции» [10],— говорил В. И. Ленин.

Именно в этом видел он политическую опасность выступления «рабочей оппозиции» [11].

Решительно осуждая теоретические и политические ошибки «рабочей оппозиции», В. И. Ленин в то же время поддержал многие деловые предложения, выдвинутые ее представителями в ходе дискуссии, прежде всего те из них, которые были направлены на усиление внимания к положению рабочих масс, на очистку партии от непролетарских и ненадежных элементов, на борьбу с бюрократизмом. В. И. Ленин считал, что включение этих предложений в резолюцию X съезда партии есть признание заслуг группы так называемой «рабочей оппозиции» [12].

«Рабочая оппозиция» выдвигала ряд требований и в области изменения внутрипартийных отношений, совершенствования партийного строительства, развития рабочей демократии. И эти ее положения были поддержаны В. И. Лениным.

«...Поскольку «рабочая оппозиция» защищала демократию, поскольку она ставила здоровые требования,— говорил он,— мы сделаем максимум для сближения с нею»... [13]

Однако в ходе дискуссии сама «рабочая оппозиция» подчас нарушала принятые тогда принципы внутрипартийной демократии, образовав на деле вполне организованную группу единомышленников, которая зачастую не стремилась к конструктивному сотрудничеству со своими оппонентами.

Острота борьбы с «рабочей оппозицией» определялась, считал В. И. Ленин, не только и не столько характером теоретических ошибок ее лидеров, сколько сложностью политической обстановки в стране в трудный, переломный момент ее перехода к новой экономической политике. Резко выступая против распыления сил, В. И. Ленин призывал всех коммунистов к преодолению возникших трудностей на пути достижения общей цели.

И не случайно поэтому по предложению В. И. Ленина многие участники «рабочей оппозиции» — а среди них находилось немало талантливых организаторов и практиков — были привлечены к активной политической деятельности. На X съезде РКП(б) А. Г. Шляпников и председатель ЦК союза текстильщиков И. И. Кутузов (также один из лидеров «рабочей оппозиции») были избраны членами Центрального Комитета РКП(б), а другой активный деятель группы, А. С. Киселев,— кандидатом в члены ЦК партии.

«Когда в ЦК включается товарищ из «рабочей оппозиции»,— подчеркивал в связи с этим В. И. Ленин,— это есть выражение товарищеского доверия... это есть проявление высшего доверия, больше которого в партии не может быть» [14].

По-товарищески относился он к А. Г. Шляпникову:

«Мы с т. Шляпниковым знаем друг друга много, много лет, еще во время работы в подполье и эмиграции...» [15]

X съезд РКП(б) принял специальное решение «О членах распущенной группы «рабочей оппозиции», избранных в Центральный Комитет», в котором говорилось: «Съезд призывает всех членов распущенной группы «рабочей оппозиции» подчиниться партийной дисциплине, обязывает их оставаться на порученных им местах, не принимая никаких отставок» [16]. А. Г. Шляпников возглавил Комиссию ЦК по улучшению быта рабочих, работал в составе Центральной комиссии по чистке партии.

После X съезда РКП(б) «рабочая оппозиция» некоторое время продолжала в организованной форме отстаивать свои позиции. В феврале 1922 г. в Исполком Коминтерна поступило заявление, подписанное 22 участниками бывшей «рабочей оппозиции», среди которых были А. Г. Шляпников, С. П. Медведев, Г. И. Бруно и другие. К ним присоединились также А. М. Коллонтай и З. Г. Шадурская. В этом документе, написанном в связи с обсуждением в ИККИ вопроса о едином рабочем фронте, утверждалось, что в Советской стране с этим вопросом дело «обстоит неблагополучно»: в партию проникает буржуазная стихия, руководящие центры «зажимают» рабочую демократию, ведут непримиримую, разлагающую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение, и за высказывание его в партийной среде применяют всяческие репрессивные меры; в профсоюзах та же картина подавления рабочей самодеятельности, инициативы, борьба с инакомыслием, навязываются руководители. В заявлении содержалась просьба вмешаться и предотвратить раскол партии, покончить со

всеми ненормальностями, стоящими на пути единства рабочего фронта [17].

Заявление 22-х, переданное в ИККИ А. М. Коллонтай 26 февраля 1922 г., было рассмотрено расширенным пленумом Исполкома Коминтерна, который, однако, не согласился с оценками его авторов состояния дел в РКП(б) [18]. При этом резолюция ИККИ и опубликованный протокол заседания комиссии Коминтерна носили по своему содержанию самый общий характер, хотя известно, что по всем пунктам заявления 22-х в специально созданной комиссии Коминтерна давали объяснения от РКП(б) Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев и Я. Э. Рудзутак.

Вопрос о группе «рабочей оппозиции» поднимался на XI съезде РКП(б), который констатировал, что ее бывшие члены, вопреки решению X съезда партии, на практике не отошли от методов фракционной борьбы и нередко допускали антипартийные действия. Отмечалось, в частности, что своими поступками А. Г. Шляпников вынудил ЦК поставить 9 августа 1921 г. вопрос о его исключении из партии за нарушение им партдисциплины, и применение этой крайней меры не состоялось только потому, что при голосовании не хватило одного голоса. Что касается обращения 22-х в ИККИ, то съезд, не осуждая этот факт сам по себе, признал недопустимым сообщение Коминтерну сведений, извращающих действительную картину взаимоотношений между Российской Коммунистической партией и рабочим классом страны. XI съезд РКП(б) предупредил А. Г. Шляпникова, С. П. Медведева и А. М. Коллонтай, что в случае проявления с их стороны и в дальнейшем «подобного антипартийного отношения» они будут исключены из партии. Два члена из группы (Н. В. Кузнецов и Ф. А. Митин) были исключены из партии решением съезда как чуждые пролетариату элементы [19].

После XI съезда РКП(б) «рабочая оппозиция» как организованная группа окончательно распалась.

В ходе последующих политических дискуссий 20-х гг. А. Г. Шляпников и некоторые другие лидеры бывшей «рабочей оппозиции» неоднократно и открыто выступали на страницах печати с критикой политики ЦК по отдельным вопросам. Ничего антипартийного в этих выступлениях участников распавшейся «рабочей оппозиции» не содержалось. Так, в ходе дискуссии 1923 г. А. Г. Шляпников, как и некоторые другие коммунисты, обвинял ЦК партии в недооценке значения промышленности, в отсутствии должного внимания к рабочему классу и рабочей демократии. Говоря об опасности раскола партии, он требовал обеспечения условий для того, чтобы оппозиция «не загонялась во фракцию», подобно тому, как, по его мнению, поступили в свое время с группой «рабочей оппозиции».

В разгар внутрипартийной борьбы, развернувшейся после XIV съезда ВКП(б), вопрос о А. Г. Шляпникове и С. П. Медведеве неоднократно поднимался на заседаниях Политбюро ЦК и в партийной печати в связи с так называемым делом «бакинской оппозиции» [20]. 10 июля 1926 г. в «Правде» они были названы даже «идей-

ными руководителями» этой оппозиции. Суть дела состояла в том, что еще в начале 1924 г. С. П. Медведев направил одному из бывших участников «рабочей оппозиции» в Баку письмо, в котором содержались критические высказывания относительно экономической политики партии и положения дел в международном коммунистическом и рабочем движении. Письмо было зачитано нескольким коммунистам — бакинским рабочим, но никакого практического отклика оно не получило. Более того, ЦКК РКП(б) отменила решение Контрольной комиссии Компартии Азербайджана, необоснованно обвинившей этих коммунистов в создании «фракции».

Тем не менее спустя два года, в разгар борьбы против троцкистско-зиновьевского блока этот факт вдруг послужил поводом для привлечения к политической ответственности и бывших лидеров «рабочей оппозиции». О нем вспомнили сначала в партийной печати, а затем этот вопрос стал предметом специального расследования ЦКК ВКП(б).

Центральная Контрольная Комиссия ВКП(б) образовала тогда комиссию в составе А. А. Сольца, Е. М. Ярославского, М. И. Ульяновой, которая для расследования дела выезжала в Баку. Комиссия «установила, что со стороны некоторых бакинских товарищей была попытка создать группу «рабочей оппозиции», идеологической основой которой являлись: письмо тов. Медведева к «дорогому тов. Б», речь тов. Шляпникова на Хамовнической партконференции, его же статья в «Правде» и другие документы. Все эти документы были получены приезжавшим в Москву бакинским товарищем Колосовым от тт. Медведева и Шляпникова». В письменном докладе об обстоятельствах этого дела в Секретариат ЦКК ВКП(б) комиссия акцентировала внимание на том, что в своей работе она постоянно встречала противодействие со стороны А. Г. Шляпникова и С. П. Медведева, категорически отказывавшихся «иметь дело с комиссией».

В письме от 19 мая 1926 г. всем членам Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ЦКК ВКП(б), озаглавленном «Вместо ответа на полицейские вопросы ЦКК и телефонные запросы», А. Г. Шляпников указывал на фабрикацию обвинения и так аргументировал свою позицию и свое отношение к этому «делу»:

«Дорогие товарищи,

во втором разделе принятого Вами постановления ЦКК по делу «бакинской оппозиции» указывается, что «расследование выяснило, что со стороны тт. Колосова и Разина была попытка организовать и оформить группу», это указание совершенно не соответствует действительности. Я имел возможность ознакомиться лишь с частью следственных материалов, прочел только стенограмму допросов, но и она одна вскрывает совершенно иную картину в этом деле.

Следствие вскрыло в деле «бакинской оппозиции» наличие подлой провокации, действовавшей по директивам партийных и контрольных органов. Ни т. Колосов, ни т. Разин и никто из других привлеченных по этому делу никакой группы не создавал и не оформлял. Над этим «созданием и оформлением группы» работали провокаторы по директиве партийных руководителей Баку, вот какую картину вскрыло следствие. Тов. Колосов явился лишь жертвой той системы доносов, филерства и шпионства, которые практикуются в партии и, в частности, объектом которой служу и я.

Ни моя статья, напечатанная в «Правде» от 18 янв. 1924 г., ни моя речь на партконференции в Хамовниках 11 янв. того же года не могли толкать кого-либо из читателей на создание группы, наоборот — их содержание в значительной доле посвящено разъяснению опасности группировок.

Письмо т. Медведева, отправленное вместе с вышеуказанными документами, также не могло служить толчком к группировке. Комиссия ЦКК, цитируя из этого письма горячее пожелание т. Медведева, чтобы старый партиец попрочнее связался «с теми новыми рабочими кадрами, которые, несомненно, в вашем районе отзовутся на всероссийское явление — вступление рабочих в партию», сделала вывод о наличии «призыва к оформлению».

Разве совет о необходимости смычки *старых партийцев-рабочих* с молодыми членами партии является призывом к группировке и преступлением? Разве писать об этом в личном письме стало уже преступно? Я считаю, что только отупелые партбюрократы или сознательные политиканы могут толковать этот совет т. Медведева, данный старому члену партии о необходимости сближения с молодыми членами партии рабочими как предложение создать группу. Это обвинение бросается автору и адресату с очевидной целью начать новое дело против «рабочей оппозиции».

В этом стремлении создать против меня дело комиссия ЦКК перешагнула все меры товарищеского приличия. Это особенно наглядно проявляется в настойчивом домогательстве от меня ответа по существу письма т. Медведева, в то время когда сама ЦКК отказывается поставить письмо т. Медведева на общее партийное суждение. Почему же комиссия ЦКК предлагает высказаться по поднятым в письме т. Медведева вопросам только мне одному? Зачем ей нужно получить этот ответ от меня в порядке «допроса»? Ясно,— этот ответ от меня нужен комиссии ЦКК для продолжения сознательно начатого при посредстве провокаторов — «дела о бакинской оппозиции», для того, чтобы т. Медведева и меня представить центром «группировок».

Только тем же стремлением сделать нас «центром группировок» я могу объяснить и запросы о том, с какой целью я давал бакинскому рабочему, члену нашей партии с 1905 г. т. Колосову, свои книги, статьи и речи, напечатанные в партийной прессе и сказанные мною на открытых партийных конференциях.

Наконец, сам состав комиссии ЦКК, из трех членов которой двое, тт. Сольц и Ярославский, оскандалившиеся своими неоднократными попытками ошельмовать нас, вскрывает преднамеренные цели их запросов. Попытки ошельмовать нас в прошлом не удавались. После неудачи оба эти лица заявляли нам, что, выступая против нас, они совершали ошибки. Однако признание ими ошибочности своего поведения по отношению к нам не останавливает их от новых попыток создания дела о наших «группировках» ныне.

Все это было бы совершенно необъяснимо, если бы я не видел, что это дело ведется ими по постановлению Политбюро. Но и по этому поводу я считаю необходимым выразить свое возмущение, что Политбюро поднимает ныне дело, относящееся к периоду дискуссии 23—24 года, и центром самого дела ставит письмо т. Медведева, написанное почти два с половиною года тому назад. Это письмо известно Политбюро уже два с лишним года. По содержанию его я имел беседу почти со всеми нынешними членами Политбюро еще год тому назад. Те же товарищи имели разговоры и с автором письма, т. Медведевым. Никто из членов Политбюро не рассматривал тогда это письмо как материал для дела ЦКК.

Только ныне, спустя два с половиной года, Политбюро стало нужным превратить это письмо в материал для ЦКК и в платформу «рабочей оппозиции». Это обстоятельство еще раз подтверждает мою уверенность в намерении начать новое дело о «рабочей оппозиции». Я уверен, что оно окончится тем же, чем и все предыдущие».

Но маховик политических преследований и партийных репрессий за «инакомыслие» был пущен уже на полный ход.

17 октября 1926 г. в «Правде» было опубликовано «Извещение ЦК ВКП(б) о внутрипартийном положении», в котором лидерам бывшей «рабочей оппозиции» предъявлялись тяжелые политические обвинения. В связи с этим С. П. Медведев и А. Г. Шляпников обратились с письмом в Политбюро ЦК ВКП(б) и в ЦКК ВКП(б).

В этом письме, датированном 19 октября 1926 г., говорилось:

«В интересах нашей партии и ее подлинного единства мы считаем своим долгом сделать следующее заявление.

1. Извещение ЦК указывает, что «июльский пленум ЦК и ЦКК констатировал объединение троцкистов, «новой оппозиции» и шляпниковско-медведевского течения в общий блок против партии и отметил раскольническую политику этого блока».

Мы утверждаем, что ни в каком фракционном блоке не состояли и никакой раскольнической политики не вели.

2. Извещение ЦК заявляет, что объединенная оппозиция, разумея под этим и нас, допустила «ряд шагов, нарушающих единство партии и срывающих решения высших партийных органов».

Мы утверждаем, что не сделали ни одного шага, нарушающего единство партии и срывающего постановления каких бы то ни было партийных органов.

3. Извещение ЦК обвиняет нас «в устройстве нелегальных фракционных ячеек и комитетов и т. п.».

Мы утверждаем, что никаких фракционных ячеек и комитетов не создавали и являемся решительными противниками организационного закрепления наших идейных расхождений.

4. Извещение ЦК объявляет нас «сторонниками меньшевистской платформы и ликвидаторами Коминтерна, Профинтерна и сторонниками объединения с социал-демократией».

Мы заявляем, что за 25-летний период нашего пребывания в партии мы являлись врагами оппортунизма во всех его видах, в том числе и меньшевизма. Мы утверждаем, что являемся решительными и безоговорочными сторонниками Коминтерна и столь же решительными противниками II Интернационала, на путь борьбы с которым мы стали еще в 1914 году.

Мы не являлись и не являемся сторонниками простой ликвидации Профинтерна и в вопросе об единстве международного профдвижения стоим на почве партийных решений и маневров.

5. Извещение ЦК требует «открытого заявления» о подчинении всем решениям партии, XIV съезда, ее ЦК и ЦКК и о безоговорочном проведении этих решений в жизнь.

Мы всегда подчинялись и ныне считаем обязательными для себя все решения съездов партии, ЦК и ЦКК и готовы проводить их в жизнь безоговорочно.

С коммунистическим приветом

С. Медведев, А. Шляпников».

Заявление С. П. Медведева и А. Г. Шляпникова рассматривалось в Политбюро ЦК, комиссией ЦКК и в Президиуме ЦКК ВКП(б). 23 октября 1926 г. Президиум ЦКК вынес решение об объявлении А. Г. Шляпникову строгого выговора с предупреждением, а С. П. Медведев был исключен из партии.

В ответ на новое обращение С. П. Медведева и А. Г. Шляпникова в Политбюро ЦК и Президиум ЦКК ВКП(б) с просьбой отменить принятое решение им было поставлено условие публично признать ошибочными положения письма С. П. Медведева «члену Бакинской организации т. Барчуку», открыто заявить о том, что «они считают ошибкой своей то, что допустили в борьбе с ЦК и с партией фракционные методы; что никакой фракционной работы вести не будут и призывают к тому же своих единомышленников». 31 октября 1926 г. в «Правде» были опубликованы заявление С. П. Медведева и А. Г. Шляпникова, отредактированное Л. М. Кагановичем, и «Извещение от ЦК и ЦКК» по этому поводу. 30 октября 1926 г. тексты этих документов были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б). В заявлении, написанном под угрозой партийных сан-

кций, «признавались» допущенные его авторами «ошибки», а в «Извещении от ЦК и ЦКК» говорилось:

«ЦК и ЦКК с удовлетворением извещают всех членов партии, что тов. Медведев и тов. Шляпников обратились в ЦКК и ЦК с заявлением, в котором они не только признают вред своей фракционной работы, но и отказываются от пропагандировавшихся ими глубоко неправильных взглядов. ЦК и ЦКК констатируют, таким образом, дальнейший развал оппозиционного блока, что означает полную и категорическую победу идеи ленинского единства ВКП(б)».

А днем раньше, 30 октября 1926 г., Президиум ЦКК ВКП(б) отменил решения о партвзыскании, наложенном на А. Г. Шляпникова, и об исключении С. П. Медведева из партии. Политбюро ЦК ВКП(б) с этим решением согласилось.

Преследования бывших участников «рабочей оппозиции» оправдывались якобы не прекращающейся деятельностью ее и в середине 20-х гг., и в более позднее время. В условиях усиливающегося в партии командно-административного режима положение бывших лидеров группы «рабочей оппозиции» становилось все более тяжелым. Весной 1930 г. возникло дело так называемой омской группы «рабочей оппозиции». К партийной ответственности вновь были привлечены А. Г. Шляпников и С. П. Медведев.

28 мая 1930 г. партколлегия ЦКК ВКП(б) приняла решение:

«Признать, что тов. Шляпников А. Г., будучи извещенным участниками омской подпольной организации, что в Омске в 1928—29 гг. организована и работает подпольная группа «рабочей оппозиции», не принял всех необходимых мер к ликвидации этой антипартийной группы и не информировал руководящие партийные органы о наличии такой группы, чем способствовал укреплению у членов этой подпольной организации мысли, что он, Шляпников, является по-прежнему сторонником взглядов «рабочей оппозиции», а не защитником партийной линии» [21].

Такое же решение было на этом заседании принято и в отношении С. П. Медведева.

А 3 августа 1930 г. А. Г. Шляпникову был вынесен строгий выговор. В решении об этом, подписанном заместителем секретаря партколлегии ЦКК ВКП(б) И. А. Акуловым, говорилось:

«Президиум ЦКК констатирует, что т. Шляпников, вопреки всем заявлениям, сделанным им в речах о своем согласии с партией, не прекратил до сих пор поддержки антипартийных элементов, ведущих фракционную борьбу против партии, а в деле омской группы «рабочей оппозиции» до последнего момента не только не помогал партии вести борьбу с остатками «рабочей оппозиции», но прикрывает ее, выдвигая клеветническое антисоветское обвинение по отношению к ОГПУ, по-большевистски борющегося против попыток вести подпольную антипартийную работу.

Президиум ЦКК, объявляя строгий выговор т. Шляпникову за его клеветническое обвинение, направленное против ОГПУ, напоминает т. Шляпникову о постановлении XI съезда РКП(б) в отношении его» [22].

Проверка дела А. Г. Шляпникова, проведенная позже, не установила фактов его фракционной деятельности ни в связи с так называемой «бакинской оппозицией», ни в связи с так называемой омской группой «рабочей оппозиции». Обвинения участников этих групп в антисоветской контрреволюционной деятельности не подтвердились.

В 20—30-х гг. А. Г. Шляпников издал свои воспоминания о революционной деятельности. Первая книга вышла в 1920 г., четвертая, последняя,— в 1931 г. В январе 1932 г. в «Правде» была опуб-

ликована рецензия (О. Чаадаевой, П. Поспелова и др.) с резкой критикой мемуаров А. Г. Шляпникова «1917 год». Рассмотрев его публикации, Политбюро приняло решение:

«Предложить т. Шляпникову признать свои ошибки и отказаться от них в печати. В случае же отказа со стороны т. Шляпникова выполнить этот пункт в 5-дневный срок — исключить его из рядов ВКП(б)» [23].

А. Г. Шляпников обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с разъяснением некоторых положений своих воспоминаний. Он писал:

«Все свои воспоминания о революционной работе я не рассматриваю как научно систематизированные исторические труды и не могу отрицать возможность наличия в них таких формулировок, которые могут подать повод для неправильного толкования» [24].

А. Г. Шляпников просил дать ему возможность опубликовать подготовленный к печати том воспоминаний, исправить имеющиеся его в работах неточности и разрешить дальнейшую литературную деятельность. В этих просьбах ему было отказано.

Ультиматум, предъявленный Политбюро ЦК ВКП(б) А. Г. Шляпникову, ставил его перед альтернативой: или он признает несуществующие «ошибки» и тем самым поставит под сомнение свои труды, или он будет исключен из партии. Организаторы этого дела рассчитали верно — они знали, что для А. Г. Шляпникова партия превыше всего.

9 марта 1932 г. в «Правде» было опубликовано заявление А. Г. Шляпникова в ЦК ВКП(б), в котором он «признавал» свои ошибки и заверял, что примет все меры к их исправлению и к защите генеральной линии партии.

Но это не помогло. 17 июня 1933 г. комиссия по чистке партийной организации Госплана РСФСР, где работал А. Г. Шляпников, исключила его из партии — за непризнание прошлых ошибок и как окончательно порвавшего с большевизмом. Это решение подтвердила областная комиссия по чистке партии. А. Г. Шляпникова так много раз заставляли каяться и в действительных, и в мнимых ошибках, что подобное обвинение звучало по меньшей мере фарисейски.

15 июля 1933 г. А. Г. Шляпников написал письмо И. В. Сталину:

«Обстоятельства чрезвычайного порядка,— говорилось в нем,— обязывают меня обратиться лично к Вам и через Вас в Политбюро с протестом против той кампании шельмования меня, в связи с чисткой ячейки Госплана РСФСР, как в самой ячейке, так и особенно в партийной печати: «Московский рабочий», «Правда».

В первый день чистки ячейки я был избран мишенью для всех и хотел «очистить» себя от всякой политической скверны. Около меня создали атмосферу сенсации, мелкого клеветничества и из меня делают уже в печати «законченного двурушника». Если к этому прибавить еще и то, что комиссия по чистке не пожелала отсрочить моей чистки, о чем я просил ввиду обострения глухоты на оба уха, навязав мне 17 июня как окончательный срок, к которому обязала подпиской явиться,— явился, хотя и больной, выступил, рассказал о себе, всех своих ошибках, но слушать не мог, так как был глухой, а поэтому и не мог дать должного отпора тем шкурникам типа Чупракова, которые клеветали на меня, а с их голоса — шельмует меня и печать,— то картина издевательств будет полная.

Прошло уже свыше двух недель по окончании чистки, а я до сего времени не могу получить даже справку о том, какие мотивы послужили комиссии для исключения меня из партии...

В Госплан РСФСР я послан Вами... Вам я могу сказать, что работой в Госплане я сам удовлетворен не был, но не ставил перед Вами, ни перед ЦК вопрос о переходе на другую потому, что с конца осени 1932 г. ухудшилась моя болезнь — глухота. Уже в течение четырех последних месяцев больше половины времени я был глухой на оба уха. Врачи помогали мне лечением и ограничили продолжительность работы, а в июне запретили мне всякое занятие, сопряженное с напряжением слуха, предупреждая, что несоблюдение... повлечет полную потерю слуха. И это обстоятельство мне поставили также в вину. Нашелся даже член ЦКК, который пришел на чистку и «порочил» меня за то, что я не явился к нему, а послал письмо с выдержкой из постановления врачей.

Вся создавшаяся вокруг меня обстановка убеждает меня в том, что ни районная комиссия, ни областная моего дела не разрешат, а потому я и обращаюсь к Вам с просьбой положить конец издевательствам надо мною и обязать комиссию по чистке предъявить мне факты о моем двурушничестве».

Получив это письмо, И. В. Сталин наложил резолюцию: «В Центральную комиссию по чистке. И. Сталин». Апелляция А. Г. Шляпникова рассматривалась на секретариате Центральной комиссии по чистке партии 29 сентября 1933 г. В его работе принял участие Н. И. Ежов, выступивший с большой речью. В ней, в частности, говорилось:

«Сейчас Шляпников недоуменно всех спрашивает — в чем заключаются его преступления? Ошибки его всем известны, осуждены, он их признает, чего еще надо? Мы все знаем, что, когда перед Шляпниковым стоял вопрос — быть или не быть в партии, он всегда в конечном итоге начинал «признавать» свои ошибки. Однако на этом только и ограничивался. Через некоторое время Шляпников делал опять ошибку, вначале ее отстаивал и, когда партия подводила Шляпникову грань — быть или не быть ему в партии,— опять начиналось признание ошибок, и опять на этом дело ограничивалось.

Как же так получилось, тов. Шляпников, когда ты в борьбе против партии проявлял достаточно активности и никакой активности не проявлял в борьбе за генеральную линию партии, в борьбе с осуждением своих собственных ошибок!

Перед тобой здесь Шкирятов и Ярославский поставили вопрос — дрался ли ты политически на протяжении всего этого времени за генеральную линию партии, где ты выступал с осуждением своих собственных ошибок?

Ты не смог на этот вопрос ответить и не показал ни одного документа и факта, говорящего за то, что ты в какой-либо степени дрался за генеральную линию партии. Об этом здесь идет речь. Беда в том, что бешеной энергии, которую ты развивал в критике против партии, этой энергии у тебя не было за партию. Вот основное, что мы тебе ставим в вину, отметая все другие частные и мелкие вопросы (давали или не давали тебе машину и т. п.).

Второе. Шляпников задает недоуменный вопрос — как так случилось, что неожиданно в 1933 году, зная о его ошибках, зная, что он эти ошибки признал, зная об осуждении его ошибок партией, люди вдруг собрались и начинают поднимать и ворошить все старое сызнова и ставят под вопрос возможность его пребывания в партии?

Это пустяки и никому не нужная наивность. Мы не случайно обсуждаем вопрос о Шляпникове — быть или не быть ему в партии. Тов. Шляпникову небезызвестно решение ЦК по чистке партии. Во время чистки партии каждый член партии подводит итоги своей работы в партии, и партия подводит итоги его работы в партии. В зависимости от этих итогов мы оцениваем членов партии. Совершенно естественно поэтому, когда мы начинаем подводить итоги и прошлого, и настоящего тов. Шляпникова, подводя эти итоги, мы должны со всей прямотой сказать, что они говорят не в пользу Шляпникова. К тебе, Шляпников, со стороны партии было проявлено исключительно терпеливое отношение. Член партии ты старый, рабочий, культурный рабочий. На твое воспитание партия затратила очень много. Своим горбом ты тоже поработал. Пишешь книги, что не под силу еще многим из рабочих. И партия все время терпеливо к тебе относилась, думая, что Шляпников исправится.

Этим терпеливым отношением партии ты все время злоупотребляешь. Все твои знания и способности, на которые потрачено немало сил партии и твоих собственных

сил, ты на протяжении полутора десятков лет употребил только на борьбу против партии. Терпение партии исключительное и целиком опровергает твои же собственные утверждения о режиме в партии и т. п., о которых ты неоднократно говорил и писал.

Третье. Сейчас мы решаем судьбу Шляпникова — быть ему в партии или не быть. Если мы сейчас оставим Шляпникова в партии, ни один член партии этого не поймет. Вряд ли мы этим оставлением будем в правильном духе воспитывать молодых членов партии, которые о политических ошибках Шляпникова знают в достаточной степени. Совершенно естественно, нам будут задавать вопрос о тех строгостях, которые мы предъявляем ко всем членам партии, и о том исключении, которое мы делаем для Шляпникова.

Я думаю, что Шляпникова надо будет из партии исключить».

Выступая на этом заседании, А. Г. Шляпников заявил:

«Если Центральная комиссия по чистке считает, что мои выступления здесь были неясны, я говорил и еще раз повторяю, что я и не мыслю себя вне партии, и какое бы ни было Ваше решение, я останусь членом партии».

Однако Центральная комиссия 31 сентября 1933 г. утвердила решение ячейковой комиссии Госплана РСФСР об исключении А. Г. Шляпникова из рядов ВКП(б).

Вопрос об исключении А. Г. Шляпникова из партии был заранее предрешен. Из стенограммы заседаний Центральной комиссии по чистке видно, что дискуссия ее членов была лишь о том, за что его исключить: за «старое» — участие в оппозиции 1920—1922 гг. или за «новое» — будто бы не выступал против троцкистов и морально разложился. В конце концов было решено: исключить из рядов ВКП(б) и за «старое», и за «новое».

В первой части своей аргументации комиссия исходила из того, что, по ее мнению, А. Г. Шляпников не признал ошибок прошлого и не участвовал активно в борьбе с троцкизмом. Вторая часть обвинений — «перерожденец» — обосновывалась тем, что, будучи председателем жилищного кооператива, А. Г. Шляпников выступил в суде в защиту беспартийного члена кооператива, в квартиру которого по ордеру, подписанному секретарем ЦК, первым секретарем МГК и МК ВКП(б) Л. М. Кагановичем, в нарушение существовавшего законодательства, был вселен работник аппарата МК партии.

В своей объяснительной записке, написанной для комиссии по чистке, А. Г. Шляпников искренне признавал, что он вел оппозиционную работу накануне X съезда РКП(б), но категорически отрицал свою причастность к троцкистской оппозиции 1923 г., а также к троцкистско-зиновьевскому блоку 1926—1927 гг. Никаких оппозиционных документов в эти годы он не подписывал, и это полностью соответствовало действительности. Но комиссия не приняла во внимание объяснения А. Г. Шляпникова. Вскоре он был сослан в административном порядке на Кольский полуостров.

В декабре 1933 г. решением Московской областной комиссии по чистке партии из ее рядов был исключен и соратник А. Г. Шляпникова по «рабочей оппозиции» 1920—1922 гг. С. П. Медведев с формулировкой: «как буржуазный перерожденец, не разделяющий программы и линии партии, политически и организационно порвавший с партией». Его отправили в ссылку в Карельскую

АССР, где он работал в мастерских Беломорско-Балтийского канала.

Сразу после убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. А. Г. Шляпников, С. П. Медведев и ряд других бывших участников «рабочей оппозиции» были арестованы органами НКВД. Уже сам состав привлеченных к ответственности лиц, среди которых вместе с бывшими известными лидерами «рабочей оппозиции» были люди, не игравшие сколько-нибудь существенной роли в жизни партии, говорил о надуманности затеваемого «дела».

При аресте А. Г. Шляпникова и С. П. Медведева в январе 1935 г. у них были изъяты материалы так называемой «московской контрреволюционной организации — группы «рабочей оппозиции» и других оппозиционных групп 20-х гг., партийные и служебные документы различных ведомств и организаций, где работали в разное время А. Г. Шляпников и С. П. Медведев.

Большинство арестованных по данному делу отрицало свое участие в какой-либо контрреволюционной деятельности и сам факт существования в 30-х гг. организованной московской группы «рабочей оппозиции». Но это не принималось во внимание.

А. Г. Шляпников обвинялся в том, что до 1935 г. проводил подпольную антисоветскую работу, создал в городах Москве, Омске и Ростове контрреволюционные группы «рабочей оппозиции» и руководил ими, а также в том, что устраивал на своей квартире собрания московской группы «рабочей оппозиции», на которых критиковались мероприятия партии и Советского правительства и вырабатывались контрреволюционные установки, распространявшиеся затем среди единомышленников в других городах.

На первом после ареста (2—3 января 1935 г.) и последующих допросах А. Г. Шляпников отвергал обвинения в проведении какой-либо контрреволюционной работы на протяжении трех предшествующих аресту лет, отрицал правдивость предъявленных ему «обличительных» показаний Л. Б. Каменева, Г. И. Сафарова, И. В. Вардина-Мгеладзе, Н. В. Сергиевского и М. Ф. Михайлова, а также свое участие в создании и руководстве «контрреволюционными» организациями «рабочей оппозиции» в Москве, Омске и Ростове. «Впервые слышу,— говорил А. Г. Шляпников следователю,— о существовании подобного рода нелегальных групп».

15—16 января 1935 г. А. Г. Шляпников обратился с письменным заявлением на имя прокурора СССР И. А. Акулова и наркома. внутренних дел СССР Г. Г. Ягоды. В этом документе, в частности, говорилось:

«Следствие предъявило мне ряд весьма серьезных обвинений, но до сих пор я не имею возможности подробно дать свои объяснения по существу каждого из них. Мои ответы в протоколы допроса заносятся лишь в краткой форме отрицания или подтверждения. Мои просьбы позволить мне самому писать ответы по существу задававшихся следователем вопросов отклоняются...

Несмотря на мое исключение, я все же продолжал состоять на учете в ЦК ВКП(б) и там решать все вопросы своих занятий. Будучи возвращен из ссылки в апреле 1934 года, я явился в ЦК, где вел беседы с т. Ежовым, от него получал указания о дальнейшем... По возвращении из ссылки у меня произошло ухудшение в состоянии здоровья; я страдаю от последствий контузии

и в настоящее время было воспаление слухового нерва... В июле я подал в СНК прошение о пенсии. В октябре Н. И. Ежов сообщил мне, что вопрос о предоставлении мне пенсии решен положительно, и поручил своему секретарю помочь мне в продвижении оформления этого дела...

Самое существенное обвинение, предъявленное мне, заключается в ведении нелегальной контрреволюционной работы. Все это обвинение покоится на предположениях и чудовищно ложных данных агентуры. Никакой подпольной работы против партии и правительства я не вел, никаких платформ не писал, никаких директив никому не давал. Обвинение считает, что я «вел работу» на «старой платформе» 1920—21 гг., не видя всей смехоты в подобной постановке... Данного партии слова в 1926, 1929, 1932 гг. я не изменял. Организационной же работы никогда не вел и публично высказывался против нее...»

Далее А. Г. Шляпников описал свои встречи с Л. Б. Каменевым, Г. Е. Зиновьевым, Г. Ф. Федоровым, Г. Е. Евдокимовым, А. С. Куклиным и при этом отметил:

«Все эти товарищи были мне более близкими знакомыми, чем Сафаров, но и они никогда не ставили передо мною вопросов нелегальной работы. И я сам был уверен, что они ее не ведут, как не вел ее и я сам...

В июне 1933 года меня чистили и исключили из партии как «двурушника». Никаких оснований для этого, по моим понятиям и поведению, не было, и я терялся в догадках, в поисках подлинных мотивов моего исключения.

За время с 1929 года я шел все время по пути примирения. Политика партии в области развития народного хозяйства, построение социалистической базы не только в городах, но и на селе (коллективизация, укрепление совхозов) покрывали полностью все наши прошлые чаяния, все мои в этом деле ожидания. Наконец, в марте 1934 года новый удар — ссылка. При этом, объявляя мне распоряжение о ссылке, заявляет (Рутковский), что никаких обвинений предъявить мне не имеет, что в ОГПУ дел против меня нет...

Но из ссылки меня вскоре вернули. Я принял это, как признание ошибочности совершенной надо мной расправы. Все это время я был занят или работой над рукописью, или поисками средств для жизни, ликвидируя часть своего имущества, своих инструментов и вещей, в ожидании обещанной в ЦК пенсии... На этом месте — арест...

Я прошу Вас проверить все возводимые на меня обвинения. Сам я готов помочь следствию разъяснением всего, что может быть ему непонятным в моих действиях. За время моего партийного бытия я совершил много ошибок, но я давно вскрыл их публично и отошел от них. Находясь в заключении, я ни на один момент не терял надежды на полную и всестороннюю свою реабилитацию, так как никакой работы антипартийного и контрреволюционного характера я не вел».

С. П. Медведев на предварительном следствии также отрицал свое участие в создании и руководстве нелегальной деятельностью так называемых групп «рабочей оппозиции» и в связях на антисоветской платформе с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым.

В определенной мере политические настроения С. П. Медведева этого периода показывают его ответы на допросе 5 февраля 1935 г. о взаимоотношениях с А. Г. Шляпниковым:

«В письме, посланном мною Шляпникову А. Г. с оказией 4 июня 1934 года по вопросу о нашем (моем и Шляпникова) исключении из партии, я изложил свою точку зрения, заключающуюся в том, что это запоздалый эпизод политической борьбы господствующих политических сил в ВКП(б) со всеми неприемлющими идеологию и интересы этих сил. Я считал, что наше «преступление» состояло в том, что я и Шляпников не уложились в прокрустово ложе «сталинской эпохи». Переписку с Шляпниковым в данном изложении я контрреволюционной не считаю... Вопрос о своем восстановлении в ВКП(б) я не поднимал и поднимать не собирался по следующим соображениям:

а) можно было бы поднимать вопрос о восстановлении, если бы это могло послужить для кого-либо организующим моментом, средством воздействия на какие-либо партийные круги, расположенные к нам;

б) в случае попытки вернуться это повлекло бы нас к необходимости подвергнуть себя всему тому гнусному самооплевыванию, которое совершили над собой все «бывшие»;

в) вся история внутрипартийной борьбы за последние годы не оставляла никаких сомнений в том, что и нам не отведено ничего другого, кроме того, что имело место со всеми «бывшими», пытавшимися вернуться к своему прошлому. Все свои надежды на избавление от положения военнопленного существующего режима я строил на ходе внутренних и внешних событий. В противном случае я знал, что буду обречен как жертва царящего у нас режима. Об этом я писал Шляпникову. Больше ни с кем из своих близких товарищей я вопрос о своем восстановлении в ВКП(б) не обсуждал».

Арестованный В. П. Демидов на допросах в январе — марте 1935 г. дал показания по интересующим следствие фактам его биографии, о личных знакомых (в их числе он назвал С. И. Масленникова), объяснил наличие у него некоторых печатных документов оппозиционного характера желанием написать работу, посвященную истории оппозиции. В то же время он отрицал наличие связей с А. Г. Шляпниковым после 1930 г., категорически отвергал обвинения в провокаторстве до 1917 г.

Этих же позиций В. П. Демидов придерживался и на очной ставке с М. Н. Ивановым, во время которой М. Н. Иванов говорил о якобы имевших место контрреволюционных разговорах на даче-квартире В. П. Демидова в 1933—1934 гг. В. П. Демидов назвал эти утверждения ложными. 16 февраля и 30 марта 1935 г. В. П. Демидов написал два письма в Центральную комиссию партийного контроля на имя М. Ф. Шкирятова и Н. И. Ежова, в которых заявлял, что после X съезда партии он полностью отошел от взглядов «рабочей оппозиции» и никакой фракционной деятельностью не занимался. В. П. Демидов просил срочно вмешаться и разобраться в его деле. Второе письмо он завершал следующими словами:

«...я считаю, что лучше самому рассчитаться с жизнью, чем подвергаться медленному, но верному уничтожению, уготованному мне в результате клеветы. В случае неполучения... ответа до 4 апреля я с 5 апреля начинаю смертельную голодовку».

И. И. Николаенко на первом допросе 21 января 1935 г. показал:

«В подпольной организации «рабочая оппозиция» я не состоял и не состою. На нелегальных сборищах в квартире у Шляпникова я не участвовал... Никакой информации о контрреволюционной деятельности на Северном Кавказе я ни от кого не получал. Никаких установок о контрреволюционной деятельности никогда никому не давал».

На допросе 28 января 1935 г., отвечая на вопрос следователя, известно ли ему, что А. Г. Шляпников является лидером контрреволюционной организации «рабочая оппозиция», И. И. Николаенко заявил:

«Я знаю о том, что в период X и XI съездов РКП(б) Шляпников возглавлял группу «рабочей оппозиции». Ни X, ни XI съезды группу «рабочей оппозиции» контрреволюционной не рассматривали. Я до сих пор не знаю ни одного

решения партии и ее ЦК, где «рабочая оппозиция» квалифицировалась бы контрреволюционной».

Аналогичные показания на следствии давали также Г. И. Бруно, С. И. Масленников, А. А. Тихомиров и М. И. Прокопенко. При этом М. И Прокопенко не скрывал, что передал своим сестрам Н. И. Ружицкой и З. И. Ахмедовой принадлежавшие ему книги Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева и револьверы, так как ожидал обыска и боялся навлечь на себя подозрения после ареста С. П. Медведева.

Жена М. И. Прокопенко — О. Х. Прокопенко и его сестры — З. И. Ахмедова, М. И. Догадина и Н. И. Ружицкая допрашивались (Н. И. Ружицкая — дважды) только по эпизоду передачи литературы и оружия. Указанный факт они подтвердили, причем Н. И. Ружицкая заявила, что полученные от брата книги Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева она сожгла.

Арестованные по данному делу М. А. Вичинский, А. А. Серебренников, М. Ф. Михайлов и супруги Тарасовы сначала отрицали предъявленные им обвинения в контрреволюционной деятельности, а затем дали признательные показания. Такого же рода показания дали в ходе следствия и другие арестованные по этому делу лица.

К следственным материалам по московской группе «рабочей оппозиции» были приобщены также показания С. К. Кадыгробова, Ф. С. Кунгурцева и М. П. Федотова, привлеченных по делу омской организации «рабочей оппозиции».

На основании всех этих показаний А. Г. Шляпников, С. П. Медведев, Г. И. Бруно, И. И. Николаенко и другие привлеченные по делу лица были признаны виновными в том, что являлись членами подпольной контрреволюционной группы «рабочей оппозиции» в г. Москве,

«...периодически собирались на квартире у Шляпникова или Медведева, подвергали резкой контрреволюционной критике политику партии и Советской власти, вырабатывали свои контрреволюционные установки, которые распространяли среди остальных своих единомышленников в Москве и на периферии».

Как указывалось в обвинительном заключении по делу, под руководством московской группы в Омске, Одессе, Ростове и других городах СССР были созданы и вели «контрреволюционную работу подпольные группы так называемой «рабочей оппозиции». Обвиняемой по этому делу К. М. Тарасовой было инкриминировано, что она «разделяла политические установки «рабочей оппозиции», знала о контрреволюционных настроениях своего мужа и его единомышленников, знала его связи, но не доводила до сведения об этом органов власти»; обвиняемым О. Х. Прокопенко, Н. И. Ружицкой, З. И. Ахмедовой и М. И. Догадиной вменялось в вину участие в сокрытии нелегальных документов «рабочей оппозиции» и огнестрельного оружия.

26 марта, 14 апреля 1935 г. Особым совещанием при НКВД СССР А. Г. Шляпников, С. П. Медведев, С. И. Масленников, Г. И. Бруно, М. А. Вичинский, В. П. Демидов, М. Н. Иванов,

М. Ф. Михайлов, И. И. Николаенко, М. И. Прокопенко, В. Е. Тарасов и А. А. Тихомиров были лишены свободы на 5 лет каждый, а А. А. Серебренников, О. Х. Прокопенко и К. М. Тарасова отправлены на 5 лет в ссылку. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 10 декабря 1935 г. А. Г. Шляпникову тюремное заключение было заменено ссылкой в г. Астрахань на оставшийся срок.

Данных о решении Особого совещания при НКВД СССР в отношении З. И. Ахмедовой, М. И. Догадиной и Н. И. Ружицкой в уголовном деле о «рабочей оппозиции» нет.

Через два года, в 1937 г., приговоры многим участникам так называемой «рабочей оппозиции» были пересмотрены и ужесточены.

По делу 1936—1937 гг. А. Г. Шляпников признан виновным в том, что, являясь руководителем контрреволюционной организации «рабочая оппозиция», осенью 1927 г. дал директиву харьковскому центру этой организации о необходимости перехода к индивидуальному террору как методу борьбы против ВКП(б) и Советского правительства; в 1935—1936 гг. давал директивы о подготовке террористического акта против И. В. Сталина и вел переговоры с Г. Е. Зиновьевым о совместной террористической деятельности.

Виновным себя А. Г. Шляпников не признал. Обвинение его основывалось на противоречивых показаниях ряда арестованных по другим делам и «свидетеля» Н. В. Сергиевского, который был тайным осведомителем НКВД.

По вновь сфабрикованным обвинениям в подготовке террористических актов против руководителей партии и Советского правительства многие из них были осуждены Военной Коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания — расстрелу. А. Г. Шляпников и С. П. Медведев были расстреляны в сентябре, Г. И. Бруно, М. А. Вичинский, С. И. Масленников — в октябре, В. П. Демидов, И. И. Николаенко — в ноябре 1937 г.

В период с 1956 по 1978 г. проводилась дополнительная проверка по делу о «рабочей оппозиции» в отношении А. Г. Шляпникова, С. П. Медведева, С. И. Масленникова, Г. И. Бруно, М. Ф. Михайлова, А. А. Тихомирова, О. Х. Прокопенко, М. И. Прокопенко, М. А. Вичинского и И. И. Николаенко.

Проверкой установлено, что указанные лица были осуждены необоснованно и каких-либо доказательств их контрреволюционной деятельности в деле не имеется. Уголовные дела на участников подпольных организаций «рабочей оппозиции» в городах Омске и Ростове в настоящее время прекращены, а осужденные по ним лица реабилитированы. Реабилитированы также другие лица, осужденные в прошлом по обвинению в принадлежности к «московской контрреволюционной организации — группе «рабочей оппозиции». О том, как фабриковались обвинения в отношении этих лиц, показал опрошенный в декабре 1956 г. и январе

1957 г. Н. В. Сергиевский, проходивший по делу о «рабочей оппозиции» в качестве свидетеля:

«Содержание моего заявления от 31 декабря 1934 года не соответствует действительности. Еще раз должен указать, что какие-либо факты контрреволюционной деятельности Шляпникова, а также упоминаемых в заявлении: Бруно, Правдина, Челышева, Прокопенко и других лиц — мне известны в тот период времени не были. Встречи этих лиц на квартире Шляпникова носили семейный характер. Разговоры, которые велись при этих встречах, иногда, правда, касались и политических вопросов, но я не помню таких фактов, чтобы эти политические вопросы обсуждались с антисоветских позиций».

Осужденные по делу омской группы «рабочей оппозиции» М. П. Федотов, С. К. Кадыгробов и Ф. С. Кунгурцев, показания которых были использованы как доказательства обвинения А. Г. Шляпникова и других, в 1958 г. были реабилитированы.

В 1956—1978 гг., по вновь открывшимся обстоятельствам, Г. И. Бруно, С. И. Масленников, М. Ф. Михайлов, А. А. Тихомиров, О. Х. Прокопенко, М. И. Прокопенко, М. А. Вичинский, И. И. Николаенко, А. Г. Шляпников и С. П. Медведев, осужденные по делу «московской контрреволюционной организации — группы «рабочей оппозиции», были реабилитированы в судебном порядке. Уголовные дела прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления.

По протесту Генерального прокурора СССР Военная Коллегия Верховного суда СССР 1 сентября 1988 г. отменила постановления Особого совещания при НКВД СССР и «тройки» в отношении В. П. Демидова, М. Н. Иванова, А. А. Серебренникова, В. Е. Тарасова и К. М. Тарасовой и уголовные дела прекратила за отсутствием в их действиях состава преступления.

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС в результате рассмотрения вопроса о партийности лиц, проходивших по делу так называемой «московской контрреволюционной организации — группы «рабочей оппозиции», полностью реабилитированных в судебном порядке, в декабре 1988 г. восстановил в КПСС (посмертно) А. Г. Шляпникова, С. П. Медведева, И. И. Николаенко, А. А. Тихомирова, В. Е. Тарасова, В. П. Демидова и М. А. Вичинского. Ранее в партии были восстановлены проходившие по этому делу С. И. Масленников, Г. И. Бруно, М. Ф. Михайлов, М. И. Прокопенко, М. И. Догадина, Н. И. Ружицкая и З. И. Ахмедова. Не найдено оснований для восстановления в партии М. Н. Иванова, поскольку он был исключен из партии в 1932 г. за проступок, не связанный с выдвинутыми против него позднее необоснованными политическими обвинениями.

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС

Прокуратура СССР

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Комитет государственной безопасности СССР

«ЛЕНИНГРАДСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗИНОВЬЕВСКАЯ ГРУППА САФАРОВА, ЗАЛУЦКОГО И ДРУГИХ»

В первой половине 30-х годов сталинским руководством был сфабрикован ряд политических процессов, направленных против старых партийных кадров ленинской школы. К тому времени была отстранена от активного участия в выработке политики партии группа политических деятелей во главе с Н. И. Бухариным. Все более упрочивалась командно-административная система, интенсивно насаждался режим личной власти И. В. Сталина. Грубо попирая ленинские демократические традиции и нормы партийной жизни, он и его сторонники все бесцеремоннее и беззастенчивее переходили к свертыванию идейно-теоретических дискуссий и свободного обмена мнениями при обсуждении экономических и социально-политических проблем, от товарищеской критики к огульному обвинению инакомыслящих в антипартийной деятельности, применению к ним жестких карательных мер, вплоть до ссылки, лишения свободы, а затем и физического уничтожения.

Для расправы с принципиальными, стойкими деятелями партии использовались различные поводы: их участие в оппозициях в прошлом, недовольство бюрократическими, насильственными методами социалистического строительства и просто высказываемые собственные мысли и идеи, отличные от официально принятых. Своеобразие дела так называемой «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других» состояло в том, что поводом для его возбуждения послужило убийство С. М. Кирова.

Из материалов проверки данного дела, как и судебных процессов по так называемым «ленинградскому» и «московскому» центрам, вытекает, что своим возникновением они обязаны прямым указаниям И. В. Сталина органам НКВД возложить ответственность за убийство С. М. Кирова на бывших участников зиновьевской оппозиции.

Впоследствии, выступая на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г., Н. И. Ежов заявил, что по инициативе И. В. Сталина следствие по делу об убийстве С. М. Кирова сразу же было направлено по линии обвинения в этом преступлении бывших участников зиновьевской оппозиции. Он привел сказанные ему тогда И. В. Сталиным слова: «Ищите убийц среди зиновьевцев».

Эти указания, по существу, ориентировали органы НКВД на то, чтобы, воспользовавшись убийством С. М. Кирова, перейти к репрессиям в отношении тех коммунистов, которые еще до революции являлись соратниками и учениками В. И. Ленина, расправиться с бывшими участниками оппозиции. Тем самым наносился удар по работникам Ленинградской партийной организации, представителям ленинской партийной гвардии, в свое

время выступавшей против установления безраздельного господства в партии И. В. Сталина и его окружения.

Органы НКВД не располагали никакими данными о существовании подпольных контрреволюционных организаций и о проведении «зиновьевцами» организованной антисоветской деятельности, однако аресты бывших оппозиционеров и знакомых с ними лиц приняли в Ленинграде, Москве и в других городах массовый характер. За два с половиной месяца после 1 декабря 1934 г. только в Ленинграде органами НКВД было арестовано 843 человека.

9 января 1935 г., после состоявшегося 28 декабря 1934 г. судебного процесса по делу так называемого «ленинградского центра», материалы в отношении ряда арестованных были выделены в отдельное производство, которое получило название «дело ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других». В эту группу были включены 77 человек, в том числе 65 членов и один кандидат в члены ВКП(б). Среди них были партийные, советские и профсоюзные работники, хозяйственные руководители, представители органов просвещения, печати, технической интеллигенции, рабочие, домохозяйки. Тем самым создавалась видимость масштабности и разветвленности заговора, охватившего якобы все социальные слои общества. Значительную часть арестованных составляли коммунисты с дореволюционным партийным стажем (12 человек), а также вступившие в партию в 1917—1920 гг. (40 человек). В течение декабря 1934 — января 1935 г. во время следствия и после вынесения приговора арестованные коммунисты постановлениями партколлегии КПК при ЦК ВКП(б) были исключены из партии «как контрреволюционеры».

К ответственности по данному делу привлекались:

Александров Александр Иванович, 1899 г. рождения, русский, член партии с 1918 г., заместитель управляющего Ленкожтрестом, бывший участник оппозиции;

Алладейников (Оладейников) Петр Константинович, 1900 г. рождения, русский, член партии с 1925 г., студент Ленинградского индустриального института, бывший участник оппозиции;

Антипова Александра Александровна, 1895 г. рождения, русская, член партии с 1919 г., секретарь парткома ленинградской фабрики им. Дзержинского;

Бакк Павел Александрович, 1902 г. рождения, русский, член партии с 1920 г., заведующий орготделом Ленинградского специального производственного объединения, бывший участник оппозиции;

Бардин Николай Алексеевич, 1905 г. рождения, русский, член партии с 1921 г., экономист Актюбинского облторга, бывший участник оппозиции;

Богомольный Яков Исаакович, 1894 г. рождения, еврей, член партии с 1920 г., заместитель декана исторического факультета ЛГУ, бывший участник оппозиции;

Боргачев Соломон Наумович, 1888 г. рождения, еврей, член партии с 1917 г., директор ленинградской фабрики им. Желябова, бывший участник оппозиции;

Боровичков Иван Михайлович, 1905 г. рождения, русский, член партии с 1923 г., начальник отдела снабжения «Союзармотреста», бывший участник оппозиции;

Бродский Вильгельм Александрович, 1898 г. рождения, еврей, член партии с 1918 г., директор ленинградского завода «Двигатель», бывший участник оппозиции;

Булах Виктор Степанович, 1903 г. рождения, русский, член партии с 1921 г., заместитель председателя Пролетарского райсовета Москвы, бывший участник оппозиции;

Бурмистров Павел Петрович, 1898 г. рождения, русский, член партии с 1919 г., член президиума Ленпогрузсоюза, бывший участник оппозиции;

Васильев Георгий Васильевич, 1894 г. рождения, русский, беспартийный, рабочий;

Васильева Раиса Родионовна, 1902 г. рождения, русская, член партии с 1919 г., писательница, бывшая участница оппозиции;

Виноградов Василий Алексеевич, 1904 г. рождения, русский, член партии с 1923 г., заместитель управляющего Ленкожтрестом, бывший участник оппозиции;

Гайдерова Зинаида Никандровна, 1881 г. рождения, русская, член партии с 1905 г., заместитель директора библиотеки Академии наук СССР, бывшая участница оппозиции;

Горбачев Георгий Ефимович, 1897 г. рождения, русский, член партии с 1919 г., профессор Ленинградского института философии, истории и литературы, бывший участник оппозиции;

Горбачев Иван Петрович, 1904 г. рождения, русский, беспартийный, киномеханик клуба «Красный путь» в Ленинграде;

Дмитриев Николай Александрович, 1898 г. рождения, русский, член партии с 1917 г., начальник конторы «Союзтрансстрой», бывший участник оппозиции;

Дмитриев Тимофей Дмитриевич, 1887 г. рождения, русский, член партии с 1915 г., заведующий отделом кадров Азово-Черноморского консервного треста, бывший участник оппозиции;

Дрязгов Григорий Михайлович, 1897 г. рождения, русский, член партии с 1918 г., начальник «Стройтреста», бывший участник оппозиции;

Егоров Сергей Николаевич, 1897 г. рождения, русский, бывший член партии, заведующий торговым отделом фабрики-кухни в Ленинграде;

Емельянов Александр Николаевич, 1899 г. рождения, русский, член партии с 1917 г., директор лечебного хозяйства Сестрорецкого курорта, бывший участник оппозиции;

Емельянов Кондратий Николаевич, 1901 г. рождения, русский, член партии с 1917 г., помощник главного инженера «Мосжилстройсоюза», бывший участник оппозиции;

Ермолаева Елизавета Федоровна, 1903 г. рождения, русская, член партии с 1924 г., слушатель Промакадемии;

Жестянников Изолит Григорьевич, 1904 г. рождения, еврей, член партии с 1919 г., заместитель командира полка по политчасти Ленинградского военного округа, бывший участник оппозиции;

Залуцкий Петр Антонович, 1888 г. рождения, русский, член партии с 1907 г., управляющий трестом «Строймашина», бывший участник оппозиции;

Зейт Федор Романович, 1906 г. рождения, еврей, бывший член партии, токарь ленинградского завода «Станкоремонт», бывший участник оппозиции;

Зеликсон Исаак Наумович, 1901 г. рождения, еврей, член партии с 1919 г., секретарь парткома Ленинградского политехнического института, бывший участник оппозиции;

Зильберман Александр-Исаак Ильич, 1900 г. рождения, еврей, член партии с 1917 г., помощник управляющего трестом «Союзхиммонтаж» в Москве, бывший участник оппозиции;

Исаев Герман Иванович, 1902 г. рождения, русский, член партии с 1920 г., начальник планового управления «Ленгорнарпита»;

Касперский Иван Феликсович, 1890 г. рождения, русский, бывший член партии, слесарь Ижорского завода, бывший участник оппозиции;

Короткова Екатерина Васильевна, 1907 г. рождения, русская, беспартийная, домохозяйка;

Коршунов Ефим Константинович, 1894 г. рождения, русский, член партии с 1919 г., слушатель Промакадемии, бывший участник оппозиции;

Костина Анна Порфирьевна, 1895 г. рождения, русская, член партии с 1915 г., слесарь Московского автозавода;

Кострицкий Иван Станиславович, 1890 г. рождения, поляк, член партии с 1917 г., директор «Ленснабтранса», бывший участник оппозиции;

Левин Михаил Абрамович, 1895 г. рождения, еврей, член партии с 1918 г., заведующий кафедрой политэкономии Ленинградского института коммунального строительства, бывший участник оппозиции;

Логинов Петр Петрович, 1902 г. рождения, русский, член партии с 1925 г., студент Ленинградского индустриального института;

Лукин Василий Григорьевич, 1901 г. рождения, русский, член партии с 1917 г., директор общеобразовательной школы в Ленинграде, бывший участник оппозиции;

Магдарьев Николай Карпович, 1905 г. рождения, русский, член партии с 1924 г., техник завода «Красный треугольник», бывший участник оппозиции;

Матвеев Владимир Павлович, 1897 г. рождения, русский, член партии с 1917 г., управляющий ленинградским отделением треста «Союзфото», бывший участник оппозиции;

Минаев Семен Павлович, 1900 г. рождения, русский, член партии с 1918 г., директор дома отдыха Московского электрозавода, бывший участник оппозиции;

Миронов Георгий Иванович, 1897 г. рождения, русский, член партии с 1915 г., директор Ленинградского хлебозавода № 12, бывший участник оппозиции;

Муравьев Михаил Васильевич, 1902 г. рождения, русский, член партии с 1925 г., заведующий коммерческим отделом Ленинградской кондитерской фабрики, бывший участник оппозиции;

Муштаков Андрей Андреевич, 1897 г. рождения, русский, член партии с 1914 г., заместитель председателя Ленинградского топливного комитета;

Надель Михаил Семенович, 1902 г. рождения, русский, член партии с 1921 г., студент Ленинградского индустриального института;

Наливайко Фома Григорьевич, 1892 г. рождения, русский, член партии с 1917 г., слушатель ленинградских курсов директоров совхозов, бывший участник оппозиции;

Наумов Иван Куприянович, 1895 г. рождения, русский, член партии с 1913 г., директор авиазавода № 20 в Москве, бывший участник оппозиции;

Николаева-Максимова Анна Андреевна, 1907 г. рождения, русская, беспартийная, главный конструктор Октябрьской железной дороги;

Николаева Мария Тихоновна, 1870 г. рождения, русская, беспартийная, уборщица Ленинградского трамвайного парка;

Панов Александр Никитич, 1899 г. рождения, русский, член партии с 1919 г., заместитель управляющего «Ленавтотранса»;

Пантюхин Владимир Андреевич, 1904 г. рождения, русский, беспартийный, специалист по лесному хозяйству Кузнецкого леспромхоза;

Пантюхина Анна Васильевна, 1907 г. рождения, русская, беспартийная, домохозяйка;

Панфилов Михаил Степанович, 1903 г. рождения, русский, член партии с 1923 г., студент Ленинградского индустриального института, бывший участник оппозиции;

Поздеева Мария Васильевна, 1898 г. рождения, русская, член партии с 1917 г., инструктор Московского института повышения квалификации кадров народного образования, бывшая участница оппозиции;

Попов Георгий Федорович, 1902 г. рождения, русский, член партии с 1918 г., директор ленинградской табачной фабрики им. Урицкого, бывший участник оппозиции;

Поташников Григорий Петрович, 1903 г. рождения, русский, член партии с 1923 г., начальник группы завода № 103 в Ленинграде, бывший участник оппозиции;

Пуштарев Иван Яковлевич, 1899 г. рождения, русский, член партии с 1927 г., ответственный исполнитель треста «Всепромутилизация»;

Равич Сарра (Ольга) Наумовна, 1879 г. рождения, еврейка, член партии с 1903 г., управляющая Воронежским трестом кондитерских изделий;

Рогачева Екатерина Васильевна, 1899 г. рождения, русская, член партии с 1918 г., председатель месткома Ленинградского треста зеленого строительства;

Роцкан Петр Эдуардович, 1894 г. рождения, русский, член партии с 1915 г., начальник лесоуправления Северокавказского земельного управления, бывший участник оппозиции;

Рэм Михаил Симонович, 1890 г. рождения, русский, член партии с 1918 г., начальник орса Октябрьской железной дороги, бывший участник оппозиции;

Сафаров Георгий Иванович, 1891 г. рождения, русский, член партии с 1908 г., заведующий Восточным отделом Исполкома Коминтерна, бывший участник оппозиции;

Северов Петр Петрович, 1906 г. рождения, русский, член партии с 1923 г., старший инженер ленинградского завода «Красный путиловец», бывший участник оппозиции;

Середохин Александр Карпович, 1903 г. рождения, русский, член партии с 1920 г., уполномоченный «Моторыбтреста» по Ленинградской области, бывший участник оппозиции;

Соловьев Константин Степанович, 1897 г. рождения, русский, член партии с 1915 г., управляющий трестом «Союзарматура», бывший участник оппозиции;

Сорокин Всеволод Алексеевич, 1903 г. рождения, русский, член партии с 1918 г., инструктор Октябрьского райкома партии Ленинграда;

Тартаковская Юлия Борисовна, 1900 г. рождения, еврейка, член партии с 1917 г., начальник цеха Ленинградской судоверфи, бывшая участница оппозиции;

Татаров Исаак Львович, 1901 г. рождения, еврей, член партии с 1919 г., лектор Центральной школы НКВД СССР;

Тимофеев Евгений Тимофеевич, 1904 г. рождения, еврей, член партии с 1919 г., начальник отдела Ленмашзавода, бывший участник оппозиции;

Фадеев Федор Фадеевич, 1899 г. рождения, русский, член партии с 1922 г., председатель дорстройкома Мурманской железной дороги, бывший участник оппозиции;

Харитонов Антон Антонович, 1901 г. рождения, русский, кандидат в члены партии с 1925 г. (в 1928 г. исключен за участие в оппозиции), техник ленинградского завода им. Козицкого;

Харитонов Моисей Маркович, 1887 г. рождения, еврей, член партии с 1905 г., заместитель торгпреда СССР в Англии, бывший участник оппозиции;

Цейтлин Яков Семенович, 1901 г. рождения, еврей, член партии с 1918 г., директор кинотеатра в Ленинграде, бывший участник оппозиции;

Цюнский Константин Антонович, 1902 г. рождения, поляк, член партии с 1920 г., заведующий телефонной станцией в

Н. И. Бухарин.

Л. Д. Троцкий.

Во втором ряду слева направо: В. М. Молотов (1-й), И. В. Сталин (3-й), Л. Б. Каменев (5-й), Я. М. Свердлов (7-й) в группе ссыльных. Туруханский край, 1915 г.

Слева направо: Г. Е. Зиновьев, А. И. Рыков, Л. Б. Каменев выносят гроб с телом М. В. Фрунзе из Дома союзов. Москва, 1925 г.

Л. Б. Каменев с женой Ольгой Давыдовной
и сыновьями Юрием и Александром. 30-е годы.

На первомайском празднике. Слева направо: Л. Б. Каменев (2-й),
Э. М. Склянский (3-й), Я. М. Свердлов (5-й). Москва, 1918 г.

М. П. Томский, И. В. Сталин, М. И. Калинин. Москва, 1927 г.

Н. И. Муралов
с женой и сыном.
Новосибирск, 1929 г.

А. И. Рыков выступает на II Всероссийском агрономическом съезде. Москва, 1929 г.

IX съезд РКП(б).
Слева направо
сидят:
Енукидзе А. С.,
Калинин М. И.,
Бухарин Н. И.,
Томский М. П.,
Лашевич М. М.,
Каменев Л. Б.,
Преображенский
Е. А.
Серебряков Л. П.,
Ленин В. И.,
Смирнов И. Н.,
Рыков А. И.;
стоят:
Милютин Н. А.
Смилга И. Т.,
Крестинский Н. Н.,
Волин Б. М.
Москва, 1920 г.

Л. П. Серебряков
с дочерью Зорей.
Конец 20-х годов.

К. Б. Радек.

Я. Э. Рудзутак
(4-й слева во втором ряду)
среди членов коллегии
Наркомпути.
Середина 20-х годов.

Делегаты Узбекистана на XIV партконференции. Слева от И. В. Сталина А. Икрамов. Москва, 1925 г.

Х. Г. Раковский с женой. 30-е годы.

г. Березники Ленинградской области, бывший участник оппозиции;

Шварц Григорий Ильич, 1903 г. рождения, еврей, член партии с 1919 г., заместитель начальника сектора Госплана СССР, бывший участник оппозиции;

Ширяев Дмитрий Никитович, 1902 г. рождения, русский, член партии с 1920 г., ответственный руководитель научной группы ленинградского Центрального института металлов, бывший участник оппозиции;

Юскина Анна Яковлевна, 1902 г. рождения, русская, беспартийная, прядильщица ленинградской фабрики «Работница» *.

16 января 1935 г. Особым совещанием при НКВД СССР в составе: председателя — наркома НКВД Г. Г. Ягоды, первого заместителя наркома Я. С. Агранова, заместителя наркома Г. Е. Прокофьева, заместителя наркома Л. Н. Бельского, прокурора СССР И. А. Акулова и ответственного секретаря П. П. Буланова было рассмотрено уголовное дело обвинявшихся в принадлежности к «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группе Сафарова, Залуцкого и других».

В соответствии с принятым Особым совещанием постановлением П. А. Бакк, Н. А. Бардин, Я. И. Богомольный, С. Н. Бограчев, В. С. Булах, П. П. Бурмистров, Г. В. Васильев, Р. Р. Васильева, В. А. Виноградов, Г. Е. Горбачев, Т. Д. Дмитриев, Е. Ф. Ермолаева, И. Г. Жестянников, П. А. Залуцкий, И. Н. Зеликсон, А.-И. И. Зильберман, Г. И. Исаев, Е. К. Коршунов, А. П. Костина, М. А. Левин, В. Г. Лукин, Г. И. Миронов, М. В. Муравьев, А. А. Муштаков, М. С. Надель, Ф. Г. Наливайко, И. К. Наумов, В. А. Пантюхин, А. В. Пантюхина, Г. Ф. Попов, Г. П. Поташников, И. Я. Пуштарев, Е. В. Рогачева, М. С. Рэм, П. П. Северов, А. К. Середохин, Ю. Б. Тартаковская, Ф. Ф. Фадеев, Д. Н. Ширяев — «за участие в контрреволюционной зиновьевской группе» или «за содействие контрреволюционной зиновьевской группе» были подвергнуты заключению в концлагерь сроком на 5 лет.

Заключению в концлагерь сроком на 4 года были подвергнуты 7 человек — И. М. Боровичков, З. Н. Гайдерова, И. П. Горбачев, Г. М. Дрязгов, А. Н. Емельянов, К. Н. Емельянов, П. П. Логинов.

Высылке сроком на 5 лет были подвергнуты 25 человек — А. И. Александров, А. А. Антипова, В. А. Бродский, Н. А. Дмитриев, С. Н. Егоров, Е. В. Короткова, И. С. Кострицкий, Н. К. Магдарьев, В. П. Матвеев, С. П. Минаев, П. К. Алладейников (Оладейников), А. Н. Панов, М. С. Панфилов, М. В. Поздеева, С. Н. Равич, П. Э. Роцкан, К. С. Соловьев, В. А. Сорокин, И. Л. Татаров, Е. Т. Тимофеев, А. А. Харитонов, М. М. Ха-

* Последнее место работы всех привлеченных по этому делу лиц указывается на основании записей в протоколах допросов. *Ред.*

ритонов, Я. С. Цейтлин, К. А. Цюнский, Г. И. Шварц, А. Я. Юскина.

Сроком на 4 года были высланы Ф. Р. Зейт, И. Ф. Касперский, А. А. Николаева-Максимова, М. Т. Николаева.

Г. И. Сафаров был выслан сроком на 2 года.

Следовательно, из 77 человек, репрессированных по делу, 76 человек были заключены в концлагеря или сосланы на сроки от 4 до 5 лет, а одному — Г. И. Сафарову была назначена высылка сроком на 2 года. Большинство из них впоследствии были расстреляны или погибли в местах лишения свободы.

Наиболее крупными политическими фигурами из числа репрессированных были Г. И. Сафаров и П. А. Залуцкий, которые еще с дореволюционных времен были тесно связаны с В. И. Лениным.

Г. И. Сафаров с 1905 г. вел работу в социал-демократическом союзе молодежи при Петербургском комитете РСДРП. География его революционной деятельности обширна: Петербург, Самара, Урал, Туркестан. В марте 1908 г. Г. И. Сафаров вступил в партию большевиков. Как революционер, он неоднократно арестовывался и ссылался. В 1910 г. Г. И. Сафаров вынужден был выехать за границу, где продолжил революционную работу под руководством В. И. Ленина, с которым неоднократно встречался и вел переписку. В качестве примера можно привести следующий факт из революционной биографии Г. И. Сафарова. 3 апреля 1915 г. ему и И. Ф. Арманд В. И. Ленин от имени ЦК РСДРП выдал удостоверение, уполномочивающее их быть представителями молодежных организаций, примыкавших к ЦК РСДРП, на Бернской международной конференции [25].

После Февральской революции 1917 г. Г. И. Сафаров вернулся в Россию, работал в Петроградском комитете партии и сотрудничал в «Правде». Позднее вел партийно-пропагандистскую работу в Поволжье и на Урале. Избирался членом Самарского, Екатеринбургского губкомов партии, заместителем председателя областного совета и членом Центрального совета фабзавкомов Екатеринбурга. Одновременно работал редактором газеты «Екатеринбургский рабочий». В годы гражданской войны Г. И. Сафаров принимал активное участие в боевых действиях, проявил себя как один из организаторов Красной Армии.

После окончания гражданской войны он был направлен на партийную работу в Среднюю Азию. В 1921—1922 гг. работал в Коминтерне секретарем Исполкома, заведующим Восточным отделом.

В тот период В. И. Ленин живо интересовался работой Г. И. Сафарова. Характерен, в частности, следующий факт. 2 декабря 1921 г. Г. И. Сафаров сообщил В. И. Ленину, что в ЦКК рассматривается материал о его деятельности в Туркестане. В знак протеста Г. И. Сафаров подал заявление в ЦК о том, что устраняется от всякой ответственной работы (тогда он ра-

ботал консультантом в Коминтерне по восточным вопросам). В ответ В. И. Ленин 24 декабря 1921 г. направил ему записку, в которой писал:

«Т. Сафаров! Не нервничайте, это недопустимо и позорно, не барышня 14 лет. Я передал Ваши письма Сокольникову, которого буду предлагать в ЦК послать в Туркестан разобрать дело. Говорил с Сокольниковым и установил его согласие на вздорность начатого против Вас дела. Не нервничать. Продолжать работу, ниоткуда не уходя. Уметь деловито и спокойно подбирать материалы против начавших нелепое дело. Ваш Ленин»[26].

В 1922 г. Г. И. Сафаров был командирован на работу в Петроград, назначен редактором «Петроградской правды». Он избирался членом Ленинградского губкома РКП(б) и членом Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), одновременно являлся секретарем Смольнинского райкома партии. Эти обязанности исполнял до января 1926 г. На X, XI и XIII съездах избирался кандидатом в члены ЦК партии.

Работая в Ленинграде, Г. И. Сафаров стал там одним из руководителей оппозиции. 14 января 1926 г. Секретариат ЦКК ВКП(б) разбирал дело «О группировке в верхушке ленинградской организации». В принятом постановлении в отношении Г. И. Сафарова было записано следующее:

«Обвиняется: в активном участии в группировке, образовавшейся в верхушке ленинградской организации, имеющей целью: до XIV партсъезда — подорвать авторитет ЦК партии и организовать борьбу против ЦК, а после съезда затруднить осуществление принятых XIV партсъездом решений, для чего т. Сафаров использовал занимаемое им положение редактора «Ленинградской правды» и ответственного работника в интересах своей группы: а) принимал активное участие в руководстве работой этой группы; б) агитировал устно и письменно против высших партийных органов, распространяя ложные сведения об имеющихся якобы у них «уклонах»; в) вербовал из актива организации сторонников своим взглядам и вовлекал их в борьбу против ЦК партии; г) после съезда, подчиняясь на словах решениям съезда, на деле всячески противодействовал проведению в жизнь принятых XIV съездом решений; д) принимал активное участие в преследовании и травле членов партии, стоящих на платформе XIV партсъезда».

На заседании комиссии Г. И. Сафаров отвергал все обвинения как недоказанные, обвинил ЦКК ВКП(б) в «нарушении тех завещаний, которые Ленин оставил нам в области работы ЦКК», в попрании всех норм партийной морали и справедливости по отношению к нему, заявив, что в его лице «судится весь Ленинградский губком». Секретариат ЦКК ВКП(б) признал все предъявленные Г. И. Сафарову обвинения доказанными и объявил ему строгий выговор, а также счел необходимым «снятие т. Сафарова с работы в ленинградской организации и откомандирование его в распоряжение ЦК ВКП(б)».

13 мая 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило назначение Г. И. Сафарова 1 секретарем полпредства СССР в Китае. Против готовящегося назначения он протестовал в письме, направленном 16 апреля 1926 г. в Политбюро ЦК и ЦКК ВКП(б). 8 июня 1926 г. Г. И. Сафаров снова направил письмо в Политбюро ЦК ВКП(б), в котором писал:

«Уезжая в Китай по вашему постановлению, я считаю своим партийным долгом сказать то, что я думаю об этой ссылке — иначе нельзя назвать назначение меня на должность заведующего дипломатической канцелярией в Пекине. Когда впервые мне было заявлено об этом намерении, я обратился в ПБ с просьбой направить меня непосредственно на работу к станку. Казалось бы, что с точки зрения партийного Устава ничего нельзя возразить против этого, нельзя выставить никаких доводов против желания члена партии стать рядовым партийцем у станка. Мне было в этом отказано в самой оскорбительной форме: было предложено отправиться за 10 тысяч верст заведовать канцелярией. Не впадая во вредное чванство, я все же должен сказать, что в партии я работаю непрерывно с марта 1908 года, до того работал с конца пятого года в большевистском союзе с.-д. молодежи. Свой долг партийца я выполнял всюду, куда меня посылала партия. И теперь, когда я спрашиваю себя: кому и зачем нужно мое отправление в черту Великой Китайской стены, я могу дать только один ответ — это продиктовано таким пониманием внутрипартийной демократии, которое не мирится ни с какой самостоятельностью члена партии и требует от него формально-чиновничьей исполнительности. Это нужно для того, чтобы **изолировать партийца от рабочих**, лишить его фактически всех партийных прав. Именно **поэтому** я и называю свое назначение в Китай на работу старшего делопроизводителя ссылкой...

После разбирательства дела в ЦКК я оказался в числе тех 7000 ленинградских товарищей, которые пали жертвой «выправления линии» ленинградской организации. Нет в Ленинграде ни единой цехячейки, ни одного коллектива, где бы не прошлась «стихия» оргвыводов.

...В период «военного коммунизма» партия все же обходилась без доносов, без ссылок в Китай, без расчетов с заводов за «оппозицию» и т. д. и т. п. Под пулеметами Колчака и Деникина, когда Красная Армия только еще лишь складывалась, партия **могла** дискутировать с полной свободой обсуждения о принципах строительства Красной Армии. А теперь, на шестой год нэпа малейший намек на нестандартизированную постановку любого вопроса влечет за собой с молниеносной быстротой роковые оргвыводы.

Нас обвинили в неверии, в ликвидаторстве за то, что мы имели смелость сказать партии свое мнение по жгучим вопросам. Что же получилось из этого? Получилась мобилизация всех сил и средств против «оппозиции», но не получилось той мобилизации пролетарского фронта, которая необходима для решительной борьбы за превращение России нэповской в Россию социалистическую...

Сталинский режим партийной жизни тем и опасен, что он ставит под угрозу идейную силу и крепость нашей партии, превращая всю идеологическую работу и идейную жизнь в партии в бюрократическую «работу на заказ»...

Как раз эти условия и порождают перегруппировку сил в партии. Встали новые вопросы, выросли новые опасности, которые не созрели еще ни в 1921, ни в 1923 году. Отсутствие коллективного руководства (правит партией Сталин, которого т. Ленин в своем завещании определенно предлагал снять с должности Генерального секретаря), обостряет до крайности все наше внутрипартийное положение...

Я подчиняюсь неправильному, нарушающему по существу Устав партии решению, но со всей большевистской прямотой и твердостью заявляю высшему партийному органу, что делаю это не во имя поддержания ложного партийного курса, но исключительно в силу партийной дисциплины. Ленинская партия найдет в себе силы преодолеть все зигзаги нынешнего пути».

После годичного пребывания Г. И. Сафарова в Китае ЦК ВКП(б) решил направить его на работу в торгпредство СССР в Константинополь. 23 августа 1927 г. Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев и И. Т. Смилга направили в адрес Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ЦКК ВКП(б) просьбу о пересмотре решения о «высылке» Г. И. Сафарова. Политбюро ЦК ВКП(б) в своем ответе им отвергло их доводы и обязало Г. И. Сафарова выехать на место работы. В ответ на это Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зи-

новьев и И. Т. Смилга 27 августа 1927 г. направили в ЦК новое письмо, в котором подчеркивали:

«Ваш ответ на наше письмо по поводу ссылки т. Сафарова в Константинополь является новым выражением того режима, против которого так настойчиво предупреждал Ленин и против которого мы боремся и будем бороться.

...Мы, со своей стороны, не считаем избытком мужества поведение Сталина — Молотова, ссылающих ряд товарищей, относительно которых они знают, что перед XV съездом эти товарищи будут энергично, по-большевистски разоблачать небольшевистскую политику Секретариата ЦК.

Вы, вероятно, помните, какими словами Ленин называл такого рода действия. Большевистское подчинение решениям ЦК не имеет ничего общего с покорно-чиновничьим послушанием. Если кто нарушает постановления последнего объединенного пленума, так это вы. Тов. Сталин говорил на пленуме речи о «перемирии». Если эти речи имели какой-либо смысл, так тот, что ЦК, приняв к сведению заявление оппозиции, примет, со своей стороны, меры к улучшению внутрипартийного режима и, прежде всего, к устранению наиболее возмутительных преследований оппозиции, вдвойне недопустимых перед съездом. Этому вопросу посвящена вторая часть нашего заявления от 8 августа, которая была отделена от первой части, но не отвергнута, а передана Политбюро и Президиуму ЦКК. Высылка Сафарова есть одно из проявлений того предсъездовского организационного наступления, которое вы начинаете проводить по всей линии, применяя те самые средства, которые Ленин порицал, как грубые и нелояльные...»

Отказ выехать на работу в Турцию Г. И. Сафаров мотивировал плохим состоянием своего здоровья и здоровья жены. Причину своего назначения на работу за границу он объяснял наличием «разногласий с большинством ЦК». В письме в ЦКК ВКП(б) 3 октября 1927 г. Г. И. Сафаров заявил, что «мы боремся, боремся, несмотря ни на какие ссылки и преследования, за возврат к ленинской внутрипартийной демократии, за возврат к ленинскому режиму в партии».

В ответ на это письмо ЦКК ВКП(б) подчеркнула «недопустимое отношение к решению ЦК ВКП(б)», а само содержание письма квалифицировала как «повторение давно изжеванных трафаретных обвинений оппозиции против ЦК и ЦКК». 19 декабря 1927 г. постановлением XV съезда ВКП(б) Г. И. Сафаров был исключен из партии «как активный деятель троцкистской оппозиции» и выслан в г. Ачинск.

В ссылке Г. И. Сафаров неоднократно заявлял о своем отходе от оппозиции и просил восстановить его в рядах партии. 9 ноября 1928 г. Парткоаллегия ЦКК ВКП(б) восстановила Г. И. Сафарова в партии, а Оргбюро ЦК ВКП(б) 12 ноября 1928 г. согласилось с этим решением.

После убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. Г. И. Сафаров был арестован. Наряду с другими он обвинялся в принадлежности к «контрреволюционной зиновьевской группе» и причастности к убийству С. М. Кирова. Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) 20 декабря 1934 г. исключила Г. И. Сафарова из партии «как контрреволюционера». По постановлению Особого совещания при НКВД СССР 16 января 1935 г. Г. И. Сафаров был выслан на 2 года. В 1936 г. он был приговорен к 5 годам лишения свободы.

Во время следствия по делу «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы», а также находясь в ссылке и затем в заключении, Г. И. Сафаров выступал с провокационными, ложными показаниями против многих людей, приписывая им участие в антисоветской деятельности.

По постановлению Особого совещания при НКВД от 27 июня 1942 г. Г. И. Сафаров был расстрелян.

Видным деятелем партии являлся и **П. А. Залуцкий,** член партии с 1907 г., участник Пражской Всероссийской партийной конференции (1912 г.), член Исполнительной комиссии Петербургского комитета партии и Русского бюро ЦК РСДРП, принимавший активное участие в организации газет «Звезда» и «Правда».

После Февральской революции 1917 г. он избирался членом Петросовета и организатором солдатской секции Совета, делегатом VII (Апрельской) конфереции и VI съезда РСДРП(б), в дни Октябрьской революции был членом Петроградского Военно-революционного комитета, выполнял поручения В. И. Ленина. В годы гражданской войны П. А. Залуцкий занимал ответственные посты на Восточном, Южном и Западном фронтах. Избирался членом ВЦИК большинства созывов. В 1921 г. был членом и секретарем Президиума ВЦИК.

После гражданской войны П. А. Залуцкий был секретарем Уральского и Петроградского комитетов партии, Северо-Западного бюро ЦК. На IX и X съездах партии избирался кандидатом, а на XII и XIII съездах — членом ЦК партии. В этот период П. А. Залуцкий работал непосредственно с В. И. Лениным, входил в комиссию по проверке работы Петрогубчека и в Центральную комиссию по чистке партии. В. И. Ленин неоднократно советовался с ним по вопросам партийного строительства, организации работы советского аппарата, руководства комсомолом [27].

Будучи на посту секретаря Северо-Западного бюро ЦК РКП(б) и секретаря Ленинградского губкома партии, П. А. Залуцкий стал одним из активных деятелей так называемой «новой оппозиции» (1925 г.). С защитой взглядов оппозиции и критикой И. В. Сталина, как Генерального секретаря ЦК партии, он выступал на XIV съезде ВКП(б), а после съезда участвовал во внутрипартийной борьбе на стороне троцкистско-зиновьевской оппозиции. Свою позицию он аргументировал в заявлении Пленуму ЦК ВКП(б), направленном 21 октября 1927 г., тем, что И. В. Сталин нарушает ленинские нормы внутрипартийной жизни и руководства партией. Сталинская группировка в ЦК партии, по мнению П. А. Залуцкого, взяла курс на устранение от руководства и из партии коммунистов, которые вместе с В. И. Лениным «создавали партию, на сочинениях которых воспитывались несколько поколений коммунистов, которые вынесли всю тяжесть борьбы за партию в самые тяжелые лихолетья, которые были на деле лучшими помощниками Ленина».

П. А. Залуцкий обвинил И. В. Сталина и его ближайших сторонников в подмене ленинизма лжеленинизмом, поддержке «чиновничье-аппаратских элементов за счет пролетарского влияния» и считал, что «этот аппарат готов пойти на все ради сохранения своих привилегий». Он заявлял, что в стране «преуспевает безыдейное ловкачество, стяжательство и угодничество, а все партийно-правильное, талантливое, сильное, яркое отметается», упрекал И. В. Сталина в «принципиально-идейной путанице» и предупреждал, что И. В. Сталин «несостоятелен как вождь и теоретик». Ссылаясь на ленинское «завещание», П. А. Залуцкий призывал выполнить последнюю волю В. И. Ленина: переместить И. В. Сталина на другую работу, поскольку, по убеждению П. А. Залуцкого, И. В. Сталин «отстаивает себя административными расправами, градом исключений из партии, запрещением каких бы то ни было критических замечаний по адресу сталинского руководства» и тем самым «раскалывает партию».

Решением XV съезда ВКП(б) П. А. Залуцкий был исключен из партии. После съезда он подал заявление о разрыве с оппозицией и в июне 1928 г. был в партии восстановлен. В дальнейшем, в 1928—1932 гг., он работал председателем Нижневолжского крайсовнархоза, начальником строительства Шатурской ГЭС. К моменту ареста П. А. Залуцкого в декабре 1934 г. он был управляющим трестом «Строймашина». После ареста был вновь исключен из рядов ВКП(б).

По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 16 января 1935 г. П. А. Залуцкий на 5 лет был заключен в тюрьму. 10 января 1937 г. Военная Коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу. 21 июня 1962 г. Военная Коллегия Верховного суда СССР прекратила оба дела за отсутствием состава преступления. 5 сентября 1962 г. бюро МГК КПСС реабилитировало П. А. Залуцкого в партийном отношении (посмертно).

Большую группу арестованных составляли и те видные представители партийной организации Ленинграда, которые так или иначе были связаны с деятельностью Г. Е. Зиновьева.

Среди них был **А. И. Александров**. Один из организаторов молодежного движения в революционном Петрограде, он находился на выборной комсомольской работе до 1923 г., затем стал членом бюро Московско-Нарвского райкома партии Петрограда, членом Ленинградского губкома партии, членом бюро — ответственным организатором коллектива завода «Красный путиловец».

А. И. Александров избирался делегатом XIV съезда ВКП(б) от Ленинградской партийной организации, защищал взгляды «новой оппозиции». После съезда «за ведение оппозиционной» работы ему был объявлен строгий выговор. Заслуживает внимания та аргументация, с которой выступил А. И. Александров при рассмотрении его дела на заседании Президиума ЦКК ВКП(б) в январе 1926 г. Он не согласился с обвинениями в про-

тиводействии проведению в жизнь решений XIV партсъезда, в препятствиях распространению съездовской литературы и запрещении собраний партийных пленумов и коллективов. В этой связи А. И. Александров заявил:

«Я старался просто понять: сделал ли я перед партией такое преступление, за которое меня нужно так карать, как я сейчас слышал. Я считаю, что такого преступления перед партией я не сделал, и потому волей-неволей прихожу к выводу — меня судят только за то, что на съезде, будучи делегатом, я поддерживал определенную точку зрения по принципиальным вопросам, которую выражала Ленинградская организация...»

XV съезд ВКП(б) исключил А. И. Александрова из рядов ВКП(б) за «активную фракционную работу». В 1929 г. А. И. Александров был восстановлен в партии и до ареста в декабре 1934 г. находился на руководящей хозяйственной работе в Ленинграде. 20 декабря 1934 г. он вновь был исключен из рядов ВКП(б) «как контрреволюционер».

Типична и судьба проходившего по настоящему делу **Я. И. Богомольного**. В прошлом политработник Красной Армии, он в 20-е гг. находился на партийной работе в Петрограде, работал в агитпропотделе губкома партии, преподавателем истории в областной совпартшколе. В августе 1927 г. его сняли с работы в Ленинграде и командировали в распоряжение ЦК КП(б) Туркмении. Это было следствием того, что Я. И. Богомольный активно участвовал во внутрипартийной борьбе в 20-е гг., находился в оппозиции, протестовал против преследований ее лидеров.

Уже работая в Туркмении, 16 ноября 1927 г., в соавторстве с тремя единомышленниками Я. И. Богомольный обратился с письмом в адрес III съезда КП(б) республики, в котором говорилось:

«Сегодня опубликовано постановление об исключении из партии вождей мирового пролетариата тт. Зиновьева и Троцкого и о выводе из ЦК и ЦКК ВКП(б) всех оппозиционных членов этих центральных учреждений нашей партии: тт. Каменева, Раковского, Смилги, Пятакова, Евдокимова, Авдеева, Бакаева, Муралова, Петерсон, Лиздиня, Шкловского и Соловьева. Это решение означает, что руководящая группа Сталина — Бухарина окончательно и твердо стала на путь раскола партии, Коминтерна и мирового рабочего движения... Два года назад оппозиция указывала на то, что группа Сталина — Бухарина поставила своей задачей сломать сложившееся при В. И. Ленине руководство партией, отсечь ближайших учеников и соратников Ленина. На апрельском и июльском (1926 г.) Пленумах ЦК и ЦКК тт. Зиновьев и Троцкий с точностью предсказали «этапы» выполнения этого сталинского плана... Всеми своими действиями группа Сталина — Бухарина усиленно старается сбить оппозицию на путь второй партии... Лозунг двух партий — не наш лозунг. Это лозунг Сталина. Партия должна остаться единой и единственной. Мы будем бороться всеми силами за возвращение в партию всех исключенных за оппозицию. Грубым нарушением внутрипартийной демократии и Устава партии являются массовые исключения членов партии за ленинские взгляды и убеждения. Ни бешеные гонения, ни травля, ни исключения, ни аресты, ни ссылки — ничто не заставит большевика, убежденного в своей идейной и политической правоте, свернуть с ленинского — на сталинский путь. Перед лицом III Всетуркменского съезда нашей партии мы открыто заявляем о своей солидарности с действиями и взглядами исключенных из партии и из ЦК и ЦКК старейших ленинцев, подлинных вождей пролетарской революции».

В декабре 1927 г. Я. И. Богомольный был исключен из партии «за оппозиционные взгляды». Через год его восстановили в рядах ВКП(б). Он окончил Ленинградский институт красной профессуры и продолжал преподавательскую работу в Ленинграде вплоть до своего ареста 16 декабря 1934 г.

Среди тех представителей Ленинградской партийной организации, кто оказывал противодействие сталинской политике, был и **К. С. Соловьев**. Он участвовал в революционных событиях 1917 г. и гражданской войне. После демобилизации из рядов Красной Армии К. С. Соловьев работал в Петроградском совете народного хозяйства, в других учреждениях и на предприятиях, активно занимался политической деятельностью. Он избирался членом ряда райкомов, Ленинградского губкома партии, депутатом Ленсовета. К. С. Соловьев от Ленинградской партийной организации избирался делегатом на XIII и XIV съезды партии. На XIV съезде он был избран в состав ЦКК ВКП(б).

К. С. Соловьев активно выступал с критикой насаждавшегося в партии антидемократического режима. Выступал против решений объединенных Пленумов ЦК и ЦКК «По делу тов. Лашевича и других и о единстве партии» (июль 1926 г.), «О нарушении партийной дисциплины тт. Зиновьевым и Троцким» (август 1927 г.) и «Об исключении тт. Зиновьева и Троцкого из ЦК ВКП(б)» (октябрь 1927 г.). В октябре 1927 г. подписал оппозиционную платформу «83-х».

На XV съезде ВКП(б) К. С. Соловьев был исключен из членов ЦКК ВКП(б), а затем и из членов партии. В 1928 г. он был восстановлен в ее рядах и продолжал работать на руководящих хозяйственных должностях вплоть до ареста в декабре 1934 г., после чего последовало новое исключение из партии.

По делу так называемой «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других» проходил видный комсомольский работник **Я. С. Цейтлин**. Он участник гражданской войны. Затем находился на руководящей комсомольской работе в Петрограде. В 1921—1923 гг. Я. С. Цейтлин избирался секретарем Северо-Западного бюро ЦК РКСМ, а в 1923—1926 гг.— секретарем ЦК комсомола. Был активным участником «новой оппозиции», защищал ее взгляды.

Выступая на Василеостровской конференции комсомола, он заявил, что ленинградскую партийную организацию «оттирали от руководства» и что «все ленинградцы должны сплотиться для борьбы с теми, кто пытается ослабить ленинградскую организацию». За эти высказывания он был освобожден от должности секретаря ЦК комсомола.

В начале 1933 г. Я. С. Цейтлин был арестован, а ленинградская областная контрольная комиссия ВКП(б) исключила его из партии как «организатора» подпольной троцкистско-зиновьевской группы. Я. С. Цейтлин эти обвинения категорически отвергал. Единственным своим проступком он признал то, что, по его словам, «подсунутый ему неизвестным лицом старый документ (письмо

Троцкого о лишении его гражданства СССР) не был им передан в контрольную комиссию, а уничтожен». 17 июня 1933 г. Партколлегия ЦКК во изменение постановления ленинградской областной контрольной комиссии восстановила Я. С. Цейтлина в рядах партии, объявив ему строгий выговор.

В связи с этим Н. И. Ежов направил Л. М. Кагановичу записку, в которой писал:

«Восстановление Цейтлина в партии совершенно непонятно. Либо материалы ОГПУ и допросы арестованных неверны (чего из дела не видно), либо врет Цейтлин. Надо с этим разобраться и не решать так легко вопроса. Тем более, что коллегией ОГПУ он осужден и подлежал высылке (оставлен по болезни)».

Реакция последовала незамедлительно: 27 августа 1933 г. Президиум ЦКК, в отмену постановления Партколлегии ЦКК ВКП(б), исключил Я. С. Цейтлина из партии.

Через год, в августе 1934 г., он был восстановлен кандидатом в члены ВКП(б). Одновременно было указано, что через 6 месяцев можно будет рассмотреть вопрос о переводе его в члены партии. 8 декабря 1934 г. комиссия по чистке Центрального района Ленинграда постановила: «Считать Цейтлина проверенным». Однако на следующий день он был арестован. И вновь исключен из партии, уже «как контрреволюционер».

Решением Особого совещания при НКВД СССР Я. С. Цейтлин был выслан на 5 лет в г. Енисейск, а 19 апреля 1937 г. по приговору Военной Коллегии Верховного суда СССР расстрелян по обвинению «в принадлежности к контрреволюционной зиновьевской группе».

Биографии А. И. Александрова, Я. И. Богомольного, К. С. Соловьева, Я. С. Цейтлина и других объективно отражают процесс изменения политической линии сталинского руководства по отношению к бывшим оппозиционерам, нашедшей свое практическое воплощение в фабрикации дела «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других».

Чтобы подвести к роковой черте Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и других бывших деятелей оппозиции, репрессиям были подвергнуты не только их идейные сторонники и соратники по работе, но и их родные и близкие, просто знакомые и знакомые знакомых.

Так, 22 декабря 1934 г. была арестована и по постановлению Особого совещания при НКВД СССР выслана на 5 лет в Якутскую АССР бывшая жена Г. Е. Зиновьева **С. Н. Равич**. Она прошла большой революционный путь. Неоднократно подвергалась царскими властями аресту, находилась в ссылке и эмиграции. После возвращения в 1917 г. в Россию активно участвовала в партийной работе, выполняла поручения В. И. Ленина и ЦК РСДРП(б). Была делегатом многих съездов партии, а на XIII съезде избиралась членом ЦКК РКП(б).

За участие в оппозиции XV съездом ВКП(б) была исключена из партии. В 1928 г. она была восстановлена в ее рядах. КПК

при ЦК ВКП(б) 8 января 1935 г. вновь исключена «за контрреволюционную деятельность».

Сама С. Н. Равич объясняла причину этого тем, что «до самых последних дней сохранила связь с Зиновьевым», имела с ним переписку и помогала ему материально, когда он был в ссылке. Она арестовывалась также в 1937, 1946 и 1951 гг. и была освобождена только в 1954 г., будучи тяжело больным человеком. Скончалась в 1957 г.

Репрессиям по настоящему делу подверглись и другие лица, близко знакомые с В. И. Лениным и помогавшие ему в тяжелые для партии дни. Так, в ночь на 17 декабря 1934 г. был арестован по обвинению «в принадлежности к контрреволюционной зиновьевской группе и причастности к убийству С. М. Кирова» **К. Н. Емельянов.** К. Н. Емельянов — сын Н. А. Емельянова, члена партии с 1904 г., активного участника революционного движения, который по заданию большевистской партии в 1917 г. укрывал В. И. Ленина в Разливе.

Кондратий Емельянов в 16 лет вступил в партию большевиков, активно участвовал в революционных событиях Февраля и Октября 1917 г. В своей автобиографии К. Н. Емельянов писал, что «принимал участие в сокрытии Владимира Ильича Ленина в лесу (шалаше), выполнял различные поручения от Владимира Ильича (обязанности по связи)», под его влиянием вступил в РСДРП(б). С 1917 г. К. Н. Емельянов был в Красной гвардии, служил в Красной Армии, воевал на фронтах гражданской войны. В. И. Ленин, лично зная К. Н. Емельянова, откликнулся на его просьбу помочь поступить в Военно-инженерную академию. 3 марта 1921 г. в письме Э. М. Склянскому, заместителю председателя Реввоенсовета Республики, В. И. Ленин писал:

«...Я лично знаю т. Кондратия Емельянова и всю семью Емельяновых (из лучших питерских рабочих-большевиков «старой гвардии») и потому прошу Вас (если не имеете особых возражений) исполнить просьбу тов. Кондратия Емельянова и дать соответствующее распоряжение...» [28]

Во время учебы в Ленинградской военно-инженерной академии К. Н. Емельянов был исключен из партии как «разделяющий взгляды зиновьевской оппозиции». Его неоднократные просьбы о восстановлении в партии неизменно отклонялись.

16 января 1935 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР К. Н. Емельянов якобы за принадлежность к контрреволюционной зиновьевской группе и причастность к убийству С. М. Кирова был заключен в концлагерь сроком на 4 года. Этим же решением был заключен в концлагерь и его брат — Александр Николаевич **Емельянов.**

16 декабря 1937 г. К. Н. Емельянов по постановлению «тройки» УНКВД по Архангельской области был расстрелян. А. Н. Емельянов находился в тюрьме до 1953 г.

24 февраля 1958 г. военный трибунал Московского военного округа отменил постановление «тройки» УНКВД по Архангельской области в отношении К. Н. Емельянова. А. Н. Емельянов был

также реабилитирован, восстановлен в партии. Он скончался в 1982 г. в г. Сестрорецке.

Такими преступными методами сталинское руководство расправлялось со всеми неугодными им лицами, невзирая на их невиновность и заслуги перед партией. Суровым репрессиям подверглись и те коммунисты, которые хотя и не входили в руководящий состав Ленинградской партийной организации, но, занимая менее значительные посты, так или иначе выражали свою поддержку Г. Е. Зиновьеву, высказывали недовольство методами руководства народным хозяйством, внутрипартийным режимом, установленным И. В. Сталиным и его окружением. Среди них были следующие товарищи:

В. Г. Лукин, член Петроградского губкома РКСМ, студент университета им. Зиновьева, заведующий отделом печати губкома комсомола, затем инструктор Московско-Нарвского райкома партии. Во время работы XIV съезда ВКП(б) выступал на собраниях с поддержкой позиции, занятой ленинградской делегацией. Свою поддержку оппозиции В. Г. Лукин объяснял так:

«Я считаю, что взгляды оппозиции, касающиеся основных вопросов нашей партийной политики, верны, я в них убежден и не могу от них отказаться, ибо это значило бы отказаться от самого себя».

20 февраля 1938 г. Военной Коллегией Верховного суда СССР В. Г. Лукин был приговорен к расстрелу.

В. П. Матвеев с 1922 по 1926 г. работал ответственным секретарем, заместителем редактора газеты «Петроградская («Ленинградская») правда». Во время подготовки XIV съезда ВКП(б) В. П. Матвеев также разделял взгляды оппозиции. По постановлению «тройки» УНКВД по Дальстрою от 3 февраля 1938 г. В. П. Матвеев был расстрелян.

П. П. Северов работал инструктором Выборгского райкома ВЛКСМ, затем находился на хозяйственной работе на предприятиях Ленинграда. В 1925—1927 гг. выступал с критикой положения в партии, заявлял в 1927 г., что «с принципиальными разногласиями нельзя бороться организационными мерами... Зажим — наиболее метко определяет создавшееся в партии положение». По его мнению, «газета партии должна быть одна, но она не должна выражать точку зрения только партаппарата». В 1927 г. П. П. Северов обвинял И. В. Сталина в том, что тот развязал кампанию клеветы на Г. Е. Зиновьева, Л. Д. Троцкого и Л. Б. Каменева за их выступления на XV партконференции, и заявлял, что «ЦК не должен закрывать себя от критики партии». П. П. Северов в октябре 1937 г. был расстрелян по постановлению «тройки» УНКВД по Челябинской области.

А. К. Середохин работал заведующим орготделом Ленинградского губкома ВЛКСМ. На Ленинградской губернской партконференции он был избран делегатом XIV съезда партии, разделял и защищал взгляды «новой оппозиции». Умер в заключении в 1939 г.

Ю. Б. Тартаковская в 20-е гг. вела ответственную партийную работу в Петрограде — Ленинграде: возглавляла партийную ячейку на заводе «Красный выборжец», была инструктором Василеостровского райкома партии, организатором партколлективов фабрики им. Слуцкой, фабрики им. Ногина, работала в Володарском райкоме партии. На партсобрании фабрики им. Ногина 30 декабря 1925 г. она выступила с поддержкой политической линии ленинградской делегации на XIV съезде ВКП(б). По постановлению «тройки» УНКВД по Ярославской области от 3 октября 1937 г. Ю. Б. Тартаковская была расстреляна.

Ф. Ф. Фадеев в 20-е гг. был заведующим орготделом Центрального райкома комсомола Ленинграда, ответственным секретарем Выборгского райкома комсомола, затем был на хозяйственной работе. Ф. Ф. Фадеев считал, что «каждый коммунист обязан знать, что делается в партии, каждый документ, который выходит в партии — партийный он или антипартийный,— этот вопрос должна решить сама партия и никто другой. В политической линии партии не может быть ничего секретного для членов партии, в этом я глубоко убежден на основании завещания Ленина и никого не буду судить, если он более подробно ознакомился с тем или другим вопросом». Дальнейшая судьба Ф. Ф. Фадеева неизвестна.

К уголовной ответственности были привлечены и вовсе не причастные ни к какой оппозиционной деятельности лица, родственники или знакомые арестованных по данному делу, в большинстве своем беспартийные, которые каким-либо образом могли быть связаны с проходившими по делу лицами.

Так, в день убийства С. М. Кирова была арестована и позднее прошла по этому делу **Е. В. Рогачева** — родная сестра Л. В. Николаева, работавшая в Ленинграде на предприятиях сферы обслуживания: кассиром, заведующей баней, председателем месткома банно-прачечного треста, председателем месткома треста зеленого строительства Выборгского района. Начальник секретно-политического отдела НКВД СССР Г. А. Молчанов задолго до завершения следствия в записке, адресованной М. Ф. Шкирятову, писал:

«...Рогачева Е. В. является родной сестрой Николаева, убийцы тов. Кирова, связана была с ним до последнего времени и знала о его контрреволюционных настроениях».

По постановлению Особого совещания при НКВД Е. В. Рогачева была заключена в концлагерь сроком на 5 лет. Отбывая наказание, она трижды обращалась в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) с просьбой разобраться в ее деле. В одном из заявлений она писала:

«...Ни в каких оппозициях не участвовала, честно работала как работница и выдвиженка на профработе и хозяйственной работе... Страдаю из-за совершенного преступления братом. Имею двоих детей и никакой помощи от родных не имею».

Однако участь ее была предрешена: по решению «тройки» УНКВД по Ленинградской области от 14 февраля 1938 г. Е. В. Рогачева была расстреляна.

Были репрессированы и другие родственники и знакомые Л. В. Николаева: **Г. В. Васильев**, его двоюродный брат; **И. П. Горбачев**, сосед Л. В. Николаева, перед арестом работал киномехаником клуба «Красный путь»; **А. А. Николаева-Максимова**, жена брата Л. В. Николаева; **В. А. Пантюхин**, муж сестры Л. В. Николаева, работал в Кузнецком лесопромышленном хозяйстве; **А. В. Пантюхина**, сестра Л. В. Николаева, домохозяйка; **М. Т. Николаева**, мать Л. В. Николаева, 1870 г. рождения, неграмотная, уборщица Ленинградского трамвайного парка, и другие. Все они были беспартийными.

В 1957, 1958 и 1962 гг. дело так называемой «ленинградской контрреволюционной группы Сафарова, Залуцкого и других» пересматривалось Военной Коллегией Верховного суда СССР в порядке надзора и в связи с жалобами лиц из числа репрессированных по данному делу, в том числе А. А. Харитонова, И. Я. Пуштарева, Я. И. Богомольного, К. С. Соловьева, Г. И. Шварца, А. Н. Панова и других, а также их родственников.

Так, в деле имеется заявление А. А. Харитонова на имя Генерального прокурора СССР от 29 мая 1956 г., в котором он просил о своей реабилитации и приводил в связи с этим следующие доводы:

«В 1934 году 20 декабря я был арестован и составлен протокол по обвинению меня в том, что я в 1929 году читал письмо Раковского, переданное мне старым рабочим завода Скориным. Я говорил, что это письмо я читал в период прохождения 14 партсъезда. Следователь почему-то настаивал на времени чтения в 1929 году. В состоянии крайней взволнованности я подписал протокол о чтении мною письма в 1929 году. Не могу при этом не сказать, что в частной беседе следователь говорил: «Протокол — это формальная сторона дела, а по существу дело все в том, что весь ленинградский пролетариат, возмущенный убийством Кирова, требует высылки всех, кто прямо или косвенно был связан с оппозицией, что, несмотря на непричастность к убийству, их хорошую работу, они все равно будут подлежать наказанию, хотя бы самому легкому — ссылке».

Аналогичные доводы о своей невиновности приводил в жалобе в Президиум Верховного Совета СССР другой репрессированный по делу — Я. И. Богомольный, который, в частности, указывал:

«Никто, никогда и не пытался даже пояснить мне, за что меня арестовали и держали тогда 6 лет в заключении. Обвинение мне не могло быть предъявлено, так как я никогда не нарушал советского закона, никогда не совершал никакого, даже малейшего преступления против Советской власти. Можно предположительно думать, что поводом к этой незаслуженной государственной репрессии в отношении меня послужило то, что в 1926—1927 гг., между 14 и 15 партсъездами я примыкал к тогдашней внутрипартийной оппозиции. То была ошибка внутрипартийного характера, которую я тогда же ликвидировал до конца».

К материалам проверки приобщено письмо С. Н. Равич Н. К. Крупской от 22 января 1935 г., в котором она писала:

«Простите меня, дорогая Надежда Константиновна, за доставленную этим письмом неприятность. Я никак не могла отказаться от того, чтобы сказать

Вам, что я честная, преданная партии и рабочему классу коммунистка, какую Вы меня всегда знали. Свои ошибки я давно по-честному изжила. Уверяю Вас, что и в далекой ссылке я сделаю все, чтобы служить рабочему классу и партии».

В протесте Главного военного прокурора от 7 января 1957 г. на постановление Особого совещания при НКВД СССР от 16 января 1935 г. говорилось:

«Как видно из материалов дела, многие осужденные, в отношении которых приносится протест, действительно в прошлом являлись участниками зиновьевской оппозиции и вели борьбу против политики партии, за что в 1927—1929 гг. они привлекались к партийной ответственности — исключались из членов ВКП(б), но затем снова были восстановлены. Однако никаких материалов, которые свидетельствовали бы о причастности этих лиц к убийству С. М. Кирова и служили бы основанием к их аресту, в следственном деле не имеется... Из материалов дела видно, что обвинение Антиповой, Бакк, Боровичкова и других следственными органами было создано искусственно и что осуждение этих лиц является необоснованным».

В прошлом в зиновьевской оппозиции участвовали 57 человек из числа проходивших по делу, но степень их участия была различной. 40 из них в 1927—1928 гг. за оппозиционную деятельность исключались из партии. Все они, кроме четырех, подали заявления об отходе от оппозиции и были восстановлены в партии. На 9 человек за принадлежность к оппозиции ранее налагались партийные взыскания. 8 человек к партийной ответственности вообще не привлекались.

25 арестованных по данному делу — П. К. Алладейников, А. А. Антипова, Я. И. Богомольный, С. Н. Боградчев, В. А. Бродский, И. М. Боровичков, П. П. Бурмистров, Г. М. Дрязгов, А. Н. Емельянов, К. Н. Емельянов, И. Г. Жестянников, П. А. Залуцкий, Ф. Р. Зейт, И. Н. Зеликсон, М. А. Левин, Н. К. Магдарьев, Г. И. Миронов, М. В. Муравьев, А. А. Муштаков, М. С. Панфилов, С. Н. Равич, К. С. Соловьев, И. Л. Татаров, А. А. Харитонов, Я. С. Цейтлин — признали, что до XV съезда партии они являлись участниками зиновьевской оппозиции, но в последующее время никакой оппозиционной деятельностью не занимались и фракционной работы не вели, хотя и имели отдельные встречи между собой или с другими сторонниками Г. Е. Зиновьева.

21 обвиняемый — В. С. Булах, Г. В. Васильев, И. П. Горбачев, С. Н. Егоров, Е. Ф. Ермолаева, Г. И. Исаев, П. П. Логинов, М. С. Надель, М. Т. Николаева, А. А. Николаева-Максимова, А. Н. Панов, В. А. Пантюхин, А. В. Пантюхина, И. Я. Пуштарев, Е. В. Рогачева, А. К. Середохин, В. А. Сорокин, Е. Т. Тимофеев, А. А. Харитонов, К. А. Цюнский и А. Я. Юскина — заявили на допросах, что к оппозиции никогда не примыкали, ни в какую контрреволюционную организацию не входили и о самом ее существовании ничего не знали.

Как было установлено органами прокуратуры, предварительное следствие по этому делу проводилось формально и поверхностно. Виновность каждого из арестованных в совершении каких-либо конкретных преступлений, а также их связи между собой не

выяснялись. Многие из числа привлеченных по делу даже не знали друг друга, никогда не примыкали к оппозиции, подчас являлись случайными знакомыми Л. В. Николаева и других репрессированных с ним лиц или их родственниками.

Органы предварительного следствия были обеспокоены больше тем, чтобы составить на каждого арестованного формальный пакет документов (протокол обыска, постановление об избрании меры пресечения и о предъявлении обвинения, протокол допроса), которые создавали бы видимость обоснованности примененных репрессий. При этом установленные законом нормы судебно-следственного процесса не выполнялись. Из материалов дела не усматривается, в совершении каких именно преступлений признавались виновными все его 77 участников.

Им было предъявлено обвинение в том, что они либо являлись участниками «контрреволюционной зиновьевской организации», либо были связаны с ее участниками и с убийцей С. М. Кирова. Конкретных же, юридически обоснованных обвинений никому не предъявлялось. Обвинительное заключение по делу не составлялось.

30 обвиняемых (из 77) на допросах «признали», что они до ареста являлись участниками «зиновьевской оппозиции» и вели «идеологическую борьбу против партии», называли фамилии людей, которых знали и с которыми до последнего времени поддерживали личную связь. В частности, на допросе 14 декабря 1934 г. В. А. Виноградов показал:

«В Ленинграде до сих пор сохранилась и существует контрреволюционная группа бывших участников троцкистско-зиновьевского блока... В процессе встреч и бесед члены нашей контрреволюционной организации систематически культивировали ненависть к руководству партии и особенно к тов. Сталину. Мы особо подчеркивали, что Сталин сурово расправился с бывшими оппозиционерами, что Сталин отменил внутрипартийную демократию, заменив ее безраздельным господством аппарата, что от руководства партии отстранены старые большевистские кадры. Мы со злобой констатировали, что по вине Сталина от руководства партией отстранены Каменев и Зиновьев, которых мы квалифицировали ближайшими учениками Ленина».

Из показаний Е. К. Коршунова, М. С. Рэма и других видно, что встречи лиц, которым было предъявлено обвинение в принадлежности к «контрреволюционной зиновьевской группе», происходили случайно, на семейных торжествах и по другим, прежде всего бытовым, мотивам, во время которых велись разговоры с критикой политики И. В. Сталина и ЦК ВКП(б) и о необходимости привлечения к руководству партией тех, кто был в Политбюро при В. И. Ленине. В частности, арестованный Ф. Ф. Фадеев на допросе 19 декабря 1934 г. заявил:

«Практическая деятельность нашей контрреволюционной организации заключалась в том, что мы, встречаясь и собираясь, вели контрреволюционные разговоры, критиковали политику партии, указывали на то, что нынешнее партийное руководство ведет гибельную политику для страны».

Как видно из показаний лиц, признавших себя участниками «контрреволюционной зиновьевской группы», они ранее не знали

друг друга и каких-либо связей с Л. В. Николаевым не поддерживали.

Кроме того, работники органов следствия добивались от арестованных признаний в двурушничестве, в том, что они в 1928—1929 гг. возвратились в партию в целях проведения антипартийной деятельности, а также в том, что они принимают на себя моральную и политическую ответственность за убийство С. М. Кирова. Допросы производились пристрастно, необъективно, с применением физического воздействия. Имели место случаи, когда арестованным не давали возможности мотивировать и обосновать свою невиновность. Признания многих арестованных (М. С. Рэм, А. И. Александров и другие) носили бездоказательный, декларативный характер. В ходе следствия они не перепроверялись и никакими фактами не подтверждались. В тех случаях, когда обвиняемые отказывались от признания своей вины, в протоколах допроса мотивы отказа не излагались, не приводились доводы и объяснения.

На постановлении по предъявлении обвинения в принадлежности к «контрреволюционной зиновьевской группе» арестованный М. С. Надель написал:

«В природе не было, нет и не будет материалов. Категор...»

Фраза осталась недописанной. Подписи М. С. Наделя на постановлении нет. Из протокола допроса видно, что на вопрос, признает ли он себя виновным, М. С. Надель отвечать отказался. Проходившая по делу Е. В. Короткова даже не допрашивалась.

47 человек, арестованных по настоящему делу, виновными себя не признали. Признания других арестованных, как отмечалось выше, носили общий, формальный характер.

В ходе следствия по делу в декабре 1934 — январе 1935 г. было допрошено в качестве свидетелей 13 человек. Их показания в основном касались характера взаимоотношений некоторых арестованных с Л. В. Николаевым, но не содержали каких-либо фактов преступной деятельности обвиняемых по данному делу лиц.

В качестве вещественных доказательств к делу были приобщены различные документы, относившиеся к исключению из партии Я. И. Богомольного, И. М. Боровичкова, Г. М. Дрязгова, Г. И. Исаева, А. А. Муштакова, а также 6 брошюр Л. Д. Троцкого, изданных в 1920—1921 гг., которые были изъяты при обыске у Г. И. Исаева.

Показательно, что 12 арестованным (С. Н. Равич, В. А. Бродскому и другим) обвинение было предъявлено после 16 января 1935 г., то есть после того, как состоялось решение Особого совещания о применении к ним мер наказания. Даты предъявления обвинения 21 человеку (П. А. Залуцкому, А. П. Костиной, Е. В. Рогачевой, К. А. Цюнскому и другим) в материалах дела не указаны. Все они по существу предъявленного обвинения были допрошены тоже после 16 января 1935 г. Об окончании следствия по их делу 23 обвиняемым (А. В. Пантюхиной,

К. А. Цюнскому и другим) было объявлено в период с 17 по 26 января 1935 г., то есть также после рассмотрения дела Особым совещанием. Все это было грубым нарушением закона.

Тщательный анализ материалов данного дела позволил установить несостоятельность и самого его наименования. Фактически никакой «группы Сафарова и Залуцкого» не существовало. В деле не усматривается наличия никаких организационных связей между арестованными по делу, и прежде всего между Г. И. Сафаровым и П. А. Залуцким после XV съезда ВКП(б). П. А. Залуцкий, например, в своих показаниях даже ни разу не упомянул фамилии Г. И. Сафарова. Г. И. Сафаров же в отношении П. А. Залуцкого лишь заявил, что, по его мнению, П. А. Залуцкий «несомненно» был связан с И. П. Бакаевым через сестер Костиных, на которых оба были женаты, а также отрицательно отозвался о личности П. А. Залуцкого, не приводя, однако, в подтверждение этого своего отношения к нему никаких конкретных фактов.

На основании протестов Главного военного прокурора определением Военной Коллегии Верховного суда СССР от 23 августа 1957 г. были реабилитированы 53 человека, определением от 8 февраля 1958 г. еще 15 человек — всего 68 человек. В частности, в определении от 23 августа 1957 г. по поводу невиновности репрессированных указано:

«Репрессированные по данному делу лица допрашивались в основном по вопросам их знакомства с Николаевым, Румянцевым, Котолыновым и другими, арестованными в связи с убийством С. М. Кирова, и их прошлой принадлежности к «зиновьевской» оппозиции. Конкретных обвинений им не предъявлялось, и обвинительное заключение по делу не составлялось. Никаких материалов, которые свидетельствовали бы о их принадлежности к антисоветской организации, в деле не имеется...»

Вопрос о реабилитации остальных 9 репрессированных по делу так называемой «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других» рассматривался в 1961—1962 гг. В справке по делу, подготовленной КПК при ЦК КПСС и Главной военной прокуратурой, отмечалось, что П. А. Залуцкий, С. Н. Равич, А. П. Костина, Н. А. Бардин, К. А. Цюнский, М. Т. Николаева, Е. В. Рогачева и А. В. Пантюхина по настоящему делу были репрессированы необоснованно.

Определением Военной Коллегии Верховного суда СССР от 21 июня 1962 г. дело в отношении 8 указанных выше лиц, кроме Г. И. Сафарова — заключение по которому не вносилось,— было прекращено за отсутствием состава преступления.

Таким образом, по делу так называемой «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы» в судебном отношении реабилитированы 76 человек. На том же основании были прекращены и вторично фабриковавшиеся в отношении этих лиц дела. Не реабилитирован только Г. И. Сафаров, дело которого еще изучается.

Тогда же в рядах партии были восстановлены В. А. Бродский,

Т. Д. Дмитриев, Г. М. Дрязгов, А. Н. Емельянов, П. А. Залуцкий, Г. И. Исаев, И. С. Кострицкий, С. П. Минаев, Ф. Г. Наливайко, И. К. Наумов, А. Н. Панов, М. С. Панфилов, М. В. Поздеева, М. С. Рэм, В. А. Сорокин, И. Л. Татаров, Е. Т. Тимофеев, М. М. Харитонов и Г. И. Шварц — всего 19 человек.

Рассмотрение вопроса о партийности остальных бывших членов партии было отложено. Как показала дополнительная проверка, никаких компрометирующих данных не установлено и на этих товарищей.

Учитывая необоснованность политических обвинений, предъявлявшихся всем остальным участникам так называемого дела «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы», их полную реабилитацию в уголовном порядке, Комитет партийного контроля при ЦК КПСС восстановил в партии П. К. Алладейникова (Оладейникова), А. И. Александрова, А. А. Антипову, П. А. Бакка, Я. И. Богомольного, С. Н. Бограчева, И. М. Боровичкова, В. С. Булаха, П. П. Бурмистрова, Р. Р. Васильеву, В. А. Виноградова, З. Н. Гайдерову, Г. Е. Горбачева, Н. А. Дмитриева, К. Н. Емельянова, Е. Ф. Ермолаеву, И. Г. Жестянникова, И. Н. Зеликсона, А.-И. И. Зильбермана, Е. К. Коршунова, А. П. Костину-Бакаеву, М. А. Левина, П. П. Логинова, В. Г. Лукина, Н. К. Магдарьева, В. П. Матвеева, Г. И. Миронова, М. В. Муравьева, А. А. Муштакова, М. С. Наделя, Г. Ф. Попова, Г. П. Поташникова, И. Я. Пуштарева, С. Н. Равич, Е. В. Рогачеву, П. Э. Роцкана, П. П. Северова, А. К. Середохина, К. С. Соловьева, Ю. Б. Тартаковскую, Ф. Ф. Фадеева, А. А. Харитонова, Я. С. Цейтлина, К. А. Цюнского и Д. Н. Ширяева (всех — посмертно).

Не найдено оснований для реабилитации в партийном отношении С. Н. Егорова, И. Ф. Касперского и Ф. Р. Зейта, проходивших по делу. Изучение материалов показало, что они были исключены из партии задолго до его возникновения и по иным причинам, связанным с нарушениями требований партийной дисциплины и этики.

Вопрос о партийности Г. И. Сафарова будет рассмотрен после дополнительного изучения касающихся его материалов.

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

«МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР»

По настоящему делу в декабре 1934 г. были арестованы и 16 января 1935 г. осуждены к тюремному заключению на различные сроки от пяти до десяти лет 19 человек:

Зиновьев Григорий Евсеевич, 1883 г. рождения, член ВКП(б) с 1901 г., до ареста 16 декабря 1934 г. член редколлегии журнала «Большевик»;

Каменев Лев Борисович, 1883 г. рождения, член ВКП(б) с 1901 г., до ареста 16 декабря 1934 г. директор Института мировой литературы имени М. Горького;

Гертик Артем Моисеевич, 1879 г. рождения, член ВКП(б) с 1902 г., до ареста 8 декабря 1934 г. помощник управляющего Объединенным научно-техническим издательством;

Куклин Александр Сергеевич, 1876 г. рождения, член ВКП(б) с 1903 г., до ареста 14 декабря 1934 г. пенсионер;

Сахов Борис Наумович, 1900 г. рождения, член ВКП(б) с 1919 г., до ареста 25 декабря 1934 г. прокурор Северного края в г. Архангельске;

Евдокимов Григорий Еремеевич, 1884 г. рождения, член ВКП(б) с 1903 г., до ареста 8 декабря 1934 г. начальник Главного управления молочной промышленности Наркомата пищевой промышленности СССР;

Бакаев Иван Петрович, 1887 г. рождения, член ВКП(б) с 1906 г., до ареста 9 декабря 1934 г. управляющий Главэнергосети;

Шаров Яков Васильевич, 1884 г. рождения, член ВКП(б) с 1904 г., до ареста 14 декабря 1934 г. начальник Управления трикотажной промышленности Наркомата местной промышленности РСФСР;

Горшенин Иван Степанович, 1894 г. рождения, член ВКП(б) с 1919 г., до ареста 12 декабря 1934 г. начальник сводно-планового отдела Госплана СССР;

Царьков Николай Алексеевич, 1903 г. рождения, член ВКП(б) с 1921 г., до ареста 12 декабря 1934 г. начальник 1-го участка Тихвинского алюминиевого комбината в Ленинградской области;

Федоров Григорий Федорович, 1891 г. рождения, член ВКП(б) с 1907 г., до ареста 9 декабря 1934 г. управляющий Всесоюзным картографическим трестом;

Гессен Сергей Михайлович, 1898 г. рождения, член ВКП(б) с 1916 г., до ареста 9 декабря 1934 г. уполномоченный по Западной области Наркомата тяжелой промышленности СССР в г. Смоленске;

Тарасов Иван Иванович, 1902 г. рождения, член ВКП(б) с 1919 г., до ареста 18 декабря 1934 г. студент 4-го курса Московского юридического института;

Файвилович Леонид Яковлевич, 1900 г. рождения, член ВКП(б) с 1918 г., до ареста 12 декабря 1934 г. заместитель начальника Главного хлопкового управления Наркомзема СССР;

Герцберг Александр Владимирович, 1892 г. рождения, член ВКП(б) с 1916 г., до ареста 12 декабря 1934 г. председатель союзного объединения «Техноэкспорт»;

Анишев Анатолий Исаевич, 1899 г. рождения, член ВКП(б) с 1919 г., до ареста 22 декабря 1934 г. научный сотрудник отделения ВАСХНИЛ в г. Ленинграде;

Перимов Алексей Викторович, 1897 г. рождения, член ВКП(б) с 1915 г., до ареста 9 декабря 1934 г. уполномоченный Нарком-

пищепрома СССР по пуску стеклотарного завода в г. Орджоникидзе;

Браво Борис Львович, 1900 г. рождения, член ВКП(б) с 1919 г., до ареста 13 декабря 1934 г. ответственный редактор журнала Комитета заготовок при СНК СССР;

Башкиров Александр Фабианович, 1903 г. рождения, член ВКП(б) с 1920 г., до ареста 14 декабря 1934 г. помощник начальника цеха завода «Красная заря» в г. Ленинграде.

Все они были признаны виновными в том, что, являясь в прошлом активными участниками троцкистско-зиновьевской оппозиции, после подачи заявлений о разрыве с оппозиционными взглядами не разоружились и занимались подпольной антисоветской деятельностью, ставили своей задачей замену существующего руководства партии и Советского правительства. Наряду с этим Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. М. Гертик, А. С. Куклин, Г. Е. Евдокимов, И. П. Бакаев, Я. В. Шаров, И. С. Горшенин и Г. Ф. Федоров объявлялись руководителями «московского центра», который был якобы связан с «ленинградским центром», подготовившим и организовавшим, как утверждалось, убийство С. М. Кирова.

Проведенной проверкой установлено, что дело о так называемом «московском центре» сфальсифицировано органами НКВД, а обвиняемые по нему лица были осуждены необоснованно.

Необоснованность возбуждения дела и арестов вытекает, в частности, из того, что аресты осужденных по делу лиц производились прежде всего по признаку принадлежности их в прошлом к «зиновьевской» оппозиции, с тем чтобы возложить на них обвинение в подпольной контрреволюционной деятельности и в организации убийства С. М. Кирова. Между тем политическое поведение этих лиц не давало никаких оснований для подобных обвинений.

Действительно, все осужденные по этому делу являлись в прошлом активными участниками «зиновьевской» оппозиции, в 1926 г. блокировались с «троцкистами» и за фракционную деятельность в 1927 г. привлекались к партийной ответственности.

Г. Е. Зиновьев был исключен из партии на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 14 ноября 1927 г.; Л. Б. Каменев, И. П. Бакаев, А. М. Гертик, С. М. Гессен, Г. Е. Евдокимов, А. С. Куклин, Г. Ф. Федоров и И. И. Тарасов — постановлением XV съезда ВКП(б); Я. В. Шаров, А. В. Перимов, Л. Я. Файвилович, А. И. Анишев, Б. Л. Браво, А. Ф. Башкиров и Н. А. Царьков — местными парторганизациями. На И. С. Горшенина и Б. Н. Сахова за участие в оппозиции были наложены партийные взыскания. А. В. Герцберг к партийной ответственности вообще не привлекался.

В ходе XV съезда ВКП(б) в так называемом «Заявлении 23-х», а также после съезда исключенные из партии обвиняемые по настоящему делу объявили о прекращении оппозиционной деятельности и о полном подчинении решениям ЦК партии и Коминтерна.

ЦКК, рассмотрев заявления, признала их отвечающими требованиям XV съезда и в июне — августе 1928 г. восстановила в

партии Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, И. П. Бакаева, Г. Е. Евдокимова, А. М. Гертика, С. М. Гессена, А. С. Куклина, Г. Ф. Федорова, А. Ф. Башкирова, А. В. Перимова, Л. Я. Файвиловича и Я. В. Шарова. В 1928—1929 гг. были восстановлены в партии И. И. Тарасов, Н. А. Царьков и А. И. Анишев.

Одному лишь Б. Л. Браво при рассмотрении его апелляции в июле 1929 г. было отказано в восстановлении в партии на том основании, что он и после съезда якобы продолжал оппозиционную деятельность. Но в декабре того же года и он был восстановлен в партии.

Во время партийной чистки в сентябре 1929 г. Г. Е. Зиновьеву обвинений в антипартийной деятельности не предъявлялось.

В отношении Л. Б. Каменева было установлено, что в 1928 г. Н. И. Бухарин якобы пытался привлечь его на свою сторону, вел с ним переговоры. Рассмотрев этот вопрос, объединенное заседание Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) 9 февраля 1929 г. и Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 апреля 1929 г. осудили поведение Н. И. Бухарина. Однако о Л. Б. Каменеве никаких решений не было принято.

Лишь несколько месяцев спустя, 31 декабря 1929 г., ЦКК объявила Л. Б. Каменеву выговор за то, что он встретился с некоторыми троцкистами и в беседе с ними заявил о своей готовности блокироваться с Л. Д. Троцким. Л. Б. Каменев, не отрицая в ЦКК факта посещения его квартиры сторонниками Л. Д. Троцкого, утверждал, что в беседе с ними он высказывал свое отрицательное отношение к троцкистам.

Это свидетельствовало о том, что на Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева как бывших лидеров оппозиции ориентировались и вступали с ними в контакт многие из тех, кто был несогласен с линией И. В. Сталина и его сторонников. В особой степени это относится к началу 30-х годов, когда сталинская политика привела к обострению политической обстановки в стране, крупным провалам в народном хозяйстве, тяжело сказалась на социальном положении трудящихся. На этом фоне активизировались силы, выступавшие с осуждением ряда направлений такой политики. Примером этому служит и история с распространением так называемой «рютинской платформы».

В конце сентября 1932 г. Я. Э. Стэн доставил на дачу Г. Е. Зиновьеву и Л. Б. Каменеву экземпляры «обращения» и «платформы» группы М. Н. Рютина; Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев, однако, в партийные или советские органы о существовании этих документов и о том, что они нелегально размножаются и распространяются, не сообщили.

9 октября 1932 г. Президиум ЦКК ВКП(б) исключил из партии Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева за то, что они, как указано в постановлении, «зная о существовании этой контрреволюционной группы, получали от этой группы ее документы, не довели об этом до сведения партии, чем содействовали ее деятельности».

За указанные действия Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и Я. Э.

Стэн, а также ряд других лиц, причастных к составлению и распространению этих документов, по постановлению коллегии ОГПУ от 11 октября 1932 г. были отправлены в ссылку. Л. Б. Каменев — в Минусинск, а Г. Е. Зиновьев — в Кустанай сроком на три года. При этом Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев были необоснованно признаны виновными в том, что они являлись участниками и идейными вдохновителями так называемой контрреволюционной организации «союз марксистов-ленинцев».

8 мая 1933 г. Г. Е. Зиновьев обратился с письмами в ЦК ВКП(б) и лично к И. В. Сталину. В письме И. В. Сталину Г. Е. Зиновьев признавал, что наказан правильно, но желает загладить вину перед партией и заслужить доверие ЦК, для чего просит дать ему любую работу. Письмо в ЦК ВКП(б), содержащее критику своей личной деятельности и оппозиции в целом, было опубликовано 20 мая 1933 г. в «Правде», а накануне С. М. Кирову, В. В. Куйбышеву, А. И. Микояну, Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровскому, В. Я. Чубарю, А. А. Андрееву и членам Президиума ЦКК было разослано письмо следующего содержания: «По поручению т. Сталина рассылаются два письма т. Зиновьева. Тт. Сталин, Ворошилов, Молотов, Калинин и Каганович предлагают отменить в отношении Зиновьева ссылку и разрешить ему приезд в Москву для определения вопроса о его работе».

14 декабря 1933 г. решением ЦКК Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев были восстановлены в партии.

Каких-либо данных об антипартийной деятельности Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева после этого в архивах не обнаружено. Однако в декабре 1934 г. они вновь были арестованы. Из партии их исключили 20 декабря 1934 г.

В отношении остальных обвиняемых установлено следующее.

Г. Е. Евдокимов, И. П. Бакаев, Я. В. Шаров, А. С. Куклин, С. М. Гессен, А. Ф. Башкиров, Н. А. Царьков, А. В. Перимов, Л. Я. Файвилович, И. И. Тарасов и Б. Л. Браво после восстановления их в партии в 1928—1929 гг. и до ареста в декабре 1934 г. к партийной ответственности за антипартийную деятельность не привлекались. И. П. Бакаев, Г. Е. Евдокимов и Л. Я. Файвилович в ходе партийной чистки в 1933 г. характеризовались положительно.

И. С. Горшенин и Г. Ф. Федоров ячейковыми комиссиями по чистке партии исключались как бывшие оппозиционеры, но вышестоящими партийными органами были восстановлены, так как никакой антипартийной деятельности не вели.

В материалах по чистке партии в 1929—1930 гг. имеются данные о том, что А. В. Герцберг чистку прошел. А. М. Гертик в 1933 г. был во внесудебном порядке сослан на три года и исключен из партии по обвинению в оппозиционной деятельности, но в том же году дело было пересмотрено, а 15 мая 1934 г. ЦКК ВКП(б) он был восстановлен в партии.

Из числа всех осужденных по настоящему делу только один А. И. Анишев был исключен из партии до ареста, в 1933 г., за пе-

реписку со своей женой, находившейся в ссылке. Вместе с тем А. И. Анишев характеризовался как «образцовый директор института и крепкий партиец, твердо проводящий генеральную линию партии».

Остальные обвиняемые были исключены из партии после ареста по этому делу с формулировкой «как контрреволюционеры».

Все это свидетельствует о том, что к моменту ареста обвиняемых по настоящему делу партийные органы не располагали материалами об их подпольной или какой-либо иной организованной антипартийной деятельности.

В процессе проверки этого дела были изучены справка «О важнейших агентурных и следственных делах», составленная начальником секретно-политического отдела ОГПУ Г. А. Молчановым 4 января 1934 г. для руководящих работников ОГПУ; справка, представленная 15 января 1934 г. заместителем председателя ОГПУ Я. С. Аграновым секретарю ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичу, в которой перечислялись различные контрреволюционные группы и организации; а также пять томов ежедневных оперативных рапортов секретно-политического отдела НКВД СССР на имя руководства НКВД об агентурно-оперативной работе за период с 1 января по 9 декабря 1934 г. Установлено, что сведений об антисоветской деятельности Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева и других обвиняемых по настоящему делу, а также о существовании подпольной «зиновьевской организации» в этих материалах не имеется.

Оперативные работники УНКВД по Ленинградской области П. И. Малинин, В. С. Карпович, П. Г. Дроздецкий, имевшие непосредственное отношение до декабря 1934 г. к сбору сведений о поведении бывших участников «зиновьевской» оппозиции, в своих объяснениях в 1961 г. заявили, что об антисоветской деятельности «зиновьевцев» им также ничего известно не было.

Напротив, многие факты свидетельствовали о том, что ряд бывших участников «зиновьевской» оппозиции, осужденных впоследствии по делу так называемого «московского центра», считали неприемлемой для себя тактику фракционной борьбы против партийного большинства.

Таким образом, имеющиеся материалы не позволяют сделать вывод о том, что в 1928—1929 гг. существовал подпольный центр зиновьевской организации и такая организация была вообще. «Все данные говорят за то,— отмечалось в информационном письме ОГПУ,— что Зиновьев, Каменев и все бывшие сторонники ленинградской оппозиции, примкнувшие к «Заявлению 23-х», безусловно, порвали с оппозицией и прекратили фракционную работу».

В других материалах также не имеется данных о подпольной антисоветской деятельности «зиновьевцев» после XV съезда партии или о существовании «зиновьевской организации» с руководящим центром во главе.

С момента направления Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева в ссылку по делу так называемого «союза марксистов-ленинцев»,

то есть с октября 1932 г., за ними велось активное агентурное наблюдение, сопровождавшееся перлюстрацией переписки и подслушиванием телефонных разговоров, однако в результате и этой работы не было получено никаких данных о проведении ими антисоветской деятельности.

При аресте Г. Е. Зиновьева в декабре 1934 г. у него был изъят и тщательно изучен обширный личный архив, но и в нем компрометирующих материалов не оказалось. Не имеется данных о существовании и деятельности «зиновьевского центра» и в изъятых при аресте личных архивах Л. Б. Каменева и остальных обвиняемых по делу так называемого «московского центра».

Таким образом, в декабре 1934 г. основания для ареста Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и других осужденных по настоящему делу лиц полностью отсутствовали. Арест их явился началом осуществления замысла использовать убийство С. М. Кирова для политической дискредитации и физического уничтожения бывших оппозиционеров, обвинив их в организации, подготовке и осуществлении этого преступления. Обвинение бывших участников «зиновьевской» оппозиции в подготовке и организации убийства С. М. Кирова основывалось на том, что убийца Л. В. Николаев в прошлом являлся якобы сторонником Г. Е. Зиновьева. Между тем никаких документальных и иных материалов, подтверждающих это, не имелось. Версию о принадлежности Л. В. Николаева к «зиновьевской» оппозиции выдвинул И. В. Сталин. Она была воспринята и проведена в жизнь следствием и судом в результате прямого давления с его стороны. Выступая на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г. с заключительным словом, Н. И. Ежов сообщал о том, в каких условиях проводилось следствие по делу об убийстве С. М. Кирова и как по инициативе И. В. Сталина следствие было направлено по линии обвинения в этом преступлении бывших участников «зиновьевской» оппозиции. Вот выдержка из этого выступления (цитируется по неправленой стенограмме):

«...Ежов. Теперь, товарищи, разрешите мне по существу сделать несколько замечаний. Можно ли было предупредить убийство т. Кирова, судя по тем материалам и по данным, которые мы имеем? Я утверждаю, что можно было, утверждаю. Вина в этом целиком лежит на нас.

Можно ли было после убийства т. Кирова во время следствия вскрыть уже тогда троцкистско-зиновьевский центр? Можно было. Не вскрыли, проморгали. Вина в этом и моя персонально, обошли меня немножечко, обманули меня, опыта у меня не было, нюху у меня не было еще.

Первое — начал т. Сталин, как сейчас помню, вызвал меня и Косарева и говорит: «Ищите убийц среди зиновьевцев». Я должен сказать, что в это не верили чекисты и на всякий случай страховали себя еще кое-где и по другой линии, по линии иностранной, возможно, там что-нибудь выскочит.

Второе — я не исключаю, что по этой именно линии все мате-

риалы, которыми располагал секретно-политический отдел, все агентурные материалы, когда поехали на следствие, надо было забрать, потому что они давали направление, в них много было фактов, благодаря которым вскрыть можно было тогда же и доказать непосредственное участие в убийстве т. Кирова — Зиновьева и Каменева. Эти материалы не были взяты, а шли напролом.

Не случайно, мне кажется, что первое время довольно туго налаживались наши взаимоотношения с чекистами, взаимоотношения чекистов с нашим контролем. Следствие не очень хотели нам показывать, не хотели показывать, как это делается и вообще. Пришлось вмешаться в это дело т. Сталину. Товарищ Сталин позвонил Ягоде и сказал: «Смотрите, морду набьем».

Результат какой? Результат по кировскому делу мы тогда, благодаря ведомственным соображениям, а кое-где и кое у кого благодаря политическим соображениям, например у Молчанова, были такие настроения, чтобы подальше запрятать агентурные сведения. Ведомственные соображения говорили: впервые в органы ЧК вдруг ЦК назначает контроль. Люди не могли никак переварить этого. И немалая доля вины за то, что тогда не смогли вскрыть центра, немалая доля вины и за убийство т. Кирова лежит на тех узколобых ведомственных антипартийных работниках, хотя и убежденных чекистах...»

Кроме того, на очной ставке между Н. И. Бухариным и К. Б. Радеком [29] в ЦК ВКП(б) 13 января 1937 г. в присутствии И. В. Сталина Н. И. Бухарин сообщил, что на второй день после убийства С. М. Кирова И. В. Сталин вызвал его и Л. З. Мехлиса [30] и заявил им, что убийца Л. В. Николаев является «зиновьевцем». И. В. Сталин не отрицал этого обстоятельства и лишь уточнил, что такой разговор имел место по возвращении его из Ленинграда, куда он выезжал во главе комиссии по расследованию обстоятельств убийства С. М. Кирова. Однако никаких объективных данных о принадлежности Л. В. Николаева к «зиновьевской» оппозиции не имелось, и такое заявление И. В. Сталина являлось голословным. Тем не менее 8 декабря 1934 г. начались аресты бывших «зиновьевцев», осужденных по настоящему делу. 16 декабря 1934 г. были арестованы Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев.

Свидетельством того, что новый арест явился для них полной неожиданностью, так как никакой вины они за собой не чувствовали, является письмо Г. Е. Зиновьева И. В. Сталину, написанное во время производства у него на квартире обыска. Вот его текст.

«Сейчас (16 декабря в 7$^1/_2$ веч.) тов. Молчанов с группой чекистов явились ко мне на квартиру и производят у меня обыск.

Я говорю Вам, товарищ Сталин, честно, с того времени, как распоряжением ЦК я вернулся из Кустаная, я не сделал ни одного шага, не сказал ни одного слова, не написал ни одной строчки, не имел ни одной мысли, которые я должен был бы скрывать от партии, от ЦК, от Вас лично. Я думал только об одном: как заслужить доверие ЦК и Ваше лично, как добиться того, чтобы Вы включили меня в работу.

Ничего, кроме старых архивов (все, что скопилось за 30 с лишним лет, в том числе и годов оппозиции), у меня нет и быть не может.

Ни в чем, ни в чем, ни в чем я не виноват перед партией, перед ЦК и перед Вами лично. Клянусь Вам всем, что только может быть свято для большевика, клянусь Вам памятью Ленина.

Я не могу себе и представить, что могло бы вызвать подозрение против меня. Умоляю Вас поверить этому честному слову. Потрясен до глубины души».

Это письмо Г. Е. Зиновьева Г. Г. Ягодой было направлено И. В. Сталину, который оставил его без ответа. В то время уже осуществлялась выдвинутая И. В. Сталиным версия об убийстве С. М. Кирова «зиновьевцами». В Ленинграде, Москве и других городах производились массовые аресты бывших участников «зиновьевской» оппозиции.

И. В. Сталин внимательно следил за следствием по делу «московского центра», ежедневно получал копии протоколов допросов арестованных и отчеты о показаниях подсудимых в судебном заседании, заслушивал доклады Н. И. Ежова, Я. С. Агранова, А. Я. Вышинского и других работников, проводивших следствие по делу; с ним согласовывались тексты наиболее важных и ответственных документов.

Исходя из версии о принадлежности Л. В. Николаева к «зиновьевской» оппозиции, сотрудники НКВД, заместитель Прокурора СССР А. Я. Вышинский и следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР Л. Р. Шейнин, принимавшие участие в расследовании этих дел, а затем и работники Верховного суда СССР, рассматривавшие их, стали на путь фальсификации, извращения действительных фактов и обстоятельств, искусственно увязали это трагическое событие с мнимой антисоветской деятельностью бывшей «зиновьевской» оппозиции, которая якобы действовала под руководством центра, находившегося в Москве.

В результате проверки, произведенной по материалам партийных архивов и архивов органов госбезопасности, данных о том, что Л. В. Николаев примыкал к каким-либо оппозиционным группировкам, в том числе и к «зиновьевской», не обнаружено.

Как известно, по первоначальному замыслу намечалось Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева осудить по одному делу с Л. В. Николаевым и другими. Однако доказать взаимосвязь дел не удалось. 3 февраля 1935 г. на оперативном совещании заместитель наркома внутренних дел СССР Я. С. Агранов *, касаясь хода расследования дел, возникших в связи с убийством С. М. Кирова, заявил: «Нам не удалось доказать, что «московский центр» знал о подготовке террористического акта против тов. Кирова».

Решение об организации судебного процесса по делу Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Г. Ф. Федорова, Г. Е. Евдокимова и других было принято только в январе 1935 г., то есть после уже закончившегося судебного процесса «ленинградского центра» (Л. В. Николаев и другие).

---

* После образования НКВД 10 июля 1934 г. Я. С. Агранов стал заместителем наркома внутренних дел СССР. *Ред.*

Принимавший участие в расследовании дела о так называемом «московском центре» Д. М. Дмитриев в письме от 7 августа 1937 г., адресованном Н. И. Ежову, ссылаясь на свои заслуги, указывал: «Я разоблачил в 35-м году Бакаева, который дал мне показания о своей к.-р. деятельности. Это обстоятельство тогда решило вопрос о процессе, по которому были тогда привлечены Зиновьев и Каменев. Сознание Бакаева явилось крупнейшим фактором. Так было написано в одном из сообщений правительства, выпущенном в 1935 г. Сознанием Бакаева мотивировалась возможность организации суда над Зиновьевым и Каменевым, которых тогда наметили послать только в ссылку. Вы этот момент помните».

Это утверждение Д. М. Дмитриева подтверждается опубликованным в печати 16 января 1935 г. следующим сообщением Прокуратуры СССР:

«При производстве расследования по делу Бакаева И. П., Гертика А. М., Куклина А. С. и других, привлеченных к ответственности в связи с раскрытием в городе Ленинграде подпольной контрреволюционной группы, подготовившей и осуществившей убийство т. С. М. Кирова, были получены данные в отношении подпольной контрреволюционной деятельности Зиновьева Г. Е., Евдокимова Г. Е., Каменева Л. Б. и Федорова Г. Ф., дела которых первоначально были направлены на рассмотрение Особого совещания НКВД.

Ввиду этих данных и, в частности, показаний Бакаева И. П., разоблачающих участие Зиновьева Г. Е., Евдокимова Г. Е., Каменева Л. Б. и Федорова Г. Ф. в подпольном контрреволюционном «московском центре», и Сафарова Г. И. [31], сообщившего следствию ряд фактов о подпольной контрреволюционной деятельности указанных выше лиц вплоть до последнего времени, дело по обвинению Зиновьева Г. Е., Евдокимова Г. Е., Каменева Л. Б. и Федорова Г. Ф. передано на рассмотрение Военной Коллегии Верхсуда Союза ССР».

Из материалов судебного дела видно, что действительно Д. М. Дмитриевым в начале 1935 г. были получены от И. П. Бакаева развернутые «показания», в которых указывалось, что бывшие «зиновьевцы» ведут антисоветскую деятельность, представляют собою контрреволюционную организацию, имеют руководящий центр и т. д. Вместе с тем в этих показаниях никаких конкретных фактов антисоветской деятельности «зиновьевцев» не приводилось, а выводы о наличии контрреволюционных организаций и центра являлись голословными.

Между тем именно эти показания дали возможность работникам органов следствия получить от других обвиняемых по настоящему делу формальные признания своей виновности, что в последующем было использовано для принятия необоснованного решения об организации судебного процесса по делу так называемого «московского центра».

Расследование по делу было проведено с грубейшими нарушениями законности, необъективно и тенденциозно, с обвинительным уклоном, в отрыве от фактических обстоятельств дела. Работники следствия придерживались лишь одной версии об убийстве С. М. Кирова «зиновьевцами» и для обоснования ее применяли обман и другие методы и средства фальсификации.

Для того чтобы получить от некоторых обвиняемых выгодные и необходимые для органов следствия показания, сотрудники НКВД допускали шантаж и спекулировали именем партии. Полученные таким образом ложные показания затем использовались с применением нажима и вымогательства для признания несуществующей вины и другими обвиняемыми. Показания лиц, проходящих по делу, о их якобы преступной деятельности записывались в протоколах допросов произвольно, в общей форме, как правило, без ссылки на конкретные факты и обстоятельства, без указания определенного времени происходивших событий.

Касаясь методов расследования, замнаркома внутренних дел Я. С. Агранов на оперативном совещании сотрудников НКВД СССР 3 февраля 1935 г. заявил следующее: «Наша тактика сокрушения врага заключалась в том, чтобы столкнуть лбами всех этих негодяев и их перессорить. А эта задача была трудная. Перессорить их необходимо было потому, что все эти предатели были тесно спаяны между собою десятилетней борьбой с нашей партией. Мы имели дело с матерыми двурушниками, многоопытными очковтирателями.

В ходе следствия нам удалось добиться того, что Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Сафаров, Горшенин и другие действительно столкнулись лбами».

Как происходили эти «столкновения», видно на примере допроса 10 января 1935 г. Л. Б. Каменева, когда работники НКВД требовали от него признания существования подпольной контрреволюционной организации, утверждая, что Г. Е. Зиновьев это обстоятельство уже подтверждает. Между тем последний в то время таких показаний не давал.

Несмотря на широко применявшиеся сотрудниками НКВД и работниками прокуратуры А. Я. Вышинским и Л. Р. Шейниным незаконные методы расследования, доказательств преступной антисоветской деятельности обвиняемых получено не было.

В ходе следствия преследовалась цель доказать существование подпольной контрреволюционной зиновьевской организации «во главе с руководящим московским центром». Для получения таких признаний, по существу формальных, как это видно из материалов расследования и проверки, применялся метод навязывания арестованным голословных и расплывчатых формулировок, без указания в них определенных фактов, места и времени происходивших событий. В ходе последующих и неоднократных допросов подобные формулировки в различных их комбинациях и вариантах усиливались, и таким образом следователи создавали видимость признания обвиняемыми своей виновности.

Так, например, в показаниях А. Ф. Башкирова, И. И. Тарасова, Л. Я. Файвиловича, Г. Ф. Федорова и ряда других записано, что бывшие оппозиционеры после XV съезда якобы возвращались в партию «по прямой директиве» Г. Е. Зиновьева в двурушнических целях. Однако никто из них не показал о том, когда и кому была передана эта директива и каково было ее подлинное содержание.

Допрашивая Г. Е. Зиновьева, следователи пытались изобразить подобной директивой его письмо В. В. Румянцеву от 30 июня 1928 г., которое, однако, никаких антипартийных установок не содержит. В этом письме Г. Е. Зиновьев предлагал В. В. Румянцеву обратиться в ЦКК с заявлением о восстановлении в партии и, в частности, указывал: «Торговаться теперь с партией из-за формулировки заявления недопустимо. То, что решил съезд, надо принять». Сам же он на всех допросах утверждал, что действительно после XV съезда убеждал отказаться от оппозиционных взглядов и прекратить фракционную деятельность, руководствуясь при этом искренними побуждениями восстановить единство партии, и никаких двурушнических целей не преследовал.

При помощи неконкретных формулировок в протоколах допросов обосновывалась версия о существовании контрреволюционного «московского центра». Более того, фальсифицированные показания И. П. Бакаева о существовании «московского центра» использовались в качестве средства давления и на остальных арестованных. Об этом, в частности, свидетельствует протокол очной ставки между ним и Г. Е. Евдокимовым 9 января 1935 г. В протоколе очной ставки каждому из допрашиваемых лиц вопросы заранее были заготовлены, отпечатаны на пишущей машинке и изложены следующим образом:

«**Вопрос Бакаеву:** признаете ли Вы, что состояли до последнего времени совместно с Евдокимовым членами московского контрреволюционного центра московской организации?

Вопрос Евдокимову: подтверждаете ли Вы настоящее показание Бакаева?

Вопрос Бакаеву: Что Вам известно о составе московского центра контрреволюционной организации?

Вопрос Евдокимову: Подтверждаете ли Вы показания Бакаева о составе московского центра контрреволюционной зиновьевской организации?

Вопрос Бакаеву: Назовите известных Вам в Москве участников зиновьевской организации?

Вопрос Евдокимову: Подтверждаете ли Вы показания Бакаева?»

Так же сформулированы все остальные вопросы. Ответы на них вписывались в протокол допроса от руки. Таким образом, показания в данном случае И. П. Бакаева работниками следствия были заранее предопределены, от Г. Е. Евдокимова же требовалось лишь подтвердить их. Аналогично были заготовлены протоколы допросов на очных ставках и других обвиняемых.

Согласно обвинительному заключению, «центр» был определен в составе: Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, И. П. Бакаев, Г. Е. Евдокимов, А. С. Куклин, Я. В. Шаров, А. М. Гертик, И. С. Горшенин и Г. Ф. Федоров.

Имеющиеся документы свидетельствуют, что в показаниях Б. Л. Браво, А. В. Перимова, И. И. Тарасова и Л. Я. Файвиловича о существовании руководящего «центра» вообще ничего не го-

ворится, а показания других обвиняемых по этому вопросу настолько неконкретны и противоречивы, что становится очевидной несостоятельность утверждений органов следствия о существовании этого подпольного органа бывших «зиновьевцев» и о вхождении в него перечисленных выше лиц. Что касается Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева, то они до окончания предварительного следствия вообще не признавали существования контрреволюционной организации и «центра».

На неоднократных допросах Г. Е. Зиновьев утверждал, что оппозиционный центр после XV съезда партии был распущен, организации не было, оставались лишь встречи и разговоры бывших оппозиционеров между собой, недовольство своим положением, надежды на возвращение бывших лидеров оппозиции к партийному руководству. И лишь после окончания следствия от него было получено «заявление следствию», которое, с учетом всех установленных по настоящему делу обстоятельств и в силу его противоречивости, не может расцениваться как признание им своей виновности. Вот полный текст этого так называемого «заявления»:

«Тов. Агранов указал мне на то, что дававшиеся мною до сих пор показания не производят на следствие впечатления полного и чистосердечного раскаяния и не говорят всего того, что было.

Сроки следствия приближаются к самому концу. Данные мне очные ставки тоже, конечно, производят на меня свое действие. Надо и надо мне сказать следствию все до конца.

Верно, что то, что я говорил в предыдущих показаниях, содержит больше о том, что я мог бы сказать в свою защиту, чем о том, что я должен сказать для полного обличения своей вины. Многое я действительно запамятовал, но многого не хотелось додумать до конца, а тем более сказать следствию до самого конца.

Между тем я хочу разоружиться полностью.

Между тем я сознаю свою огромную вину перед партией и полон настоящего раскаяния. Не хватало душевных сил и «физической силы» ума додумать все до конца.

Сначала казалось, что убийство т. Кирова и мое привлечение в связи с таким делом есть просто нечто вроде обрушившейся скалы, которая нечаянно хоронит почему-то и меня под своими обломками. Лишь постепенно уяснял себе подлинный смысл событий.

Дело не в отдельных деталях и эпизодах. Суть дела в том, что после XV съезда мы сохранились, как группа, строго говоря, существовавшая подпольно, считавшая, что ряд важнейших кусков платформы 1925—1927 гг. все же были «правильные» и что, раньше или позже, партия эту нашу «заслугу» признает.

Чтобы остаться в партии с этим убеждением, мы должны были обманывать партию, т. е. по сути двурушничать.

«Двурушничество» очень обидный и жесткий термин. Никогда не хотелось его «признать».

Но он — верный термин. Он грубо, но верно срывает маску с фикций и говорит «то, что есть».

И отсюда — все остальное!

Конечно, и на нас (в частности, на меня) развитие событий, начиная с 15 съезда, не осталось совсем без влияния. Великий успех первой пятилетки, затем успехи первых годов второй пятилетки, рост хозяйства, рост социалистической культуры, рост военной мощи Союза, рост мирового влияния СССР, рост партии, успехи коллективизации и пр., и пр.— все это не могло у нас самих не колебать веру в нашу платформу 1925—1927 гг.

Но «утешались» тем, что в других частях мы все-таки «оказались правы»

(в последнее время — по линии работы Коминтерна), что-де партийный режим «ужасен» и т. п., «утешались» тем, что-де многое с 1928 г. делается «по-нашему», но делается с «большими накладными расходами» и т. п.

Соответственно всему этому питали враждебные чувства к партруководству и к т. Сталину.

Не были совсем слепы к тому, что партруководство делает великое дело. Но всегда находился какой-нибудь «довод», чтобы все-таки прийти к выводу, враждебному генеральной линии партии и ее руководству, особенно т. Сталину.

Я лично — человек вообще больших внутренних колебаний. Говорю это, конечно, не в свое «оправдание» или «облегчение», а потому, что — 1) надо сказать то, что есть, и 2) что эта моя черта оказала немалое влияние на судьбы всей группы.

Я был небесполезен для партии тогда, когда принятые решения я, не колеблясь, помогал нести в массы. Когда же после смерти В. И. я должен был сам принимать очень важные решения в очень сложной обстановке (да один раз и при жизни В. И.— октябрь 1917 г.), указанная черта моего характера (колебания, полурешения) не раз играла очень плохую роль.

Я много раз после XV съезда и особенно после XVI съезда говорил себе: довольно, доказано, что во всем прав ЦК и т. Сталин, надо раз навсегда признать это и внутренне сделать из этого все выводы. Но при новых поворотных событиях, новых трудностях и т. д. начинались новые колебания. Яркий пример — 1932 г., события которого я описал более подробно в своих показаниях.

Я опять становился рупором антипартийных настроений. Субъективно я, конечно, не хотел вредить партии и рабочему классу. По сути же дела становился в эти годы рупором тех сил, которые хотели остановить социалистическое наступление, которые хотели сорвать социализм в СССР.

Я был искренен в своей речи на XVII съезде и считал, что только в способе выражений я «приспособляюсь» к большинству. А на деле во мне продолжали жить две души.

В центральной группе б. «зиновьевцев» были и более сильные характеры, чем я. Но вся беда в том, что все наше положение, раз мы не сумели по-настоящему подчиниться партии, слиться с ней до конца, проникнуться к Сталину теми чувствами полного признания, которыми прониклась вся партия и вся страна, раз мы продолжали смотреть назад, жить своей особой «душной жизнью» — все наше положение обрекало нас на политическую двойственность, из которой рождается двурушничество.

Мы не раз говорили себе: вот если бы партия (мы говорили: Сталин) привлекла нас на «настоящую» работу, вероятно, все бы сгладилось, мы бы помогли исправить «ошибки», улучшить режим и т. п., и все пошло бы хорошо, и сами бы мы изжили отчуждение от партии.

А партия чувствовала, что у нас камень за пазухой, и, конечно, не могла врагам или полуврагам линии партии и ее руководства возвратить сколько-нибудь серьезное, политическое и организационное влияние.

Глядя назад, надо сказать, что на деле партия слишком бережно относилась к нам. Но верить нам по-настоящему она, конечно, не могла.

А мы продолжали жить своей особой психологией, по «законам» развития «замкнутого кружка», «непризнанных», «обиженных», «лучше всех видящих, но лишенных возможности показывать путь другим».

Личные связи тоже все больше и больше сводились к кружку б. ленинградских работников, вместе со мной смещенных из Ленинграда.

Я утверждал на следствии, что с 1929 г. у нас в Москве центра б. «зиновьевцев» не было. И мне часто самому думалось: какой же это «центр» — это просто Зиновьев плюс Каменев плюс Евдокимов плюс еще два-три человека, да и то они уже почти не видятся и никакой систематической антипартийной фракционной работы уже не ведут.

Но на деле — это был центр.

Так на этих нескольких человек смотрели остатки кадров б. «зиновьевцев», не сумевших или не захотевших по-настоящему раствориться в партии (прежде всего остатки «ленинградцев»).

Так на них смотрели все другие антипартийные группы и группки. У некоторых из нас (прежде всего у Каменева и меня) в прошлом было крупное политичес-

кое имя. В 1932 г., когда началось «оживление» всех антипартийных групп, сейчас же в этой среде заговорили о «ленинском Политбюро» (т. е. о том Политбюро, которое было-де при Ленине — с участием моим и Каменева, и Рыкова, Бухарина, Томского). Великодушно «соглашались» и на то, что в нем должен быть и т. Сталин.

Все антипартийные элементы выдвигали опять наши «кандидатуры». Рютинская кулацкая к.-р. платформа ругала меня и Каменева, ставила ставку на новых людей, на своих «практиков», но тоже в последнем счете не отводила этих «кандидатур».

Бывшие мои единомышленники, жившие в Москве в последние годы, голосовали всегда за генеральную линию партии, высказывались открыто в духе партии, а «промеж себя» преступно продолжали говорить хоть и не совсем по-старому (жизнь выбивала из-под ног многие «основы» платформы 25—27 гг.), но враждебно к линии партии и ее руководству.

И этим двурушническим поведением они показывали пример другим, тем, в чьих глазах группа эта представлялась «авторитетной».

Встречи членов этого центрального кружка б. «зиновьевцев» становились все более редкими и, главное, все более беспредметными.

В 1933—1934 гг. у меня и у Каменева этих встреч уже почти не было совсем. Но все-таки в различных комбинациях они друг с другом виделись (отчасти по родственной линии). Я старался по-прежнему все узнавать — о коминтерновских делах через Мадьяра [32] (когда я работал в «Большевике», многое я узнавал и через официальные источники), о хозяйственных делах — отчасти через Горшенина.

С Каменевым теперь часто говорили уже о другом — о Пушкине, о литературной критике и т. п. и для себя с горечью прибавляли: «Это у нас форма отхода от политики». Но и сообщали друг другу «новости», слухи, встречи, обменивались политическими соображениями и наблюдениями, в общем, в двойственном духе: многое идет-де «здорово» и хорошо, а многое — плохо, не так, с «накладными расходами» и т. п.

И в отношениях к партруководству была та же двойственность, т. е. с точки зрения членов партии, по существу — враждебность.

Вместе с тем мечтали о том, чтобы нас «привлекли» к работе; ясно понимали, что привлечь могут **только** как «кустарей»-одиночек.

Конечно, если бы дело ограничивалось только разговорами 2—3 друзей, если бы это делалось в безвоздушном пространстве, если бы из-за рубежа не шли волны буржуазной ненависти, если бы за нашей спиной не было некоторых антипартийных групп и группочек — это была бы только двойственность (или двурушничество) двух или нескольких людей.

На деле же в реальной обстановке нашей действительности это было преступление перед партией, обман партии.

И, хотели мы этого или нет, фактически мы оставались одним из центров борьбы против партии и той великой работы, которую она вела и ведет.

Следствие требует сказать прямо: был или не был в Москве центр б. «зиновьевской» группы. Ответ должен быть: да, был, хоть и мало оформленный, в последние годы мало активный, без ясной платформы, но был. И роль его на деле была, конечно, антипартийной, т. е. контрреволюционной.

Состав его вначале был: я, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Куклин, Шаров, Федоров, до известного времени Залуцкий [33] и Харитонов [34]. Затем в 1932 году состав менее определенен. В общем, без последних двух.

Вопрос о форме существования, степени оформленности этой центральной группы б. «зиновьевцев» в Москве в разные годы, личная психология и личные переживания и колебания каждого из членов этой группы и, в частности, моей имеют менее важное значение.

Следствие ставит вопрос: да или нет?

Ответить приходится: — **да**.

Перехожу к вопросу о Ленинграде.

Тов. Агранов заметил мне, что я проявляю особую боязливость, когда перехожу на допросах к этому пункту, и что это настраивает следствие особенно недоверчиво ко мне.

Да, это верно. Я проявлял и проявляю в этом вопросе особенную боязли-

вость — только прошу понять почему и какую. Дело идет не о степени наказания, которое меня все равно не минует, а о чем-то другом.

Действительно, я очень боюсь — боюсь перед историей — попасть в компанию выродков и фашистских убийц С. М. Кирова, попасть в положение человека, который чуть ли не разжигал терроризм по отношению к вождям партии и Советской власти.

Вот почему с первого допроса я так страстно возмущался, как я могу быть смешиваем с негодяями, дошедшими до убийства С. М. Кирова.

Но факты — упрямая вещь.

И, узнавши из обвинительного акта против «ленинградского центра» (опубликованного в газетах) все факты, я должен был признать морально-политическую ответственность б. «ленинградской оппозиции» и мою лично за совершившееся преступление — в том смысле, в каком это изложено в моих предыдущих показаниях.

Однако это только часть данного вопроса.

То, что говорил вчера по этому поводу Г. Е. Евдокимов на очной ставке со мной, говорю это прямо — производит на меня глубочайшее впечатление и больше всего другого заставляет меня додумывать и тут до самого конца.

Как могла существовать в последние годы в Ленинграде организация «зиновьевцев» без того, чтобы я о ней не знал?

А между тем — это факт, что **я не знал** этого до моего ареста и до моих допросов в ДПЗ. Я говорю вам сейчас чистую правду, что **не знал** и думал, что ее в последние годы не существует. Поздно и бесцельно мне увиливать от ответственности — я это понимаю **вполне**. Но если бы я сказал вам сейчас, что знал о существовании организации б. «зиновьевцев» в Ленинграде в 1933—1934 гг., я бы сказал неправду.

Когда я говорил летом 1932 г. с В. Левиным [35], ни одного слова не было сказано об организации вообще и о ленинградской организации в частности. Но, конечно, я знал, что я для него (т. е. Левина) авторитетен, что мои антипартийные мнения укрепляют его в антипартийных мнениях.

Я не мог не понимать, что В. Левин живет в Ленинграде не в безвоздушном пространстве. Я знал, что В. Левин в годы 1926—1928 играл роль одного из крупных организаторов антипартийных сил б. «зиновьевцев» в Ленинграде. Я должен был понимать, что, вероятно, у него тоже есть друзья, для которых он, в свою очередь, авторитетен, что он, вероятно, поделится с некоторыми из них тем, что слышал от меня.

По сути дела, это означало оживлять в 1932 г. антипартийные настроения в Ленинграде. Грань между этим и оживлением антипартийной организации б. «зиновьевцев» в Ленинграде, конечно, очень небольшая.

Конечно, я говорил летом 1932 г. «только» об идейных разногласиях, конечно, я говорил, что организационной борьбы мы не хотим (ибо считали ее безнадежной), что будем «только» выжидать и т. д. Но следствие право, что на деле это было поощрением и к организационным связям.

Вернувшись в 1933 г. из ссылки (где я внутренне много пережил и старался сломать в себе старые антипартийные настроения), я с преступным легкомыслием не раскрыл партии всех лиц и всех попыток антипартийных сговоров.

В те времена нужно было сделать две вещи: во-первых — сделать ряд публичных выступлений не дипломатического порядка, а подлинно разоблачающих нашу прежнюю антипартийную линию и подлинно солидаризирующихся с партией и ее руководством; во-вторых — раскрыть партии все прежние антипартийные связи со всеми конкретными именами и деталями. На первое меня хватило. На второе — нет. И это было моей главной бедой и главной виной.

Вспоминая теперь тогдашнюю психологию, я вижу, что настроение было какое-то эгоцентрическое: дескать, я же себя почти совсем сломал и внутренне; я же говорю и пишу теперь так, чтобы не оставить никаких сомнений в том, что все прошлое кончено и я подчиняюсь партии всерьез и окончательно; Каменев поступает так же, значит — говорил я себе — все будет кончено и у тех, кто к нам прислушивается. Не раз мы говорили тогда с Каменевым: ну, теперь последний шанс остаться в партии, изжить полосу отщепенства и отчуждения, поведем себя теперь по крайней мере так, что, если, скажем, через год спросят о нас и нашем поведении ОГПУ — ОГПУ ответило: ничего плохого сказать о них не можем.

Сначала косо посмотрел на это мое (и Каменева) настроение даже Евдокимов. И я отлично помню ощущение, что мне даже физически трудно было говорить с ним после возвращения из Кустаная на эту тему, так как читал у него в глазах: ты что это — всерьез?

Никаких организационных попыток возрождения старого действительно не делал. Но я «только» постепенно опять все-таки стал собирать все «новости». Затем тому же Евдокимову стал «только» давать опять отрицательные характеристики многого из того, что делало партруководство. Затем с Каменевым мы стали опять подробно обмениваться всем услышанным с соответственными комментариями и т. п.

О Ленинграде в 1933—1934 гг. действительно ничего не знал, кроме чего-нибудь случайного и отрывочного. Но, конечно, я должен был помнить, что в Ленинграде **остались** люди, которые шли за нами, которые не покинули антипартийных позиций, которые, вероятно, друг с другом встречаются и которые последнее, что слышали обо мне — это настроения 1932 г.

О бывших «безвожденцах» (молодежи) меньше всего в эти годы — 1933—1934 — думал. С ними интимной связи не было. Но знал и не мог не знать, что и за вычетом их в Ленинграде есть люди, прежде связанные с нами и оставшиеся в антипартийных настроениях, и что они, вероятно, друг с другом встречаются.

Об их приездах в Москву в 1933—1934 гг. действительно не слышал и о поездках в Ленинград для антипартийных дел в эти годы — тоже не слышал.

Когда Евдокимов говорил мне, что он был в Ленинграде (не помню, в 1933 г. или в 1934 г.), он отнюдь не говорил о встречах с Левиным или с кем-нибудь в этом роде, а рассказывал, кого видел в Смольном, как с ним разговаривали официальные руководители, как покойный С. М. Киров спрашивал его: «А как думаешь, можно верить Зиновьеву?» и т. п.

Но, повторяю, при желании сколько-нибудь серьезно подумать о прошлом — я не мог не понимать, что в Ленинграде осталось определенное количество б. «зиновьевцев», настроенных антипартийно.

Покончить с этим можно было, только выдав партии всех антипартийно настроенных лиц, с которыми мы были ранее связаны.

На это не хватило партийности и чувства ответственности. Радовались (я и Каменев), что этого от нас прямо не требуют (т. е. партия и государственная власть не требуют), и рассчитывали, что «как-нибудь» это само рассосется».

А в Ленинграде в действительности в это время происходило нечто совсем другое. Из обвинительного акта по делу убийц Кирова я узнал, что именно в 1933—1934 гг. особенно активизировалась работа этих людей. Результаты известны.

Итак, я действительно не знал в последние годы о существовании организации б. «зиновьевцев» в Ленинграде. Но я знал и не мог не знать, что в Ленинграде остались антипартийно настроенные б. «зиновьевцы», что, вероятно, они встречаются.

Знал и молчал. Знал и скрыл от партии.

И объективно это имеет большее значение, чем то, что я не знал об организации последних годов. И я должен признать перед следствием, что гвоздь вопроса в этом последнем.

Дело обстояло в 1933—1934 гг., конечно, не так, что вот сегодня я сказал речь или написал статью или заявление с полным признанием генеральной линии партии и ее руководства, а завтра шептал на ухо, что на деле я против всего этого.

Но прежние годы обмана и двурушничества выработали мнение: ну, это все, должно быть, вынужденное, на деле они, вероятно, думают другое.

А со временем до б. «зиновьевцев» доходили отдельные отзывы, замечания, слова, из которых они могли заключить, что действительно камень за пазухой остается.

И выводы делались сами собой.

Я полон раскаяния самого горячего раскаяния. Кончать мне свои дни по обвинению в той или другой прикосновенности к террору против вождей партии, к такому гнусному фашистскому убийству, как убийство Кирова,— это достаточно трагично. И ничего подобного мне, конечно, никогда не снилось.

Я готов сделать все, все, все, чтобы помочь следствию раскрыть все, что было в антипартийной борьбе моей и моих бывших единомышленников, а равно тех, с

кем приходилось соприкасаться в антипартийной (по сути контрреволюционной) борьбе против партии.

Я называю всех лиц, о которых помню и вспоминаю, как о бывших участниках антипартийной борьбы. И буду это делать до конца, памятуя, что это мой долг.

Особая и, конечно, самая тяжелая глава — мое отношение к руководителям партии и, в особенности, к т. Сталину.

Не время и не место отделываться мне тут банальностями.

Да, то, что в 1925—27 гг. могло считаться «отрицательными личными характеристиками в политической борьбе», превращается в моря клеветничества при свете событий, как они развивались дальше и как обстоят дела в 1935 г.

Более молодые члены Политбюро (относительно более молодые, но на деле старейшие работники большевистской партии), к которым мы пытались относиться так пренебрежительно, выполнили величайшую историческую задачу в эпоху, когда я и другие, считавшие себя «незаменимыми», оказались рупорами антипролетарских тенденций и хуже того. Это факт.

Ну а о Сталине — нечего говорить.

Многие из клеветнических высказываний против него, многие из отвратительных заявлений и характеристик приписываются лично мне зря. Их не было вовсе или они были плодом «коллективного творчества». Но достаточно, сверхдостаточно того, **что было.**

Могу сказать теперь только одно. Если бы я имел возможность всенародно покаяться, это было бы для меня большим облегчением и я сказал бы: вот вам еще один пример того, как великим людям, великим борцам мирового пролетариата приходится пройти через полосу клеветы и оскорблений и пусть только со стороны озлобленной кучки, но все же способной немало бревен положить на дороге этого великого вождя пролетариев.

Не хочу здесь говорить слов, которые показались бы льстивыми. Никому это не нужно и в особенности не нужно самому Сталину. Если мне не доведется больше видеть и слышать о том, как он, истинный и достойный преемник Ленина, ведет и дальше СССР, ведет колонны мирового пролетариата от победы к победе - я горячо желаю ему счастья и успеха на этом пути.

О себе же лично позволю себе заметить только: несмотря на то что было со мной за последние годы, всю свою сознательную жизнь был и до последнего вздоха останусь всей душой преданным мировому пролетариату.

Пусть на моем тяжелом примере учатся другие, пусть видят, что значит сбиться с партийной дороги и куда это может привести.

Если когда-либо буду еще иметь какую-нибудь возможность работать — все отдам, чтобы хоть немного загладить свою великую вину.

Г. Зиновьев

13 января 1935 г.».

Л. Б. Каменев также на допросах утверждал, что с 1928 г. ни в каких собраниях бывших оппозиционеров не участвовал, а с ноября 1932 г. не имел даже связей с бывшими оппозиционерами, сохранив лишь личную связь с Г. Е. Зиновьевым, обусловленную совместным проживанием на одной даче. Только непродолжительное время после XV съезда партии, рассчитывая на разногласия в ЦК, он надеялся возвратиться к партийному руководству, но с 1930 г. ушли и эти надежды. Так, на допросе 10 января 1935 г. Л. Б. Каменев показал: «Я не знаю никакого оформленного центра организации, а знаю ряд лиц, которые встречались и совещались по текущим политическим вопросам. Все они входили в названную выше организацию бывшей зиновьевской оппозиции. Это были — Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Куклин, Шаров».

На следующий провокационный вопрос: «По данным следствия, контрреволюционная организация зиновьевцев, в частности, ее

московский центр, существовали до последнего времени. Подтверждаете ли Вы это?» — Л. Б. Каменев дал ответ: «Этого я подтвердить не могу... Лично мне было совершенно ясно, что сохранение какой бы то ни было организации является прямым вредом для партии и будет только препятствовать возвращению к партийной работе, к которой я стремился.

Я лично был за прекращение борьбы с партией».

После предъявления обвинения Л. Б. Каменев подал заявление, в котором указал следующее: «Приписывание мне принадлежности к организации, «поставившей себе целью устранение руководителей Советской власти», не соответствует всему характеру следствия, заданным мне вопросам и предъявленным мне в ходе следствия обвинениям. Изо всех сил и со всей категоричностью я обязан протестовать против такой формулировки, как абсолютно не соответствующей действительности и идущей гораздо дальше того материала, который мне был предъявлен на следствии».

Как видно из вышеизложенного, Л. Б. Каменев категорически отрицал свое участие в организованной антипартийной деятельности после восстановления его в партии в 1928 г. Однако после окончания следствия, 14 января 1935 г., от него в незаконном порядке были получены показания о том, что «руководящий центр» зиновьевской группы продолжал свою деятельность по 1932 г. включительно. Характеризовал же Л. Б. Каменев эту деятельность следующим образом:

«Я полагаю, что в это время все члены зиновьевской группы считали своей обязанностью делиться с указанным выше центром всеми теми сведениями и впечатлениями, которые у них имелись по их служебному положению или от встреч с партийными людьми и членами других антипартийных группировок. Все обсуждения велись в антипартийном духе, т. е. с точки зрения того, насколько эти сведения свидетельствуют об ослаблении или затруднениях партийного руководства, о трудностях, стоящих перед партией, и т. п. Надежд на то, что для зиновьевской группы возможна какая-либо активная деятельность, уже не было».

Даже и эти показания не доказывают ни наличия так называемого «московского центра», ни проведения обвиняемыми антисоветской деятельности.

В ходе следствия делались многократные попытки получить свидетельства практической деятельности, однако и в этом направлении нет конкретных доказательств виновности обвиняемых по настоящему делу. Полученные показания по этим вопросам неубедительны и не подтверждаются никакими конкретными фактами. К числу таких голословных заявлений относятся показания И. П. Бакаева. На допросе 6—7 января 1935 г. он, например, показал: «Мы питали наших единомышленников клеветнической, антипартийной, контрреволюционной информацией о положении дел в партии, в ЦК, в стране... Мы воспитывали их в духе злобы, враждебности к существующему руководству ВКП(б) и Совправительству, в частности, и в особенности к т. Сталину». Однако в подтверждение этого заявления ни в предыдущих, ни в последующих обширных показаниях И. П. Бакаева никаких конкретных фактов не приводится.

В показаниях А. Ф. Башкирова от 19 декабря 1934 г. записано: «Вся борьба зиновьевской к.-р. организации была по существу направлена к смене руководства партии. В этом основная политическая направленность всех ее действий. Установка была сменить руководство Сталина Зиновьевым и Каменевым». Это заявление не вытекает из всех его показаний на предварительном следствии, так как в них не приводится никаких конкретных фактов проведения какой-либо борьбы.

В ходе предварительного следствия от обвиняемых требовалось признать и дать показания о проведении ими собраний, совещаний, заседаний и т. д. В результате необъективного подхода к расследованию дела в протоколах допросов широко применялась официальная терминология. Встречи, порой случайные, двух-трех человек именовались «собраниями», встречи большего числа лиц «совещаниями», рассказы о работе, о делах, о событиях — «выступлениями» и «информацией» и т. п. Следует признать, что происходившие встречи обвиняемых между собой и с другими не привлеченными по настоящему делу бывшими оппозиционерами не имели характера «собраний» и «совещаний», как это изображается в следственных материалах, а обусловливались их личной дружбой, знакомством и совместным участием в прошлой работе.

Не установлено ни одного достоверного факта проведения бывшими участниками «зиновьевской» оппозиции после 1928 г. какого-либо организованного мероприятия, либо организованного выступления, которые бы свидетельствовали о наличии организации или о наличии скрытой подпольной деятельности. Органами следствия установлен единственный случай встречи в октябре 1932 г. на квартире И. П. Бакаева, где присутствовали Г. Е. Евдокимов, И. С. Горшенин, Я. В. Шаров, А. М. Гертик и советовались, как себя вести на предстоящих партийных собраниях при обсуждении постановления ЦКК по делу «рютинской организации» и какую оценку давать поведению Г. Е. Зиновьева и постановлению ЦКК в части, касающейся его исключения из партии.

Органы следствия придали важное значение этому факту и расценили его как «совещание московского центра». Между тем ни предыдущая, ни последующая деятельность указанных выше лиц, ни сам характер разговора не дают оснований для подобной оценки. И. П. Бакаев, Г. Е. Евдокимов, А. М. Гертик, И. С. Горшенин и Я. В. Шаров пришли к единому мнению, что Г. Е. Зиновьев поступил неправильно, не сообщив партийным органам о распространении рютинских документов.

В процессе следствия не была установлена виновность обвиняемых в подготовке убийства С. М. Кирова или их осведомленность об этом. «Следствием не установлено фактов, которые дали бы основание предъявить членам «московского центра» прямое обвинение в том, что они дали согласие или давали какие-либо указания по организации совершения террористического акта, направленного против товарища Кирова»,— говорилось в обвинительном заключении.

Несмотря на это, в закрытом письме ЦК ВКП(б) от 18 января 1935 г., составленном И. В. Сталиным, и в выступлении Я. С. Агранова об итогах следствия утверждалось, что «московский центр» знал о террористических настроениях «ленинградского центра» и всячески их разжигал. Выводы о том, что обвиняемые по настоящему делу знали о террористических настроениях членов ленинградской «зиновьевской» группы, вообще не основаны на материалах дела.

Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев по вопросу о своей ответственности за убийство С. М. Кирова дали следующие показания. Г. Е. Зиновьев: «Ни в коем случае не могу считать себя ответственным за к.-р. выродков, прибегших к фашистскому наступлению». Л. Б. Каменев: «Я не могу признать себя виновным в гнуснейшем преступлении, совершенном злодеями, с которыми я не имел и не мог иметь никакой связи».

Анализ материалов свидетельствует о необъективности и предвзятости работников госбезопасности и прокуратуры при расследовании дела так называемого «московского центра». Для осуществления прокурорского надзора и выполнения ряда следственных действий, связанных с окончанием следствия, в Ленинград выезжали заместитель прокурора СССР А. Я. Вышинский и следователь по важнейшим делам Прокуратуры СССР Л. Р. Шейнин. На самом же деле А. Я. Вышинский надзор за следствием не осуществлял, на очевидные факты неполноты следствия и необъективности расследования не реагировал. Более того, А. Я. Вышинский и Л. Р. Шейнин так же, как и работники НКВД, грубо нарушали законность и участвовали в фальсификации этого дела. В процессе предварительного следствия и суда А. Я. Вышинский поддерживал личный контакт с И. В. Сталиным и согласовывал с ним тексты наиболее важных документов.

В частности, по настоящему делу Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев и И. П. Бакаев по существу предъявленного им обвинения, как этого требует закон, не допрашивались. Из заявления же Л. Б. Каменева, приведенного выше, видно, что он категорически отвергал предъявленное ему обвинение. Ознакомление обвиняемых с материалами предварительного следствия фактически не производилось.

В архиве ЦК КПСС находится первоначальный вариант обвинительного заключения от 13 января 1935 г., в котором в соответствии с установленными следствием данными указывалось, что Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев виновными себя не признали, А. С. Куклин и А. М. Гертик отрицали свое участие в «московском центре», а А. В. Перимов и С. М. Гессен признали лишь свою связь с другими обвиняемыми.

Очевидно, организаторов судебного процесса по делу так называемого «московского центра» не удовлетворяла публикация в печати результатов предварительного следствия в таком виде. Поэтому Л. Б. Каменев, А. С. Куклин, А. М. Гертик и А. В. Перимов незаконно допрашивались по существу дела еще и 14 января

1935 г., то есть после окончания следствия и предания их суду. От Г. Е. Зиновьева же было получено «Заявление следствию», отпечатанное на пишущей машинке.

Имеющееся в судебном деле обвинительное заключение датировано 13 января 1935 г., но в него по сравнению с первоначальным вариантом внесены изменения и указано, что Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев виновными себя признали; А. С. Куклин и А. М. Гертик подтвердили свое участие в «московском центре», а А. В. Перимов и С. М. Гессен — в «зиновьевской к.-р. организации», хотя это не соответствует их показаниям.

Обвинительное заключение с внесенными в него исправлениями было объявлено Г. Е. Зиновьеву, Л. Б. Каменеву, А. С. Куклину, А. М. Гертику, С. М. Гессену и А. В. Перимову 16 января 1935 г., то есть на второй день судебного заседания. В этот же день оно было опубликовано в печати.

Как видно из вышеизложенного, указанные изменения могли быть внесены в обвинительное заключение не раньше 14 января 1935 г., то есть когда обвинительное заключение уже было утверждено судом и вручено подсудимым. Изменения в обвинительное заключение вносились работниками секретариата И. В. Сталина — К. Р. Герценбергом и А. Н. Поскребышевым, что подтверждается заключением графологической экспертизы и объяснением А. Н. Поскребышева, данным им в начале 60-х гг.

Подписав исправленное обвинительное заключение, прокурор СССР И. А. Акулов, А. Я. Вышинский и Л. Р. Шейнин датировали его задним числом. Этим самым они грубо нарушили закон и совершили служебный подлог.

В судебном заседании продолжалась дальнейшая фальсификация дела. Суд проходил в упрощенном порядке. Подсудимым не были разъяснены их права. Составом суда функции правосудия фактически не осуществлялись, поскольку заранее были определены и состав преступления подсудимых, и меры наказания, подлежавшие применению к ним. От подсудимых требовали в «целях укрепления единства партии» публично выступить с саморазоблачениями и признать антисоветскую деятельность всех участников бывшей «зиновьевской» оппозиции.

Бывший работник НКВД А. И. Кацафа, конвоировавший на суде Л. Б. Каменева, на допросе в 1956 г. показал, что в его присутствии, непосредственно перед открытием судебного заседания, помощник начальника секретно-политического отдела НКВД СССР А. Ф. Рутковский, проводивший следствие по делу, обратился к Л. Б. Каменеву со следующими словами: «Лев Борисович, Вы мне верьте, Вам будет сохранена жизнь, если Вы на суде подтвердите свои показания». На это Л. Б. Каменев ответил, что он ни в чем не виноват. А. Ф. Рутковский же ему заявил: «Учтите, Вас будет слушать весь мир. Это нужно для мира». Видимо, поэтому Л. Б. Каменев в судебном заседании и заявлял, что «здесь не юридический процесс, а процесс политический». А. С. Куклин суду заявил: «Я до вчерашнего дня не знал, что я действительно член

центра. Я вчера только услышал от Зиновьева, что я был членом центра». Никто из других подсудимых в своих показаниях не привел конкретных фактов, которые бы давали основания для признания их виновными в проведении подпольной антисоветской деятельности.

Таким образом, все осужденные по делу о так называемом «московском центре» лица, в прошлом являясь участниками троцкистско-зиновьевской оппозиции, к моменту ареста в декабре 1934 г. порвали с ней, и партийные органы и органы НКВД не располагали данными не только об их антисоветской, но и об антипартийной деятельности.

Проверкой установлено, что «московской контрреволюционной зиновьевской организации» и «московского центра» не существовало. В период 1928—1932 гг. осужденные поддерживали личные связи, во время встреч вели разговоры и по политическим вопросам, причем в ряде случаев высказывали критические суждения о переживаемых страной трудностях и относительно проводимых партией и правительством мероприятий, а также проявляли неприязненное отношение к некоторым руководителям партии и правительства, особенно к И. В. Сталину. Эти разговоры состава преступления не образуют.

Версия о том, что убийство С. М. Кирова совершено участниками «зиновьевской» оппозиции, была выдвинута И. В. Сталиным для расправы над бывшими оппозиционерами, в первую очередь «зиновьевцами». В связи с этим органами НКВД незаконно были арестованы Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и другие лица, в прошлом разделявшие оппозиционные взгляды. Стремясь доказать причастность последних к убийству С. М. Кирова, следственно-судебные работники фальсифицировали материалы следствия и допускали грубейшие нарушения законности в процессе предварительного и судебного следствия. В результате этого все подсудимые по настоящему делу были необоснованно признаны виновными и осуждены.

Обманывая партийные массы, И. В. Сталин материалы судебных процессов по делам «ленинградского» и «московского» центров довел до сведения всех организаций ВКП(б) в извращенном виде. На следующий день после суда, 17 января 1935 г., И. В. Сталин разослал членам Политбюро ЦК ВКП(б) составленный лично им текст закрытого письма ко всем организациям партии — «Уроки событий, связанных с злодейским убийством С. М. Кирова» — и предложил «сегодня же обсудить это дело и принять решение».

В этом письме, разосланном 18 января 1935 г. всем партийным организациям, как «неоспоримый факт» утверждалось, что убийство С. М. Кирова совершено «зиновьевским ленинградским центром», находившимся под идейным и политическим руководством «московского центра зиновьевцев», который «наверное знал о террористических настроениях ленинградского центра и разжигал эти настроения».

Делая вывод о том, что «зиновьевская фракционная группа была самой предательской и самой презренной... замаскированной формой белогвардейской организации», и утверждая, что главным методом своих отношений с партией «зиновьевцы» избрали путь двурушничества и обмана, И. В. Сталин в своем письме требовал, чтобы с ними обращались как с белогвардейцами, арестовывали и изолировали их, а также под предлогом необходимости повышения бдительности давал установки обратить внимание на деятельность бывших участников различных оппозиционных группировок.

Вскоре после суда Н. И. Ежов подготовил черновой вариант брошюры «От фракционности к открытой контрреволюции», отредактированной лично И. В. Сталиным. В этой брошюре без всяких оснований указывалось, что «зиновьевская контрреволюционная банда окончательно... избирает орудием своей борьбы против партии и рабочего класса террор», голословно утверждалось, что «зиновьевско-каменевские меньшевики... пытались обезглавить революцию, уничтожить товарища Сталина» и что они готовили «покушение параллельно на товарища Кирова и товарища Сталина», хотя в материалах судебного процесса «московского центра» о подготовке покушения на И. В. Сталина даже не упоминалось.

Содержащиеся в письме и в брошюре выводы в отношении «зиновьевцев» не соответствовали действительности. И. В. Сталиным и Н. И. Ежовым существо дела извращалось для того, чтобы продолжить начавшиеся после 1 декабря 1934 г. репрессии против бывших участников «зиновьевской» оппозиции, необоснованно возлагая на них в первую очередь ответственность за убийство С. М. Кирова. Уже 26 января 1935 г. И. В. Сталиным было подписано принятое опросом постановление Политбюро ЦК ВКП(б), которым предлагалось выслать из Ленинграда на север Сибири и в Якутию сроком на 3—4 года 663 «зиновьевца».

Этим же решением Политбюро группа бывших оппозиционеров — членов партии в количестве 325 человек была направлена из Ленинграда на работу в другие районы.

Весь ход последующих событий показал, что в результате создания искусственной версии об убийстве С. М. Кирова «подпольной зиновьевской организацией» были осуществлены политическая дискредитация и физическое уничтожение лиц, примыкавших в прошлом к антисталинской оппозиции, а затем развернулись массовые репрессии против руководящих кадров и ни в чем не повинных советских граждан — коммунистов и беспартийных.

Рассмотрев все обстоятельства дела так называемого «московского центра», Верховный суд СССР отменил приговор в отношении всех проходивших по нему лиц и дело прекратил за отсутствием в их действиях состава преступления.

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

«АНТИСОВЕТСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКИЙ ЦЕНТР»

Дело о так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» рассматривалось Военной Коллегией Верховного суда СССР 19—24 августа 1936 г. в открытом судебном заседании. Были преданы суду 16 человек. Большинство из них в прошлом были организаторами и активными участниками троцкистской и зиновьевской оппозиций, за что исключались из партии, арестовывались, находились в тюрьмах и в ссылке. 5 человек в прошлом являлись членами Компартии Германии. По этому делу к высшей мере наказания были осуждены Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов, И. П. Бакаев, С. В.Мрачковский, В. А. Тер-Ваганян, И. Н. Смирнов, Е. А. Дрейцер, И. И. Рейнгольд, Р. В. Пикель, Э. С. Гольцман, Фриц-Давид (И.-Д. И. Круглянский), В. П. Ольберг, К. Б. Берман-Юрин, М. И. Лурье, Н. Л. Лурье.

Эти лица, как сказано в приговоре, осуждены за проведение антисоветской, шпионской, вредительской и террористической деятельности, причастность к убийству С. М. Кирова и подготовку террористических актов против руководителей партии и правительства.

Тщательный анализ материалов дела показал, что осуждены они были необоснованно и незаконно. Пленум Верховного суда СССР в июне 1988 г. удовлетворил протест Генерального прокурора СССР, приговор отменил и дело прекратил за отсутствием состава преступления.

Коротко об участниках этого так называемого дела.

Зиновьев Григорий Евсеевич в партию вступил в 1901 г. В 1917—1926 гг. председатель Петроградского (Ленинградского) Совета. В 1919—1926 гг. входил в состав Политбюро ЦК партии, с 1919 по 1926 г. председатель Исполкома Коминтерна. В октябре 1926 г. выведен из Политбюро ЦК ВКП(б), в октябре 1927 г. выведен из состава ЦК, а в ноябре того же года за фракционную борьбу исключен из рядов партии. 22 июня 1928 г. в партии восстановлен по заявлению, поданному им в соответствии с решением XV съезда ВКП(б). В октябре 1932 г. Г. Е. Зиновьев вновь исключается из партии и направляется в ссылку по делу так называемого «союза марксистов-ленинцев». В декабре 1933 г. восстановлен членом ВКП(б), а через год, в связи с убийством С. М. Кирова, вновь исключен из партии и в январе 1935 г. по делу так называемого «московского центра» осужден к 10 годам лишения свободы.

Каменев Лев Борисович в партию вступил в 1901 г., в 1919—1926 гг. входил в состав Политбюро ЦК партии. В 1918—1926 гг. председатель Моссовета, а в 1922—1926 гг. заместитель и первый заместитель Председателя Совнаркома РСФСР, а затем — СССР, заместитель председателя и председатель Совета Труда и Обороны. В ноябре 1927 г. постановлением ЦК и ЦКК выведен из состава ЦК ВКП(б), а решением XV съезда партии за фракцион-

ную работу исключен из рядов партии. 22 июня 1928 г. в партии был восстановлен по заявлению, поданному им в соответствии с решением XV съезда ВКП(б). В октябре 1932 г. по делу так называемого «союза марксистов-ленинцев» Л. Б. Каменев вновь был исключен из партии и направлен в ссылку. В декабре 1933 г. восстановлен членом ВКП(б), а через год, в связи с убийством С. М. Кирова, вновь исключен из партии и осужден по делу так называемого «московского центра» к 5 годам лишения свободы. Вторично он был осужден 27 июля 1935 г. по так называемому «кремлевскому делу» и приговорен к тюремному заключению сроком на 10 лет.

Евдокимов Григорий Еремеевич в партию вступил в 1903 г. В годы гражданской войны начальник политотдела 7-й армии. Затем председатель Петроградского совета профсоюзов, секретарь Ленинградского губкома партии. В 1926—1927 гг. секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК. В ноябре 1927 г. выведен из состава ЦК, а решением XV съезда ВКП(б) исключен из партии за оппозиционную деятельность. В июне 1928 г. в рядах ВКП(б) восстановлен. В декабре 1934 г., в связи с убийством С. М. Кирова, из рядов ВКП(б) вновь исключен, а в январе 1935 г. осужден по процессу так называемого «московского центра» к 8 годам тюремного заключения.

Бакаев Иван Петрович в партию вступил в 1906 г. После Октябрьской революции на партийной работе в Петрограде. В 1925—1927 гг. член ЦКК ВКП(б). В ноябре 1927 г. выведен из состава ЦКК, а решением XV съезда ВКП(б) исключен из партии. В июне 1928 г. в соответствии с поданным заявлением, отвечающим требованиям XV съезда партии, в членах ВКП(б) восстановлен. Находился на хозяйственной работе. В декабре 1934 г., в связи с убийством С. М. Кирова, вновь исключается из партии. В январе 1935 г. был осужден по делу так называемого «московского центра» к 8 годам тюремного заключения.

Мрачковский Сергей Витальевич в партию вступил в 1905 г., активный участник гражданской войны, награжден двумя орденами Красного Знамени. В 1920—1925 гг. командующий Приуральским, а затем Западно-Сибирским военными округами. В сентябре 1927 г. за фракционную деятельность из партии исключен. В 1928 г. восстановлен в рядах ВКП(б) и назначен начальником строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. В 1933 г. вновь исключен из ВКП(б) в связи с делом так называемого «союза марксистов-ленинцев» и осужден к 5 годам лишения свободы.

Тер-Ваганян Вагаршак Арутюнович в партию вступил в 1912 г. В 1917 г. был секретарем Московского комитета партии. В 1918—1920 гг. член ВЦИК и Моссовета, затем ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма», научный сотрудник Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Исключался из партии XV съездом ВКП(б) за фракционную деятельность, через год был восстановлен. В 1933 г. вновь исключен из партии в связи с делом

так называемого «союза марксистов-ленинцев». В 1934 г. в партии был восстановлен, а в мае 1935 г. вновь исключен и выслан в Казахстан.

Смирнов Иван Никитич в партию вступил в 1899 г. В 1918—1920 гг. член Реввоенсовета Восточного фронта и 5-й армии, председатель Сибревкома. В 1923—1927 гг. народный комиссар почт и телеграфа СССР. За фракционную деятельность XV съездом ВКП(б) из партии исключен. В мае 1930 г. в партии восстановлен в связи с заявлением о прекращении оппозиционной деятельности. В 1933 г. вновь исключен из партии и по обвинению в антисоветской деятельности осужден к 5 годам тюремного заключения.

Дрейцер Ефим Александрович в партию вступил в 1919 г. В годы гражданской войны был комиссаром полка, бригады, дивизии. За заслуги в гражданской войне награжден двумя орденами Красного Знамени. До ареста работал заместителем директора завода «Магнезит» в Челябинской области. В 1928 г. исключался из партии за участие в оппозиции, восстановлен в 1929 г. Вновь исключен из партии в июле 1936 г. в связи с арестом по настоящему делу.

Рейнгольд Исаак Исаевич в партию вступил в 1917 г. После Октябрьской революции был наркомом финансов Литвы и Белоруссии, начальником управления Наркомфина СССР. До декабря 1934 г. работал заместителем наркома земледелия СССР. В 1927 г. исключен из ВКП(б) за фракционную деятельность, восстановлен в 1928 г. В январе 1935 г. Сокольническим РК ВКП(б) г. Москвы из партии исключен как «троцкист-двурушник» (так записано в постановлении).

Пикель Ричард Витольдович в партию вступил в 1917 г. Участник гражданской войны. Был на советской и партийной работе в Белоруссии. Работал в Исполкоме Коминтерна, заведовал секретариатом председателя Исполкома, являлся членом Союза писателей. В 1927 г. исключался из партии за принадлежность к оппозиции. В 1929 г. в партии восстановлен. Работал в учреждениях культуры. Вновь был исключен из партии в июне 1936 г. в связи с арестом по настоящему делу.

Гольцман Эдуард Соломонович в партию вступил в 1903 г. После революции находился на хозяйственной работе в Наркомате внешней торговли. Исключен из партии в мае 1936 г. в связи с арестом по настоящему делу.

Фриц-Давид, он же Круглянский Илья-Давид Израилевич, член Компартии Германии. В 1926 г. Исполкомом Коминтерна был направлен в Германию для нелегальной партийной работы. В 1933 г. прибыл в СССР и работал до ареста в июне 1936 г. в Исполкоме Коминтерна и консультантом в газете «Правда».

Ольберг Валентин Павлович являлся членом Компартии Германии. В 1932 г. за фракционную деятельность из партии исключен. Прибыл в СССР в июле 1935 г. и до ареста в январе 1936 г. работал преподавателем педагогического института в г. Горьком.

Берман-Юрин Конон Борисович с 1921 по 1923 г. являлся членом Компартии Латвии. В 1923—1933 гг. член Компартии Герма-

нии, работник партийных органов. В СССР прибыл в марте 1933 г. с согласия ЦК КПГ. С 1933 г. и до ареста в июне 1936 г. являлся редактором-консультантом иностранного отдела газеты «За индустриализацию».

Лурье Моисей Ильич, член Компартии Германии с 1922 г. За участие в троцкистской оппозиции из партии исключался, но был восстановлен и работал в Агитпропе ЦК КПГ. В марте 1932 г. с ведома ЦК КПГ приехал в СССР и работал вначале редактором в издательстве иностранных рабочих, а затем с 1933 г. профессор Московского университета.

Лурье Натан Лазаревич, член Компартии Германии, примыкал к троцкистской оппозиции. Прибыл в СССР в 1932 г. с согласия ЦК КПГ. До ареста в июне 1936 г. работал главным врачом на Центральном здравпункте Челябинского тракторного завода.

Следствие по делу велось с 5 января по 10 августа 1936 г.

С 10 по 14 августа 1936 г. всем обвиняемым было объявлено об окончании следствия. Однако со следственными материалами обвиняемые ознакомлены не были. Дело рассматривалось в открытом судебном заседании Военной Коллегии Верховного суда СССР с участием государственного обвинителя Прокурора СССР А. Я. Вышинского.

По приговору Военной Коллегии Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов, И. П. Бакаев, С. В. Мрачковский, В. А. Тер-Ваганян, И. Н. Смирнов были признаны виновными в том, что:

а) в соответствии с директивой Л. Д. Троцкого организовали объединенный троцкистско-зиновьевский террористический центр для совершения убийства руководителей ВКП(б) и Советского правительства;

б) подготовили и осуществили 1 декабря 1934 г. через ленинградскую подпольную террористическую группу злодейское убийство С. М. Кирова;

в) создали ряд террористических групп, подготовлявших убийство И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова, Л. М. Кагановича, Г. К. Орджоникидзе, С. В. Косиора и П. П. Постышева.

Е. А. Дрейцер, И. И. Рейнгольд, Р. В. Пикель, Э. С. Гольцман, Фриц-Давид (он же И.-Д. И. Круглянский), В. П. Ольберг, К. Б. Берман-Юрин, М. И. Лурье и Н. Л. Лурье были признаны виновными в том, что, будучи якобы членами подпольной троцкистско-зиновьевской террористической организации, являлись активными участниками подготовки убийства руководителей партии и правительства.

Все 16 подсудимых были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 25 августа 1936 г.

В процессе проверки обоснованности осуждения названных выше лиц были изучены следственные и судебные материалы дела «объединенного троцкистско-зиновьевского центра», материалы архивов ЦК КПСС и Исполкома Коминтерна, а также материалы, имеющиеся в Комитете государственной безопасности

СССР, в партийных и государственных архивах, объяснения и заявления советских граждан.

Факты свидетельствуют, что после убийства С. М. Кирова и прошедших в декабре 1934 г. и январе 1935 г. судебных процессов над зиновьевцами по так называемым ленинградскому и московскому «центрам» при личном участии И. В. Сталина было подготовлено закрытое письмо ЦК ВКП(б) «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова», обращенное ко всем организациям партии. В письме без всяких оснований огульно обвиняются все бывшие зиновьевцы в том, что они «стали на путь двурушничества, как главного метода своих отношений с партией... стали на тот же путь, на который обычно становятся белогвардейские вредители, разведчики и провокаторы». В связи с этим в письме давалась прямая директива об арестах зиновьевцев: «...в отношении двурушника нельзя ограничиваться исключением из партии,— его надо еще арестовать и изолировать, чтобы помешать ему подрывать мощь государства пролетарской диктатуры». Это письмо 17 января 1935 г. И. В. Сталин разослал членам Политбюро с просьбой в тот же день обсудить и принять решение. 18 января оно было разослано всем организациям партии. Вскоре по отношению к бывшим зиновьевцам начались массовые репрессии. По инициативе И. В. Сталина опросным порядком было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 января 1935 г. следующего содержания:

«О зиновьевцах.

а) Выслать из Ленинграда 663 зиновьевца на 3—4 года;

б) Группу бывших оппозиционеров, членов партии в количестве 325 чел. откомандировать из Ленинграда на работу в другие районы».

В январе — феврале 1935 г. органами НКВД в Ленинграде было арестовано 843 человека бывших зиновьевцев.

В период проведения следствия над этими арестованными И. В. Сталин и Н. И. Ежов искусственно создали версию о тесной связи зиновьевцев с троцкистами, об их совместном переходе к террору против руководителей партии и Советского правительства и об объединении на этой основе всей их контрреволюционной деятельности.

Указанная версия изложена в рукописи книги Н. И. Ежова «От фракционности к открытой контрреволюции», написанной в 1935 г. 17 мая 1935 г. автор направил И. В. Сталину письмо, в котором писал:

«Очень прошу просмотреть посылаемую работу. Это первая глава из книги о «зиновьевщине», о которой я с Вами говорил. Прошу указаний».

Ответственность за убийство С. М. Кирова в книге возлагалась на зиновьевцев, и одновременно утверждалось об их организационной связи с троцкистами. Н. И. Ежов писал:

«За все это время между зиновьевцами и троцкистами существовала теснейшая связь. Троцкисты и зиновьевцы регулярно информируют друг друга о своей деятельности. Нет никакого сомнения, что троцкисты были осведомлены и о террористической стороне деятельности зиновьевской организации. Больше того, показаниями отдельных зиновьевцев на следствии об убийстве т. Кирова и при последующих арестах зиновьевцев и троцкистов устанавливается, что последние тоже стали на путь террористических групп».

После выработки версии перехода троцкистов и зиновьевцев к террору в середине 1935 г. Н. И. Ежов дал задание активизировать преследование троцкистов, разыскать и ликвидировать якобы существующий, но пока нераскрытый центр троцкистов.

Органы НКВД усиленно стали проводить «разработку» бывших троцкистов, как находящихся на свободе, так и отбывающих заключение или ссылку.

5 января 1936 г. в г. Горьком при полном отсутствии данных, свидетельствовавших о преступной деятельности, был арестован прибывший из Германии на постоянное жительство в СССР В. П. Ольберг. Через месяц после ареста были получены его показания о том, что он прибыл в СССР из-за границы якобы со специальным заданием Л. Д. Троцкого для ведения контрреволюционной работы и организации террористического акта против И. В. Сталина. В качестве «завербованных» им «террористов» В. П. Ольберг, под давлением следователей, назвал большое количество своих сослуживцев — преподавателей и студентов Горьковского педагогического института. Все они были арестованы. Одновременно в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и других городах также были произведены аресты троцкистов по обвинению в контрреволюционной и террористической деятельности. Всего было арестовано более 100 человек.

9 февраля 1936 г. заместитель наркома внутренних дел Г. Е. Прокофьев направил местным органам НКВД следующую директиву:

«Имеющиеся в нашем распоряжении... данные показывают возросшую активность троцкистско-зиновьевского контрреволюционного подполья и наличие подпольных террористических формирований среди них. Ряд троцкистских и зиновьевских групп выдвигают идею создания единой контрреволюционной партии и создания единого организационного центра власти в СССР...

...Задачей наших органов,— говорилось далее в директиве,— является ликвидация без остатка всего троцкистско-зиновьевского подполья. Немедленно приступите к ликвидации всех... дел по троцкистам и зиновьевцам, не ограничиваясь изъятием актива, направив следствие на вскрытие подпольных к.-р. формирований, всех организационных связей троцкистов и зиновьевцев и вскрытие террористических групп».

После этого репрессии в отношении бывших троцкистов усилились. Количество арестованных к апрелю 1936 г. достигло 508 человек. Уже 23 февраля 1936 г. Г. Е. Прокофьев докладывал И. В. Сталину о том, что в Москве арестована группа бывших троцкистов: А. И. Шемелев — политредактор Главлита, И. И. Трусов — беспартийный, литературный сотрудник Комакадемии, и другие.

При обыске у И. И. Трусова был обнаружен и изъят личный архив Л. Д. Троцкого периода 1927 г. На сообщении об архиве И. В. Сталин наложил следующую резолюцию:

«**Молотову, Ежову.**

Предлагаю весь архив и другие документы Троцкого передать т. Ежову для разбора и доклада ПБ, а допрос арестованных вести НКВД совместно с т. Ежовым».

(27 февраля 1936 г. это предложение И. В. Сталина было оформлено постановлением Политбюро ЦК ВКП(б), принятым опросом.)

В марте 1936 г. Г. Г. Ягода доложил И. В. Сталину о ходе ликвидации «троцкистского подполья и выявлении террористических групп». Одновременно он внес предложение: троцкистов, якобы причастных к террору, предать суду и, применив к ним закон от 1 декабря 1934 г., всех расстрелять.

В связи с этим 31 марта 1936 г. И. В. Сталин поручил Г. Г. Ягоде и А. Я. Вышинскому дать более конкретный проект предложения о троцкистах, оформив это поручение следующим решением Политбюро ЦК:

«Всех арестованных НКВД троцкистов, уличенных следствием в причастности к террору, предать суду Военной Коллегии Верховного суда с применением к ним в соответствии с законом от 1. XII. 1934 г. расстрела. Обязать НКВД и Прокуратуру Союза по окончании следствия представить список лиц, подлежащих суду по закону от 1. XII. 1934 года».

На места была дана соответствующая директива НКВД, в которой указывалось:

«Основной задачей наших органов на сегодня является немедленное выявление и полнейший разгром до конца всех троцкистских сил, их организационных центров и связей, разоблачение и репрессирование всех троцкистов-двурушников...

Следствие по всем ликвидационным троцкистским делам ведите максимально быстро, ставя основной задачей следствия вскрытие и разгром всего троцкистского подполья, обнаружение и ликвидацию организационных центров, выявление и пресечение всех каналов связей с закордонным троцкистским руководством».

Одновременно с выявлением «троцкистского центра» органы НКВД проводили активную работу, чтобы доказать тезис об объединении троцкистов с зиновьевцами в совместной террористической деятельности. При допросах арестованных широко использовался вымышленный донос, согласно которому, по рассказам И. Н. Смирнова, в 1932 г. после переговоров между Л. Б. Каменевым, В. А. Тер-Ваганяном и Б. Ломинадзе был создан «объединенный центр», куда якобы вошли Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов, С. В. Мрачковский, Б. Ломинадзе и Л. А. Шацкин.

Выполняя личные указания И. В. Сталина о разработке более конкретных мер по усилению борьбы с троцкистами, Г. Г. Ягода и А. Я. Вышинский 19 июня 1936 г. представили ему список троцкистов в количестве 82 человек, якобы причастных к террору, и внесли предложение о предании их суду Военной Коллегии по закону от 1 декабря 1934 г., как участников антисоветской террористической организации.

В письме ставился вопрос о предании суду по этому закону Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева, как якобы организаторов террора, не выдавших на следствии и в суде по процессу так называемого «московского центра» террористов, продолжавших подготовку убийства руководителей ВКП(б). Однако И. В. Сталин не согласился с организацией процесса только над одними троцкистами. В июне 1936 г. он через Н. И. Ежова дал указание органам НКВД подготовить общий процесс и над троцкистами, и над зиновьевцами.

С этого времени следствие о троцкистах получило новое направление — началась активная работа по фабрикации дела об «объединенном троцкистско-зиновьевском центре». Как она велась, кто ее направлял, можно представить из выступления заместителя наркома внутренних дел Я. С. Агранова на совещании актива ГУГБ НКВД, которое проходило 19—21 марта 1937 г. (цитируется по неправленой стенограмме):

«**Агранов:** Я хочу рассказать, как удалось поставить на верные рельсы следствие по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра.

Неправильную антипартийную линию в этом деле занимали Ягода и Молчанов. Молчанов определенно пытался свернуть это дело, еще в апреле 1936 года упорно доказывая, что раскрытием террористической группы Шемелева, Сафоновой и Ольберга, связанных с И. Н. Смирновым, можно ограничиться, что это и есть троцкистский центр, а все остальные никакого отношения к делу не имеют... Молчанов старался опорочить и тормозить следствие по делам террористических организаций, которые были раскрыты Ленинградским и Московским управлениями...

При таком положении вещей полное вскрытие и ликвидация троцкистской банды была сорвана, если бы в это дело не вмешался ЦК (Сталин). А вмешался он следующим образом... По моему возвращению после болезни Ежов вызвал меня к себе на дачу. Надо сказать, что это свидание носило конспиративный характер. Ежов передал указание Сталина на ошибки, допускаемые следствием по делу троцкистского центра, и поручил принять меры, чтобы вскрыть троцкистский центр, выявить явно невскрытую террористическую банду и личную роль Троцкого в этом деле. Ежов поставил вопрос таким образом, что либо он сам созовет оперативное совещание, либо мне вмешаться в это дело. Указания Ежова были конкретны и дали правильную исходную нить к раскрытию дела.

Именно благодаря мерам, принятым на основе этих указаний Сталина и Ежова, удалось вскрыть зиновьевско-троцкистский центр. Однако развертывание следствия на основе новых данных проходило далеко не гладко. Прежде всего глухое, но упорное сопротивление оказывал Молчанов, который старался это дело свернуть. Пришлось обратиться к очень важным материалам, которые имелись в Управлении НКВД по Московской области в связи с показаниями Дрейцера, Пикеля и Э... (Эстерман). Это дало возможность сдвинуть следствие на новые рельсы».

Действительно, после состоявшегося между Н. И. Ежовым и Я. С. Аграновым разговора последний сам включился в следственную работу по созданию дела об «объединенном центре». 23 июля 1936 г. Я. С. Агранов лично, в присутствии ответственных работников НКВД А. П. Радзивиловского, Г. М. Якубовича и П. Ш. Симановского, произвел передопрос ранее арестованных — бывшего троцкиста Е. А. Дрейцера и бывшего зиновьевца Р. В. Пикеля — и сумел получить от них «показания» о том, что «объеди-

ненный центр» троцкистов и зиновьевцев был образован на террористической основе.

О том, что полученные Я. С. Аграновым показания от Е. А. Дрейцера и Р. В. Пикеля являлись ложными и вынужденными, свидетельствуют высказывания по этому поводу самого Я. С. Агранова и заместителя начальника Управления НКВД по Московской области А. П. Радзивиловского.

В заявлении на имя Н. И. Ежова от 20 декабря 1936 г. А. П. Радзивиловский сообщал, что троцкист Е. А. Дрейцер доставлен в Москву для допросов в мае 1936 г., а зиновьевец Р. В. Пикель был арестован несколько позже. Здесь же А. П. Радзивиловский пишет: «Исключительно тяжелая работа в течение трех недель над Дрейцером и Пикелем привела к тому, что они начали давать показания». Когда же показания Е. А. Дрейцера и Р. В. Пикеля были доложены Г. Г. Ягоде, то он, как сообщал уже в 1937 г. Я. С. Агранов, на показаниях о существовании «московского троцкистско-зиновьевского центра» написал «неверно», а на показаниях о том, что якобы Е. А. Дрейцер получил от Л. Д. Троцкого директиву об убийстве руководителей ВКП(б) и правительства, он написал «неправда» или просто «ложь». Об этом же говорил Н. И. Ежов на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г., заявив, что показания Е. А. Дрейцера, Фрица-Давида, М. И. Лурье и всех других Г. Г. Ягода считал чепухой и на протоколах допросов писал: «чепуха», «ерунда», «не может быть».

Несмотря на очевидную несостоятельность полученных от Е. А. Дрейцера и Р. В. Пикеля показаний, они были положены в основу создания дела по «объединенному центру», и, как заявил Я. С. Агранов, «это дало возможность, включив в следствие ряд новых работников, поставить дело на новые рельсы». Вскоре после этого следствие «добилось» необходимых признательных показаний от всех обвиняемых.

Об изложенных выше обстоятельствах возникновения дела об «объединенном троцкистско-зиновьевском центре» свидетельствует также выступление Н. И. Ежова на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г., где он говорил (цитируется по неправленой стенограмме):

«**Ежов.** Когда только началось следствие по этому делу...

Сталин. По какому делу?

Ежов. По делу раскрытия троцкистско-зиновьевского объединенного центра, оно началось с конца декабря 1935 года (первая записка была в 1935 году). В 1936 году оно начало понемножку разворачиваться, затем материалы первые поступили в Центральный Комитет, и, собственно говоря, цель-то поступления этих материалов в Центральный Комитет, как теперь раскрывается, была, поскольку напали на след эмиссара Троцкого, а затем обнаружили центр в лице Шемелева, Эстермана и других,— цель была вообще свернуть это дело. Тов. Сталин правильно тогда учуял в этом деле что-то неладное и дал указание продолжать его и, в частности, для контроля следствия назначили от

Центрального Комитета меня. Я имел возможность наблюдать все проведение следствия и должен сказать, что Молчанов все время старался свернуть это дело: Шемелева и Ольберга старался представить как эмиссаров-одиночек, провести процесс или суд и на этом кончить, и только. Совершенно недопустимо было то, что все показания, которые давались по Московской области Дрейцером, Пикелем, Эстерманом, т. е. главными закоперщиками, эти показания совершенно игнорировались, разговорчики были такие: какой Дрейцер, какая связь с Троцким, какая связь с Седовым, с Берлином, что за чепуха, ерунда и т. д. Словом, в этом духе были разговоры, и никто не хотел ни Дрейцера, ни Эстермана, ни Пикеля связывать со всем этим делом. Такие настроения были».

Выступая на упоминавшемся совещании актива ГУГБ НКВД, Н. И. Ежов указывал, что аресты этих лиц производились при отсутствии материалов об их преступной деятельности и что «следствие вынуждено ограничиваться тем, что оно нажимает на арестованного и из него выжимает». И, как он выражался, арестованных «брали на раскол».

Установлено, что следователи НКВД в целях получения признаний в проведении преступной деятельности применяли к арестованным незаконные меры воздействия. Из многочисленных заявлений арестованных, написанных ими во время ведения следствия, видно, какие методы применяли следователи на допросах и какими путями добивались ложных показаний.

Так, В. П. Ольберг после первых двух допросов 27 января 1936 г. написал следователю заявление следующего содержания: «После Вашего последнего допроса 25. I. меня охватил отчего-то ужасный, мучительный страх смерти. Сегодня я уже несколько спокойнее. Я, кажется, могу оговорить себя и сделать все, лишь бы положить конец мукам. Но я явно не в силах возвести на самого себя поклеп и сказать заведомую ложь, т. е. что я троцкист, эмиссар Троцкого и т. д. Я приехал в Союз по собственной инициативе, теперь — в тюрьме уже — я понял, что это было сумасшествие, преступление. Горько раскаиваюсь в нем. Я сделал несчастными не только себя, но и жену мою, брата. Теперь я понял, до чего неправилен был мой шаг, т. е. приезд в СССР по неверным данным и сокрытие моего троцкистского прошлого».

На следующий день В. П. Ольберг обратился с новым заявлением, в котором говорилось: «Очень прошу вызвать меня сегодня к себе. Кроме других вопросов, я хочу назвать имена лиц, которые смогут подтвердить мою невиновность в инкриминируемом мне обвинении».

Расследования этих заявлений не производились, и от суда они были скрыты. Сам же В. П. Ольберг впоследствии во всех предъявляемых ему обвинениях на допросах стал признавать себя виновным.

И. Н. Смирнов 8 мая 1936 г. в знак протеста против методов следствия объявил голодовку, которая длилась 13 дней.

В. А. Тер-Ваганян, протестуя против необоснованного ареста,

дважды объявлял голодовку, а затем порезал себе палец и кровью написал заявление: «Тов. Берман. Прошу сегодня все мои письма Сталину и Ягоде отправить. Потеряв надежду добиться выполнения Вами своего слова, с 12 часов перестал пить». В письме И. В. Сталину он писал о том, что решил покончить жизнь самоубийством: «Я обвиняюсь в терроре. Меня обвиняют в соучастии в подготовке террористических групп на основании показаний лиц, прямо причастных к этому делу. Люди эти клевещут, клевещут подло, мерзко, бесстыдно, их клевета шита белыми нитками, не стоит большого труда ее обнажить, мотив творцов этой лжи прозрачный. Тем не менее! Против этой очевидной лжи я бессилен. ...Клянусь священной памятью Ленина, я не имел никогда никакого отношения к террористическим речам и делам контрреволюционных бандитов и каннибалов...» Это письмо В. А. Тер-Ваганяна не было доведено до сведения суда, а 10 августа 1936 г., после просмотра обвинительного заключения, за 9 дней до начала судебного процесса, И. В. Сталин включил В. А. Тер-Ваганяна в число обвиняемых по данному процессу как одного из активных организаторов «объединенного троцкистско-зиновьевского центра».

А. Н. Сафонова — бывшая жена И. Н. Смирнова, выступавшая по данному делу в качестве свидетеля (впоследствии осужденная за троцкистскую деятельность), в своем объяснении от 14 июня 1956 г. в КГБ СССР и Прокуратуру СССР сообщила, что ею и другими обвиняемыми на следствии и в суде были даны ложные показания. Она указывает, что во время допросов работники НКВД применяли методы морального воздействия, требовали показаний о преступной деятельности, якобы необходимых в интересах партии. «Вот под знаком этого понимания,— указывала А. Н. Сафонова,— что этого требует партия и мы обязаны головой ответить за убийство Кирова, мы пришли к даче ложных показаний, не только я, но и все другие обвиняемые». Вместе с тем она сообщила о том, что следователь угрожал ей, заявляя, что если она будет упорствовать в даче показаний, то он примет меры к аресту ее сестры, высылке ее детей, а также применит к ней физические меры принуждения. Следователь, сообщала А. Н. Сафонова, говорил, что показания, которые ей называют в процессе следствия, она должна подтверждать независимо от того, верны они или нет, потому что это так надо для партии. «Так было на предварительном следствии,— писала А. Н. Сафонова,— а на суде это усугублялось присутствием иностранных корреспондентов, и все мы, зная, что последние могут использовать наши показания во вред Советскому государству, не могли сказать правду».

В результате воздействия следователей, заявляла А. Н. Сафонова, ее показания, а также показания С. В. Мрачковского, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Г. Е. Евдокимова и В. А. Тер-Ваганяна, которые они дали на предварительном следствии и в суде, на 90 процентов не соответствуют действительности.

Методы, которыми пользовались следователи, особенно ярко видны из заявления Л. А. Шацкина, написанного им 22 октября

1936 г. на имя И. В. Сталина. Л. А. Шацкин был арестован по обвинению в принадлежности к «объединенному троцкистско-зиновьевскому центру». В заявлении он сообщил, что ему предъявлено тягчайшее обвинение в причастности к террористическому заговору, в чем он неповинен. «Не оспаривая законности подозрения следствия и понимая, что следствие не может верить на слово, я все же считаю,— писал Л. А. Шацкин,— что следствие должно тщательно и объективно проверить имеющиеся, по словам следствия, соответствующие показания. Фактически следствие лишило меня элементарных возможностей опровержения ложных показаний. Лейтмотив следствия: «Мы вас заставим признаться в терроре, а опровергать будете на том свете».

Далее Л. А. Шацкин пишет:

«Вот как допрашивали меня. Главный мой следователь Гендин составил текст моего признания в терроре на четырех страницах (причем включил в него разговоры между мной и Ломинадзе, о которых у него никаких, в том числе и ложных, данных быть не может). В случае отказа подписать это признание мне угрожали: расстрелом без суда или после пятнадцатиминутной формальной процедуры заседания Военной Коллегии в кабинете следователя, во время которой я должен буду ограничиваться только односложными ответами «да» и «нет», организованным избиением в уголовной камере Бутырской тюрьмы, применением пыток, ссылкой матери и сестры в Колымский край. Два раза мне не давали спать по ночам: «пока не подпишешь». Причем во время одного сплошного двенадцатичасового допроса ночью следователь командовал: «Встать, очки снять!» и, размахивая кулаками перед моим лицом: «Встать! Ручку взять! Подписать!» и т. д. Я отнюдь не для того привожу эти факты, чтобы протестовать против них с точки зрения абстрактного гуманизма, а хочу лишь сказать, что такие приемы после нескольких десятков допросов, большая часть которых посвящена ругательствам, человека могут довести до такого состояния, при котором могут возникнуть ложные показания. Важнее, однако, допросов: следователь требует подписания признания именем партии и в интересах партии».

К осени 1936 г. фальсификация протоколов допросов стала более откровенной. Была введена система составления парадных протоколов — после ряда допросов в отсутствие арестованного составлялся протокол, печатался на машинке и в таком виде давался арестованному на подпись. 3 марта 1937 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) Н. И. Ежов заявил (цитируется по неправленой стенограмме): «Я должен прямо сказать, что существовала такая практика: прежде чем протокол давать на подпись обвиняемому, его вначале просматривал следователь, потом передавал начальству повыше, а важные протоколы доходили даже до наркома. Нарком вносил указания, говорил, что надо записывать так, а не эдак, а потом протокол давали подписывать обвиняемому».

Все следователи обязаны были знакомиться с массой признательных показаний о терроре и на этой основе формировать свое «правосознание». Мысль о терроре «вколачивалась» в сознание всех работников. Систематические внушения об опасности, якобы со всех сторон угрожающей жизни И. В. Сталина, вызвали напряженное состояние, которое нарастало с каждым днем. Н. И. Ежов непосредственно осуществлял контроль за следствием по делу «объединенного центра», ходил на допросы и, как говорили тогда, «завинчивал гайки». Арестованные подвергались длитель-

ным ночным допросам. По настоятельному требованию Н. И. Ежова следствие не должно было вестись в «лайковых перчатках», он заставлял «не церемониться с троцкистами».

По сути провокационную роль при расследовании дел сыграл А. Я. Вышинский. На совещаниях, проявляя крайнюю суровость по отношению к следователям, он призывал добиваться прямых показаний от арестованных о терроре. При анализе показаний требовал более острых политических выводов и обобщений, а по существу — фальсификации дел.

Бывший сотрудник НКВД Г. С. Люшков, принимавший активное участие в расследовании дела, бежав в 1938 г. за границу, сделал там следующее заявление:

«Я до последнего времени совершал большие преступления перед народом, так как я активно сотрудничал со Сталиным в проведении его политики обмана и терроризма. Я действительно предатель. Но я предатель только по отношению к Сталину... Таковы непосредственные причины моего побега из СССР, но ими только дело не исчерпывается. Имеются и более важные и фундаментальные причины, которые побудили меня так действовать.

Это то, что я убежден в том, что ленинские принципы перестали быть основой политики партии. Я впервые почувствовал колебания со времени убийства Кирова Николаевым в конце 1934 года. Этот случай был фатальным для страны так же, как и для партии. Я был тогда в Ленинграде. Я не только непосредственно занимался расследованием дела об убийстве Кирова, но и активно принимал участие в публичных процессах и казнях, проводившихся после кировского дела под руководством Ежова. Я имел отношение к следующим делам:

1. Дело так называемого ленинградского террористического центра в начале 1935 года.

2. Дело террористического центра о заговоре против Сталина в Кремле в 1935 году.

3. Дело так называемого троцкистско-зиновьевского объединенного центра в августе 1936 года.

Перед всем миром я могу удостоверить с полной ответственностью, что все эти мнимые заговоры никогда не существовали и все они были преднамеренно сфабрикованы. Николаев, безусловно, не принадлежал к группе Зиновьева. Он был ненормальный человек, страдавший манией величия. Он решил погибнуть, чтобы стать историческим героем. Это явствует из его дневника.

На процессе, проходившем в августе 1936 года, обвинения в том, что троцкисты через Ольберга были связаны с германским гестапо, обвинения против Зиновьева и Каменева в шпионаже, обвинения в том, что Зиновьев и Каменев были связаны с так называемым «правым центром» через Томского, Рыкова и Бухарина,— полностью сфабрикованы. Зиновьев, Каменев, Томский, Рыков и Бухарин и многие другие были казнены как враги Сталина, противодействовавшие его разрушительной политике.

Сталин использовал благоприятную возможность, представившуюся в связи с делом Кирова, для того, чтобы избавиться от этих людей посредством фабрикации обширных антисталинских заговоров, шпионских процессов и террористических организаций.

Так Сталин избавлялся всеми мерами от политических противников и от тех, кто может стать ими в будущем. Дьявольские методы Сталина приводили к падению даже весьма искушенных и сильных людей. Его мероприятия породили много трагедий. Это происходило не только благодаря истерической подозрительности Сталина, но и на основе его твердой решимости избавиться от всех троцкистов и правых, которые являются политическими оппонентами Сталина и могут представить собой политическую опасность в будущем...»

Таким образом, признательные показания обвиняемых на следствии и в суде о принадлежности к «объединенному центру»

и в проведении террористической деятельности объясняются применением к арестованным незаконных методов следствия. Кроме того, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, В. А. Тер-Ваганян и другие, подвергавшиеся уже ранее репрессиям — неоднократным арестам, допросам, одиночным камерам, ссылкам, тюремному заключению, в период следствия и суда по настоящему делу находились в подавленном моральном и физическом состоянии. Доведенные до морального и физического истощения, они стали к обвинениям относиться безразлично и потому «признавать» их.

Характерным в этом смысле является «признание» своей вины Л. Б. Каменевым. Когда в судебном заседании А. Я. Вышинский сделал вывод о том, что Л. Б. Каменев, как один из организаторов «объединенного троцкистско-зиновьевского центра», вынужден был признать себя виновным в террористической деятельности, оказавшись перед «стеной улик», то в ответ на это Л. Б. Каменев заявил, что он признал себя виновным не потому, что против него имелись улики, а **«потому, что, будучи арестованным и обвиненным в этом преступлении, я его признал».**

Характерны и показания в судебном заседании И. Н. Смирнова:

«**Вышинский.** Когда же Вы вышли из «центра»?

Смирнов. Я и не собирался выходить, не из чего было.

Вышинский. Центр существовал?

Смирнов. Какой там центр».

О моральном и физическом истощении Г. Е. Зиновьева свидетельствуют его тюремные письма. В записях, обращенных к И. В. Сталину, он писал:

«**10 апреля 1935 г.** Еще в начале января 1935 года в Ленинграде в ДПЗ секретарь ЦК тов. Ежов, присутствовавший при одном из моих допросов, сказал мне: «Политически Вы уже расстреляны».

Я знаю, что и физическое мое существование во всяком случае кончается. Один я чувствую и знаю, как быстро и безнадежно иссякают мои силы с каждым часом, да и не может быть иначе после того, что со мной случилось...

14 апреля 1935 г. При всех обстоятельствах мне осталось жить во всяком случае очень недолго: вершок жизни какой-нибудь, не больше.

Одного я должен добиться теперь: чтобы об этом последнем вершке сказали, что я осознал весь ужас случившегося, раскаялся до конца, сказал Советской власти абсолютно все, что знал, порвал со всем и со всеми, кто был против партии, и готов был все, все, все сделать, чтобы доказать свою искренность.

В моей душе горит одно желание: доказать Вам, что я больше не враг. Нет того требования, которого я не исполнил бы, чтобы доказать это... Я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели же Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом, что я понял все, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение...

1 мая 1935 г. Ну где взять силы, чтобы не плакать, чтобы не сойти с ума, чтобы продолжать жить...

6 мая 1935 г. Если бы я мог надеяться, что когда-нибудь мне будет дано хоть в малой степени загладить свою вину. В тюрьме со мной обращаются гуманно, меня лечат и т. д. Но я стар, я потрясен. За эти месяцы я состарился на 20 лет. Силы на исходе.

...Помогите. Поверьте. Не дайте умереть в тюрьме. Не дайте сойти с ума в одиночном заключении».

10 июля 1935 г. Г. Е. Зиновьев обращается с запиской в НКВД:

«Товарищи! Родные!

Дело не только в лишении свободы, болезнях и прочее. Дело прежде всего в моральном факторе. Я убит. Я совершенно убит. И хоть некоторое время я мог бы протянуть только в концлагере с возможностью работы и передвижения».

Будучи доставлен из Челябинской тюрьмы в Москву в качестве обвиняемого по настоящему делу, Г. Е. Зиновьев 12 июля 1936 г. пишет И. В. Сталину письмо:

«Состояние мое совсем плохое. Я боюсь, что не доеду.

Горячая просьба: издать мою книгу, написанную в В. Уральске. Она не кончена (не успел), но все-таки главное сказано. Писал ее кровью сердца.

И еще, если смею просить: о семье своей, особенно о сыне. Вы знали его мальчиком. Он талантливый марксист, с жилкой ученого. Помогите им.

Всей душой теперь Ваш — Г. Зиновьев».

И наконец, за день до суда, 18 августа 1936 г., Г. Е. Зиновьев пишет, что в связи с поставленными ему следствием вопросами он просит добавить к своим предыдущим показаниям ряд дополнительных данных о якобы проводившейся террористической деятельности «объединенным центром». Получение подобного письма от Г. Е. Зиновьева за день до суда свидетельствует о том, что до последнего момента работники НКВД постоянно воздействовали на него, с тем чтобы он не имел возможности отказаться от данных им ранее показаний.

В тяжелом физическом и моральном состоянии находился и С. В. Мрачковский. 23 апреля 1936 г. его жена писала в НКВД, что состояние С. В. Мрачковского тяжелое, врачи нашли у него заболевание нервов и нервных узлов. Но, несмотря на тяжелое болезненное состояние С. В. Мрачковского и длительное его пребывание в больнице, следователи НКВД производили допросы и добивались от него нужных им показаний. Из материалов следственного дела видно, что из 7 протоколов допросов, имеющихся в деле, 6 протоколов были заранее заготовлены и отпечатаны на машинке. Все эти протоколы С. В. Мрачковским подписаны без единой помарки. Только на вопрос о связях с заграничным троцкистским центром он отвечал: «Я прошу предъявить мне Ваши доказательства существования связи нашей организации с Л. Троцким».

Как показывают имеющиеся материалы, И. В. Сталин постоянно оказывал воздействие на ход предварительного следствия и судебного процесса.

Еще до окончания следствия и начала судебного процесса в местные партийные комитеты 29 июля 1936 г. от имени ЦК ВКП(б) было послано закрытое письмо «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». В этом письме утверждалось, что Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев якобы были не только вдохновителями террористической деятельности против руководителей партии и правительства, но и авторами прямых указаний об убийстве С. М. Кирова. «Равным образом,— говорится в письме,— считается теперь установленным, что зиновьевцы проводили свою террористическую практику в прямом блоке с Троцким и троцкистами».

Далее в письме утверждалось, что:

«Сергей Миронович Киров был убит по решению объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока...

Объединенный центр троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока своей основной и главной задачей ставил убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева».

Установлено, что в конце июля 1936 г. Н. И. Ежов проект этого письма направил И. В. Сталину со следующей запиской:

«Тов. Сталину. Посылаю проект Закрытого письма ЦК ВКП(б) ко всем организациям партии о террористической деятельности троцкистско-зиновьевско-каменевской контрреволюционной группы.

Для перепроверки изложенных в письме фактов я их зачитал тт. Агранову и Молчанову».

В сохранившемся машинописном экземпляре проекта этого письма и в его сигнальном типографском экземпляре имеются многочисленные исправления и добавления, сделанные рукой И. В. Сталина. В проекте письмо носило название «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевско-каменевской контрреволюционной группы». И. В. Сталин внес изменение — «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». То есть повысил меру ответственности обвиняемых как участников якобы вполне организованного блока.

На странице 2 проекта письма предложение «до конца не были еще вскрыты все факты подлой контрреволюционной белогвардейской деятельности троцкистско-зиновьевско-каменевской группы» он переделал следующим образом: «...до конца не были еще вскрыты все факты подлой контрреволюционной белогвардейской деятельности зиновьевцев, равно как не была вскрыта роль троцкистов в деле убийства тов. Кирова». На этой же странице И. В. Сталин вписывает новое предложение — «Равным образом считается установленным, что зиновьевцы проводили свою террористическую практику в прямом блоке с Троцким и троцкистами».

На странице 14 проекта предложение «объединенный центр троцкистско-зиновьевско-каменевской контрреволюционной группы своей основной и главной задачей ставил убийство товарища Сталина» также было изменено и стало выглядеть так: «Объединенный центр троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока своей основной и главной задачей ставил убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора и Постышева».

Указанное письмо предопределило дальнейший ход следствия и судебного процесса, которые велись в направлении закрепления выдвинутых в нем утверждений об организации в 1932 г. и существовании до 1936 г. «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» и якобы проводившейся им террористической деятельности. Кроме того, для А. Я. Вышинского и В. В. Ульриха (председателя Военной Коллегии Верховного суда СССР) это письмо явилось основой для составления обвинительного заключения и приговора суда. Все содержащиеся в письме утверждения — об объединении троцкистов с зиновьевцами, об убийстве С. М. Ки-

рова и об организации террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства — были перенесены в обвинительное заключение и в приговор.

Первый вариант обвинительного заключения А. Я. Вышинским был составлен сразу же после появления этого закрытого письма. 7 августа 1936 г., еще задолго до окончания расследования по делу, А. Я. Вышинский по требованию И. В. Сталина представил ему этот вариант с числом обвиняемых в 12 человек. Корректируя его, И. В. Сталин зачеркнул в показаниях обвиняемых Г. Е. Зиновьева, С. В. Мрачковского и И. П. Бакаева оценки положения в партии и стране. В текст обвинительного заключения он внес ряд поправок и изменений. Так, в предложение: «...было осуществлено 1-го декабря 1934 г. по прямому указанию Л. Троцкого и под непосредственным руководством объединенного центра злодейское убийство тов. С. М. Кирова» — И. В. Сталин вписал: «...по прямому указанию Г. Зиновьева и Л. Троцкого...» На полях страницы 16 проекта дважды дописал фамилию «Лурье».

В соответствии с указанием этот текст обвинительного заключения был А. Я. Вышинским переделан, и в новом его варианте в качестве обвиняемых уже значились, кроме упомянутых ранее 12 обвиняемых, М. И. Лурье и Н. Л. Лурье. Что касается М. И. Лурье, то в первом варианте обвинительного заключения он назывался как один из троцкистов, якобы переброшенных из Германии в СССР для совершения террористических актов. Однако о привлечении его в качестве обвиняемого по делу «объединенного центра» вопрос не ставился. Н. Л. Лурье в первом случае вообще не упоминался.

Как установлено, М. И. Лурье и Н. Л. Лурье в 1932 г. прибыли в СССР с согласия ЦК Компартии Германии, и данных о какой-либо их антисоветской деятельности у следствия вообще не имелось. Несмотря на это, в новом тексте обвинительного заключения им были предъявлены обвинения как руководителям групп, готовивших террористические акты.

Исправленный текст обвинительного заключения с числом обвиняемых уже не 12, а 14 человек 10 августа 1936 г. вновь был представлен И. В. Сталину. После просмотра текст был опять переделан, и в качестве обвиняемых, кроме названных ранее лиц, в него были включены Г. Е. Евдокимов и В. А. Тер-Ваганян. Оба они стали проходить в качестве активных членов «объединенного центра». В ранее представлявшихся проектах обвинительных заключений от 7 и 10 августа 1936 г. в составе «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» их имен не было, а Г. Е. Евдокимов до 10 августа 1936 г. вообще по делу не допрашивался.

Л. М. Кагановичу, замещавшему И. В. Сталина на время его отпуска, неоднократно представлялись на согласование составленные до окончания судебного заседания председателем Военной Коллегии Верховного суда В. В. Ульрихом различные варианты проектов приговора по делу. После рассмотрения Л. М. Кагановичем последнего варианта приговора в него были вновь внесены

поправки. На странице 3 в число лиц, над которыми якобы готовились террористические акты, Л. М. Каганович внес собственную фамилию, а на странице 7 дописал фамилию Г. К. Орджоникидзе.

Вносимые И. В. Сталиным и Л. М. Кагановичем произвольные изменения в тексты обвинительного заключения и приговора свидетельствуют о том, что исход дела и судьба лиц, привлеченных к уголовной ответственности по нему, были предопределены задолго до суда.

Согласно сфабрикованным обвинениям, основой для создания так называемого «объединенного центра» послужили показания о получении из-за границы указаний Л. Д. Троцкого о терроре. Однако эти показания никакими документальными доказательствами и другими объективными данными не подтверждались. Более того, в силу их надуманности они противоречивы и неконкретны.

В подтверждение вывода о переходе троцкистов и зиновьевцев к тактике террора против руководителей ВКП(б) в обвинительной речи А. Я. Вышинского содержится ссылка на открытое письмо Л. Д. Троцкого в Президиум ЦИК СССР, опубликованное 1 марта 1932 г. в издававшемся за границей бюллетене. В письме Л. Д. Троцкий пишет о необходимости осуществить завещание В. И. Ленина — убрать И. В. Сталина. Эта ссылка не может быть принята во внимание буквально как доказательство. К тому же Л. Д. Троцкий в статье, опубликованной в бюллетене 15 октября 1932 г., разъяснил этот свой тезис, заявив, что «лозунг «убрать Сталина» не означает его физического устранения...». Никаких других данных о террористических директивах Л. Д. Троцкого, кроме показаний осужденных, в распоряжении следствия и суда не имелось. Показания же осужденных, как отмечалось выше, являются несостоятельными, противоречивыми, сделанными явно по подсказке следствия.

В материалах обвинения утверждается, что «объединенный троцкистско-зиновьевский центр» создан с целью террора против руководителей ЦК ВКП(б) и Советского правительства. В соответствии с этим положением во время следствия работники НКВД «получили» от арестованных показания о том, что в различных городах Советского Союза, в том числе в Москве, Ленинграде и Горьком, а также в Красной Армии были созданы многочисленные террористические организации с целью убийства И. В. Сталина и других руководителей партии и Советского правительства. На основании этого в 1936 г. было арестовано и расстреляно более 160 человек, якобы принимавших участие по заданию «объединенного центра» в подготовке террористических актов. Несмотря на применение к арестованным незаконных мер воздействия, многие из них виновными себя не признали. Как установлено, эти дела «террористов» созданы были искусственно. В настоящее время судебными органами эти дела пересмотрены и осужденные по ним лица полностью реабилитированы.

В качестве обвиняемых по делу были также привлечены прибывшие в 1932—1935 гг. в СССР К. Б. Берман-Юрин, Фриц-

Давид (И.-Д. И. Круглянский), М. И. Лурье и Н. Л. Лурье. Несмотря на то что они не состояли в контактах с обвиняемыми по так называемому «объединенному троцкистско-зиновьевскому центру», они тем не менее были осуждены по одному делу с Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым, И. Н. Смирновым и другими. Все они обвинялись в том, что будто бы по заданию Л. Д. Троцкого прибыли в СССР с целью совершения террористических актов. На следствии и в суде они «признали» себя виновными в террористической деятельности, однако их показания также содержат в себе явные противоречия, они неконкретны и неправдоподобны.

Перед отъездом в СССР, показывали К. Б. Берман-Юрин и Фриц-Давид, в марте 1933 г. они в Копенгагене якобы встречались с Л. Д. Троцким, который дал им задание убить И. В. Сталина. Однако в списках лиц, посетивших Л. Д. Троцкого в Копенгагене, К. Б. Берман-Юрин и Фриц-Давид не значатся.

М. И. Лурье тоже показывал, что в марте 1933 г. перед поездкой из Берлина в Москву он получил указание Л. Д. Троцкого о подготовке убийства И. В. Сталина. М. И. Лурье также говорил, что по прибытии в Москву он лично давал указания Н. Л. Лурье о подготовке этого террористического акта. В свою очередь и Н. Л. Лурье давал «показания», что является террористом и собирался убить И. В. Сталина, Г. К. Орджоникидзе и Л. М. Кагановича. Но и эти показания М. И. Лурье и Н. Л. Лурье не соответствовали действительности.

М. И. Лурье на допросах предъявленное обвинение в терроре длительное время категорически отрицал, а затем начал говорить об активной подготовке терактов совместно с Н. Л. Лурье. Н. Л. Лурье на допросах в июне 1936 г. показывал, что, будучи членом Компартии Германии в 1927—1929 гг., разделял троцкистские взгляды, а с апреля 1932 г. до июля 1933 г. состоял в троцкистской организации в Москве, но террористических взглядов не поддерживал. Однако на допросе 10 июля 1936 г. Н. Л. Лурье вдруг дал показания, что в Москве готовил террористические акты против И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова, а в Челябинске, где он работал врачом, готовился убить Г. К. Орджоникидзе и Л. М. Кагановича в случае их приезда на Челябинский тракторный завод. Далее Н. Л. Лурье показал, что он 5 раз с револьвером приезжал из Челябинска в Москву, надеясь встретить кого-либо из руководителей партии и правительства и совершить против них террористический акт. Револьвер же, как говорил Н. Л. Лурье, при последнем приезде в Москву у него был похищен вместе с чемоданом. Он также показывал, что в 1936 г. имел поручение от М. И. Лурье убить в Ленинграде на первомайской демонстрации А. А. Жданова, но совершить этого акта не смог, так как во время демонстрации проходил в колонне далеко от трибуны. По показаниям Н. Л. Лурье, он четыре года пытался совершить убийство кого-либо из руководителей ЦК ВКП(б) и Советского правительства, однако никакого оружия у него обнаружено не было, и вопрос о якобы имевшихся у него пистолетах органами НКВД не выяснялся.

Таким образом, обвинение осужденных по настоящему делу лиц в организации террористических актов против руководителей ЦК ВКП(б) и Советского правительства является необоснованным, оно не подтверждено никакими данными. Показания же самих осужденных являются надуманными, данными ими в условиях применения незаконных методов следствия и пребывания их в состоянии физического и морального истощения. (Следует отметить, что после окончания открытых процессов над бывшими оппозиционерами сотрудники НКВД, принимавшие участие в расследовании настоящего дела, были причислены к различным антисоветским заговорам и уничтожены.)

Установлено, таким образом, что после 1927 г. бывшие троцкисты и зиновьевцы организованной борьбы с партией не проводили, между собой ни на террористической, ни на другой основе не объединялись, а дело об «объединенном троцкистско-зиновьевском центре» искусственно создано органами НКВД по прямому указанию и при непосредственном участии И. В. Сталина.

Выдвинутые по делу обвинения об организации «объединенным центром» убийства С. М. Кирова и о подготовке его участниками террористических актов против И. В. Сталина и других руководителей партии и правительства являются абсолютно несостоятельными. Также несостоятельны обвинения против К. Б. Бермана-Юрина, Фрица-Давида (И.-Д. И. Круглянского), В. П. Ольберга, М. И. Лурье и Н. Л. Лурье, якобы приехавших из-за границы по заданию Л. Д. Троцкого и занимавшихся на территории СССР контрреволюционной террористической деятельностью.

В силу изложенного приговор Военной Коллегии Верховного суда СССР от 24 августа 1936 г. по делу так называемого «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в июне 1988 г. пленумом Верховного суда СССР и был отменен, а все осужденные реабилитированы с прекращением дела за отсутствием в их действиях состава преступления.

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС
Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
Прокуратура СССР
Комитет государственной безопасности СССР

Приложение

ЗАКРЫТЫЕ ПИСЬМА ЦК ВКП(б)

Публикуемые закрытые письма преследовали цель «идеологического обеспечения» репрессивной политики 30-х гг. Первое письмо написано сразу же после процесса по делу так называемого «московского центра». Характерным для этого письма является придание действиям или заявлениям политических оппонентов характера организованного антисоветского выступления, что давало возможность обвинить их в уголовных преступлениях и приговорить к различным срокам тюремного заключения. Во втором письме, которое отражает нарастание и ужесточение политики репрессий, поставленные на одну доску троцкисты и зиновьевцы рассматривались

уже как злейшие враги Советской власти, которые должны быть физически уничтожены. *Тексты публикуются с сохранением орфографии и пунктуации оригиналов.*

СЕКРЕТНО

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО ЦК ВКП(б)

Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. КИРОВА
Ко всем организациям партии

Теперь, когда очаг злодеяния — зиновьевская антисоветская группа — разгромлена до конца, а виновники злодеяния уже понесли должное наказание,— ЦК считает, что настало время подвести итог событиям, связанным с убийством тов. **Кирова,** дать им политическую оценку и извлечь уроки, вытекающие из анализа этих событий.

Настоящее письмо ЦК ВКП(б) имеет своей целью облегчить партийным кадрам выполнение этой именно итоговой задачи.

I. ФАКТЫ

Необходимо прежде всего отметить установленные следствием и судом следующие неоспоримые факты:

1) Злодейское убийство совершено ленинградской группой зиновьевцев, именовавшей себя «Ленинградским центром»;

2) идейным и политическим руководителем «Ленинградского центра» был «Московский центр» зиновьевцев, который не знал, по-видимому, о подготовлявшемся убийстве т. Кирова, но наверное знал о террористических настроениях «Ленинградского центра» и разжигал эти настроения;

3) отличаясь друг от друга настолько же, насколько могут отличаться вдохновители злодеяния от исполнителей злодеяния, оба эти «центра» составляли одно целое, ибо их об'единяла одна общая истрепанная, разбитая жизнью троцкистско-зиновьевская платформа и одна общая беспринципная чисто карьеристская цель — дорваться до руководящего положения в партии и правительстве и получить во что бы то ни стало высокие посты;

4) потеряв доверие рабочего класса благодаря своей реакционной платформе и лишив себя возможности рассчитывать на какую бы то ни было поддержку партийных масс, зиновьевцы ради достижения своих преступных целей скатились в болото контрреволюционного авантюризма, в болото антисоветского индивидуального террора, наконец — в болото завязывания связей с латвийским консулом в Ленинграде, агентом немецко-фашистских интервенционистов;

5) чтобы скрыть от партии свои преступные дела и сохранить вместе с тем свои партийные билеты, дающие доступ во все учреждения и ко всем руководителям партии, зиновьевцы стали на путь двурушничества, как главного метода своих отношений с партией, маскируя свои злодейские дела клятвами и заявлениями о верности партии и преданности Советской власти, то-есть стали на тот же путь, на который обычно становятся белогвардейские вредители, разведчики и провокаторы, когда они хотят проникнуть в наш стан, втереться в доверие и напакостить там;

6) двурушничество зиновьевцев, прикрытое партбилетами, облегчило им возможность подготовки и совершения злодейского убийства тов. Кирова;

7) недостаточная бдительность Ленинградской организации, особенно же невнимательное отношение и прямая халатность к элементарным требованиям охраны со стороны органов Наркомвнудела в Ленинграде, получивших с разных сторон за месяц до убийства тов. Кирова сообщения о готовящемся покушении на тов. Кирова и не принявших никаких серьезных мер охраны,— затруднили партии и правительству возможность предупредить злодейское убийство.

Таковы неоспоримые факты, установленные следствием и судом.

II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Как могло случиться, что партия не заметила существования разветвленной контрреволюционной группы зиновьевцев, а Ленинградская парторганизация и, особенно, органы Наркомвнудела в Ленинграде не только проглядели контрреволюционно-террористическую «работу» «Ленинградского центра», но не приняли необходимых мер охраны даже после того, когда они получили от разных лиц предупреждения о готовящемся покушении на тов. Кирова?

Следует иметь в виду, что зиновьевская контрреволюционная группа в том ее виде, в каком она раскрылась в результате следствия и суда, представляет нечто совершенно новое, не имеющее прецедента в истории нашей партии. В истории нашей партии бывало немало фракционных группировок. Эти группировки обычно добивались того, чтобы противопоставить свои взгляды линии партии и защищать их открыто перед партией. Но история нашей партии не знает ни одной группировки, которая бы ставила своей задачей скрывать свои взгляды и прятать свое политическое лицо, которая бы клялась лицемерно в верности линии партии и вместе с тем подготовляла террористические покушения против представителей партии. Группа Зиновьева оказалась единственной в истории нашей партии группой, которая сделала двурушничество своей заповедью и скатилась в болото контрреволюционного терроризма, маскируя свои черные дела неоднократными заявлениями в печати и на с'езде партии о преданности партии. Партии и ее руководству трудно было предположить, что старые члены партии вроде Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева могут пасть так низко и смешаться в конце концов с белогвардейской сворой.

Что касается Ленинградской парторганизации и особенно органов Наркомвнудела в Ленинграде, то они оказались в некоторых своих звеньях зараженными тем опасным для дела благодушием и той недопустимой для большевика халатностью в отношении вопросов охраны, которые исходят из неправильного предположения о том, что с ростом наших успехов, а значит, и с ростом неудач наших врагов последние становятся будто бы все более и более ручными, безобидными, что — следовательно — нет никаких оснований опасаться того, что доживающие последние дни враги нашей партии могут пойти на террор, как на «последнее средство».

Партия давно уже провозгласила, что чем сильнее становится СССР и чем безнадежнее положение врагов, тем скорее могут скатиться враги — именно ввиду их безнадежного положения — в болото террора, что ввиду этого необходимо всемерно усиливать бдительность наших людей. Но эта истина осталась, очевидно, для некоторых наших товарищей в Ленинграде тайной за семью печатями.

Чем же иначе об'яснить тот факт, что, несмотря на предупредительные сигналы со стороны ряда товарищей насчет готовящегося покушения на тов. Кирова, органы Наркомвнудела в Ленинграде сочли излишним принять необходимые меры охраны?

Чем же иначе об'яснить тот факт, что убийца т. Кирова изверг Л. Николаев, за 3 недели до совершения убийства задержанный у автомобиля тов. Кирова, когда он кинулся в сторону тов. Кирова при подходе последнего к автомобилю,— не был даже обыскан ввиду того, что Николаев пред'явил чекистам партийный билет? Разве трудно понять чекисту, что партбилет можно подделать или украсть у его владельца, что сам по себе партбилет без проверки его подлинности, особенно же без проверки его пред'явителя — не может служить достаточной гарантией, когда имеешь дело с подозрительным человеком, ведущим себя более чем подозрительно при подходе тов. Кирова к дожидавшему его автомобилю? Куда девалась бдительность?..

Может показаться странным и неестественным, что роль исполнителей террора, как последнего средства борьбы умирающих буржуазных классов против Советской власти, взяли на себя выродки нашей партии, члены зиновьевской группы. Но если присмотреться к делу поближе, легко понять, что в этом нет ничего ни странного, ни неестественного. В такой большой партии, как наша, не трудно укрыться нескольким десяткам и сотням выродков, порвавших с партией Ленина и ставших по сути дела сотрудниками белогвардейцев.

Разве Малиновский, выходец из рабочего класса, бывший член Думской фракции большевиков в 1913 году,— не был провокатором? А что такое «большевик» — провокатор, как не выродок нашей партии, как не предатель нашей большевистской партии? А ведь Малиновский был не единственным провокатором в нашей партии.

Разве Зиновьев и Каменев, бывшие раньше ближайшими учениками и сотруд-

никами Ленина, не вели себя как выродки, как предатели нашей партии, когда они в октябре 1917 года перед восстанием, а потом и после восстания — выступали открыто и прямо пред лицом буржуазии против своего учителя Ленина и его партии? Как же иначе назвать это предательское их поведение, как не поведением выродков и врагов нашей партии? А ведь Зиновьев и Каменев были не единственными членами нашей партии, заслужившими звание выродков и врагов нашей партии.

Установлено, что брат расстрелянного в Ленинграде небезызвестного Владимира Румянцева, одного из столпов ленинградских зиновьевцев — Анатолий Румянцев в 1919 году во время наступления генерала Юденича на Ленинград перешел на сторону Юденича, расстреливал там пленных коммунистов, командовал белогвардейскими частями против Красной армии под Ленинградом и вообще пакостил, как только мог, причем когда он в результате разгрома Юденича вернулся в Ленинград в 1920 году и стал добиваться приема в партию, брат его, Владимир Румянцев, член нашей партии, член зиновьевской группы, не только не разоблачил его перед партией, как белогвардейца и врага рабочего класса, а наоборот — помог ему всем своим авторитетом влезть в партию. Спрашивается: велика ли разница между завзятым белогвардейцем Анатолием Румянцевым и братом его Владимиром Румянцевым, членом нашей партии, одним из лидеров зиновьевской группы в Ленинграде, организовавшей злодейское убийство т. Кирова? Не ясно ли, что Владимир Румянцев, укрывавший своего брата белогвардейца и протащивший его в партию путем обмана партии,— сам давно уже, задолго до убийства т. Кирова, стал белогвардейцем и врагом нашей партии?

Установлено, что брат убийцы тов. Кирова Леонида Николаева, члена зиновьевской группы в Ленинграде — Петр Николаев представлял законченный тип белогвардейца, дважды дезертировал из Красной армии, жил нелегально в Ленинграде, якшался там с открытыми белогвардейцами, ходил с револьвером в руках и искал случая убить хотя бы кого-либо из ответственных работников партии, чтобы перебраться потом через границу и укрыться там от карающей руки Советской власти, причем член партии и член зиновьевской группы Леонид Николаев не только не разоблачил его перед органами Советской власти, а наоборот — укрывал его на своей квартире, снабдил его револьвером и обещал достать ему паспорт в случае его бегства заграницу. Не ясно ли, что между открытым белогвардейцем Петром Николаевым и братом его Леонидом Николаевым, членом зиновьевской группы в Ленинграде, а впоследствии — убийцей тов. Кирова, не осталось никакой разницы, что Леонид Николаев задолго до убийства тов. Кирова был уже врагом партии и белогвардейцем чистой воды?

Что же тут удивительного или неестественного в том, что именно В. Румянцев и Л. Николаев, эти выродки нашей партии, имевшие богатый опыт по обману партии и укрывательству своих белогвардейских родичей от карающей руки Советской власти,— оказались в роли исполнителей контрреволюционных вожделений белогвардейской своры?

Нельзя считать случайностью, что выродки вроде В. Румянцева и Л. Николаева вкупе с их друзьями из таких же выродков вроде Котолынова * и Шатского свили себе гнездо именно в зиновьевской группе. Только зиновьевская группа с ее ненавистью к партруководству, с ее предательством и двурушничеством в партии, с ее безпринципностью в политике, с ее готовностью итти на все средства борьбы и всякие жульнические комбинации,— только такая мелкобуржуазная контрреволюционная группа могла считать «своими» выродков типа Румянцева — Николаева — Котолынова — Шатского, только такая подлая группа могла состряпать для этих выродков «подходящую» идеологию, могущую служить «оправданием» их белогвардейских дел.

Ибо — что такое зиновьевская антипартийная группа, поскольку окончательно выяснилась ее физиономия из материалов следствия и суда?

Ленинизм требует, чтобы члены партии были верными сынами своей партии, преданными ей до конца. А зиновьевцы подменили все это в своей практике изменой в отношении партии и предательством в отношении ее интересов, жульнически

---

* В сохранившихся документах написание этой фамилии различно. Так, в личном листке по учету кадров Ленинградского физико-механического института значится — «Котолынов», а в партийных документах тех лет «Каталынов». Видимо, поэтому в публикуемых письмах эта фамилия имеет разночтения. Правильно — Котолынов. *Ред.*

прикрываясь, как маской, словесными заверениями о своей верности и преданности партии.

Ленинизм требует, чтобы члены партии были принципиальными в политике и правдивыми в отношении партии. А зиновьевцы превратили свои заверения о принципиальности и правдивости перед партией в маску, прикрывающую их политическую безпринципность и двурушничество, лицемерие и обман партии.

Ленинизм считает, что меньшинство не должно пытаться навязать свою волю большинству партии, что меньшинство должно безусловно подчиняться большинству, ибо в этом основа демократического централизма. Зиновьевцы же, наоборот, исходят из того, что меньшинство имеет право навязать свою волю большинству партии, хотя бы путем насилия, хотя бы путем террора. И это называется у них внутрипартийной демократией!

Ленинизм высказывается против индивидуального террора. А зиновьевцы считают, что если индивидуальный террор и непригоден в отношении буржуазии, то его вполне можно допустить в отношении ответственных работников партии.

Вот вам некоторые, наиболее бросающиеся в глаза черты зиновьевской антисоветской группы.

Разве не ясно, что только такая подлая группа могла приютить, «воспитывать» и растлить окончательно выродков типа Николаева, Румянцева, Котолынова, Шатского?

Разве не ясно, что только «воспитанники» этой подлой группы, имевшие к тому же членские билеты, дающие им доступ во все партийные учреждения,— могли представлять наиболее удобное орудие для выполнения террористических вожделений контрреволюционной буржуазии и ее фашистско-белогвардейской агентуры?

III. ВЫВОДЫ

Из изложенного вытекают следующие основные выводы:

1) Зиновьевская антипартийная группа является единственной в истории нашей партии группой, которая в своей практике превратила двурушничество в систему. История нашей партии знает немало фракционных группировок. Их отличительная черта состояла в том, что они не скрывали своих разногласий с партией, не скрывали своих взглядов и открыто отстаивали их перед партией. Только последние 7—8 лет, когда политическая победа партии и правильность ее линии стали слишком очевидными, а безнадежность позиции всех и всяких антипартийных групп — слишком несомненными, остатки старых фракционных групп стали скрывать свои взгляды и частично переходить на путь двурушничества. Зиновьевская группа является единственной группой, которая не только скрывает свои разногласия с партией, но открыто и систематически шельмовала свою собственную платформу и клялась в своей верности партии, лишь бы войти в доверие и обмануть партию. Тот факт, что гнусный убийца Николаев оказался иудой-предателем с партийным билетом в кармане, а лица, вдохновлявшие его на чудовищное преступление, не только прикрывались званием членов партии, но клялись открыто в верности партии и ее ЦК,— этот факт с несомненностью говорит о том, что двурушничество было тем единственным символом веры, который признавала и проводила до конца зиновьевская группа.

Зиновьевская фракционная группа была самой предательской и самой презренной из всех фракционных групп в истории нашей партии.

2) Зиновьевская фракционная группа является единственной в истории нашей партии группой, которая сочла возможным прибегнуть к террору, как методу борьбы против партии и ее руководства. История нашей партии знает немало фракционных группировок. В борьбе этих группировок против линии партии, как и в борьбе партии против этих группировок применялся обычно один метод: выяснение разногласий, формулировка разногласий, закрытая дискуссия внутри руководящих партийных органов, открытая дискуссия в печати и на партийных собраниях, голосование и подсчет голосов, подчинение меньшинства большинству, наконец — уход из партии тех, которые не считали возможным подчиниться большинству партии, либо исключение из партии наиболее неисправимых фракционеров, ломавших дисциплину и единство партии. История нашей партии не знает ни одного примера, чтобы фракционные группировки в отношении партии или партия в отношении фракционных группировок пытались применить террор. История нашей партии не знает ни одного примера, чтобы группировка, оставшаяся в меньшинстве, пыталась навязать свою волю

большинству партии путем насилия, путем террора, чтобы она пыталась применять террор в отношении представителей большинства партии. Зиновьевская фракционная группа является единственной в истории нашей партии группой, которая, обанкротившись вконец и лишившись всякой поддержки партийных масс, скатилась на этот презренный, белогвардейский путь.

Зиновьевская фракционная группа была, по сути дела, замаскированной формой белогвардейской организации, вполне заслуживающей того, чтобы с ее членами обращались, как с белогвардейцами.

3) При нынешних условиях полной и решительной победы линии партии, когда открытая борьба с политикой партии стала явно безнадежной, двурушничество является тем злом, которое только и может поддерживать и прикрывать существование антипартийных элементов внутри партии. Задача состоит в том, чтобы вытравить и искоренить это зло без остатка. Двурушник не есть только обманщик партии. Двурушник есть вместе с тем разведчик враждебных нам сил, их вредитель, их провокатор, проникший в партию обманом и старающийся подрывать основы нашей партии, следовательно, основы нашего государства, ибо подрывать мощь нашей партии, являющейся правящей партией, значит подрывать мощь нашего государства. Поэтому в отношении двурушника нельзя ограничиваться исключением из партии,— его надо еще арестовать и изолировать, чтобы помешать ему подрывать мощь государства пролетарской диктатуры.

4) Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрыжкой правого уклонизма, уверявшего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозейстовать. Не благодушие нужно нам, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за «крайнее средство», как единственное средство обреченных в их борьбе с Советской властью. Надо помнить это и быть бдительными. События, связанные с убийством тов. Кирова, показывают, что непонимание этой истины сыграло злую шутку с работниками Наркомвнудела в Ленинграде. Пусть это послужит нам уроком. Это не значит, конечно, что нужно охаивать огульно ленинградских работников Наркомвнудела. Но это несомненно значит, что надо им помогать систематически как людьми, так и советами, будить и заострять их бдительность, подымать и укреплять их боевую готовность. Ибо надо иметь в виду, что Ленинград является единственным в своем роде городом, где больше всего осталось бывших царских чиновников и их челяди, бывших жандармов и полицейских, что эти господа, расползаясь во все стороны, разлагают и портят наши аппараты, а близость границ, облегчающая возможность укрыться от преследований, создает у преступных элементов чувство безнаказанности, что именно ввиду этого большевистская бдительность является той путеводной звездой, которая должна освещать дорогу прежде всего и в особенности именно ленинградским работникам.

5) Нужно поставить на должную высоту преподавание истории партии среди членов партии, изучение всех и всяких антипартийных группировок в истории нашей партии, их приемов борьбы с линией партии, их тактики и — тем более — изучение тактики и приемов борьбы нашей партии с антипартийными группировками, тактики и приемов, давших нашей партии возможность преодолеть и разбить наголову эти группировки. Нужно, чтобы члены партии были знакомы не только с тем, как партия боролась и преодолевала кадетов, эсеров, меньшевиков, анархистов, но и с тем, как партия боролась и преодолевала троцкистов, «демократических централистов», «рабочую оппозицию», зиновьевцев, правых уклонистов, право-левацких уродов и т. п. Нельзя забывать, что знание и понимание истории нашей партии является важнейшим средством, необходимым для того, чтобы обеспечить полностью революционную бдительность членов партии.

18 января 1935 г.

Центральный Комитет Всесоюзной
Коммунистической партии (большевиков)

СОВ. СЕКРЕТНО

Экз. №

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО ЦК ВКП(б)

О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока.

Обкомам, крайкомам, ЦК нацкомпартий, горкомам, райкомам ВКП(б).

18 января 1935 года ЦК ВКП(б) направил закрытое письмо ко всем организациям партии об уроках событий, связанных с злодейским убийством товарища Кирова.

В этом письме сообщалось, что злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова, как это было установлено судом и следствием, совершено ленинградской группой зиновьевцев, именовавшей себя «ленинградским центром». В письме говорилось также о том, что «идейным и политическим руководителем ленинградского центра был московский центр зиновьевцев, который не знал, повидимому, о подготовлявшемся убийстве тов. Кирова, но наверное знал о террористических настроениях «ленинградского центра» и разжигал эти настроения».

Как известно, тогда Зиновьев и Каменев признали свою вину только в разжигании террористических настроений, заявив, что они несут за убийство С. М. Кирова лишь моральную и политическую ответственность.

Однако, как теперь выяснилось, полтора года назад, во время следствия по делу об убийстве С. М. Кирова, до конца не были еще вскрыты все факты подлой контрреволюционной белогвардейской террористической деятельности зиновьевцев, равно как не была вскрыта роль троцкистов в деле убийства тов. Кирова.

На основании новых материалов НКВД, полученных в 1936 году, можно считать установленным, что Зиновьев и Каменев были не только вдохновителями террористической деятельности против вождей нашей партии и правительства, но и авторами прямых указаний как об убийстве С. М. Кирова, так и готовившихся покушениях на других руководителей нашей партии, и в первую очередь на т. Сталина.

Равным образом считается теперь установленным, что зиновьевцы проводили свою террористическую практику в прямом блоке с Троцким и троцкистами.

В связи с этим ЦК ВКП(б) считает необходимым информировать партийные организации о новых фактах террористической деятельности троцкистов и зиновьевцев.

Какова фактическая сторона дела, вскрытая за последнее время?

I. ФАКТЫ

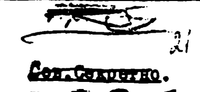
1. **После убийства С. М. Кирова, в течение 1936 г., органами НКВД вскрыт ряд террористических групп троцкистов и зиновьевцев в Москве, Ленинграде, Горьком, Минске, Киеве, Баку и других городах.**

Подавляющее большинство участников этих террористических групп во время следствия призналось в том, что основной своей задачей они ставили подготовку террористических актов против руководителей партии и правительства.

2. **Руководство разблаченными группами троцкистов и зиновьевцев и всей их террористической деятельностью в СССР осуществлялось блоком троцкистов и зиновьевцев.**

Блок троцкистской и зиновьевско-каменевской группы сложился в конце 1932 года после переговоров между вождями контрреволюционных групп, в результате чего возник объединенный центр в составе — от зиновьевцев — Зиновьева, Каменева, Бакаева, Евдокимова, Куклина и — от троцкистов — в составе Смирнова И. Н., Мрачковского и Тер-Ваганяна.

Главным условием объединения обеих контрреволюционных групп было взаимное признание террора в отношении руководителей партии и правительства, как единственного и решающего средства пробраться к власти.



Экз...

Сов. Секретно.

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО ЦК ВКП(б)

О ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО

КАМЕНЕВСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ГРУППЫ блока

Обкомам, Крайкомам, ЦК нацкомпартий, горкомам, райкомам

Ко всем организациям партии.

18 января 1935 года ЦК ВКП(б) направил закрытое письмо ко всем организациям партии об уроках событий, связанных с злодейским убийством товарища Кирова.

Таким образом, теперь полностью доказано, что Троцкий, Зиновьев и Каменев непосредственно подготовляли и организовывали убийство товарища Сталина.

5. Одновременно с подготовкой убийства товарища Сталина объединенный центр троцкистско-зиновьевско-каменевской группы готовил также убийство т.т. Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора и Постышева.

Но троцкистско-зиновьевский центр не ограничивался организацией убийства одного лишь т. Сталина. Он ставил

Троцкистско-зиновьевско-каменевский центр расчитывал, что одновременное убийство ряда руководителей партии в Москве, Ленинграде и на Украине расстроит ряды ВКП(б), вызовет панику в стране и позволит Троцкому, Зиновьеву и Ка-

своей задачей одновременное убийство других руководителей партии — Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева.

Фотокопия фрагментов правки, сделанной И. В. Сталиным на проекте закрытого письма ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 г. Подлинник хранится в архиве ЦК КПСС

С этого времени, т. е. с конца 1932 года, троцкисты и зиновьевцы всю свою враждебную деятельность против партии и правительства сосредоточили главным образом на организации террористической работы и осуществлении террора в отношении виднейших руководителей партии, и в первую очередь в отношении товарища Сталина.

Факты террористической деятельности раскрытых троцкистских и зиновьевских контрреволюционных групп настолько неопровержимы, что они заставили даже вождей этих террористических групп полностью признать все их белогвардейские злодеяния.

Так, например, допрошенный в связи с раскрытыми террористическими группами Зиновьев на следствии 23—25 июля 1936 года признал следующее:

«Я действительно являлся членом об'единенного троцкистско-зиновьевского центра, организованного в 1932 году.

Троцкистско-зиновьевский центр ставил главной своей задачей убийство руководителей ВКП(б), и в первую очередь убийство Сталина и Кирова. Через членов центра И. Н. Смирнова и Мрачковского центр был связан с Троцким, от которого Смирновым были получены прямые указания по подготовке убийства Сталина».

(Г. Зиновьев. Протокол допроса от 23—25 июля 1936 г.).

Другой член контрреволюционной зиновьевской группы — Каменев, подробно рассказывая об организации троцкистско-зиновьевского блока и практическом плане центра, на следствии 23 июля 1936 года показал:

«...мы, т. е. зиновьевский центр контрреволюционной организации, состав которой был мною назван выше, и троцкистская контрреволюционная организация в лице Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна договаривались в 1932 году об об'единении обеих, т. е. зиновьевской и троцкистской, контрреволюционных организаций для совместной подготовки совершения террористических актов против руководителей ЦК, в первую очередь против Сталина и Кирова.

Главное заключается в том, что и Зиновьев, и мы — я, Каменев, Евдокимов, Бакаев и троцкистские руководители Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян, в 1932 году решили, что единственным средством, с помощью которого мы можем надеяться на приход к власти, является организация совершения террористических актов против руководителей ВКП(б), в первую очередь против Сталина.

На этой именно базе террористической борьбы против руководителей ВКП(б) и велись переговоры между нами и троцкистами об об'единении».

(Л. Каменев. Протокол допроса от 23—24 июля 1936 г.).

На вопрос о том, были ли доведены в 1932 году переговоры между зиновьевско-каменевской и троцкистской группами до конца, Каменев на следствии ответил:

«Переговоры с троцкистами об об'единении троцкистской и зиновьевской контрреволюционной организации мы довели до конца, и между нами, т. е. зиновьевским центром в лице Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева и Куклина, и троцкистским центром в лице Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна был заключен блок о совместной борьбе против ВКП(б) путем, как я уже показал выше, террора против руководителей ВКП(б)».

(Л. Каменев. Протокол допроса от 23—24 июля 1936 г.).

Таким образом, Зиновьев и Каменев, об'единяясь с Троцким, считали, что самое главное заключается в единодушном признании того нового, чем отличается вновь созданный ими блок от предыдущего. Это новое, по показаниям зиновьевцев — Л. Каменева, Рейнгольда И. И., Пикеля Р. В., Бакаева И. П. и троцкистов Мрачковского С. В., Дрейцера Е. А. и других, — состояло в признании целесообразности активных террористических действий против руководства партии и правительства.

С этим положением Зиновьева и Каменева Троцкий был не только согласен, но в свою очередь считал основным условием об'единения троцкистов и зиновьевцев признание обеими группами целесообразности террора против вождей нашей партии и правительства.

Об отношении Троцкого к созданию об'единенного троцкистско-зиновьевского блока и условиях об'единения известный троцкист и один из ближайших соратников Троцкого — Мрачковский С. В.— на следствии показал:

«В середине 1932 года И. Н. Смирнов поставил перед нашей руководящей тройкой вопрос о необходимости об'единения нашей организации с группами Зиновьева — Каменева и Шацкина — Ломинадзе. Тогда же было решено запросить по этому поводу Троцкого и получить от него новые указания. Троцкий ответил согласием на создание блока, при условии принятия об'единившимися в блок группами вопроса о необходимости насильственного устранения вождей ВКП(б), и в первую очередь Сталина».

(Мрачковский. Протокол допроса от 19—20 июля 1936 г.).

О том, что троцкисты и зиновьевцы своей главной задачей ставили террористическую борьбу против руководителей ВКП(б) и правительства, дали показания и все остальные арестованные видные троцкисты и зиновьевцы, например Бакаев, Рейнгольд, Сафонова, Пикель, Дрейцер и другие.

Таким образом, неопровержимым фактом является то, что троцкисты и зиновьевцы уже несколько лет как об'единились на платформе индивидуального белогвардейского террора против вождей партии и Советского правительства и прибегают к методам, которыми до сих пор пользовались озлобленные остатки белоэмигрантщины, организованные в террористические организации типа «РОВСа», «Союза русских фашистов», «Фашистского союза молодежи» и т. п.

3. **Сергей Миронович Киров был убит по решению об'единенного центра троцкистско-зиновьевского блока.** Вся практическая работа по организации покушения была возложена на члена об'единенного центра — Бакаева. В помощь Бакаеву центр выделил работавшего в Ленинграде видного зиновьевца Карева, который был близко связан лично с Зиновьевым.

В результате решения об'единенного центра в Ленинграде было организовано несколько троцкистских и зиновьевских террористических групп, в том числе группа Румянцева — Каталынова — Николаева, которая и совершила убийство Кирова.

О том, что убийство Кирова совершено по решению об'единенного троцкистско-зиновьевского центра, на следствии показывают большинство активных участников террористических групп, в том числе Зиновьев, Каменев, Бакаев, Карев и другие.

Так, например, Зиновьев на следствии показал следующее:

«Я также признаю, что участникам организации Бакаеву и Кареву от имени об'единенного центра мною была поручена организация террористических актов над Сталиным в Москве и Кировым в Ленинграде.

Это поручение мною было дано в Ильинском осенью 1932 года».

(Зиновьев. Протокол допроса от 23—25 июля 1936 г.).

Другой руководитель об'единенного блока — Каменев — на вопрос следователя: знал ли он о решении центра убить товарища Сталина и С. М. Кирова — ответил следующее:

«Да, вынужден признать, что еще до совещания в Ильинском Зиновьев сообщил мне о намечавшихся решениях центра троцкистско-зиновьевского блока о подготовке террористических актов против Сталина и Кирова. При этом он мне заявил, что на этом решении категорически настаивают представители троцкистов в центре блока — Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян, что у них имеется прямая директива по этому поводу от Троцкого и что они требуют практического перехода к этому мероприятию в осуществление тех начал, которые были положены в основу блока».

И далее:

«Я к этому решению присоединился, так как целиком его разделял».

(Каменев. Протокол допроса от 23—24 июля 1936 г.).

Помощник Бакаева по Ленинграду в деле организации покушения на Кирова Карев Н. А. на следствии тоже подтвердил полученное от об'единенного центра по-

ручение. Он показал, что, будучи в середине августа 1932 года на даче у Зиновьева в Ильинском и принимая участие в состоявшемся там совещании, получил следующее поручение Зиновьева:

«Зиновьев сообщил, что на основе признания террора основным средством борьбы с существующим партийным руководством — зиновьевским центром установлен контакт с руководителями троцкистской организации в Союзе Иваном Никитичем Смирновым и Мрачковским и что есть решение об'единенного троцкистско-зиновьевского центра об организации террористических актов над Сталиным в Москве и Кировым в Ленинграде. Зиновьев сказал, что подготовка террористических актов над Сталиным и Кировым поручена Бакаеву, который должен использовать для этих целей свои связи с зиновьевскими группами в Ленинграде и Москве.

Мне Зиновьев также предложил в свою очередь подбирать из близких руководимой мною в Академии наук в Ленинграде организации людей, способных осуществить террористический акт над Кировым».

(Карев Н. А. Протокол допроса от 5 июня 1936 г.).

И далее он сообщает, что в разговоре с Бакаевым там же в Ильинском он узнал следующее:

«...при разговоре с Бакаевым я узнал, что последний намерен использовать для организации террористического акта над Кировым существующие в Ленинграде и связанные с ним — Бакаевым — зиновьевские группы Румянцева и Каталынова».

Главный организатор покушения — Бакаев — также сознался в том, что ему было поручено центром организовать убийство товарища Сталина и С. М. Кирова.

После состоявшегося решения центра троцкисты и зиновьевцы развивают интенсивную деятельность по организации покушения на Кирова. В июне 1934 года Каменев специально выехал в Ленинград для проверки подготовленности организации террористического акта над товарищем Кировым. Каменев связался тогда с руководителем одной из террористических групп в Ленинграде — Яковлевым М. Н., которому от имени об'единенного центра дал указание форсировать подготовку убийства Кирова. Зиновьев также всячески форсирует совершение убийства Кирова, упрекая участников террористических групп в медлительности и нерешительности.

Так, например, один из участников террористической группы, арестованный зиновьевец Моторин Н. М., бывший личный секретарь Зиновьева, показал, что осенью 1934 года он был в Москве и посетил Зиновьева, которого информировал о том, как идет подготовка террористического акта над Кировым во исполнение полученных им через Бакаева указаний от Зиновьева.

Он говорит:

«Зиновьев мне указал, что подготовка террористического акта должна быть всемерно форсирована и что к зиме Киров должен быть убит. Он упрекал меня в недостаточной решительности и энергии и указал, что в вопросе о террористических методах борьбы надо отказаться от предрассудков».

(Моторин Н. М. Протокол допроса от 30 июня 1936 г.).

4. **Об'единенный центр троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока своей основной и главной задачей ставил убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева.** Решение об убийстве товарища Сталина было принято одновременно с решением об убийстве тов. Кирова. С этой целью центром было организовано в Москве несколько строго законспирированных террористических групп. Для об'единения деятельности этих групп всесоюзным троцкистско-зиновьевским центром был создан московский центр в составе зиновьевцев — Бакаева, Рейнгольда, Пикеля и троцкистов — Мрачковского и Дрейцера. Непосредственная организация убийства товарища Сталина была возложена на Бакаева. На следствии Бакаев признал свою роль непосредственного организатора террористических актов.

Он показал:

«Я признаю, что мне лично Зиновьев поручил организовать убийство товарища Сталина в Москве».

И далее:

«По указанию Зиновьева к организации террористического акта над Сталиным мною были привлечены зиновьевцы Рейнгольд, Богдан и Файвилович, которые дали согласие принять участие в террористическом акте.

Наряду с нами убийство Сталина готовили И. Н. Смирнов и С. В. Мрачковский, которые получили прямую директиву Троцкого совершить террористический акт».

(Бакаев. Протокол допроса от 17—19 июля 1936 г.).

Активный член зиновьевского центра, бывший заведующий секретариатом Зиновьева — Пикель Р. В. сообщил на следствии, что Бакаев развил лихорадочную деятельность по организации покушения, вкладывая в это дело всю свою энергию.

Пикель говорит:

«Бакаев не только руководил подготовкой террористического акта в общем смысле, а лично выезжал на места наблюдения, проверял и вдохновлял людей... Летом 1934 года я как-то пришел к Рейнгольду. Рейнгольд мне сообщил, что наблюдения за Сталиным дали положительные результаты и что Бакаев с группой террористов выехали на его машине сегодня с задачей убить Сталина. При этом Рейнгольд нервничал, что они долго не возращаются. В этот же день вечером я вновь виделся с Рейнгольдом и он сообщил мне, что осуществлению террористического акта помешала охрана Сталина, которая, как он выразился, спугнула участников организации».

(Пикель. Протокол допроса от 22 июля 1936 г.).

Троцкий, находясь за границей, особенно после ареста Каменева и Зиновьева, всячески форсирует совершение убийства тт. Сталина и Ворошилова, направляя деятельность всесоюзного об'единенного троцкистско-зиновьевского центра. Он систематически посылает через своих агентов директивы и практические указания об организации убийства.

Близкий Троцкому человек, несший в свое время его личную охрану, участник троцкистско-зиновьевского блока Дрейцер Е. А. на следствии признал, что в 1934 году он получил письменную директиву Троцкого о подготовке террористического акта против тт. Сталина и Ворошилова.

Он сообщил:

«Эту директиву я получил через мою сестру, постоянно проживающую в Варшаве Сталовицкую, которая приехала в Москву в конце сентября 1934 г.

Содержание письма Троцкого было коротко. Начиналось оно следующими словами:

«Дорогой друг! передайте, что на сегодняшний день перед нами стоят следующие основные задачи:

первая — убрать Сталина и Ворошилова,

вторая — развернуть работу по организации ячеек в армии,

третья — в случае войны использовать всякие неудачи и замешательства для захвата руководства».

(Дрейцер. Протокол допроса от 23 июля 1936 г.).

Содержание этой директивы подтвердил и другой видный троцкист — Мрачковский, который показал следующее:

«Эстерман передал мне конверт от Дрейцера. Вскрыв конверт при Эстермане, я увидел письмо, написанное Троцким Дрейцеру. В этом письме Троцкий давал указание убить Сталина и Ворошилова».

(Мрачковский. Протокол допроса от 4 июля 1936 г.).

После убийства товарища Кирова и разгрома в связи с этим троцкистско-зиновьевского центра, **Троцкий берет на себя все руководство террористической дея-**

тельностью в СССР. Для восстановления террористических групп в СССР и активизации их деятельности Троцкий перебрасывает из-за границы по подложным документам своих проверенных агентов. В качестве таких агентов из Берлина в Москву в разное время он перебросил Берман-Юрина, В. Ольберга, Фриц-Давида, Горовича, Гуревича, Быховского и других. Все они получали задание во что бы то ни стало убить тт. Сталина, Ворошилова, Кагановича и других вождей партии.

Агент Троцкого — В. Ольберг, командированный в СССР для организации террористических групп и ныне арестованный, показал следующее:

> «Я был непосредственно связан с Троцким, с которым поддерживал регулярную связь, и с Львом Седовым *, который давал мне лично ряд поручений организационного порядка, в частности по нелегальной связи с Советским Союзом. Я являлся эмиссаром Троцкого в Советском Союзе вплоть до моего ареста. С целью ведения в Советском Союзе троцкистской контрреволюционной работы и организации террористических актов над Сталиным я нелегально приехал в СССР».
>
> (В. Ольберг. Протокол допроса от 13 февраля 1936 г.).

Ольберг по приезде в СССР в целях конспирации организовал террористическую группу из троцкистов, находящихся не в Москве, а в городе Горьком, имея в виду перебросить ее в Москву для убийства товарища Сталина.

Убийство предполагалось совершить во время первомайских празднеств 1936 года. В этих целях руководитель троцкистской организации в Горьком — директор Горьковского педагогического института Федотов И. К. должен был командировать террористов в Москву под видом отличников учебы пединститута и обеспечить таким образом им возможность участвовать в демонстрации на Красной площади.

Почти одновременно с Ольбергом Троцкий перебрасывает и другого своего агента Берман-Юрина.

Давая Берман-Юрину директиву об организации террористического акта против тов. Сталина, Л. Д. Троцкий особо подчеркивал, что это убийство должно быть совершено не конспиративно, в тиши, а открыто на одном из пленумов или на конгрессе Коминтерна.

Вместе с Берман-Юриным в работе по подготовке террористических актов против товарища Сталина принимал участие работник Коминтерна Фриц-Давид, также прибывший в СССР по личному поручению Л. Д. Троцкого в мае 1933 года.

Берман-Юрин и Фриц-Давид установили между собой организационную связь и подготовляли совершение террористических актов против товарища Сталина на VII конгрессе Коминтерна.

> «В беседе со мной,— показал на следствии Берман-Юрин,— Троцкий открыто заявил мне, что в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами и что Сталин должен быть физически уничтожен. О Сталине он говорил с невероятной злобой и ненавистью. Он в этот момент имел вид одержимого. Во время беседы Троцкий поднялся со стула и нервно ходил по комнате. В нем было столько ненависти, что это производило исключительное впечатление и мне тогда казалось, что это человек исключительной убежденности. Я вышел от него как загипнотизированный».
>
> (Берман-Юрин. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.).

Но троцкистско-зиновьевский центр не ограничивался организацией убийства одного лишь т. Сталина. Он ставил своей задачей одновременное убийство других руководителей партии — Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева.

Троцкистско-зиновьевский центр рассчитывал, что одновременное убийство ряда руководителей партии в Москве, Ленинграде и на Украине расстроит ряды ВКП(б), вызовет панику в стране и позволит Троцкому, Зиновьеву и Каменеву пробраться к власти.

---

* Лев Седов — сын Троцкого, организатор террористических групп, ведущий за границей работу под руководством своего отца, Троцкого. *Примечание оригинала.*

Зиновьев и Каменев, говоря об убийстве тт. Сталина, Ворошилова, Жданова и других, неоднократно заявляли: «Мало вырвать дуб, надо уничтожить все то молодое, что около этого дуба растет».

Убийство перечисленных товарищей пытались организовать различные группы. Наиболее характерными из них, освещающими деятельность троцкистско-зиновьевского террористического центра, являются следующие группы.

По осуществлению террористического акта над тов. **Ворошиловым** работали две группы. Одна группа была организована входившим в московский террористический центр троцкистом Дрейцером, который получил задание об убийстве Ворошилова непосредственно от Троцкого. В качестве непосредственных участников и исполнителей террористического акта над Ворошиловым Дрейцер привлек бывших активных троцкистов командиров Красной Армии Шмидта Д. А. и Кузьмичева. Последние лично дали согласие совершить террористический акт и деятельно к нему готовились в 1935—36 гг.

Вот, например, что показывает небезызвестный Мрачковский о деятельности террористической группы в направлении организации убийства Ворошилова.

На вопрос следователя — было ли практически подготовлено покушение на руководителей ВКП(б) кроме товарища Сталина, он ответил:

> «В середине 1934 года Дрейцер Е. мне докладывал, что им подготовлялось одновременно убийство Ворошилова, для чего должен был быть подготовлен Шмидт Дмитрий, бывший в армии на должности командира и не бывший на подозрении в партии. Предполагалось, что он убьет Ворошилова либо во время личного доклада Ворошилову по делам службы, либо во время очередных маневров, на которых будет присутствовать Ворошилов».
>
> (Мрачковский. Протокол допроса от 19—20 июля 1936 г.).

Вторую группу по организации покушения над Ворошиловым организовал прибывший из Германии троцкист М. Лурье.

По показаниям М. Лурье, он имел в августе месяце 1934 года встречу с Зиновьевым на его квартире в Москве. Во время этой встречи М. Лурье проинформировал Зиновьева о том, что он прибыл в СССР с директивой Л. Д. Троцкого об организации террористических актов против руководителей ВКП(б). М. Лурье сообщил Зиновьеву о том, что действующая под его руководством террористическая группа в составе Натана Лурье, Эрика Константа и Павла Липшица в течение 1933 года вела систематическую слежку за наркомом обороны тов. Ворошиловым.

Назначенный непосредственным исполнителем готовившегося убийства тов. Ворошилова Натан Лурье показал следующее:

> «Я должен признать, что возглавлявшаяся мною боевая террористическая группа с осени 1932 года и до конца 1933 года активно подготовляла террористический акт над наркомом обороны Ворошиловым. Мы предполагали выследить и убить Ворошилова в районе Дома Реввоенсовета на улице Фрунзе, для каковой цели вели наблюдение в этом районе на протяжении года».
>
> (Лурье Н. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.).

Об организации покушения на тов. **Кагановича** показывает активный член троцкистско-зиновьевского блока, близкий Троцкому человек Эстерман И. С.

Рассказывая на следствии о том, как он организовал террористическую группу, он говорит:

> «В декабре 1934 года Чаговский высказался за организацию покушения на Кагановича, указывая, что это покушение очень легко осуществить. Чаговский рассказал мне, что Каганович иногда бывает на кожзаводе им. Кагановича (бывший «Красный поставщик») в сопровождении небольшой охраны. Чаговский также говорил мне, что после выступления на заводе Каганович беседует с рабочими и совершить покушение в этот момент не представляет особого труда. Весь вопрос заключается только в том, чтобы найти и вовлечь в организацию кого-либо из рабочих этого завода, который своевременно мог бы поставить в известность наших боевиков о приезде Кагановича. Я полностью одобрил это предложение и поручил Чаговскому приступить к практической подготовке террористического акта над Кагановичем. В декабре 1934 года Чаговский мне

сообщил, что им подготовлена на складе «Союзкожобувьсбыт» боевая группа из 3 человек, которой можно поручить совершить покушение».

(Эстерман И. С. Протокол допроса от 2 июля 1936 г.).

Обо всем этом Эстерман доложил одному из руководителей московского террористического центра — Дрейцеру, который одобрил план Чаговского и согласился на создание террористической группы на заводе имени Л. М. Кагановича, целью которой является совершить убийство товарища Кагановича.

Покушение на т. Кагановича при удобном случае имела в виду совершить и группа Лурье М., которая пыталась убить, главным образом, т. Ворошилова.

Кроме того, по показаниям бывшего редактора «Ленинградской правды» Закс-Гладнева, его бывшего заместителя Антонова и видного зиновьевца Тойво, они готовили покушение тоже на товарища Сталина, т. Кагановича и т. Ворошилова по заданию троцкистско-зиновьевского центра, которое они получили через члена зиновьевско-каменевского центра Гертика.

Покушение на тов. **Орджоникидзе** готовила группа Натана Лурье, которому было поручено приурочить это покушение к возможному приезду Орджоникидзе на Челябинский тракторный завод. Наиболее удобным покушение на Челябинском тракторном заводе троцкисты считали потому, что Натан Лурье был временно командирован туда на работу.

Кроме того, в июле 1934 года на оружейном заводе в Туле по поручению троцкистско-зиновьевского центра была создана террористическая группа, ставящая своей целью организацию покушения на тов. Сталина, тов. Ворошилова и тов. Орджоникидзе.

Покушение на т. **Жданова** готовили две группы. Одна группа, организованная переброшенными из-за границы троцкистами Гуревичем Х. и Быховским М., и вторая группа, организованная троцкистско-зиновьевским центром через активного троцкиста Зайделя в составе научных работников Академии наук Седых, Бусыгина и Урановского.

Организацию покушения на **Косиора** и **Постышева** на Украине готовила боевая террористическая организация, которая состояла из ряда групп. Наиболее активной из них была группа Нырчука М. А. и Мухина Н. И.

Руководитель одной из террористических групп Мухин показывает об организации покушения над Косиором и Постышевым следующее:

«Наша организация построена была на принципах глубокой конспирации. Об'ектами террора были намечены Косиор и Постышев. Боевая организация состояла из ряда групп, одну из которых возглавлял я. В задачу этих групп входила подготовка и осуществление террористических актов, каждая над своим об'ектом. Моя группа действовала в направлении осуществления террористического акта над секретарем ЦК КП(б)У Косиором; группа Глухенко, Звада и Фесюра — над Постышевым».

(Мухин. Протокол допроса от 11 декабря 1935 г.).

Следствием установлено, что террористические группы, готовившие покушение на товарища Сталина и тт. Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора и Постышева, были организованы в разное время и сохранились до 1936 года, т. е. до момента своего ареста, и последние их покушения приурочивались к 1 мая 1936 года. Предполагалось, что одновременное покушение в нескольких местах может внести замешательство в ряды ВКП(б) и позволит Троцкому, Зиновьеву и Каменеву пробраться к власти.

5. **Встав на путь индивидуального белогвардейского террора, троцкистско-зиновьевский блок потерял всякое чувство брезгливости и для осуществления своих преступных замыслов стал пользоваться услугами не только разгромленных остатков последышей белогвардейщины, но и услугами иностранной разведки, иностранных охранников, шпионов и провокаторов.**

Так, например, террористическая группа, возглавлявшаяся прибывшим из Германии М. Лурье, фактически была организована активным германским фашистом Францем Вайцем, представителем Гимлера (в то время руководитель штурмовых фашистских отрядов в Берлине, а сейчас руководитель германского охранного отделения — ГЕСТАПО).

М. Лурье, будучи у Зиновьева, сообщил ему, что участники его террористиче-

ской группы имеют организационную связь с фашистом Францем Вайцем и немецкой охранкой — ГЕСТАПО, и спросил у Зиновьева, каково его отношение к этому.

Зиновьев на это ответил:

«Что же вас здесь смущает? Вы же историк, Моисей Ильич. Вы знаете дело Лассаля с Бисмарком, когда Лассаль хотел использовать Бисмарка в интересах революции».

(Лурье М. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.).

Участник организованной М. Лурье террористической группы Констант Э. К., сообщая о мотивах своей связи с представителем германской охранки Францем Вайцем, на следствии показал следующее:

«Будучи крайне озлоблен против политики ВКП(б) и лично против Сталина, я сравнительно легко поддался политической обработке, которую вел в отношении меня Франц Вайц. В беседах со мной Франц Вайц указывал, что различие наших политических позиций (я троцкист, а он фашист) не может исключить, а, наоборот, должно предполагать единство действий троцкистов и национал-социалистов в борьбе против Сталина и его сторонников. После ряда сомнений и колебаний я согласился с доводами Франца Вайца и находился с ним все время в постоянном контакте».

(Констант. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.).

Многие из переброшенных Троцким в СССР террористов тоже, как установлено следствием, были связаны с германской охранкой (ГЕСТАПО). Следствие установило, что Троцкий знал об их связях с ГЕСТАПО и считал желательной такую связь для более успешной организации террористических актов против вождей Советской власти.

Так, например, переброшенный Троцким его агент Валентин Ольберг, организовавший террористическую группу для покушения на товарища Сталина, прибыл нелегально в СССР по паспорту гражданина Гондурасской республики, который ему помогла приобрести немецкая охранка (ГЕСТАПО).

Немецкая охранка, связавшись с В. Ольбергом, сначала предполагала дать ему собственное задание по шпионской деятельности в СССР. Однако, узнав от Ольберга, что ему поручено Троцким организовать террористический акт над Сталиным, целиком одобрила этот план и обещала всяческое содействие, вплоть до устройства обратного побега через границу после совершения убийства. Ольберг, в частности, получил от германской охранки явки к целому ряду немецких агентов в СССР.

В. Ольберг, прежде чем принять предложение ГЕСТАПО о совместном сотрудничестве, решил испросить согласие троцкистской организации и обратился по этому поводу к Троцкому через его сына Седова, который ведет всю практическую организационную работу по связям и переброске террористов в СССР в заграничном центре троцкистов.

В. Ольберг по этому поводу на следствии показал следующее:

«Я не решился без специальных указаний Седова итти на это и сообщил условным письмом Седову в Париж, что есть возможность наладить связь с крупной немецкой организацией крайне правого направления (речь идет о ГЕСТАПО), которая может помочь мне в приобретении паспорта и в'езда в Советский Союз. Седов мне ответил, что он согласен на установление мною связи с этой организацией, предупредив меня о необходимости сохранения этой связи в строжайшей тайне».

(В. Ольберг. Протокол допроса от 9 мая 1936 г.).

Переброшенные Троцким в СССР троцкисты Гуревич и Быховский тоже были связаны, как теперь установлено, с германской охранкой.

Все связанные с немецкой полицией переброшенные в СССР троцкисты имели доступ к немецкому посольству в Москве и, несомненно, пользовались его услугами.

Так, например, упомянутый нами выше троцкист Натан Лурье, о террористической деятельности которого было известно Троцкому и Зиновьеву, рассказал на следствии о предполагавшемся ими использовании германского посольства.

Он сообщил следующее:

«После беседы с М. Лурье я собрал у себя Константа и Липшица, и мы втроем обсудили положение с наблюдением за Ворошиловым. По моему предложению было решено приобрести взрывные снаряды, которые мы поручили Константу достать в германском посольстве, где Констант имел оставленные ему Вайцем связи. Мы договорились с Константом зайти в германское посольство, но моя внезапная командировка в Челябинск на два года помешала выполнить задуманный план».

(Н. Лурье. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.).

6. **Для приобретения необходимых материальных средств, связанных с подготовкой террористических актов, троцкистско-зиновьевский контрреволюционный блок прибегал к воровству государственных средств** и прямому грабежу народных денег.

На следствии установлено, что на одном из заседаний об'единенного троцкистско-зиновьевского центра было предложено некоторым активным троцкистам и зиновьевцам завязать связи со скрытыми, работающими на хозяйственной работе троцкистами и зиновьевцами для получения средств. Такое поручение, в частности, было дано Рейнгольду. Последний должен был по заданию Каменева связаться со скрытым двурушником Аркусом Г. М., занимавшим пост заместителя председателя Госбанка СССР.

По показаниям Рейнгольда, Аркус систематически оказывал материальную поддержку троцкистско-зиновьевскому центру. В частности, Рейнгольд на следствии показал о том, что в июле или августе 1933 года Аркус перевел из Госбанка 30 тыс. рублей на нужды троцкистско-зиновьевского центра. 15 тыс. он перевел Картографическому тресту, который возглавлялся тогда активным зиновьевцем Федоровым, и 15 тыс. другому хозяйственному тресту, который возглавлял небезызвестный Г. Евдокимов. Деньги были переведены под видом сумм на оплату статистико-экономических работ, которые государством не регулируются.

В ряде случаев террористические группы троцкистов и зиновьевцев прямо готовились к грабежам для того, чтобы добыть средства и оружие для совершения террористических актов. Так, например, группа террористов в Горьком, возглавляемая троцкистом Поповым, пыталась осуществить ряд грабежей для приобретения средств и оружия.

Активный участник этой группы троцкист Лаврентьев Л. А. на следствии показал:

«...Составленный террористической контрреволюционной троцкистской группой план совершения террористического акта над тов. Сталиным состоял из следующих основных частей: 1) приобретение средств для террористической группы путем совершения экспроприации государственных учреждений и банков; 2) приобретение оружия для членов террористической группы; 3) непосредственная подготовка и совершение террористического акта над Сталиным. На одном из совещаний террористической группы было решено, что Попову, Храмову, Пугачеву и мне — Лаврентьеву нужно целиком отдаться террористической деятельности и уволиться с работы. Первым по заданию Попова уволился с работы Храмов, и по указанию Попова Храмов выехал в Ардатовский район для подготовки экспроприации. Предполагалось для начала захватить кассу сельсовета при наибольшем поступлении налоговых сумм. Вскоре после от'езда Храмова с работы уволились Попов и Пугачев. Я же находился в отпуску. Все мы трое, а вместе с нами и Пелевина выехали в село Хохлово Ардатовского района для совершения экспроприации кассы сельсовета. По приезде в село Хохлово Храмов рассказал нам, что подготовить экспроприацию ему не удалось. В течение двух суток Попов также пытался подготовить экспроприацию, но ему это не удалось. В связи с этим мы — члены террористической группы — Попов, я — Лаврентьев, Пугачев и Пелевина выехали в Арзамас. По предложению Попова начали вести подготовку ограбления кассиров, получающих большие суммы в банке. К ограблению было намечено 3 человека. Ограбление совершено не было, так как не было подходящей обстановки».

(Лаврентьев А. А. Протокол допроса от 9 ноября 1935 г.).

Таковы факты о контрреволюционной террористической деятельности об'единенного центра троцкистско-зиновьевского блока.

II. ВЫВОДЫ

Эти факты показывают, что троцкистско-зиновьевский контрреволюционный центр и его вожди Троцкий, Зиновьев и Каменев окончательно скатились в болото белогвардейщины, слились с самыми от'явленными и озлобленными врагами Советской власти и превратились в организующую силу последышей разгромленных в СССР классов, которые в отчаянии прибегают к подлейшему средству борьбы с Советским правительством — к террору.

Они не только превратились в организующую силу последышей разгромленных классов в СССР, но они стали еще головным отрядом контрреволюционной буржуазии за пределами Союза, выразителями ее воли и чаяний.

Всей своей деятельностью они вдохновляют худшие элементы белоэмигрантщины, состоящие на службе иностранных охранок и организованные в террористические группы, за границей вроде «РОВСа» («Российский общевоинский союз»), «Русской фашистской партии», «Фашистского союза молодежи» и т. п.

Они превратились в организующую силу худших и наиболее озлобленных врагов СССР, потому что у них не осталось никаких политических мотивов борьбы с партией и с Советской властью, кроме голого, неприкрытого карьеризма и желания во что бы то ни стало прокрасться к власти.

Перед лицом совершенно неоспоримых успехов социалистического строительства они вначале надеялись, что наша партия не сможет справиться с трудностями, в результате чего создадутся условия для их возможного выступления и прихода к власти. Но видя, что партия с успехом преодолевает трудности, они ставят ставку на поражение Советской власти в предстоящей войне, в результате чего они мечтают пробраться к власти.

И наконец, не видя никаких перспектив, они в отчаянии хватаются за последнее средство борьбы — за террор.

Если раньше троцкистско-зиновьевские группы мотивировали свою борьбу против партии тем, что партия и правительство якобы ведут неправильную политику, ведут страну к гибели, то сейчас они выдвигают совершенно противоположные мотивы. Теперь главным мотивом перехода к террору они считают именно успехи, одержанные нашей партией на всех фронтах социалистического строительства, успехи, вызывающие у них озлобление и толкающие их на месть за свое политическое банкротство.

Вот, например, что в своих показаниях на следствии говорит один из вождей об'единенного троцкистско-зиновьевского блока, Каменев:

> «Должен признать, что действительно никакой положительной программы мы не противопоставляли и не в состоянии были противопоставить политике ВКП(б).
>
> В самом начале наших переговоров с троцкистами еще намечались бледные попытки обсуждать возможность составления положительной платформы.
>
> Однако вскоре мы убедились, что это напрасный труд, что никакой идейной политической платформы у нас нет.
>
> Ставка же наша на непреодолимость трудностей, которые переживала страна, на кризисное состояние хозяйства, на крах хозяйственной политики партийного руководства ко второй половине 1932 года уже была явно бита.
>
> Страна под руководством ЦК ВКП(б), преодолевая трудности, успешно шла по пути хозяйственного роста. Мы этого не видеть не могли.
>
> Казалось бы, что мы должны были прекратить борьбу. Однако логика контрреволюционной борьбы, голое, безыдейное посягательство на власть повели нас в другом направлении.
>
> Выход из трудностей, победа политики ЦК ВКП(б) вызвали в нас новый прилив озлобления и ненависти к руководству партии и, в первую очередь, к Сталину».

(Каменев Л. Протокол допроса от 24 июля 1936 г.).

Аналогичные показания дает и член московского террористического центра зиновьевец Рейнгольд И. И.:

> «С Каменевым я встречался во второй половине 1933 года, а также в 1934 году, у него на квартире в Карманицком переулке в Москве. Каменев оценивал положение примерно так же, как и Зиновьев, причем подкреплял эти

свои выводы анализом экономической и политической обстановки в стране. Каменев приходил к выводу, что «дело все-таки идет не к катастрофе, а к под'ему; поэтому все ожидания автоматического краха беспочвенны, а сложившееся руководство слишком твердый гранит, чтобы рассчитывать на то, что руководство это само расколется». Отсюда Каменев делал вывод, что «придется руководство раскалывать».

«Каменев неоднократно цитировал Троцкого о том, что «все дело в верхушке и что поэтому надо снять верхушку».

«Каменев доказывал необходимость террористической борьбы, и прежде всего убийство Сталина, указывая, что этот путь есть единственный для прихода к власти. Помню особенно его циничное заявление о том, что «головы отличаются тем, что они не отрастают».

«Каменев предлагал готовить боевиков — террористов. Он говорил, что отличительной особенностью нового блока по сравнению с прежним оппозиционным блоком является переход к активным террористическим действиям». И далее:

«Я уже показывал выше, что никакой новой политической программы у троцкистско-зиновьевского об'единенного блока не было. Исходили из старой обветшалой платформы, причем никто из лидеров блока не занимался и не интересовался вопросом разработки какой-либо и сколько-нибудь цельной и связной политической программы. Единственно, что об'единяло весь этот разношерстный блок,— была идея террористической борьбы против руководителей партии и правительства.

На деле блок являлся контрреволюционной террористической бандой убийц, стремившихся любыми средствами захватить в свои руки власть в стране».

(Рейнгольд И. И. Протокол допроса от 9 июля 1936 г.).

Как видно, все эти показания арестованных троцкистов и зиновьевцев говорят только о том, что они, не имея никакой положительной, приемлемой для трудящихся нашей страны политической платформы, не имея никакого влияния в массах и связи с ними, вынужденные признать решающие успехи нашей партии и полное свое политическое банкротство,— превратились в беспринципную банду убийц, единственным «принципом» которых является карьеристский лозунг — прокрасться к власти любыми средствами.

В прямой связи с этим своим «принципом» они определяли средства и способы борьбы.

Широко практикуя двурушничество, как систему взаимоотношений с партией и Советским государством, они довели его до чудовищных размеров. Они создали целую систему двурушничества, которой могут позавидовать любые Азефы, любая охранка, со всем ее штатом шпионов, провокаторов и диверсантов.

Считая двурушничество основным методом, при помощи которого они могут придти к власти, троцкисты и зиновьевцы широко пользовались им в отношении террористической деятельности. Тщательно скрывая свои гнусные террористические замыслы, изо дня в день оплевывая свои собственные взгляды и убеждения, изо дня в день клянясь в верности партии и показывая себя сторонниками линии ЦК, они рассчитывали на то, что им удастся после убийства основных руководителей партии и правительства придти к власти потому, что в глазах партии и широких масс трудящихся они будут выглядеть вполне раскаявшимися и осознавшими свои ошибки и преступления — сторонниками ленинско-сталинской политики.

Именно поэтому они особую заботу проявляли о том, чтобы скрыть свою террористическую деятельность.

В соответствии с этим Троцкий, Зиновьев и Каменев, давая директивы исполнителям террористических актов, одновременно подробно инструктировали их о том, чтобы они скрывали какую бы то ни было связь с троцкистско-зиновьевскими организациями.

Рейнгольд в своих показаниях, например, сообщил о следующих директивах Зиновьева:

«В 1933—34 гг. Зиновьев у себя на квартире с глазу на глаз говорил мне — главная практическая задача построить террористическую работу настолько конспиративно, чтобы никоим образом себя не скомпрометировать. На следст-

вии главное — это упорно отрицать какую-либо связь с организацией. При обвинении в террористической деятельности — категорическим образом отрицать это, аргументируя тем, что террор несовместим со взглядами большевиков-марксистов».

(Рейнгольд И. И. Протокол допроса от 17 июля 1936 г.).

Об этом же особую заботу проявлял Троцкий. Он давал указания, что в случае осуществления террористического акта троцкисты должны отмежеваться от совершения его и «занять позицию, аналогичную занятой в свое время эсеровским ЦК по отношению к госпоже Каплан», стрелявшей в Ленина.

О возможных вариантах прихода к власти с откровенным цинизмом на следствии рассказывал Л. Б. Каменев.

На вопрос следователя — обсуждался ли троцкистско-зиновьевским центром вопрос о планах захвата власти, он ответил следующее:

«Этот вопрос нами обсуждался неоднократно. Нами были намечены и предопределены два варианта прихода лидеров троцкистско-зиновьевского блока к власти:

первый и казавшийся нам наиболее реальным вариант заключался в том, что после совершения террористического акта над Сталиным в руководстве партии и правительства произойдет замешательство и с нами, лидерами троцкистско-зиновьевского блока, в первую очередь с Зиновьевым, Каменевым и Троцким, вступят в переговоры.

Мы исходили из того, что в этих переговорах я и Зиновьев займем в партии и стране главенствующее положение, т. к. и при Сталине мы своей двурушнической политикой добились все же того, что партия простила нам наши ошибки и вернула нас в свои ряды, а участие наше, меня, Зиновьева и Троцкого, в террористических актах останется тайной для партии и страны.

Второй вариант захвата власти, казавшийся нам менее надежным, заключался в том, что после совершения террористического акта над Сталиным создастся неуверенность и дезорганизованность в руководстве партии и страны.

Руководителям троцкистско-зиновьевского блока удастся воспользоваться замешательством и принудить оставшихся руководителей партии допустить нас к власти или же заставить их уступить нам свое место.

Появление Троцкого и активное его участие в борьбе за захват власти предполагалось как само собой разумеющееся.

Кроме того, мы считали неисключенным, что при организации новой правительственной власти в ней примут участие также и правые — Бухарин, Томский и Рыков».

(Каменев. Протокол допроса от 23—24 июля 1936 г.).

Об этом же на следствии показывает Рейнгольд:

«Наряду с глубоко законспирированной работой по подготовке террористических актов против руководства партии и правительства Зиновьев и Каменев прилагали все усилия к тому, чтобы завоевать доверие к себе со стороны ЦК и партии и, насколько это возможно, занять руководящее положение в партии.

Этой цели непосредственно были подчинены выступления Каменева и Зиновьева в печати, в которых они подчеркивали свою преданность партии и отказ от своего прошлого. При встречах с руководителями партии Зиновьев и Каменев всячески подчеркивали свою лояльность и преданность Центральному Комитету партии и отказ от своих прежних ошибок. Этой же цели служили выступления Зиновьева и Каменева с трибуны XVII с'езда партии.

Зиновьев и Каменев при этом исходили из того, что успех террористического акта против вождей партии и правительства прямо открывает им — лицам, прощенным партией и принятым в ее ряды при Сталине,— непосредственный путь прихода к руководству партией и страной.

В этом маккиавелистическом плане борьбы заключались глубоко скрытые расчеты Зиновьева и Каменева о путях прихода к власти».

(Рейнгольд. Протокол допроса от 17 июля 1936 г.).

Такова контрреволюционная деятельность троцкистов и зиновьевцев, этих перешедших в лагерь злейших врагов Советской власти предателей партии и рабочего класса, предателей нашей социалистической революции, предателей нашей социалистической родины.

ЦК ВКП(б) считает необходимым довести до сведения всех партийных организаций об этих фактах террористической деятельности троцкистов и зиновьевцев и еще раз приковать внимание всех членов партии к вопросам борьбы с остатками злейших врагов нашей партии и рабочего класса, приковать внимание к задачам всемерного повышения большевистской революционной бдительности.

ЦК ВКП(б) обращает внимание всех членов партии на то, что уже после убийства товарища Кирова в отдельных партийных организациях в результате недостаточной их бдительности, врагам партии удалось под прикрытием звания коммуниста активно продолжать свою террористическую работу.

Только отсутствием должной большевистской бдительности можно об'яснить тот факт, что агенту Троцкого — Ольбергу, прибывшему из Берлина в 1935 году, удалось при помощи скрытых троцкистов Федотова и Елина, работавших на руководящей работе в аппарате Горьковского крайкома партии, легализовать себя и организовать террористическую группу, подготовлявшую убийство вождей партии.

Только отсутствием большевистской бдительности можно об'яснить тот факт, что в некоторых райкомах партии города Ленинграда (Выборгский) исключенным из ВКП(б) троцкистам и зиновьевцам уже в 1935 году удалось восстановиться в партии, а в некоторых случаях пробраться в партийный аппарат и использовать его в своих гнусных террористических целях.

Только отсутствием большевистской бдительности можно об'яснить тот факт, что троцкисты и зиновьевцы свили себе прочное гнездо в ряде научно-исследовательских институтов, в Академии наук и некоторых других учреждениях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске.

Наконец, только отсутствием большевистской бдительности можно об'яснить то, что часть из арестованных участников террористических групп в ряде партийных организаций прошли проверку партийных документов и были оставлены в рядах партии.

Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги об'единяют в борьбе против Советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны — шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т. д., когда между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой стороны, стерлись всякие грани — все парторганизации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке.

Неот'емлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

Москва, 1936 год, 29 июля

«ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ АНТИСОВЕТСКИЙ ТРОЦКИСТСКИЙ ЦЕНТР»

Процесс по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра» стоит в одном ряду с другими политическими процессами 30-х гг., направленными прежде всего на усиление личной власти И. В. Сталина, всемерное укрепление насаждаемой им административно-командной системы управления. Любые проявления тревоги и недовольства обстановкой, складывавшейся в стране, немедленно пресекались возникновением очередного «дела».

Так произошло и после XVII съезда ВКП(б), когда среди части старых ленинских кадров партии вновь стали раздаваться предложения о перемещении И. В. Сталина с поста генсека на другую работу. Используя факт убийства С. М. Кирова, сталинское руководство обрушило на партию новую мощную волну репрессий.

Массовым репрессиям в этот период подвергались в первую очередь бывшие идейные противники И. В. Сталина, партийцы, обладавшие большим политическим опытом, чьи позиция, взгляды, высказывания могли стать серьезным препятствием для дальнейшего развития культа личности «вождя». Для расправы с ними был организован ряд фальсифицированных процессов. По указке сверху НКВД придумывал и «раскрывал» так называемые враждебные центры: «ленинградский», «московский», «антисоветский объединенный троцкистско-зиновьевский» и др.

При проведении процессов по «делам» этих центров основным считалось, чтобы все подсудимые дружно «признавались» в своих «преступлениях», какими бы фантастическими и надуманными они ни были. Об объективных доказательствах вины даже речи не заходило.

Подобным образом было сфальсифицировано и дело о так называемом «параллельном антисоветском троцкистском центре».

23—30 января 1937 г. в Москве Военная Коллегия Верховного суда СССР в составе В. В. Ульриха, И. О. Матулевича, Н. М. Рычкова с участием прокурора СССР А. Я. Вышинского в открытом судебном заседании рассмотрела уголовное дело так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра». По этому делу были арестованы и преданы суду 17 человек.

1. **Пятаков** Юрий (Георгий) Леонидович. Член партии с 1910 г. Активный участник революционного подполья в России, в октябре 1917 г. возглавлял Киевский военно-революционный комитет, в 1918 г.— председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины. В годы гражданской войны член Реввоенсоветов 13, 16 и 6-й армий. Затем на руководящей хозяйственной работе: заместитель председателя Госплана РСФСР, заместитель председателя ВСНХ, председатель правления Госбанка СССР. С 1932 г.— первый заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. В. И. Ленин отзывался о Ю. Л. Пятакове как о выдающемся и преданном работнике. На X и XI съездах партии Ю. Л. Пятаков избирался кандидатом в члены ЦК, на XII, XIII, XIV, XVI и XVII съездах — членом ЦК партии.

Политическая позиция Ю. Л. Пятакова не была однозначной. При заключении Брестского мира он был одним из лидеров группы «левых коммунистов» на Украине. На XV съезде ВКП(б) исключался из партии как активный деятель троцкистской оппозиции. В 1928 г., в связи с поданным заявлением об отходе от оппозиции, был восстановлен в рядах партии. Однако перед арестом в сентябре 1936 г. он был заочно выведен из состава ЦК и вновь исключен из членов ВКП(б).

2. **Сокольников** Григорий Яковлевич. Член партии с 1905 г.

Участник революции 1905—1907 гг. В 1918 г. был председателем советской делегации при подписании Брестского мирного договора. В 1918—1921 гг.— член Реввоенсоветов ряда армий, командующий 8-й армией Южного фронта, Туркестанским фронтом, председатель Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. В последующие годы находился на государственной работе: заместитель наркома и народный комиссар финансов РСФСР и СССР, заместитель председателя Госплана СССР, председатель Нефтесиндиката, полпред СССР в Англии, заместитель наркома иностранных дел. С 1935 г.— первый заместитель наркома лесной промышленности СССР. На VI, VII, XI, XII, XIII, XIV и XV съездах партии избирался членом ЦК, на XVI и XVII съездах — кандидатом в члены ЦК ВКП(б). С июня 1924 г. по 1925 г.— кандидат в члены Политбюро ЦК партии. Перед арестом в июле 1936 г. заочно выведен из состава ЦК и исключен из членов ВКП(б).

3. **Радек** Карл Бернгардович. Член РСДРП с 1903 г. С 1902 г. состоял в Социал-демократической партии Польши, с 1904 г.— в Социал-демократической партии Польши и Литвы. С 1908 г.— активный деятель левого крыла немецкого социал-демократического движения. Участник международных социалистических конференций в Циммервальде, Кинтале, Стокгольме. С ноября 1917 г.— ответственный работник НКИД РСФСР. В 1918 г., после начала германской революции, нелегально выезжал в Германию в качестве члена советской делегации на съезд Советов, участвовал в организации первого съезда Компартии Германии, был арестован. После освобождения в декабре 1919 г. возвратился в Россию. В последующие годы член Президиума и секретарь Исполнительного комитета Коминтерна, ректор университета народов Востока имени Сунь Ятсена, постоянный сотрудник редакций газет «Правда», «Известия», ряда журналов. В 1919—1924 гг.— член ЦК РКП(б). С 1932 г. до ареста в сентябре 1936 г. заведующий бюро международной информации ЦК ВКП(б).

В 1918 г. один из лидеров группы «левых коммунистов». XV съездом ВКП(б) исключен из партии как активный участник троцкистской оппозиции. С января 1928 по май 1929 г. находился в ссылке. В январе 1930 г., в связи с поданным заявлением об отходе от оппозиции, был восстановлен в партии. Вновь исключен из партии после ареста в связи с настоящим делом.

4. **Серебряков** Леонид Петрович. Член партии с 1905 г. Делегат VI (Пражской) конференции РСДРП (1912 г.). В 1917—1920 гг. секретарь Московского областного бюро партии, секретарь Президиума ВЦИК. В 1920—1921 гг.— секретарь ЦК РКП(б), член Оргбюро ЦК, член Реввоенсовета Южного фронта. Впоследствии находился на ответственной работе в НКПС. До ареста в августе 1936 г.— заместитель начальника Центрального управления шоссейных дорог и автотранспорта.

В октябре 1927 г. исключен из партии по обвинению в организации нелегальной типографии. В январе 1930 г. в партии восстановлен. Вновь исключен заочно, после ареста, в 1936 г.

5. **Лившиц** Яков Абрамович. Член партии с марта 1917 г. С 1919 г. на руководящей работе в органах ЧК, ГПУ Украины. С 1924 г. на хозяйственной работе, заместитель управляющего трестом «Донуголь» (г. Харьков), с 1930 г. начальник Южной, затем Северо-Кавказской, Московско-Курской железных дорог. С 1935 г.— заместитель наркома путей сообщения СССР.

В 1913—1915 гг. состоял в партии эсеров. В 1923—1928 гг. участвовал в троцкистской оппозиции, за что в январе 1928 г. был исключен из Коммунистической партии. В феврале 1929 г., в связи с поданным заявлением об отходе от оппозиции, в партии восстановлен. Вторично исключен из ВКП(б), заочно, после ареста, в 1936 г.

6. **Муралов** Николай Иванович. Состоял в партии с 1903 г. по 1927 г. Активный участник революции 1905—1907 гг. Один из руководителей Московского вооруженного восстания в октябре 1917 г. В годы гражданской войны член Реввоенсоветов 3-й и 12-й армий, Восточного фронта, затем командующий Московским, Северо-Кавказским военными округами. С 1925 г. ректор Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, член президиума Госплана РСФСР. В момент ареста в апреле 1936 г. начальник сельхозотдела управления рабочего снабжения «Кузбасстроя» в г. Новосибирске.

В 1918 г. входил в группу «левых коммунистов». На XIV съезде избран членом ЦКК. В 1927 г. выведен из состава ЦКК, а XV съездом ВКП(б) исключен из членов партии за фракционную работу.

В декабре 1935 г. и январе 1936 г. направил в ЦК ВКП(б), на имя И. В. Сталина, два письма о разрыве с троцкистскими взглядами и просьбой о восстановлении в партии. Эти письма были оставлены без рассмотрения. Арестован в апреле 1936 г.

7. **Дробнис** Яков Наумович. Член партии с 1907 г. Участник революции 1905—1907 гг. С 1919 г.— председатель Полтавского, затем Одесского Советов, комиссар Отдельной группы войск. С 1918 г. член ЦК КП(б)У, с 1922 г. на работе в Малом Совнаркоме РСФСР. Перед арестом в 1936 г. заместитель начальника кемеровского «Химкомбинатстроя».

В 1904—1905 гг. состоял в Бунде, в 1905—1906 гг. был меньшевиком. В 1923—1927 гг. участвовал в оппозиционной борьбе, сторонник Л. Д. Троцкого. XV съездом ВКП(б) исключен из партии. С 1928 по 1929 г. находился в ссылке. В 1930 г., в связи с поданным заявлением об отходе от оппозиции, восстановлен в рядах партии. Вновь исключен в связи с настоящим делом.

8. **Богуславский** Михаил Соломонович. Член партии с марта 1917 г. До октября 1917 г. работал на Украине. С 1918 г. председатель Воронежского горсовета, секретарь ВУЦИК, секретарь Политуправления РККА, секретарь Харьковского губкома КП(б)У, заместитель председателя Моссовета, председатель Малого Совнаркома РСФСР. В 1932—1936 гг. начальник Сибмашстроя в г. Новосибирске.

В 1905—1917 гг. состоял в Еврейской социалистической рабочей партии. В 1923—1928 гг. участвовал в троцкистской оппозиции. XV съездом ВКП(б) исключен из партии. В 1930 г. заявил об отходе от оппозиции и был восстановлен в партии. Вновь исключен из ВКП(б) после ареста в 1936 г.

9. **Князев** Иван Александрович. Член партии с 1918 г. С 1917 г. на руководящей работе в системе НКПС. До 1918 г. состоял в партии левых эсеров. С 1934 г. начальник управления Южно-Уральской (Челябинской) железной дороги, затем заместитель начальника Центрального управления движения НКПС. Исключен из ВКП(б) после ареста в 1936 г.

10. **Ратайчак** Станислав Антонович. Член партии с 1919 г. По национальности немец. С 1914 г. служил в германской армии, с 1915 г. в плену в России. В 1917—1920 гг. служил в Красной Армии. Затем на руководящей советской и хозяйственной работе: председатель украинского треста «Фарфорфаянсстекло», союзного химического треста «Коксобензол», заместитель председателя правления «Всехимпрома». В 1932—1934 гг. заместитель наркома тяжелой промышленности СССР, затем начальник Главхимпрома НКТП СССР. Исключен из партии после ареста в 1936 г.

11. **Норкин** Борис Осипович. Член партии с ноября 1917 г. В 1918—1921 гг. сотрудник органов ВЧК. В последующие годы заместитель начальника «Мосхима», заместитель председателя Московского совнархоза, управляющий «Всехимпромом» и «Союзазотом». С 1932 г. по сентябрь 1936 г.— начальник кемеровского «Химкомбинатстроя». Исключен из партии после ареста в 1936 г.

12. **Шестов** Алексей Александрович. Член партии с 1918 г. Был на профсоюзной работе. С 1925 г. на руководящей работе в горнодобывающей промышленности. Был заместителем управляющего «Сибирьугля» (г. Новосибирск), управляющим Анжеро-Судженским рудником. До ареста — управляющий Салаирским цинковым рудником в Кемеровской области (Кузбасс). Исключен из партии после ареста в 1936 г.

13. **Строилов** Михаил Степанович. Беспартийный. Работал начальником шахт, рудников. С 1935 г.— главный инженер треста «Кузбассуголь» в г. Новосибирске.

14. **Турок** Иосиф Дмитриевич. Член партии с 1918 г. В 1917 — 1920 гг. на военной службе. В последующие годы работал на железнодорожном транспорте. В момент ареста, в ноябре 1936 г., заместитель начальника Свердловской железной дороги.

15. **Граше** Иван Иосифович. Член партии с мая 1917 г. В 1921 — 1928 гг. работал в Коминтерне и Профинтерне, в Госплане СССР, в ТАСС. С 1934 г. руководитель группы, затем старший экономист производственно-технического отдела Главхимпрома Наркомата тяжелой промышленности СССР.

В 1920 г. состоял в нелегальной Коммунистической партии Словакии и Прикарпатской Руси. В 1929 г. ему был объявлен вы-

говор за примиренчество к правому уклону в Коминтерне. Исключен из партии после ареста в 1936 г.

16. **Пушин** Гавриил Ефремович. Член партии с 1924 г. Работал в Донбассе, в Харькове, с 1931 г. главный инженер строительства Горловского азотно-тукового комбината, заместитель главного инженера Главхимпрома НКТП СССР, главный инженер строительства Рионского азотно-тукового комбината (Грузия). Из партии исключен после ареста в 1936 г.

17. **Арнольд** Валентин Вольфридович (он же Васильев Валентин Васильевич). Член партии с 1924 г. В первую мировую войну дезертировал из царской армии. В 1917—1923 гг. служил в американской армии. В 1923 г. приехал в СССР, работал в «Кузнецкстрое», «Энергострое» в г. Кемерово, заведующим гаражом в «Кузбасстрое» (г. Прокопьевск). Перед арестом в 1936 г. был заведующим гаражом и отделом снабжения на Прокопьевском и Анжерском рудниках (Кузбасс).

В приговоре Военной Коллегии Верховного суда СССР по данному делу отмечено, что в 1933 г. по указанию Л. Д. Троцкого в Москве наряду с так называемым «антисоветским объединенным троцкистско-зиновьевским центром» был создан «параллельный антисоветский троцкистский центр», в состав которого вошли Ю. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников, Л. П. Серебряков и другие. Как отмечалось в приговоре, этот «параллельный центр» в качестве основной своей задачи ставил свержение Советской власти в СССР. Для достижения этой цели участники центра якобы развернули вредительско-диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность. Указывалось, что для непосредственного руководства антисоветской деятельностью на местах в некоторых крупных городах СССР были созданы местные троцкистские центры. В частности, в Новосибирске якобы по указанию Ю. Л. Пятакова был организован западносибирский центр.

Диверсионная и вредительская работа участников «параллельного центра», как утверждалось в приговоре, заключалась в срыве планов производства, ухудшении качества продукции, в организации поджогов и взрывов заводов или отдельных цехов и шахт, крушений поездов, порче железнодорожного пути и т. д. Кроме того, подсудимые были обвинены в шпионаже в пользу германской и японской разведок, а также в создании нескольких террористических групп с целью совершения покушений на руководителей партии и государства.

Все привлеченные по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» были признаны виновными в совершении инкриминируемых им преступлений и приговорены: Ю. Л. Пятаков, Л. П. Серебряков, Н. И. Муралов, Я. Н. Дробнис, Я. А. Лившиц, М. С. Богуславский, И. А. Князев, С. А. Ратайчак, Б. О. Норкин, А. А. Шестов, И. Д. Турок, Г. Е. Пушин и И. И. Граше — к расстрелу. Г. Я. Сокольников, К. Б. Радек и В. В. Арнольд (Васильев) — к десяти, а М. С. Строилов — к восьми годам тюремного заключения. В 1941 г. В. В. Арнольд и М. С. Строилов по заочно вынесен-

ному приговору были также расстреляны. Г. Я. Сокольников и К. Б. Радек в мае 1939 г. были убиты сокамерниками в тюрьме.

При изучении материалов, связанных с делом так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра», установлено, что выдвинутые против его участников обвинения были необоснованными и фальсифицированными, их показания на предварительном следствии и в суде не соответствовали действительности, являясь прямым оговором себя и других.

Большинство из обвиняемых в 20-х гг. являлись сторонниками Л. Д. Троцкого и участвовали в оппозиционной борьбе. За активную троцкистскую деятельность Ю. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Л. П. Серебряков, Я. А. Лившиц, Я. Н. Дробнис, М. С. Богуславский и Н. И. Муралов в свое время исключались из партии, но после XV съезда ВКП(б) все они заявили об отходе от оппозиции, были восстановлены в партии (кроме Н. И. Муралова, письма которого, как уже упоминалось, И. В. Сталин оставил без рассмотрения) и находились на ответственной работе. Данных о том, что кто-либо из них после восстановления в партии продолжал прежнюю оппозиционную деятельность, не имелось и не имеется. Органы ОГПУ — НКВД никакими достоверными сведениями о преступной деятельности обвиняемых не располагали. Более того, в 1929—1930 гг. в ОГПУ поступали сообщения, подтверждавшие искренность отхода от оппозиции лиц, обвинявшихся по данному делу.

Собранные в ходе проверки дела материалы показывают, что массовые репрессии против бывших оппозиционеров, главным образом против бывших троцкистов и зиновьевцев, начались сразу же после убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г.

Как заявил на собрании актива ГУГБ НКВД СССР в марте 1937 г. заместитель наркома внутренних дел Я. С. Агранов, секретарь ЦК ВКП(б) Н. И. Ежов в середине 1935 г. сказал ему, что «по его сведениям и по мнению Центрального Комитета нашей партии, существует нераскрытый центр троцкистов, который надо разыскать и ликвидировать». «Тов. Ежов,— подчеркнул Я. С. Агранов,— дал мне санкцию на производство массовой операции по троцкистам в Москве».

Начальник секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР Г. А. Молчанов в сообщении на имя Г. Г. Ягоды от 5 февраля 1936 г., докладывая о ходе операции в отношении троцкистов в Москве, отметил, что следствие показывает «тенденции троцкистов к воссозданию подпольной организации по принципу цепочной связи небольшими группами» и их террористические намерения. 9 февраля 1936 г. НКВД была дана на места директива о ликвидации без остатка всего якобы существующего троцкистско-зиновьевского подполья, усилении репрессий против исключенных из партии в процессе партийной проверки бывших троцкистов и зиновьевцев.

25 марта 1936 г. Г. Г. Ягода в письме И. В. Сталину, ссылаясь на будто бы полученные при арестах и обысках стронников Л. Д. Тро-

цкого данные, сообщал об усилении ими контрреволюционной деятельности и предлагал: всех троцкистов, находящихся в ссылке, арестовать и направить в дальние лагеря; троцкистов, исключенных из партии при последней проверке партийных документов, изъять и решением Особого совещания направить в дальние лагеря сроком на 5 лет; троцкистов, уличенных в причастности к террору, судить и всех расстрелять.

Это письмо по указанию И. В. Сталина посылалось на заключение А. Я. Вышинскому, который 31 марта 1936 г. ответил следующее:

«ЦК ВКП(б) -- тов. СТАЛИНУ И. В.

Считаю, что тов. Ягода в записке от 25 марта 1936 г. правильно и своевременно поставил вопрос о решительном разгроме троцкистских кадров.

Со своей стороны считаю необходимым всех троцкистов, находящихся в ссылке, ведущих активную работу, отправить в дальние лагеря постановлением Особого совещания при НКВД, после рассмотрения каждого конкретного дела. В этом же порядке считаю необходимым направить в лагеря и троцкистов, исключенных из ВКП(б) при последней проверке партийных документов.

С моей стороны нет также возражений против передачи дел о троцкистах, уличенных в причастности к террору, то есть в подготовке террористических актов, в Военную Коллегию Верховного суда Союза, с применением к ним закона от 1 декабря 1934 г. и высшей меры наказания — расстрела...

А. Вышинский».

В тот же день Г. Г. Ягода направил всем начальникам УНКВД оперативную директиву, в которой говорилось:

«Основной задачей наших органов на сегодня является немедленное выявление и полнейший разгром до конца всех троцкистских сил, их организационных центров и связей, выявление, разоблачение и репрессирование всех троцкистов-двурушников».

20 мая 1936 г. опросом членов Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление, которое подписал И. В. Сталин. В нем указывалось: ввиду непрекращающейся контрреволюционной активности троцкистов предложить НКВД СССР направить в отдаленные концлагеря на срок от 3 до 5 лет троцкистов, находившихся в ссылке и режимных пунктах, и троцкистов, исключенных из ВКП(б), проявляющих враждебную активность и проживающих в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах Советского Союза. Всех арестованных троцкистов, уличенных в причастности к террору, предлагалось судить Военной Коллегией Верховного суда СССР с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

Из обвиняемых по настоящему делу первым был арестован Н. И. Муралов — 17 апреля 1936 г. органами НКВД по Западно-Сибирскому краю. Основанием для его ареста послужили полученные от бывших троцкистов непроверенные показания о вхождении Н. И. Муралова в «руководящий коллектив» троцкистского подполья в СССР. Другими какими-либо данными об антисоветской деятельности Н. И. Муралова органы НКВД не располагали.

В июле 1936 г. органы НКВД получили от И. И. Рейнгольда, обвиняемого по делу так называемого «объединенного троцкистско-зиновьевского центра», неконкретные и противоречивые показания о причастности Г. Я. Сокольникова к «объединенному центру троцкистско-зиновьевского блока». Имелись ли какие-либо другие «компрометирующие» Г. Я. Сокольникова материалы, из дела не видно. Тем не менее 25—26 июля 1936 г. опросом членов ЦК ВКП(б) принимается решение, за которое проголосовал и Ю. Л. Пятаков, об исключении Г. Я. Сокольникова из кандидатов в члены ЦК и из рядов ВКП(б). В решении говорилось:

«На основании неопровержимых данных установлено, что кандидат в члены ЦК Сокольников поддерживал тесные связи с террористическими группами троцкистов и зиновьевцев...»

Это решение было вынесено с ведома И. В. Сталина, о чем свидетельствует сделанная на тексте проекта решения его рукой надпись: «Секретариат ЦК ВКП(б)». В этот же день, 26 июля 1936 г., Г. Я. Сокольников был арестован.

В ночь с 27 на 28 июля 1936 г. при аресте жены Ю. Л. Пятакова была изъята принадлежащая Ю. Л. Пятакову переписка, в том числе некоторые материалы, относящиеся к периоду его участия в оппозиции до 1926 г., о чем немедленно, еще до окончания обыска, Г. Г. Ягода письменно доложил И. В. Сталину.

Как возникли и создавались дела так называемых центров — «объединенного троцкистско-зиновьевского» и «параллельного», рассказал Я. С. Агранов в своем выступлении на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г. Он подчеркнул, что летом 1936 г. Н. И. Ежов передал ему указание И. В. Сталина «вскрыть подлинный троцкистский центр». Это выступление в своем заключительном слове на Пленуме ЦК Н. И. Ежов прокомментировал следующим образом (цитируется по неправленой стенограмме):

«Я чувствую, что в аппарате что-то пружинят с Троцким, а т. Сталину яснее ясного было. Из выступления т. Сталина прямо был поставлен вопрос, что тут рука Троцкого, надо его ловить за руку».

К тому времени относится и начало активного сбора показаний от арестованных троцкистов на Ю. Л. Пятакова и других лиц, проходивших по данному делу.

В июле — августе 1936 г. от обвиняемых по делу так называемого «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» Л. Б. Каменева, Г. Е. Евдокимова, И. И. Рейнгольда и Е. А. Дрейцера были получены показания о существовании якобы еще и «параллельного антисоветского троцкистского центра».

10 августа 1936 г. из Киева в ЦК ВКП(б) — Н. И. Ежову и в НКВД СССР — Г. Г. Ягоде было сообщено по телеграфу о показаниях арестованного Н. В. Голубенко (ныне он реабилитирован) о том, что Ю. Л. Пятаков якобы руководил украинским троцкистским центром. Об этих показаниях сразу же был информирован И. В. Сталин.

На следующий день Н. И. Ежов письменно доложил И. В. Сталину о разговоре с Ю. Л. Пятаковым. Ниже публикуется текст этой записки.

«Тов. СТАЛИНУ

Пятакова вызывал. Сообщил ему мотивы, по которым отменено решение ЦК о назначении его обвинителем на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра. Зачитал показания Рейнгольда и Голубенко. Предложил выехать на работу начальником Чирчикстроя.

Пятаков на это реагировал следующим образом:

1. Он понимает, что доверие ЦК к нему подорвано. Противопоставить показаниям Рейнгольда и Голубенко, кроме голых опровержений на словах, ничего не может. Заявил, что троцкисты из ненависти к нему клевещут. Рейнгольд и Голубенко — врут.

2. Виновным себя считает в том, что не обратил внимания на контрреволюционную работу своей бывшей жены и безразлично относился к встречам с ее знакомыми. Поэтому решение ЦК о снятии с поста замнаркома и назначении начальником Чирчикстроя считает абсолютно правильным. Заявил, что надо бы наказать строже.

3. Назначение его обвинителем рассматривал как акт огромнейшего доверия ЦК и шел на это «от души». Считал, что после процесса, на котором он выступит в качестве обвинителя, доверие ЦК к нему укрепится, несмотря на арест бывшей жены.

4. Просит предоставить ему любую форму (по усмотрению ЦК) реабилитации. В частности, от себя вносит предложение разрешить ему лично расстрелять всех приговоренных к расстрелу по процессу, в том числе и свою бывшую жену. Опубликовать это в печати.

Несмотря на то что я ему указал на абсурдность его предложения, он все же настойчиво просил сообщить об этом ЦК.

Проект постановления ЦК о назначении Пятакова — прилагаю.

11/VIII-36 г.

Ежов».

В личном письме на имя И. В. Сталина от 11 августа 1936 г. Ю. Л. Пятаков имеющиеся на него показания назвал клеветническими и заверял, что бесповоротно рассчитался со своими прошлыми политическими ошибками, старается на деле проводить линию партии и готов умереть за партию и И. В. Сталина.

Несмотря на такое письмо, сбор обвинительных материалов против Ю. Л. Пятакова и других будущих участников так называемого «параллельного центра» продолжался.

17 августа 1936 г. был арестован Л. П. Серебряков, а 22 августа на судебном процессе по делу так называемого «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» А. Я. Вышинский заявил о том, что им отдано распоряжение о начале расследования в отношении Ю. Л. Пятакова, К. Б. Радека и некоторых других лиц.

Опросом членов ЦК ВКП(б) 10—11 сентября 1936 г. было принято решение об исключении Ю. Л. Пятакова из состава ЦК и членов ВКП(б). В ночь на 12 сентября 1936 г. Ю. Л. Пятаков, находившийся в командировке на Урале, был арестован.

К. Б. Радек в августе — сентябре 1936 г., до своего ареста, также обращался к И. В. Сталину с письмами, в которых опровергал имевшиеся на него показания, заверял в своей невиновности

Тов. Сталину.

Пятакова вызывал. Сообщил ему мотивы, по которым отменено решение ЦК о назначении его обвинителем на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра. Зачитал показания Рейнгольда и Голубенко. Предложил выехать на работу начальником Чирчикстроя.

Пятаков на это реагировал следующим образом:

1. Он понимает, что доверие ЦК к нему подорвано. Противопоставить показаниям Рейнгольда и Голубенко, кроме голых опровержений на словах, ничего не может. Заявил, что троцкисты из ненависти к нему клевещут. Рейнгольд и Голубенко лгут.

2. Виновным себя считает в том, что не обратил внимания на контрреволюционную работу своей бывшей жены и безразлично относился к встречам с её знакомыми. Поэтому решение ЦК в связи с этой политической близорукостью и назначение начальником Чирчикстроя считает абсолютно правильным. Заявил, что можно наказать строже.

3. Назначение его обвинителем рассматривал как акт огромнейшего доверия ЦК и шёл на это от души. Считает, что после процесса, на котором он выступит в качестве обвинителя, доверие ЦК к нему укрепится, несмотря на арест жены.

4. Просит предоставить ему любую форму (по усмотрению ЦК) реабилитации. В частности, от себя вносит предложение разрешить ему лично расстрелять всех приговоренных к расстрелу по процессу, в том числе и свою бывшую жену. Опубликовать это в печати.

Несмотря на то, что я ему указал на абсурдность его предложения, он все же настойчиво просил сообщить об этом ЦК.

Проект постановления ЦК о назначении Пятакова — прилагаю.

11/VIII-36 г. Ежов.

4. Просит предоставить ему любую форму (по усмотрению ЦК) реабилитации. В частности, от себя вносит предложение разрешить ему лично расстрелять всех приговоренных к расстрелу по процессу, в том числе и свою бывшую жену. Опубликовать это в печати.

Несмотря на то, что я ему указал на абсурдность его предложения, он все же настойчиво просил сообщить об этом ЦК.

Проект постановления ЦК о назначении Пятакова — прилагаю. 11/VIII-36 г. Ежов.

Фотокопия записки Н. И. Ежова И. В. Сталину

и преданности. Заявления К. Б. Радека, как и заявление Ю. Л. Пятакова, были оставлены без внимания, и 16 сентября 1936 г. он был арестован. Находясь под арестом, К. Б. Радек написал И. В. Сталину еще одно большое письмо, в котором заверял «вождя народов» в своей полной невиновности. Но И. В. Сталин посчитал это письмо лживым, поскольку К. Б. Радек на следующий день якобы «сознался» в приписываемых ему «грехах». Говоря о «неискренности» К. Б. Радека, И. В. Сталин с явным удовольствием рассказывал об этом немецкому писателю Лиону Фейхтвангеру во время их встречи в 1937 г. *

В период развертывания следствия по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра» был принят ряд важных решений.

25 сентября 1936 г. И. В. Сталин и А. А. Жданов направили Л. М. Кагановичу, В. М. Молотову и другим членам Политбюро ЦК ВКП(б) из Сочи телеграмму, в которой содержалось указание на «необходимость» укрепления руководства карательными органами и активизации репрессивной политики. В телеграмме говорилось:

«...Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей Наркомвнудела. Замом Ежова в Наркомвнуделе можно оставить Агранова».

На следующий день Н. И. Ежов был назначен наркомом внутренних дел СССР с оставлением его на посту секретаря ЦК и председателя КПК при ЦК ВКП(б).

29 сентября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло (опросом) постановление «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам», которое было подписано И. В. Сталиным. В нем говорилось:

«Утвердить следующую директиву об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам:

а) До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии.

Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе.

б) В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не закончены, но и тех, которые были раньше высланы».

Установка И. В. Сталина на вскрытие «подлинного троцкистского центра», подписанная им директива Политбюро ЦК о необходимости расправы с троцкистами свидетельствуют о том, что перед органами НКВД в откровенно обнаженном виде была постав-

---

* *Фейхтвангер Лион.* Москва. 1937. М., 1937. С. 87. *Ред.*

лена прямая задача: организовать «громкий» процесс над наиболее видными в прошлом участниками троцкистской оппозиции.

Как видно из архивных документов, И. В. Сталину в процессе следствия по данному делу направлялись многие протоколы допросов обвиняемых лиц, их изобличавших. Знакомясь с протоколом допроса Г. Я. Сокольникова от 4 октября 1936 г., И. В. Сталин на полях той части протокола, где излагался ответ Г. Я. Сокольникова о встречах и разговорах с английским журналистом Тальботом, сделал следующую пометку: «А все же о плане убийства лидеров ВКП сообщил? Конечно, сообщил». На последней странице протокола, где Г. Я. Сокольников утверждает, что он не знал о связях Тальбота с английской разведкой, И. В. Сталин написал: «Сокольников, конечно, давал информацию Тальботу об СССР, о ЦК, о ПБ, о ГПУ, обо всем. Сокольников — следовательно — был информатором (шпионом-разведчиком) английской разведки». Этот протокол допроса Г. Я. Сокольникова по поручению И. В. Сталина 22 октября 1936 г. был разослан членам ЦК ВКП(б).

Проверка показала, что следствие по делу велось ускоренными темпами, необъективно, с грубейшими нарушениями социалистической законности. Аресты Ю. Л. Пятакова, Г. Я. Сокольникова, К. Б. Радека, Л. П. Серебрякова, Я. А. Лившица, И. Я. Князева, С. А. Ратайчака, Г. Е. Пушина, И. И. Граше и Б. О. Норкина были произведены без санкции прокурора.

Как сообщили в своих объяснениях в 1961 г. бывшие сотрудники НКВД СССР Л. П. Газов, Я. А. Иорш и А. И. Воробин, имевшие прямое отношение к следствию по данному делу, руководство НКВД требовало от оперативного состава вскрытия любыми средствами вражеской работы троцкистов и других арестованных бывших оппозиционеров и обязывало относиться к ним как к врагам народа. Арестованных уговаривали дать нужные следствию показания, провоцировали, при этом использовались угрозы. Широко применялись ночные и изнурительные по продолжительности допросы с применением так называемой «конвейерной системы» и многочасовых «стоек».

Вся система допросов была рассчитана на морально-психологическое и физическое изматывание подследственных. Об этом свидетельствовал в 1938 г. и бывший заместитель наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновский. Он, в частности, показал, что лица, проводившие следствие по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра», начинали допросы, как правило, с применения физических мер воздействия, которые продолжались до тех пор, пока подследственные не давали согласия на дачу навязывавшихся им показаний. До признания арестованными своей вины протоколы допросов и очных ставок часто не составлялись. Практиковалось оформление одним протоколом многих допросов, а также составление протоколов в отсутствие допрашиваемых. Заранее составленные следователями протоколы допросов обвиняемых «обрабатывались» работниками НКВД, после чего перепечатывались и давались арестованным на

подпись. Объяснения обвиняемых не проверялись, серьезные противоречия в показаниях обвиняемых и свидетелей не устранялись. Допускались и другие нарушения процессуального закона.

Большинство обвиняемых по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра» длительное время категорически отрицало свою виновность. Так, показания с признанием вины Н. И. Муралов дал лишь через 7 месяцев 17 дней после ареста, Л. П. Серебряков — через 3 месяца 16 дней, К. Б. Радек — через 2 месяца 18 дней, И. Д. Турок — через 58 дней, Б. О. Норкин и Я. А. Лившиц — через 51 день, Я. Н. Дробнис — через 40 дней, Ю. Л. Пятаков и А. Л. Шестов — через 33 дня.

Однако, используя меры физического и морального воздействия, манипулируя материалами прошедших в 1934—1936 гг. судебных процессов, «разоблачавших» троцкистов в антисоветской деятельности, органы следствия добились от обвиняемых «нужных» показаний. Большинство обвиняемых, давая требуемые от них показания, делали это, по их словам, прежде всего в интересах окончательного разоблачения и разгрома троцкизма. Так, Н. И. Муралов, отвечая в суде на вопрос А. Я. Вышинского, почему он на следствии так долго не давал показаний о своей «виновности», ответил (цитируется по неправленой стенограмме судебного заседания):

«...Я думал так, что если я дальше останусь троцкистом, тем более что остальные отходили — одни честно и другие бесчестно... во всяком случае, они не являлись знаменем контрреволюции. А я нашелся, герой... Если я останусь дальше так, то я могу быть знаменем контрреволюции. Это меня страшно испугало... И я сказал себе тогда, после чуть ли не восьми месяцев, что да подчинится мой личный интерес интересам того государства, за которое я боролся в течение двадцати трех лет, за которое я сражался активно в трех революциях, когда десятки раз моя жизнь висела на волоске... Предположим, меня даже запрут или расстреляют, то мое имя будет служить собирателем и для тех, кто еще есть в контрреволюции, и для тех, кто будет из молодежи воспитываться... Опасность оставаться на этих позициях, опасность для государства, для партии, для революции, потому что я — не простой рядовой член партии...»

Подобные объяснения давали и другие обвиняемые по этому делу. Характерны показания К. Б. Радека, которые он дал 4 декабря 1936 г.:

«...Я выбираю путь откровенного признания фактов, которые я отрицал из чувства стыда за совершенные преступления перед партией и страной. Я признаю себя виновным в принадлежности на день моего ареста к действующему параллельному центру троцкистско-зиновьевского блока, созданного в 1932 г. по директиве Троцкого и ставившего своей задачей захват власти путем террористической борьбы с руководством ВКП(б) и Советского правительства. К троцкистско-зиновьевской организации я примкнул в 1932 г. ...»

На одном из допросов в Верхне-уральской тюрьме, 10 июня 1938 г., осужденный по данному делу на 10 лет тюремного заключения В. В. Арнольд заявил:

«...После моего ареста в Анжерке 6.IX 1936 года во время следствия в Новосибирске следователем мне было заявлено: «Нам известно, что вы из себя представляете, и мы располагаем достаточным материалом, чтобы обвинить вас в шпионаже, но сейчас мы тебя обвиняем как участника террористической организации и др. показаний не требуем, выбирай, кем хочешь быть, или шпионом,

или террористом?» На поставленный передо мной вопрос я ответил, что являюсь участником террористической организации и обязуюсь дать показания».

Уже находясь в тюрьме, В. В. Арнольд утверждал, что процесс был «политической комедией», никакого участия в подготовке покушения против В. М. Молотова он не принимал и вообще все это дело — «мыльный пузырь».

Бывшие следователи по важнейшим делам Прокуратуры СССР Л. Р. Шейнин и М. Ю. Рагинский, участвовавшие вместе с А. Я. Вышинским в допросах обвиняемых, в своих объяснениях в начале 60-х гг. сообщили, что так называемые «передопросы» обвиняемых А. Я. Вышинским носили чисто формальный характер, им предъявлялись только протоколы допросов, а с материалами всего дела, что требовалось по закону, их не знакомили. Во время судебного заседания прокурор СССР А. Я. Вышинский по собственному усмотрению корректировал заключение экспертизы.

О грубом нарушении социалистической законности со стороны А. Я. Вышинского свидетельствуют документы и показания очевидцев. Сохранилось, например, свидетельство о встрече К. Б. Радека с А. Я. Вышинским при подготовке к процессу. На этой встрече К. Б. Радек зачитал Вышинскому написанный им проект «Последнего слова подсудимого».

Как рассказывают свидетели, реакция А. Я. Вышинского была следующей:

« — И это все? — сурово спросил Вышинский.— Не годится. Переделать, все переделать! Потрудитесь признать то и то, признаться в том-то и в том-то, осудить то-то и то-то и т. п.

И Радек выполнил требование Вышинского».

Как установлено, первоначально дела о «параллельном антисоветском троцкистском центре», как такового, не было, следствие велось на каждого арестованного в отдельности. Позднее, когда началась подготовка к открытому процессу, особое значение стали придавать личным и служебным связям между обвиняемыми.

Для придания делу «солидности» и «оснастки» его конкретными фактами «преступной деятельности» были использованы отдельные случаи неполадок и аварий в промышленности и на железнодорожном транспорте, которые преднамеренно квалифицировались как вредительство и диверсионные акты, якобы совершенные обвиняемыми.

Об искусственном создании дела говорит и тот факт, что лишь к самому началу судебного процесса был определен состав обвиняемых.

По делу составлялось три варианта обвинительного заключения. По первому предавалось суду 16 человек, в том числе С. Б. Членов *, но отсутствовали Я. А. Лившиц и И. Д. Турок, по второму — уже 17 человек, в их числе Я. А. Лившиц, и в третьем, окончательном, вместо С. Б. Членова был введен И. Д. Турок.

---

* В то время профессор, главный юрисконсульт при наркоме внешней торговли СССР. *Ред.*

Все варианты обвинительного заключения посылались лично И. В. Сталину и не раз переделывались по его указаниям. Так, Н. И. Ежов и А. Я. Вышинский, направляя второй вариант И. В. Сталину, 9 января 1937 г. в сопроводительном письме указывали:

«Направляем переработанный, согласно Ваших указаний, проект обвинительного заключения по делу Пятакова, Сокольникова, Радека и других...»

Второй вариант обвинительного заключения был отредактирован лично И. В. Сталиным, и им же вместо обвиняемого С. Б. Членова вписана фамилия И. Д. Турока.

В нарушение установленного законом порядка 28 января 1937 г., то есть за два дня до завершения судебного процесса, председателем Военной Коллегии Верховного суда СССР В. В. Ульрихом на имя Н. И. Ежова в ЦК ВКП(б) был представлен вариант приговора по данному делу. Этот текст отличается от приговора, вынесенного в суде, лишь тем, что для всех подсудимых в нем предусматривалась высшая мера наказания — расстрел.

В личном архиве А. Я. Вышинского обнаружены записи, сделанные им в ходе беседы с И. В. Сталиным в связи с подготовкой к процессу по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра». Из них видно, что И. В. Сталин давал конкретные оценки обвиняемым, характеризовал их как людей, якобы всю жизнь боровшихся против В. И. Ленина, подчеркивал, что они пали ниже Деникина, Колчака и Мамонтова и представляют из себя банду преступников. Записи показывают, что, касаясь порядка допроса обвиняемых И. Д. Турока и И. А. Князева, И. В. Сталин указывал: «Не давать говорить много о круш(ениях). Цыкнуть. Сколько устроили круш(ений), не давать много болтать».

Сохранилась схема обвинительной речи А. Я. Вышинского по делу так называемого «параллельного центра», в которую лично И. В. Сталиным внесены исправления и дополнения, содержащие политические установки и оценки.

Все это показывает, что предварительное следствие, подготовка к суду и сам судебный процесс по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра» проходили под личным руководством и контролем И. В. Сталина, его доверенных лиц.

Для политической расправы с неугодными людьми И. В. Сталину было недостаточно простой фальсификации обвинений. Важно было, чтобы в эти обвинения безоговорочно поверили советский народ и мировая общественность. Этой цели и служили открытые процессы, на которых обвиняемые должны были «признаться» в самых чудовищных преступлениях против партии и страны. В кабинетах следователей НКВД разрабатывались подробные сценарии поведения обвиняемых на суде. Подследственным часто внушалась мысль, что своими «саморазоблачениями» они помогут партии в борьбе с международным троцкизмом, с происками внеш-

них и внутренних врагов. И надо сказать, что многие обвиняемые в конце концов принимали «правила игры» и вели себя соответственно разработанному «сценарию». В этом отношении характерно письмо К. Б. Радека жене.

Зная, что письмо будет прочитано следователями (не исключено, что оно было и подсказано ими), К. Б. Радек довольно прозрачно дает понять, какова истинная цена той «неожиданной» и «невыносимой» правды, которую он вынужден «подтвердить» на суде. Вот имеющийся в архиве набросок этого письма:

«20.I.37 г.

В ближайшие дни состоится суд над центром зин.-тр. организаций. Для того, чтобы происходящее на этом суде не обрушилось на тебя неожиданно, я попросил свидания с тобою. Выслушай то, что я могу тебе сообщить, и не спрашивай меня ничего.

Я признал, что я был членом центра, принимал участие в его тер. деятельности, знал о его вредительской деятельности, о связи тр. с герм. и яп. правительством, я это подтвержу на суде. Незачем тебе говорить, что такие признания не могли у меня быть вырваны ни средствами насилия, ни обещаниями. Ты знаешь, что я бы ценой такого признания не покупал жизни.

Я (пропущено) значит, это правда. Если эта правда для тебя невыносима, то сохрани мой облик таким, каким ты меня знала, но ты не имеешь никаких оснований и права хотя бы словом одним ставить знак вопроса насчет правды, установленной судом.

Когда внимательно продумаешь то, что будет происходить на суде, особенно международную часть разоблачений, ты поймешь, что я не имел никакого права скрыть эту правду перед миром. Чем бы ни кончился суд, ты должна жить. Если я буду жив, чтобы и мне помочь. Если меня не будет, чтобы общественно полезной работой помочь стране. Одно знай, что бы ни было, я никогда не чувствовал себя так связанным с делом пролетариата, как теперь».

Вредительская и диверсионная деятельность, как указывалось в обвинительном заключении и приговоре, проводилась осужденными в химической, угольной промышленности, на железнодорожном транспорте и выражалась в срыве планов производства, железнодорожных перевозок, задержке и плохом качестве строительства новых предприятий, создании вредных и опасных для жизни рабочих условий труда, порче железнодорожного пути и подвижного состава, в организации взрывов, крушений и других диверсиях.

Как установлено проверкой, недостатки в строительстве и эксплуатации ряда предприятий химической и угольной промышленности, аварии, взрывы, пожары и железнодорожные крушения, о которых говорится в материалах дела, в действительности имели место. Но эти факты тогда же проверялись соответствующими компетентными органами, комиссиями и рассматривались не как результат умышленных действий, а как следствие нарушений производственной и технологической дисциплины, низкого качества работы. Однако следователи НКВД преднамеренно использовали эти факты, квалифицировав их как вредительско-диверсионную деятельность со стороны обвиняемых.

Примером могут служить аварии на Горловском азотно-туковом комбинате в 1934—1935 гг. Причины их в свое время тщательно расследовались. В связи со взрывом воздухоразделитель-

ного аппарата в цехе аммиачной селитры в ноябре 1935 г. из Москвы в Горловку выезжали государственная комиссия и комиссия ЦК профсоюза. Комиссии работали параллельно, независимо одна от другой, и пришли к заключению, что взрыв произошел в результате грубого нарушения инструкции по технике безопасности, халатности и нераспорядительности инженерно-технического персонала. Однако в 1936—1937 гг. взрывы в цехе аммиачной селитры стали квалифицировать уже как диверсионные акты.

Вот почему заключение технической экспертизы по авариям на Горловском азотно-туковом комбинате, которое было дано на предварительном следствии и в судебном заседании, не могло являться доказательством по делу, так как экспертная комиссия работала в условиях, исключающих возможность объективного заключения. Опрошенный в 1956 г. профессор Гальперин, возглавляющий эту экспертную комиссию, в своем объяснении сообщил:

«...Нам было заявлено сотрудниками НКВД, что вопрос о злоумышленной организации взрывов сомнений не вызывает, ибо арестованные сами сознались в совершенном ими преступлении. Нам было подчеркнуто, что злоумышленный характер взрывов доказан (нам были предъявлены протоколы допросов) и что нам, следовательно, нужно только подтвердить техническую возможность совершения таких взрывов. Исходя из этой установки и руководствуясь предъявленными нам протоколами допросов арестованных, принимая во внимание техническую возможность совершения таких взрывов и указание сотрудников НКВД о необходимости дачи ответов на все вопросы, предъявленные нам, мы и подписали акт экспертной комиссии».

Показания С. А. Ратайчака о том, что по его указаниям проводилась вредительская работа также на Воскресенском химкомбинате и Невском заводе, на предварительном следствии и в суде не проверялись. Никаких других показаний или материалов об этом деле нет.

В основу обвинения в проведении вредительской и диверсионной работы в Кузбассе, кроме показаний осужденных, положены заключение экспертизы и материалы так называемого «кемеровского процесса».

Он был проведен в Кемерове в ноябре 1936 г., то есть незадолго до суда по настоящему делу. По этому процессу якобы за связь с германской разведкой и вредительско-диверсионную деятельность в Кузбассе, в том числе за организацию взрыва на шахте «Центральная», повлекшего гибель 10 и тяжелые ранения 14 рабочих, были осуждены к расстрелу 9 инженерно-технических работников. По этому делу первоначально привлекались также Я. Н. Дробнис, А. А. Шестов и М. С. Строилов, но материалы в отношении их перед окончанием следствия были выделены в отдельное производство, и на «кемеровском процессе» они выступали в качестве свидетелей. Впоследствии Я. Н. Дробнис, А. А. Шестов и М. С. Строилов были включены в число обвиняемых по делу так называемого «параллельного центра» и вся «преступная деятельность» осужденных по «кемеровскому процессу» вменена в вину Ю. Л. Пятакову и другим.

Позднее было установлено, что экспертиза по диверсионно-вредительской деятельности в Кузбассе была проведена с грубейшими нарушениями закона. В течение двух недель члены комиссии не выходили из здания Кемеровского горотдела НКВД, ни с кем из обвиняемых и должностными лицами предприятий не встречались. Материалы для экспертизы отбирались тенденциозно и только обвинительного характера. Выводы о вредительстве экспертам навязывались, заключение их неоднократно перерабатывалось по указанию работников НКВД. В феврале 1958 г. так называемое «кемеровское дело» было прекращено как сфальсифицированное, за отсутствием в действиях всех осужденных состава преступления.

Показания Л. П. Серебрякова, М. С. Богуславского, Я. А. Лившица, И. А. Князева и И. Д. Турока об организации ими крушений на железнодорожном транспорте опровергаются приобщенными к делу материалами ведомственных расследований.

Данные проверки дают основание утверждать, что никакой вредительской и диверсионной работы в химической, угольной промышленности и на железнодорожном транспорте обвиняемыми по данному делу не проводилось.

Особый акцент в обвинениях, предъявлявшихся Ю. Л. Пятакову, К. Б. Радеку, Г. Я. Сокольникову, Л. П. Серебрякову, Н. И. Муралову, Я. А. Лившицу, Я. Н. Дробнису и другим, делался на шпионаже в пользу Германии и Японии.

Сущность обвинения в шпионаже состояла в том, что С. А. Ратайчак, Г. Е. Пушин, И. И. Граше, А. А. Шестов, М. С. Строилов, Я. А. Лившиц, И. А. Князев и И. Д. Турок по указанию руководящего ядра «параллельного центра» поддерживали преступную связь с агентами германской и японской разведок. В обвинительном заключении и приговоре утверждалось также, что Г. Я. Сокольников и К. Б. Радек установили контакт и вступили в переговоры с отдельными представителями Германии и Японии с целью получения от этих государств помощи «троцкистско-зиновьевскому блоку» в борьбе за власть.

Однако имеющиеся в деле материалы о разговорах Г. Я. Сокольникова и К. Б. Радека с иностранцами не могут служить основанием для такого обвинения. Так, к делу приобщена копия записи беседы Г. Я. Сокольникова, бывшего в то время заместителем наркома иностранных дел, с японским послом Ота от 13 апреля 1934 г. по вопросу о японских нефтяной, рыболовной и каменноугольной концессиях на Сахалине. На предварительном следствии и в суде Г. Я. Сокольников, подтверждая сам факт этой беседы, заявил, что после беседы у него якобы состоялся короткий разговор с Ота по поводу предложений Л. Д. Троцкого японскому правительству. Содержание разговора, как это вытекало из протокола допроса Г. Я. Сокольникова 12 декабря 1936 г., свелось к следующему:

«**Сокольников:** ...Когда Ота и секретарь посольства собрались уходить, Ота несколько задержался. В это время оба переводчика уже вышли из кабине-

та. Воспользовавшись этим, Ота, в то время как я его провожал к выходу, обменялся со мной несколькими фразами.

Вопрос: Приведите по возможности дословно Ваш разговор с Ота.

Ответ: Ота сказал мне: «Известно ли Вам, что господин Троцкий сделал некоторые сообщения моему правительству?» Я ответил: «Да, я об этом осведомлен». Ота спросил: «Как Вы расцениваете эти предложения?» Я ответил: «Я считаю эти предложения весьма серьезными». Тогда Ота спросил: «Это только Ваше личное мнение?» Я ответил: «Нет, это также мнение и моих друзей». На этом наш разговор закончился.

Вопрос: Возвращался ли в дальнейшем Ота в переговорах с Вами к вопросу о контакте между блоком и японским правительством?

Ответ: Нет. Указанный разговор с Ота произошел к самому концу моих переговоров с ним. Вскоре после этого я ушел с работы в НКИД и больше с Ота не встречался».

Других данных по этому вопросу в деле не имеется.

Из показаний К. Б. Радека видно, что он также никаких компрометирующих его переговоров с представителями Германии не вел, а в 1934 или 1935 г. на одном из дипломатических приемов имел лишь кратковременную беседу с германским военным атташе генералом Кестрингом и пресс-атташе Баумом, которые в осторожной форме якобы дали ему понять о связях Л. Д. Троцкого с их правительством.

Ю. Л. Пятаков по этому вопросу на следствии дал весьма невразумительные показания, заявив, что, как ему помнится, К. Б. Радек рассказывал «о каких-то своих разговорах с немцами», а Г. Я. Сокольников говорил, что «у него был разговор с японцами, кажется, с Ота...».

Других доказательств того, что Г. Я. Сокольников и К. Б. Радек вели какие-то якобы изменнические переговоры с представителями иностранных государств, в деле нет. Показания обвиняемых С. А. Ратайчака, Г. Е. Пушина, И. И. Граше, А. А. Шестова, М. С. Строилова об их шпионской связи с германской разведкой и показания Я. А. Лившица, И. А. Князева, И. Д. Турока о связи с японской разведкой неконкретны, противоречивы и не подтверждаются другими данными. Никаких подтверждений о связях С. А. Ратайчака, Г. Е. Пушина, И. И. Граше, А. А. Шестова и М. С. Строилова с германской, а Я. А. Лившица, И. А. Князева и И. Д. Турока с японской разведками в деле не имеется.

Даже из обвинительной речи А. Я. Вышинского в суде видно, что вопрос о доказанности вины, например, С. А. Ратайчака в шпионаже остался неясным. А. Я. Вышинский сказал:

«Вот Ратайчак, он сидит с правой стороны в задумчивой позе, не то германский, это так и осталось невыясненным до конца, не то польский разведчик, но что разведчик, в этом не может быть сомнения, как ему полагается, лгун, обманщик и плут...»

Обосновывая виновность М. С. Строилова, И. А. Князева, А. А. Шестова и других, следствие и суд использовали в качестве доказательств изъятые у них при аресте служебную и личную переписку, записные книжки и въездные дела на некоторых иностранных специалистов, хотя в этих материалах нет никаких данных, указывающих на преступный характер связи осужденных с ино-

странцами. Анализ материалов дела и проверка показывают, что обвинение в шпионаже является полностью сфабрикованным и необоснованным.

Здесь уместно сказать о том, что фанатичная приверженность И. В. Сталина и его ближайшего окружения идее борьбы против всеобщего вредительства, шпионов и диверсантов умело использовалась ими в целях нагнетания обстановки недоверия и подозрительности, возводилась ими буквально в ранг «государственной политики». Об этом красноречиво свидетельствует доклад «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов», с которым член Политбюро ЦК ВКП(б) и председатель Совнаркома СССР В. М. Молотов выступил на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б). Обильно используя материалы недавно прошедшего процесса по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра», он говорил:

«В течение ряда лет из месяца в месяц группы вредителей и диверсантов, сидевших на боевых участках нашей промышленности, делали свое преступное дело, все более наглея от своей безнаказанности. Мы не можем при этом забывать о том, что эти преступления были лишь подготовкой, лишь пробой сил в отношении более крупных и опасных для нашей страны ударов в дальнейшем. По заданиям Троцкого — Пятакова вредители, диверсанты и шпионы из их компании готовили нанесение главных ударов к началу войны...

В Наркомтяжпроме сидел заместитель наркома Пятаков, оказавшийся вредителем-диверсантом. Но, как известно, и в НКПС вредитель Лившиц был на посту заместителя наркома. В Наркомлесе вредитель Сокольников также был заместителем наркома, а до того сей шпион был, как известно, заместителем наркома по иностранным делам... Вредителем оказался бывший начальник Цудортранса Серебряков... Вчерашние колебания неустойчивых коммунистов перешли уже в акты вредительства, диверсий и шпионажа по сговору с фашистами, в их угоду. Мы обязаны ответить ударом на удар, громить везде на своем пути отряды этих лазутчиков и подрывников из лагеря фашизма»[36].

Подобные демагогические установки воспринимались в тех условиях, естественно, как партийная и государственная директива.

В приговоре по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра» отмечается, что якобы по прямым указаниям Л. Д. Троцкого в Москве и на периферии был создан ряд террористических групп, готовивших покушения на И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, К. Е. Ворошилова, Г. К. Орджоникидзе, А. А. Жданова, С. В. Косиора, Р. И. Эйхе, П. П. Постышева, Н. И. Ежова и Л. П. Берия, что осенью 1934 г. будто бы В. В. Арнольд, по указанию А. А. Шестова и Н. И. Муралова, пытался осуществить террористический акт против В. М. Молотова.

На предварительном следствии и в суде Ю. Л. Пятаков, Г. Я. Сокольников, К. Б. Радек, Л. П. Серебряков, Н. И. Муралов, Я. Н. Дробнис, М. С. Богуславский, А. А. Шестов, И. Д. Турок и В. В. Арнольд дали показания о том, что занимались террористической деятельностью. Я. А. Лившиц говорил, что он будто бы знал о подготовляемых террористических актах, но никакого уча-

стия в этом не принимал. От обвиняемых И. А. Князева, С. А. Ратайчака, Б. О. Норкина, И. И. Граше и Г. Е. Пушина никаких показаний по данному вопросу получено не было. М. С. Строилов в террористической деятельности вообще не обвинялся.

О степени «серьезности» этих обвинений могут свидетельствовать «признания» Ю. Л. Пятакова, который показал, что по его указанию террористические группы были якобы организованы в Москве, на Украине, в Западной Сибири и на Урале, но он состава этих групп не знал, ими не руководил, никаких заданий им не давал, в разработке преступных планов не участвовал.

Другие руководители так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра» также давали разноречивые и неаргументированные показания о том, когда, от кого и при каких обстоятельствах им стало известно о террористических установках Л. Д. Троцкого и о своей практической деятельности в этом направлении.

В показаниях Ю. Л. Пятакова, К. Б. Радека и других обращает на себя внимание то обстоятельство, что «параллельным центром» будто бы было «создано» значительное количество террористических групп в различных городах СССР с привлечением в них большого числа людей. Но это уже само по себе резко противоречит условиям деятельности так называемого «параллельного центра», находившегося якобы «в глубоком подполье», что подчеркивается во всех материалах дела, и элементарным требованиям конспирации вообще. Совершение террористических актов в ряде случаев ставилось в зависимость от таких ситуаций, которых могло и не быть (приезд того или иного руководителя партии и правительства в определенный город, на завод, шахту и т. п.). Обвиненные в организации террористических групп и названные активными террористами Ю. М. Коцюбинский, В. Ф. Логинов, А. И. Юлин, М. Л. Жариков, Н. В. Голубенко, А. Ю. Тивель, И. Н. Ходорозе, И. И. Бурлаков, Н. П. Михетко, Г. С. Биткер, А. Г. Пригожин и другие в 1936—1937 гг. были осуждены к расстрелу. В настоящее время установлена полная невиновность этих лиц, все они реабилитированы.

Примером того, как создавались мифы о покушениях на руководителей партии и государства, может служить «покушение» на В. М. Молотова во время его пребывания в г. Прокопьевске в 1934 г.

Проверкой установлено, что в действительности покушения на В. М. Молотова не было, а произошло следующее.

В сентябре 1934 г. в г. Прокопьевск приехал В. М. Молотов. При следовании В. М. Молотова и сопровождавших его лиц с вокзала в город автомашина, которой управлял обвиняемый по настоящему делу В. В. Арнольд, съехала правыми колесами в придорожную канаву, накренилась и остановилась. Пострадавших не было. Этому случаю в то время не придали серьезного значения. В. В. Арнольду за допущенную халатность Прокопьевский горком партии объявил выговор, а 27 февраля 1935 г. это взыска-

ние с него было снято. О причинах снятия партийного взыскания с В. В. Арнольда бывший секретарь Прокопьевского горкома партии А. Я. Курганов в судебном заседании по своему делу в октябре 1939 г., отвечая на вопрос суда о его причастности к аварии с автомашиной В. М. Молотова, дал следующие объяснения:

«Шофером на автомашину, в которой ехали Молотов и я, горотделом НКВД был посажен Арнольд, так как мне было тогда заявлено, что шофер горкома ВКП(б) не проверен и допустить его к машине нельзя. С моей стороны, как это видно, никакого злого умысла в этом не было. За эту аварию Арнольду был объявлен выговор. Арнольд об этом написал письмо Молотову. Молотов это письмо послал в крайком партии, а крайком направил это письмо нам, указав на необходимость пересмотра его дела, так как Молотов считает, что выговор был объявлен неправильно. Дело Арнольда было пересмотрено, и выговор был снят».

Тем не менее в 1936 г. от В. В. Арнольда, затем и от А. А. Шестова, после их ареста, были получены показания о том, что указанный выше случай с автомашиной являлся якобы попыткой совершить против В. М. Молотова террористический акт. Однако факты опровергают достоверность этих показаний, свидетельствуют об отсутствии каких-либо преднамеренных террористических намерений со стороны В. В. Арнольда.

Таким образом, обвинение лиц, осужденных по делу так называемого «антисоветского параллельного троцкистского центра», в террористической деятельности, как и по другим пунктам обвинения, является необоснованным.

В обвинительном заключении и приговоре указывалось, что «параллельный троцкистский центр» свою преступную деятельность проводил по прямым директивам Л. Д. Троцкого, связь с которым поддерживалась якобы через Ю. Л. Пятакова и К. Б. Радека.

Ю. Л. Пятаков показал, что во время пребывания в служебных командировках в Берлине в 1931—1932 гг. он три раза встречался с сыном Л. Д. Троцкого — Л. Л. Седовым, с которым его свел И. Н. Смирнов, и получал от него устные директивы Л. Д. Троцкого по возобновлению оппозиционной борьбы. В конце 1931 г. возвратившийся из Берлина А. А. Шестов передал ему полученное от Л. Л. Седова письмо Л. Д. Троцкого, в котором якобы предлагалось объединить все антисталинские силы, устранить И. В. Сталина и его ближайших помощников, противодействовать мероприятиям Советского правительства и партии. В декабре 1935 г., находясь в Берлине по делам службы, он, Ю. Л. Пятаков, тайно, по фиктивному немецкому паспорту вылетал на самолете в город Осло (Норвегия), где будто бы имел конфиденциальную встречу с Л. Д. Троцким.

По показаниям К. Б. Радека, он получил от Л. Д. Троцкого пять писем: два из них в 1932—1933 гг. в Женеве и в Москве через советского журналиста В. Г. Ромма и три в 1934—1936 гг. из Лондона, заделанных в переплеты книг. В письмах якобы говорилось о неизбежности поражения СССР в предстоящей войне, необходимости территориальных и экономических уступок Германии и Японии за помощь с их стороны «блоку» в захвате власти,

и содержалось требование об активизации подрывной деятельности в Советском Союзе. По словам К. Б. Радека, эти письма он никому не показывал, сразу по прочтении сжигал и содержание их другим участникам «параллельного центра» передавал на словах. В адрес Л. Д. Троцкого, как показал К. Б. Радек, он направил несколько писем, главным образом информационного характера.

В деле имеются также показания Н. И. Муралова о том, что в 1931 г. И. Н. Смирнов рассказал ему о своей встрече с Л. Л. Седовым в Берлине и установке Л. Д. Троцкого на переход к террору и тогда же посоветовал восстановить Сибирский троцкистский центр.

Однако в распоряжении органов следствия не было ни одного письма Л. Д. Троцкого и Л. Л. Седова к участникам так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра» и участников «центра» к ним. В деле нет и иных объективных данных, которые подтверждали бы существование таких писем.

Показания свидетелей В. Г. Ромма и Я. И. Зайдмана не могут быть доказательством виновности осужденных. Дело на В. Г. Ромма, осужденного в 1937 г. за связь с Л. Д. Троцким и участниками так называемого «параллельного центра», в настоящее время, после проведенной проверки, прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Я. И. Зайдман показания Н. И. Муралова подтверждал лишь на предварительном следствии, а в судебном заседании по своему делу 7 марта 1937 г. от этих показаний отказался, заявив, что дал их под нажимом следователя. Осужденный по процессу «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» И. Н. Смирнов, на которого ссылаются Ю. Л. Пятаков и Н. И. Муралов, никаких показаний по этому вопросу не давал.

После высылки в 1929 г. Л. Д. Троцкого из Советского Союза органы ОГПУ — НКВД осуществляли тщательное наблюдение за деятельностью Л. Д. Троцкого и Л. Л. Седова, фиксировали их поездки, встречи и связи, знали содержание значительной части переписки, которую они вели, но никаких встреч, никакой переписки и других форм связи Л. Д. Троцкого и Л. Л. Седова с лицами, осужденными по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра», зафиксировано не было.

Сын Л. Д. Троцкого Л. Л. Седов в статье о «кемеровском процессе», опубликованной за границей в январе 1937 г., назвал свидетельские показания Я. Н. Дробниса на этом процессе о встрече Ю. Л. Пятакова с Л. Л. Седовым в Берлине «чистейшим вымыслом».

После опубликования показаний Ю. Л. Пятакова и К. Б. Радека на процессе Л. Д. Троцкий 25 января 1937 г. сделал американской прессе официальное заявление, в котором категорически отрицал выдвинутые против него обвинения и всякую связь с кем-либо из подсудимых.

Ю. Л. Пятаков и К. Б. Радек после разрыва с троцкистской оп-

позицией активно выступали против Л. Д. Троцкого. В связи с судебным процессом по делу так называемого «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» 21 августа 1936 г. в газете «Правда» была помещена статья Ю. Л. Пятакова «Беспощадно уничтожить презренных убийц и предателей», а в газете «Известия» в тот же день статья К. Б. Радека «Троцкистско-зиновьевская фашистская банда и ее гетман — Троцкий», в которой он называет Л. Д. Троцкого «кровавым шутом», «фашистским обер-бандитом» и т. п.

В свою очередь Л. Д. Троцкий и Л. Л. Седов, начиная с 1929 г., выступали в печати с резкой критикой в адрес К. Б. Радека и выражали полное недоверие как К. Б. Радеку, так и Ю. Л. Пятакову. Л. Л. Седов, направляя в СССР в 1932 г. близкого к нему человека, давал ему следующую установку:

«В среде бывших оппозиционеров имеется два течения капитулянтов: первое — радековская группа, окончательно порвавшая с Троцким. С этой группой он ни в коем случае не должен входить ни в какие сношения...»

Установлено, что обвинение осужденных в «преступной связи» с Л. Д. Троцким и Л. Л. Седовым является необоснованным. Это же показала и специальная проверка, проведенная Прокуратурой СССР в 1988 г.

* * *

В 1956—1963 гг. и в 1983—1988 гг. в связи с поручением Центрального Комитета партии была проведена проверка указанного дела. При этом были тщательно изучены документальные материалы, хранящиеся в партийных и государственных архивах, а также опрошены многие лица, непосредственно причастные к событиям тех лет. Верховным судом СССР были реабилитированы Л. П. Серебряков, Г. Е. Пушин, И. И. Граше, И. Д. Турок, Н. И. Муралов, Б. О. Норкин, И. А. Князев, М. С. Богуславский, М. С. Строилов.

21 июня 1988 г. пленум Верховного суда СССР, рассмотрев протест Генерального прокурора СССР по делу Ю. Л. Пятакова, Г. Я. Сокольникова, К. Б. Радека, Я. А. Лившица, Я. Н. Дробниса, С. А. Ратайчака, А. А. Шестова, В. В. Арнольда (Васильева), установил, что предварительное следствие по данному делу производилось с грубейшими нарушениями уголовно-процессуального закона, в процессе рассмотрения дела в суде в январе 1937 г. были допущены грубые нарушения норм судопроизводства, в том числе гарантирсванное законом право граждан на защиту. При таких обстоятельствах, как подчеркнуто в постановлении пленума Верховного суда СССР, признание осужденными своей вины в проведении враждебной Советскому государству деятельности нельзя считать достоверным доказательством. Других же объективных данных о том, что они совершили инкриминируемые им особо опасные государственные преступления, в материалах дела не имеется.

В частности, были признаны несостоятельными обвинения Ю. Л. Пятакова, Г. Я. Сокольникова и К. Б. Радека в создании

так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра», якобы ставившего своей задачей свержение Советской власти в СССР и восстановление капитализма, а также обвинения всех осужденных в проведении шпионской, террористической и диверсионно-вредительской деятельности.

На основании тщательного и всестороннего исследования материалов дела так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра» и материалов дополнительной проверки по нему пленум Верховного суда СССР своим постановлением от 13 июня 1988 г. отменил приговор Военной Коллегии Верховного суда СССР от 30 января 1937 г. в отношении Ю. (Г.) Л. Пятакова, Г. Я. Сокольникова, К. Б. Радека, Я. А. Лившица, Я. Н. Дробниса, С. А. Ратайчака, А. А. Шестова, В. В. Арнольда (Васильева) и дело прекратил за отсутствием в их действиях состава преступления.

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС
Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
Прокуратура СССР
Комитет государственной безопасности СССР

«АНТИСОВЕТСКИЙ ПРАВОТРОЦКИСТСКИЙ БЛОК»

Пленуму Верховного суда Союза ССР
Прокуратура Союза ССР

ПРОТЕСТ
(в порядке надзора)
по делу Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, А. П. Розенгольца, М. А. Чернова, П. П. Буланова, Л. Г. Левина, И. Н. Казакова, В. А. Максимова-Диковского, П. П. Крючкова, Х. Г. Раковского
21 января 1988 г.

13 марта 1938 г. Военной Коллегией Верховного суда СССР
Бухарин Николай Иванович, 1888 г. рождения, уроженец г. Москвы, русский, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1906 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б), избранного на XVII съезде ВКП(б), действительный член и член президиума Академии наук СССР, исключен из партии и выведен из состава Академии наук СССР в связи с настоящим делом, до ареста 27 февраля 1937 г.— главный редактор газеты «Известия»;

Рыков Алексей Иванович, 1881 г. рождения, уроженец г. Саратова, русский, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1898 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б), избранного на XVII съезде ВКП(б), исключен из партии в связи с настоящим делом, до ареста 27 февраля 1937 г.— народный комиссар связи СССР;

Розенгольц Аркадий Павлович, 1889 г. рождения, уроженец г. Витебска, еврей, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1905 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б), избранного на XVII съезде ВКП(б), исключен из партии в связи с настоящим делом, до ареста 7 октября 1937 г.— начальник управления Наркомата внешней торговли СССР;

Чернов Михаил Александрович, 1891 г. рождения, уроженец Костромской губернии, русский, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1920 г., член ЦК ВКП(б), избранного на XVII съезде ВКП(б), исключен из партии в связи с настоящим делом, до ареста 7 ноября 1937 г.— народный комиссар земледелия СССР;

Буланов Павел Петрович, 1895 г. рождения, уроженец Мордовской АССР, русский, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1918 г., исключен из партии в связи с настоящим делом, до ареста 29 марта 1937 г.— секретарь НКВД;

Левин Лев Григорьевич, 1870 г. рождения, уроженец г. Одессы, еврей, гражданин СССР, беспартийный, врач, до ареста 2 декабря 1937 г. – консультант лечсанупра Кремля;

Казаков Игнатий Николаевич, 1891 г. рождения, уроженец Бессарабской губернии, болгарин, гражданин СССР, беспартийный, врач, до ареста 14 декабря 1937 г.— директор и научный руководитель Государственного научно-исследовательского института обмена веществ и эндокринных расстройств Наркомздрава СССР;

Максимов-Диковский Вениамин Адамович (Абрамович), 1900 г. рождения, уроженец г. Кирова (Вятки), еврей, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1920 г., исключен из партии в связи с настоящим делом, бывший секретарь В. В. Куйбышева, до ареста 11 декабря 1937 г.— начальник отдела Наркомата путей сообщения СССР;

Крючков Петр Петрович, 1889 г. рождения, уроженец г. Перми, русский, гражданин СССР, беспартийный, бывший секретарь А. М. Горького, до ареста 5 октября 1937 г.— директор музея А. М. Горького,

признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-1 «а», 58-2, 58-7, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР (1926 г.), и приговорены к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

15 марта 1938 г. приговор приведен в исполнение (т. 53, л. д. 97, 98, 103, 109, 110, 111, 112, 113, 114).

По этому же делу

Раковский Христиан Георгиевич, 1873 г. рождения, уроженец г. Котел (Болгария), болгарин, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1918 г., исключен из партии в связи с настоящим делом, до ареста 27 января 1937 г.— начальник управления Наркомата здравоохранения РСФСР, признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-1 «а», 58-2, 58-7, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР (1926 г.) и приговорен к 20 годам тюремного заключения с поражением в политических правах сроком на 5 лет, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

По списку НКВД СССР 8 сентября 1941 г. Раковский Х. Г. заочно, без производства следствия, приговорен Военной Коллегией Верховного суда СССР по ч. 2 ст. 58-10 УК РСФСР (1926 г.) к расстрелу (т. 95, л. д. 1—2). Этот приговор приведен в исполнение 11 сентября 1941 г. (т. 53, л. д. 115).

По делу были также осуждены И. А. Зеленский, председатель Центросоюза; В. И. Иванов, наркомлес СССР; П. Т. Зубарев, заместитель наркома земледелия СССР; Г. Ф. Гринько, нарком финансов СССР; Ф. Ходжаев, председатель Совнаркома Узбекской ССР; С. А. Бессонов, советник полпредства СССР в Германии; Д. Д. Плетнев, профессор Института функциональной диагностики; Н. Н. Крестинский, первый заместитель наркома иностранных дел СССР; А. Икрамов, первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана; В. Ф. Шарангович, первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. В отношении их приговор отменен, дело прекращено, все они полностью реабилитированы.

В отношении осужденного по этому же делу бывшего наркома внутренних дел Г. Г. Ягоды протест не приносится.

Как указано в приговоре Военной Коллегии Верховного суда СССР от 13 марта 1938 г., Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, А. П. Розенгольц и М. А. Чернов, якобы «являясь непримиримыми врагами Советской власти, в 1932—1933 гг. по заданию разведок враждебных к СССР иностранных государств организовали заговорщическую группу, именуемую «правотроцкистским блоком», который объединил подпольные антисоветские группы троцкистов, правых, зиновьевцев, меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Среднеазиатских республик. «Правотроцкистский блок» поставил своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии путем диверсионно-вредительской, террористической, шпионско-изменнической деятельности, направленной на подрыв экономической и оборонной

мощи Советского Союза и содействие иностранным агрессорам в поражении и расчленении СССР».

А. И. Рыков и Н. И. Бухарин были осведомлены о том, что А. П. Розенгольц, Х. Г. Раковский, М. А. Чернов, а также реабилитированные в настоящее время Н. Н. Крестинский, В. Ф. Шарангович, Г. Ф. Гринько были агентами иностранных разведок и «всячески поощряли расширение шпионских связей и давали указания, форсируя подготовку иностранной интервенции». Участники «блока» организовали крушение поездов на станции Волочаевка и на перегоне Хор — Дормидонтовка, а также диверсии на шахтах в Сучане.

М. А. Чернов по указаниям А. И. Рыкова и по заданию германской разведки организовал ряд диверсионно-вредительских актов по снижению и порче урожая, сокращению поголовья коней и крупного рогатого скота, искусственному распространению эпизоотии, в результате которой только в Восточной Сибири в 1936 г. пало около 25 тыс. лошадей.

А. П. Розенгольц проводил в Наркомате внешней торговли вредительскую работу, финансировал Л. Д. Троцкого.

Под непосредственным руководством А. И. Рыкова и Н. И. Бухарина по заданиям германской, японской и польской разведок в Сибири, на Северном Кавказе, на Украине, в Белоруссии, в Узбекистане и других местностях подготавливались бандитско-повстанческие кулацкие кадры для организации вооруженных выступлений в тылу Красной Армии к началу интервенции против СССР.

Блок, именуемый в приговоре «правотроцкистским», организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства. В 1934 г. А. И. Рыков якобы лично создал террористическую группу для подготовки и совершения террористических актов в отношении И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича и К. Е. Ворошилова.

В августе 1937 г. А. П. Розенгольц лично пытался совершить террористический акт в отношении Сталина, для чего «неоднократно добивался у него приема».

Убийство С. М. Кирова, а также «умерщвление» А. М. Горького, В. В. Куйбышева, В. Р. Менжинского были организованы по решению «правотроцкистского блока». А. М. Горький был «умерщвлен» врачами Л. Г. Левиным, Д. Д. Плетневым, бывшим секретарем писателя П. П. Крючковым, а также секретарем НКВД П. П. Булановым.

В «террористическом акте в отношении В. В. Куйбышева» принимали участие Л. Г. Левин и бывший секретарь Куйбышева В. А. Максимов-Диковский, а «в террористическом акте в отношении В. Р. Менжинского» — П. П. Буланов, Л. Г. Левин и врач И. Н. Казаков.

Кроме того, Л. Г. Левин и И. Н. Казаков «умертвили сына А. М. Горького М. А. Пешкова».

«В связи с назначением Н. И. Ежова народным комиссаром внутренних дел СССР именуемый «правотроцкистским» блок, опасаясь полного разоблачения, поручил совершить террористический акт в отношении Ежова».

В приговоре также указывается, что «Н. И. Бухарин и его сообщники имели целью убить В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я. М. Свердлова, сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и левых эсеров. Выполняя план заговора, левые эсеры в июле 1918 г. с ведома и согласия Н. И. Бухарина подняли в г. Москве мятеж, а совершенное эсеркой Каплан 30 августа 1918 г. покушение на жизнь В. И. Ленина явилось прямым результатом замыслов левых коммунистов во главе с Н. И. Бухариным» (т. 53, л. д. 80—92).

Нахожу осуждение Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, А. П. Розенгольца, М. А. Чернова, П. П. Буланова, Л. Г. Левина, И. Н. Казакова, В. А. Максимова-Диковского, П. П. Крючкова и Х. Г. Раковского необоснованным и незаконным.

В деле нет никаких доказательств того, что Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, А. П. Розенгольц, М. А. Чернов по заданию враждебных к Советскому Союзу иностранных государств создали заговорщическую группу, именуемую в обвинительном заключении и приговоре «правотроцкистским блоком», поставившую своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии,

террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения на СССР, расчленение СССР в пользу иностранных государств, свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя и восстановление капитализма.

Нет доказательств и того, что Н. И. Бухарин и А. И. Рыков были осведомлены о связях кого бы то ни было из лиц, проходивших по делу, с английской, французской, немецкой, японской, польской или иной иностранной разведками и поощряли расширение этих связей, давали указания и способствовали подготовке интервенции и расчленения СССР.

Проведенные компетентными органами проверки показали, что сведений о принадлежности осужденных и реабилитированных по настоящему делу к иностранным разведкам не имеется.

Обвинение участников так называемого «правотроцкистского блока» в организации крушений поездов на Дальневосточной железной дороге и взрыва на шахте в Сучане является необоснованным.

Крушение поездов явилось результатом аварийного состояния участка железной дороги, а взрыв на шахте — грубого нарушения правил по технике безопасности (т. 45, л. д. 3—7, 10—15).

Обвинение А. П. Розенгольца во вредительской работе в Наркомвнешторге СССР, финансировании Л. Д. Троцкого, обвинение М. А. Чернова в диверсионно-вредительских актах по порче урожая и сокращению поголовья коней и скота, распространению эпизоотии также ничем не доказаны.

«Террористическая деятельность» А. И. Рыкова в отношении И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, К. Е. Ворошилова; обвинение А. П. Розенгольца в попытке убийства Сталина надуманны и абсурдны. То, что А. П. Розенгольц добивался приема у Сталина, никак не свидетельствует о намерении террористического характера, а других доказательств не имеется.

Нет доказательств участия в террористической деятельности Н. И. Бухарина, М. А. Чернова, а равно и иных лиц, в отношении которых вносится протест. Другие обвинявшиеся в террористической деятельности вместе с ними реабилитированы.

Террористический акт в отношении Н. И. Ежова (ртутное отравление) был фальсифицирован им самим и бывшим начальником контрразведывательного отдела НКВД Николаевым. Перед разработкой легенды Николаев получил консультацию об условиях возможного отравления ртутью у начальника химакадемии РККА Авиновицкого, после чего в обивку мягкой мебели кабинета Ежова втер ртуть и дал на анализ. Работник НКВД Саволайнен, имевший доступ в кабинет Ежова, в результате систематического избиения «сознался» в подготовке ртутного отравления Ежова. После ареста Саволайнена в подъезд его дома была подброшена банка с ртутью, которую затем обнаружили и приобщили к делу в качестве вещественного доказательства (т. 76, л. д. 47—49).

Обвинение Л. Г. Левина, П. П. Буланова, П. П. Крючкова, В. А. Максимова-Диковского, И. Н. Казакова в организации убийств А. М. Горького, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, М. А. Пешкова основано только на их показаниях и опровергается материалом дела. Осужденный за эти якобы совершенные преступления профессор Д. Д. Плетнев в 1985 г. реабилитирован Пленумом Верховного суда СССР (т. 76, л. д. 60—71, 267—268).

Незаконность приговора Военной Коллегии Верховного суда СССР выразилась и в том, что суд вышел за пределы формулы обвинения по обвинительному заключению (т. 53, л. д. 15), признав, в частности, Н. И. Бухарина виновным в левоэсеровском мятеже, а А. П. Розенгольца — в попытке совершить террористический акт в отношении Сталина в августе 1937 г.

Военная Коллегия Верховного суда СССР не отразила в приговоре никаких доказательств. Приведенные же в обвинительном заключении признания обвиняемых не могли быть положены в основу обвинения без наличия других доказательств.

Предварительное следствие по делу производилось с грубейшими нарушениями социалистической законности.

После ареста Н. И. Бухарину, А. И. Рыкову и другим в течение нескольких месяцев обвинение не предъявлялось, срок следствия и содержания под стражей не продлевался (т. 1, 5 и др.).

Проверкой по делу установлено, что многие протоколы допросов обвиняемых, очных ставок и другие процессуальные документы фальсифицировались. Путем угроз, насилия и обмана обвиняемых принуждали давать ложные показания на себя и других лиц, протоколы допросов и объяснения заранее составлялись и произвольно корректировались.

При первоначальных допросах Н. И. Бухарин виновным себя не признал, поясняя, что имел разногласия с И. В. Сталиным по конкретным политическим и экономическим вопросам, однако ни шпионской, ни террористической, ни иной противозаконной деятельностью не занимался (т. 5, л. д. 142—178). Протоколы этих допросов к делу не приобщались, находились в специальном хранилище и были обнаружены лишь в 1961 г. (справка на л. д. 141, т. 5).

К делу же приобщались заранее напечатанные протоколы допросов лишь в тех случаях, когда обвиняемые признавали вину и подписывали такие протоколы. В том случае, если обвиняемый (подсудимый) отказывался от ранее данных угодных следствию или суду показаний, применялись угрозы, запугивание, зачастую — прямое насилие и иные незаконные меры.

Допрошенная в 1956 г. свидетель Розенблюм, бывший начальник санчасти Лефортовской тюрьмы НКВД СССР, показала, что в санчасти тюрьмы она видела многих арестованных в тяжелом состоянии после нанесенных им побоев: «...Крестинского с допроса доставили к нам в санчасть в бессознательном состоянии. Он был тяжело избит, вся спина его представляла из себя сплошную рану, на ней не было ни одного живого места. Пролежал, как я помню, он в санчасти дня три в очень тяжелом состоянии» (т. 3, л. д. 136).

В ходе судебного процесса Н. Н. Крестинский отрицал вину, и председательствующий Ульрих был вынужден объявить перерыв, после которого Н. Н. Крестинский дал нужные показания (т. 54, л. д. 8—56; т. 57, л. д. 1—10).

Н. И. Бухарин в последнем слове перед Военной Коллегией Верховного суда СССР, признавая себя виновным, фактически отрицал все инкриминируемые ему уголовные преступления (т. 69, л. д. 1—19).

Бывшие работники НКВД СССР Ежов, Фриновский, Агранов, Николаев, Дмитриев, Церпенто, Ушаков, Чистов, Пассов, Коган, Герзон, Глебов, Лулов и другие, принимавшие непосредственное участие в расследовании данного и иных дел, за незаконные аресты и фальсификацию доказательств были осуждены.

Бывший заместитель наркома внутренних дел СССР Фриновский, осужденный 3 февраля 1940 г. за фальсификацию уголовных дел и массовые репрессии, в заявлении от 11 апреля 1939 г. указал, что работники НКВД СССР готовили арестованных к очным ставкам, обсуждая возможные вопросы и ответы на них. Подготовка заключалась в оглашении предыдущих показаний, данных о лицах, с которыми намечались очные ставки. После этого арестованного вызывал к себе Ежов или он сам заходил в комнату следователя, спрашивал у допрашиваемого, подтвердит ли он свои показания, и как бы между прочим сообщал, что на очной ставке могут присутствовать члены правительства. Если арестованный отказывался от своих показаний, Ежов уходил, а следователю давалось указание «восстановить» арестованного, что означало добиться от обвиняемого прежних ложных показаний. Ежов неоднократно беседовал с Рыковым, Бухариным, Булановым и каждого убеждал, что они не будут расстреляны. В разговоре с Булановым Ежов сказал: «...держись хорошо на процессе — буду просить, чтобы тебя не расстреливали». Мысль о покушении на его жизнь Ежов подал сам: стал твердить, что его отравили в кабинете, и внушил следствию добиваться соответствующих показаний, что и было сделано с использованием Лефортовской тюрьмы и избиений (настоящее дело, т. 76, л. д. 47—49; дело Фриновского, т. 2, л. д. 37—40; дело Ежова, т. 3. л. д. 1—9).

Осужденный вместе с Н. И. Бухариным профессор Д. Д. Плетнев, находясь во Владимирской тюрьме, 10 декабря 1940 г. в заявлении на имя бывшего тогда наркомом внутренних дел СССР Берия указал: «...Весь обвинительный акт против меня — фальсификация. Насилием и обманом у меня вынуждено было «признание»... допросы по 15—18 часов подряд, вынужденная бессонница, душение за горло, угроза избиением привели меня к расстройству психики, когда я не отдавал ясного отчета в том, что совершил. Я утверждал и продолжаю утверждать, что ни в каких террористических организациях я ни в какой мере не повинен... За что я теперь погибаю? Я готов кричать на весь мир о своей невинов-

ности. Тяжко погибать, сознавая свою невиновность...» (т. 76, л. д. 11—13, 21—23).

В заявлении на имя Прокурора СССР А. Я. Вышинского от 26 мая 1940 г. Д. Д. Плетнев отметил: «Когда я не уступал, следователь сказал буквально: «Если высокое руководство полагает, что вы виноваты, то хотя бы вы были правы на все сто процентов, вы будете все... виновны» (т. 76, л. д. 7—9).

Такие заявления характеризуют стиль и методы ведения следствия по делу.

15 января 1941 г. в заявлении на имя К. Е. Ворошилова Д. Д. Плетнев писал: «Я осужден по делу Бухарина на 25 лет, т. е. фактически на пожизненное заключение в тюремную могилу... ко мне применялась ужасающая ругань, угрозы смертной казнью, таскание за шиворот, душение за горло, пытка недосыпанием, в течение пяти недель сон по 2—3 часа в сутки, угрозы вырвать у меня глотку и с ней признание, угрозы избиением резиновой палкой... всем этим я был доведен до паралича половины тела... Я коченею в окружающей меня лжи и стуже среди пигмеев и червей, ведущих свою подрывную работу. Покажите, что добиться истины у нас в Союзе так же возможно, как и в других культурных странах. Правда воссияет» (т. 76, л. д. 15—17, 24—26).

По показаниям допрошенного в 1956 г. Аронсона, бывшего сотрудника НКВД СССР, Х. Г. Раковский, находясь в тюрьме, в мае 1941 г. заявил: «Я решил изменить свою тактику: до сих пор я просил лишь о помиловании, но не писал о самом деле. Теперь я напишу заявление с требованием о пересмотре моего дела, с описанием всех «тайн мадридского двора» — советского следствия. Пусть хоть народ, через чьи руки проходят всякие заявления, знает, как у нас «стряпают» дутые дела и процессы из-за личной политической мести. Пусть я скоро умру, пусть я труп, но помните... когда-нибудь и трупы заговорят» (дело Аронсона, т. 9, л. д. 239—240).

На основании изложенного, руководствуясь ст. 35 Закона СССР «О Прокуратуре СССР»,

ПРОШУ:

Приговор Военной Коллегии Верховного суда СССР от 13 марта 1938 г. в отношении Бухарина Николая Ивановича, Рыкова Алексея Ивановича, Раковского Христиана Георгиевича, Розенгольца Аркадия Павловича, Чернова Михаила Александровича, Буланова Павла Петровича, Левина Льва Григорьевича, Казакова Игнатия Николаевича, Максимова-Диковского Вениамина Адамовича (Абрамовича), Крючкова Петра Петровича, приговор Военной Коллегии Верховного суда СССР от 8 сентября 1941 г. в отношении Раковского Христиана Георгиевича отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления.

Генеральный прокурор СССР
Действительный государственный
советник юстиции **А. М. Рекунков**

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

4 февраля 1988 г.

Пленум Верховного суда СССР под председательством
Председателя Верховного суда СССР — В. И. Теребилова
с участием
Генерального прокурора СССР — А. М. Рекункова
при секретаре Пленума,
члене Верховного суда СССР — С. Б. Ромазине
рассмотрел протест Генерального прокурора СССР по делу
Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, А. П. Розенгольца, М. А. Чернова, П. П. Буланова, Л. Г. Левина, И. Н. Казакова, В. А. Максимова-Диковского, П. П. Крючкова, Х. Г. Раковского.

...Руководствуясь п. 1 ст. 18 Закона о Верховном суде СССР, Пленум Верховного суда СССР постановляет:

приговор Военной Коллегии Верховного суда СССР от 13 марта 1938 г. в отношении Бухарина Николая Ивановича, Рыкова Алексея Ивановича, Розенгольца Аркадия Павловича, Чернова Михаила Александровича, Раковского Христиана Георгиевича, Буланова Павла Петровича, Левина Льва Григорьевича, Казакова Игнатия Николаевича, Максимова-Диковского Вениамина Адамовича (Абрамовича), Крючкова Петра Петровича, а также приговор Военной Коллегии Верховного суда СССР от 8 сентября 1941 г. в отношении Раковского Христиана Георгиевича отменить и дело прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

Председатель
Верховного суда Союза ССР **В. И. Теребилов**

Секретарь Пленума,
член Верховного суда СССР **С. Б. Ромазин**

О ПАРТИЙНОСТИ ЛИЦ, ПРОХОДИВШИХ ПО ДЕЛУ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВОТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

В судебном процессе 2—13 марта 1938 г. по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока» проходил 21 человек. Руководителями этого «блока» были признаны Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и М. П. Томский. Все они являлись старейшими членами Коммунистической партии, соратниками В. И. Ленина.

За свою революционную деятельность в условиях царизма они неоднократно подвергались репрессиям, переносили тяготы тюрем, ссылок, эмиграции. После победы Октябрьской революции занимали ответственные посты в партии и государстве, входили в состав Политбюро ЦК партии. Их политическая деятельность не была свободна от ошибок. В ряде случаев они занимали особые позиции в определении путей и методов социалистического строительства. Однако их ошибки и особые позиции не носили антигосударственного и антипартийного характера.

В 1928 г. Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и М. П. Томский выступили против экономически не обоснованного форсирования темпов индустриализации и против систематического применения чрезвычайных мер, введенных в связи с хлебными затруднениями и ударивших как по зажиточным элементам деревни, так и по среднему крестьянству. Именно эти их взгляды были тогда охарактеризованы как «правый уклон» в партии.

Вопросы борьбы с «правым уклоном» рассматривались Объединенным Пленумом ЦК и ЦКК, XVI партийной конференцией в апреле 1929 г., ноябрьским Пленумом ЦК партии 1929 г. К лидерам объявленной «оппозиции» были применены строгие санкции: Н. И. Бухарин был снят с поста ответственного редактора «Правды», отозван с работы в Коминтерне, а затем выведен и из состава Политбюро ЦК. А. И. Рыков и М. П. Томский были предупреждены.

На ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г. все они вынуждены были подать заявления в ЦК партии с признанием своих

«ошибок». Это заявление было опубликовано в «Правде». На XVI съезде ВКП(б) А. И. Рыков и М. П. Томский еще раз осудили свои взгляды, заявили о готовности «проводить в жизнь генеральную линию партии». Н. И. Бухарин на съезде отсутствовал из-за болезни. XVI съезд партии объявил взгляды «правой оппозиции» несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б).

В ноябре 1930 г. в «Правде» было опубликовано заявление Н. И. Бухарина, в котором он признал правильность решений XVI съезда, осудил всякую фракционную работу и какие-либо попытки скрытой борьбы с партийным руководством.

После XVI съезда ВКП(б) бывшие лидеры так называемого «правого уклона» больше не выступали против линии руководства партии, не выдвигали и не защищали своих прежних взглядов.

Несмотря на осуждение «правого уклона» и известную настороженность к бывшим его лидерам — Н. И. Бухарину, А. И. Рыкову и М. П. Томскому, все они были избраны съездом членами ЦК партии и продолжали работать на ответственных постах. Позднее они являлись делегатами XVII съезда ВКП(б) и были избраны на нем кандидатами в члены ЦК.

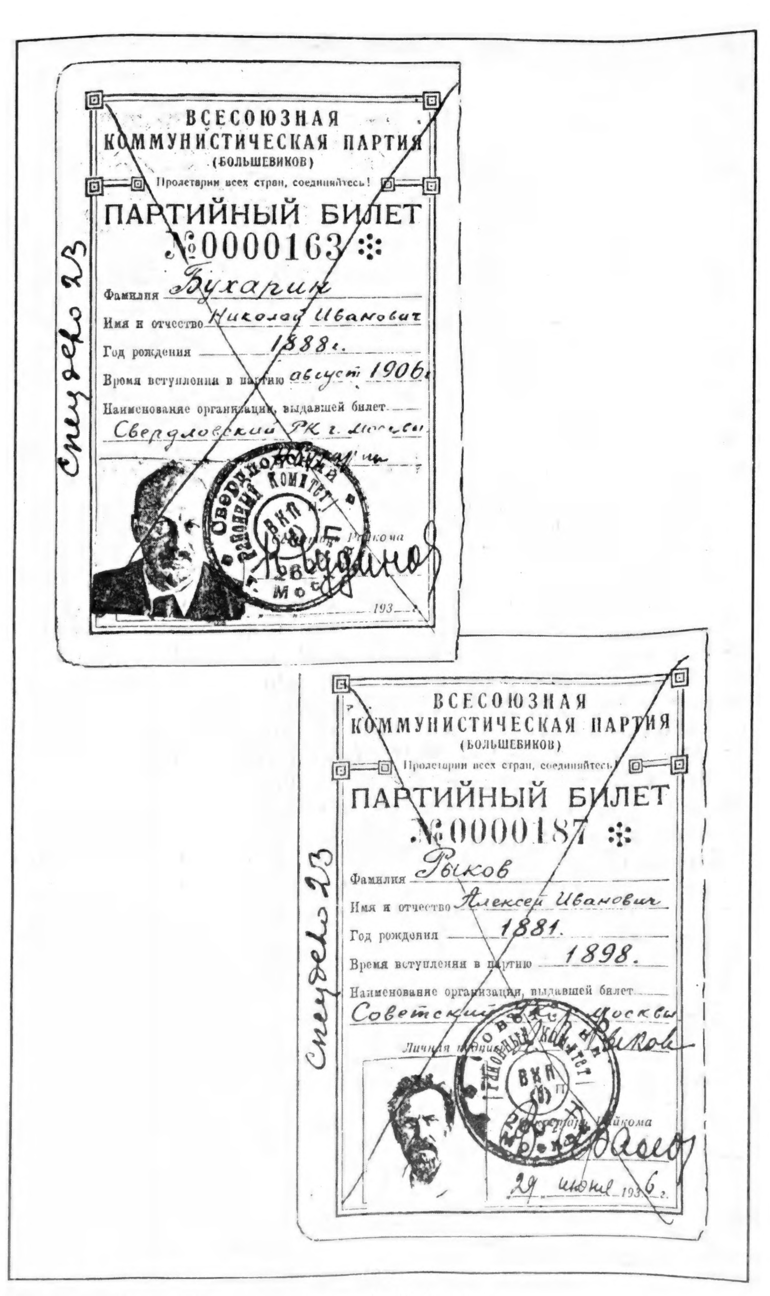
Тем не менее вокруг них была создана обстановка недоверия, подозрительности, придирчивости и слежки. Их лояльность объясняли двурушничеством. Если они долго не выступали, это истолковывали как проявление политической пассивности, а если выступали, их упрекали в неискренности. Так, уже на следующий день после публикации заявления Н. И. Бухарина с признанием его «правоуклонческих ошибок» центральные газеты «За индустриализацию!» и «Труд» квалифицировали это заявление как «акт двурушничества». Это обвинение было настолько грубым и необъективным, что ЦК ВКП(б) вынужден был даже принять 21 ноября 1930 г. и опубликовать в печати специальное постановление, в котором выступления этих газет признавались неправильными.

Фактически же все делалось для того, чтобы представить Н. И. Бухарина, а также А. И. Рыкова и М. П. Томского политическими двурушниками, продолжающими скрытую антипартийную борьбу.

За этой травлей чувствовалась направляющая рука И. В. Сталина. О том, что Н. И. Бухарин, в частности, это хорошо понимал, говорят его письма И. В. Сталину. Вот что он писал в одном из них — 14 октября 1930 г.:

«Коба. Я после разговора по телефону ушел тотчас же со службы в состоянии отчаяния. Не потому, что ты меня «напугал» — ты меня не напугаешь и не запугаешь. А потому, что те чудовищные обвинения, которые ты мне бросил, ясно указывают на существование какой-то дьявольской, гнусной и низкой **провокации**, которой ты веришь, на которой строишь свою политику и **которая до добра не доведет,** хотя бы ты и уничтожил меня физически так же успешно, как ты уничтожаешь меня политически...

Я считаю твои обвинения **чудовищной,** безумной клеветой, дикой и, в конечном счете, неумной... **Правда то,** что, несмотря на все наветы на меня, я стою плечо к плечу со всеми, хотя каждый божий день меня выталкивают. Правда то,



Списано 23

ВСЕСОЮЗНАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(БОЛЬШЕВИКОВ)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ
№ 0000163

Фамилия Бухарин

Имя и отчество Николай Иванович

Год рождения 1888 г.

Время вступления в партию август 1906 г.

Наименование организации, выдавшей билет

Свердловский РК г. Москвы

Свердловский районный комитет ВКП(б) г. Москвы

193

Списано 23

ВСЕСОЮЗНАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(БОЛЬШЕВИКОВ)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ
№ 0000187

Фамилия Рыков

Имя и отчество Алексей Иванович

Год рождения 1881

Время вступления в партию 1898

Наименование организации, выдавшей билет

Советский РК г. Москвы

Личная подпись А. Рыков

Советский районный комитет ВКП(б)

Секретарь Райкома

29 июня 1936 г.

Партийные билеты Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова
(образца 1936 г.). Погашены в 1937 г. (список на погашение № 23)
Билеты хранятся в ЦК КПСС

что я терплю неслыханные издевательства. Правда то, что я не отвечаю и креплюсь, когда клевещут на меня... Или то, что я не лижу тебе зада и не пишу тебе статей a la Пятаков — или **это** делает меня «проповедником террора»? Тогда так и говорите! Боже, что за адово сумасшествие происходит сейчас! И ты, вместо объяснения, истекаешь злобой против человека, который исполнен **одной** мыслью: чем-нибудь помогать, тащить со всеми телегу, но не превращаться в подхалима, которых много и которые нас **губят**».

Обстановка вокруг Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского и других причисленных к «правым» особенно накалилась после убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. и прошедших вслед за тем ряда судебных процессов, материалы которых публиковались в печати. От привлеченных по этим процессам лиц, особенно по делу так называемого «объединенного троцкистско-зиновьевского центра», стали добиваться показаний о террористических замыслах и контрреволюционных намерениях Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского.

Из имеющихся материалов видно, что при этом ставилась задача во что бы то ни стало «связать» бывших лидеров «правой оппозиции» с участниками так называемого «троцкистско-зиновьевского блока» и этим уличить их в двурушничестве, а затем и обвинить в тягчайших преступлениях перед партией и страной.

В ходе судебного разбирательства по делу Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева и других в августе 1936 г. в печати были опубликованы их показания о связях с бывшими лидерами «правых».

21 августа 1936 г. Прокурор СССР А. Я. Вышинский сделал следующее заявление: «Я считаю необходимым доложить суду, что мною вчера сделано распоряжение о начале расследования этих заявлений в отношении Томского, Рыкова, Бухарина, Угланова, Радека, Пятакова, и в зависимости от результатов этого расследования будет прокуратурой дан законный ход этому делу...» Заявление было опубликовано в газете «Правда».

С этого времени началось открытое преследование и шельмование бывших лидеров «правых». Н. И. Бухарин и А. И. Рыков, узнав из печати о показаниях Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, обратились к И. В. Сталину с заявлениями, в которых категорически отрицали эти показания, просили тщательно разобраться в их обоснованности. Однако их просьбы, в том числе и об очных ставках с Л. Б. Каменевым, Г. Е. Зиновьевым, выполнены не были.

Во время судебного процесса по делу Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева в партийной организации Объединенного государственного издательства (ОГИЗ), где работал М. П. Томский, был обсужден вопрос о его связях с «троцкистско-зиновьевским центром». Хотя М. П. Томский категорически отрицал свою причастность к деятельности этого «центра», его выступление без какой-либо проверки и доказательств было истолковано как двурушническое. На следующий день, 22 августа 1936 г., М. П. Томский покончил жизнь самоубийством. В своем предсмертном письме на имя И. В. Сталина он отрицал показания Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева и утверждал, что после разгрома «правого уклона» никакой антипартийной деятельности не вел.

Он писал: «...Я обращаюсь к тебе не только как к руководителю партии, но и как к старому боевому товарищу, и вот моя последняя просьба — не верь наглой клевете Зиновьева, никогда ни в какие блоки я с ним не входил, никаких заговоров против партии я не делал...»

23 августа 1936 г. «Правда» опубликовала следующее сообщение: «ЦК ВКП(б) извещает о том, что кандидат в члены ЦК ВКП(б) М. П. Томский, запутавшись в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами, 22 августа на своей даче в Болшеве покончил жизнь самоубийством». Впоследствии была учинена расправа над членами семьи М. П. Томского.

После его гибели были получены показания от арестованного Г. Я. Сокольникова (осужден в январе 1937 г. по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра») о том, что «правые» блокировались с участниками объединенного центра. 8 сентября 1936 г. Л. М. Каганович, Н. И. Ежов и А. Я. Вышинский провели в ЦК партии очные ставки Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова с Г. Я. Сокольниковым. Последний повторил свои показания. Однако на вопрос, располагает ли он неопровержимыми фактами участия А. И. Рыкова и Н. И. Бухарина в троцкистско-зиновьевском блоке, Г. Я. Сокольников ответил отрицательно. Он заявил, что прямых фактов у него нет. Далее, ссылаясь на Л. Б. Каменева, он показал:

«Каменев говорил, что еще в 1932 г. он (Каменев) информировал Рыкова и Бухарина об организации троцкистско-зиновьевского блока. В это время Каменев искал у правых поддержки, стремясь привлечь их к участию в блоке. В конце 1933 г. или в начале 1934 г. Каменев мне говорил о своих встречах с Рыковым и Бухариным на почве переговоров о вступлении в блок».

А. И. Рыков отверг показания Г. Я. Сокольникова, заявив, что с Л. Б. Каменевым он вообще не встречался. Подтвердив близкие личные отношения с М. П. Томским, он заявил, что никаких разговоров, враждебных или нелояльных по отношению к ЦК партии, с ним не вел. Н. И. Бухарин также категорически отрицал показания Г. Я. Сокольникова, назвав их «злой выдумкой».

Можно с полным основанием утверждать, что, хотя Н. И. Бухарин и А. И. Рыков оказались в весьма затруднительном положении (смерть М. П. Томского, «показания» Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, клевета, наговоры), убедительных, объективных материалов, свидетельствовавших об их враждебной деятельности, следственным органам найти не удалось. Никаких доказательств их связей с «параллельным антисоветским троцкистским центром» получено не было. И не случайно А. Я. Вышинский вынужден был вынести постановление о прекращении следствия: 10 сентября 1936 г. в печати сообщалось, что следствием не установлено юридических данных для привлечения Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова к судебной ответственности.

Но, как выяснилось, это был лишь маневр. В действительности

преследования не прекращались. Органы НКВД продолжали аресты лиц, в прошлом причастных к «правому уклону», и путем грубейшего нарушения законности добивались от них показаний в отношении Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова.

Представляет интерес в связи с этим следующее письмо Н. И. Ежова И. В. Сталину после судебного процесса над Л. Б. Каменевым и Г. Е. Зиновьевым: «...В свете последних показаний арестованных роль правых выглядит по-иному. Ознакомившись с материалами прошлых расследований о правых (Угланов, Рютин, Эйсмонт, Слепков и др.), я думаю, что мы тогда до конца не докопались. В связи с этим я поручил вызвать кое-кого из арестованных в прошлом году правых. Вызвали Куликова (осужден по делу Невского) и Лугового. Их предварительный допрос дает чрезвычайно любопытные материалы о деятельности правых.

Протоколы Вам на днях вышлют. Во всяком случае есть все основания предполагать, что удастся вскрыть много нового и по-новому будут выглядеть правые, и в частности Рыков, Бухарин, Угланов, Шмидт и др...»

Посылая затем протоколы допроса И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. М. Кагановичу, Н. И. Ежов 7 декабря 1936 г. писал: «Направляю Вам протокол допроса от 6 декабря с. г. арестованного участника контрреволюционной организации правых Куликова Е. Ф. Куликов показал, что в 1932 году им лично была получена от Бухарина директива о необходимости убийства Сталина. Ежов».

Последовательно и методично фабриковался и накапливался компрометирующий бывших лидеров «правых» материал, чтобы в удобный момент предъявить его как обвинение и расправиться с ними. Все это происходило с ведома И. В. Сталина. Так, 23 сентября 1936 г. прокурором А. Я. Вышинским были направлены И. В. Сталину протоколы очных ставок Г. Я. Сокольникова с Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым и протоколы их допроса со следующей припиской: «В случае одобрения Вами этих документов мною эти документы будут оформлены подписями соответствующих лиц».

Обострению обстановки и усилению репрессий, которые к тому времени принимали массовый характер, способствовала также подготовленная Л. М. Кагановичем и принятая Политбюро ЦК ВКП(б) 29 сентября 1936 г. (опросом) директива «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». В этой директиве говорилось:

«а) До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе.

б) В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не закончены, но и тех, которые были раньше высланы.

Секретарь ЦК И. Сталин».

На основе этого решения было вновь подвергнуто арестам по прежним обвинениям большое количество отбывавших ссылку и заключение в политизоляторах бывших «троцкистов», «зиновьевцев», участников так называемой «бухаринской школы» и других.

Осуществление расправы над бывшими лидерами «правого уклона» осложнялось для ее организаторов тем обстоятельством, что Н. И. Бухарин и А. И. Рыков к тому времени не исключались из партии, не привлекались к уголовной ответственности, более того, оба являлись кандидатами в члены ЦК ВКП(б) и широко известны как крупные деятели партии и государства. Поэтому, прежде чем создать против них уголовное дело, были предприняты шаги для политической компрометации их в глазах партии и народа, подготовки против них общественного мнения. С этой целью продолжали появляться в печати несправедливые выпады против них с использованием сфальсифицированных и тенденциозно подобранных фактов из их прошлой деятельности. Так, 28 октября 1936 г. в «Правде» была напечатана передовая статья, в которой А. И. Рыков, вопреки истине, изображался как меньшевистский прихвостень, выступавший в 1917 г. за явку В. И. Ленина на суд Временного правительства. Протестуя против этого, А. И. Рыков 4 ноября 1936 г. обратился к И. В. Сталину с личным письмом. Н. И. Бухарин в своем письме И. В. Сталину от 2 декабря 1936 г. также выражал протест против клеветнических нападок, содержавшихся в опубликованной в «Правде» статье о делах в Академии наук, и просил лично принять его и разъяснить, почему вокруг него создается репутация врага. Однако эти письма были оставлены И. В. Сталиным без внимания.

О замысле И. В. Сталина и Н. И. Ежова во что бы то ни было связать лидеров «правой оппозиции» с троцкистами и зиновьевцами свидетельствует и обнаруженный в архиве ЦК партии «теоретический труд» Н. И. Ежова «От фракционности к открытой контрреволюции», в котором прямо изложена версия о контакте троцкистско-зиновьевского блока с центром «правых» — М. П. Томским, Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым. К работе над этой рукописью Н. И. Ежов приступил в 1935 г., вскоре после убийства С. М. Кирова, и уже тогда, так сказать, априори, им было сформулировано обвинение в террористических устремлениях бывших участников оппозиции. И. В. Сталин по просьбе Н. И. Ежова лично редактировал этот «труд» и давал соответствующие указания и рекомендации, которые полностью были учтены автором в дальнейшей работе над рукописью книги. Претендуя на анализ «контрреволюционной» деятельности троцкистско-зиновьевской и других оппозиций, книга, по замыслу ее автора, должна была явиться программным документом для ликвидации всех бывших оппозиционеров и инакомыслящих в стране.

Несмотря на то что в 1936 г. никаких данных о нелегальной террористической или организационной деятельности Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова получено не было, следствие стало упорно

добиваться именно таких показаний от всех арестованных. При этом попиралась законность и широко применялись такие запрещенные методы, как шантаж, запугивание, уговоры и обещания, а также прямое физическое воздействие.

Так, в сентябре 1936 г. Г. Г. Ягода направил И. В. Сталину протоколы допросов Е. Ф. Куликова и А. В. Лугового-Ливенштейна с показаниями на М. П. Томского, А. И. Рыкова и Н. И. Бухарина. В сопроводительном письме говорилось: «Особый интерес представляют показания Куликова о террористической деятельности контрреволюционной организации правых. Названные в показаниях Куликова и Лугового — Матвеев нами арестован, Запольский и Яковлев арестовываются.

Прошу разрешить арест Я. И. Ровинского, управляющего Союзкожсбыта, и Котова, зав. сектором Соцстраха ВЦСПС.

Угланов, арестованный в Омске и прибывший в Москву, нами допрашивается.

Все остальные участники контрреволюционной организации, названные в показаниях Куликова и Лугового, нами устанавливаются для ареста».

Сменивший Г. Г. Ягоду на посту наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежов, направляя И. В. Сталину протокол допроса арестованного бывшего секретаря М. П. Томского М. З. Станкина, 7 октября 1936 г. писал: «Станкин дал показания о своей принадлежности и активном участии в террористической организации правых... Станкин показывает, что боевая террористическая группа Славинского, в состав которой кроме него входили также Кашин и Воинов (бывшие секретари Томского), намечала совершение террористического акта против тов. Сталина в день торжественного заседания 6 ноября 1936 г. в Большом театре.

Станкин также показал о том, что со слов Томского ему известно о существовании центра контрреволюционной организации правых в составе Томского, Бухарина, Рыкова, Угланова, Шмидта и Сырцова...»

Впоследствии аналогичные показания были получены и от других арестованных. Все они также были направлены И. В. Сталину. Только за сентябрь 1936— февраль 1937 г., то есть к моменту ареста Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова, ему было направлено около 60 протоколов допросов бывших «правых».

Как вымогались такие показания, видно из заявления арестованного М. Н. Рютина, посланного им в Президиум ЦИК СССР в ноябре 1936 г.: «В настоящее время, после отбытия почти пяти лет своего десятилетнего заключения, я вновь НКВД привлечен к уголовной ответственности за то, что, во-первых, теперь отдельные места и выражения, написанные мною в свое время в нелегальных «документах», истолковываются ведущими следствие как призыв к террору и, во-вторых, что на основе этих документов где-то якобы образовались и раскрыты правые террористические группы...

...На основании всего вышесказанного, будучи глубочайше

убежден в своей невиновности в том, в чем меня теперь обвиняют, находя это обвинение абсолютно незаконным, произвольным и пристрастным, продиктованным исключительно озлоблением и жаждой новой, на этот раз кровавой, расправы надо мной...

Ко всему сказанному в заключение считаю необходимым добавить, что самые методы следствия, применяемые ко мне, являются также совершенно незаконными и недопустимыми. Мне на каждом допросе угрожают, на меня кричат, как на животное, меня оскорбляют, мне, наконец, не дают даже дать мотивированный письменный отказ от дачи показаний...»

Из обнаруженной в архиве НКВД книги регистрации происшествий внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД СССР с декабря 1934 по март 1937 г. видно, что доставленные в Москву из лагерей бывшие «правые», протестуя против произвола следствия, непрерывно объявляли голодовки и делали попытки покончить жизнь самоубийством. Так, много раз прибегали к голодовкам А. Н. Слепков и М. Н. Рютин. А. Н. Слепков неоднократно пытался покончить жизнь самоубийством. М. Н. Рютин был вытащен из петли. Протестовал против произвола, творимого на следствии, Л. А. Шацкин, который в своем письме И. В. Сталину сообщал, что якобы «в интересах партии» его понуждают дать ложное показание о терроре.

Выполнение директивы от 29 сентября 1936 г. об отношении к бывшим оппозиционерам привело и на местах к грубейшим извращениям социалистической законности. Так, НКВД Киргизской ССР в целях «успешного выполнения задач по разгрому право-троцкистских и иных антисоветских организаций» объявил социалистическое соревнование. В приказе наркома внутренних дел республики «О результатах соцсоревнования третьего и четвертого отделов УГБ НКВД республики за февраль 1938 года» говорится: «Четвертый отдел в полтора раза превысил по сравнению с 3-м отделом число арестов за месяц и разоблачил шпионов, участников к.-р. организации на 13 чел. больше, чем 3-й отдел... однако 3-й отдел передал 20 дел на Военколлегию и 11 дел на спецколлегию, чего не имеет 4-й отдел, зато 4-й отдел превысил количество законченных его аппаратом дел (не считая периферии), рассмотренных тройкой, почти на 100 человек...»

В результате допущенных извращений законности были необоснованно арестованы и осуждены тысячи ни в чем не повинных людей.

После получения новых показаний вопрос о Н. И. Бухарине и А. И. Рыкове был вынесен на Пленум ЦК партии, который состоялся 4—7 декабря 1936 г. На Пленуме Н. И. Ежов выступил с докладом «Об антисоветских, троцкистских и правых организациях». Оперируя, как теперь установлено, ложными показаниями, добытыми от арестованных Л. С. Сосновского, Е. Ф. Куликова, В. А. Яковлева, В. А. Котова и других, он обвинил Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова в блокировании с троцкистами и зиновьевцами и осведомленности в их террористической деятельности.

Н. И. Бухарин в своем выступлении на Пленуме отрицал все предъявленные обвинения. Он утверждал:

«...Во всем том, что здесь наговорено против меня, нет ни единого слова правды. У меня была единственная очная ставка с Сокольниковым... Ведь я же просил зафиксировать, что он со мной о политических делах никаких разговоров не вел, что он говорит со слов Томского — Томского, который к тому времени не существовал...

В отношении Сосновского, товарищи. Я несколько раз писал: почему вы мне не устроили очной ставки с моими обвинителями? Я с Сосновским ни одного разговора относительно общей политики не вел и ни о какой рютинской платформе не говорил. Рютинской платформы я сам не читал, потому что один-единственный раз по приказанию товарища Сталина она была мне показана. Я ее не видел, я даже не был осведомлен о ней до этого...

Я никогда не отрицал, что в 1928—29 гг. я вел оппозиционную борьбу против партии. Но я не знаю, чем заверить вас, что в дальнейшем я абсолютно ни о каких этих общих установках, ни о каких платформах, ни о каких «центрах» абсолютно ни одного атома представления не имел...

Говорят, есть какой-то центр правых. Клянусь, Угланова я уже сколько лет не видел и не знаю, существует ли Угланов и где он есть, и абсолютно не имею представления, в какой точке земного шара Угланов находится.

Я вас заверяю, что бы вы ни признали, что бы вы ни постановили, поверили или не поверили, я всегда, до самой последней минуты своей жизни, всегда буду стоять за нашу партию, за наше руководство, за Сталина...»

А. И. Рыков на Пленуме говорил: «Я утверждаю, что все обвинения против меня с начала до конца — ложь...

Каменев показал на процессе, что он каждый год, вплоть до 1936 г., виделся со мной, я просил Ежова, чтобы он узнал, где и когда я с ним виделся, чтобы я мог как-нибудь опровергнуть эту ложь. Мне сказали, что Каменев об этом не был спрошен, а теперь спросить у него нельзя — он расстрелян...

Мои свидания с Томским на протяжении последних двух лет были очень редки. С Бухариным, я не знаю, кажется, я его видел последний раз в 1934 году... Последние годы мы не обсуждали политические вопросы...»

7 декабря 1936 г., в дни работы Пленума ЦК, Н. И. Бухарин направил И. В. Сталину заявление «Всем членам и кандидатам ЦК ВКП(б)», с которым просил ознакомить всех участников Пленума и приложить к стенограмме. В этом заявлении он возмущался чудовищностью предъявленных ему обвинений и писал, что в случае принятия политической оценки в таком виде, как она выдвигалась в докладе и прениях, следственные органы уже не смогут объективно подойти к рассмотрению дела, а обвиняемые будут лишены возможности самозащиты. Об обстановке на Пленуме Н. И. Бухарин писал: «...Материалы (не проверенные путем ставок) — есть у всех, но их нет у обвиняемых; обвиняемый стоит под ошеломлением внезапных исключительно чудовищных обвинений, впервые ему предъявляемых. При известной, заранее данной настроенности (самый факт постановки вопроса, материалы непроверенные, тенденция докладчика, печать, директивные лозунги вроде молотовского «о пособниках и подпевалах») все говорят: «Я убежден», «нет сомнений» и т. д. Обвиняемому говорят в глаза: а мы не верим, каждое твое слово нужно проверять. А на другой стороне слова обвиняемых-обвинителей принимаются за чистую монету... В общей атмосфере теперешних дней в пользу обвиняемого никто выступить не решится.

А дальше? А на дальнейших этапах, после обязательного партийного решения и т. д., эта защита почти невозможна».

В перерывах между заседаниями Пленума ЦК ВКП(б) Н. И. Бухарину и А. И. Рыкову устраивались очные ставки с Е. Ф. Куликовым, Л. С. Сосновским и Ю. Л. Пятаковым, показания которых и Н. И. Бухарин, и А. И. Рыков категорически отрицали. Пленум принял предложение И. В. Сталина: «Считать вопрос о Рыкове и Бухарине незаконченным. Продолжить дальнейшую проверку и отложить дело решением до последующего Пленума ЦК».

Однако никакой дополнительной партийной проверки предъявленных Н. И. Бухарину и А. И. Рыкову обвинений не проводилось. Дело, по существу, было передано на откуп органам НКВД, которые активно продолжали вести сбор клеветнических материалов.

В конце 1936— начале 1937 г. был арестован ряд лиц, в том числе К. Б. Радек, В. Н. Астров, С. Н. Радин, Б. Н. Нестеров. К. Б. Радек дал показания о связи лидеров бывшей «правой оппозиции» с троцкистами и зиновьевцами, об их террористической деятельности и о причастности Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского к убийству С. М. Кирова. Ознакомившись с этими показаниями, Н. И. Бухарин направил 12 января 1937 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) заявление, в котором категорически опровергал их как вымысел и клевету. Свое опровержение он подтвердил и 13 января 1937 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) на очной ставке с К. Б. Радеком.

Провокаторскую роль в судьбе Н. И. Бухарина сыграл В. Н. Астров. На очной ставке он подтвердил показания о терроризме «правых». Далее он заявил, что весной 1932 г. «центр правых постановил перейти к тактике террора», что Н. И. Бухарин будто бы говорил «о необходимости убийства Сталина» и что главными авторами так называемой «Рютинской платформы» являются Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский и Н. А. Угланов. Он утверждал, что ему, Астрову, известно также, что «Бухарин и Рыков продолжают составлять центр правых, оставаясь на прежних позициях». Н. И. Бухарин в категорической форме отрицал эти обвинения.

Активное участие в допросе Н. И. Бухарина на очных ставках принимал И. В. Сталин. В частности, он обвинял Н. И. Бухарина в том, что тот в период Брестского мира блокировался с эсерами и скрыл это. На что Н. И. Бухарин ответил: «Какой мне смысл врать насчет Брестского мира. Однажды пришли левые эсеры и сказали: «Давайте создадим кабинет. Мы арестуем Ленина и составим кабинет». Я это после рассказал Ильичу. «Дайте мне честное слово, что Вы об этом никому не скажете»,— сказал мне Ильич. Потом, когда я дрался вместе с Вами против Троцкого, я это привел в качестве примера,— вот до чего доводит фракционная борьба. Это произвело тогда взрыв бомбы».

После указанных очных ставок последовали новые многочисленные аресты бывших правых и других оппозиционеров, от которых были получены «нужные» показания на Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова. Протоколы допросов этих лиц направлялись

Н. И. Бухарину на квартиру. Лишь за один день — 16 февраля 1937 г.— Н. И. Бухариным было получено 20 таких показаний. В своих письмах И. В. Сталину и Политбюро ЦК ВКП(б) Н. И. Бухарин отрицал показания всех этих лиц и протестовал против травли его в печати, против того, что газета «Правда» уже исходит из «доказанности» неслыханно тяжких обвинений против «лидеров правых», против того, что в «Правде» он «объявлен агентом гестапо».

В начале 1937 г., будучи уведомлен о новом разборе дела на Пленуме ЦК ВКП(б), Н. И. Бухарин послал в Политбюро ЦК заявление о том, что не явится на Пленум, пока с него не будут сняты обвинения в шпионаже и вредительстве, и в знак протеста против обвинений объявил голодовку. Он просил также огласить на Пленуме свое обстоятельное объяснение по поводу полученных на него от арестованных показаний, которые называл клеветническими.

За день до открытия Пленума в Политбюро ЦК проводились очные ставки А. И. Рыкова с ранее арестованными С. Н. Радиным, В. В. Шмидтом и Б. П. Нестеровым.

С. Н. Радин показал, что в 1932 г. А. И. Рыков якобы дал «правым» директиву о применении террора и вредительства. От В. В. Шмидта были получены показания о том, что после 1929 г. «центр правых продолжал свою работу», что в 1932 г. будто бы состоялось совещание «центра», на котором был рассмотрен вопрос «о необходимости насильственного устранения руководства ВКП(б) — Сталина и др.». Подобного рода показания А. И. Рыков полностью отрицал.

23 февраля 1937 г. открылся Пленум ЦК ВКП(б), на котором вторично рассматривалось дело Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова. С докладом по этому вопросу выступил Н. И. Ежов, который, по существу, повторил обвинения, выдвинутые на предыдущем Пленуме. Он утверждал, что в 1929 г. они обманули партию, не выдали своей «подпольной организации», сохранили ее и продолжали борьбу с партией до последнего времени, поставили цель захватить власть насильственным путем, вступив фактически в блок с троцкистами, антисоветскими партиями и меньшевиками.

Доклад Н. И. Ежова был полностью построен на ложных, сфальсифицированных показаниях, добытых путем применения запрещенных методов следствия. Почти все лица, арестованные органами НКВД и давшие в 1936—1937 гг. показания на Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова, ныне реабилитированы. Те из них, кто случайно уцелел, сообщили Комиссии ЦК КПСС, работавшей в 60-х гг., что на допросах за дачу «нужных» показаний им обещали сохранить жизнь и освободить, в противном случае — угрожали расправой. Тех, кто сопротивлялся, — подвергали физическому и моральному воздействию. Добытые таким путем данные Н. И. Ежов немедленно направлял И. В. Сталину.

Так был сфабрикован обвинительный материал на Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова. Участники Пленума ЦК были введены в за-

блуждение, тем более что все арестованные по делу Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова были представлены Н. И. Ежовым как лица, добровольно давшие свои показания.

С большой речью, фактически содокладом, содержащим резкие политические обвинения и оценки, вслед за Н. И. Ежовым на Пленуме выступил А. И. Микоян.

Обстановка на Пленуме была тяжелой. Его участники обвиняли Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова в совершении тяжких преступлений, не скупясь на оскорбительные выражения и ярлыки. Откровенное давление на членов Пленума оказывал И. В. Сталин, который грубо обрывал Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова, укреплял тем самым у присутствовавших мнение о полной достоверности следственных материалов НКВД. Любая попытка возразить или защититься со стороны Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова расценивалась как неискренность, двурушничество и клевета на органы НКВД. Вот только небольшой фрагмент из неправленой стенограммы Пленума:

«БУХАРИН. Товарищи, я хочу сперва сказать несколько слов относительно речи, которую здесь произнес товарищ Микоян. Товарищ Микоян, так сказать, изобразил здесь мои письма членам Политбюро ЦК ВКП(б) — первое и второе, как письма, которые содержат в себе аналогичные троцкистским методы запугивания Центрального Комитета.

Я прежде всего должен сказать, что я достаточно знаю Центральный Комитет, чтобы просто заранее отрицать, что ЦК вообще можно чем-либо запугать.

ХЛОПЛЯНКИН. А почему писал, что пока не снимут с тебя обвинения, ты не кончишь голодовку?

БУХАРИН. Товарищи, я очень прошу вас не перебивать, потому что мне очень трудно, просто физически тяжело, говорить: я отвечу на любой вопрос, который вы мне зададите, но не перебивайте меня сейчас. В письмах я изображал свое личное психологическое состояние.

ГОЛОС. Зачем писал, что пока не снимут обвинения?

БУХАРИН. Я не говорил этого по отношению к ЦК. Я говорил здесь не по отношению к ЦК, потому что ЦК, как ЦК, меня в этих вещах официально еще не обвинил. Я был обвинен различными органами печати, но Центральным Комитетом в таких вещах нигде обвинен не был. Я изображал свое состояние, которое нужно просто по-человечески понять. Если, конечно, я не человек, то тогда нечего понимать. Но я считаю, что я — человек, и я считаю, что я имею право на то, чтобы мое психологическое состояние в чрезвычайно трудный, тяжелый для меня жизненный момент...

ГОЛОС. Ну, еще бы!

БУХАРИН. ...В чрезвычайно, исключительно трудное время — я о нем и писал. И поэтому здесь не было никакого элемента ни запугивания, ни ультиматума...

СТАЛИН. А голодовка?

БУХАРИН. А голодовка, я и сейчас ее не отменил, я вам сказал, написал, почему я в отчаянии за нее схватился, написал узкому кругу, потому что с такими обвинениями, какие на меня вешают, жить для меня невозможно. Я не могу выстрелить из револьвера, потому что тогда скажут, что я-де самоубился, чтобы навредить партии; а если я умру, как от болезни, то что вы от этого теряете? (Смех.)

ГОЛОСА. Шантаж!

ВОРОШИЛОВ. Подлость! Типун тебе на язык. Подло. Ты подумай, что ты говоришь.

БУХАРИН. Но поймите, что мне тяжело жить.

СТАЛИН. А нам легко?

ВОРОШИЛОВ. Вы только подумайте: «Не стреляюсь, а умру».

БУХАРИН. Вам легко говорить насчет меня. Что же вы теряете? Ведь если я вредитель, сукин сын и т. д., чего меня жалеть? Я ведь ни на что не претендую, изображаю то, что я думаю, и то, что я переживаю. Если это связано с каким-нибудь хотя бы малюсеньким политическим ущербом, я, безусловно, все, что вы скажете, приму к исполнению. (Смех.) Что вы смеетесь? Здесь смешного абсолютно ничего нет.

Мне хочется — говорит Микоян — опорочить органы Наркомвнудела целиком. Абсолютно нет. Я абсолютно не собирался это делать. Место, о котором говорит т. Микоян, касается некоторых вопросов, которые задаются следователями. Что же я говорю о них? Я говорю: такого рода вопросы вполне допустимы и необходимы, но в теперешней конкретной обстановке они приводят к тому-то и к тому-то.

Относительно политической установки. Тов. Микоян говорит, что я хотел дискредитировать Центральный Комитет. Я говорил не насчет Центрального Комитета. Но если публика все время читает в резолюциях, которые печатают в газетах, и в передовицах «Большевика» о том, что еще должно быть доказано, как об уже доказанном, то совершенно естественно, что эта определенная струя, как директивная, просасывается повсюду. Неужели это трудно понять? Это же не просто случайные фельетончики.

ПЕТЕРС. (Реплика не уловлена.)

БУХАРИН. Я скажу все, не кричите, пожалуйста.

МОЛОТОВ. Прошу без реплик. Мешаете.

БУХАРИН. Товарищ Микоян сказал, что я целый ряд вещей наврал Центральному Комитету, что с Куликовым я 29 год смешал с 32 годом. Что я ошибся — это верно, но такие частные ошибки возможны.

ГАМАРНИК. Прошибся...»

Обращая внимание на грубейшие противоречия в приводившихся показаниях, Н. И. Бухарин, в частности, заявил: «Я не знал ни о троцкистско-зиновьевском блоке, ни о параллельном центре, ни об установках на террор, ни об установках на вредительство... а тем более, что я мог быть причастным как-нибудь к этому делу. Я протестую против этого самым решительным образом. Тут,

может быть, миллионы разносторонних показаний, и все-таки я не могу этого признать. Этого не было».

В своих выступлениях на Пленуме Н. И. Бухарин и А. И. Рыков отвергали, как совершенно несостоятельные и вздорные, выдвинутые против них обвинения в двурушничестве, т. е. о формальном признании ими своих ошибок в 1929 г. и о продолжении в последующие годы скрытной борьбы против партии, о существовании якобы нелегального центра «правых» (с 1932 г.), платформой которого являлась якобы «Рютинская платформа», о наличии политической связи с троцкистами и зиновьевцами, отвергали, как совершенно абсурдные, обвинения их в террористической деятельности.

Однако все это не было принято во внимание. Участники февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК находились под впечатлением сфабрикованных материалов НКВД и давлением И. В. Сталина.

Бесспорно — и это вытекает из имеющихся материалов — участь Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова была предрешена еще до Пленума. Авторитет Пленума потребовался лишь для придания видимости соблюдения партийного Устава — Н. И. Бухарин и А. И. Рыков были кандидатами в члены ЦК, с тем чтобы впоследствии расправиться с ними физически.

По делу Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова Пленум ЦК образовал специальную комиссию. Ниже приводится протокол заседания этой комиссии:

ПРОТОКОЛ

заседания комиссии Пленума ЦК ВКП(б) по делу
Бухарина и Рыкова

27 февраля 1937 года

ПРИСУТСТВОВАЛИ:
Тов. Микоян – председатель

Члены комиссии:	тт. Андреев, Сталин, Молотов, Каганович Л. М., Ворошилов, Калинин, Ежов, Шкирятов, Крупская, Косиор, Ярославский, Жданов, Хрущев, Ульянова, Мануильский, Литвинов, Якир, Кабаков, Берия, Мирзоян, Эйхе, Багиров, Икрамов, Варейкис, Буденный, Яковлев Я., Чубарь, Косарев, Постышев, Петровский, Николаева, Шверник, Угаров, Антипов, Гамарник.

СЛУШАЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ:

1. т. Ежова	— Об исключении Бухарина и Рыкова из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) и предании их суду Военного Трибунала с применением высшей меры наказания — расстрела.
2. т. Постышева	– Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) и предать суду, без применения расстрела.
3. т. Буденного	Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) и предать суду с применением расстрела.

4. т. Сталина	— Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), суду не предавать, а направить дело Бухарина — Рыкова в НКВД.
5. т. Мануильского	— Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду и расстрелять.
6. т. Шкирятова	— Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду, без применения расстрела.
7. т. Антипова	— То же.
8. т. Хрущева	— То же.
9. т. Николаевой	— То же.
10. т. Ульяновой М.	— За предложение т. Сталина.
11. т. Шверника	— Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду и расстрелять.
12. т. Косиора С.	— Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду, без применения расстрела.
13. т. Петровского	— Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду, без применения расстрела.
14. т. Литвинова	— То же.
15. т. Крупской	— За предложение т. Сталина.
16. т. Косарева	— Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду и расстрелять.
17. т. Якира	— То же.
18. т. Варейкиса	— За предложение т. Сталина.
19. т. Молотова	— За предложение т. Сталина.
20. т. Ворошилова	— За предложение т. Сталина.

ПОСТАНОВИЛИ:

1) Исключить из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) Бухарина и Рыкова; суду их не предавать, а направить дело Бухарина и Рыкова в НКВД.

(Принято единогласно.)

2) Поручить комиссии в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна и Ежова выработать на основе принятого решения проект мотивированной резолюции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ А. МИКОЯН».

В этот же день по докладу И. В. Сталина о работе комиссии Пленум принял следующую резолюцию:

«1. На основании следственных материалов НКВД, очной ставки т. Бухарина с Радеком, Пятаковым, Сосновским и Сокольниковым в присутствии членов Политбюро и очной ставки т. Рыкова с Сокольниковым, а также всестороннего обсуждения вопроса на Пленуме, Пленум ЦК устанавливает, как минимум, что тт. Бухарин и Рыков знали о преступной, террористической, шпионской и диверсионно-вредительской деятельности троцкистского центра и не только не вели борьбы с ней, а скрыли ее от партии, не сообщив об этом в ЦК, и тем самым содействовали ей.

2. На основании следственных материалов НКВД, очной ставки т. Бухарина с правыми — с Куликовым и Астровым, в присутствии членов Политбюро и очной ставки т. Рыкова с Котовым, Шмидтом, Нестеровым и Радиным, а также всестороннего обсуждения вопроса на Пленуме ЦК,— Пленум ЦК устанавливает, как минимум, что тт. Бухарин и Рыков знали об организации преступной террористической группы со стороны их учеников и сторонников — Слепкова, Цетлина, Астрова, Марецкого, Нестерова, Радина, Куликова, Котова, Угланова, Зайцева, Кузьмина, Сапожникова и др. и не только не вели борьбу с ними, но поощряли их.

3. Пленум ЦК устанавливает, что записка т. Бухарина в ЦК, где он пытается

опровергнуть показания поименованных выше троцкистов и правых террористов, является по своему содержанию клеветническим документом, который не только обнаруживает полное бессилие т. Бухарина опровергнуть показания троцкистов и правых террористов против него, но под видом адвокатского оспаривания этих показаний делает клеветнический выпад против НКВД и допускает недостойные коммуниста нападки на партию и ее ЦК, ввиду чего записку т. Бухарина нельзя рассматривать иначе, как совершенно несостоятельный и не заслуживающий какого-либо доверия документ...

Пленум ЦК считает, что тт. Бухарин и Рыков заслуживают немедленного исключения из партии и предания суду Военного Трибунала. Но исходя из того, что тт. Бухарин и Рыков, в отличие от троцкистов и зиновьевцев, не подвергались еще серьезным партийным взысканиям (не исключались из партии), Пленум ЦК постановляет ограничиться тем, чтобы:

1. Исключить тт. Бухарина и Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК и из рядов ВКП(б);

2. Передать дело Бухарина и Рыкова в НКВД».

В тот же день, 27 февраля 1937 г., Н. И. Бухарин и А. И. Рыков были арестованы.

В целях придания предстоящему судебному процессу над Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым большей политической значимости, а им самим — роли руководителей широко разветвленной антисоветской объединенной организации «правых» и троцкистов, к их делу позднее были механически подключены руководители ряда наркоматов, партийных и советских органов некоторых союзных республик и областей, являвшиеся членами и кандидатами в члены ЦК ВКП(б). Кроме того, к этому делу искусственно были притянуты врачи и другие лица, обвинявшиеся в «умерщвлении» А. М. Горького, В. В. Куйбышева, В. Р. Менжинского, сына Горького — М. А. Пешкова, а также в покушении на жизнь Н. И. Ежова.

Как теперь с несомненностью установлено, дело так называемого «антисоветского правотроцкистского блока» было полностью сфальсифицировано, а сам процесс инспирирован И. В. Сталиным и его окружением.

Показания, послужившие основанием к аресту Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова, не соответствовали действительности и были получены путем вымогательства, шантажа и насилия над арестованными. Так, в числе показаний, разосланных участникам Пленума, была копия протокола допроса от 23 ноября 1936 г. бывшего директора библиотеки имени Ленина В. И. Невского о том, что «нелегальный центр правых стоял на позициях террора, что Бухарин, Рыков и Томский входили в состав руководства контрреволюционной организации правых». Однако в 1937 г., еще за месяц до заседания февральского Пленума ЦК, он от этих показаний отказался. В судебном заседании Военной Коллегии Верховного суда СССР по своему делу 25 мая 1937 г. В. И. Невский рассказал, что показания им были подписаны по настоянию работников НКВД, заявлявших о необходимости таких показаний якобы «во имя интересов партии и осуждения Бухарина и Рыкова».

О том, как допрашивался А. Г. Белобородов, показания которого также были представлены Пленуму ЦК, говорит следующий документ.

26 мая 1937 г. Н. И. Ежов направил И. В. Сталину копию заявления А. Г. Белобородова о лицах, разделявших взгляды троцкистов. Будучи недовольным этими показаниями А. Г. Белобородова, Сталин на сопроводительной к заявлению написал: «Ежову. Можно подумать, что тюрьма для Белобородова — трибуна для произнесения речей — заявлений, касающихся деятельности всякого рода лиц, но не его самого. Не пора ли нажать на этого господина и заставить его рассказать о своих грязных делах? Где он сидит: в тюрьме или гостинице? И. Ст.».

Установлено также, что один из основных «разоблачителей» Н. И. Бухарина — В. Н. Астров являлся секретным сотрудником НКВД и использовался в разработке дела «правых». Обращает на себя внимание подчеркнуто агрессивное поведение В. Н. Астрова на очной ставке в Политбюро 13 января 1937 г. по отношению к Н. И. Бухарину. Из стенограммы этой очной ставки видно, что, давая на Н. И. Бухарина показания, В. Н. Астров усердно старался «разоблачить» и себя. Он заявил, что очень многое скрыл от партии в 1933 г. (в момент его ареста) и сообщил «новые» сведения о якобы имевших место конференциях «правых», где обсуждался вопрос о террористической деятельности. За это «усердие» В. Н. Астров вскоре после очной ставки по указанию И. В. Сталина 9 июля 1937 г. был освобожден из-под стражи, а уголовное дело на него прекращено. В деле имеется резолюция Н. И. Ежова: «Освободить. Оставить в Москве. Дать квартиру и работу по истории».

Позже, в декабре 1943 г., в личном письме Л. П. Берия (оно хранится в деле) В. Н. Астров ставил свое поведение в особую заслугу, подчеркивал, что он способствовал «разоблачению» не только Н. И. Бухарина, но и А. И. Рыкова, других «правых», и на этом основании просил своего могущественного адресата оказать содействие в восстановлении его в партии.

Когда же в 1957 г. в КПК при ЦК КПСС рассматривался вопрос о его партийности, В. Н. Астров в своих заявлениях стал утверждать, что никакого переворота и теракта «правые» не готовили, что были лишь отдельные высказывания против деятельности И. В. Сталина. Будучи вызванным в КПК во время повторной проверки в 60-е гг., В. Н. Астров заявил, что показания, которые он давал в 1937 г. в отношении Н. И. Бухарина, были вымышленными и продиктованы органами НКВД.

Говоря об обстановке 1932—1933 гг., когда он и другие «правые уклонисты» были арестованы, В. Н. Астров писал в 1961 г.: «...От меня добивались «лишь» «переквалифицировать» эту вину в «антисоветскую». Правый уклон у меня был уже в прошлом, я готов был вместе с партией против него бороться, а партия считала правых контрреволюционерами, и следователи от имени партии требовали с меня признания в этом. Требовала от меня этого, по сути дела, исключившая меня из партии ЦКК...

Все это, в совокупности, меня морально разоружило, и я подписал показания о контрреволюционном характере «организации

правых», получив от коллегии ОГПУ приговор к 3 годам тюрьмы (политизолятора).

Если так проходило следствие в 1933 г., то при втором моем аресте в конце 1936 г. оно было усугублено резчайшим обострением политической обстановки...

Для следствия же в таких условиях терроризм правых сделался неопровержимым тезисом, который лично мне был подтвержден от лица партии устами самого наркома (он же секретарь ЦК и, если не ошибаюсь, тогда и председатель ЦКК) Ежова. Это подтверждение отняло у меня моральный стимул противиться требованиям следствия. Ограждение любыми мерами членов ЦК партии и Советского правительства от возможных покушений на их жизнь со стороны проникших в партию террористов стало представляться мне повелительной необходимостью, и я дал показания о террористическом характере организации правых, не выделяя из них и себя...

Сказав «а», я должен был сказать и «б»: меня поставили на очную ставку с Бухариным; я подтверждал терроризм правых, он отрицал.

Затем моя судьба вдруг феерически повернулась: мне было сообщено, что я, по личному указанию Сталина, буду освобожден, что и произошло вскоре...»

Подобным образом фабриковались и другие свидетельства против Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского, многих честных коммунистов, обвиненных по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока».

Вместе с Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым на скамье подсудимых по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока» оказались видные партийные и советские работники: бывший нарком внешней торговли СССР А. П. Розенгольц, бывший нарком земледелия СССР М. А. Чернов, бывший первый заместитель наркома иностранных дел СССР Н. Н. Крестинский, бывший работник НКВД П. П. Буланов, бывший работник Наркомата путей сообщения СССР В. А. Максимов-Диковский, бывший активный деятель Коминтерна Х. Г. Раковский, бывший председатель Центросоюза И. А. Зеленский, бывший нарком лесной промышленности СССР В. И. Иванов, бывший заместитель наркома земледелия СССР П. Т. Зубарев, бывший нарком финансов СССР Г. Ф. Гринько, бывший советник Полпредства СССР в Германии С. А. Бессонов, бывший первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана А. И. Икрамов, бывший первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии В. Ф. Шарангович, бывший председатель Совнаркома Узбекской ССР Ф. У. Ходжаев. Вместе с ними был осужден и Г. Г. Ягода.

Трагическую судьбу репрессированных коммунистов в этом процессе разделили и беспартийные — врачи Д. Д. Плетнев, И. Н. Казаков, Л. Г. Левин, директор музея А. М. Горького П. П. Крючков...

4 февраля 1988 г. Верховный суд СССР прекратил судебное

дело в отношении Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Х. Г. Раковского, М. А. Чернова, А. П. Розенгольца, П. П. Буланова, В. А. Максимова-Диковского за отсутствием в их действиях состава преступления.

Полагаем, что есть все основания и для их посмертной реабилитации в партийном отношении.

Другие члены партии, проходившие по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока», кроме Г. Г. Ягоды, восстановлены в КПСС в 1955—1965 гг.

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС
Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

«АНТИПАРТИЙНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ГРУППА ПРАВЫХ СЛЕПКОВА И ДРУГИХ («БУХАРИНСКАЯ ШКОЛА»)»

В связи с фабрикацией этого дела в октябре 1932 — апреле 1933 г. без санкций прокурора было арестовано 38 человек.

Айхенвальд Александр Юльевич (Юрьевич), 1904 г. рождения, русский, член партии с 1920 г., экономист Главсоюза зерновых и животноводческих совхозов *.

Александров Георгий Кириллович, 1904 г. рождения, русский, ассистент кафедры физики Саратовского педагогического института.

Александров Павел Константинович, 1898 г. рождения, русский, член партии с 1915 г., заместитель начальника сектора товарообмена Госплана СССР.

Александров Сергей Александрович, 1906 г. рождения, русский, член партии с 1930 г., аспирант Московского института истории и философии.

Арефьев Алексей Дмитриевич, 1898 г. рождения, русский, член партии с 1921 г., студент Московского строительного института.

Астров Валентин Николаевич, 1898 г. рождения, русский, член партии с 1917 г., старший научный сотрудник Института истории Комакадемии.

Астрова (Черникова) Александра Федоровна, 1899 г. рождения, русская, член партии с 1919 г., декан сценического факультета Государственного института кинематографии, консультант «Фильмсбыта» Союзкино.

Башенков Павел Константинович, 1899 г. рождения, русский,

* Место работы всех привлеченных по этому делу лиц указывается на основании записей в протоколах допросов. *Ред.*

член партии с 1917 г., директор строительства льнокомбината в г. Костроме.

Белов Виктор Григорьевич, 1912 г. рождения, русский, член ВЛКСМ, аспирант Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

Бузин Даниил Федорович, 1887 г. рождения, русский, член партии с 1918 г., директор Соболевско-Щелковского комбината.

Виноградов Сергей Георгиевич, 1905 г. рождения, чуваш, член партии с 1927 г., заведующий экономической секцией Татарского института марксизма-ленинизма.

Гасперская Елена Станиславовна, 1899 г. рождения, полька, член партии с 1919 г., секретарь сектора международных связей Исполкома Коминтерна.

Жиров Иван Тихонович, 1897 г. рождения, русский, член партии с 1917 г., главный редактор Соцэкгиза и заведующий кафедрой философии Института красной профессуры.

Зайцев Александр Данилович, 1899 г. рождения, чуваш, член партии с 1919 г., профессор Саратовского университета, заведующий кафедрой экономической теории.

Идельсон Борис Иосифович, 1895 г. рождения, еврей, член партии с 1917 г., помощник секретаря Исполкома Коминтерна И. А. Пятницкого по литературной работе.

Карев Николай Афанасьевич, 1902 г. рождения, русский, член партии с 1920 г., заместитель заведующего планово-организационным сектором Академии наук СССР.

Кармалитов (Кармлитов) Андрей Иванович, 1901 г. рождения, белорус, член партии с 1919 г., помощник управляющего трестом «Востокгипромез», профессор вузов в г. Свердловске.

Кротов Павел Ефремович, 1903 г. рождения, русский, член партии с 1926 г., экономист завода «Уралмаш» в г. Свердловске.

Кузьмин Владимир Васильевич, 1905 г. рождения, русский, член партии с 1921 г., заведующий социально-бытовым сектором крайплана в г. Новосибирске.

Лапкин Валериан Семенович, 1906 г. рождения, русский, член партии с 1927 г., заместитель директора Научно-исследовательского колхозного института в г. Саратове.

Левина Тея Рубиновна, 1896 г. рождения, еврейка, член партии с 1916 г., заведующая кафедрой Института советского права в г. Саратове.

Лобова-Буренина Евгения Максимовна, 1892 г. рождения, русская, член партии с 1918 г., слушательница курсов марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) в г. Москве.

Марецкий Дмитрий Петрович, 1901 г. рождения, русский, член партии с 1919 по 1932 г., с 1932 г. находился в ссылке в г. Йошкар-Оле, экономист Марийского облплана.

Медведев Федор Павлович, 1902 г. рождения, русский, член партии с 1919 г., доцент Татарского педагогического института и Институтов советского права в г. Казани.

Нестеров Борис Павлович, 1894 г. рождения, русский, член

партии с 1918 г., член президиума уральской областной плановой комиссии в г. Свердловске.

Петровский Петр Григорьевич, 1899 г. рождения, русский, член партии с 1916 по 1932 г., с 1932 г. находился в ссылке в г. Актюбинске.

Попов Василий Сергеевич, 1885 г. рождения, русский, член партии с 1905 г., слушатель курсов марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) в г. Москве.

Просвирнин Петр Федорович, 1900 г. рождения, русский, член партии с 1919 г., инженер треста «Союзхозметиз».

Радин Сергей Николаевич, 1900 г. рождения, русский, член партии с 1919 г. по 1931 г., старший научный сотрудник Института экономических исследований при Госплане СССР.

Сапожников Павел Флегонтович, 1897 г. рождения, русский, член партии с 1918 г., профессор планового института, член президиума облплана ЦЧО, ректор сельскохозяйственного института в г. Воронеже.

Слепков Александр Николаевич, 1899 г. рождения, русский, член партии с 1919 по 1932 г., с 1932 г. находился в ссылке в г. Таре Западно-Сибирского края.

Слепков Василий Николаевич, 1902 г. рождения, русский, член партии с 1919 г., профессор Казанского университета и Татарского педагогического института.

Слесарев Григорий Сергеевич, 1909 г. рождения, русский, кандидат в члены партии с 1931 г., аспирант педагогического института в г. Саратове.

Угланов Николай Александрович, 1886 г. рождения, русский, член партии с 1907 по 1932 г., управляющий рыбным трестом в г. Тобольске.

Хахарев Константин Григорьевич, 1888 г. рождения, русский, член партии с 1905 г., начальник Управления оборудования треста «Спецсталь» в г. Москве.

Худяков Михаил Петрович, 1909 г. рождения, русский, член ВЛКСМ, старший ассистент педагогического института в г. Саратове.

Цетлин Ефим Викторович, 1898 г. рождения, еврей, член партии с 1918 г., заместитель начальника сектора техпропаганды Наркомтяжпрома СССР.

Чернухин Анатолий Михайлович, 1903 г. рождения, русский, член партии с 1920 г., доцент Коммунистического университета общественных наук в г. Москве.

Большинство обвиняемых являлись представителями молодой советской интеллигенции, занимавшими руководящие посты в центральных и местных идеологических учреждениях, плановых и хозяйственных органах. Среди арестованных было много бывших слушателей Института красной профессуры.

Коллегия ОГПУ, рассмотрев 16 апреля 1933 г. сфальсифицированные следствием материалы и даже не имея обвинительного заключения по делу, приговорила 34 его участника к различным

срокам лишения свободы по обвинениям в участии в «контрреволюционной организации правых, ставившей своей целью активную борьбу с Советской властью и восстановление капиталистического строя в СССР», в проведении «активной контрреволюционной деятельности и контрреволюционной агитации, направленной в интересах международной буржуазии». Некоторым обвиняемым инкриминировалось и то, что они являлись сторонниками террора против руководства.

В 1936—1941 гг. большинство из них в связи с теми же и другими подобными обвинениями по приговорам Военной Коллегии Верховного суда СССР и постановлениям областных «троек» УНКВД были расстреляны.

В ходе проверок было установлено, что так называемое дело «антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и других («бухаринская школа»)» было подтасовано и расследовалось с грубейшими нарушениями уголовно-процессуальных норм. Однако только часть лиц, проходивших по этому делу, была реабилитирована в судебном отношении в 50—60-е гг. Остальные реабилитированы в апреле 1989 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г.

В процессе партийной проверки не нашли подтверждения те политические обвинения, которые предъявлялись участникам дела при исключении их из партии. Их теоретические работы, обосновывавшие пути построения социализма в нашей стране, носили дискуссионный характер и по ряду направлений являлись альтернативными по отношению к теории и практике насаждавшихся в тот период командно-административных и насильственных методов. Поэтому расценивать эти взгляды как антипартийные, контрреволюционные не было никаких оснований. Не было как таковой и конференции правых, организацию и участие в которой вменяли в вину некоторым исключенным из партии товарищам.

Как же возникло и развивалось это дело?

В начале 20-х годов Советская республика, встав на рельсы мирного строительства, приступила к осуществлению социалистических преобразований. Экономическая и политическая ситуация в стране была сложной. Она требовала теоретического осмысления реального положения дел, поиска эффективных путей решения экономических задач, новых форм и методов партийной, советской, хозяйственной и культурно-воспитательной работы. Возникла острая необходимость в создании целой системы учебных заведений по подготовке высококвалифицированных кадров для партии, государства, народного хозяйства.

Начинают функционировать Коммунистическая академия, Промышленная академия, Институт красной профессуры, коммунистические вузы, совпартшколы в ряде крупных городов.

Одно из ведущих мест в деле подготовки кадров отводилось Институту красной профессуры (ИКП), организованному в Москве на основании декрета Совнаркома РСФСР от 11 февраля 1921 г В этом декрете, подписанном В. И. Лениным, говорилось: «Учре-

дить в Москве и Петербурге институты по подготовке красной профессуры для преподавания в высших школах республики теоретической экономии, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства»[37].

Ведущую роль в учебной и научной деятельности ИКП и ряде других партийных научных учреждений играл Н. И. Бухарин. И это понятно. Видный политический деятель и теоретик, он внес значительный вклад в разработку ряда вопросов социалистического строительства. Его авторитет среди слушателей ИКП был высок. Многие из учеников Н. И. Бухарина стали его единомышленниками, проводниками его воззрений. Они занимали различные посты в идеологических структурах партии, вели активную теоретическую и публицистическую работу. Так, членами редколлегии «Правды» стали бывшие слушатели ИКП В. Н. Астров, А. Д. Зайцев, Д. П. Марецкий, Е. В. Цетлин. Возглавил журнал «Революция и наука» П. Ф. Сапожников. В редколлегию журнала «Большевик» вошли В. Н. Астров, А. Д. Зайцев, А. Н. Слепков, а В. В. Кузьмину был доверен отдел этого журнала. В редколлегию журнала «Коммунистический Интернационал» вошли А. Ю. Айхенвальд и Е. В. Цетлин. Членом редколлегии и фактическим редактором журнала «Под знаменем марксизма» стал Н. А. Карев.

Со временем слушателей ИКП, а затем и выпускников партийных вузов, которые разделяли идейно-теоретические взгляды Н. И. Бухарина, стали называть представителями «бухаринской школы», или в обиходе — «бухаринская школа». Школы же, как таковой, если иметь в виду организационные рамки, фактически не было.

Об этом свидетельствует, в частности, характеристика Е. М. Ярославского, данная так называемой «бухаринской школе» в 1927 г., в то время, когда Н. И. Бухарин еще «в одной упряжке» с И. В. Сталиным активно боролся против объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции. Е. М. Ярославский ставил тогда Н. И. Бухарину «в заслугу» наличие такой «школы», горячо защищал «эти молодые, растущие теоретические силы». Он писал в газете «Правда»:

«Мы хотели бы остановить внимание товарищей на одном приеме новой оппозиции, посредством которого пытаются ошельмовать группу молодых товарищей, которую именуют «школой Бухарина». Мы думаем, что у т. Бухарина нет никакой **особой** школы. Школа Бухарина есть **ленинская** школа. Заслуга т. Бухарина заключается в том, что он действительно воспитал теоретически в духе ленинизма большое число молодых товарищей, которые ведут в нашей партии пропагандистскую, агитационную, литературную работу, ведут борьбу со всякими оппозиционными уклонами в нашей партии (конечно, при этом не исключены отдельные их ошибки, которые партия исправляет), поэтому ненависть троцкистской оппозиции направлена особенно против них»[38].

Е. М. Ярославский в связи с этим приводил выдержки из «заявления 83-х» *, направленные против молодых «бухаринцев», подвергал критике высказывания Г. Е. Зиновьева, напоминал, что

* Перед XV съездом в 1927 г. оппозиция подготовила документ с изложением своих взглядов, известный как «заявление 83-х».

В. Н. Астров и А. Н. Слепков в 1924 г. были введены в редакцию «Большевика» по предложению самого Г. Е. Зиновьева.

«Между прочим,— продолжал Е. М. Ярославский,— по адресу этой школы распространялись порой прямо клеветнические вымыслы, хотя многие из этих «молодых» имеют подпольный стаж работы, хотя некоторые из них рисковали... своей жизнью ради революции.

Пусть сколько угодно новая оппозиция пытается забрасывать грязью эти молодые, растущие теоретические силы,— мы уверены в том, что партия сумеет выковать из них не только стойких теоретиков-ленинцев, но и людей, которые при всяком трудном повороте в нашей истории будут уметь применить не только оружие критики, но, если понадобится, сумеют с оружием в руках отстоять дело пролетарской диктатуры. В этом у нас нет ни малейшего сомнения»[39].

Основной костяк так называемой «бухаринской школы» составили такие слушатели и работники Института красной профессуры, как А. Ю. Айхенвальд, П. К. Александров, В. Н. Астров, И. Т. Жиров, А. Д. Зайцев, Н. А. Карев, А. И. Кармалитов, В. В. Кузьмин, Д. П. Марецкий, С. Н. Радин, П. Ф. Сапожников, А. Н. Слепков, В. Н. Слепков.

Что это были за люди? Приведем краткие биографические данные некоторых из них.

Айхенвальд Александр Юльевич (Юрьевич) родился в 1904 г. в семье профессора. Русский. Член партии с 1920 г. В 1919—1920 гг. был на комсомольской работе в Москве, затем учился в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, одновременно работал лектором, научным сотрудником, преподавателем. В 1925—1928 гг. учился в Институте красной профессуры, являлся членом секции научных работников, одновременно работал в Коминтерне, был членом редакции журнала «Коммунистический Интернационал».

После окончания ИКП он вел преподавательскую работу в Татарском коммунистическом университете (г. Казань). В 1931 г. поступил в аспирантуру ИКП по специальности «Экономика, теоретические вопросы империализма и мирового хозяйства». А. Ю. Айхенвальд — автор монографии «Советская экономика», выдержавшей 5 изданий, многих статей по теории экономики и мирового хозяйства.

В 1930 г. за принадлежность к «правой оппозиции» А. Ю. Айхенвальд исключался из партии, но вскоре был восстановлен. Работал экономистом Главсоюза зерновых и животноводческих совхозов.

Марецкий Дмитрий Петрович родился в 1901 г. в г. Москве в семье торговца. Русский. Член партии с 1919 г. В 1921 г. окончил Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, в 1924 г.— Институт красной профессуры, где был оставлен руководителем семинара по теоретической экономике. Выезжал в научные командировки в Австрию, Германию и Англию.

До 1928 г. Д. П. Марецкий работал в газете «Правда», сотрудничал в журнале «Большевик». В 1929—1932 гг. он ученый секретарь плановой комиссии и заведующий экономическим кабинетом Академии наук СССР в Ленинграде. Д. П. Марецкий был автором первой научной биографии Н. И. Бухарина, многих статей по экономическим вопросам и вопросам международной политики. 2 апреля 1931 г. постановлением Ленинградской областной контрольной комиссии исключен из ВКП(б) за то, что в своем выступлении 30 октября 1930 г., он, как было записано, «не дал развернутой критики ошибок правого уклона и не вскрыл в духе партийной линии классовую базу правого оппортунизма». 8 мая 1931 г. Партколлегией ЦКК ВКП(б) в партии был восстановлен. Однако постановлением Президиума ЦКК ВКП(б) от 9 октября 1932 г. «как правый оппортунист, исключавшийся из партии, содействовавший распространению контрреволюционной литературы», Д. П. Марецкий был вновь исключен из партии и сослан на 3 года в Йошкар-Олу. В ссылке работал экономистом Марийского облплана.

Слепков Александр Николаевич родился в 1899 г. в г. Рязани, в семье учителя. Русский. Член партии с 1919 г. В 1921 г. окончил Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, в 1924 г.— Институт красной профессуры. Одновременно преподавал в комвузах. В 1924—1928 гг. работал в газете «Правда», журнале «Большевик» и одновременно ответственным инструктором и заведующим агитпропом Исполкома Коминтерна, избирался членом Московского комитета партии. В 1928—1932 гг.— член бюро и заведующий агитпропом Средне-Волжского крайкома ВКП(б), работал преподавателем Самарского комвуза, профессором пединститута и университета в г. Саратове. А. Н. Слепков — автор ряда трудов по истории партии и большого числа статей по вопросам партийной жизни для газеты «Правда», журнала «Большевик», других изданий.

21 октября 1930 г. парторганизация Самарского комвуза исключила А. Н. Слепкова из партии «за правооппортунистические ошибки». 21 марта 1931 г. Партколлегия ЦКК ВКП(б) восстановила А. Н. Слепкова в партии. В конце 1931 г. партколлегия крайкома (г. Саратов) вновь исключила его из партии, но в феврале 1932 г. он был восстановлен решением пленума крайкома ВКП(б).

9 октября 1932 г. Президиум ЦКК ВКП(б) вновь исключил А. Н. Слепкова из партии, рассматривая дело так называемого «союза марксистов-ленинцев», как «правого оппортуниста, ранее дважды исключавшегося из партии, содействовавшего контрреволюционной группе распространением ее литературы». 11 октября 1932 г. по постановлению коллегии ОГПУ он был сослан на 3 года в Сибирь.

Среди крупных теоретических проблем, активно разрабатывавшихся представителями «бухаринской школы», центральное место занимали вопросы путей и методов социалистического строительства в нашей стране, отношений с крестьянством, изменения его

мелкобуржуазной природы. Впоследствии их подходы и теоретические взгляды по этим проблемам были квалифицированы как «правооппортунистические» и «контрреволюционные» и имели для них трагические последствия.

Как и сам Н. И. Бухарин, его ученики считали, что главным вопросом экономики и политики переходного периода является вопрос о постепенном переводе миллионов мелкотоварных крестьянских хозяйств на развитие в социалистическом направлении. «Стихийную мелкобуржуазную экономическую силу, напор 22—24 млн крестьянских хозяйств,— писал А. Ю. Айхенвальд,— стремящихся к богатству, к наживе, к торговому интересу, необходимо не уничтожать, а направить по новому руслу и использовать эту силу, этот напор, это стремление к наживе как основу и двигатель социалистического строительства. Если удастся стихийный напор мелкотоварного массива направить в такие формы и в такие каналы, чтобы он лился на социалистическую мельницу,— тогда силы социалистического сектора колоссально увеличатся...» [40]

Сутью теоретических представлений «бухаринской школы» о будущем обществе и путях построения социализма в СССР была мысль о консолидации всех экономических и политических сил страны, об их единении в целях социалистического строительства. В вопросах накопления в переходный период представители «бухаринской школы» высказывались за то, чтобы наладить такие отношения между социалистическим сектором и остальными укладами экономики, которые позволили бы на равноправной основе превратить несоциалистические уклады в мощный источник необходимых средств. Они считали, что в реальных условиях того времени частное накопление не находилось в непримиримых противоречиях ни с методами, ни с главной целью социалистического накопления.

Большое место в своей теории «бухаринцы» уделяли вопросам кооперативного движения. По их мнению, основным путем переделки мелкотоварного крестьянского уклада был именно кооперативный путь. Крестьянская мелкобуржуазная сила, вливаясь в кооперативную форму развития, становится фактором роста социализма, утверждали они. Тем самым, считали «бухаринцы», нащупывается разрешение основной задачи социалистического строительства в стране с преобладанием мелкотоварного уклада: социалистический сектор оказывается руководителем мелкотоварного хозяйства и экономическая сила гигантского мелкобуржуазного массива используется для создания социалистического сельского хозяйства. Непосредственная связь между социалистическим сектором и кооперированными массами мелких товаропроизводителей признавалась «бухаринцами» основной формой социалистического руководства развитием мелкотоварного хозяйства. «Соответственно этому и непосредственное врастание в социализм будет основным путем перестройки крестьянского хозяйства» [41]— такой вывод делали они.

В научных работах и публикациях представителей «бухаринской школы» последовательно развивалась и теория Н. И. Бухарина — «закон трудовых затрат». Согласно этой теории установление необходимой пропорциональности в затратах труда, распределение готового продукта между различными потребностями, регулирование роста различных частей производства — все это входит в задачу планирования социалистического хозяйства, все это требуется с точки зрения «естественно технической необходимости для создания равновесия в обществе».

В условиях технической реконструкции народного хозяйства страны на передний план выдвинулась проблема темпов индустриализации, ее источников, правильного соотношения в развитии промышленности и сельского хозяйства. Такая постановка вопроса выходила за экономические рамки и неизбежно перерастала в политическую проблему, поскольку самым непосредственным образом затрагивала интересы, отношения рабочего класса и крестьянства. Представители «бухаринской школы» особенно интенсивно стали заниматься этим вопросом во второй половине 20-х годов. Основной смысл их точки зрения сводился к тому, что индустриализация страны не должна и не может быть односторонним ростом промышленности. Движение по пути индустриализации нашей страны равносильно двустороннему развитию нашего хозяйства, т. е. известному сочетанию роста сельского хозяйства и промышленности.

Молодые «бухаринцы» подвергали резкой критике взгляды сторонников Л. Д. Троцкого, в частности Е. А. Преображенского, настаивавших на проведении «сверхиндустриализации», рассматривавших крестьянство как основной источник накоплений для обеспечения общественного прогресса. Недопустимость такой политики обосновывалась следующими доводами: «Разве партии не известна теория «эксплуатации» крестьянства, сочиненная тов. Преображенским? Разве не от последнего исходила «директива» «перекачивать» из крестьянства во всяком случае не меньше, чем «перекачивает» из него буржуазия?.. Разве не ясно теперь широчайшим партийным массам, что эта троцкистская политика означает разрыв рабоче-крестьянского блока, а разрыв блока означает не ускорение, а провал индустриализации?» [42]

А. Н. Слепков подчеркивал, что «индустриализацию страны оппозиция предлагает осуществлять не на основе рабоче-крестьянского блока, а на основе растущего нажима пролетарского государства на крестьянство — повышения налогового обложения крестьянства, повышения оптовых и розничных цен на продукты промышленности. Линия ярких представителей объединенной оппозиции — эта политика усиленной перекачки средств из крестьянства — перспектива, которая теоретически оформилась в последних выступлениях Преображенского, давшего дополнительное обоснование своего «закона первоначального социалистического накопления». Так хочет «исправить» классовую линию пролетарского государства оппозиция. Но ведь эта линия, не имеющая ни-

чего общего с ленинизмом, уже была преодолена и отброшена партией еще во время дискуссии с троцкизмом. Ее антипартийный, антипролетарский характер ясен теперь всякому сколько-нибудь сознательному партийцу» [43].

«Бухаринцы» считали, что отношения в данном случае между городом и деревней должны быть равноправными, что является одним из преимуществ социализма.

В развернувшейся в 1928 г. политической борьбе вокруг «хлебного кризиса» представители «бухаринской школы» активно поддерживали взгляды Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского на недопустимость «чрезвычайных мер» по отношению к крестьянам. Они считали, что взятые темпы и методы индустриализации и коллективизации не согласуются с реальными, объективными возможностями развития общества по социалистическому пути.

Принципы и способы строительства нового общества, которые они отстаивали, входили в глубокое противоречие с теорией и практикой «военно-коммунистических», командно-административных методов действий И. В. Сталина и его окружения. Критические суждения высказывали «бухаринцы» и по поводу складывавшегося тогда внутрипартийного положения.

По мере того как с конца 1928 г. Н. И. Бухарин и его единомышленники стали подвергаться политическим гонениям, все большее давление оказывалось и на представителей «бухаринской школы».

Открытое наступление на Н. И. Бухарина и его сторонников началось на апрельском (1929 г.) Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б).

В выступлении Е. М. Ярославского на Пленуме молодым «бухаринцам» давалась уже иная, нежели ранее, оценка. Он заявил, например, что Н. И. Бухарин передоверил руководство «Правдой» людям политически незрелым: «Руководство фактически передано было группе молодых товарищей, может быть, теоретически и подготовленных, но не прошедших настоящей революционной большой школы» [44].

Группа членов редколлегии «Правды» во главе с А. Н. Слепковым и В. Н. Астровым была обвинена в противодействии и саботаже политики ЦК партии в трудные и ответственные моменты по важнейшим вопросам, а Н. И. Бухарина Е. М. Ярославский обвинил в том, что вместо редколлегии в «Правде» якобы существует «безответственная обособленная группа из части редакторов, которая, не имея ни вашего ума, ни вашего опыта, тем не менее наилучшим образом знает решительно все вопросы на свете и не дает работать редакторам, не входящим в их группу» [45].

Д. З. Мануильский, поддержавший Е. М. Ярославского, в своем выступлении 20 апреля 1929 г. отметил: «Одним из моментов, способствовавших расхождению Бухарина с большинством ЦК, несомненно, была слишком неосторожная защита тех молодых товарищей, которые группировались вокруг Бухарина» [46]. В таком

же духе выступали и другие сторонники И. В. Сталина. Эти оценки подытожил 22 апреля сам И. В. Сталин. Он сказал: «Тов. Бухарин говорил здесь, что марксисты не должны терпеть в своей литературе слово «дань». О каких это марксистах он говорил? Если он имел в виду таких, с позволения сказать, марксистов, как Слепков, Марецкий, Петровский, Розит и т. д., которые смахивают скорее на либералов, чем на марксистов, то возмущение тов. Бухарина вполне понятно» [47].

После апрельского (1929 г.) Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) критика представителей «бухаринской школы» продолжала нарастать. Особенно сильно она звучала на ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК, когда был взят курс на форсированную коллективизацию. «Красные профессора» в критическом плане упоминались на Пленуме. И. М. Варейкис, в частности, сказал: «Жалки, смехотворны потуги слепковых, айхенвальдов и им подобных спасти теоретическое знамя т. Бухарина разговорами о том, какой «превосходный труд» оказались эти «Заметки экономиста». Еще более резко высказался Я. Б. Гамарник: «Мы не можем в руководстве терпеть людей, которые мешают нашей классовой борьбе, которые мешают нам в нашей работе, которые путаются между ног, которые то отмалчиваются на Пленуме, когда дело хорошо, то вылезают для отпора партии, когда положение становится потрудней, а в целом так же, как и молодые ученики, полагают, что нас в конечном счете ждет поражение на фронте классовой борьбы, и тогда они заговорят полным ртом» [48]. Подобные мнения разделяли и другие участники Пленума.

Грубый нажим на представителей «бухаринской школы» шел одновременно и по административной линии. Они смещались со своих постов, многие из них были переведены на работу на периферию. В ходе проходившей в 1929 г. партчистки они подверглись взысканиям за «поддержку правого уклона». К 1932 г. из числа молодых «бухаринцев», учившихся в Институте красной профессуры, в Москве остались только В. Н. Астров, И. Т. Жиров, Н. А. Карев, В. С. Попов и С. Н. Радин. В Казани работали А. Ю. Айхенвальд и В. Н. Слепков. А. Д. Зайцев и А. Н. Слепков работали в Саратове, П. К. Александров и А. И. Кармалитов — в Свердловске, В. В. Кузьмин — в Новосибирске, П. Ф. Сапожников — в Воронеже, П. К. Башенков — в Костроме.

Часть представителей «бухаринской школы» в 1929 г. была вынуждена выступить в центральной печати с критикой своих взглядов. Это объяснялось рядом обстоятельств объективного и субъективного порядка. Среди них важное значение имело заявление Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского от 25 ноября 1929 г. о признании своих политических ошибок, что внесло в ряды учеников Н. И. Бухарина растерянность и недоумение, посеяло сомнения в правильности их убеждений. Большое воздействие на них оказало и то обстоятельство, что в 1929 г. И. В. Сталину на свою сторону, на сторону политики «чрезвычайных мер» и командно-административных методов социалистического строительства,

удалось привлечь большинство ЦК партии. Вот что писал об этом Н. А. Угланов, один из сторонников Н. И. Бухарина, поддерживавший тесную связь с его учениками: «...На ноябрьском Пленуме ЦК партии в 1929 г. мы признали свои ошибки. Не знаю, как другие, но лично я тогда честно заявлял, что ошибся. Так велико было на меня воздействие огромного большинства выступавших на Пленуме ЦК товарищей».

Кроме того, казалось, что теоретические воззрения «бухаринцев» опрокидывает сама практика, что курс на форсированные темпы индустриализации и проведение «сплошной коллективизации» оправдывается.

Однако уже в 1931—1932 гг. социально-экономическая обстановка показала, что курс на «подхлестывание» экономики страны, искусственное разжигание межклассовых противоречий в соответствии со сталинской теорией обострения классовой борьбы по мере успехов социализма, игнорирование интересов целых классов и социальных слоев привели к крупным социально-экономическим и политическим провалам. Задания первой пятилетки по большинству показателей не были выполнены. В результате насильственной коллективизации в стране крайне обострилась политическая обстановка. Прошли массовые волнения крестьян. В 1932 г. во многих районах страны начался голод, вызванный преступной экономической политикой сталинского руководства. Ее жертвами стали миллионы людей.

Н. А. Угланов в заявлении в ЦКК ВКП(б) в марте 1933 г. писал:

«В начале 1930 г. прошла массовая коллективизация и ликвидация кулачества как класса. Целый ряд трудностей при осуществлении этих грандиозных мероприятий, неизбежные перегибы — это вновь среди капитулировавших правых оживляет настроения борьбы против партии. Не выступая открыто, я в личных беседах и разговорах с отдельными товарищами говорил, что генеральная линия провалилась и руководство обанкротилось и будет искать козлов отпущения».

«Козлами отпущения», в частности, и явились представители «бухаринской школы». В признаниях, сделанных ими после ареста и позже, когда они находились в местах заключения, сквозь тенденциозную фразеологию четко прослеживается та социально-экономическая концепция, которой «молодые бухаринцы» придерживались еще в 20-е гг. В. Н. Слепков, например, писал в своем заявлении XVII съезду ВКП(б):

«Я был убежденным сторонником правооппортунистической политики, считая, что взятые партией темпы строительства нереальны, что наше колхозное движение административно навязано крестьянству и грозит разрывом союза рабочих и крестьян, что социализм должен быть построен путем «мирной» эволюции с врастанием «переделанного» Советской властью кулака в этот социализм. Вместе с другими оппозиционерами я возмущался партийным режимом, который своим острием был направлен против нас, мешая нам разворачивать свою работу. Не отставал я от других и в клевете на вождя партии тов. Сталина, обвиняя его в троцкизме и изображая его непримиримость и стойкость как наклонность к зажиму внутрипартийной демократии».

Арестованный по делу «бухаринской школы» А. М. Чернухин на допросе 19 февраля 1933 г. показал следующее: «...Я вел со

Слепковым (А. Н.— *Ред.*) разговоры на политические темы, основными вопросами у нас были: а) индустриализация, б) коллективизация, в) внутрипартийная демократия и партруководство. Как у меня на квартире, так и у Слепкова поочередно эти вопросы всплывали и в позиции Слепкова в основном сводились к следующему:

1. Партия в вопросах коллективизации допускает ошибки, которые выражаются в том, что рост колхозного движения происходит под нажимом, что приводит к недовольству крестьян и что все это приведет страну к гибели.

2. В партии после смерти Ленина не стало должного руководства. Все подменяется личной диктатурой Сталина, который старых испытанных руководителей отстраняет от руководства. Слепков много говорил о Сталине, выражая свою ненависть к нему, приводил примеры его грубости и т. д.

Все лица, бывавшие из его группы, поддерживали его, так как по вопросам коллективизации я возражал, считая, что его позиция не совсем верна».

Наиболее аргументированная характеристика взглядов «бухаринской школы» на социально-экономические процессы в стране в начале 30-х гг. содержится в заявлении арестованного по данному делу П. Г. Петровского в ЦКК ВКП(б). Из Суздальского политизолятора он писал, что:

«Центральным пунктом, который вызывал во мне правооппортунистические колебания и приводил к борьбе против партруководства, была экономическая политика партии. Ее проведение представлялось мне постепенным сползанием на троцкистские рельсы. Экономическая политика партии представлялась мне политикой, ведущей к ослаблению диктатуры пролетариата и ставящей последнюю перед тягчайшими осложнениями. В моей оппозиционной оценке генеральная линия партии неизбежно приводила к нарушению хозяйственного равновесия, дезорганизации экономических связей города и деревни и выражалась в малой производительности затрат огромных масс труда и средств для решения задач, которые, как мне казалось, могли быть осуществлены более экономно и с меньшим напряжением. Неизбежными следствиями этой политики мне представлялись падение производительности труда, повышение себестоимости продукции, падение реальной зарплаты, продовольственные затруднения, товарный голод, инфляция и т. д.».

Далее П. Г Петровский отмечал, что экономические затруднения неизбежно вызовут негативные процессы в политической сфере. «Мне казалось,— писал он,— что в массах подспудно идут процессы, угрожающие руководящему влиянию партии и гегемонии пролетариата, что широкие массы начинают обнаруживать неудовлетворенность и разочарование в итогах революции». «Конечно,— продолжал он далее,— я не мог не видеть одновременно гигантских успехов индустриального строительства, однако они в моем представлении значительно обесценивались, ибо мне казалось, что темпы строительства, «согласованные» с экономическими возможностями страны, и размеры капитальных вложений, спорно «увязанные» с нуждами текущего производства, могли быть более эффективными как качественно, так и в конечном счете и по своему количественному размаху».

На этих позициях, по признанию самого П. Г. Петровского,

он последовательно держался по 1932 г. включительно. Представляют интерес его рассуждения и относительно методов поиска оптимальных путей социалистического строительства. Он «считал вполне возможным разрешение всех казавшихся спорных вопросов экономической политики на путях внутрипартийной дискуссии».

На аналогичных позициях стояли и другие представители «бухаринской школы». Так, В. С. Попов признавал:

«В вопросах промышленности я вместе с другими правыми стоял за медленный «органический» рост тяжелой индустрии, за индустриализацию по принципу «как бы чего не случилось», за развитие прежде всего мелкой промышленности, за удовлетворение потребительских нужд. Прямо должен сказать, что к темпам, взятым партией, я относился как сверхиндустриалистическим. Не веря в то, что крестьянство широкой волной пойдет в колхозы и против кулака, я не верил также, что рабочий класс выдержит эти темпы при трудностях снабжения и гигантском размахе запроектированного строительства».

Исторический опыт последующих десятилетий социально-экономического развития страны в целом подтвердил обоснованность и реалистичность позиций «бухаринской школы». Надо отметить, что «молодые бухаринцы» в своих взглядах на форсированную индустриализацию, сплошную коллективизацию и другие крупные экономические и партийно-политические проблемы не были одиноки. В начале 30-х гг. ряд крупных ученых, специалистов, хозяйственных работников выражали сомнение в правильности сталинского курса социально-экономической политики.

Можно поэтому утверждать, что представители «бухаринской школы» объективно отражали один из возможных альтернативных путей развития советского общества в начале 30-х гг. Чтобы лучше понять процесс эволюции взглядов «молодых бухаринцев», следует обратить внимание на позицию Н. И. Бухарина, занятую им в конце 1929 г. К этому времени она сводилась все к большему отрицанию собственных взглядов, к отходу от своих учеников. В ноябре 1930 г. Н. И. Бухарин опубликовал в «Правде» заявление в ЦК ВКП(б). По решению Политбюро в редактировании этого документа принимал участие Л. М. Каганович. В этом заявлении Н. И. Бухарин поддержал решения XVI съезда ВКП(б), оценил свои прежние взгляды как ошибочные [49].

С критической оценкой своих взглядов Н. И. Бухарин выступил и на XVII партийной конференции. А выступая на XVII съезде ВКП(б), он публично осудил своих учеников, поддержал развязанный против них террор. В своей речи 28 января 1934 г. на съезде он сказал:

«Ясно, далее, что после признания бывшими лидерами правых своих ошибок подспудные течения и открытое сопротивление со стороны врагов партии нашли свое выражение в разных группировках, которые все быстрее и все последовательнее скатывались к контрреволюции, каковыми были и охвостья антипартийных течений, в том числе и ряд моих бывших учеников, получивших заслуженное наказание.

Ясно, наконец, что обязанностью каждого члена партии является борьба со всеми антипартийными группировками, активная и беспощадная борьба, независимо от каких бы то ни было прежних личных связей и отношений, сплочение вокруг ЦК и сплочение вокруг товарища Сталина как персонального вопло-

щения ума и воли партии, ее руководителя, ее теоретического и практического вождя»[50].

В июле 1934 г. один из представителей «бухаринской школы», А. И. Кармалитов, находясь в заключении, писал в ЦК ВКП(б), что Н. И. Бухарин не только подверг осуждению взгляды своих учеников, но и всячески избегал личных контактов с ними.

Подобного рода заявление сделал и другой ученик Н. И. Бухарина — А. Д. Зайцев, который писал в КПК при ЦК ВКП(б):

«На XVII съезде партии оценку политического поведения части бывших учеников Бухарина, к которой принадлежал и я,— давал в числе прочих и Бухарин. Бухарин резко отмежевался от своих учеников, сказав, что в обстановке борьбы, которую вела партия до XVII съезда партии, они (значит, и я в том числе) все больше и больше скатывались на контрреволюционный путь.

Я ни в коей мере не намерен смягчать такую оценку, но я должен выразить свое глубокое возмущение по поводу того, что в этих словах нет чрезвычайно существенного пункта: вопроса об ответственности самого Бухарина за своих бывших учеников, за меня в том числе».

Такая позиция Н. И. Бухарина не могла не сказаться на дальнейшей судьбе его учеников. Сложность политической обстановки того периода (волнения крестьян, низкий уровень материального положения трудящихся, просчеты первой пятилетки, свертывание демократических принципов внутрипартийных отношений и т. д.), особенно резко проявившаяся в начале 30-х гг., глубоко волновала представителей «бухаринской школы». Сами они и их единомышленники по совместной работе на встречах обсуждали возникшие проблемы, мучительно искали способы их решения. Эти встречи и беседы носили неформальный, дружеский и, как правило, случайный характер (во время приездов в Москву и т. д.). Документального подтверждения целенаправленной организации таких встреч не имеется.

В 1932—1933 гг. по стране прокатилась новая волна преследования «инакомыслящих», тех, кто выражал недовольство тяжелым положением в стране. В документе, подготовленном полномочным представительством ОГПУ по Иваново-Промышленной области 16 февраля 1933 г., сообщалось о группе научных работников г. Иванова, которые систематически собирались вместе для проведения политических бесед, «подвергая резкой критике ряд теоретических вопросов в политике партии». Полномочный представитель ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и Дагестанской АССР Е. Г. Евдокимов сообщал М. Ф. Шкирятову, что «в январе м-це 1933 г. в г. Таганроге вскрыта антипартийная к.-р. группа...». К тому же времени относятся события, связанные с так называемой «контрреволюционной группой Рютина — Галкина — Иванова и др.».

Во второй половине сентября и в начале октября 1932 г. органами ОГПУ была арестована группа лиц (24 человека), якобы причастная к составлению и распространению так называемой «платформы союза марксистов-ленинцев». В числе арестованных были А. Н. Слепков, Д. П. Марецкий, П. Г. Петровский, Я. Э. Стэн и другие. Вскоре после их ареста в г. Новосибирске был арестован

В. В. Кузьмин, работавший с 1928 г. сотрудником Западно-Сибирского крайплана, а до этого слушатель Института красной профессуры в Москве, заведующий отделом в журнале «Большевик». Поводом для ареста В. В. Кузьмина послужил его рассказ сослуживцам о том, что арестованные А. Н. Слепков и Д. П. Марецкий являлись его товарищами по учебе и что во время его последней поездки в Москву (август — сентябрь 1932 г.) он некоторое время жил на квартире у А. Н. Слепкова и встречался там с товарищами по учебе и работе.

Располагая изъятой у В. В. Кузьмина личной перепиской и его показаниями на допросах 27 и 29 октября 1932 г., работники полномочного представительства ОГПУ по Западно-Сибирскому краю 15 ноября 1932 г. составили постановление о привлечении В. В. Кузьмина в качестве обвиняемого, в котором указывалось, что «Кузьмин В. В. достаточно изобличается в том, что в августе м-це с. г. он выехал в г. Москву, встретился с участниками к.-р. организации Рютина — Слепковым, Марецким, Петровским и др., узнав от них о существовании этой организации, активно участвовал в обсуждении платформы к.-р. организации в августе м-це 1932 г. и являлся активным ее участником».

Однако по обвинениям в принадлежности к «к.-р. группе Рютина и др.» к уголовной ответственности В. В. Кузьмина не привлекали и не судили. Следствие по его делу возобновилось через 3 месяца после ареста и стало вестись уже в другом направлении. На допросе 1 февраля 1933 г. В. В. Кузьмин, по словам начальника секретно-политического отдела ОГПУ Г. А. Молчанова, «после долгого запирательства дал откровенные показания», что он якобы является участником существующей в Москве организации, состоящей из сторонников «правой оппозиции», которая поставила своей задачей организацию и проведение борьбы с существующим партийным руководством и смену этого руководства во главе с И. В. Сталиным. Как показал В. В. Кузьмин, в руководящий состав этой организации входили А. Н. Слепков, Д. П. Марецкий, П. Г. Петровский, А. Ю. Айхенвальд, А. Д. Зайцев, Т. Р. Левина, П. К. Александров, В. Н. Слепков и он, В. В. Кузьмин. По его словам, А. Н. Слепков был непосредственно связан с Н. А. Углановым.

На следующих допросах В. В. Кузьмин сообщил о собраниях, встречах, об участниках группы на местах и т. д. На допросах уточнялись детали схемы и состав так называемой «организации правых» в г. Москве и о намечавшемся якобы проведении конференции этой группы в августе — сентябре 1932 г.

Показания В. В. Кузьмина, собственно, и были положены Г. А. Молчановым в основу так называемого дела «антипартийной контрреволюционной группы правых». Им был составлен и подписан список лиц, проходящих по делу как в центре, так и на периферии. Из комментариев к списку следует, что вслед за В. В. Кузьминым признательные показания были получены и от А. Н. Слепкова.

Характерно, что А. Н. Слепков пытался смягчить участь ряда товарищей, вывести их из-под удара карательных органов. В своем заявлении в ЦКК ВКП(б) от 18 февраля 1933 г. он писал:

«В нашей группе не все одинаково виноваты перед партией: ряд лиц (я, Петровский, Марецкий) были, так сказать, коренниками (причем больше всех виноват я), ряд лиц (Александров, В. Слепков, Жиров, Астров) — менее активны, или более партийно настроены, а ряд привлеченных по нашему делу лиц (Гасперская, А. Астрова, Идельсон и др.) не принимали активного участия в группе. Я уверен, что в этом деле будет обеспечен дифференцированный подход и степень моей большей виновности не будет механически перенесена на других».

Из полученных следствием показаний вытекало, что в Москве с 1928 г. под руководством А. Н. Слепкова существовала организация «правых», имеющая разветвленную периферию: в Ленинграде — во главе с Д. П. Марецким, в Самаре — во главе с П. Г. Петровским, в Саратове — во главе с А. Д. Зайцевым и Т. Р. Левиной, в Казани — во главе с В. Н. Слепковым и Ф. П. Медведевым, в Свердловске — во главе с А. И. Кармалитовым и П. Е. Кротовым, в Воронеже — во главе с П. Ф. Сапожниковым и т. д.

В качестве вещественных доказательств в «деле» фигурировали рукопись В. В. Кузьмина «Политическое кредо. Мировой капиталистический кризис в СССР», в которой автор подвергал критике избранный И. В. Сталиным путь строительства социализма и признавал наиболее верным выработанный В. И. Лениным курс новой экономической политики на длительный переходный период от капитализма к социализму.

Все эти данные были изложены в сообщении заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды И. В. Сталину 28 февраля 1933 г.

Списки обвиняемых были представлены Г. А. Молчановым ранее в ЦКК ВКП(б). Все они уличались «в принадлежности к контрреволюционной организации правых, возобновивших в 1932 году подпольную активную правооппортунистическую работу против руководства ЦК ВКП(б), в целях чего в августе — сентябре 1932 года ими была проведена нелегальная конференция правых в квартирах Астрова и Марецкого».

Партийного расследования по делу этих лиц не проводилось, но из 35 проходивших по делу коммунистов 33 члена и 1 кандидат (за исключением П. Ф. Просвирнина [51]) решениями ЦКК ВКП(б) заочно были исключены из партии «как организаторы и участники конференции к.-р. организации правых (август м-ц 1932 г.) и за подпольную контрреволюционную деятельность правых».

Основаниями для ареста П. Г. Петровского, В. Н. Астрова, А. Ю. Айхенвальда, А. Д. Арефьева, И. Т. Жирова, Е. С. Гасперской, В. Н. Слепкова, бывшего секретаря А. И. Рыкова, С. Н. Радина, А. М. Чернухина, Н. А. Карева, А. И. Кармалитова, П. Е. Кротова и Е. В. Цетлина (бывший секретарь Н. И. Бухарина) явились, как указывалось в списке, показания В. В. Кузьмина и А. Н. Слепкова, полученные по телеграфу из г. Новосибирска, где велось следствие по делу В. В. Кузьмина, и из г. Тары, где

А. Н. Слепков находился в ссылке как осужденный за принадлежность к группе Рютина — Иванова — Галкина и других.

Кроме учеников Н. И. Бухарина был арестован известный деятель партии Н. А. Угланов, который в то время уже отбывал ссылку по делу так называемого «союза марксистов-ленинцев».

В процессе следствия использовались различные незаконные приемы, чтобы добиться от арестованных нужных показаний. Так, во время допроса Е. М. Лобовой-Бурениной следователь настаивал: «Кайся, а мы тебя восстановим». На это Е. М. Лобова-Буренина отвечала, что «я не по рекомендации ОГПУ пришла в партию и не по Вашей рекомендации приду в партию». Показательны слова А. Н. Слепкова, сказанные Е. М. Лобовой-Бурениной во время следования в тюрьму: «Теперь такое время, если соберутся три товарища и поговорят искренне, то нужно каяться, что была организация, а если пять — то нужно каяться, что была конференция».

Многие арестованные на следствии «подтвердили» свою принадлежность к «группе» А. Н. Слепкова и дали показания о ее участниках и проходивших встречах, на которых критически обсуждались и негативно оценивались внутрипартийная, внутриполитическая и экономическая линии руководства ВКП(б) во главе с И. В. Сталиным.

Допрошенные же в процессе предварительного следствия Г. К. Александров, П. К. Башенков, В. Г. Белов, Д. Ф. Бузин, С. Г. Виноградов, И. Т. Жиров, А. Д. Зайцев, Н. А. Карев, В. С. Лапкин, Е. М. Лобова-Буренина, Ф. П. Медведев, Б. П. Нестеров, В. С. Попов, П. Ф. Просвирнин, С. Н. Радин, В. Н. Слепков, Г. С. Слесарев, К. Г. Хахарев, М. П. Худяков, Е. В. Цетлин, то есть более половины обвиняемых, виновными себя не признали и показали, что о деятельности группы А. Н. Слепкова они ничего не знали.

Так, Е. В. Цетлин на допросе 13 апреля 1933 г. заявил: «Ни о какой контрреволюционной организации правых я не знал и узнал впервые на следствии». Г. С. Слесарев на допросе 16 марта 1933 г. показал, что хотя был знаком с А. Н. Слепковым, П. Г. Петровским, Т. Р. Левиной, М. П. Худяковым и А. Д. Зайцевым, но общался с ними по институтским вопросам и делам.

В качестве конкретных обвинений участников группы Слепкова в контрреволюционной деятельности выдвигались два «факта»: якобы проведение конференции и подготовка террористических актов против руководителей партии и правительства. Объективный анализ событий, документов, относящихся к данным обвинениям, показал их полную необоснованность и несостоятельность. Конференции группы «правых», как таковой, не было. Никаких сколько-нибудь убедительных свидетельств на этот счет в материалах дела нет. Выдаваемые за конференцию встречи и разговоры привлекавшихся потом к ответственности лиц сводились к обсуждению политических проблем того времени, к попыткам осмыслить и определить пути преодоления кризисных явлений в стране в

начале 30-х гг. и не содержали высказываний антисоветского характера.

Слово «конференция» впервые прозвучало в признаниях В. Н. Астрова и А. Ф. Астровой на допросах. Стараясь придать версии о «контрреволюционной конференции» правдоподобный вид, следователи пытались вынудить дать показания о ее конкретных решениях, воплощенных в документах. Но никаких документов в виде протоколов, решений, воззваний и т. п. не было.

Решительно отрицали это и некоторые обвиняемые. В. Н. Слепков, в частности, на допросе 23 марта 1933 г. заявил, что ему ничего не известно о «проведении конференции правых» в Москве, и подтвердил лишь свое личное знакомство и отдельные личные встречи с рядом привлеченных лиц. Отвергли подобные обвинения Г. С. Слесарев, В. Г. Белов и другие участники дела.

Сведения о якобы готовившихся «группой правых» террористических актах против руководителей партии и правительства, в первую очередь против И. В. Сталина, тоже исходили от В. Н. Астрова.

Эпизод, который квалифицировался как акт террористического характера, был связан с поступком П. Е. Кротова, также причисленного к «контрреволюционной организации правых». Суть его состояла в том, что П. Е. Кротов на одной из дружеских вечеринок в 1931 г. разорвал портрет И. В. Сталина.

Вначале эти действия П. Е. Кротова расценивались партийными органами как хулиганский поступок. Но в 1933 г. их уже переквалифицировали в террористический акт, хотя все допрошенные в 1933 г. участники так называемой «организации правых» не говорили о террористических намерениях кого-либо из членов этой организации.

Никто из причисленных к активным участникам «центра организации правых» и в последующем не подтвердил того, что методами их действий являлись террор и вредительство.

16 апреля 1933 г. дело так называемой «антипартийной группы правых Слепкова и других («бухаринская школа»)» было рассмотрено на заседании коллегии ОГПУ.

Постановлением коллегии были приговорены к заключению: А. Д. Арефьев — сроком на 8 лет, Д. Ф. Бузин, В. В. Кузьмин, Д. П. Марецкий и А. Н. Слепков — сроком на 5 лет, С. А. Александров, В. Н. Астров, П. К. Башенков, С. Г. Виноградов, Е. С. Гасперская, И. Т. Жиров, А. Д. Зайцев, Б. И. Идельсон, Н. А. Карев, А. И. Кармалитов, П. Е. Кротов, В. С. Лапкин, Т. Р. Левина, Е. М. Лобова-Буренина, Ф. П. Медведев, Б. П. Нестеров, П. Г. Петровский, С. Н. Радин, П. Ф. Сапожников, В. Н. Слепков, Г. С. Слесарев, К. Г. Хахарев, М. П. Худяков, Е. В. Цетлин, А. М. Чернухин — на 3 года, А. Ю. Айхенвальд — на 2 года. 3 человека были высланы в различные районы СССР: П. К. Александров — в Северный край сроком на 3 года, В. С. Попов — в Казахстан сроком на 3 года, В. Г. Белов — на Урал сроком на 1 год. Г. К. Александров, П. Ф. Просвирнин и Н. А. Угланов были освобождены из-под стражи с прекращением дела, А. Ф. Астрова

была также освобождена из-под стражи с зачетом в наказание срока предварительного заключения. Дело на нее было прекращено.

Но это был лишь первый вал репрессий против «правых». Впереди их ждали новые тяжелые испытания. 29 сентября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) была принята подготовленная Л. М. Кагановичем директива «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». В этой директиве, утвержденной И. В. Сталиным и другими членами Политбюро, указывалось, что «необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по которым уже закончено, и не только подследственных вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не закончены, но и тех, которые были раньше высланы». На основе этого решения участники «бухаринской школы» были подвергнуты еще более жестоким репрессиям.

В 1936—1941 гг. А. Ю. Айхенвальд, П. К. Александров, С. А. Александров, А. Д. Арефьев, П. К. Башенков, Д. Ф. Бузин, С. Г. Виноградов, И. Т. Жиров, А. Д. Зайцев, Б. И. Идельсон, Н. А. Карев, А. И. Кармалитов, П. Е. Кротов, В. В. Кузьмин, В. С. Лапкин, Т. Р. Левина, Е. М. Лобова-Буренина, Д. П. Марецкий, Ф. П. Медведев, Б. П. Нестеров, П. Г. Петровский, С. Н. Радин, П. Ф. Сапожников, А. Н. Слепков, В. Н. Слепков, Г. С. Слесарев, Н. А. Угланов, К. Г. Хахарев, М. П. Худяков, Е. В. Цетлин — всего 30 человек — были расстреляны по приговорам Военной Коллегии Верховного суда СССР и областных «троек» УНКВД.

В. Г. Белов и В. С. Попов умерли в местах лишения свободы. Е. С. Гасперская неоднократно арестовывалась, заключалась в тюрьмы и лагеря, а в 1946 г. была выслана в г. Александров Владимирской области. А. М. Чернухин также арестовывался, высылался в ссылку, заключался в тюрьмы и был освобожден только в 1954 г., но вскоре, в 1957 г., скончался.

Иной оказалась участь В. Н. Астрова. Будучи приговорен к трем годам заключения в политизолятор, он по постановлению коллегии ОГПУ от 13 июня 1934 г. был выслан в г. Воронеж на оставшийся срок, где в ноябре 1936 г. был снова арестован органами НКВД. На допросах он дал развернутые показания об «антисоветской и террористической» деятельности А. И. Рыкова, Н. И. Бухарина и групп «правых» в Москве, Саратове и Воронеже.

Несомненный интерес представляет ходатайство В. Н. Астрова о реабилитации, которое он направил 11 марта 1968 г. в Прокуратуру СССР. В нем он отрицал свое участие в «контрреволюционной деятельности» и заверял, что его тогдашние показания — плод «субъективных преувеличений» и «заострений формулировок» со стороны следствия. В. Н. Астров утверждал, что встреча у него на квартире в августе 1932 г. с некоторыми из бывших однокашников по Институту красной профессуры «была неправильно истолкована следствием как якобы «конференция контрреволюционной организации правых», что показаний других

подследственных ему не предъявляли, а он «поддался уговорам следователя, убеждавшего меня рассматривать мои показания как политический документ против правых, на деле доказывающий мой полный разрыв с контрреволюционным правым оппортунизмом...».

Этот документ дает возможность более полно судить о том, как искусственно, на ложном основании создавалось дело так называемой «антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и других («бухаринская школа»)».

После реабилитации его участников в судебном порядке шла их реабилитация в партийном отношении. Политические обвинения, предъявлявшиеся им при исключении из партии, также не нашли своего подтверждения.

В течение 1959—1988 гг. по решениям Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и местных партийных органов в партии были восстановлены Д. П. Марецкий, Ф. П. Медведев, П. Г. Петровский, А. Н. Слепков, К. Г. Хахарев, Е. В. Цетлин (все — посмертно). Хотя в судебном порядке В. Н. Астров также реабилитирован, однако решением КПК при ЦК КПСС от 23 марта 1968 г. в партийной реабилитации ему было отказано.

Учитывая необоснованность политических обвинений, предъявлявшихся и всем остальным участникам так называемой «антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и других («бухаринская школа»)», их полную реабилитацию в судебном порядке, Комитет партийного контроля при ЦК КПСС в 1989 г. восстановил в партии А. Ю. Айхенвальда, П. К. Александрова, С. А. Александрова, А. Д. Арефьева, А. Ф. Астрову-Черникову, П. К. Башенкова, Д. Ф. Бузина, С. Г. Виноградова, Е. С. Гасперскую, И. Т. Жирова, А. Д. Зайцева, Б. И. Идельсона, Н. А. Карева, А. И. Кармалитова, П. Е. Кротова, В. В. Кузьмина, В. С. Лапкина, Т. Р. Левину, Е. М. Лобову-Буренину, Б. П. Нестерова, В. С. Попова, С. Н. Радина, П. Ф. Сапожникова, В. Н. Слепкова, Н. А. Угланова, А. М. Чернухина и кандидатом в члены партии — Г. С. Слесарева (всех — посмертно).

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

«АНТИСОВЕТСКАЯ ТРОЦКИСТСКАЯ ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ» В КРАСНОЙ АРМИИ

«Дело военных» — так назвала мировая печать судебный процесс над военачальниками Красной Армии, проходивший в Москве летом 1937 г.,— имело далеко идущие и трагические последствия. Осуществленные И. В. Сталиным и его ближайшим окружением массовые репрессии в армии накануне второй мировой войны

нанесли огромный ущерб Советским Вооруженным Силам, всей обороноспособности Советского государства.

Внутриполитическая обстановка в стране во второй половине 30-х гг., обострение и расширение репрессий вызывали у И. В. Сталина определенные опасения в отношении позиции крупных военачальников, авторитет которых в народе и армии был очень высоким еще со времен гражданской войны. Их глубокий профессионализм, независимость в суждениях, открытая критика выдвиженцев И. В. Сталина — К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, Г. И. Кулика, Е. А. Щаденко и других, не понимавших необходимости создания современной армии,— вызывали раздражение, подозрительность и определенные опасения, что армия может проявить колебания в поддержке проводимого им курса. Отсюда стремление убрать из армии всех колеблющихся, всех, кто вызывал у И. В. Сталина и его ближайшего окружения хоть малейшие сомнения.

«Раскрытие» органами НКВД во второй половине 30-х гг. так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» явилось полной неожиданностью для советских людей, привыкших видеть в М. Н. Тухачевском, И. Э. Якире, И. П. Уборевиче и других крупных военачальниках прославленных полководцев Красной Армии, чьи имена были известны каждому.

Большинство военных различных рангов и положений, объявленных врагами народа, имели большие заслуги перед Советской страной и Коммунистической партией. Многие из них являлись участниками Великой Октябрьской социалистической революции, активными борцами за Советскую власть, беззаветно защищали ее в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, сражаясь в рядах Красной гвардии и Красной Армии с момента ее создания. Большинство из них прошли путь от организаторов и командиров отдельных частей и соединений до командующих армиями и фронтами, выросли в крупных политических и штабных работников, стали гордостью Советских Вооруженных Сил.

Партия и Советское правительство высоко оценивали заслуги этих выдающихся советских военачальников. Им были присвоены высшие воинские звания: М. Н. Тухачевскому — Маршала Советского Союза, И. П. Уборевичу и И. Э. Якиру — командарма 1-го ранга, А. И. Корку — командарма 2-го ранга, Р. П. Эйдеману, Б. М. Фельдману, В. М. Примакову, В. К. Путне — комкора. Я. Б. Гамарник был армейским комиссаром 1-го ранга. Они неоднократно награждались орденами Красного Знамени, а М. Н. Тухачевский и Я. Б. Гамарник и орденами Ленина.

М. Н. Тухачевский, Я. Б. Гамарник, И. П. Уборевич, И. Э. Якир избирались в состав Центрального Комитета ВКП(б), они, а также А. И. Корк, Р. П. Эйдеман, В. М. Примаков являлись членами ЦИК СССР. М. Н. Тухачевский был заместителем наркома обороны СССР. И. Э. Якир и И. П. Уборевич командовали Особыми военными округами — Киевским и Белорусским.

Всем этим военачальникам были свойственны широкое по-

литическое мышление, дальновидность и творческий ум. Они уделяли исключительное внимание новым видам вооружения. М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, И. П. Уборевич и их соратники придавали важное значение развитию военно-теоретической мысли и сами внесли большой вклад в развитие советской военной науки как выдающиеся практики и авторы ряда крупных военно-теоретических работ.

И вот эти люди предстали перед судом как злейшие враги народа и Советской власти, предатели Родины, агенты иностранных разведок. Стране было объявлено о существовании в Красной Армии конспиративной «антисоветской троцкистской военной организации».

Следует сказать, что репрессии и до этого не раз потрясали Красную Армию, но прежде они не задевали военачальников столь высокого ранга. В середине 20-х гг. была проведена чистка командного состава и политических работников, подозреваемых в сочувствии троцкистской оппозиции. Спустя несколько лет в конце 20 — начале 30-х гг.— были осуществлены мероприятия по чистке РККА от бывших офицеров старой армии. Дело не ограничилось только увольнением их из Вооруженных Сил. По фальсифицированным обвинениям были сфабрикованы дела о заговоре бывших офицеров. По ним было осуждено более трех тысяч командиров Красной Армии. А всего за 20-е и первую половину 30-х гг., по словам К. Е. Ворошилова, было уволено из армии 47 тысяч человек, в том числе 5 тысяч бывших оппозиционеров.

Со второй половины 1936 г. вновь возобновились аресты среди командного состава Красной Армии. Под руководством и при прямом участии Н. И. Ежова органы НКВД начали активно собирать различные провокационные показания против ряда военачальников. Так, у арестованных заместителя директора челябинского завода «Магнезит» Е. А. Дрейцера, начальника строительства железной дороги Караганда — Балхаш С. В. Мрачковского, начальника хлопкового управления Южного Казахстана И. И. Рейнгольда и других будущих «участников» так называемого «параллельного троцкистского центра» были «добыты» показания о существовании в армии военно-троцкистской организации. В нее, судя по этим показаниям, входили, в частности, заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа В. М. Примаков и военный атташе при полпредстве СССР в Великобритании В. К. Путна. Все эти показания — весьма противоречивые и не внушающие доверия — были получены незаконными методами.

14 августа 1936 г. органами НКВД в Ленинграде был арестован и доставлен в Москву В. М. Примаков, а 20 августа 1936 г. в Москве арестовали В. К. Путну. Обоим было предъявлено обвинение в участии в «боевой группе троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации». В. К. Путна обвинялся также в связях с Л. Д. Троцким, от которого якобы «получал директивы о терроре».

На всех допросах вплоть до мая 1937 г. В. М. Примаков категорически отрицал свое участие в какой-либо контрреволюционной деятельности. 29 августа 1936 г. в заявлении на имя заместителя наркома внутренних дел Я. С. Агранова он писал:

«Очень прошу Вас лично вызвать меня на допрос по делу о троцкистской организации. Меня все больше запутывают, и я некоторых вещей вообще не могу понять сам и разъяснить следователю. Очень прошу вызвать меня, так как я совершенно в этих обвинениях не виновен. У меня ежедневно бывают сердечные приступы».

В. М. Примаков, в 20-х гг. примыкавший к троцкистской оппозиции, под давлением следствия в конце концов назвал многих известных ему оппозиционеров. 16 октября 1936 г. он написал письмо на имя И. В. Сталина, в котором указывал:

«Я не троцкист и не знал о существовании военной контрреволюционной организации троцкистов. Но я виновен в том, что, отойдя от троцкизма в 1928 г., я не до конца порвал личные связи с троцкистами — бывшими моими товарищами по гражданской войне и при встречах с ними (с Кузьмичевым, Дрейцером, Шмидтом, Зюком) вплоть до 1932 г. враждебно высказывался о тт. Буденном и Ворошилове... Личные отношения с бывшими троцкистами после моего отхода от троцкистской оппозиции прервались, и со многими я совершенно перестал встречаться... Заявление об отходе от троцкизма я написал в 1928 г. в Кабуле, в полной изоляции от троцкистов, написал честно, без двурушничества, без обмана. Когда осенью 1930 г. вернулся я из Японии и виделся с Пятаковым, меня поразила одна фраза в нашем разговоре. Говоря о линии партии, Пятаков сказал: «Делается то, что надо, но мы, вероятно, сделали бы это лучше». Я ответил на это: «Как можно делить на «мы» и «не мы», раз делается то, что надо?» ...Раньше я часто бывал у Пятакова, с этого времени перестал бывать — не было доверия к его честности... После возвращения из Японии я очень активно работал в партии и армии... Я не троцкист и не контрреволюционер, я преданный боец и буду счастлив, если мне дадут возможность на деле, работой доказать это».

На первом допросе 24—25 августа 1936 г. В. К. Путна признал, что в 1926—1927 гг. он участвовал в троцкистско-зиновьевской оппозиции, но полностью от нее отошел и никакой контрреволюционной деятельностью не занимался. Однако уже на следующем допросе, 31 августа 1936 г., В. К. Путна дал показания о существовании «всесоюзного», «параллельного» и «московского» «центров троцкистско-зиновьевского блока» и о своем, совместно с В. М. Примаковым, участии в военной организации троцкистов.

Репрессии в армии особенно усилились после февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б).

По вопросу о положении с кадрами в армии на Пленуме ЦК выступили К. Е. Ворошилов и Я. Б. Гамарник. По их оценке, политико-моральное состояние личного состава в армии не вызывало тревоги. «...К настоящему моменту,— заявил К. Е. Ворошилов,— армия представляет собой боеспособную, верную партии и государству вооруженную силу... отбор в армию исключительный. Нам страна дает самых лучших людей».

Однако В. М. Молотов совсем иначе оценил положение дел с армейскими кадрами, дав, по существу, установку о необходимости вскрыть вредительскую, шпионскую и диверсионную деятельность троцкистов в армии. В заключительном слове на Пленуме В. М. Молотов заявил следующее:

«Было вначале предположение по военному ведомству здесь особый доклад заслушать, потом мы отказались от этого, мы имели в виду важность дела, но пока там небольшие симптомы обнаружены вредительской работы, шпионско-диверсионно-троцкистской работы. Но я думаю, что и здесь, если бы внимательнее подойти, должно быть больше... Если у нас во всех отраслях хозяйства есть вредители, можем ли мы себе представить, что только там нет вредителей. Это было бы нелепо... Военное ведомство — очень большое дело, проверяться его работа будет не сейчас, а несколько позже, и проверяться будет очень крепко» [52]

«Как свидетельствуют архивные документы, эта установка В. М. Молотова, равно как и его утверждение о широком распространении вредительства в народном хозяйстве, не имела под собой никаких оснований. Тем не менее требование о «проверке» военного ведомства было воспринято руководством Наркомата обороны и НКВД как прямые директивы по чистке армии, по ликвидации «врагов народа», якобы проводивших в рядах Красной Армии враждебную работу.

Подчиняясь этой «директиве», руководство НКВД стремилось любыми путями добиться от арестованных военачальников и бывших сотрудников НКВД показаний о существовании «военно-троцкистской организации» в армии и о том, что во главе ее стоят М. Н. Тухачевский, другие видные военные деятели.

В апреле 1937 г. Политбюро ЦК приняло решение об отмене поездки М. Н. Тухачевского в Лондон на коронацию английского короля Георга VI. Формально это решение основывалось на спецсообщении Н. И. Ежова от 21 апреля 1937 г. И. В. Сталину, В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову. Вот текст этого сообщения:

«Нами сегодня получены данные от зарубежного источника, заслуживающего полного доверия, о том, что во время поездки товарища Тухачевского на коронационные торжества в Лондон над ним по заданию германских разведывательных органов предполагается совершить террористический акт. Для подготовки террористического акта создана группа из четырех человек (трех немцев и одного поляка). Источник не исключает, что террористический акт готовится с намерением вызвать международные осложнения. Ввиду того что мы лишены возможности обеспечить в пути следования и в Лондоне охрану товарища Тухачевского, гарантирующую полную его безопасность, считаю целесообразным поездку товарища Тухачевского в Лондон отменить. Прошу обсудить».

Никаких материалов о подготовке подобного террористического акта над М. Н. Тухачевским у КГБ СССР не имеется, что дает основания считать это спецсообщение фальсифицированным.

На этом документе имеется резолюция И. В. Сталина: «**Членам ПБ.** Как это ни печально, приходится согласиться с предложением товарища Ежова. Нужно предложить товарищу Ворошилову представить другую кандидатуру. И. Сталин». Рядом надпись К. Е. Ворошилова: «Показать М. Н. 23.IV.37 г. КВ». На этом же экземпляре сообщения расписался М. Н. Тухачевский, подтвердив этим, что он ознакомился с документом.

22 апреля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление:

«1. Ввиду сообщения НКВД о том, что товарищу Тухачевскому во время поездки на коронационные праздники в Лондоне угрожает серьезная опасность со стороны немецко-польской террорис-

тической группы, имеющей задание об убийстве товарища Тухачевского, признать целесообразным отмену решения ЦК о поездке товарища Тухачевского в Лондон.

2. Принять предложение НК обороны о посылке товарища Орлова * на коронационные праздники в Лондоне в качестве представителя СССР по военной линии».

22—25 апреля 1937 г. от бывшего начальника Особого отдела НКВД СССР М. И. Гая и бывшего заместителя наркома внутренних дел СССР Г. Е. Прокофьева, к этому времени арестованных, были получены «показания» о преступных связях М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича, А. И. Корка, Б. М. Шапошникова, Р. П. Эйдемана и других с Г. Г. Ягодой. Однако попытки получить тогда же показания на военных у арестованного Г. Г. Ягоды успеха не имели. На допросе Г. Г. Ягода показал: «Личных связей в буквальном смысле слова среди военных у меня не было. Были официальные знакомства. Никого из них я вербовать не пытался».

27 апреля 1937 г. работники НКВД получили «показания» от арестованного заместителя начальника отдела НКВД З. И. Воловича на М. Н. Тухачевского, как на участника заговора, обеспечивающего поддержку этого заговора воинскими частями.

Показания М. И. Гая, Г. Е. Прокофьева и З. И. Воловича носили общий характер и противоречили друг другу. Они были добыты с помощью обмана, провокаций и насилия. В суде эти показания проверены не были, так как М. И. Гай, Г. Е. Прокофьев и З. И. Волович были расстреляны в 1937 г. без суда, «в особом порядке».

В своих объяснениях в КПК при ЦК КПСС от 20 декабря 1961 г. И. Д. Суровицких, бывший работник НКВД, сообщил: «Все, что творилось в органах НКВД в то время, было от начала до конца продуманной и подготовленной провокацией... Поведение Воловича на следствии свидетельствовало о том, что он был подготовлен к даче нужных показаний... Воловича допрашивал Ежов... Абсолютное большинство фамилий подсказывалось Воловичу Ярцевым ** или мною по его указанию... «Логичность» показаний арестованных также диктовалась следствием. Так было и с показаниями Воловича на Тухачевского, как на участника заговора, подготавливавшего войска к военному захвату власти заговорщиками... Я и Ярцев «получили» от Воловича развернутые показания на Тухачевского, как на участника заговора, готовившего армию для обеспечения военного переворота, то есть добились подтверждения о наличии воинской силы и закрепили нужную Ежову «солидность и серьезность» заговора».

Несмотря на то что никаких достоверных доказательств о наличии заговорщиков среди руководящих военных кадров не было, И. В. Сталин на обеде у К. Е. Ворошилова, состоявшемся после первомайского парада 1937 г., в присутствии многих военных руководителей открыто высказал свои угрозы в адрес врагов, имев-

---

* В. М. Орлов — заместитель наркома обороны СССР.

** В. В. Ярцев — старший оперуполномоченный НКВД.

шихся якобы среди военных. Об этом заявлении И. В. Сталина напомнил 27 сентября 1937 г. бывший начальник разведуправления РККА комкор С. П. Урицкий в письме к К. Е. Ворошилову. «...1 мая 1937 г.,— писал С. П. Урицкий,— после парада у Вас на квартире вождь сказал, что враги будут разоблачены, партия их сотрет в порошок, и поднял тост за тех, кто, оставаясь верным, достойно займет свое место за славным столом в октябрьскую годовщину».

Такие угрозы стали сигналом для расширения репрессий в армии и фальсификации дела о «военном заговоре».

6 мая 1937 г. Управление НКВД по Московской области арестовало комбрига запаса М. Е. Медведева, бывшего до 1934 г. начальником ПВО РККА и исключенного из партии за разбазаривание государственных средств. В тот же день от него были получены показания на некоторых работников ПВО, которые, как записано в протоколе допроса, вызывали у М. Е. Медведева «сомнения в их искренности и преданности». 8 мая 1937 г. он заявил о своем участии в «троцкистской военной организации», возглавляемой заместителем командующего войсками Московского военного округа Б. М. Фельдманом. На допросе 10 мая 1937 г. М. Е. Медведев рассказал о существовании в РККА «военной контрреволюционной организации», ставившей своей задачей «свержение Советской власти, установление военной диктатуры с реставрацией капитализма, чему должна была предшествовать вооруженная помощь интервентов». В состав руководящего центра этой организации входили, по его словам, М. Н. Тухачевский (возможный кандидат в диктаторы), И. Э Якир, В. К. Путна, В. М. Примаков, А. И. Корк.

О том, как появились эти и подобные показания, можно судить по рассказу сотрудника НКВД тех лет А. П. Радзивиловского. Будучи арестованным после смещения Н. И. Ежова, он сообщил на допросе 16 апреля 1939 г. [53]:

«Фриновский (заместитель наркома внутренних дел.— *Ред.*) в одной из бесед поинтересовался, проходят ли у меня по материалам какие-либо крупные военные работники. Когда я сообщил Фриновскому о ряде военных из Московского военного округа, содержащихся под стражей в УНКВД, он мне сказал о том, что первоочередная задача, в выполнении которой, видимо, и мне придется принять участие — это развернуть картину о большом и глубоком заговоре в Красной Армии. Из того, что мне тогда говорил Фриновский, я ясно понял, что речь идет о подготовке раздутого военного заговора в стране, с раскрытием которого была бы ясна огромная роль и заслуга Ежова и Фриновского перед лицом ЦК. Как известно, это им удалось...»

Позднее, 16 июня 1937 г., М. Е. Медведев в судебном заседании Военной Коллегии Верховного суда СССР виновным себя не признал и заявил, что он в троцкистскую организацию не входил, а показания о существовании в РККА военно-фашистского заговора являются ложными. Тем не менее М. Е. Медведев был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Арестованный 14 августа 1936 г. комкор В. М. Примаков содержался в Лефортовской тюрьме в Москве и на протяжении 9 меся-

цев ни в чем не признавал себя виновным. В архиве И. В. Сталина сохранилось несколько заявлений В. М. Примакова, в которых он протестовал против его незаконного ареста, однако, не выдержав тяжелых испытаний, В. М. Примаков 8 мая 1937 г. написал в Лефортовской тюрьме следующее заявление на имя Н. И. Ежова:

«В течение 9 месяцев я запирался перед следствием по делу о троцкистской контрреволюционной организации. В этом запирательстве дошел до такой наглости, что даже на Политбюро перед товарищем Сталиным продолжал запираться и всячески уменьшать свою вину. Товарищ Сталин правильно сказал, что «Примаков — трус, запираться в таком деле — это трусость». Действительно с моей стороны это была трусость и ложный стыд за обман. Настоящим заявляю, что, вернувшись из Японии в 1930 году, я связался с Дрейцером и Шмидтом, а через Дрейцера и Путну — с Мрачковским и начал троцкистскую работу, о которой дам следствию полные показания».

Из этого документа видно, что И. В. Сталин сам участвовал в допросе В. М. Примакова и, уступая домогательствам следствия и давлению И. В. Сталина, В. М. Примаков встал на путь обмана и самооговора. Уже на допросе 14 мая 1937 г. он, называя своих «соучастников», сообщил о И. Э. Якире: «Троцкистская организация считала, что Якир наиболее подходит на пост народного комиссара вместо Ворошилова... Считали, что Якир является строжайшим образом законспирированным троцкистом, и допускали, что он, Якир, лично связан с Троцким, и, возможно, он выполняет совершенно секретные, нам не известные самостоятельные задачи».

Продолжая «обработку» В. М. Примакова, органы НКВД 21 мая 1937 г. сумели получить от него «собственноручные показания» о том, что во главе заговора стоял М. Н. Тухачевский, который был связан с Л. Д. Троцким. Кроме того, на этом допросе В. М. Примаков назвал 40 видных советских работников участниками военно-троцкистского заговора в армии. Он дал, в частности, показания, компрометирующие таких видных военных деятелей, как Б. М. Шапошников, С. С. Каменев, Я. Б. Гамарник, П. Е. Дыбенко, С. П. Урицкий и других.

Мучительному ночному допросу был подвергнут арестованный комкор В. К. Путна. 14 мая 1937 г. он был переведен из тюремной больницы Бутырской тюрьмы в Лефортовскую тюрьму, где его допрашивали в течение всей ночи. В результате В. К. Путна дал показания на М. Н. Тухачевского и других видных военных работников, как участников «военной антисоветской троцкистской организации».

Позже стало известно, какими методами добывались подобные «показания». Бывший сотрудник органов НКВД В. И. Бударев на допросе в прокуратуре 3 июня 1955 г. показал, что в период расследования дел В. М. Примакова и В. К. Путны ему было известно, что оба эти лица дали показания об участии в заговоре после избиения их в Лефортовской тюрьме, что он сам по поручению А. А. Авсеевича (сотрудник Особого отдела НКВД.— *Ред.*) часами сидел с В. М. Примаковым, не давал возможности ему

спать, что это делал он еще до признания В. М. Примаковым своей вины.

Бывший заместитель министра госбезопасности СССР Н. Н. Селивановский 10 декабря 1962 г. сообщил в ЦК КПСС: «В апреле 1937 года дела Путны и Примакова были переданы Авсеевичу. Зверскими, жестокими методами допроса Авсеевич принудил Примакова и Путну дать показания на Тухачевского, Якира и Фельдмана. Эти показания Путны и Примакова послужили основанием для ареста в мае 1937 года Тухачевского, Якира, Фельдмана и других крупных военных работников».

Производивший допросы В. М. Примакова и В. К. Путны А. А. Авсеевич в своем объяснении в ЦК КПСС в 1962 г. сообщил: «...Мне, как и многим другим сотрудникам, пришлось работать в Особом отделе НКВД в 1937—1938 годах, то есть в период массовых арестов военных работников, и принимать участие в допросах, а также избиении арестованных... На допросе вопросы и ответы формулировал Леплевский (начальник Особого отдела НКВД СССР), причем фамилии в протокол заносились те, что называл Примаков, но значение разговоров и встреч, о которых говорил Примаков, в формулировках усиливалось, возводилось в степень заговорщицкой деятельности.

Таким образом были сформированы показания Примакова на большую группу крупных военных работников».

В середине мая 1937 г. были проведены новые аресты видных военных работников. Среди арестованных оказались начальник Военной академии им. Фрунзе командарм 2-го ранга А. И. Корк и назначенный заместителем командующего войсками Московского военного округа комкор Б. М. Фельдман.

На первых допросах А. И. Корк, арестованный в ночь на 14 мая 1937 г., свое участие в антисоветской деятельности отрицал, однако, 16 мая его сопротивление было сломлено, и он подписал на имя Н. И. Ежова два заявления. А. И. Корк сообщал, что в организацию правых он был вовлечен А. С. Енукидзе, что военная организация правых включала и троцкистскую военную группу Путны, Примакова и Туровского *. С военной организацией правых был связан якобы и М. Н. Тухачевский. Далее А. И. Корк писал, что основная задача группы состояла в проведении военного переворота в Кремле, а возглавлял военную организацию правых штаб переворота в составе его (А. И. Корка), М. Н. Тухачевского и В. К. Путны.

Комкор Б. М. Фельдман был арестован 15 мая 1937 г. В своем заявлении он просил ознакомить его с имеющимися у следствия материалами и выразил готовность в соответствии с этими материалами давать показания.

Представляя И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и Л. М. Кагановичу протокол допроса Б. М. Фельдмана, Н. И. Ежов 20 мая 1937 г. просил обсудить вопрос об аресте «ос-

---

* С. А. Туровский являлся инспектором армейской инспекции РККА.

тальных участников заговора», названных Б. М. Фельдманом.

В число «остальных участников заговора», еще не арестованных к тому времени, входили М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, Р. П. Эйдеман и другие командиры. Аресты их были проведены в 20-х числах мая 1937 г. В протоколах допроса Б. М. Фельдмана от 19, 21 и 23 мая 1937 г. участниками военно-троцкистской организации называются более 40 командиров и политработников армии.

22 мая 1937 г. был арестован М. Н. Тухачевский, в тот же день был арестован председатель Центрального совета Осоавиахима Р. П. Эйдеман, 28 мая — И. Э. Якир, 29 мая — И. П. Уборевич.

Аресту М. Н. Тухачевского и И. Э. Якира предшествовали мероприятия по линии Наркомата обороны. Суть их состояла в следующем.

9 мая 1937 г. К. Е. Ворошилов обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с письмом о подтверждении новых назначений. 10 мая 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение:

«Утвердить: 1. Первым заместителем народного комиссара обороны Маршала Советского Союза товарища Егорова А. И. 2. Начальником Генерального штаба РККА — командующего войсками Ленинградского военного округа командарма 1-го ранга товарища Шапошникова Б. М. 3. Командующим войсками Ленинградского военного округа — командующего войсками Киевского военного округа командарма 1-го ранга товарища Якира И. Э. ... 8. Командующим Приволжским военным округом — Маршала Советского Союза товарища Тухачевского М. Н. с освобождением его от обязанностей заместителя наркома обороны».

13 мая 1937 г., как это установлено по книге регистрации, И. В. Сталин лично принял в Кремле маршала М. Н. Тухачевского. Никаких материалов о существе разговора И. В. Сталина с М. Н. Тухачевским обнаружить в архивах не удалось [54].

О том, как вел себя на допросе М. Н. Тухачевский в первый день пребывания в НКВД, достаточных данных нет. Протоколы первичных допросов М. Н. Тухачевского или вовсе не составлялись, или были уничтожены следствием. Однако сохранившиеся отдельные следственные документы свидетельствуют о том, что М. Н. Тухачевский в начальной стадии следствия отрицал участие в заговоре.

Подтверждением такого поведения М. Н. Тухачевского в этот период могут служить заявления Б. М. Фельдмана о том, что М. Н. Тухачевский все отрицал. Имеется также заявление М. Н. Тухачевского от 26 мая 1937 г. об очных ставках с В. М. Примаковым, В. К. Путной и Б. М. Фельдманом.

Протоколов этих очных ставок М. Н. Тухачевского с В. М. Примаковым, В. К. Путной и Б. М. Фельдманом в его архивно-следственном деле и в других делах не обнаружено.

Архивные материалы следствия показывают, что поведение М. Н. Тухачевского, отрицавшего свое участие в заговоре, было крайне непродолжительным. Были приняты все меры, чтобы сломить его сопротивление. Следствием по делу М. Н. Тухачевского непосредственно руководил Н. И. Ежов, в качестве следователей им были использованы Г. М. Леплевский, З. М. Ушаков и другие.

29 мая 1937 г. М. Н. Тухачевского допросил Н. И. Ежов. В

результате этого допроса были получены «признательные показания» М. Н. Тухачевского:

«Еще в 1928 году я был втянут Енукидзе в правую организацию. В 1934 году я лично связался с Бухариным, с немцами я установил шпионскую связь с 1925 года, когда я ездил в Германию на учения и маневры... При поездке в 1936 году в Лондон Путна устроил мне свидание с Седовым (сыном Л. Д. Троцкого.— *Ред.*)... Я был связан по заговору с Фельдманом, Каменевым С. С., Якиром, Эйдеманом, Енукидзе, Бухариным, Караханом, Пятаковым, Смирновым И. Н., Ягодой, Осипяном и рядом других».

В процессе изучения дела М. Н. Тухачевского на отдельных листах его показаний обнаружены пятна буро-коричневого цвета. В заключении Центральной судебно-медицинской лаборатории Военно-медицинского управления Министерства обороны СССР от 28 июня 1956 г. говорится: «В пятнах и мазках на листках 165, 166 дела № 967581 обнаружена кровь... Некоторые пятна крови имеют форму восклицательного знака. Такая форма пятен крови наблюдается обычно при попадании крови с предмета, находящегося в движении, или при попадании крови на поверхность под углом...»

Комкор Р. П. Эйдеман, арестованный 22 мая 1937 г. одновременно с М. Н. Тухачевским, был доставлен во внутреннюю тюрьму НКВД СССР, а на следующий день перемещен в Лефортовскую тюрьму. 25 мая появилось заявление Р. П. Эйдемана на имя Н. И. Ежова, в котором он сообщал о своем согласии «помочь следствию» в раскрытии преступления. Судя по внешнему виду (неровный почерк и пропуски букв в словах), это заявление было написано в состоянии нервного потрясения.

Бывший заместитель начальника отделения НКВД Я. Л. Карпейский на допросе в прокуратуре 4 июля 1956 г. показал, что принимал участие в следствии по делу Р. П. Эйдемана. Он пояснил, что, кроме него, Р. П. Эйдемана допрашивали Г. М. Леплевский и В. С. Агас, что «в отношении Эйдемана до моего прихода были применены угрозы или даже физические меры воздействия. Следует учесть, что во время допроса Эйдемана из соседних кабинетов доносились крики, стоны людей и шум...

Через день или два я... вызвал Эйдемана на допрос в Лефортовской тюрьме. В этот раз Эйдеман на допросе вел себя как-то странно, на вопросы отвечал невпопад, вяло, отвлекался посторонними мыслями, а услышав шум работавшего мотора, Эйдеман произносил слова: «Самолеты, самолеты». Протокол допроса я не оформлял, а затем доложил, что Эйдеман находится в каком-то странном состоянии и что его показания надо проверить... После этого Эйдеман был от меня, по существу, откреплен и его впоследствии допрашивал Агас».

30 мая 1937 г. была проведена очная ставка между А. И. Корком и И. П. Уборевичем, в которой А. И. Корк утверждал, что И. П. Уборевич в 1931 г. входил в правотроцкистскую организацию. Возражая А. И. Корку, И. П. Уборевич заявил: «Категорически отрицаю. Это все ложь от начала до конца. Никогда никаких

разговоров с Корком о контрреволюционных организациях не вел».

Но «признательные показания» И. П. Уборевича были крайне необходимы, и эти показания были вырваны у него силой. Бывший сотрудник НКВД СССР А. А. Авсеевич показал:

«В мае месяце 1937 года на одном из совещаний пом. нач. отдела Ушаков доложил Леплевскому, что Уборевич не хочет давать показания. Леплевский приказал на совещании Ушакову применить к Уборевичу физические методы воздействия».

Вскоре после этого И. П. Уборевич подписал два заявления на имя Н. И. Ежова, в которых он признавал свое участие в военном заговоре. Подписал он и протокол допроса с признанием своей вины.

И. В. Сталин повседневно лично занимался вопросами следствия по делу о «военном заговоре». Получал протоколы допросов арестованных и почти ежедневно принимал Н. И. Ежова, а 21 и 28 мая 1937 г. и заместителя наркома М. П. Фриновского, непосредственно участвовавшего в фальсификации обвинения.

Случалось и так, что допросы подследственных проводились с участием членов Политбюро ЦК. Отдельные данные об этом содержатся в некоторых показаниях арестованных бывших работников НКВД. Так, бывший начальник отдела охраны НКВД И. Я. Дагин 15 ноября 1938 г. показал: «Как обставлялись очные ставки, на которых по решению ЦК присутствовали члены Политбюро? Об очных ставках заранее предупреждали всех следователей, которые не переставали «накачивать» арестованных вплоть до самого момента очной ставки. Больше всех волновался всегда Ежов, он вызывал к себе следователей, выяснял, не сдадут ли арестованные на очной ставке, интересовался не существом самого дела, а только тем, чтобы следствие не ударило лицом в грязь в присутствии членов Политбюро, а арестованные не отказались бы от своих показаний. Уговаривания и запугивания продолжались даже в комнатах, где рассаживали арестованных перед самым вызовом на очную ставку. Известные мне очные ставки с присутствием членов Политбюро готовили Николаев, Рейхман, Листенгурт, Ушаков (все — сотрудники Особого отдела НКВД СССР, принимавшие участие в расследовании дел по «военному заговору».— *Ред.*) и другие. Накануне очных ставок срочно заготовлялись новые протоколы, подкреплявшие те показания, которые должны были дать арестованные на самой очной ставке. То же самое делалось и после очных ставок».

Через два дня после ареста М. Н. Тухачевского 24 мая 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) вынесло постановление: «Поставить на голосование членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК следующее предложение: «ЦК ВКП получил данные, изобличающие члена ЦК ВКП Рудзутака и кандидата ЦК ВКП Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-правозаговорщицком блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии. В связи с этим Политбюро ЦК ВКП ставит на голосование членов и кандидатов ЦК ВКП предложение об исключении из партии

Рудзутака и Тухачевского и передачи их дела в Наркомвнудел».

25—26 мая 1937 г. опросом членов ЦК и кандидатов в члены ЦК было оформлено и подписано И. В. Сталиным соответствующее постановление.

После ареста И. Э. Якира и И. П. Уборевича решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 мая 1937 г., а затем от 30 мая — 1 июня 1937 г. опросом членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) было оформлено и подписано И. В. Сталиным постановление: «Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК: ввиду поступивших в ЦК ВКП(б) данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Якира и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Уборевича в участии в военно-фашистском троцкистском правом заговоре и в шпионской деятельности в пользу Германии, Японии, Польши, исключить их из рядов ВКП(б) и передать их дела в Наркомвнудел».

30 мая 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: «Отстранить тт. Гамарника и Аронштама * от работы в Наркомате обороны и исключить из состава Военного совета, как работников, находящихся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре».

Я. Б. Гамарник в это время в связи с болезнью находился у себя на квартире. По приказанию К. Е. Ворошилова 31 мая 1937 г. заместитель начальника Политуправления РККА А. С. Булин и начальник Управделами НКО И. В. Смородинов выехали к Я. Б. Гамарнику и объявили ему приказ НКО об увольнении его из РККА. Сразу же после их ухода Я. Б. Гамарник застрелился. На следующий день в «Правде» и других газетах было опубликовано: «Бывший член ЦК ВКП(б) Я. Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством».

С 1 по 4 июня 1937 г. в Кремле на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны СССР с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждался доклад К. Е. Ворошилова «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА». Кроме постоянных членов, на Военном совете присутствовало 116 военных работников, приглашенных с мест и из центрального аппарата Наркомата обороны. Необходимо отметить, что к 1 июня 1937 г. двадцать членов Военного совета уже были арестованы как «заговорщики».

Перед началом работы Военного совета все его участники были ознакомлены с показаниями М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира и других «заговорщиков». Это создало напряженную атмосферу с самого первого дня работы совета.

Широко использовав сфабрикованные следствием ложные показания арестованных, К. Е. Ворошилов в докладе утверждал (цитируется по стенограмме): «Органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая,

---

* Л. Н. Аронштам — член Военного совета Приволжского военного округа.

строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии...

О том, что эти люди — Тухачевский, Якир, Уборевич и ряд других людей — были между собой близки, это мы знали, это не было секретом. Но от близости, даже от такой групповой близости, до контрреволюции очень далеко... В прошлом году, в мае месяце, у меня на квартире Тухачевский бросил обвинение мне и Буденному, в присутствии тт. Сталина, Молотова и многих других, в том, что я якобы группирую вокруг себя небольшую кучку людей, с ними веду, направляю всю политику и т. д. Потом на второй день Тухачевский отказался от всего сказанного... Тов. Сталин тогда же сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить заседание П. Б. и на заседании подробно разобрать, в чем тут дело. И вот на этом заседании мы разбирали все эти вопросы и опять-таки пришли к прежнему результату.

Сталин: Он отказался от своих обвинений.

Ворошилов: Да, отказался, хотя группа Якира и Уборевича на заседании вела себя в отношении меня довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении меня очень скверно».

К. Е. Ворошилов в докладе призывал «проверить и очистить армию буквально до самых последних щелочек...», заранее предупреждая, что в результате этой чистки «может быть, в количественном выражении мы понесем большой урон».

Далее К. Е. Ворошилов заявил: «Я, как Народный Комиссар... откровенно должен сказать, что не только не замечал подлых предателей, но даже когда некоторых из них (Горбачева *, Фельдмана и др.) уже начали разоблачать, я не хотел верить, что эти люди, как казалось, безукоризненно работавшие, способны были на столь чудовищные преступления. Моя вина в этом огромна. Но я не могу отметить ни одного случая предупредительного сигнала и с вашей стороны, товарищи... Повторяю, никто и ни разу не сигнализировал мне или ЦК партии о том, что в РККА существуют контрреволюционные конспираторы...»

2 июня 1937 г. на Военном совете выступил И. В. Сталин. Сославшись на показания самих арестованных, он сделал вывод, что в стране был «военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами». По его утверждению, руководителями этого заговора были Л. Д. Троцкий, А. И. Рыков, Н. И. Бухарин, Я. Э. Рудзутак, Л. М. Карахан **, А. С. Енукидзе, Г. Г. Ягода, а по военной линии — М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Корк, Р. П. Эйдеман и Я. Б. Гамарник. «Это — ядро военно-политического заговора,— говорил Сталин,— ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с гер-

* Б. С. Горбачев — командующий Уральским военным округом.
** Л. М. Карахан — посол СССР в Турции.

манским рейхсвером, и которое приспосабливало всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов».

И. В. Сталин уверял, что из 13 названных им руководителей заговора десять человек, то есть все, кроме А. И. Рыкова, Н. И. Бухарина и Я. Б. Гамарника, являются шпионами немецкой, а некоторые и японской разведок. Так, говоря о М. Н. Тухачевском и других арестованных военных, И. В. Сталин заявил: «Он оперативный план наш, оперативный план — наше святое святых передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион... Якир — систематически информировал немецкий штаб... Уборевич — не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал, Карахан — немецкий шпион, Эйдеман — немецкий шпион, Корк (в стенограмме ошибочно повторно назван «Карахан».— *Ред.*) информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии».

По словам И. В. Сталина, Я. Э. Рудзутак, Л. М. Карахан, А. С. Енукидзе были завербованы Жозефиной Гензи (Енсен), немецкой разведчицей-датчанкой, состоявшей на службе у германского рейхсвера. И она же «помогла завербовать Тухачевского». Эти утверждения И. В. Сталина, как видно сейчас из материалов проверки, основывались на ложных показаниях, не заслуживавших никакого доверия, причем в отношении М. Н. Тухачевского не было даже и таких показаний.

Используя ложные следственные материалы, И. В. Сталин в своем выступлении оклеветал многих советских военных деятелей, назвав их участниками военного заговора, созданного якобы немецким рейхсвером. Обвиняя этих лиц в шпионаже, И. В. Сталин на Военном совете заявил: «Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор, и эти господа взялись за заговор. Рейхсвер хочет, чтобы эти господа систематически доставляли им военные секреты, и эти господа сообщали им военные секреты. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось. Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было все готово, чтобы армия перешла к вредительству с тем, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер, и они это дело готовили. Это агентура, руководящее ядро военно-политического заговора в СССР, состоящее из 10 патентованных шпиков и 3 патентованных подстрекателей шпионов. Это агентура германского рейхсвера. Вот основное. Заговор этот имеет, стало быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе и завербовали шпиков, орудовавших в этом деле. Вот обстановка».

Сообщив, что по военной линии уже арестовано 300—400 чело-

век, И. В. Сталин высказал обвинение, что дело о военном заговоре все-таки «прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных». Он заявил, что наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем, что внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу. Выразив недовольство отсутствием разоблачающих сигналов с мест и требуя таких сигналов, И. В. Сталин заявил: «Если будет правда хотя бы на 5%, то и это хлеб».

Поверив утверждениям И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова и приняв за достоверные показания самих арестованных, участники Военного совета резко осуждали «заговорщиков», заверяли в своей безграничной преданности партии и правительству. Однако из 42 выступивших по докладу К. Е. Ворошилова 34 были вскоре арестованы как «заговорщики».

5 июня 1937 г. И. В. Сталин принял В. М. Молотова, Л. М. Кагановича и наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова. В тот же день из большой группы арестованных в апреле — мае 1937 г. военнослужащих были отобраны для судебного процесса по делу «о военном заговоре» М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, А. И. Корк, И. П. Уборевич, Р. П. Эйдеман и Б. М. Фельдман, а для придания делу троцкистской окраски в эту же группу были включены В. М. Примаков и В. К. Путна, действительно разделявшие до 1927 г. троцкистские взгляды. Индивидуальные уголовные дела на всех этих лиц 5 июня 1937 г. были объединены в одно групповое дело.

7 июня 1937 г. И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. М. Каганович и К. Е. Ворошилов приняли Н. И. Ежова и А. Я. Вышинского. В этот же день был отпечатан окончательный текст обвинительного заключения по делу. Вслед за этим в НКВД были приняты меры к немедленному окончанию следствия по делу о военном заговоре.

7 июня 1937 г. было предъявлено обвинение В. М. Примакову, а 8 июня — М. Н. Тухачевскому, И. Э. Якиру, И. П. Уборевичу, А. И. Корку, Б. М. Фельдману и В. К. Путне по статьям 58-1«б», 58-3, 58-4, 58-6, 58-8 и 58-9 Уголовного кодекса РСФСР (измена Родине, шпионаж, террор и т. п.).

9 июня 1937 г. А. Я. Вышинский и помощник главного военного прокурора Л. М. Субботский провели в присутствии следователей НКВД короткие допросы арестованных, утвердив прокурорскими подписями «достоверность» показаний, данных арестованными на следствии в НКВД. В архиве И. В. Сталина находятся копии этих протоколов допроса. На протоколе допроса М. Н. Тухачевского имеется надпись: «Т. Сталину. Ежов. 9.VI.1937 г.».

В день окончания следствия по делу о военном заговоре 9 июня 1937 г. А. Я. Вышинский два раза был принят И. В. Сталиным. Во время второго посещения, состоявшегося в 22 часа 45 минут, присутствовали В. М. Молотов и Н. И. Ежов. В тот же день А. Я. Вышинский подписал обвинительное заключение по делу.

В обвинительном заключении утверждалось, что в апреле — мае 1937 г. органами НКВД был раскрыт и ликвидирован в г. Мос-

кве военно-троцкистский заговор, в руководство которым входили Я. Б. Гамарник, М. Н. Тухачевский и другие. Военно-троцкистская организация, в которую вступили все обвиняемые по этому делу, образовалась в 1932—1933 гг. по прямым указаниям германского Генштаба и Л. Д. Троцкого. Она была связана с троцкистским центром и группой правых Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова. Занималась вредительством, диверсиями, террором и готовила свержение правительства и захват власти в целях реставрации в СССР капитализма.

После приема А. Я. Вышинского в 23 часа 30 минут И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и Н. И. Ежовым был принят редактор «Правды» Л. З. Мехлис. 11 июня 1937 г. в «Правде» было опубликовано сообщение об окончании следствия и предстоящем судебном процессе по делу М. Н. Тухачевского и других, которые, как говорилось в сообщении, обвиняются в «нарушении воинского долга (присяги), измене Родине, измене народам СССР, измене Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

10 июня 1937 г. состоялся чрезвычайный пленум Верховного суда СССР, заслушавший сообщение А. Я. Вышинского о деле по обвинению М. Н. Тухачевского и других. Пленум постановил для рассмотрения этого дела образовать Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР. В его состав были введены председатель Военной Коллегии Верховного суда СССР В. В. Ульрих, заместитель наркома обороны Я. И. Алкснис, командующий Дальневосточной армией В. К. Блюхер, командующий Московским военным округом С. М. Буденный, начальник Генштаба РККА Б. М. Шапошников, командующий Белорусским военным округом И. П. Белов, командующий Ленинградским военным округом П. Е. Дыбенко и командующий Северо-Кавказским военным округом Н. Д. Каширин.

Инициатива создания специального военного суда для рассмотрения дела М. Н. Тухачевского и других и привлечения в состав суда широко известных в стране военных руководителей принадлежала И. В. Сталину. Выбор их был не случаен, все они участники Военного совета при наркоме обороны СССР и выступали на июньском заседании совета в присутствии Сталина с резким осуждением М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича как «заговорщиков».

Бывший член Военной Коллегии Верховного суда СССР И. М. Зарянов, участвовавший в судебном процессе по делу М. Н. Тухачевского в качестве секретаря суда, в своем объяснении в 1962 г. написал: «Из разговоров с Ульрихом я понял, что Особое присутствие, членами которого являлись только маршалы и командармы, создано по инициативе Сталина. Целью создания этого специального военного суда Сталин ставил поднять этим авторитет суда и убеждение в правильности приговора».

10 июня 1937 г. состоялось подготовительное заседание Специального судебного присутствия Верховного суда СССР, вынесшего определение об утверждении обвинительного заключения,

составленного А. Я. Вышинским, и предании суду М. Н. Тухачевского и других.

После передачи дела М. Н. Тухачевского и других в суд от них требовали показания на различных военачальников, и в частности на самих судей Специального судебного присутствия Верховного суда СССР. Так, 10 июня 1937 г. от В. М. Примакова были получены показания, компрометирующие трех членов суда: командармов Н. Д. Каширина, П. Е. Дыбенко и Б. М. Шапошникова.

Допрашивавший В. М. Примакова следователь А. А. Авсеевич в объяснении в 1962 г. сообщил:

«На последнем этапе следствия Леплевский, вызвав к себе Примакова, дал ему целый список крупных командиров Советской Армии, которые ранее не фигурировали в показаниях Примакова, и от имени Ежова предложил по каждому из них написать... Так возникли показания Примакова на Каширина, Дыбенко, Гамарника, Куйбышева, Грязнова, Урицкого и др.».

Перед судом обвиняемым разрешили обратиться с последними покаянными заявлениями на имя И. В. Сталина и Н. И. Ежова, создавая иллюзию, что это поможет сохранить им жизнь. Арестованные написали такие заявления. Какое к ним было отношение, показывает такой факт. На заявлении И. Э. Якира имеются следующие резолюции: «Мой архив. Ст.». «Подлец и проститутка. И. Ст.». «Совершенно точное определение. К. Ворошилов и Молотов». «Мерзавцу, сволочи и б... .одна кара — смертная казнь. Л. Каганович».

Незадолго до начала судебного процесса было проведено в Особом отделе НКВД СССР совещание, на котором Г. М. Леплевский дал указание следователям еще раз убедить подследственных, чтобы в суде они подтвердили свои показания, и заявить, что «признание» в суде облегчит их участь. Следователи, фабриковавшие дело, сопровождали своих обвиняемых в суд, находились с ними в комнатах ожидания и были в зале суда. Накануне процесса арестованные вызывались к Леплевскому, который объявил, что завтра начнется суд и что судьба их зависит от их поведения на суде.

11 июня 1937 г. в Москве Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР в закрытом судебном заседании рассмотрело дело по обвинению М. Н. Тухачевского и других. После зачтения обвинительного заключения все подсудимые, отвечая на вопросы председателя суда, заявили, что они признают себя виновными. В дальнейшем они, выполняя требования работников НКВД, подтвердили в суде в основном те показания, которые дали на следствии.

Вот некоторые моменты, характеризующие ход судебного процесса.

Выступление И. Э. Якира на судебном процессе в соответствии с замыслами организаторов должно было «подсказать» линию поведения другим подсудимым — разоблачать происки Л. Д. Троцкого и фашистских государств против СССР. При этом всячески подчеркивалась роль М. Н. Тухачевского в заговоре. Однако, когда В. К. Блюхер, пытаясь конкретизировать подготовку пора-

жения авиации Красной Армии в будущей войне, задал об этом вопрос, то И. Э. Якир ответил: «Я вам толком не сумею сказать ничего, кроме того, что написано следствию». На вопрос председателя суда о том, в чем выразилось вредительство по боевой подготовке, И. Э. Якир уклончиво заявил: «Я об этом вопросе говорил в особом письме».

М. Н. Тухачевский в суде некоторые обвинения не подтвердил. Когда же И. П. Уборевич стал отрицать обвинения во вредительстве и шпионаже, тогда суд прервал его допрос, а после перерыва, продолжавшегося один час, перешел к допросу других подсудимых.

При допросе в суде И. Э. Якир и И. П. Уборевич отрицали обвинения в шпионаже. Так, на вопрос П. Е. Дыбенко, обращенный к И. Э. Якиру: «Вы лично когда конкретно начали проводить шпионскую работу в пользу германского генерального штаба?», подсудимый И. Э. Якир ответил: «Этой работы лично непосредственно я не начинал».

Когда П. Е. Дыбенко спросил И. П. Уборевича: «Непосредственно шпионскую работу вы вели с немецким генеральным штабом?», И. П. Уборевич ответил суду: «Не вел никогда».

На вопрос В. В. Ульриха, адресованный М. Н. Тухачевскому: «Вы утверждаете, что к антисоветской деятельности примкнули с 1932 года, а ваша шпионская деятельность, ее вы считаете антисоветской, она началась гораздо раньше?», последовал ответ М. Н. Тухачевского: «Я не знаю, можно ли было считать ее шпионской...»

Р. П. Эйдеману при допросе в суде было задано всего три вопроса.

Судьба подсудимых была предрешена. Бывший секретарь суда И. М. Зарянов в 1962 г. сообщил: «О ходе судебного процесса Ульрих информировал И. В. Сталина. Об этом мне говорил Ульрих, он говорил, что имеется указание Сталина о применении ко всем подсудимым высшей меры наказания — расстрела».

Объяснения И. М. Зарянова о встрече И. В. Сталина с В. В. Ульрихом подтверждаются регистрацией приема И. В. Сталиным В. В. Ульриха 11 июня 1937 г. Из записи видно, что при приеме В. В. Ульриха И. В. Сталиным были В. М. Молотов, Л. М. Каганович и Н. И. Ежов.

В день суда в республики, края и области И. В. Сталиным было направлено указание: «Нац. ЦК, крайкомам, обкомам. В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно, и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е. двенадцатого июня. 11.VI.1937 г. Секретарь ЦК Сталин».

В 23 часа 35 минут 11 июня 1937 г. председательствующим

В. В. Ульрихом был оглашен приговор о расстреле всех восьми осужденных. Приговор приведен в исполнение 12 июня 1937 г.

После казни М. Н. Тухачевского и других по указанию И. В. Сталина повсеместно были проведены собрания и митинги, на которых создавалось против них общественное мнение. Сообщения о приговоре и приведении его в исполнение были опубликованы во всех газетах и объявлены в приказе К. Е. Ворошилова по армии. Все это вело к дезинформации партийных органов, военных организаций и советской общественности о положении в Красной Армии.

Как отмечалось выше, решения февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., требования И. В. Сталина и В. М. Молотова о «проверке» военного ведомства были восприняты органами НКВД как прямая директива по массовой чистке кадров армии и флота от имевшихся якобы там вредителей.

Уже через девять дней после суда над М. Н. Тухачевским были арестованы как участники военного заговора 980 командиров и политработников, в том числе 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комкор, 16 полковых комиссаров, 17 бригадных и 7 дивизионных комиссаров.

С ведома и разрешения И. В. Сталина органы НКВД по отношению к арестованным широко применяли физические меры воздействия, шантаж, провокации и обман, в результате чего добивались ложных показаний о «преступной деятельности» целого ряда видных военных работников, находившихся на свободе. Показания многих арестованных направлялись И. В. Сталину, который единолично, без какого-либо разбирательства, решал вопрос об аресте невинных людей.

Так, например, ознакомившись с протоколом допроса от 5 августа 1937 г. арестованного заместителя начальника Разведуправления РККА М. К. Александровского, И. В. Сталин написал Н. И. Ежову: «Арестовать: 1) Каширина. 2) Дубового. 3) Якимовича *. 4) Дорожного (чекист). 5) и других». В этом протоколе отметки «арестовать», «взять» были сделаны И. В. Сталиным против 30 фамилий.

Значительное число военачальников было арестовано также и с санкции К. Е. Ворошилова. Так, 28 мая 1937 г. НКВД СССР составил список работников Артуправления РККА, на которых имелись показания арестованных, как на участников военно-троцкистского заговора. В этот список были включены помощник начальника Артиллерийского управления РККА комбриг Я. М. Железняков и многие другие, всего 26 командиров Красной Армии. На списке имеется резолюция К. Е. Ворошилова: «Тов. Ежову. Берите всех подлецов. 28.V.1937 года. К. Ворошилов».

---

* Н. Д. Каширин — начальник управления боевой подготовки Наркомата обороны.

И. Н. Дубовой — командующий Харьковским военным округом.

И. К. Якимович — начальник Главного управления лесоохраны и лесонасаждений при Совнаркоме СССР.

В августе 1937 г. из Наркомата обороны СССР в НКВД СССР было направлено письмо об аресте ряда видных руководящих военных работников. В данном случае К. Е. Ворошиловым без какого-либо разбирательства были приняты решения об аресте 142 руководящих военных работников.

Активное участие в решении вопроса об арестах командиров и видных руководящих военных работников принимали в 1937—1938 гг. начальник Управления Наркомата обороны по начсоставу Е. А. Щаденко, начальник Политического управления РККА Л. З. Мехлис, заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков.

В декабре 1937 г. и январе 1938 г. НКВД направил представление на имя К. Е. Ворошилова об аресте ряда военачальников, в числе которых были член Военного совета Сибирского военного округа Н. А. Юнг, член Военного совета Северо-Кавказского военного округа К. Г. Сидоров, старший инспектор Главпура РККА, дивизионный комиссар Я. Г. Индриксон, заместитель начальника политуправления Северо-Кавказского военного округа корпусной комиссар А. М. Битте, член Военного совета Уральского военного округа А. В. Тарутинский и другие. На этих документах имеются резолюции Е. А. Щаденко, Л. З. Мехлиса и Г. М. Маленкова. Все эти командиры были арестованы и затем осуждены.

Из девяти военных работников (К. Е. Ворошилов, Я. Б. Гамарник, И. Э. Якир, В. К. Блюхер, А. С. Булин *, М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, С. М. Буденный и И. П. Уборевич), избранных XVII съездом ВКП(б) в состав Центрального Комитета партии, семеро были объявлены в 1937—1938 гг. врагами народа, участниками «военного заговора», и только К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный сохранили свое положение, хотя на С. М. Буденного органы НКВД тоже сфабриковали показания о принадлежности его к «заговору».

Среди членов ЦИК СССР, избранных на VII Всесоюзном съезде Советов, было 36 видных командиров и армейских политработников. Из этого числа 30 человек в 1937 г. были объявлены «врагами народа».

Из 108 членов Военного совета при наркоме обороны СССР к ноябрю 1938 г. от прежнего состава сохранилось только 10 человек.

О характере и размерах репрессий, постигших Красную Армию, можно судить по выступлению К. Е. Ворошилова на заседании Военного совета при наркоме обороны СССР 29 ноября 1938 г.:

«Когда в прошлом году была раскрыта и судом революции уничтожена группа презренных изменников нашей Родины и РККА во главе с Тухачевским, никому из нас и в голову не могло прийти, не приходило, к сожалению, что эта мерзость, эта гниль, это предательство так широко и глубоко засело в рядах нашей армии. Весь 1937 и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжа-

* А. С. Булин — заместитель начальника Главпура РККА.

лостно отсекая зараженные части организма до живого, здорового мяса, очищались от мерзостной предательской гнили...

Вы знаете, что собою представляла чистка рядов РККА... Чистка была проведена радикальная и всесторонняя... с самых верхов и кончая низами... Поэтому и количество вычищенных оказалось весьма и весьма внушительным. Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек. Эта цифра внушительная. Но именно потому, что мы так безжалостно расправлялись, мы можем теперь с уверенностью сказать, что наши ряды крепки и что РККА сейчас имеет свой до конца преданный и честный командный и политический состав».

К. Е. Ворошилов клеветал на военнослужащих, называях их изменниками, скрыл от партии подлинную причину массовых репрессий, являясь сам одним из основных виновников этой трагедии.

Ранее указывалось, что для судебного рассмотрения дела о так называемом «военно-фашистском» заговоре было создано под председательством В. В. Ульриха Специальное судебное присутствие Верховного суда Союза ССР, в состав которого вошли крупнейшие деятели Советских Вооруженных Сил. Позднее В. К. Блюхер, И. П. Белов, Н. Д. Каширин, П. Е. Дыбенко, Я. И. Алкснис сами разделили их участь — были обвинены в участии в этом же заговоре и по сфальсифицированным материалам осуждены к расстрелу.

Установлено, что И. В. Сталин не только давал указания об аресте безвинных советских людей, но вместе с В. М. Молотовым, Л. М. Кагановичем, К. Е. Ворошиловым и Н. И. Ежовым решал вопрос о расстреле большого количества честных советских граждан, в том числе и видных военных деятелей, по спискам, представленным Н. И. Ежовым.

В ноябре 1937 г. из НКВД И. В. Сталину был направлен список под заголовком «Москва — Центр» на 292 человека с предложением об их расстреле. Список состоял из видных деятелей Красной Армии, имевших большие заслуги перед партией и государством.

В июле 1938 г. Н. И. Ежов направил И. В. Сталину список на 138 человек, а в сопроводительной записке, исполненной карандашом на клочке бумаги, писал: «С. Секретно. тов. Сталину. Посылаю список арестованных, подлежащих суду Военной Коллегии по первой категории. Ежов. 26.VII.1938 г.». На списке имеется резолюция: «За расстрел всех 138 человек. И. Ст. В. Молотов».

Репрессированными оказались заместители наркома обороны СССР А. И. Егоров, Я. И. Алкснис, И. Ф. Федько и В. М. Орлов, заместители начальника Генерального штаба РККА В. Н. Левичев и С. А. Меженинов, заместители начальника Главпура РККА А. С. Булин и Г. А. Осепян.

Подверглись репрессиям 22 начальника и 30 ответственных работников управлений Наркомата обороны и Генштаба: Е. И. Ковтюх (командное), Н. Д. Каширин (боевой подготовки), И. А. Халепский (вооружений), А. М. Вольпе (административно-мобилизационное), Я. К. Берзин (разведывательное), Г. Г. Бокис (автобронетанковое), Н. М. Роговский (артиллерии), А. И. Седя-

кин (ПВО), М. О. Степанов и Я. М. Фишман (военно-химическое), Р. В. Лонгва (связи), А. И. Тодорский (высших военных учебных заведений), М. Л. Медников (военно-строительное), Э. Ф. Аппога (военных сообщений), И. Ф. Максимов (топографическое), Б. И. Базенков (материально-технического снабжения), Н. Н. Мовчин (снабжения горючим), Д. И. Косич (обозновещевого снабжения), А. И. Жильцов (продовольственного снабжения), М. И. Баранов (санитарное), Н. М. Никольский (ветеринарное), З. Д. Перцовский (финансовое); командующие войсками военных округов С. П. Урицкий (Московский), П. Е. Дыбенко (Ленинградский), И. П. Белов (Белорусский), В. К. Блюхер (ОКДВА), М. Д. Великанов (Забайкальский), Н. В. Куйбышев (Закавказский), И. И. Гарькавый (Северо-Кавказский), И. К. Грязнов (Среднеазиатский), Б. С. Горбачев и Я. П. Гайлит (Уральский), И. Н. Дубовой (Харьковский) и другие.

Были репрессированы 88 старших командиров округов, а также 8 начальников военных академий, институтов и школ: Д. А. Кучинский (Академия Генштаба), И. Ф. Немерзелли (Военно-политическая академия), И. И. Смолин (Военно-инженерная академия), Я. Л. Авиновицкий (Академия химической защиты), Н. Г. Егоров (Школа им. ВЦИК), Г. И. Брынков (НИИ РККА), И. М. Милейковский (Научно-испытательный технический институт РККА), Н. Н. Бажанов (Научно-испытательный институт ВВС) и другие; 26 профессоров и преподавателей.

Не миновали репрессии и Военно-Морской Флот. Были арестованы и осуждены нарком ВМФ П. А. Смирнов, его заместитель П. И. Смирнов (Светловский), начальник морских сил РККА М. В. Викторов, начальник штаба морских сил П. Г. Стасевич, командующие флотами И. К. Кожанов (Черноморский), К. И. Душенов (Северный), Г. П. Киреев (Тихоокеанский), командующий Амурской флотилией И. Н. Кодацкий-Руднев, начальник Военно-морской академии И. М. Лудри, начальник НИИ военного кораблестроения Н. В. Алякринский, а также 22 военнно-морских командира высокого ранга. Были репрессированы, кроме того, 4 сотрудника советских военных представительств за рубежом и 7 руководящих работников Осоавиахима.

По обвинению в участии в «военном заговоре» в 1937—1938 гг. арестованы и осуждены секретарь Совета Союза ЦИК СССР И. С. Уншлихт, секретарь Комитета Обороны при Совнаркоме СССР Г. Д. Базилевич, полпред СССР и уполномоченный ЦК ВКП(б) в Монголии В. Х. Таиров (Тер-Григорьян), заместитель наркома оборонной промышленности СССР Р. А. Муклевич и начальник 8-го главного управления этого наркомата К. А. Нейман.

Всего в тот период было арестовано и осуждено Военной Коллегией Верховного суда СССР 408 человек руководящего и начальствующего состава РККА и ВМФ, 386 из них являлись членами партии. К высшей мере — расстрелу был приговорен 401 человек, 7 — к различным срокам исправительно-трудовых лагерей.

Изучение документальных материалов, хранящихся в партий-

ных и государственных архивах, а также опрос лиц, причастных к событиям тех лет, позволили установить, что дело по обвинению М. Н. Тухачевского и других военных сфальсифицировано, а признания обвиняемых на следствии получены от них недозволенными методами.

Никаких законных оснований к аресту М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича и других военных деятелей не было. Органы НКВД арестовали их в нарушение Конституции СССР, вопреки требованиям уголовных и уголовно-процессуальных законов, без санкции прокурора или постановления суда, по прямому указанию И. В. Сталина и Н. И. Ежова. В деле нет объективных доказательств, подтверждающих совершение кем-либо из обвиняемых государственных преступлений. Обвинения в преступлениях являются ложными и базируются лишь на противоречивых «признательных» показаниях арестованных, навязанных им работниками НКВД преступными методами проведения следствия по делу.

Следствие, не располагая никакими объективными доказательствами о «заговоре» в Красной Армии, сфабриковало пять противоречащих друг другу предположений об обстоятельствах возникновения «заговора». По делу получается, что «заговор» возник: 1) по инициативе М. Н. Тухачевского, в его бонапартистских целях; 2) по директиве Л. Д. Троцкого; 3) по указанию центра правых; 4) по решению блока троцкистско-зиновьевской и правой организаций; 5) по установкам, исходившим от генштаба Германии. Материалы дела показывают, что все эти обстоятельства возникновения «заговора» от начала до конца являются вымышленными.

В 20—30-е гг. органы зарубежной разведки систематически направляли по различным каналам сфабрикованный ими дезинформационный материал, который должен был свидетельствовать о предательстве М. Н. Тухачевского и других советских военных руководителей.

В архивах И. В. Сталина обнаружены документы, подтверждающие стремление германских разведывательных кругов довести до него дезинформационные сведения о М. Н. Тухачевском. Одним из последних документов такого рода было письмо корреспондента «Правды» в Берлине А. Климова, которое было направлено И. В. Сталину редактором «Правды» Л. З. Мехлисом. В середине января 1937 г. А. Климов передал, как якобы достоверное, сообщение о том, что в Германии «среди высших офицерских кругов упорно говорят о связи и работе германских фашистов в верхушке командного состава Красной Армии в Москве. В этой связи называется имя Тухачевского».

Следует заметить, что его имя упоминается и в других дезинформационных материалах. В связи с этим в то время неоднократно обстоятельно проверялась достоверность подобных сведений, которые отвергались как полностью вымышленные и несостоятельные.

В начале 20-х гг. за рубежом было распространено мнение о нелояльном отношении М. Н. Тухачевского к Советской власти. Определенное основание этому могло быть положено его участием в начале 20-х гг. в известной операции «Трест», осуществленной органами ОГПУ для разложения монархически настроенной российской эмиграции. Желая придать фиктивной «конспиративной монархической организации», которая якобы действовала в стране, больший «авторитет», за границу было сообщено о вовлечении в ее состав М. Н. Тухачевского. Однако в конце 1923 — начале 1924 г. выяснилось, что органы ОГПУ «переиграли» с именем М. Н. Тухачевского. Им было дано указание о выводе его из операции «Трест». Это было сделано, но «след» в зарубежных разведывательных кругах, очевидно, остался.

Необходимо отметить, что ни в следственном деле, ни в материалах судебного процесса дезинформационные сведения зарубежных разведок о М. Н. Тухачевском и других военных деятелях не фигурируют. Свидетельств о том, что они сыграли какую-либо роль в организации «дела военных», не обнаружено.

Материалы зарубежных разведок в значительной степени были рассчитаны на такие черты характера И. В. Сталина, как болезненная мнительность и крайняя подозрительность, и, по всей вероятности, в этом они свою роль сыграли.

В суде обстоятельства «дела» были исследованы крайне поверхностно и неполно. Вопросы, задававшиеся подсудимым, носили тенденциозный и наводящий характер. Суд не только не устранил наличие существенных противоречий в показаниях подсудимых, но фактически замаскировал эти противоречия.

Суд не истребовал никаких объективных документальных доказательств и свидетельств, необходимых для оценки правильности тех или иных обвинений, не вызвал никаких свидетелей и не привлек к рассмотрению дела экспертов.

Весь судебный процесс стенографировался, однако правкой и корректировкой стенограммы суда занимались те же работники НКВД, которые вели следствие.

Определением Военной Коллегии Верховного суда СССР от 31 января 1957 г. приговор в отношении М. Н. Тухачевского, А. И. Корка, И. Э. Якира, И. П. Уборевича, В. К. Путны, Р. П. Эйдемана, В. М. Примакова и Б. М. Фельдмана отменен и уголовное дело прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. Решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 27 февраля 1957 г. они были восстановлены в партии. В 50—60-е гг. были реабилитированы и другие из 408 военных, осужденных по делу так называемой «антисоветской троцкистской военной организации».

Комитет государственной безопасности СССР

Прокуратура СССР

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Приложение

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР

Определение № 4н — 0280/57

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
в составе: председательствующего генерал-лейтенанта юстиции Чепцова А. А. и членов: полковника юстиции Борисоглебского В. В. и полковника юстиции Лихачева П. А. рассмотрела в заседании от 31 января 1957 года —

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР
на приговор Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 11 июня 1937 года, которым —
осуждены по ст. ст. 58-1 «б», 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией имущества и лишением присвоенных им воинских званий —

1. Тухачевский Михаил Николаевич, 1893 года рождения, бывший зам. наркома обороны СССР, Маршал Советского Союза;

2. Корк Август Иванович, 1888 года рождения, бывший начальник Академии им. Фрунзе, командарм II ранга;

3. Якир Иона Эммануилович, 1896 года рождения, бывший командующий войсками Киевского военного округа, командарм I ранга;

4. Уборевич Иероним Петрович, 1896 года рождения, бывший командующий войсками Белорусского военного округа, командарм I ранга;

5. Путна Витовт Казимирович, 1893 года рождения, бывший военный атташе СССР в Великобритании, комкор;

6. Эйдеман Роберт Петрович, 1895 года рождения, бывший председатель Центрального Совета Осоавиахима СССР, комкор;

7. Примаков Виталий Маркович, 1897 года рождения, бывший заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа, комкор;

8. Фельдман Борис Миронович, 1890 года рождения, бывший начальник Управления по начсоставу РККА, комкор.

Фельдман же первоначально показывал, что в заговор он был вовлечен Примаковым, а на последующих допросах показал, что завербован Тухачевским, который еще в 1932 году якобы сообщил ему об участии в заговоре Путны, Примакова, Ефимова, Василенко, Гарькавого, Туровского и других.

Корк в заявлении в адрес УНКВД утверждал, что в заговор он был вовлечен Енукидзе, а в «штаб переворота» входили Тухачевский, Путна и он, Корк. Причем преступную связь с Тухачевским он установил в 1931 году. Затем Корк изменил показания и заявил, что в руководящий центр заговора входили Тухачевский, Якир, Уборевич, Эйдеман и он, Корк.

Уборевич первоначально виновным себя не признал, а в дальнейшем от него были получены показания о том, что заговор возник в 1934 году и тогда же его вовлек в заговор Тухачевский.

Якир, как и Уборевич, вначале отрицал свое участие в заговоре, а после очной ставки с Корком он написал заявление Ежову, в котором признал себя участником заговора и что в заговор его вовлек Тухачевский в 1933 году.

Подобные противоречия имеются в показаниях других осужденных по данному делу.

Анализ указанных показаний осужденных дает основание сделать вывод о том, что эти показания о руководящем центре «заговора», о составе участников заговора и времени его возникновения являются вымышленными и не отвечающими действительности.

Также неконкретны и противоречивы показания осужденных о вредительстве, о подготовке террористических актов против руководителей партии и правительства и о шпионских связях с иностранными разведками. Все эти показания представляют собою голословные утверждения в общей форме, без подкрепления их фактами и какими-либо объективными данными.

Все усилия следствия, как это видно из материалов дела, были направлены лишь к одной цели — добиться от арестованных признания ими своей вины.

В результате этих усилий от обвиняемых были получены показания о том,

что они поддерживали связь с германским военным атташе в Москве Кестрингом, которому передавали шпионские сведения, используя для этих целей встречи во время официальных дипломатических приемов.

Однако арестованный в 1947 году бывший генерал-майор германской армии Шпальке К. А. на допросах в МГБ показал, что с 1925 года по 1937 год он служил в разведывательных органах и специально занимался разведкой по Советскому Союзу, являясь руководителем отдела, ведающего разведкой против Красной Армии;

что в тот период времени от Кестринга никаких агентурных материалов не поступало и вся его, Кестринга, информация основывалась на официальных данных и сообщениях немецких офицеров, приезжавших в СССР для участия в военных маневрах Красной Армии.

Заслушав доклад тов. Лихачева и заключение зам. Главного Военного Прокурора — полковника юстиции Терехова Д. П.— об отмене приговора и прекращении дела,—

УСТАНОВИЛА:

Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Путна, Эйдеман, Примаков и Фельдман судом были признаны виновными в том, что они, являясь руководителями «военно-фашистского заговора» в Красной Армии и будучи организационно связанными с антисоветским правотроцкистским центром, подготовляли свержение Советской власти путем вооруженного восстания и поражения СССР в будущей войне в целях восстановления в СССР власти помещиков и капиталистов и отторжения от СССР части территории в пользу Германии и Японии. В этих целях они систематически передавали германскому генеральному штабу совершенно секретные сведения, проводили вредительскую работу в области боевой подготовки и оснащения Красной Армии и в оборонной промышленности, а также создали террористические группы для подготовки террористических актов против руководителей Коммунистической партии и Советского правительства.

В своем заключении Генеральный Прокурор СССР просит приговор в отношении всех осужденных отменить и дело производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что показания осужденных, зафиксированные в так называемых «собственноручных» показаниях и «обобщенных» протоколах допросов, не внушают доверия, так как они крайне неконкретны, голословны и содержат в себе много существенных противоречий и явных вымыслов.

Так, на допросах Тухачевский, Якир, Уборевич и другие осужденные по данному делу дали вынужденно ложные показания о принадлежности к «военно-фашистскому заговору» многих руководящих и заслуженных военных работников, как-то: Гамарника Я. Б., Егорова А. И., Блюхера В. К., Дыбенко П. Е., Куйбышева Н. В. и многих других, ныне полностью реабилитированных.

В ходе следствия от осужденных также были получены явно провокационные показания в отношении крупных военных работников, которые вовсе не привлекались к ответственности.

Тухачевский показывал, что руководителями заговора были он, Тухачевский, и Фельдман, которого он якобы завербовал в 1932 году вместе со Смолиным и Алафузо.

Однако Алафузо по делу о «военно-фашистском заговоре» не привлекался к ответственности, а Смолин в данное время реабилитирован.

Далее Тухачевский показал, что в 1933 году им были вовлечены в заговор Ефимов, Путна, Эйдеман и Вакулич, а в 1934 году — Примаков, Горбачев, Василенко и другие.

Показания Тухачевского о том, что он еще в 1925 году передал польскому шпиону Домбалю данные о состоянии частей РККА и что в 1931 году он установил шпионскую связь с начальником германского генерального штаба генералом Адамсом и офицером этого штаба Нидермайером, опровергаются материалами дополнительной проверки, которой установлено, что Домбаль являлся одним из лидеров Компартии Польши, был осужден необоснованно и в данное время реабилитирован, а Нидермайер О. Ф. в указанный Тухачевским период времени являлся официальным представителем рейхсвера в СССР и в силу имевшихся тогда соглашений контактировал связь рейхсвера не только с представителями командования РККА, но и с органами НКВД.

При рассмотрении дела в суде Тухачевский изменил свои показания, заявив, что он знал Домбаля не как шпиона, а как члена ЦК Компартии Польши.

Как видно из протокола судебного заседания, несмотря на резкие противоречия в показаниях подсудимых о «фактах» их антисоветской деятельности, судебное следствие по делу проводилось поверхностно и также необъективно.

Так, на вопрос, в чем выражалась подготовка поражения авиации РККА в будущей войне, Якир ответил общими туманными рассуждениями, заявив при этом:

«Я Вам толком не сумею сказать ничего кроме того, что написал следователю».

На вопрос, в чем выражалось вредительство в боевой подготовке, Якир ответил:

«Я Вам сказал, и не хочу развертывать этот вопрос, я его разверну в особом письме».

Однако никакого письма к делу не приобщено.

Далее, Тухачевский и Уборевич, считавшие себя руководителями заговора, обнаружили в суде полное незнание подробностей намечавшегося ими «дворцового переворота».

Противоречивость и неконкретность показаний осужденных и их странное поведение в суде, как установлено теперь проверкой, являлись результатом того, что материалы следствия по делу фальсифицировались в Особом отделе НКВД СССР по указанию и при непосредственном участии Ежова, Фриновского и Леплевского (все осуждены к ВМН), а поведение обвиняемых в суде им было навязано следователями по указанию тех же лиц.

Как установлено проверкой, произведенной Прокуратурой СССР, начало фальсификации дела о «военно-фашистском заговоре» было положено в мае 1937 года в УНКВД по Московской области.

По этому поводу бывший начальник УНКВД по Московской области Радзиваловский А. П. еще в 1939 году показал:

«...поручение, данное мне Ежовым, сводилось к тому, чтобы немедля приступить к допросу арестованного Медведева, бывшего начальника ПВО РККА, и добиться от него показаний с самым широким кругом участников о существовании военного заговора в РККА. При этом Ежов дал мне прямое указание применить к Медведеву методы физического воздействия, не стесняясь в их выборе.

Ежов подчеркнул особо, что в процессе допроса Медведева я должен добиться, чтобы он назвал возможно большее количество руководящих военных работников, а чем их удастся больше записать, тем ближе будет к осуществлению та задача, о которой со мной уже ранее говорил Фриновский.

Приступив к допросу Медведева, я из его показаний установил, что он свыше трех-четырех лет до ареста как уволен из РККА и являлся перед арестом зам. начальника строительства какой-то больницы. Медведев отрицал какую бы то ни было антисоветскую работу и вообще связи с военными округами РККА, ссылаясь на то, что после демобилизации он этих связей не поддерживал. Когда я доложил о показаниях Медведева Ежову и Фриновскому, они предложили «выжать» от него его «заговорщицкие» связи и снова повторили о том, чтобы с ним не стесняться.

Для меня было очевидно, что Медведев человек давно оторванный от военной среды и правдивость его заявлений не вызывает сомнений. Однако, выполняя указания Ежова и Фриновского, я добился от него показаний о существовании военного заговора, о его активном участии в нем и в ходе последующих допросов, в особенности после избиения его Фриновским в присутствии Ежова, Медведев назвал значительное количество крупных руководящих военных работников.

По ходу дела я видел и знал, что связи, которые называл Медведев, были им вымышлены и он все время заявлял мне, а затем Ежову и Фриновскому о том, что его показания ложны и не соответствуют действительности. Однако, несмотря на это, Ежов этот протокол доложил в ЦК.

...Медведев был арестован по распоряжению Ежова без каких-либо компрометирующих материалов, с расчетом начать от него раздувание дела о военном заговоре в РККА».

На основании указанных выше ложных показаний Медведева, ныне реаби-

литированного, а также на основании показаний Путны и Примакова, полученных от них спустя 9 месяцев после их ареста, в конце мая 1937 года были арестованы Тухачевский, Фельдман, Корк, Эйдеман, Якир и Уборевич.

Из материалов дела видно, что все эти лица на первых допросах категорически отрицали проведение какой-либо преступной деятельности. Лишь впоследствии от них были получены показания о принадлежности их к контрреволюционному военному заговору.

Однако эти показания, как установлено проверкой, являются ложными. Они были получены от арестованных путем применения к ним незаконных методов следствия: обмана, шантажа и мер физического воздействия.

Об этом показали бывшие работники НКВД СССР.

Так, бывший начальник отделения НКВД СССР, ныне генерал-лейтенант в запасе Авсеевич А. А. на допросе в прокуратуре 5 июля 1956 года показал:

«...примерно в марте 1937 года я вызвал на допрос Примакова и увидел, что Примаков изнурен, истощен, оборван. У него был болезненный вид...

Примаков и Путна на первых допросах категорически отказывались признать свое участие в контрреволюционной троцкистской организации. Я вызывал их по 10—20 раз. Они при этих вызовах сообщили мне, что помимо вызовов на допросы ко мне Примаков и Путна неоднократно вызывались на допросы к Ежову и Фриновскому.

На одном из допросов Примаков заявил, что накануне он вызывался к Ежову и там был серьезно предупрежден о последствиях в случае, если он будет запираться. Он, Примаков, обещал Ежову подумать и сейчас он будет давать показания о своей контрреволюционной деятельности.

Путна также вызывался к Ежову и Леплевскому, но долго не признавал себя виновным...

Мне известно, что в мае 1937 года на одном из совещаний пом. начальника отдела Ушаков доложил Леплевскому, что Уборевич не хочет давать показаний. Леплевский приказал на совещании Ушакову применить к Уборевичу методы физического воздействия.

Применялись ли физические методы воздействия к другим арестованным по данному делу, я точно сказать не могу, но, исходя из обстановки того времени, считаю, что к ним применялись физические методы воздействия».

Бывший работник НКВД Бударев В. И. на допросе в прокуратуре 3 июня 1955 года показал:

«Дело Примакова я лично не расследовал, но в процессе следствия мне поручалось часами сидеть с ним, пока он писал сам свои показания. Зам. начальника отделения Карелин и начальник отделения Авсеевич давали мне и другим работникам указания сидеть вместе с Примаковым и тогда, когда он еще не давал показаний. Делалось это для того, чтобы не давать ему спать, понудить его дать показания о своем участии в троцкистской организации... Таким образом, его не оставляли одного. В период расследования дел Примакова и Путны было известно, что оба эти лица дали показания об участии в заговоре после избиения их в Лефортовской тюрьме. Эти дела характерны тем, что в связи с ними начались аресты среди основной части руководящего состава РККА. В это время начались аресты таких лиц, как Тухачевский, Уборевич и др.».

Бывший зам. начальника отделения НКВД СССР, ныне адвокат юридической консультации Сталинского района г. Москвы Карпейский Я. Л. на допросе 4 июля 1956 года показал:

«...Из группы военных, осужденных вместе с Тухачевским, я принимал участие только по делу Эйдемана.

Примерно 20 мая 1937 года я был вызван к Леплевскому, который сказал мне, что Эйдеман изобличается Тухачевским, как участник военного заговора... Никаких документов или материалов, уличающих Эйдемана, Леплевский мне не дал. Я привел Эйдемана к себе в кабинет и, пригласив пом. начальника отделения Дергачева, приступил к допросу. Допрос велся без предъявления Эйдеману конкретных материалов, но ему было сказано, что он уличается как участник «военного заговора» и его запирательство бесполезно. Однако Эйдеман не сознавался. Спустя 3—4 часа пришел зам. начальника отдела Агас и взял допрос в свои руки. С его приходом допрос принял еще более резкий харак-

тер. Так, Агас заявил Эйдеману, что «не мытьем, так катаньем» от него будут получены показания. При этом Агас заявил ему, что если он здесь не даст показаний, то с ним будут разговаривать в другом месте. Эйдеман же продолжал отрицать свое участие в заговоре. На другой день я был срочно вызван из квартиры в Лефортовскую тюрьму. Придя в следственный кабинет тюрьмы, я там застал Леплевского, Агаса и Дергачева, допрашивавших Эйдемана. Леплевский мне предложил записать показания Эйдемана. Допрос вел Леплевский, а я записывал. Необычный тон Леплевского и Агаса с Эйдеманом, а также возбужденное состояние последнего давали мне основание полагать, что в отношении Эйдемана до моего прихода были применены угрозы или даже физические меры воздействия. Следует учесть, что во время допроса Эйдемана из соседних кабинетов доносились крики, стоны людей и шум...»

О широком применении незаконных методов следствия к арестованным дал показания еще в 1938 году бывший пом. начальника 5 отдела ГУГБ НКВД СССР Ушаков З. М., принимавший участие в допросах Тухачевского, Якира и Фельдмана. Сравнивая перенесенные им методы физического воздействия с избиениями, которые он, как следователь, применял к арестованным, Ушаков показал:

«Мне самому приходилось в Лефортовской (и не только там) бить врагов партии и Советской власти, но у меня не было никогда такого представления об испытываемых избиваемым муках и чувствах».

В этих же показаниях Ушаков описывает, как он «добился» от Фельдмана показаний о военном заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и других.

О применении к арестованным жестоких мер физического воздействия свидетельствует тот факт, что на протоколе допроса Тухачевского от 1 июня 1937 года, где зафиксировано признание вины Тухачевского, обнаружены пятна, которые по заключению биологической экспертизы являются каплями и мазками человеческой крови.

Как установлено проверкой дела, подтверждение обвиняемыми в суде своих вымышленных показаний, данных ими на предварительном следствии, было обусловлено тем, что они продолжали находиться под контролем следователей до конца судебного процесса.

По этому поводу названный выше Авсеевич на допросе 5 июля 1956 года показал:

«После того как следствие было закончено, было созвано оперативное совещание, это было за сутки-двое перед процессом, на котором начальник отдела Леплевский дал указание всем лицам, принимавшим участие в следствии, еще раз побеседовать с подсудимыми и убедить их, чтобы они в суде подтвердили показания, данные на следствии. Накануне суда я беседовал с Примаковым, он обещал в суде подтвердить свои показания. С другими подследственными беседовали другие работники отдела. Кроме того, было дано указание сопровождать своих подследственных в суд, быть с ними вместе в комнате ожидания. В день суда я находился с Примаковым, согласно указанию руководства отдела.

Перед началом судебного заседания все следователи были, и, как только привели арестованных, я, как и другие работники, пошел в комнату, где был Примаков. Все арестованные находились в отдельных комнатах и с каждым находился следователь. Среди них, я помню, были Ушаков и Эстрин. Я спрашивал Примакова, как он думает вести себя в суде, последний сказал, что подтвердит свои показания. Причем по указанию руководства я еще раз напомнил Примакову, что признание его в суде смягчит его участь. Так говорить было дано указание и другим сотрудникам отдела, выделенным для сопровождения арестованных на суд. Перед самым судебным заседанием, по указанию Леплевского, я знакомил Примакова с копиями его же показаний».

Проверкой дела также установлено, что, кроме Ежова, Фриновского и Леплевского, были осуждены за незаконные аресты, фальсификацию следственных дел и применение незаконных методов ведения следствия бывшие работники НКВД СССР Ушаков, Агас, Миронов и другие, принимавшие участие в расследовании дела Тухачевского, Якира и других.

Военная Коллегия Верховного суда СССР, изучив материалы дела и до-

полнительной проверки, считает бесспорно установленным, что уголовное дело в отношении Тухачевского, Корка, Якира и других по обвинению их в антисоветской деятельности было сфальсифицировано.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 373—378 УПК РСФСР —

ОПРЕДЕЛИЛА:

приговор Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 11 июня 1937 года в отношении Тухачевского Михаила Николаевича, Корка Августа Ивановича, Якира Ионы Эммануиловича, Уборевича Иеронима Петровича, Путна Витовта Казимировича, Эйдемана Роберта Петровича, Примакова Виталия Марковича и Фельдмана Бориса Мироновича отменить и настоящее дело в силу ст. 4 п. 5 УПК РСФСР, т. е. за отсутствием в их действиях состава преступления, производством прекратить.

Председательствующий **А. А. Чепцов**

Члены Военной Коллегии **В. В. Борисоглебский**
П. А. Лихачев

О ДЕЛЕ ГАМАРНИКА Я. Б.

Постановление Президиума ЦК КПСС

6 августа 1955 г.

Согласиться с предложением Генерального прокурора СССР т. Руденко, изложенным в его записке от 22 июля 1955 г.

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР В ЦК КПСС

В связи с жалобами Гамарник И. М., Богомоловой-Гамарник К. Б. и Гамарник Ф. Б. Прокуратурой СССР проверена обоснованность обвинений, выдвинутых против бывшего заместителя наркома обороны и начальника Главного политического управления Красной Армии Гамарника Яна Борисовича.

Проверкой установлено:

31 мая 1937 года Гамарник Я. Б., будучи тяжело больным, выстрелом из пистолета покончил жизнь самоубийством.

После самоубийства Гамарника Я. Б. Ежовым и его сообщниками были получены показания арестованных к тому времени по обвинению в участии в контрреволюционном военном заговоре Тухачевского, Якира и Уборевича о причастности к указанному заговору также и Гамарника.

Свои показания Тухачевский, Якир и Уборевич подтвердили в судебном заседании Специального присутствия Верховного суда СССР. Однако показания указанных лиц в отношении Гамарника неконкретны, в ряде случаев противоречивы и никакими другими объективными данными не подтверждены.

Так, Якир в начале своих показаний заявил, что Гамарник высказывал якобы ему свое недовольство состоянием дел в Наркомате обороны, однако он, Якир, не имея полномочий центра, не делал попыток к вовлечению Гамарника в военный заговор и не говорил ему о существовании такового.

В дальнейшем Якир изменил эти показания и заявил, что еще в 1936 г. он якобы информировал Гамарника о проводившейся им, Якиром, Тухачевским и Уборевичем вредительской работе в пограничных районах, направленной на ослабление обороноспособности страны, и что якобы Гамарник заявил тогда, что аналогичная работа проводится и на Дальнем Востоке. При этом Якир утверждает, что Гамарник в центр военного заговора не входил и непосредственного контакта по контрреволюционной деятельности с Тухачевским, Корком и другими лицами не имел, а поддерживал эту связь якобы через Якира. Никаких

конкретных фактов проводившейся якобы Гамарником контрреволюционной деятельности Якир привести не мог, ссылаясь на то, что Гамарник занимался вредительством на Дальнем Востоке, а он плохо знал Дальневосточный театр.

Осужденный Уборевич прямых показаний об участии Гамарника в военном заговоре не дал, но заявил, что его очень хвалил Тухачевский, что Гамарник, в свою очередь, поддерживал по ряду вопросов Тухачевского и других, и поэтому он предполагает, что Гамарник являлся членом центра военного заговора.

Более определенные показания о причастности Гамарника к военному заговору дал Тухачевский. Он показал, что в состав центра военного заговора входили: Тухачевский, Гамарник, Каменев С. С., Уборевич, Якир, Фельдман, Эйдеман, Зарем, Примаков и Корк.

Гамарник, как показал Тухачевский, в состав центра якобы вошел в 1934 году, занимал в нем руководящее положение и ведал подрывной деятельностью заговорщиков на Дальнем Востоке.

Эти показания Тухачевского находятся в явном противоречии с уже приведенными показаниями Якира и, кроме того, опровергаются показаниями других осужденных.

Так, осужденный по одному делу с Тухачевским Путна В. К. в отношении Гамарника показал:

«...я не допускаю участия Гамарника в троцкистской организации, но он меня поддерживал в 1934 году, когда он приезжал на Дальний Восток, он сказал, что мой доклад о том, что надо разъединить ОКДВА, он поставит в Москве».

Осужденный, как участник центра военного заговора, Фельдман Б. М. показал суду:

«В отношении связи с Гамарником я лично ни слова не слышал и не знал, что Гамарник состоит членом центра. Гамарник вел такую линию в центральном аппарате, что мне хотя бы от малейшего его шага или малейшей осторожности догадаться о том, что он нам помогает, не было возможности, и я не могу этого сказать.

Гамарник, когда приезжал на Дальний Восток, Вы сами знаете, всегда о дальневосточных делах плохо отзывался — это факт, хвалил много Сангурского — это факт, об этом я сообщаю, делал он это с определенной целью. С моей стороны было бы неправильно, если бы я на основании этого мог сказать, что Гамарник состоит членом центра».

Другой осужденный, как участник центра,— Корк А. И. показал:

«...В состав центра входят: Тухачевский, Якир, Уборевич, Эйдеман и я. Про других лиц, в частности про Гамарника, мне не говорил тогда Тухачевский и не говорил впоследствии».

При таком положении сомнительные показания Тухачевского, Якира и Уборевича, при отсутствии других объективных доказательств, не могут быть положены в основу обвинения Гамарника Я. Б. в измене Родине и это обвинение с Гамарника Я. Б. должно быть снято.

В связи с этим считаю необходимым войти с предложением о признании необоснованными обвинения Гамарника Я. Б. в антисоветской деятельности.

Прошу рассмотреть.

Генеральный прокурор СССР **Р. Руденко**

22 июля 1955 года

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»

Одним из актов массовых репрессий после Великой Отечественной войны было так называемое «ленинградское дело», жертвами которого стали сотни партийных и советских работников, в том числе члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б).

1 октября 1950 г. Военной Коллегией Верховного суда СССР были осуждены к высшей мере наказания — расстрелу: Н. А. Вознесенский — член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя Совета Министров СССР; А. А. Кузнецов — член Оргбюро, секретарь ЦК ВКП(б); М. И. Родионов — член Оргбюро ЦК ВКП(б), Председатель Совета Министров РСФСР; П. С. Попков — кандидат в члены ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б); Я. Ф. Капустин — второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б); П. Г. Лазутин — председатель Ленинградского горисполкома. К длительному тюремному заключению были осуждены И. М. Турко — секретарь Ярославского обкома ВКП(б); Т. В. Закржевская — заведующая отделом Ленинградского обкома ВКП(б); Ф. Е. Михеев — управляющий делами Ленинградского обкома и горкома ВКП(б).

Всем осужденным было предъявлено обвинение в том, что, создав антипартийную группу, они проводили вредительско-подрывную работу, направленную на отрыв и противопоставление Ленинградской партийной организации Центральному Комитету партии, превращение ее в опору для борьбы с партией и ЦК ВКП(б). Жертвами репрессий в связи с так называемым «ленинградским делом» явились все руководители Ленинградской областной и городской партийных организаций, руководители районных партийных организаций Ленинграда и области, почти все советские и государственные деятели, которые после Великой Отечественной войны были выдвинуты из Ленинграда на руководящую работу в центральный партийный и советский аппарат и в другие областные партийные организации. Только в Ленинградской области были освобождены от партийной и советской работы более двух тысяч коммунистов, многие из них в течение длительного времени подвергались гонениям и преследованию. Репрессиям подверглись члены семей осужденных руководителей Ленинградской организации.

Так называемое «ленинградское дело» было спровоцировано и организовано И. В. Сталиным, который стремился поддерживать среди высших руководителей атмосферу подозрительности, зависти и недоверия друг к другу и на этой основе еще больше укреплять свою личную власть. Так называемое «ленинградское дело» связано и с именами ряда лиц, близко стоявших к Сталину, входивших в состав его окружения: Г. М. Маленковым, Л. П. Берия, М. Ф. Шкирятовым, В. С. Абакумовым и другими. Они явились фактическими исполнителями противозаконных действий по фальсификации обвинений и организации расправы с сотнями невинных людей.

После Великой Отечественной войны произошли персональные изменения в составе руководящего ядра партии и Советского государства. Большими полномочиями был наделен Н. А. Вознесенский, который одно время являлся первым заместителем Председателя Совнаркома СССР, а после войны, будучи заместителем Председателя Совета Министров СССР и возглавляя Госплан,

занимал ключевой пост в руководстве советской экономикой. Значительно укрепилось положение Г. М. Маленкова, который, будучи секретарем Центрального Комитета, стал одновременно и заместителем Председателя Совета Министров СССР. Фактически вторым секретарем ЦК ВКП(б) стал А. А. Жданов, который полностью сосредоточился на работе в Центральном Комитете партии. Большие претензии на руководящую роль в партии предъявлял Л. П. Берия.

Вместе с тем на ответственную партийную работу были выдвинуты молодые члены и кандидаты в члены ЦК ВКП(б), хорошо проявившие себя в годы Великой Отечественной войны. Так, секретарем Центрального Комитета избрали А. А. Кузнецова, который одновременно был утвержден начальником Управления кадров ЦК. Председателем Совета Министров Российской Федерации был назначен бывший секретарь Горьковского обкома партии М. И. Родионов. В своей деятельности молодые руководители проявляли инициативу, самостоятельность в решении хозяйственных и организационных задач.

Поощряя соперничество среди руководящей группы лиц, Сталин фактически поддержал попытки Г. М. Маленкова и Л. П. Берия скомпрометировать Н. А. Вознесенского и А. А. Кузнецова. Сталин в частных беседах высказывал предположения о том, что в качестве своего преемника по партийной линии он видел секретаря ЦК, члена Оргбюро А. А. Кузнецова, а по государственной линии — члена Политбюро, заместителя Председателя Совета Министров СССР Н. А. Вознесенского. Эти разговоры подкреплялись возраставшим авторитетом Н. А. Вознесенского и заметным усилением позиций в Оргбюро и Секретариате ЦК А. А. Кузнецова, который, помимо Управления кадров, ведал также работой органов юстиции, МВД, МГБ.

Поводом для фабрикации ложных обвинений в отношении А. А. Кузнецова послужила проведенная с 10 по 20 января 1949 г. в Ленинграде Всероссийская оптовая ярмарка. Г. М. Маленков выдвинул против А. А. Кузнецова и Председателя Совета Министров РСФСР М. И. Родионова, секретарей Ленинградского обкома и горкома партии П. С. Попкова и Я. Ф. Капустина обвинения в том, что они провели ярмарку без ведома и в обход ЦК и правительства. Между тем документально установлено, что ярмарка была проведена во исполнение постановления Совета Министров СССР.

14 октября 1948 г. на заседании Бюро Совета Министров СССР, проходившем под председательством Г. М. Маленкова, рассматривался отчет Министерства торговли СССР и Центросоюза об остатках залежавшихся товаров и мерах по их реализации. Ввиду того что в стране скопилось таких товаров на сумму до 5 млрд руб., которые в обычных условиях торговли не находили сбыта, Бюро дало поручение руководящим работникам Совмина и Министерства торговли СССР разработать мероприятия по разрешению этой проблемы.

11 ноября 1948 г. Бюро Совета Министров СССР также под председательством Маленкова приняло постановление «О мероприятиях по улучшению торговли». В постановлении сказано: «организовать в ноябре — декабре 1948 года межобластные оптовые ярмарки, на которых произвести распродажу излишних товаров, разрешить свободный вывоз из одной области в другую купленных на ярмарке промышленных товаров».

Во исполнение этого постановления Министерство торговли СССР и Совет Министров РСФСР приняли решение провести в Ленинграде с 10 по 20 января Всероссийскую оптовую ярмарку и обязали Ленинградский горисполком оказать практическую помощь в ее организации и проведении.

13 января 1949 г. во время работы ярмарки Председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов направил письменную информацию на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова об открывшейся в Ленинграде Всероссийской оптовой ярмарке с участием в ней торговых организаций союзных республик. Г. М. Маленков на сообщении М. И. Родионова наложил резолюцию:

«Берия Л. П., Вознесенскому Н. А., Микояну А. И. и Крутикову А. Д. *

Прошу Вас ознакомиться с запиской тов. Родионова. Считаю, что такого рода мероприятия должны проводиться с разрешения Совета Министров».

Раздувая дело о незаконности проведения Всероссийской оптовой ярмарки в Ленинграде, Г. М. Маленков использовал и другие предлоги для дискредитации ленинградских руководителей.

Через несколько дней после окончания работы X областной и VIII городской объединенной Ленинградской партийной конференции (22—25 декабря 1948 г.) в ЦК ВКП(б) поступило анонимное письмо, в котором сообщалось, что хотя в отдельных бюллетенях фамилии секретарей Ленинградского обкома и горкома партии П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина и Г. Ф. Бадаева были вычеркнуты, председатель счетной комиссии А. Я. Тихонов объявил на конференции, что эти лица прошли единогласно. Действительно, П. С. Попков получил «против» 4 голоса, Г. Ф. Бадаев — 2 голоса, Я. Ф. Капустин — 15, П. Г. Лазутин – 2 голоса, но причастность руководителей Ленинградской партийной организации к искажению итогов выборов не была установлена.

Тем не менее 15 февраля 1949 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) товарища Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.». В постановлении выдвинуто обвинение против А. А. Кузнецова, М. И. Родионова и П. С. Попкова в том, что они провели в

---

* Заместители Председателя Совета Министров СССР.

Ленинграде Всесоюзную оптовую ярмарку, что якобы привело к разбазариванию государственных товарных фондов и к неоправданным затратам государственных средств на организацию ярмарки. В постановлении отмечалось:

«Политбюро ЦК ВКП(б) считает, что отмеченные выше противогосударственные действия явились следствием того, что у тт. Кузнецова, Родионова, Попкова имеется нездоровый, небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с Ленинградской организацией, охаивании ЦК ВКП(б), который якобы не помогает Ленинградской организации, в попытках представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда, в попытках создать средостение между ЦК ВКП(б) и Ленинградской организацией и отдалить таким образом Ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б).

В связи с этим следует отметить, что т. Попков, являясь первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), не старается обеспечить связь Ленинградской партийной организации с ЦК ВКП(б), не информирует ЦК партии о положении дел в Ленинграде и, вместо того, чтобы вносить вопросы и предложения непосредственно в ЦК ВКП(б), встает на путь обхода ЦК партии, на путь сомнительных закулисных, а иногда и рваческих комбинаций, проводимых через различных самозваных «шефов» Ленинграда вроде тт. Кузнецова, Родионова и других.

В этом же свете следует рассматривать ставшее только теперь известным ЦК ВКП(б) от т. Вознесенского предложение «шефствовать» над Ленинградом, с которым обратился в 1948 году т. Попков к т. Вознесенскому Н. А., а также неправильное поведение т. Попкова, когда он связи Ленинградской партийной организации с ЦК ВКП(б) пытается подменить личными связями с так называемым «шефом» т. Кузнецовым А. А.

Политбюро ЦК ВКП(б) считает, что такие непартийные методы должны быть пресечены в корне, ибо они являются выражением антипартийной групповщины, сеют недоверие в отношениях между Ленобкомом и ЦК ВКП(б) и способны привести к отрыву Ленинградской организации от партии, от ЦК ВКП(б).

ЦК ВКП(б) напоминает, что Зиновьев, когда он пытался превратить Ленинградскую организацию в опору своей антиленинской фракции, прибегал к таким же антипартийным методам заигрывания с Ленинградской организацией, охаивания Центрального Комитета ВКП(б), якобы не заботящегося о нуждах Ленинграда, отрыва Ленинградской организации от ЦК ВКП(б) и противопоставления Ленинградской организации партии и ее Центральному Комитету».

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) М. И. Родионов, А. А. Кузнецов и П. С. Попков были сняты с занимаемых ими постов и им были объявлены партийные взыскания — выговор. В отношении Н. А. Вознесенского в постановлении Политбюро указано:

«Отметить, что член Политбюро ЦК ВКП(б) т. Вознесенский, хотя и отклонил предложение т. Попкова о «шефстве» над Ленинградом, указав ему на неправильность такого предложения, тем не менее все же поступил неправильно, что своевременно не доложил ЦК ВКП(б) об антипартийном предложении «шефствовать» над Ленинградом, сделанным ему т. Попковым».

21 февраля 1949 г. Маленков с группой работников ЦК ВКП(б) выехал в Ленинград для проведения бюро и объединенного пленума обкома и горкома партии по постановлению ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 г. На объединенном заседании бюро обкома и горкома Г. М. Маленков путем угроз, злоупотребляя своим служебным положением секретаря ЦК ВКП(б), добивался от секретарей обкома и горкома признания в том, что они противопоставляли Ленинградскую партийную организацию ЦК

ВКП(б), что в Ленинграде существовала враждебная антипартийная группировка.

22 февраля 1949 года состоялся объединенный пленум Ленинградского обкома и горкома партии, на котором Г. М. Маленков сделал сообщение о постановлении ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 г. в отношении А. А. Кузнецова, М. И. Родионова и П. С. Попкова. Г. М. Маленков заявил, что в Ленинграде существовала антипартийная группа, и требовал от присутствующих подтверждения этого заявления, при этом добавил, что группа малочисленна, и никто более из ленинградских руководящих работников не будет привлечен к ответственности. Никто из выступавших не привел каких-либо фактов о существовании антипартийной группы, только П. С. Попков и Я. Ф. Капустин признали, что их деятельность носила антипартийный характер. Вслед за ними и другие выступающие стали каяться в не совершенных ими ошибках.

Но ни сообщение Г. М. Маленкова, ни материалы пленума обкома и горкома не давали оснований для обвинений руководителей Ленинградской организации в создании антипартийной группы, сепаратизме и попытках противопоставления Центральному Комитету партии. Тем не менее в постановлении объединенного пленума обкома и горкома А. А. Кузнецов, М. И. Родионов, П. С. Попков, Я. Ф. Капустин обвинялись в принадлежности к антипартийной группе.

Летом 1949 г. начался новый этап в разработке так называемого «ленинградского дела». В. С. Абакумов и работники возглавляемого им МГБ осуществили фабрикацию ряда материалов, обвиняя А. А. Кузнецова, М. И. Родионова и руководителей Ленинградской областной партийной организации в контрреволюционной деятельности. 21 июля 1949 г. В. С. Абакумов направил И. В. Сталину записку, в которой сообщал, что Я. Ф. Капустин подозревается в связи с английской разведкой и что эти материалы по указанию бывшего начальника ленинградского областного управления МГБ П. Н. Кубаткина хотели уничтожить. Как видно из резюме В. С. Абакумова на этой записке, И. В. Сталин дал указание об аресте Я. Ф. Капустина и П. Н. Кубаткина. Несмотря на то что Я. Ф. Капустин формально был арестован по подозрению в связи с английской разведкой, с первых дней ареста допросы велись на тему существования в Ленинграде антипартийной группы. В результате применения незаконных методов следствия от Я. Ф. Капустина были получены «признательные» показания.

13 августа 1949 г. в Москве в кабинете Г. М. Маленкова без санкции прокурора были арестованы А. А. Кузнецов, П. С. Попков, М. И. Родионов, П. Г. Лазутин, Н. В. Соловьев*.

---

* Первый секретарь Крымского обкома ВКП(б), ранее работавший председателем исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся.

В это же время развернулась подготовка фальсификаций в отношении Н. А. Вознесенского. В этих целях была использована докладная записка заместителя председателя Госснаба СССР М. Т. Помазнева о занижении Госпланом СССР плана промышленного производства СССР на I квартал 1949 г. Этот документ послужил началом для возведения обвинений в отношении Н. А. Вознесенского. Так, в постановлении Совета Министров СССР Н. А. Вознесенский обвиняется в антигосударственных и антипартийных поступках. В нем записано:

«Тов. Вознесенский неудовлетворительно руководит Госпланом, не проявляет обязательной, особенно для члена Политбюро, партийности в руководстве Госпланом и в защите директив правительства в области планирования, неправильно воспитывает работников Госплана, вследствие чего в Госплане культивировались непартийные нравы, имели место антигосударственные действия, факты обмана правительства, преступные факты по подгону цифр и, наконец, факты, которые свидетельствуют о том, что руководящие работники Госплана хитрят с правительством».

5 марта 1949 г. Бюро Совета Министров СССР принимает проект постановления Совета Министров СССР «О Госплане», в котором использована высказанная Сталиным фраза о том, что «попытка подогнать цифры под то или иное предвзятое мнение есть преступление уголовного характера». Постановлением Совета Министров СССР от 5 марта 1949 г. Вознесенский был снят с поста председателя Госплана СССР.

Назначенный в Госплан СССР на должность уполномоченного ЦК ВКП(б) по кадрам Е. Е. Андреев в июле 1949 г. представил записку об утрате Госпланом СССР за период с 1944 по 1949 г. ряда документов. По предложению Г. М. Маленкова эта записка была направлена И. В. Сталину, после чего вопрос разбирался на заседании Бюро Совета Министров СССР, а затем на заседании КПК при ЦК ВКП(б).

Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б) (М. Ф. Шкирятов) была подготовлена записка «О непартийном поведении Вознесенского», содержащая обвинения по поводу якобы имевшего место занижения Госпланом СССР плана развития промышленности, насаждения в Госплане ведомственных тенденций, засорения кадров, самовозвеличивания и, наконец, в поддержании связи с ленинградской антипартийной группой.

9 сентября 1949 г. М. Ф. Шкирятов представил Г. М. Маленкову решение КПК при ЦК ВКП(б) с предложением исключить Н. А. Вознесенского из членов ЦК ВКП(б) и привлечь его к судебной ответственности за утрату документов Госпланом СССР. Политбюро ЦК ВКП(б) 11 сентября 1949 г. приняло решение вынести эти предложения на Пленум ЦК ВКП(б). 12—13 сентября (опросом) они были утверждены Пленумом ЦК ВКП(б). 27 октября 1949 г. Н. А. Вознесенский был арестован.

С целью получения вымышленных показаний о существовании в Ленинграде антипартийной группы Г. М. Маленков лично руководил ходом следствия по делу и принимал в допросах непосредственное участие. Ко всем арестованным применялись

незаконные методы следствия, мучительные пытки, побои и истязания.

Для создания видимости о существовании в Ленинграде антипартийной группировки по указанию Г. М. Маленкова были произведены массовые аресты среди ленинградского партийного актива и руководящих партийных работников, выходцев из Ленинградской партийной организации. В Ленинграде развернулась массовая кампания по замене кадров всех звеньев, многие из снятых с работы тут же исключались из партии. В своих действиях первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии В. М. Андрианов ссылался на установки ЦК и указания лично И. В. Сталина [55].

В результате этой «кампании» только в Ленинграде и области в 1949—1952 гг. было освобождено от работы свыше 2 тысяч руководителей, в том числе 1,5 тысячи партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников. Многие из них имели большие заслуги перед партией, доказали свою преданность Родине в суровых условиях блокады, но это не принималось во внимание. Не случайно в отчете о работе отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов обкома партии, датированном мартом 1951 г., подчеркивалось:

«Главным направлением работы Ленинградской партийной организации за отчетный период являлось искоренение последствий враждебной деятельности антипартийной группы, пробравшейся к руководству Ленинградской организацией».

Более года арестованных готовили к суду, подвергали грубым издевательствам, зверским истязаниям, угрожали расправиться с семьями, помещали в карцер и т. д. Психологическая обработка обвиняемых усилилась накануне и в ходе самого судебного разбирательства. Подсудимых заставляли учить наизусть протоколы допросов и не отклоняться от заранее составленного сценария судебного фарса. Их обманывали, уверяя, что признания «во враждебной деятельности» важны и нужны для партии, которой необходимо преподать соответствующий урок на примере разоблачения вражеской группы, убеждали, что каким бы ни был приговор, его никогда не приведут в исполнение и он явится лишь данью общественному мнению.

Вопиющую картину беззакония представлял собой сам судебный процесс. Вопрос о физическом уничтожении Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, М. И. Родионова, П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина, П. Г. Лазутина фактически был предрешен задолго до судебного процесса. Еще 18 января 1950 г. В. С. Абакумов представил И. В. Сталину список сорока четырех арестованных и высказал соображение «судить в закрытом заседании выездной сессии Военной Коллегии Верховного суда СССР в Ленинграде без участия сторон, то есть обвинения и защиты, группу 9—10 человек основных обвиняемых», а остальных в общем порядке. 4 сентября 1950 г. В. С. Абакумов и А. П. Вавилов (Главный военный прокурор) представили И. В. Сталину записку с предло-

жением осудить к расстрелу Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, П. С. Попкова, Я. Ф. Капустина, М. И. Родионова и П. Г. Лазутина, осудить к 15 годам лишения свободы И. М. Турко, к 10 годам — Т. В. Закржевскую и Ф. Е. Михеева. И. В. Сталин против этих предложений не возражал, и 30 сентября 1950 г., когда процесс подходил к концу, они были приняты Политбюро ЦК ВКП(б).

26 сентября 1950 г. старший помощник Главного военного прокурора Н. Н. Николаев написал, а А. П. Вавилов утвердил официальный текст обвинительного заключения, приобщенный к делу. 29—30 сентября 1950 г. в Ленинграде состоялся судебный процесс по делу Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова и других.

1 октября 1950 г. в 0 часов 59 минут был оглашен приговор, по которому Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов, М. И. Родионов, П. С. Попков, Я. Ф. Капустин, П. Г. Лазутин осуждались к расстрелу. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал. Осужденные к расстрелу были лишены возможности даже ходатайствовать о помиловании, так как тотчас по вынесении приговора председательствующий по делу И. О. Матулевич отдал распоряжение о немедленном приведении приговора в исполнение. В 2.00 часа 1 октября 1950 г., то есть через час после оглашения приговора, Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов, М. И. Родионов, П. С. Попков, Я. Ф. Капустин, П. Г. Лазутин были расстреляны.

После расправы над «центральной группой» в различных регионах страны состоялись судебные процессы, которые вынесли приговоры остальным лицам, проходившим по «ленинградскому делу». Они отличались той же жестокостью и предрешенностью в вынесении приговоров. Так, были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу: Г. Ф. Бадаев — второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б); И. С. Харитонов — председатель исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся; П. И. Левин — секретарь Ленинградского горкома ВКП(б); сестра и брат Н. А. Вознесенского — М. А. Вознесенская, работавшая секретарем Куйбышевского райкома партии г. Ленинграда, и А. А. Вознесенский, министр просвещения РСФСР. Были расстреляны председатель Госплана РСФСР, в прошлом первый заместитель председателя Ленгорисполкома М. В. Басов; первый секретарь Крымского обкома ВКП(б), ранее председатель исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся Н. В. Соловьев; второй секретарь Мурманского обкома ВКП(б), до этого секретарь Ленинградского горкома партии А. Д. Вербицкий; секретарь Ленгорисполкома А. А. Бубнов и многие другие.

Аресты и судебные процессы продолжались и в 1951—1952 гг. 15 августа 1952 г. были арестованы, а затем осуждены к длительным срокам тюремного заключения свыше 50 человек, работавших во время блокады секретарями райкомов партии и пред-

седателями райисполкомов. Они проходили по так называемым «делу Смольнинского района», «делу Дзержинского района» и другим. И хотя приговоры по этим делам были внешне обставлены свидетельскими показаниями, юридическими доводами, актами экспертизы и т. д., фактически они были фальсифицированы.

Смерть И. В. Сталина, разоблачение Л. П. Берия изменили обстановку. В Центральный Комитет КПСС из лагерей и тюрем стали поступать письма от осужденных по так называемому «ленинградскому делу». Они явились предметом тщательного разбирательства. 30 апреля 1954 г. Верховный суд СССР реабилитировал лиц, проходивших по этому «делу». 3 мая 1954 г. соответствующее постановление было принято Президиумом ЦК КПСС, который обязал Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева и Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко довести до сведения актива Ленинградской партийной организации о принятых решениях. Это было сделано.

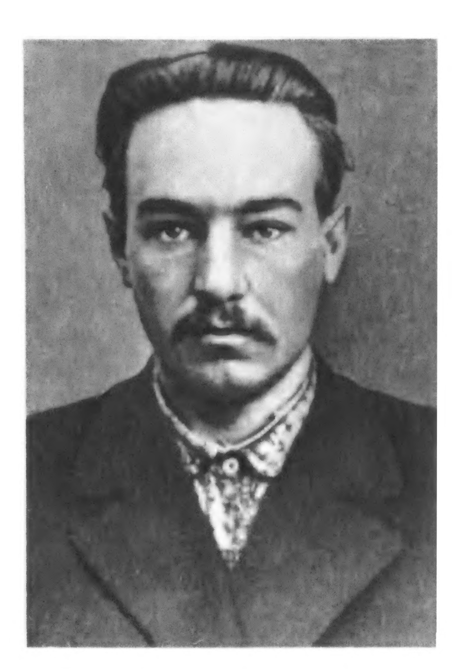
В постановлении собрания ленинградского партийного актива от 7 мая 1954 г. подчеркивалось, что в связи с «ленинградским делом» Ленинградским обкомом и Ленинградским горкомом партии были допущены серьезные ошибки как организационного, так и политического характера: многие коммунисты необоснованно исключались из партии и снимались с работы без обсуждения в первичных организациях. Областной и городской комитеты КПСС, руководители партийных и советских органов обязывались в кратчайшие сроки завершить работу по реабилитации необоснованно обвиненных, проявить к ним максимум внимания и чуткости. Такая работа была проведена.

В результате тщательной проверки материалов были реабилитированы Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов, М. И. Родионов, П. С. Попков, Я. Ф. Капустин, П. Г. Лазутин, И. М. Турко, Т. В. Закржевская, Ф. Е. Михеев и другие руководящие партийные, советские, комсомольские, профсоюзные и хозяйственные работники.

Вскоре предстали перед судом и те, кто непосредственно сфабриковал «ленинградское дело». 14—19 декабря 1954 г. в Ленинграде, в окружном Доме офицеров, где ранее проходило судилище над «центральной группой», вновь состоялся судебный процесс. На этот раз на скамье подсудимых находились бывшие руководящие работники Министерства госбезопасности СССР: министр В. С. Абакумов, начальник следственной части по особо важным делам А. Г. Леонов, его заместители М. Т. Лихачев и В. И. Комаров, начальник секретариата И. А. Чернов и его заместитель Я. М. Броверман [56].

Центральное место в судебном следствии заняло «ленинградское дело», являвшееся, по словам государственного обвинителя Р. А. Руденко, одним из тягчайших преступлений, крупной политической провокацией В. С. Абакумова и его сообщников, которые попрали социалистическую законность. В своем последнем слове В. С. Абакумов, как и некоторые другие подсудимые, оправдывал

А. С. Енукидзе.



А. Г Шляпников.

П. А. Залуцкий.

М. Н. Рютин с женой и детьми.

С. В. Косиор.

Г. Я. Сокольников.
Конец 20-х годов.

О. А. Пятницкий (справа) и Н. И. Ежов осматривают выставку Коминтерна в Доме союзов. Москва. Начало 30-х годов.

На авиационном параде в Тушине. Слева направо: А. А. Кузнецов, Н. М. Шверник, А. Н. Косыгин, А. А. Андреев, Н. А. Вознесенский. Москва, 1946 г.

И. Э. Якир.

А. И. Корк.

И. П. Уборевич выступает
на митинге, посвященном
освобождению Приморья.
Владивосток, 1922 г.

В. К. Блюхер.

А. И. Егоров.

М. Н. Тухачевский передает знамя кавалерийской дивизии Ленинградского военного округа в день ее 10-летия. Начало 30-х годов.

В. М. Примаков.

Я. Б. Гамарник.

свои преступления ссылками на «высшие инстанции», направлявшие работу органов госбезопасности. Но так вели себя не все. Подсудимый И. А. Чернов сказал: «Абакумов и все мы, сидящие здесь на скамье подсудимых, совершили перед государством тяжкие преступления. Я чувствую на себе дыхание ненависти честных советских людей, сидящих в зале суда, их отношение к нам есть отношение всего советского народа»[57].

За тяжкие преступления, совершенные перед партией и советским народом, Военная Коллегия Верховного суда СССР приговорила: В. С. Абакумова, А. Г. Леонова, В. И. Комарова и М. Т. Лихачева к расстрелу; Я. М. Броверман был приговорен к 25 годам и И. А. Чернов — к 15 годам лишения свободы.

Однако в 1954 г. были наказаны лишь некоторые непосредственные исполнители сфабрикованного ленинградского и других подобных «дел». Объясняется это тем, что суд проходил до XX съезда партии, когда факты о преступлениях И. В. Сталина и его ближайшего окружения еще не были обнародованы. К тому же Г. М. Маленков, один из главных вдохновителей этого «дела», в то время занимал пост Председателя Совета Министров СССР.

В феврале 1956 г. на XX съезде партии Н. С. Хрущев назвал в качестве организаторов и главных фабрикаторов «ленинградского дела» Л. П. Берия и его подручных, имевших цель «ослабить Ленинградскую партийную организацию, опорочить ее кадры»[58].

Вопрос о преступной роли Г. М. Маленкова в организации так называемого «ленинградского дела» был поставлен после июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. Однако Г. М. Маленков, заметая следы преступлений, почти полностью уничтожил документы, относящиеся к «ленинградскому делу». Бывший заведующий секретариатом Г. М. Маленкова — А. М. Петроковский сообщил в КПК при ЦК КПСС, что в 1957 г. он произвел опись документов, изъятых из сейфа арестованного помощника Г. М. Маленкова — Д. Н. Суханова. В сейфе в числе других документов была обнаружена папка с надписью «ленинградское дело», в которой находились записки В. М. Андрианова, личные записи Г. М. Маленкова, относящиеся ко времени его поездки в Ленинград, более двух десятков разрозненных листов проектов постановлений Политбюро ЦК, касающихся исключения из ЦК ВКП(б) Н. А. Вознесенского, конспекты выступлений Г. М. Маленкова в Ленинграде и записи, сделанные им на бюро и пленуме Ленинградского обкома и горкома партии. Во время заседаний июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС Г. М. Маленков несколько раз просматривал документы, хранившиеся в сейфе Д. Н. Суханова, многие брал с собой, а после того, как был выведен из состава ЦК КПСС, не вернул материалы из папки «ленинградское дело», заявив, что уничтожил их как личные документы. Г. М. Маленков на заседании КПК при ЦК КПСС подтвердил, что уничтожил эти документы.

Бесспорна преступная роль И. В. Сталина в создании так называемого «ленинградского дела». Во время процесса В. С. Абакумов и его сообщники заявили, что в «ленинградском деле» они явля-

лись лишь исполнителями воли И. В. Сталина и что даже обвинительное заключение по этому «делу» было составлено под его диктовку.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС

«ЕВРЕЙСКИЙ АНТИФАШИСТСКИЙ КОМИТЕТ»

В мае — июле 1952 г. Военной Коллегией Верховного суда СССР было рассмотрено дело группы лиц, связанных с работой Еврейского антифашистского комитета. По данному делу было привлечено 15 человек:

1. **Лозовский** Соломон Абрамович, 1878 г. рождения, член КПСС с 1901 г., ранее работавший заместителем начальника и начальником Совинформбюро, перед арестом — заведующий кафедрой международных отношений Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б);

2. **Фефер** Исаак Соломонович, 1900 г. рождения, член КПСС с 1919 г., поэт, секретарь Еврейского антифашистского комитета;

3. **Юзефович** Иосиф Сигизмундович, 1890 г. рождения, член КПСС с 1917 г., младший научный сотрудник Института истории Академии наук СССР;

4. **Шимелиович** Борис Абрамович, 1892 г. рождения, член КПСС с 1920 г., главный врач Центральной клинической больницы им. Боткина;

5. **Квитко** Лейба Моисеевич, 1890 г. рождения, член КПСС с 1941 г., поэт;

6. **Маркиш** Перец Давидович, 1895 г. рождения, член КПСС с 1942 г., поэт, секретарь ревизионной комиссии Союза писателей СССР;

7. **Бергельсон** Давид Рафаилович, 1884 г. рождения, поэт;

8. **Гофштейн** Давид Наумович, 1889 г. рождения, член КПСС с 1940 г., поэт;

9. **Зускин** Вениамин Львович, 1889 г. рождения, художественный руководитель Московского государственного еврейского театра;

10. **Тальми** Леон Яковлевич, 1893 г. рождения, журналист — переводчик Совинформбюро;

11. **Ватенберг** Илья Семенович, 1887 г. рождения, старший контрольный редактор Государственного издательства художественной литературы на иностранных языках;

12. **Теумин** Эмилия Исааковна, 1905 г. рождения, член КПСС с 1927 г., редактор международного отдела Совинформбюро;

13. **Ватенберг-Островская** Чайка Семеновна, 1901 г. рождения, переводчик Еврейского антифашистского комитета;

14. **Штерн** Лина Соломоновна, 1878 г. рождения, член КПСС с 1938 г., академик АН СССР и АМН СССР, директор Института

физиологии Академии медицинских наук СССР и заведующая кафедрой физиологии 2-го Московского медицинского института;

15. **Брегман** Соломон Леонтьевич, 1895 г. рождения, член КПСС с 1912 г., заместитель министра Госконтроля РСФСР.

Еврейский антифашистский комитет был создан в годы Великой Отечественной войны в целях мобилизации советского и мирового общественного мнения против злодеяний фашизма. Начало деятельности ЕАК относится к февралю — апрелю 1942 г.

Председателем ЕАК был народный артист СССР С. М. Михоэлс, ответственным секретарем — Ш. Эпштейн, а затем И. С. Фефер. Комитет имел свой печатный орган — газету «Эйникайт», которая распространялась как в СССР, так и за рубежом.

12 октября 1946 г. Министерство госбезопасности СССР направило в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР записку «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета». Отделом внешней политики ЦК ВКП(б) тогда же была организована проверка деятельности ЕАК. В записке об итогах проверки, адресованной в ЦК ВКП(б), говорилось о том, что члены ЕАК, забывая о классовом подходе, осуществляют международные контакты с буржуазными деятелями и организациями на националистической основе, а рассказывая в буржуазных изданиях о жизни советских евреев, преувеличивают их вклад в достижения СССР, что следует расценить как проявление национализма. Подчеркивалось, что комитет явочным порядком развертывает свою деятельность внутри страны, присваивает себе функции главного уполномоченного по делам еврейского населения и посредника между этим населением и партийно-советскими органами. В результате делался вывод о том, что деятельность комитета вышла за пределы его компетенции, приобрела несвойственные ему функции и поэтому является политически вредной и нетерпимой. В связи с этим было внесено предложение о ликвидации ЕАК. Записка аналогичного содержания была направлена М. А. Сусловым 26 ноября 1946 г. И. В. Сталину.

Непосредственным предлогом к возбуждению уголовного дела на руководителей ЕАК послужили, как это установлено впоследствии, сфальсифицированные и полученные в результате незаконных методов следствия показания старшего научного сотрудника Института экономики АН СССР И. И. Гольдштейна, арестованного 19 декабря 1947 г., и старшего научного сотрудника Института мировой литературы АН СССР З. Г. Гринберга, арестованного 28 декабря 1947 г. В своих показаниях они утверждали о якобы проводимой С. А. Лозовским, И. С. Фефером и другими членами ЕАК антисоветской националистической деятельности. Протоколы допросов И. И. Гольдштейна и З. Г. Гринберга, изобличающие указанных лиц, 10 января и 1 марта 1948 г. были направлены министром госбезопасности В. С. Абакумовым в ЦК ВКП(б).

26 марта 1948 г. МГБ СССР направило в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР еще одну записку «О Еврейском антифашистском комитете», в которой указывалось, что руководители ЕАК

являются активными националистами и проводят антисоветскую националистическую работу, особенно проявившуюся после поездки С. М. Михоэлса и И. С. Фефера в 1943 г. в США, где они вошли в контакт с лицами, якобы связанными с американской разведкой.

20 ноября 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, в котором говорилось:

«Утвердить следующее решение Бюро Совета Министров СССР:

Бюро Совета Министров СССР поручает Министерству государственной безопасности СССР немедля распустить «Еврейский антифашистский комитет», так как, как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки.

В соответствии с этим органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать. Пока никого не арестовывать».

Установлено, что прямую ответственность за незаконные репрессии лиц, привлеченных по «делу Еврейского антифашистского комитета», несет Г. М. Маленков, который имел непосредственное отношение к следствию и судебному разбирательству. 13 января 1949 г. он вызвал к себе С. А. Лозовского и в процессе длительной беседы, на которой присутствовал председатель КПК при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятов, домогался от С. А. Лозовского признания в проведении им преступной деятельности. В этих целях Г. М. Маленковым было использовано направленное И. В. Сталину 5 лет назад — 15 февраля 1944 г.— за подписью С. М. Михоэлса, Ш. Эпштейна, И. С. Фефера (членов ЕАК) и отредактированное С. А. Лозовским письмо с предложением о создании на территории Крыма Еврейской социалистической республики.

После беседы Г. М. Маленков и М. Ф. Шкирятов составили на имя И. В. Сталина записку с предложением вывести С. А. Лозовского из членов ЦК ВКП(б) со следующей формулировкой: «за политически неблагонадежные связи и недостойное члена ЦК поведение».

Решением ЦК ВКП(б) от 18 января 1949 г. (опросом) С. А. Лозовский был выведен из состава ЦК ВКП(б) и исключен из партии, а 26 января 1949 г. арестован. В январе были арестованы также члены ЕАК Б. А. Шимелиович, И. С. Юзефович, Л. М. Квитко, П. Д. Маркиш, Д. Р. Бергельсон, И. С. Ватенберг, Ч. С. Ватенберг-Островская, Э. И. Теумин. Ранее, в 1948 г., уже были арестованы привлеченные по этому делу И. С. Фефер, В. Л. Зускин и Д. Н. Гофштейн.

Используя факт роспуска ЕАК, а также содержащиеся в указанных выше записках политические обвинения и фальсифицированные материалы допросов, В. С. Абакумов и его окружение обвинили членов комитета в государственных, контрреволюционных преступлениях.

Установлено, что следствие велось с грубыми нарушениями закона и применением недозволенных методов для получения «при-

знательных показаний». Несмотря на это, на первых допросах С. А. Лозовский, И. С. Фефер и другие отрицали свою враждебную деятельность. Затем всех, кроме Б. А. Шимелиовича, вынудили «признать» себя виновными и дать показания о проводимой членами ЕАК шпионской и антисоветской деятельности.

Назначенный министром госбезопасности СССР С. Д. Игнатьев после ознакомления с материалами следствия в письме от 24 августа 1951 г. на имя Г. М. Маленкова и Л. П. Берия сообщал, что «почти совершенно отсутствуют документы, подтверждающие показания арестованных о проводившейся ими шпионской и националистической деятельности под прикрытием ЕАК», а также информировал о намечающемся расширении мероприятий по делу.

3 апреля 1952 г. С. Д. Игнатьев направил И. В. Сталину обвинительное заключение, копии которого были посланы Г. М. Маленкову и Л. П. Берия. В сопроводительном письме высказывалось предложение о мере наказания — расстрел для всех обвиняемых, за исключением Л. С. Штерн.

Дело было направлено 7 апреля 1952 г. в Военную Коллегию Верховного суда СССР, где рассматривалось с 8 мая по 18 июля 1952 г. под председательством председателя Военной Коллегии А. А. Чепцова, без участия представителей государственного обвинения и защиты. Военная Коллегия приговорила С. А. Лозовского, И. С. Фефера и других — всего 13 человек — к расстрелу, а Л. С. Штерн — к лишению свободы на 3 с половиной года и к последующей ссылке на 5 лет.

Имеются объяснения А. А. Чепцова об обстоятельствах, сопутствовавших вынесению этого приговора. Суть их сводится к тому, что обвинение невиновных людей и подписание им несправедливого приговора было предопределено заранее вышестоящим руководством.

Как утверждает А. А. Чепцов в объяснении, направленном 15 августа 1957 г. члену Президиума ЦК КПСС Г. К. Жукову и — в копии — другим членам Президиума ЦК: Н. С. Хрущеву, Н. А. Булганину, М. А. Суслову, Л. И. Брежневу, К. Е. Ворошилову, Н. М. Швернику и А. И. Микояну,— еще до начала процесса С. Д. Игнатьев и его заместитель М. Д. Рюмин сообщили ему, что по их докладу на Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о расстреле всех обвиняемых, кроме Л. С. Штерн.

В этом и последующих объяснениях в КПК при ЦК КПСС А. А. Чепцов указывает, что у состава суда возникли сомнения в полноте и объективности расследования дела, в связи с чем оно подлежало направлению на доследование, но сделано этого не было.

Согласно объяснениям А. А. Чепцова, о необходимости проведения дополнительного расследования он докладывал Генеральному прокурору СССР Г. Н. Сафонову, председателю Верховного суда СССР А. А. Волину, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Швернику, секретарю ЦК ВКП(б) П. К. Пономаренко, председателю КПК при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятову,

однако поддержки у них не получил. Все они рекомендовали ему обратиться по этому вопросу к Г. М. Маленкову.

Как указывает далее А. А. Чепцов, он в присутствии С. Д. Игнатьева и М. Д. Рюмина был принят Г. М. Маленковым и высказал соображения о необходимости направления дела на дополнительное расследование. Однако Г. М. Маленков ответил: «Этим делом Политбюро ЦК занималось 3 раза, выполняйте решение ПБ».

Объяснения А. А. Чепцова находят свое подтверждение. Так, 24 июля 1953 г. М. Д. Рюмин, принимавший участие в расследовании дела С. А. Лозовского и других, будучи допрошен в качестве обвиняемого, признал: «Когда суд пытался возвратить это дело на доследование, я настаивал на том, чтобы был вынесен приговор по имеющимся в деле материалам».

Бывший помощник М. Д. Рюмина — И. И. Гришаев на допросе по делу М. Д. Рюмина показал: «Со слов Рюмина мне известно, что во время разбирательства дела ЕАК т. Чепцов обращался в инстанцию, где говорил о недостатках и нарушениях, допущенных по делу, однако, как мне говорил Рюмин, т. Чепцов критиковал это дело не за то, что оно вообще сомнительно, а за то, что арестованные не разоблачены и корни преступлений не вскрыты».

В 1948—1952 гг., в связи с так называемым «делом Еврейского антифашистского комитета», были арестованы и привлечены к уголовной ответственности по обвинению в шпионаже и антисоветской националистической деятельности многие другие лица еврейской национальности, в том числе партийные и советские работники, ученые, писатели, поэты, журналисты, артисты, служащие государственных учреждений и промышленных предприятий — всего 110 человек. Из числа репрессированных было приговорено к высшей мере наказания — 10 человек, к 25 годам исправительно-трудовых лагерей — 20, к 20 годам — 3, к 15 годам — 11, к 10 годам — 50, к 8 годам — 2, к 7 годам — 1, к 5 годам — 2, к 10 годам ссылки — 1, умерло в ходе следствия — 5, прекращены дела после ареста в отношении 5 человек. Все они сейчас реабилитированы.

В 1955 г. была организована дополнительная проверка уголовного дела С. А. Лозовского, И. С. Фефера и других. В ходе ее изучались документальные материалы, хранящиеся в партийных и государственных архивах, были опрошены многие лица, причастные к событиям тех лет, изучены уголовные дела на бывших следственных работников, производивших расследование данного уголовного дела и осужденных в 1952—1954 гг. за фальсификацию следственных материалов.

В результате дополнительной проверки установлено, что дело по обвинению С. А. Лозовского, И. С. Фефера и других является сфабрикованным, а признания обвиняемых на следствии получены незаконным путем.

Определением Военной Коллегии Верховного суда СССР 22 ноября 1955 г. приговор в отношении С. А. Лозовского, И. С. Фефера и других, осужденных 18 июля 1952 г. по так называемому «делу

Еврейского антифашистского комитета», по вновь открывшимся обстоятельствам был отменен и дело в уголовном порядке прекращено за отсутствием состава преступления.

Решениями КПК при ЦК КПСС в 1955 г. были восстановлены в партии С. А. Лозовский, И. С. Фефер, И. С. Юзефович, Л. М. Квитко, П. Д. Маркиш, Э. И. Теумин, С. Л. Брегман, Л. С. Штерн, а в 1988 г.— Б. А. Шимелиович и Д. Н. Гофштейн.

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

V. РЕАБИЛИТАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

О ХОДЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЦК КПСС ОТ 11 ИЮЛЯ 1988 ГОДА И 5 ЯНВАРЯ 1989 ГОДА ПО ВОПРОСАМ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ, НЕОБОСНОВАННО РЕПРЕССИРОВАННЫХ В 30—40-х И НАЧАЛЕ 50-х ГОДОВ

Постановление Секретариата ЦК КПСС
7 июля 1990 г.

1. Принять к сведению записку Комитета партийного контроля при ЦК КПСС по данному вопросу (прилагается).

2. Направить настоящую записку ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам КПСС, председателю Верховного суда СССР т. Смоленцеву Е. А., Генеральному прокурору СССР т. Сухареву А. Я., министру юстиции СССР т. Яковлеву В. Ф., председателю КГБ СССР т. Крючкову В. А., а также опубликовать ее в журнале «Известия ЦК КПСС».

О ХОДЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЦК КПСС ОТ 11 ИЮЛЯ 1988 ГОДА И 5 ЯНВАРЯ 1989 ГОДА ПО ВОПРОСАМ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ, НЕОБОСНОВАННО РЕПРЕССИРОВАННЫХ В 30—40-х И НАЧАЛЕ 50-х ГОДОВ

ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы КПСС доложили о работе, проделанной в 1989 г. по выполнению постановлений ЦК КПСС от 11 июля 1988 г. и 5 января 1989 г. по вопросам реабилитации незаконно репрессированных в 30—40-х и начале 50-х годов. В представленной информации отмечается, что эта работа повсеместно активизировалась.

На первое января 1990 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. реабилитировано 807 288 человек, репрессированных по решениям «троек», коллегий и особых совещаний, а также 31 342 человека, привлеченных к ответственности решениями судебных и прокурорских органов. Отказано в реабилитации 21 333 лицам, являвшимся изменниками Родины и карателями в период Великой Отечественной войны, а также нацистским преступникам, участникам националистических бандформирований и их пособникам, бывшим работникам административных органов, уличенным в фальсификации уголовных дел.

Данные о судебной реабилитации по союзным республикам выглядят следующим образом: в РСФСР реабилитировано 534573

человека, Украинской ССР — 154754, Белорусской ССР — 53513, Узбекской ССР — 11878, Казахской ССР — 29183, Грузинской ССР — 11486, Азербайджанской ССР — 5607, Литовской ССР — 3910, Молдавской ССР — 7520, Латвийской ССР — 4452, Киргизской ССР — 4870, Таджикской ССР — 3512, Армянской ССР — 4029, Туркменской ССР — 6063 и Эстонской ССР — 3280 граждан. В целом работа по реабилитации привлеченных к ответственности несудебными органами на основании вышеприведенного Указа Президиума Верховного Совета СССР завершается. Практически она уже закончена в большинстве регионов Российской Федерации, в Украинской ССР, Белорусской ССР, Киргизской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР, Молдавской ССР и Туркменской ССР. При Верховных Советах союзных и автономных республик, краевых, областных и городских Советах народных депутатов действуют комиссии из числа депутатов и представителей общественности по оказанию содействия в обеспечении прав и интересов реабилитированных, сооружении памятников жертвам репрессий, содержании в надлежащем порядке мест их захоронений.

ЦК компартий союзных республик, крайкомами и обкомами партии, политорганами Вооруженных Сил СССР, а также непосредственно в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС за год рассмотрено 11101 персональное дело коммунистов, реабилитированных в судебном отношении, в том числе 10701 из них восстановлен в рядах КПСС. Для сравнения: в 1988 г. было рассмотрено 738 подобных дел.

С личными заявлениями о восстановлении в КПСС обратились 992 человека. Они участвовали в разборе их партийных дел, присутствовали на заседаниях комитетов и комиссий. Восстановленным в рядах партии выданы партийные билеты.

Абсолютное большинство граждан (90 проц.) реабилитированы в судебном и партийном отношении посмертно. Принятые решения по вопросам реабилитации доводятся до сведения родственников, соответствующих трудовых коллективов и парторганизаций, о них сообщается в местной печати.

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС совместно с Прокуратурой СССР, Верховным судом и КГБ СССР в 1989 г. изучил ход выполнения постановлений ЦК КПСС от 11 июля 1988 г. и 5 января 1989 г. по вопросам судебной и партийной реабилитации партийными, советскими и правоохранительными органами Свердловской, Московской, Вологодской, Восточно-Казахстанской областей, Кабардино-Балкарской АССР, ряда областей Украинской ССР. Наряду с положительными моментами в организации этой важной работы отмечались и факты формализма, невнимательного отношения к рассмотрению отдельных персональных дел, писем и обращений граждан. Принятые меры позволили несколько улучшить работу по партийной реабилитации в Вологодской области, некоторых областях Украины. Оперативно, последовательно ведется эта работа в Казахской ССР, Белорусской ССР,

в Красноярском крае, в Ленинградской, Оренбургской и Псковской областях.

На заседаниях Комитета рассмотрены вопросы о партийности лиц, проходивших по делам так называемых «московской контрреволюционной организации — группы «рабочей оппозиции», «ленинградской контрреволюционной организации — группы «рабочей оппозиции», «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других», «антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и других («бухаринская школа»)». Информация по этим и другим процессам опубликована в журнале «Известия ЦК КПСС».

КПК при ЦК КПСС рассматривал также заявление родственников репрессированных коммунистов с просьбой об их партийной реабилитации, отказные постановления ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии по этим вопросам. Продолжалась работа, связанная с реабилитацией политэмигрантов, состоявших членами ВКП(б), прибывших в Советский Союз из Болгарии, Венгрии и других стран.

Всего в 1989 г. в Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, поступило 6327 писем трудящихся, в 1988 г. их было получено 6587. В соответствии с поручением Комиссии вся почта проходит через рабочую группу бюро писем и контрольные группы КПК при ЦК КПСС.

Поводом для обращения граждан по-прежнему остаются медлительность в рассмотрении материалов реабилитации в судебном и партийном отношении, вопросы материальной компенсации за годы пребывания в местах заключения, улучшения социально-бытовых условий и предоставления дополнительных льгот, возмещения утраченных домовладений и имущества, возвращения на прежнее место жительства.

Так, ветеран войны и труда, пенсионер М. Берлянд (г. Москва) пишет: «При реабилитации я получил 44 руб. (был сержантом в армии, получал 220 руб. (старыми). И это за восемь лет лагерей и четыре года ссылки...» И. И. Кожемяко (г. Киев) называет негуманным постановление Совета Министров СССР от 8 сентября 1955 г. о выплате реабилитированному только двухмесячной зарплаты и предлагает внести в него поправки. С подобными просьбами о возмещении причиненного ущерба обращаются граждане Польши И. Кречко, М. Поплавский и другие. Многие просят предоставить репрессированным те льготы, которыми пользуются участники или инвалиды Великой Отечественной войны. К. М. Янголенко (г. Витебск) сообщает: «В 1937 г. я был оклеветан и подвергнут наказанию «особым совещанием» на 10 лет, реабилитирован в 1956 г. Все десять лет работал в Ухтинско-Печорских лагерях на нефтешахте, которая приносила большую пользу фронту, добывая горючее. Однако «враги народа» не удостоились даже медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», следовательно, лишены льгот».

О необходимости проявить милосердие к несправедливо репрессированным людям, предоставлении им льгот пишут инвалиды войны А. В. Бабин (г. Краснодар), член КПСС с 1925 г. А. А. Костин (г. Москва), отбывший в заключении около 20 лет, О. Ю. Эглит (Латвийская ССР), В. А. Стукань (г. Запорожье), А. М. Котляров (г. Ленинград), А. С. Патрышева (Приморский край).

Надо сказать, что в г. Москве 19 декабря 1989 г. принято решение исполкома Моссовета, которым реабилитированным гражданам, пострадавшим от незаконных репрессий, предоставлены права на прикрепление к продовольственным магазинам, поликлиникам для внеочередного диспансерного обслуживания и лечения, на бесплатный проезд в городском пассажирском транспорте.

Во многих письмах (29 проц. от общего количества) содержатся просьбы о предоставлении более подробных сведений о судьбе репрессированных, дате и причине их смерти, месте захоронения, а также о возможности ознакомления с материалами архивных уголовных дел. В своих обращениях граждане также вносят предложения, чтобы Верховный Совет СССР дал политическую оценку и осудил раскулачивание крестьян в 30-е годы.

В Комиссию Политбюро ЦК КПСС поступает большое количество писем, авторы которых предлагают принять общеполитический документ (заявление, декларацию) об осуждении практики репрессий и произвола. Группа граждан из Хабаровского края (более 90 человек), участников первой встречи узников сталинских лагерей, сообщает, что поддерживает проходящую в стране перестройку, требует в связи с этим «дать точную политическую оценку действиям Сталина и его клики», настаивает «на моральной и материальной компенсации за отнятые годы жизни».

Авторы более чем шестисот писем просят ускорить увековечение памяти жертв репрессий, привлечь к ответственности виновных лиц, лишить их родственников персональных пенсий и ранее установленных им льгот.

Анализ показывает, что в ряде мест рассмотрение поступающих писем и заявлений должным образом не организовано. Далеко не на все вопросы авторы писем получают ответы. В 1989 г. каждое пятое заявление было повторным. В них содержались жалобы на нечуткое, формальное отношение к людям и их запросам, отмечались факты волокиты. В ряде случаев затягивалось рассмотрение отдельных заявлений в Прокуратуре СССР, местных управлениях Комитета госбезопасности СССР, советских и правоохранительных органах.

Как видно из полученной информации, в Эстонской, Таджикской, Киргизской, Чечено-Ингушской и других парторганизациях работа по реабилитации ведется на низком организационном уровне, надлежащим образом не координируется. Нет должного взаимодействия и согласованности в изучении и оценке архивных дел. Порой отсутствует четкое представление об объемах предстоящей работы, возможных сроках ее завершения.

Следует отметить, что Верховные суды СССР и РСФСР неоперативно пересматривают дела, связанные с привлечением граждан к уголовной ответственности по политическим обвинениям. Поэтому Ленинградский, Калининский, Кировский и другие обкомы партии для ускорения реабилитации предлагают в нормативном порядке предоставить такое право президиумам краевых и областных судов.

Полагали бы целесообразным настоящую записку направить Центральным Комитетам компартий союзных республик, крайкомам и обкомам КПСС, а также коммунистам — руководителям соответствующих центральных министерств и ведомств.

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС

О ВОССТАНОВЛЕНИИ ПРАВ ВСЕХ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ 20—50-х ГОДОВ

Указ Президента Союза Советских Социалистических Республик

Тяжелым наследием прошлого явились массовые репрессии, произвол и беззаконие, которые совершались сталинским руководством от имени революции, партии, народа. Начатое с середины 20-х годов надругательство над честью и самой жизнью соотечественников продолжалось с жесточайшей последовательностью несколько десятилетий. Тысячи людей были подвергнуты моральным и физическим истязаниям, многие из них истреблены. Жизнь их семей и близких была превращена в беспросветную полосу унижений и страданий.

Сталин и его окружение присвоили практически неограниченную власть, лишив советский народ свобод, которые в демократическом обществе считаются естественными и неотъемлемыми.

Массовые репрессии осуществлялись большей частью путем внесудебных расправ через так называемые особые совещания, коллегии, «тройки» и «двойки». Однако и в судах попирались элементарные нормы судопроизводства.

Восстановление справедливости, начатое XX съездом КПСС, велось непоследовательно и по существу прекратилось во второй половине 60-х годов.

Специальной комиссией по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, реабилитированы тысячи безвинно осужденных; отменены незаконные акты против народов, подвергшихся переселению из родных мест; признаны незаконными решения внесудебных органов ОГПУ — НКВД — МГБ в 30—50-е годы по политическим делам; приняты и другие акты по восстановлению в правах жертв произвола.

Но и сегодня еще не подняты тысячи судебных дел. Пятно не-

справедливости до сих пор не снято с советских людей, невинно пострадавших во время насильственной коллективизации, подвергнутых заключению, выселенных с семьями в отдаленные районы без средств к существованию, без права голоса, даже без объявления срока лишения свободы. Должны быть реабилитированы представители духовенства и граждане, преследовавшиеся по религиозным мотивам.

Скорейшее преодоление последствий беззаконий, политических преступлений на почве злоупотреблений властью необходимо всем нам, всему обществу, вставшему на путь морального возрождения, демократии и законности.

Выражая принципиальное осуждение массовых репрессий, считая их несовместимыми с нормами цивилизации и на основании статей 127^{7} и 114 Конституции СССР, **постановляю**:

1. Признать незаконными, противоречащими основным гражданским и социально-экономическим правам человека репрессии, проводившиеся в отношении крестьян в период коллективизации, а также в отношении всех других граждан по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам в 20—50-х годах, и полностью восстановить права этих граждан.

Совету Министров СССР, правительствам союзных республик, в соответствии с данным Указом, внести в законодательные органы до 1 октября 1990 года предложения о порядке восстановления прав граждан, пострадавших от репрессий.

2. Настоящий Указ не распространяется на лиц, обоснованно осужденных за совершение преступлений против Родины и советских людей во время Великой Отечественной войны, в предвоенные и послевоенные годы.

Совету Министров СССР внести в Верховный Совет СССР проект законодательного акта, определяющего перечень этих преступлений и порядок признания по суду лиц, осужденных за их совершение, не подлежащими реабилитации по основаниям, предусмотренным настоящим Указом.

3. Учитывая политическое и социальное значение полного решения всех вопросов, связанных с восстановлением прав граждан, необоснованно репрессированных в 20—50-е годы, возложить наблюдение за этим процессом на Президентский совет СССР.

Президент Союза Советских
Социалистических Республик
М. Горбачев

Москва, Кремль. 13 августа 1990 г.

VI. ПРИЛОЖЕНИЕ

СТАЛИН И КРИЗИС ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ [1]

ПЛАТФОРМА «СОЮЗА МАРКСИСТОВ-ЛЕНИНЦЕВ» («ГРУППА РЮТИНА») *

I. «СЛУЧАЙНОСТЬ» И РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ.

Маркс в своем письме к Кугельману говорит: «История имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависит от этих случайностей, среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих в начале во главе движения» [2].

В наших условиях такая случайность, как характер человека, стоящего во главе движения, во главе партии и рабочего класса,— характер Сталина, играет поистине роковую роль. В условиях пролетарской диктатуры, сосредоточившей в своих руках все рычаги экономики, обладающей аппаратом в десятки раз более мощным и разветвленным, чем аппарат любого буржуазного государства, в условиях безраздельного господства в стране одной партии и гигантской централизации всего партийного руководства — роль генсека огромна. Его личные качества приобретают исключительное политическое значение.

Именно поэтому Ленин в своем «Завещании» [3] придавал такое исключительное значение личным качествам генсека, именно поэтому Ленин, зная личные качества Сталина, настойчиво в своем «Завещании» подчеркивал необходимость снятия Сталина с поста генсека и замены его более подходящим для этой роли лицом.

Ленин в своем «Завещании» писал:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от т. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.».

---

* Печатается с сохранением стиля, орфографии и пунктуации оригинала. *Ред.*

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью»,— говорит далее Ленин.

Сталин, комментируя «Завещание», по обыкновению с помощью софизма, сводит все дело к грубости, отвлекая внимание от других своих качеств, о которых Ленин говорил. Между тем именно эти качества и имеют решающее значение.

Ленин сомневался, что Сталин сумеет достаточно осторожно пользоваться необъятной властью генсека. Ленин требовал, чтобы генсек был более «лоялен». Значит, Сталин и тогда уже был недостаточно лоялен. А лояльный — значит верный, преданный, честно выполняющий свои «обязанности».

Сталин недостаточно верен интересам партии, недостаточно предан, недостаточно честно выполняет свои обязанности. Именно в этом суть характеристики, данной Лениным Сталину. И если эти свои «качества» Сталин при Ленине скрывал, маскировал, подавлял, то после Ленина он дал им полную волю. Если при Ленине Сталин был недостаточно лояльным, верным интересам партии, честно выполняющим свои обязанности, то теперь он стал подлинным предателем партии, отбросившим в сторону партийную порядочность и честность, все подчинив интересам своего честолюбия и властолюбия.

Далее Ленин отмечает нетерпимость Сталина к мнениям других. Это качество в соединении с первым — нелояльностью, нечестностью — привело к тому, что он, не терпя около себя людей самостоятельного, независимого партийного мнения, людей, духовно, идейно, теоретически стоящих выше его, опираясь на партаппарат и ГПУ, вышиб их с руководящих постов, оклеветал, раздул их прошлые ошибки и «изобрел» десятки новых, обманул партию, терроризировал партийные массы и на место опороченных им руководителей партии поставил людей ограниченных в теоретическом отношении, невежественных и беспринципных, но ручных, покорных холуев и льстецов, готовых «признать» любую его «теорию» за ленинскую, любую его антиленинскую статью за «историческую».

Что касается вежливости Сталина по отношению к товарищам, чего требовал от генсека Ленин, то образцом может служить его «историческое» письмо в «Пролетарскую революцию» о Слуцком и Волосевиче [4], где сила доказательства обратно пропорциональна силе окрика зазнавшегося, зарвавшегося, обнаглевшего вождя, чувствующего себя в партии и стране, как в своей вотчине, где он волен казнить и миловать всякого.

2. СТАЛИН, КАК БЕСПРИНЦИПНЫЙ ПОЛИТИКАН.

В теоретическом отношении Сталин показал себя за последние годы полнейшим ничтожеством, но как интриган и политический комбинатор он обнаружил блестящие «таланты». После смерти Ленина он наглел с каждым годом.

Сначала осторожно, а потом все смелее сбрасывая с себя маску «скромного» старого большевика, которого партия «заставила» нести тяжелое бремя генсека, он все более явно проявлял стремление пробраться в пантеон великих людей, не брезгуя никакими средствами. Уже свой пятидесятилетний юбилей он превратил в настоящее «коронование на царство». Тысячи самых подлых, гнусных, холуйски-раболепных резолюций, приветствий от «масс», состряпанных вымуштрованным партийным, профсоюзным и советским аппаратом, адресованных «дорогому вождю», «лучшему ученику Ленина», гениальному теоретику; десятки статей в «Правде», в которых многие авторы объявляли себя учениками Сталина, как, напр., Ворошилов, провозглашая Сталина крупнейшим теоретиком и т. д.,— таков основной фон юбилея. У всякого большевика, не потерявшего еще окончательно стыд и не позабывшего старых партийных традиций, вся эта комедия «коронования» вызывала чувство отвращения и стыда за партию.

Наконец, «историческая» статья Сталина в «Пролетарской революции» окончательно и со всем цинизмом обнаруживает его истинные намерения. Переделать историю так, чтобы Сталин занял в ней «подобающее» ему место великого человека — вот сокровенный смысл статьи Сталина. Теперь, через 15 лет пролетарской диктатуры, все учебники по истории партии оказались негодными, содержащими «троцкистскую контрабанду».

Отныне историю партии будут писать, вернее фабриковать заново. Ярославский на Московской областной партконференции в своей покаянной речи открыто и цинично выболтал «секрет». Он заявил: «Должен подчеркнуть, что в некоторых учебниках по истории партии, в первую очередь это относится ко мне, роль тов. Сталина в развитии большевизма, особенно в довоенные годы, освещена недостаточно». Вот где корни всех криков о «троцкистской контрабанде», о клевете на партию, о гнилом либерализме и пр. Ларчик открывается просто! Фальсифицировать историю партии под флагом ее защиты, раздуть одни факты, умолчать о других, состряпать третьи, посредственность возвести на пьедестал «исторической фигуры» — вот в чем будет заключаться суть переработки учебников по истории партии. Отныне Емельян Ярославский окончательно превращается в Емельяна Иловайского [5]. И эти люди, не краснея, заявляют, что история партии должна быть освещена объективно.

Сталин, несомненно, войдет в историю, но его «знаменитость» будет знаменитостью Герострата. Ограниченный и хитрый, властолюбивый и мстительный, вероломный и завистливый, лицемерный и наглый, хвастливый и упрямый,— Хлестаков и Аракчеев, Нерон и граф Калиостро — такова идейно-политическая и духовная физиономия Сталина.

Теперь всякому совершенно ясно, что свое «18 брюмера» Сталин задумал произвести уже в 1924—25 годах. Как Луи Бонапарт [6] клялся перед палатой в верности конституции и одновременно подготовлял провозглашение себя императором, так и

Сталин в борьбе с Троцким, а потом и с Зиновьевым и Каменевым заявлял, что он борется за коллективное руководство партии, что «руководить партией вне коллегии нельзя», что «руководить партией без Рыкова, Бухарина, Томского невозможно», что «крови Бухарина мы вам не дадим», что «политика отсечения противна нам»[7] — и одновременно подготовлял «бескровное» 18 брюмера, производя отсечение одной группы за другой и подбирая в аппарат ЦК и в секретари губкомов и обкомов лично верных ему людей.

Если во время государственного переворота Луи Бонапарта население Парижа в течение нескольких дней слышало грохот пушек, то во время государственного переворота Иосифа Сталина партия в течение нескольких лет слышит «пальбу» клеветы и обмана. Результатов Сталин, как и Луи Бонапарт, добился: переворот свершен, личная диктатура, самая неприкрытая, обманная, осуществлена.

Основная когорта соратников Ленина с руководящих постов снята, и одна часть ее сидит по тюрьмам и ссылкам, другая, капитулировавшая, деморализованная и оплеванная,— влачит жалкое существование в рядах партии, третьи, окончательно разложившиеся, превратились в верных слуг «вождя»-диктатора.

За последние 4—5 лет Сталин побил все рекорды политического лицемерия и беспринципного политиканства. Даже буржуазные политики с таким бесстыдством не меняют свои принципы, как это проделывает Сталин.

В чем сущность беспринципного политиканства? В том, что по одному вопросу сегодня придерживаются одних убеждений, а назавтра (при той же обстановке и условиях или при изменившихся, но не оправдывающих в действительности такого изменения политического поведения,— в интересах отдельного лица или клики) — прямо противоположных. Сегодня доказывается одно, а назавтра по тому же вопросу, при тех же условиях — другое. При этом беспринципный политикан и в том и в другом случае считает себя правым и последовательным. Он спекулирует на том, что массы сегодня часто забывают о том, что им говорилось и обещалось вчера, а назавтра забудут то, что им говорилось сегодня. Если же массы замечают трюк, то беспринципный политикан свой переход на другую точку зрения старается обосновать тем, что теперь якобы политическая и экономическая обстановка, соотношение классовых сил радикально изменились, и поэтому нужны другая политика, тактика, стратегия и пр.

Марксист-ленинец изменение политики, тактики и стратегии выводит из действительного изменения социально-экономической обстановки и соотношения классовых сил. Беспринципный политикан, если даже он и прикрывает свое беспринципное политиканство марксистско-ленинской фразеологией,— наоборот, изменению своего личного поведения или поведения клики, группы, партии подчиняет анализ и освещение социально-классовой обстановки. Таков Каутский[8], такова вся клика вождей и теорети-

ков 2-го Интернационала, таковы «теоретики» различных «левых» групп и группочек, таков и Сталин. «Методологическая» сущность беспринципности и там и тут одна и та же.

Для иллюстрации лицемерия и беспринципного политиканства Сталина можно было бы привести тысячи фактов, ибо его руководство за последние годы превратилось в сплошное беспринципное политиканство и надувательство масс, но мы ограничимся лишь самыми яркими и самыми крупными фактами.

1. Сталин обвинял «троцкистов» в том, что они требовали: а) усиления темпов индустриализации; б) усиления борьбы с кулаком; в) введения чрезвычайного налога на кулаков; г) повышения цен и д) изъятия 1500 миллионов рублей из кооперации.

«Троцкистов» он объявил контрреволюционерами, а «троцкизм» — социал-демократическим уклоном. Однако сразу же после XV съезда [9], решения которого целиком были направлены против «троцкистов», когда он решил после «троцкистов» расправиться с «правыми» и когда он увидел, что бить Бухарина и его группу справа тактически было невыгодно, он в области индустриализации и политики в деревне стал проводить прямо противоположную решениям съезда политику.

Обворовав до нитки Троцкого и его группу, Сталин утверждает, что его сверхиндустриализация, нажим не только на кулака, но и на середняка, чрезвычайный налог, изъятие полутора миллиардов рублей из кооперации, а в дальнейшем и повышение цен, карточки, очереди — все это нечто совсем иное, чем предложения «троцкистов». Для этого ему, однако, пришлось все перевернуть и поставить на голову: то, что раньше называл он в области индустриализации и политики в деревне ленинизмом,— объявил правым оппортунизмом, а что раньше объявлял троцкизмом — теперь назвал ленинизмом.

2. Специально о темпах в реконструктивный период [10] Сталин на XIV съезде говорил: «Основное в промышленности состоит в том, что она уже подошла к пределу довоенных цен, что дальнейшие шаги в промышленности означают развертывание ее на новой технической базе, т. е. новое оборудование, новое строительство заводов. Это дело очень трудное. Перешагнуть через порог, перейти от политики максимального использования всего того, что было у нас в промышленности, к политике построения новой промышленности на новой технической базе, базе нового строительства заводов, переход через этот порог требует больших капиталов. Но так как недостаток капиталов у нас значительный, то в дальнейшем развитие нашей промышленности будет итти, по всей вероятности, не таким быстрым темпом, каким оно шло до сих пор» [11].

Итак, Сталин здесь явно говорит о замедлении темпов в реконструктивный период. Его взгляды, высказанные в приведенной цитате, бесспорно, правильны, но пусть кто-нибудь осмелился бы их высказать в 1930—31 гг.! По директиве того же Сталина с 1928 г. всякие разговоры о замедлении темпов в реконструктивный период

объявляются буржуазными, вредительскими и т. д. Однако одно из двух — или Сталин ошибался на XIV съезде, или он ошибся в дальнейшем со своей новой теорией нарастания темпов. Но Сталин молчит теперь и о старой, и о новой «теории».

3. На октябрьском Пленуме ЦК и ЦКК в 1927 г. Сталин говорил: «А что такое умиротворение деревни? Это есть одно из основных условий для строительства социализма. Нельзя строить социализм, имея бандитские выступления и восстания среди крестьян» [12]. Но уже в июле 1928 г. Сталин выдвигает совершенно противоположную «теорию» и заявляет: «По мере нашего продвижения вперед по пути к социализму сопротивление капиталистических элементов будет возрастать и классовая борьба будет обостряться» [13]. В 1927 г., по его мнению, нельзя было строить социализм, потому что мы в стране имели бандитские восстания *, а в Грузии — даже восстания [14]. А в 1929—30—31 гг. мы имели сотни восстаний, среди которых многие более крупные, чем грузинские, и все это оказывается закономерным результатом «гигантских успехов в строительстве социализма», и чем дальше мы будем продвигаться вперед по пути к социализму, тем больше будет таких восстаний в деревне, ибо тем больше «будет обостряться классовая борьба». Тогда «умиротворение деревни» было «одним из основных условий для строительства социализма», а теперь обострение классовой борьбы в деревне, разжигание этой борьбы является одним из основных условий для этого строительства.

4. В той же речи на октябрьском Пленуме Сталин заявил: «На XIV съезде нашей партии оппозиция, во главе с Зиновьевым и Каменевым, попыталась подорвать этот маневр партии, предлагая заменить его, по сути дела, политикой раскулачивания, политикой восстановления комбедов. Это была, по сути дела, политика восстановления гражданской войны в деревне» [15]. Однако через два года он сам выдвинул лозунг раскулачивания, ликвидации кулачества как класса, организовал в деревне грандиозную гражданскую войну, перед которой бледнеет вся политика комбедов, продразверстки и восстаний в деревне в период «военного коммунизма», и при этом он остается «последовательным ленинцем».

5. Специально по вопросу о разжигании классовой борьбы в деревне Сталин говорил раньше так же прямо противоположное тому, что делает в настоящее время. В своих «Вопросах и ответах» в Свердловском университете в 1925 г., когда ему не приходилось еще так лгать, как это он делает теперь, Сталин говорил: «Следует ли из этого, что мы должны разжечь классовую борьбу на этом фронте? Нет, не следует. Наоборот! Из этого следует лишь то, что мы должны всячески умерять борьбу на этом фронте, регулируя ее в порядке соглашений и взаимных уступок и ни в коем случае не доводя ее «до резких форм, до столкновений». И даже специально о борьбе с кулачеством он подчеркнул: «Может показаться, что лозунг разжигания классовой борьбы вполне применим к условиям борьбы на этом фронте. Но это неверно, совершен-

* Так в тексте. Видимо, опечатка. Правильно: «выступления». *Ред.*

но неверно. Ибо мы здесь также не заинтересованы в разжигании классовой борьбы. Ибо мы вполне можем и должны обойтись здесь без разжигания борьбы и связанных с ней осложнений»[16].

Итак, в 1925 г. Сталин заявляет, что мы «вполне можем и должны обойтись без разжигания классовой борьбы» с кулачеством, и лозунг обострения классовой борьбы с кулачеством он называет контрреволюционным, а в 1928 г. он заявляет: «По мере нашего продвижения вперед по пути к социализму сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, и классовая борьба будет обостряться». Но если обострение классовой борьбы с кулачеством является неизбежным «законом» для пролетарской диктатуры, тогда все разговоры о том, что «мы вполне можем и должны обойтись без разжигания классовой борьбы на этом фронте», являются только добреньким мелкобуржуазным, реформистским и реакционным пожеланием. Если же действительно «мы можем и должны обойтись без разжигания борьбы» с кулачеством, тогда утверждение, что «по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму сопротивление капиталистических элементов будет возрастать и классовая борьба будет обостряться»,— не может рассматриваться иначе, как оправдание и поощрение разжигания классовой борьбы. Оно так на самом деле и есть. Его новая теория «обострения классовой борьбы» является именно оправданием политики разжигания классовой борьбы не только с кулаком, но и с середняком, и оправданием произвола над трудящимися деревни. Запутавшийся «вождь» и его «ученые» льстецы могут сказать, что высказывания Сталина касаются только восстановительного периода, а для реконструктивного периода существуют совсем другие законы. Но это было бы обычной сталинской увerткой. Во-первых, по этому вопросу он никакой оговорки насчет того, что его «теория» касается только восстановительного периода, не делает, во-вторых, весь характер и смысл высказанных им здесь мыслей сам по себе говорит против такого ограниченного понимания указанной цитаты.

6. На Московской губернской конференции 23/XI—27 г. Сталин в своей речи специально подчеркивал, что индустриализация немыслима без правильной политики в деревне. Он говорил: «Вести политику разлада с большинством крестьянства — значит открыть гражданскую войну в деревне, затруднить снабжение нашей промышленности крестьянским сырьем (хлопок, свекла, лен, кожа, шерсть и т. д.), дезорганизовать снабжение рабочего класса сельскохозяйственными продуктами, подорвать самые основы нашей промышленности, сорвать всю нашу строительную работу, весь наш план индустриализации страны»[17].

Именно это в настоящее время и случилось. Хлопок, лен, свекла хотя и были посеяны кое-как под бичом террора и репрессий, но при плохо обработанной земле и плохом уходе урожай получился тоже плохой, да и то, что уродилось, в огромной части осталось неубранным, ушло под снег.

Десятки миллионов центнеров свеклы были не выкопаны, де-

сятки миллионов уже выкопанной свеклы пропало в кучах под снегом, так как из-за отсутствия у крестьян транспорта и личной заинтересованности она не могла быть подвезена к заводам, которые в самую горячую пору должны были стоять без работы. Десятки тысяч га неубранного хлопка тоже погибло. То же случилось и со льном. Текстильная промышленность и теперь работает с половинной нагрузкой, пользуясь суррогатами. Кожи, шерсти, жиров и других сельскохозяйственных продуктов, необходимых промышленности, нет. Рабочий сидит на голодном пайке, не только мяса и жиров, но даже картошки и капусты не получает в достаточном количестве. Рабочие истощены, покупательная и платежная способность трудящихся масс города и деревни подорвана в корне. Подорваны все основы индустриализации. Предсказания Сталина здесь блестяще «оправдались». Но он вынужден об этом молчать.

7. По вопросу о повышении цен Сталин в 1927 г. говорил: «Я мог бы, далее, сослаться на ряд документов оппозиции в пользу повышения цен на промышленные товары, каковое повышение не может не вести к захирению нашей промышленности, к усилению кулака, к разорению середняка, к закабалению бедноты кулаками» [18]. В настоящее время цены повышены в 4—5 раз по сравнению с тем уровнем, на котором они стояли четыре года тому назад, а реальная заработная плата колоссально упала. Но, по Сталину, это теперь ведет к бурному росту промышленности и к неуклонному улучшению материального положения рабочего класса и трудящихся масс деревни.

8. Сталин, как известно, издевался в свое время над Каменевым, когда тот попытался неудачи хлебозаготовок свалить на кулака: «Кулак регульнул» — вызывало со стороны Сталина «решительный отпор» [19]. Теперь же кулак под магическим жезлом фокусника превратился во всемогущую и вездесущую силу: кулак всюду и везде строит козни социалистическому строительству. И здесь Сталин не пошел дальше политического плагиата, используемого с усердием, достойным лучшего применения.

9. Не лучше обстоит дело и с его походом против теории «деградации сельского хозяйства» [20]. Сталин громил эту теорию как «правооппортунистическую» и доказывал, что индивидуальное крестьянское хозяйство в своей основной массе развивается и способно к развитию. Однако прошел лишь год после начала «исторического» похода Сталина, поход еще продолжался, как Сталин на конференции аграрников-марксистов выступил с новой теоретической формулой. «Наше мелкое крестьянское хозяйство,— заявил он,— не только не осуществляет в своей массе ежегодного расширения воспроизводства, но, наоборот, не всегда имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство» [21]. В переводе на простой язык это значит, что крестьянское хозяйство в своей основной массе (т. е. середняцкое хозяйство) не только не развивается, но или топчется на одном месте, т. е. переживает застой, или же катится вниз.

В дальнейшем мы покажем теоретическую безграмотность последней «теории» Сталина с точки зрения марксизма-ленинизма, сейчас же отмечаем это как пример «последовательности» и «принципиальности» этого «стального» большевика, меняющего свои взгляды и принципы как перчатки.

3. СТАЛИН КАК СОФИСТ.

Для доказательства и «примирения» всех этих непримиримых противоречий к услугам Сталина имеется софистика. Беспринципный политикан, по своей природе софист, политический фокусник и актер. Он надевает на себя разнообразные маски в зависимости от поставленной цели. А так как между диалектикой и софистикой есть известное внешнее сходство, ибо и тот и другой тип мышления основаны на признании принципа противоречия, то Сталину тем легче софистику выдать за диалектику.

Софистика — кажущаяся диалектика. Диалектика при известных условиях незаметно переходит в софистику, и этим Сталин искусно пользуется. Софист по своему произволу выбирает любое положение и доказывает его «истинность». Он знает, что всегда найдет группу людей, которая позволит себя обмануть.

В чем заключается сущность софистики, ее отличие от диалектики? Сущность софистики состоит в том, что выдвигаются то те, то другие односторонние и абстрактные определения в их изолированности, вне связи с окружающим, выдергиваются отдельные случаи, факты, примеры, и на этом строятся «заключения» и «доказательства». А так как «при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения» [22] (Ленин), то Сталин, таким образом, всегда доказывает все, что захочется, тем более что доказывать противоположное негде — вся печать находится в личном распоряжении Сталина, и при господствующем над партией, рабочим классом и трудящимся крестьянством террором доказывать противоположное никто не осмелится, ибо это неизбежно связано с разными карами. «Сила доказательства» здесь просто заменяется «доказательством силы» — (argumentum baculini *). Палочное доказательство — это основной вид «доказательств» и «аргументации» Сталина по отношению к членам партии и парторганизациям. Мы уже не говорим о рабочих и основной массе деревни!

Но Сталин, как софист, пользуется не только палочными доказательствами, но также всеми основными приемами и методами софистики.

Во-первых, Сталин заранее принимает за доказанное то, что нужно доказать, на таком «декретированном» заранее положении строит все свои остальные выводы. Таковы его декретированные

---

* Так в тексте. Правильно: argumentum baculinum (*лат.*) — палочный аргумент. *Ред.*

положения: «Троцкизм — авангард контрреволюционной буржуазии», «Правые — агенты кулака», «Середняк в своей основной массе повернул в сторону коллективизации» и т. д.

Во-вторых, там, где ему выгодно, он строит свои выводы на принципе: после этого, следовательно, по причине этого, связано с этим. Вредители добивались снижения темпов индустриализации, правые, как декретировал Сталин, тоже против быстрых темпов, следовательно, правые — агенты классового врага.

Пользуясь этой аргументацией, можно с таким же успехом доказать, что германская компартия «смыкается» с фашистами, ибо и те и другие добиваются свержения правительства Брюнинга [23], что русские большевики в Государственной думе «смыкались» с правыми партиями, ибо те и другие голосовали нередко вместе против ряда думских законопроектов; что кадеты и некоторые другие правые партии были «агентами» большевиков, ибо и те и другие накануне войны 1914 г. видели банкротство самодержавия и предсказывали неизбежность его крушения, а в феврале 1917 г. вместе свергли его; таким образом, можно «доказать», что в настоящее время большинство сознательной части партии «смыкается» с Каутским, меньшевиками, эсерами, кадетами, является агентурой капитализма, ибо те и другие видят банкротство сталинской политики. Таким методом можно доказать все что угодно. Берется чисто внешнее, случайное сходство, к тому же порой сфабрикованное по одному какому-нибудь вопросу, выбрасываются все коренные принципиальные различия — и «доказательство» готово.

В-третьих, Сталин зачастую прибегает к подстановке одного спорного вопроса другим. Так, например, в 1931 г. предполагалось увеличение продукции на 45 процентов, снижение себестоимости на 10 с лишним процентов, а вместо этого мы имеем увеличение (даже по фальсифицированной сталинской статистике) всего на 20 процентов, не считая гигантского ухудшения качества продукции. Вместо же снижения себестоимости — увеличение. Получился «просчет» около 10 миллиардов рублей, т. е. банкротство сталинского «планирования». При таком положении элементарная обязанность сколько-нибудь честного вождя состоит в том, чтобы заявить: 1) что план в основном не выполнен — выполнен меньше чем наполовину; 2) что методы планирования оказались негодными и их нужно пересмотреть и перестроить.

Вместо этого Сталин сам молчит, а через свою клику и печать кричит о том, что «мы добились гигантских успехов в третьем решающем», хотя план и «недовыполнен». Вопрос, таким образом, переносится в совершенно иную плоскость, перевертывается, ставится на голову. Гуттаперчевым, с неопределенным содержанием словечком «недовыполнен» прикрывается невыполнение плана, а криками о «гигантских успехах» — банкротство авантюристических методов планирования. Именно этим методом отвлечения внимания от главного пользуются фокусники при своих фокусах. От ловкости рук зависит много, но еще большее значение имеет искусство отвести глаза зрителя, заставить его следить не за

тем, за чем нужно. Для этого фокусники и клоуны сопровождают свои шутки и фокусы непрерывной музыкой и болтовней. Все это имеет определенную цель — оторвать взор зрителя от проворных рук и манипуляций фокусника.

В-четвертых, Сталин пользуется методом подмены одних слов и понятий другими, а также словами с растяжимым понятием, которым по произволу можно давать различное толкование. Сегодня он говорит, что правые — сторонники безграничных уступок середняку, а назавтра он превращает их в агентов кулака. Сегодня «быстрым» темпом у него оказывается увеличение продукции на 20 процентов, а 18 или 15 процентов являются оппортунистическими, а назавтра только 30 процентов считаются большевистским темпом, а 20 процентов уже оппортунистическим, то вдруг оказываются 45 процентов настоящим большевистским темпом, а 30 процентов — оппортунистическим, а если программа 45 процентов выполняется только на 20 процентов, то и эти 20 процентов сходят за подлинно большевистские темпы.

Не определив точно содержание понятия «быстрые темпы», Сталин играет этими словечками, как ему вздумается.

В-пятых, Сталин применяет в полемике и доказательствах известный прием софистов, состоящий в подстановке исключения вместо правила и правила вместо исключения. Возьмем для примера те же темпы. В передовой «Правды» от 27 июня 1931 г. «Народнохозяйственный план реален, надо его выполнить» мы читаем: «Мы приближаемся к концу первого полугодия. Оно принесло нам крупнейшие успехи в классовой борьбе и во всех областях народного хозяйства. Многие решающие отрасли промышленности дали за первые пять месяцев этого года громадный прирост выпуска продукции. За январь — май 1931 года по сравнению с соответствующим периодом прошлого года электротехническая промышленность дала прирост на 42,3% (работа районных станций на 38%), метизобъединение — на 108%, станкостроение — на 37%, котлотурбина — на 35,3%, нефтеобработка — на 34,4%, швейная промышленность — на 50%».

А дальше, в середине статьи, без шума, скромно добавляется: «Однако на фоне наших достижений этого года имеется ряд темных пятен. Есть отрасли промышленности, которые отстают, в том числе металлургия и уголь. План на этих важнейших участках не выполняется». Посмотрите, как тонко сфабриковано софистическое доказательство! Отрасли промышленности, призванные демонстрировать «выполнение» плана, охватывают 10—15 процентов индустриальных рабочих, а «темные пятна» охватывают 85—90 процентов рабочих, а если взять транспорт, то и больше.

Под неопределенным словечком «ряд» Сталин, таким образом, спрятал всю основную массу индустрии, затушевал банкротство 45 процентов повышения продукции, предусмотренного планом, а негосподствующие отрасли промышленности поставил во главу угла. Или еще пример. Какая-либо область не выполняет плана хле-

бозаготовок, но в этой области в 5—6 районах из 100, 150 посредством ограбления населения этих районов (лишения их не только семенных, но и продовольственных фондов, посредством неслыханного террора — судов, арестов, высылок, расстрелов, распродаж имущества) добились выполнения плана, и Сталин «заключает»: ряд передовых районов выполнил и перевыполнил план, это доказывает, что план реален, надо ударить по оппортунистической практике отстающих и добиться выполнения плана. Исключение снова превращается в правило, правило делается исключением.

В-шестых, Сталин на каждом шагу прибегает к замалчиванию, утайке, затушевыванию неприятных и невыгодных для него фактов. А так как вся печать, весь аппарат в его руках, то это ему удается в совершенстве. С помощью печати и партийной машины — аппарата он, когда нужно, из мухи делает слона и наоборот. Пример первый. На XVI съезде партии Сталин делает доклад о гигантских успехах индустриализации и коллективизации, о правильности «генеральной линии партии» и при этом скрывает два решающих факта. Докладывая об успехах индустриализации, он скрыл от партии, что в это время вся текстильная промышленность с 600 тыс. рабочих из-за отсутствия сырья стояла целиком 4 месяца, ряд других отраслей легкой промышленности, а также сотни предприятий тяжелой работали на $^2/_3$ и даже наполовину. Почему он этот крупнейший экономический и политический факт замолчал, обманул партию и рабочий класс? Потому, что это разоблачало его политическое банкротство, показывало, что его «чудеса» на отдельных участках достигнуты за счет паралича ряда крупнейших отраслей промышленности. Точно так же, докладывая о коллективизации, он скрыл от масс, что дутые потемкинские «успехи» коллективизации были достигнуты за счет невероятного террора в отношении основных масс деревни, что в стране прошла волна невиданных крестьянских восстаний середняцко-бедняцких масс, восстаний, в которых во многих случаях участвовали члены партии и комсомольцы, восстаний, которыми порой руководили члены партии с 1918 г., а в одном случае даже районный уполномоченный ОГПУ. Лишь крупных восстаний с тысячами участников в каждом в этот период по СССР было более 500, а мелких — и того больше. Почему об этом крупнейшем политическом факте в докладе Сталин не сказал ни звука? Может быть, потому, чтобы об этом не знала международная буржуазия? Но почему же тогда разрешалось знать международной буржуазии о грузинском восстании, о котором в свое время Сталин смело говорил? На деле Сталину не столь важно обмануть международную буржуазию, сколько рабоче-крестьянские массы Советского Союза. Если бы на съезде он сказал правду о восстаниях в деревне, то что бы осталось от его колхозной волны?

Второй пример. В конце 1931 г. ЦК ВКП(б) было опубликовано «историческое» постановление о кооперации [24]. Кооперация — основная и гигантская организация, занимающаяся тор-

говлей, и решающим, коренным принципиальным вопросом в работе ее является политика цен. Но как раз о политике-то цен в этом «историческом» постановлении и не было ни звука. Чем же объясняется такая «забывчивость»? А тем, что в этот момент произведено было повышение цен на товары в несколько раз. И это в то время, когда шло падение покупательной способности червонца. Оправдать повышение цен никак здесь нельзя. Ведь всего три года тому назад в борьбе с троцкистами снижение цен выдвигалось, как альфа и омега советской торговой политики. Сталин и здесь совершил один из многочисленных политических плагиатов, но признаться в этом не может. И политика цен исчезла из «исторического» постановления о советской торговле.

В-седьмых, там, где Сталин ходом событий оказывается явно припертым к стене, где явно обнаруживается банкротство его руководства, где в то же время замолчать факты никак нельзя, там он прибегает к таким софистическим уверткам, к которым обычно прибегают только мелкие карманные жулики, когда их ловят с поличным,— он сваливает вину на других.

Ленин говорил: «Надо помнить, что политический руководитель отвечает не только за свою политику, но и за то, что делают руководимые им» [25]. Сталин поступает наоборот: он свою собственную вину, банкротство своего руководства сваливает на других. При царе его верные холопы и слуги, когда приходилось им сталкиваться с произволом местных властей, спасая авторитет, говорили: «Законы святы, да чиновники — лихие супостаты». Сталин в подобных случаях поступает таким же образом. Он также сваливает вину за все безобразия, являющиеся системой и неизбежным продуктом его политики, на местных работников, прикрывает это для затушевывания насилия и издевательств над деревней туманными словечками: «перегибы» и «администрирование» — и выходит сухим из воды. Вождь хорош, принципы его политики, его директивы идеальны, а местные исполнители, районные и сельские работники никуда не годятся — они обязательно или «переадминистрируют», или попадут под влияние самотека, или учинят «левый загиб», или впадут в правый уклон, или окажутся «агентами кулака». Лишь немногие счастливцы из местных районных и сельских работников за последние два года спаслись от обвинений в уклонах. Подавляющее большинство руководящих партийных и советских работников района и села сняты с работы за всякого рода загибы и оппортунизм, тысячи из них преданы суду и посажены в тюрьму.

Для иллюстрации сталинского приема сваливания своих преступлений на других достаточно привести один классический пример из многих. Это его «знаменитая» статья о перегибах в коллективизации весной 1930 г.— «Головокружение от успехов» [26]. Общеизвестно, что коллективизация примерно уже с конца 1928 г. начала проводиться методами прямого и косвенного принуждения, а в дальнейшем — 1929—1930 гг.— и прямого насилия и террора.

Раскулачивание, хлебозаготовки, налоги, массовые аресты, расстрелы и пр.— все это было использовано для терроризирования середняцких и бедняцких масс деревни, чтобы загнать их в колхозы. Официальные постановления ЦК «о добровольном вступлении в колхозы» стали только обычным фарисейским, лицемерным прикрытием для прямо противоположной практики коллективизации. Информация о том, какими методами осуществляется коллективизация, какими методами выколачивается у мужиков хлеб и налоги,— у Сталина была превосходная.

Сталин хотя и ограничен, но достаточно умен, чтобы знать в основном действительное положение вещей в стране, в частности в деревне. Но он и тогда уже запутался настолько, что изменить политику ему уже было невозможно. Поворот политики снова на ленинские рельсы означал бы не только банкротство его новой «теории» обострения классовой борьбы по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму, его «чуда» с темпами индустриализации и коллективизации, но и позорного изгнания его с поста генсека. Поэтому он вынужден был играть «ва-банк» и самым бесстыдным образом фальсифицировать в газетах, в том числе и в «Правде» — его личном непосредственном рупоре,— фактическое положение вещей. Однако когда весной 1930 г. во всей стране, как результат его политики, прошла волна невиданных в истории крестьянских середняцко-бедняцких восстаний, когда Сталин почувствовал, что почва под ногами его и его клики горит, что их господство может кончиться, когда он оказался припертым к стене, то, вместо того чтобы по-ленински честно и открыто признать провал прежней политики и изменить курс, он пошел на трюк. Этим трюком и явилась его статья «Головокружение от успехов». В этой статье Сталин заявил, что до февраля 1930 г. коллективизация шла добровольно, а с февраля месяца у местных работников «закружилась от успехов голова» и они стали вопреки директивам ЦК насильно принуждать крестьян вступать в колхозы. Это «левый загиб», с которым должно быть решительно покончено, и линия партии решительно выправлена. Тут Сталин вспомнил и привел ряд ценных указаний Ленина о коллективизации, о полной добровольности для крестьян вступать в коллективы. В результате этой статьи тысячи районных работников были исключены из партии только за то, что они проводили политику Сталина и его клики о процентном выполнении коллективизации, тысячи были брошены в тюрьмы за то, что по прямым директивам секретарей обкомов, под угрозой исключения из партии, должны были к определенному сроку «наколлективизировать» определенный процент. Местные работники были брошены в жертву обозленным массам деревни, для того чтобы отвлечь внимание от действительного виновника, а Сталин выступил перед мужиками в роли спасителя от «местных головотяпов», в роли Наполеона.

Статья его является образцом не только в перекладывании вины на других, но и образцом фальши и лицемерия Сталина, так как вслед за ней был издан по советской линии дек-

рет, по которому системой налоговых обложений единоличник с прежней силой загоняется в колхозы.

В-восьмых, там, где явное политическое надувательство нужно выдать за правду, он прибегает иногда к способу «ошарашивания», оглушения масс набором особенно громких и страшных слов, начинает бешеную кампанию во всех газетах и журналах, изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц долбя одно и то же. Бесконечное количество статей в газетах и журналах, тысячи брошюр и книг на одну и ту же тему — все направляется на то, чтобы ложь выдать за правду. Где нельзя добиться результатов с помощью логики, он заменяет ее риторикой, воздействием на чувства масс, на их настроение, запугивая грозными словами одних, льстя приятными словами другим, приводя в недоумение третьих. Софистика в известной степени вообще сводится к «силе слова». Здесь софист разными способами достигает своей цели. Он или чрезмерно удлинит свое рассуждение там, где нужно утомить внимание слушателей или читателей, или запутает все «концы» так, что неопытный, неискушенный в политике и логике человек ничего не поймет, или, когда ему угрожает верное поражение, отговорится недостатком времени для освещения вопроса, или, наконец, с пафосом совсем не к месту начнет взывать к долгу, совести, мужеству, стойкости слушателей, напоминая им прошлые геройские подвиги их и их предков, клеймя презрением и запугивая возражающих и одобряя соглашающихся. Под магическим жезлом слов софиста безобразное превращается в прекрасное, зло в добро, преступление в героизм, вред в пользу. Ошибочное рассуждение, будучи выражено просто, не обманет и ребенка. Если же его развить в нескольких томах или сотнях статей, если его распространять в течение нескольких лет в десятках миллионов книг и брошюр, то оно может запутать миллионные массы, политически слабо развитые. Сталин и его клика «по мере надобности» пользуются также и этим методом для оправдания своего руководства.

Само собою разумеется, что отмеченными методами Сталин пользуется не отдельно каждым, а всеми или несколькими сразу, ибо все они тесно переплетаются друг с другом и переходят один в другой. От этого они не перестают быть софистическими. Все эти приемы «доказательств» в борьбе с политическими противниками, инакомыслящими по партии и составляют «арсенал» сталинской «диалектики».

Чем отличается сталинская «диалектика» от диалектики Маркса — Энгельса и Ленина? Тем, что она в корне враждебна марксизму-ленинизму.

Ленин следующим образом характеризует сущность подлинной материалистической диалектики, диалектического метода. Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и опосредствования. Мы никогда этого не достигнем полностью, но требование всесторонности предостережет нас

от ошибок и омертвения. Ленин требует всестороннего учета явлений в их конкретном развитии, не допускает выдергивания кусочка одного, кусочка другого («Еще раз о профсоюзах...») [27]. А этот метод не имеет ничего общего со сталинскими софистическими «фокус-покусами», с его фабрикацией и подтасовкой фактов, с его выдергиванием отдельных заводов, отдельных колхозов для «доказательства» правильности и реальности всего плана.

В другом месте, в ранней незаконченной работе Ленина «Статистика и социология», мы находим по этому же вопросу следующее место, попадающее прямо не в бровь, а в глаз Сталину с его методом фальсификации и подтасовки фактов, искажением действительности для оправдания своих замыслов. «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных *фактиков*, игра в примеры. Подобрать примеры вообще не *стоит никакого труда,* но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в *целом*, в их *связи,* не только упрямая, но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или коечем еще похуже. Надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникает подозрение — и вполне законное подозрение — в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится субъективная стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает чаще, чем кажется» («Письма к родным» — предисловие М. И. Ульяновой, стр. 15—16. *Прим. авт.*) [28].

Deta fabula naratur! — О тебе идет речь! * Это латинское изречение следовало бы поставить эпиграфом над всей сталинской политикой и его статьями последних лет. Оно как будто бы специально написано о сталинской игре в примерчики, выдергивания отдельных выгодных фактиков, о стряпне на сталинской кухне всякого рода уклонов, загибов, заскоков, перерождений и пр. для оправдания его грязных дел.

Достаточно уяснить одно это гениальное ленинское ** изречение, чтобы понять характер и методы сталинских доказательств «теорий», реляций и сводок. Эти обзоры и сводки «побед» с фронта

---

* Так в тексте. Правильно: de ta fabula narratur! (*лат.*) — Басня сказывается о тебе! *Ред.*

** Так в тексте. Видимо, опечатка. Правильно: «латинское». *Ред.*

индустриализации и коллективизации, о подъеме масс и пр. как две капли воды похожи по «методологии» на куропаткинские сводки о победах над японцами [29]. Во время русско-японской войны в казенных царских газетах сегодня сообщалось о том, что сотник такой-то со своим эскадроном в лихой атаке «проучил японский караул»; завтра — что капитан такой-то со своим батальоном в лихой штыковой атаке переколол роту японских солдат; на следующий день — что «япошке скоро капут», так как армия вся горит желанием постоять за «батюшку царя», и т. д. А в этот момент 400-тысячная армия, разгромленная и окончательно деморализованная, голодная, озлобленная, потерявшая веру в полководцев и в победу, в панике отступала с одной позиции на другую и положение становилось с каждым днем все более угрожающим.

Такими же победными реляциями Сталин кормит массы партии и рабочих. Сегодня сообщается, что такой-то сельсовет «в порядке соцсоревнования и ударничества, беспощадно борясь с кулачеством и его агентурой — правыми оппортунистами», успешно выполнил встречный план хлебозаготовок; завтра — секретарь ячейки Петров и директор Иванов «рапортуют» о пуске нового завода или цеха; на следующий день — что рабочие завода Петровского или Ворошилова с энтузиазмом выполнили план подписки на заем и в порядке встречного — продолжают подписку. А в этот момент страна, обнищавшая, ограбленная, разоренная, нагая и голодная, с подорванной в корне производительной, покупательной и платежной способностью, потерявшая веру в дело социализма, терроризированная, озлобленная, представляющая сплошной пороховой погреб, все дальше и дальше загоняется в тупик... Таково сталинское руководство!

Беспринципный политикан и софист, повар грязной стряпни, специалист по организации «дел Бейлиса» [30], применительно к условиям Советского Союза — таков морально-политический облик Сталина!

Ленин в своем завещании разоблачил нелояльность, нечестность, недобросовестность Сталина; он высказал опасение, что Сталин не сумеет пользоваться осторожно властью генсека. И ход событий с лихвой подтвердил его гениальную прозорливость. Ленин уже тогда нащупал политическое лицемерие Сталина, его фарисейство. Теперь это фарисейство ясно и для ребенка.

4. СТАЛИН КАК ВОЖДЬ И ТЕОРЕТИК.

Партийный аппарат и кучка окружающих Сталина карьеристов и льстецов упорно, изо дня в день, из месяца в месяц, на всех перекрестках трубят о том, что Сталин великий теоретик и вождь, гениальный ученик Ленина. Его имя в настоящее время эти «ученые» карьеристы ставят рядом с именами Маркса, Энгельса и Ленина. Всякого, кто этого не делает, берут под сомнение и «обстрел».

Сталин, уцепившись за Маркса, Энгельса и Ленина, за их спи-

ной мошенническим способом намерен пробраться в ряды учителей рабочего класса. Если история не признает его великим человеком, то он не намерен признавать историю и с помощью своих «ученых» карьеристов хочет переделать ее заново.

Если он никогда не способен подняться на вершины теоретического и духовного величия Маркса, Энгельса и Ленина, то он намерен, наоборот, их опустить до уровня своего собственного ничтожества; если господствующие классы с помощью печати и обработки сознания масс превращали иногда гениальных людей в авантюристов, то почему же господствующая клика авантюриста не может его превратить в гениального человека!

Ставить имя Сталина рядом с именами Маркса, Энгельса, Ленина — это значит издеваться над Марксом, Энгельсом, Лениным, это значит издеваться над пролетариатом, это значит потерять всякий стыд, перейти все пределы низости; ставить имя Ленина рядом с именем Сталина — это все равно что Эльбрус ставить рядом с кучей навоза; ставить произведения Маркса, Энгельса и Ленина рядом с «произведениями» Сталина — это все равно что ставить рядом с музыкой великих композиторов Бетховена, Моцарта, Вагнера и др. музыку уличного шарманщика.

Ленин был вождем, но не бы диктатором; Сталин, наоборот, является диктатором, но не является вождем. Пролетарской революции нужны хорошие вожди, пролетарская ленинская партия не может быть без вождей, но пролетарской революции не нужны диктаторы. Партия и пролетариат должны бороться даже против самых «лучших» диктаторов, ибо вырождение вождей в диктаторов означает вырождение и перерождение самой пролетарской диктатуры.

Какая разница между вождем и диктатором?

Подлинный вождь выдвигается прежде всего движением масс, он опирается в первую очередь на массы и на их доверие, он глубочайше связан с массами, постоянно вращается среди них, он идет во главе их, говорит им правду, не обманывает их, и массы убеждаются на собственном опыте в правильности его руководства и его поддерживают. Таков был именно Ленин — это гениальный вождь пролетариата, таковы были основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс, таковы были и подлинные вожди буржуазной революции во Франции — Робеспьер, Марат и т. д. Диктатор, наоборот, большей частью приходит к власти или через подавление революции, или после спада волны революции, или через внутренние комбинации правящей клики, или через дворцовый переворот, опираясь на государственный или партийный аппарат, армию, полицию. Диктатор опирается в основном не на массы, а на свою верную клику, на армию, на государственный или партийный аппарат; он не связан с массами, он не вращается среди них, он может с ними заигрывать и льстить им, но он обманывает массы, он правит не потому, что массы ему доверяют, а чаще всего вопреки этому. Политика диктатора — это политика внутренних закулисных комбинаций, политика подбора лично ему верных лю-

дей, политика оправдания, защиты и возвеличивания его господства. Наполеон, Муссолини, Пилсудский, Хорти, Примо де Ривера, Чан Кай-ши и пр.— все они в основном укладываются в эту характеристику. В эту характеристику укладывается и диктатура Сталина, хотя его диктатура и отличается коренным образом от буржуазных диктаторов тем, что она выросла на базе пролетарской диктатуры, являясь искажением пролетарской диктатуры и содействуя ее дальнейшему искажению и вырождению.

Сталин никогда не был настоящим, подлинным вождем, но ему тем легче было в ходе событий превратиться в настоящего диктатора. Свою сегодняшнюю роль он занял не благодаря поддержке масс. Он пришел к своему теперешнему безраздельному господству путем хитрых комбинаций, опираясь на кучку верных ему людей и аппарат, и с помощью одурачивания масс. Он оторван от масс, он не связан с ними, он держится не на доверии масс, а на терроризировании их. Словом, черты современного Сталина — это черты диктатора, а не вождя.

«Работа» по канонизированию Сталина приняла грандиозные размеры. Люди всех рангов взапуски стараются перещеголять друг друга в области «соцсоревнования» на поприще услужения «вождю». Теоретические статьи в журналах превратились просто в ходатайства о повышении по службе и мотивированные подписки о политической благонадежности по отношению к Сталину. Партийная машина «заказ» выполняет аккуратно. Но затея канонизирования все же обречена на явный провал. Мы уже не говорим о его «ошибках» или, выражаясь точнее, о сплошной цепи извращений марксизма-ленинизма за последние 4—5 лет. Но если взять его позицию периода 1914—1927 гг., то и тут имеются такие черные «заплаты» на его «чистых» ризах, которые он не сможет выскоблить и затереть никакой фальсификацией истории партии.

Во-первых, Сталин в период мировой империалистической войны был не большевиком-пораженцем, а платоническим интернационалистом, т. е. стоял не на точке зрения Циммервальдской левой, как Ленин, а на точке зрения большинства Циммервальдской конференции, т. е. на точке зрения Мартова, Троцкого и др.[31]

Что это именно так — об этом свидетельствует не кто иной, как сам Сталин в своей статье «О войне», помещенной в его сборнике «На путях к Октябрю». В этой статье мы читаем: «Поведение Геда, Самба и др. получило должную и авторитетную оценку в определенных резолюциях социалистических конгрессов в Циммервальде и Кинтале (1915—1916 гг.) против войны. Последующие события подтвердили всю правильность и плодотворность положений Циммервальда — Кинталя» (стр. 4)[32].

Может ли еще быть после этой цитаты сомнение, что в мировую войну Сталин не был большевиком-пораженцем, а был центристом: **«События подтвердили всю правильность и плодотворность положений Циммервальда — Кинталя».** Сталин, таким образом, еще в 1917 г. был целиком согласен с решениями Циммер-

вальдской и Кинтальской конференций. На деле события подтвердили не «всю правильность и плодотворность положений Циммервальда — Кинталя», а всю правильность и плодотворность Циммервальдской левой. А это, как известно, не одно и то же.

Ленин о Циммервальдской конференции в своей статье «Первый шаг» пишет: «Конференция отклонила, 19 голосами против 12, сдачу в комиссию проекта резолюции, предложенного нами и другими революционерами марксистами, а наш проект манифеста сдали в комиссию вместе с двумя другими для выработки общего манифеста. ...Принятый манифест фактически означает шаг к идейному и практическому разрыву с оппортунизмом и социал-шовинизмом. Но в то же время этот манифест, как покажет его разбор, страдает непоследовательностью и недоговоренностью»[33]. Большевики, следовательно, остались на конференции в меньшинстве и считали, что манифест и резолюции, принятые конференцией, страдают непоследовательностью и недоговоренностью, а Сталин их считает целиком правильными (события подтвердили всю правильность положений Циммервальда — Кинталя). Таков этот «твердокаменный», «последовательный», «стальной» большевик во время войны. Сталин различными софистическими увертками и криками о клевете будет пытаться этот факт затушевать, но никого из честных партийцев, марксистов-ленинцев, рабочих он не одурачит: факт слишком ярко говорит о себе.

Во-вторых, позиция Сталина в 1917 г. до приезда Ленина была, как известно, полуменьшевистской. В той же статье «О войне» Сталин приветствует обращение Петроградского СР и СД «К народам всего мира» и выход из войны видит в давлении на Вр. правительство с требованием изъявления своего согласия немедленно открыть мирные переговоры. В этих взглядах Сталина нет ни грана большевизма, ни грана ленинизма. В своем предисловии к сборнику «На путях к Октябрю» Сталин пытается смазать истинный смысл своих позиций, спрятать его за спину партии. Он пишет, что первые три статьи отражают известные колебания большинства нашей партии по вопросу о мире и власти Советов, имевшие место, как известно, в марте — апреле 1917 г. Теперь он не признает никаких «объективных условий». Там, где можно и необходимо учитывать строжайше объективные условия и с ними считаться, он их отвергает. Там же, где недопустимо прятаться за объективные условия, он их привлекает для спасения положения. Это, видите ли, «был период крутой ломки старых позиций». Но это только объяснение его полуменьшевистской позиции, но не ее оправдание. От поведения вождей в огромной степени зависит поведение масс. И человек, претендующий на звание вождя, не имеет права прятаться за настроения масс и за крутую ломку старых позиций. Вождь должен себя показать именно в момент «крутой ломки старых позиций».

Сталин же в этот момент показал себя не большевиком, а полуменьшевиком. Платонический интернационалист, небольшевик в период мировой империалистической войны, полуменьшевик

в марте — апреле 1917 г.— таков этот «герой нашего времени».

В-третьих, посмотрим, каковы были взгляды Сталина по вопросу о Брестском мире в 1918 г. До сих пор было распространено мнение, что взгляды Сталина целиком совпадали со взглядами Ленина. В действительности это далеко не так. Эти взгляды зафиксированы не в литературных выступлениях Сталина, а в протоколах Центр. К-та РСДРП(б) (август 1917 г.— февраль 1918 г.). В этих протоколах мы читаем следующее: «Тов. Сталин считает, что, принимая лозунг революционной войны, мы играем на руку империализму. Позиция т. Троцкого не есть позиция. Революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться.

Тов. Ленин доказывает, что он не согласен в некоторых частях со своими единомышленниками Сталиным и Зиновьевым. С одной стороны, конечно, на Западе есть массовое движение, но революция там еще не началась. Однако если бы мы в силу этого изменили свою тактику, то мы явились бы изменниками международному социализму»[34].

Приведенные выдержки из документов свидетельствуют, что Сталин высказывался за Брестский мир совсем иначе, чем Ленин. Ленин подходил к вопросу о Брестском мире как большевик-интернационалист, Сталин же — как национал-большевик. Для Ленина Брестский мир был средством задержаться до появления общей социалистической революции, ибо «на Западе есть массовое движение, но революция там еще не началась». С точки же зрения Сталина, «революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться». Ленин страстно верил в революционное движение на Западе и видел его, Сталин не верил в него («с потенцией мы не можем считаться») и не видел его («есть только потенция»). Сталин, по существу, предлагал надолго махнуть рукой на мировую революцию — улита едет, когда-то будет. Ленин же русскую революцию рассматривал как начало мировой революции, которая неизбежна в ближайшие годы. Именно поэтому Ленин назвал в косвенной форме позицию Сталина изменнической «по отношению к международному социализму».

Таков Сталин как «интернационалист» в период заключения Брестского мира.

Наконец, в-четвертых, посмотрим на позицию Сталина в Китайской революции в 26—27 году. Эта позиция была также не большевистской, а полуменьшевистской, подлинно оппортунистической, понимая, конечно, это выражение в марксистско-ленинском, а не сталинском смысле. Оппортунизм этой позиции заключался не в том, что Сталин высказывался за допустимость временных блоков с революционной буржуазией (это было правильно), а в том, что в этом блоке он компартию превращал в придаток, в хвост Гоминьдана, что усыплял бдительность масс и китайской компартии по отношению к буржуазии, что он действовал вопреки требованию Ленина: следи за союзником, как за врагом.

Сталин по обыкновению вину за оппортунистическое руководство китайской революцией свалил на руководство китайской компартии. Но каждый знает, что китайская компартия, даже в мелочах, тогда слепо следовала директивам Коминтерна, где первую скрипку играл уже Сталин.

Обанкротившись со своей оппортунистической линией руководства китайской революцией и свалив вину за это на ЦК китайской компартии, Сталин через 1—2 месяца круто поворачивает от оппортунизма к авантюризму и приводит китайскую революцию к разгрому. Все эти факты неоспоримы. Их можно «оправдать» только с помощью софистических уловок.

Эти факты снова показывают «блестящие» качества Сталина как «вождя», они показывают, что мы имеем перед собой не «твердокаменного большевика», а большевика, допускавшего в решающие моменты жизни партии грубейшие оппортунистические ошибки и колебания, а теперь превратившегося в беспринципного политикана и авантюриста.

Если так дело обстоит со Сталиным как с вождем, то нисколько не лучше он выглядит и как теоретик. Говорить о Сталине как о теоретике до 1917 г. просто смешно. Все его теоретические работы до 1917 г. сводятся к трем маленьким статейкам по национальному вопросу, помещенным в свое время в «Просвещении» [35], а затем, в первые годы революции, изданным отдельной брошюрой. Эти статьи представляют из себя очень посредственную композицию взглядов Ленина по национальному вопросу, и только. Дальше идет его сборник статей «На путях к Октябрю». Как нами уже отмечалось, первые статьи его сборника, написанные до приезда Ленина, являются полуменьшевистскими. Что же касается остальных, то в них автор показывает себя крайне посредственным «теоретиком» со слабой марксистской эрудицией. Та же печать ограниченности, неподвижности, схематизма, узости кругозора и слабой эрудиции автора лежит и на всех остальных его работах, в том числе и на самой лучшей и ценной — «К вопросам ленинизма».

В своих работах он обнаруживает не богатый теоретический багаж, а лишь уменье и ловкость скрывать его убожество. Что это именно так, что мы имеем перед собой не теоретика, а «ворону в павлиньих перьях»,— мы это покажем на важнейших теоретических вопросах.

5. ЛЕНИНИЗМ И БОРЬБА С ОППОРТУНИЗМОМ.

Остановимся прежде всего на коренном вопросе учения Маркса — Ленина — на борьбе с оппортунизмом. Защита чистоты теоретических принципов марксизма-ленинизма — основная обязанность большевика, коммуниста. Непримиримая борьба с оппортунизмом, выражающим буржуазное влияние на партию пролетариата,— решающее условие торжества пролетарской революции и победоносного социалистического строительства. Все это бесспорно аб-

солютно. Но кто усвоил только это требование в учении Ленина, тот еще не стал большевиком. Нельзя забывать, что всякую истину, всякое великое учение можно извратить, опошлить, превратить в карикатуру. Ленин в своем гениальнейшем произведении «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» по этому вопросу пишет: «Самое верное средство дискредитировать новую политическую (и не только политическую) идею и повредить ей состоит в том, чтобы, во имя защиты ее, довести ее до абсурда. Ибо всякую истину, если ее сделать «чрезмерной»... если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд» [36]. Именно это в настоящее время и случилось с ленинским учением о борьбе с оппортунизмом. Сталин ленинское учение о борьбе с оппортунизмом опошлил до последних пределов, довел его до абсурда, превратил в карикатуру и объект насмешек и издевательств и для самих членов партии, и для рабочих и трудящихся вообще, и для врагов пролетарской диктатуры. Сталин борьбу с оппортунизмом просто превратил в орудие терроризирования партии в целях защиты своих безграмотных антиленинских теорий и политики, превратил в бич для подхлестывания членов партии при проведении всякого рода кампаний.

Что такое оппортунизм?

Энгельс дает следующее классическое определение оппортунизма: «Это забвение великих, коренных соображений из-за минутных интересов, это погоня за минутными успехами в борьбе из-за них без учета дальнейших последствий, это принесение будущего движения в жертву настоящему,— может быть происходить из-за честных мотивов. Но [это] есть оппортунизм и останется оппортунизмом, а «честный» оппортунизм, пожалуй, опаснее всех других» [37].

Точно такое же определение оппортунизма дает и Ленин. Он говорит: «Оппортунизм состоит в том, чтобы жертвовать коренными интересами, выгадывая временные частичные выгоды. Вот в чем гвоздь, если брать теоретическое определение оппортунизма» [38].

Если расшифровать эти формулировки Энгельса и Ленина, если их конкретизировать, то можно сказать, что оппортунизм для партий, только еще борющихся за власть, состоит в отказе от борьбы за вооруженное низвержение буржуазии, в капитуляции перед трудностями и опасностями этой борьбы, в подмене борьбы за мировую пролетарскую революцию борьбой за реформы, в затушевывании непримиримости классовых противоречий между буржуазией и пролетариатом, в стремлении примирить эти противоречия вместо того, чтобы обострить их, в подрыве международной солидарности пролетариата, в отречении от нее, в сеянии иллюзий в рядах рабочего класса, что в рамках капитализма пролетариат может добиться улучшения своего положения, в преклонении перед стихийностью рабочего движения, в забвении своей обязанности всемерно защищать Советский Союз, в стремлении примирить мировоззрение революционного пролетариата — марксизм-

ленинизм, растворить его, искалечить и изуродовать применительно к той или иной разновидности буржуазного мировоззрения. Что же касается партий и пролетариата, уже завоевавших государственную власть, то здесь содержание понятия оппортунизма значительно расширяется и в то же время видоизменяется.

Для коммунистической партии, где пролетариат уже завоевал политическую власть, все старое содержание понятия оппортунизма также сохраняется, поскольку это касается правильного применения принципов ленинизма в борьбе за низвержение господства капитала в тех странах, где властвует буржуазия. Когда же мы переходим к самой стране пролетарской диктатуры, то здесь содержание понятия оппортунизма несколько видоизменяется. Здесь мы также не можем терпеть никакого затушевывания классовых противоречий ни между пролетариатом и капиталистическими элементами города и деревни, ни между пролетариатом и средним крестьянством. Трезвая, ясная, честная, прямая, последовательная марксистско-ленинская оценка, трезвый марксистско-ленинский анализ и здесь, как и везде, абсолютно необходимы.

Но в условиях пролетарской диктатуры мы уже не заинтересованы в разжигании классовой борьбы, в ее обострении не только между пролетариатом и средним крестьянством, но и между пролетариатом и капиталистическими элементами.

Политика разжигания классовой борьбы, как и показал опыт последних трех лет, гигантски дезорганизует и подрывает в корне социалистическое строительство. Пролетарское же государство имеет все возможности, не поступаясь ни пядью своих позиций, не разжигать классовой борьбы.

Если даже буржуазии, хотя и временно, и в узких пределах, без уступки своих позиций, с помощью аппарата буржуазного государства, печати, церкви, удается умерять классовую борьбу, смягчать ее, придавать ей «законные», так сказать, нормальные формы, регулировать ее, то пролетарское государство располагает в десятки раз более могущественными средствами для регулирования классовой борьбы. Когда-то и Сталин, как мы видели выше, понимал эти элементарные марксистские истины. Теперь же, окончательно запутавшись и изолгавшись, он открыл даже «закон» неизбежного обострения классовой борьбы «по мере нашего продвижения по пути к социализму».

Вторая особенность. Капитуляция перед трудностями социалистического строительства, игнорирование задач социалистического строительства, пренебрежение ими, преклонение перед стихийностью, самотеком, отказ от необходимо быстрых темпов индустриализации страны. Этой черты у оппортунизма до завоевания политической власти, естественно, нет. Сталин здесь особенно много напустил тумана, одну долю правды смешал с 9 долями лжи, и нужны величайшие усилия, чтобы отделить крупицы истины от огромного количества вздора. Капитуляция перед трудностями социалистического строительства в одной экономически отсталой

стране — бесспорный оппортунизм. Однако констатированием этого факта вопрос еще не решается, а только лишь ставится.

Кто действительно капитулирует перед трудностями, тот оппортунист, кто кричит о капитуляции, тот не большевик, а только демагог, фразер, болтун, преследующий совсем не преодоление трудностей, а свои личные, честолюбивые цели, ибо суть вопроса в способах преодоления трудностей. Если политическая линия руководства такова, что, призывая на борьбу с трудностями, она обеспечивает преодоление этих трудностей и победу социалистического строительства, то такая линия является действительно ленинской. Если же политическая линия руководства не только не обеспечивает преодоления этих трудностей, но, наоборот, увеличивает их, громоздит одну на другую, загоняет партию и страну в тупик и губит социалистическое строительство, дискредитирует его в самом корне, то она является антиленинской, хотя ее и нельзя назвать оппортунистической. Политика Аракчеева, не капитулировавшего перед трудностями и знавшего только один лозунг: «Гони!», не содержит, конечно, в себе оппортунизма, но в ней нет и ни грана ленинизма. Преклонение перед стихийностью, самотеком является оппортунизмом, однако игнорирование конкретной обстановки, перепрыгивание через всю сумму материальных, культурных, бытовых и политических условий, в которых приходится работать, экономическая и политическая хлестаковщина — в не меньшей мере является авантюризмом.

Сталин в настоящее время под эту хлестаковщину и авантюризм подвел настоящую «теоретическую базу». В своей речи «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» он пишет: «Наконец, два слова о нашем производственном плане на 1931 г. Существуют некоторые околопартийные обыватели, которые уверяют, что наша производственная программа нереальна, невыполнима. Это нечто вроде «премудрых пискарей» Щедрина, которые всегда готовы распространить вокруг себя «пустоту недомыслия». Реальна ли наша производственная программа? Безусловно, да!.. Она реальна хотя бы потому, что ее выполнение зависит теперь исключительно от нас самих, от нашего умения и нашего желания использовать имеющиеся у нас богатейшие возможности. Чем же иначе объяснить тот факт, что целый ряд предприятий и отраслей промышленности уже **перевыполнил** план?.. Было бы глупо думать, что производственный план сводится к перечню цифр и заданий. На самом деле производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творящих новую жизнь. Реальность нашей производственной программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план. Есть ли у нас она, эта самая решимость? Да, есть. Стало быть, наша производственная программа может и должна быть осуществлена» [39].

Такова сталинская «философия» борьбы за выполнение плана,

за высокие темпы. По своей теоретической марксистско-ленинской безграмотности, по своему полному разрыву с материалистической диалектикой, по своей пустоте, по абсолютному отсутствию даже малейшей попытки подойти к действительному анализу тех условий, от которых зависит выполнение плана, по своему обнаженному, неприкрытому желанию пустой болтовней и выдергиванием отдельных «фактиков» затушевывать банкротство авантюристических темпов и методов планирования эта речь представляет настоящий перл.

Всякий, кто не забыл еще азы марксизма-ленинизма, кто не разучился еще под влиянием повседневного извращения учения Маркса — Энгельса — Ленина по-ленински мыслить, тот сразу же скажет, что ленинизмом от речи Сталина и не пахнет. По своему объективному содержанию — это философия экономического и политического авантюризма, это чистейший субъективный идеализм, это своеобразная эсеровщина в новом издании.

Посмотрим, что за аргументы защиты реальности плана приводит Сталин. Во-первых, реальность плана, по Сталину, доказывается тем, что ряд предприятий и отраслей промышленности уже перевыполнили план. Во-вторых, тем, что выполнение плана зависит исключительно от нас самих. Реальность плана — это наша решимость выполнить этот план? Вот и все, что мог привести Сталин в защиту реальности плана. Но эти положения в действительности не только ничего не доказывают, а лишний раз обнаруживают, к каким убогим софистическим приемам вынужден прибегать Сталин для оправдания своей политики.

Доказывает ли реальность плана всей промышленности выполнение плана отдельными предприятиями и даже целыми отраслями промышленности? Ни в коем случае. Это именно то выдергивание отдельных «фактов», которое так беспощадно бичевал Ленин. Из 50 тысяч предприятий всегда можно вырвать, выдернуть 500—600 предприятий, которые выполняют план, но это еще абсолютно ничего не говорит о реальности плана в целом. Одни из этих предприятий выполнили план потому, что их полностью снабжали за счет других предприятий сырьем, другие потому, что их лучше за счет других предприятий финансировали, третьи потому, что их обеспечили самыми лучшими, самыми квалифицированными специалистами, четвертые просто потому, что этот план, по сравнению с прошлым годом, не только не давал никакого роста продукции, но — даже ее уменьшение, пятые — за счет колоссального ухудшения качества продукции, шестые, наконец, просто дали дутые сведения о выполнении плана, занимались очковтирательством, подражая Сталину. И на таком «теоретическом» базисе Сталин строит свои выводы!

Примерно так же обстоит дело и с отдельными отраслями промышленности. Сталин вырывает автомобильную промышленность, электротехническую, машиностроительную и еще пару подобных и на них строит заключение. Но это молодые отрасли промышленности: они имеют еще ничтожные объемы производства и только

еще осваивают технику. Естественно, они дают высокие темпы, но эти отрасли промышленности имеют не больше 10 процентов всего состава промышленных рабочих СССР; они были поставлены в исключительно благоприятные условия по отношению ко всей основной массе промышленности (в отношении снабжения сырьем, финансами, иностранной валютой, строительными материалами и пр.); они снабжались всем этим за счет всей основной массы промышленности; эти отрасли промышленности сосредоточили на своих предприятиях огромное количество излишней рабочей силы; рабочие этих предприятий за счет всех остальных рабочих лучше питались в столовых, лучше снабжались в закрытых распределителях продуктами, одеждой и т. д., лучше обслуживались спецодеждой. Вот где секрет выполнения плана этими отраслями промышленности, если при этом отвлечься от фальсификации статистических данных. Но Сталин и здесь рассуждает по принципу: если возможно исключение, то возможно и правило. Если некоторые люди лгуны, то и все люди могут быть лгунами.

Замечательное «марксистско-ленинское» рассуждение! Сталин с конкретным анализом к этому вопросу боится и прикоснуться, ибо такой анализ вскрыл бы пружины его эквилибристики с темпами. Поэтому он и ограничивается декретированием вместо доказательства.

Что касается второго доказательства Сталина, то оно свидетельствует еще более наглядно о том, насколько Сталин запутался и изолгался. Сваливать все на «объективные условия», искать их там, где их нет,— является, конечно, оппортунизмом. Но отрицать их там, где они налицо, отказываться от строжайшего, конкретного, смелого и честного марксистского анализа и учета этих условий — значит вести партию и страну на верное поражение, значит руководить вслепую...

Сталин заявляет, что выполнение плана зависит теперь исключительно от нас самих. Это чистейший вздор, безграмотность. Выполнение плана зависит от того, насколько правильно он составлен. Дутый план, учитывающий только одну нашу решимость его выполнить, заранее обречен рано или поздно на банкротство. Правильный план должен удовлетворять по крайней мере следующим условиям: 1) правильный и строжайший учет наличных материальных ресурсов; 2) правильный учет, соблюдение меры тех изменений и сдвигов, которые должны быть произведены в соотношениях между отдельными элементами народного хозяйства на базе систематического быстрого роста производительных сил и повышения удельного веса социалистического сектора в данный период и на данном пространстве; 3) обязательный и неуклонный реальный рост материального и культурного уровня рабочего класса и трудящихся масс.

Выполнение плана зависит не только исключительно от нас самих, но оно в огромной степени зависит: а) от сырьевой базы, б) от снабжения рабочих продовольствием и одеждой, в) от наличия достаточного количества финансовых средств, г) от доста-

точного количества железнодорожного, водного и гужевого транспорта и д) от личной заинтересованности рабочих и всех трудящихся в осуществлении плана. Без этих условий всякие разговоры о выполнении плана, о воле к труду, о «нашей решимости» являются только фразой, болтовней и пусканием пыли в глаза рабочим. Но именно эти условия Сталин и затушевывает, замазывает, отвлекает от них внимание рабочих, ибо они отсутствуют. В самом деле: сырьевая база в корне подорвана, рабочие голодают (даже картофель стал дефицитным продуктом), рабочие разуты и раздеты, финансировать промышленность нечем, ибо налоги поступают слабо и платежеспособность населения подорвана до основания, гужевой транспорт почти уничтожен совершенно, личная заинтересованность рабочих и крестьян убита...

В итоге от сталинской реальности плана остается пустое место. Вместо выполнения плана — фразы о выполнении плана. Результаты 1931 хозяйственного года это и подтвердили.

Обратимся теперь к «быстрым темпам». Мы уже отметили выше, что Сталин жонглирует этими словами, как ему нравится, вкладывая в них самое различное содержание, в зависимости от того, что ему выгодно. Что такое быстрые темпы? Если не сходить с почвы марксизма и если не менять содержание понятия «быстрые темпы» в зависимости от сталинской «экономической конъюнктуры», то оно может иметь только одно-единственное содержание: более быстрый рост социалистических производительных сил, чем рост капитализма в период его расцвета. Если капиталистические страны в период расцвета давали ежегодный прирост продукции от 6 до 10 процентов, то Советский Союз, уничтожив частную собственность на землю, экспроприировав фабрики, заводы, транспорт, имея в своих руках все решающие экономические командные высоты, ведя плановое хозяйство и опираясь на поддержку, активность и творчество масс, имеет все возможности осуществлять более высокие темпы. Кто отрицает эту возможность, тот отрицает преимущества социалистического хозяйства, тот оппортунист.

А дальше в рамках этой принятой принципиальной установки начинается уже точный расчет и подсчет. Будет ли этот рост ежегодно равняться 12, 13, 15, 18, 20 процентам, это нужно доказать, во-первых, точными выкладками и подсчетом и, во-вторых, самим опытом социалистического строительства, постоянно при этом, однако, имея в виду, что быстрые темпы должны быть обеспечены не на 3—4 года, а на длительный исторический период и что они должны опираться на бескризисное развитие социалистической экономики, а также на действительный рост материального благосостояния масс. И тот, кто утверждает, что возможным темпом является 12 процентов роста продукции в год, так же мало является на основании этого оппортунистом, как и тот, кто утверждает, что можно взять темпы в 20 или 30 процентов ежегодного роста.

Кто же сегодня 15 процентов роста провозглашает оппорту-

нистическим, объявляя на завтра 25 процентов, а на следующий год — 30 процентов, а затем начинает всю эту операцию проделывать в обратном порядке, тот издевается над ленинским учением о борьбе с оппортунизмом, тот превращает борьбу с оппортунизмом в карикатуру, в посмешище и этим самым не содействует борьбе с оппортунизмом, а лишь укрепляет его.

Теперь несколько слов о борьбе с оппортунизмом на практике. Тут Сталин побил все рекорды опошления ленинизма. Оппортунизм в хлебозаготовках, оппортунизм в самозаготовках, оппортунизм в дровозаготовках, оппортунизм в заготовке семян, оппортунизм в лесосплаве, оппортунизм в заготовке шерсти, льна, оппортунизм в уходе за лошадью, оппортунизм в очистке скотных дворов, ям, оппортунизм в работе крысоловов. Всюду оппортунизм!

Все выкрашено в одну сталинскую серую краску! Все превращены в оппортунистов! Но там, где все оппортунисты, там нет оппортунистов, там делается невозможной или, по крайней мере, гигантски затрудняется борьба с действительными оппортунистами, ибо они теряются во всей остальной массе специально сфабрикованных оппортунистов.

Мало того, когда это острое ленинское оружие борьбы с оппортунизмом начинают применять без разбору ко всем, с целью клеветы и терроризирования масс, то оно, естественно, притупляется,теряет свое прежнее значение и на него начинают смотреть просто как на средство расправы с инакомыслящими и средство для запугивания масс, во что на деле борьба с оппортунизмом в основном и выродилась в данный момент. С другой стороны, именно подлинные оппортунисты, бывшие меньшевики, эсеры особенно хорошо сумели приспособиться к современной сталинской политике и теперь выступают в виде надежной опоры Сталина. «Всякий оппортунизм отличается приспособляемостью, хотя не всякая приспособляемость есть оппортунизм» [40] (Ленин).

Самая характерная черта оппортунистов заключается в том, что они всюду и везде прекрасно умеют приспособиться к господствующему режиму: в Англии они приспособились к конституционной монархии и являются министрами «его королевского величества» — короля Великобритании; в Германии они — верные слуги Гинденбурга [41]; в Италии они после первого окрика Муссолини переметнулись на сторону фашизма и в течение 12 лет добросовестно служат режиму кровавого фашистского террора, в Болгарии они — защитники цанковщины и ее наследников [42], в Японии они поддерживают полуфеодальную монархию и всю ее политику.

Наши оппортунисты тоже сумели приспособиться к режиму Сталина и перекрасились в защитный цвет. И всех подлинных, самых матерых оппортунистов в настоящее время надо искать как раз в рядах правящей клики Сталина!

Гринько [43], Н. Н. Попов [44] — бывшие меньшевики, столь хорошо известные Украине, Межлаук [45] — зам. пред. ВСНХ, бывший кадет, потом меньшевик, Серебровский [46] — зам. пред. Наркомтя-

жа *, бывший верный слуга капиталистов, Киров [47] — член Политбюро, бывший кадет и редактор кадетской газеты во Владикавказе. Все это, можно сказать, столпы сталинского режима. И все они представляют из себя законченный тип оппортунистов. Эти люди приспособляются к любому режиму, к любой политической системе. Мы уже не говорим о сотнях и тысячах таких же «стопроцентных сталинцев» рангом пониже — о членах коллегий наркоматов, председателях объединений и трестов, о работниках аппаратов ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У и других партийных организаций.

Мало того, сталинская общая и внутрипартийная политика, рвущая с ленинизмом и в то же время с помощью террора вынуждающая всех признавать ее ленинской, заставляющая всех ежедневно каяться в своих ошибках и под угрозами менять несколько раз свои взгляды в зависимости от требований начальства,— такая политика даже из подлинных большевиков-ленинцев вырабатывает оппортунистов, ибо она вырабатывает в них основные качества всякого оппортуниста — капитулировать перед правящей силой, ведущей политику, враждебную рабочему классу и ленинизму, менять свои убеждения в зависимости от требований этой силы; короче, она заставляет превращаться большевика в беспринципного политикана.

Что имеет общего невыполнение плана хлебозаготовок по тому или иному району или даже Союзу с оппортунизмом? Невыполнение плана может объясняться самыми различными причинами: недостатком хлеба и плохим урожаем, плохой погодой, препятствующей обмолоту и возке, неумением заготовителей организовать дело, сопротивлением основной массы деревни продавать хлеб за низкие цены, за которые к тому же в обмен нельзя купить никаких товаров и т. д. Но для Сталина всех этих причин не существует. Для него существует только сопротивление кулачества и оппортунизм. И Сталин вынужден за весь этот вздор цепляться, ибо он не может сказать правду и дать трезвый и марксистский анализ, он вынужден аргументы заменять пустой, громкой и страшной фразой.

Затем, откуда это следует, что выколачивание из деревни последнего фунта льна или шерсти, курицы или яйца — является ленинизмом? Ведь эта политика подрывает в корне сырьевую базу социалистического строительства. Если ты вчера деревню во имя интересов соц. промышленности обобрал дочиста, то ты сегодня во имя тех же интересов от нее ничего не получишь, что мы и наблюдаем.

Откуда дальше следует, что насилия и издевательства над трудящимися массами деревни (не над кулаком) в целях выполнения всякого рода планов, бешеный террор — это и есть ленинизм? Откуда, наконец, следует, что работник, не умеющий заготовлять хлеб, является оппортунистом, а работник, умеющий выполнить эту функцию, является ленинцем, выдержанным большевиком? Можно быть превосходным заготовителем хлеба, шерсти, дров,

* Так в тексте. *Ред.*

картофеля, капусты, специалистом по травле крыс, клопов и тараканов и в то же время абсолютно не иметь ничего общего с ленинизмом. И наоборот, можно быть превосходным пролетарским революционером, сознательным честным коммунистом, последовательным марксистом-ленинцем и никуда негодным заготовителем шерсти, картофеля, плохим конюхом или заведующим столовой. Хороший хлебозаготовитель, хороший заведующий столовой или специалист по травле крыс в коммунальных домах и хороший пролетарский революционер, коммунист — качественно совершенно различные явления. Сталин же сваливает их в одну кучу. Хороший большевик обязательно должен быть хорошим специалистом по травле крыс, и специалист по травле крыс обязательно должен быть хорошим большевиком.

Если Ромен Роллан в свое время изобрел чиновничий империализм, теократический империализм и империализм революционных рабочих синдикатов, если известный итальянский писатель Марио Мароссо написал целую книгу «об артистическом капитализме», а Эрнест Сейэр в своем четырехтомном сочинении «Философия империализма» подробно изучает «расовый империализм», «утилитарный империализм», «демократический империализм», «иррациональный империализм», если, наконец, ученики Сейэра договорились даже до муравьиного, пчелиного и древесного империализма, то Сталин изобрел целую серию оппортунизмов: «оппортунизм хлебозаготовителей», «оппортунизм шерстяной», «оппортунизм яичный», «оппортунизм в уничтожении блох и тараканов».

Вышеперечисленные буржуазные ученые и писатели качественно самые различные явления объединяли одним словом «империализм», а Сталин качественно самые различные явления объединяет одним словом «оппортунизм». Буржуазные ученые брали один чисто внешний признак и говорили: всякое проявление стремления к расширению, присущее всем живым существам, является империализмом, а по Сталину и по сталинской печати — всякое невыполнение плана или сомнение в его реальности является оппортунизмом и квалифицируется как оппортунизм.

Изречение Ленина о том, что «всякую истину можно довести до абсурда, если ее преувеличить, если ее вывести за границу действительной применимости» [48], на сталинской борьбе с оппортунизмом, таким образом, замечательно ярко подтверждается.

Почему, в самом деле, при Ленине не было этой карикатурной борьбы с оппортунизмом на практике? Или не было никакой практики? Или Ленин не видел оппортунизма? Или, может быть, Ленин не додумался до сталинского «изобретения»? Или, может быть, все планы выполнялись? Или не было сопротивления кулачества в период гражданской войны? Или была совершенно иная обстановка? Только потому, что Ленин был гениальный диалектик, а не софист. Он умел отличать оппортунизм от качественно иных явлений. Только потому, что Ленин был честным, гениальным вождем, а не беспринципным политиканом, занимающимся грязной стряпней. И

именно поэтому ленинская борьба с оппортунизмом была победоносной.

Сталин же идет в одну дверь и попадает в другую: он мечет гром и молнии против оппортунизма, вредительства и контрреволюции и он же тащит их за собой на своей спине — такова диалектика и ирония истории. Действительная борьба с действительным оппортунизмом начнется лишь после того, как Сталин и его клика будут изгнаны со своих руководящих постов, борьба длительная, упорная и тяжелая, ибо сталинская политика, во-первых, вырабатывает многочисленные кадры подлинных оппортунистов и, во-вторых,— создала необычайно благоприятную питательную базу для оппортунизма, дискредитировав все основные принципы ленинизма. Сегодня это утверждение звучит парадоксально. Но через некоторый период оно будет ясно для всякого марксиста-ленинца.

Всякое действие, доведенное до крайности, переходит в свою собственную противоположность, говорил старик Гегель. В свою собственную противоположность превратилась и сталинская борьба с оппортунизмом.

6. ЛЕНИНИЗМ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Сталин на XVI съезде партии заявил, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического хозяйства и уничтожения классовых различий еще далеко.

Молотов на 17-й партконференции, через полтора года после XVI съезда, пошел уже дальше и со всей определенностью заявил, что мы уже вступили в первую фазу коммунизма, т. е. мы в настоящее время живем уже в социалистическом обществе, хотя и в начальной его стадии [49].

В резолюции 17-й конференции по докладам Молотова и Куйбышева эта мысль конкретизируется следующим образом: «В результате осуществления большевистских темпов социалистического строительства и ликвидации в основном паразитических классов уже в первом пятилетии ликвидируются основы и источник эксплуатации человека человеком, растет недостижимыми для капиталистических стран темпами народный доход, уничтожены безработица и нищета (пауперизм), уничтожаются «ножницы цен» и противоположность между городом и деревней, растет из года в год благосостояние и культурный уровень рабочих и трудящихся крестьян, падает смертность и быстро возрастает народонаселение СССР.

Все эти достижения являются результатом колоссального роста революционной активности широчайших масс рабочего класса и трудящихся крестьян, результатом громадного подъема социалистического соревнования и ударничества, наконец, результатом ленинской политики нашей партии, последовательно проводившей

развернутое по всему фронту наступление на капиталистические элементы»[50].

Дальше резолюция конференции подчеркивает, что основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества.

С формальной стороны эта резолюция в общем и целом не противоречит учению Маркса и Ленина о первой фазе коммунизма (социалистическом обществе). Если бы в действительности с нашим социалистическим строительством дело обстояло именно таким образом, как утверждает резолюция 17-й конференции, мы действительно вступили бы в социалистическое общество.

Однако суть сталинской «генеральной линии» заключается в том, что она и в данном важнейшем вопросе формально как будто бы опирается на учение Маркса и Ленина, а по существу представляет издевательство над марксизмом и ленинизмом самым гнуснейшим и подлейшим дискредитированием учения наших учителей.

Самый злейший враг коммунизма, самый гениальный провокатор не мог бы придумать ничего более лучшего, чем Сталин, провозгласивший устами Молотова, что мы уже живем в социалистическом обществе, хотя и в начальной его стадии.

Правильность всякого теоретического положения и политического утверждения должна обязательно проверяться и подкрепляться фактами, практикой, действительностью. Перейдем и мы к такой проверке.

1. Резолюция утверждает, что мы добились гигантских «успехов в социалистическом строительстве». В действительности, несмотря на постройку десятков крупных заводов по последнему слову техники и наличие ста тысяч тракторов в деревне, мы имеем подрыв самых основ социалистического строительства. Во-первых, подорвана основная производительная сила Советского Союза — сам рабочий класс и трудящиеся массы деревни: они истощены, они работают полуголодными, они разуты и раздеты. Во-вторых, подорвана в корне их платежная и покупательная способность, вследствие чего вся индустриализация повисла теперь в воздухе. В-третьих, подорвана вся сырьевая и сельскохозяйственная база промышленности.

2. Резолюция утверждает, что у нас растет недостижимыми для капиталистических стран темпами народный доход. В действительности народный доход у нас за последние четыре года падает, основной капитал страны не увеличивается, а уменьшается. Строительство новых фабрик и заводов стоимостью в 8—10 миллиардов рублей на одном полюсе связано с уничтожением основного капитала 20—30 миллиардов рублей на другом полюсе, производительность народного труда в целом не возросла, а упала.

Строительство новых фабрик и заводов идет не за счет роста народного дохода, а за счет экспроприации крупной части заработной платы рабочих — посредством всякого рода займов, налогов, членских взносов, лишения рабочих пособий, спецодежды, бешеного повышения цен и за счет экспроприации основных масс деревни.

3. Резолюция утверждает, что уничтожаются «ножницы цен». В действительности «ножницы цен» гигантски возросли. Крестьянин за свои продукты получает по нормированным ценам заготовок жалкие гроши: 1 руб. 50 коп. — 2 руб. за пуд хлеба и платит за метр ситцу также 1 руб. 50 коп.

4. Резолюция утверждает, что мы ликвидировали безработицу и нищету. В действительности мы безработицу временно ликвидировали, а нищету гигантски увеличили. В настоящее время, за исключением ничтожной правящей клики и незначительного процента высокооплачиваемых рабочих и специалистов (всего 1—2 миллиона человек), все остальные 158 миллионов населения Советского Союза являются пауперами или полупауперами.

5. Резолюция утверждает, что уже в первой пятилетке уничтожается противоположность между городом и деревней. В действительности на базе общего обнищания масс города и деревни противоположность между городом и деревней не только не уменьшается, но увеличивается.

В деревне отбирается почти даром хлеб, мясо, шерсть, кожа, лен, куры, яйца и пр., все это стягивается в голодающие города и экспортируется за полцены за границу. Деревня превращена в самый худший вид колонии. Товаров в деревне нет; в то же время домотканую одежду и обувь приготовить не из чего, ибо лен, шерсть, кожа отобраны, а скот вырезан и передох от плохого ухода и отсутствия кормов.

Лапти стали остродефицитным товаром. В результате вся деревня одевается в жалкое отрепье. Трудодень колхозника в среднем оплачивается 15—20 коп., что в переводе на золотой рубль дает две-три копейки. Деревня в настоящее время представляет сплошное кладбище. Рост противоположности между городом и деревней на базе общего ухудшения положения рабочих и основной массы деревни находит, между прочим, свое блестящее выражение в обезлюдении деревни и в бегстве всего здорового и трудоспособного населения в города. Таково сталинское уничтожение противоположности между городом и деревней. Что же касается уничтожения безработицы, то, во-первых, как мы уже подчеркнули, безработица была уничтожена за счет гигантского роста нищеты подавляющего большинства населения Советского Союза, во-вторых, в настоящее время вновь уже имеется в Советском Союзе не менее 300—400 тысяч безработных, а в ближайший период предстоит гигантский рост безработицы. Сталин скрывает начавшуюся безработицу, он будет, конечно, скрывать ее и в дальнейшем.

6. Резолюция утверждает, что растет из года в год благосостояние рабочих и трудящихся крестьян. В действительности их благосостояние за последние 4 года гигантски ухудшилось. Реальная за-

работная плата среднего рабочего составляет в настоящее время не более 25 процентов от реальной заработной платы 1927 г., расходная часть бюджета середняка-крестьянина (колхозника) на свои семейные нужды в товарных рублях в настоящее время в 3—4 раза ниже, чем в 1926—1927 гг. К этому привела авантюристическая антиленинская политика Сталина. Рабочий целыми неделями не видит ни грамма мяса, масла, молока; за аршином ситца он вынужден простаивать в очередях многими часами; ни вилки, ни стакана, ни ложки негде купить. Сталин в противовес этому выдвигает дома отдыха и увеличение числа работающих в семье, но дома отдыха были и в 1927 г. и работали лучше, чем теперь. Что же касается дополнительного вовлечения рабочих в производство, то оно ни в какой мере не покрывает гигантского падения реальной заработной платы и всех страданий рабочих за последние годы. Только люди, потерявшие всякий стыд, могут говорить о неуклонном росте благосостояния рабочих и трудящихся, только для издевательства над рабочими можно утверждать, что им живется теперь лучше, чем в 1926—1927 гг.

7. Резолюция утверждает, что «в сельском хозяйстве произошел коренной перелом, выразившийся в окончательном повороте к социализму бедняцко-середняцких масс деревни». В действительности крестьяне загнаны в колхозы с помощью террора, прямых и косвенных форм принуждения и насилия. Колхозы держатся исключительно на репрессиях и на том, что для крестьянина создана такая обстановка, что ему некуда податься. Отсюда производительность труда колхозника несравненно ниже, чем единоличника, и качество работы хуже.

В колхозах крестьянину благодаря сталинской политике систематического обирания деревни живется не только не лучше, чем он жил раньше в индивидуальном хозяйстве, но во много раз хуже. В результате всего этого не только сто тысяч тракторов не смогут убедить деревню в преимуществах коммунального хозяйства, но и количество в несколько раз больше.

Техника должна опираться на правильную политику. Только при правильной политике техника решает все! Техника без правильной политики не решает ничего.

8. Резолюция утверждает, что мы имеем колоссальный рост активности и подъем среди рабочих и трудящихся крестьян. В действительности же мы имеем за последние годы огромное падение активности среди пролетариата и трудящихся масс деревни, необычайную затравленность, задавленность, запуганность, забитость.

Аппарат свою собственную шумиху, суетню, трескотню и бумажную запись в ударники выдает за активность масс. При господстве террора над трудящимися массами не может быть речи ни о каком действительном росте активности среди масс.

Таким образом, все заключение о том, что мы уже вступили в первую фазу коммунизма, «целиком», от начала и до конца, основано на лживых посылках и утверждениях. Все посылки оказыва-

ются выдуманными, сфабрикованными, фальшивыми. В результате сталинское «социалистическое общество» целиком оказывается лишенным социалистического содержания.

В действительности мы в настоящее время несравненно дальше находимся от социалистического общества, чем в 1926—1927 гг. Для каждого марксиста-ленинца, который умеет отличать форму от содержания, в этом не может быть никакого сомнения.

7. КЛАССЫ И ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Мы уже отметили выше, что Сталин в беседе со свердловцами в 1925 г. выдвинул одну теорию классовой борьбы и в 1928 г. — совершенно противоположную, не отказываясь, однако, при этом от своей первой теории, а просто замалчивая ее для того, чтобы скрыть свою непоследовательность и свое политиканство.

Первая теория в основном, бесспорно, правильна, и было бы бесчестным, как это делает Сталин со своими политическими противниками, только потому что эти взгляды высказал Сталин, считать их антимарксистскими, антиленинскими, оппортунистическими.

Вторая, наоборот, рвет с марксизмом-ленинизмом, рвет с материалистической диалектикой, представляет из себя софистическую подделку под ленинизм. Суть второй теории, как известно, выражена в словах Сталина: «По мере нашего продвижения вперед к социализму сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться» [51]. Обосновывает эту теорию Сталин просто: ни один еще отживающий класс не сходил добровольно с исторической арены. Если мы будем подрывать самые корни капиталистических элементов, если мы будем наступать на них, естественно, они будут оказывать бешеное сопротивление. Вот и вся «теоретическая база» обострения классовой борьбы. По своей методологии «теория обострения классовой борьбы» столь же механистична и антидиалектична, как и теория Бухарина с его мирным врастанием «кулацких кооперативных гнезд» в социалистическую систему [52].

В чем фальшь теории Бухарина? В том, что он механически объединяет кулацкую, капиталистическую экономику с социалистической, забывает антагонистическую природу кулацкого хозяйства по отношению к социалистическому хозяйству, игнорирует это коренное решающее отличие и заставляет в своих собственных теоретических измышлениях одну враждебную экономическую систему (уклад) врастать в другую. Кулацкое хозяйство до тех пор кулацкое, пока оно в той или иной форме основано на эксплуатации чужого труда. Его внутренняя, так сказать, органически присущая ему тенденция заключается в том, чтоб вытеснить, уничтожить, разложить все остальные, противостоящие ему экономические уклады (и в первую очередь социалистический) и овладеть безраздельно полем борьбы.

Но такова же тенденция, динамика развития и социалисти-

ческого хозяйства: оно развивается таким образом, что вытесняет, побивает, подрывает элементы капиталистической экономики и переделывает на социалистический лад простое мелкое крестьянское хозяйство; оно также стремится занять и занимает, в силу своих преимуществ, все поле борьбы.

Между кулацким хозяйством и социалистическим хозяйством при правильной ленинской политике в деревне, как это было до 1928 г. и как это должно было быть в дальнейшем, конечно, существуют не простые формы классовой борьбы, а чрезвычайно сложные, своеобразные, особенные. С одной стороны, партия и пролетариат не заинтересованы в разжигании классовой борьбы с кулачеством, ибо это дезорганизует социалистическое строительство; с другой стороны, мы не можем ни на йоту затушевывать противоречия между кулачеством и пролетарской диктатурой, ибо это неизбежно повело бы к перерождению пролетарской диктатуры, к гибели пролетарской диктатуры.

Между пролетарским государством и кулачеством идет все время упорная классовая борьба, но в этой классовой борьбе, несомненно, имеются элементы (хотя и неравноценных) взаимных уступок, компромиссов, своеобразного «сотрудничества».

Пролетариат ставит своей задачей ликвидацию (но, конечно, не в теперешних сталинских формах) капиталистических элементов, но в то же время до известного предела и до известного момента он вынужден «сохранять» эти элементы, иначе оказывается невозможным, немыслимым и сама ликвидация их. «Сохранять», чтобы их ликвидировать, таковы противоречия социалистического строительства.

Бухарин увидел, заметил элементы известного, вынужденного компромисса со стороны кулачества по отношению к пролетарской диктатуре, но забыл при этом об основном противоречии между пролетариатом и капиталистическими элементами деревни. Забыл о борьбе между ними, упустил из виду, что основное, решающее во взаимоотношениях рабочего государства с кулачеством — не компромисс, а классовая борьба, хотя и в своеобразных формах.

В чем фальшь и несостоятельность теории Сталина? В том, что она по своей методологии так же механистична и антидиалектична, как и теория Бухарина, в том, что она видит лишь одни моменты, влияющие на обострение классовой борьбы, и игнорирует, скрывает, затушевывает другие, несравненно более важные, решающие, действующие в обратном направлении, ослабляющие (при правильной ленинской политике партии) силу сопротивления кулачества, изолирующие его от масс, раздробляющие и деморализующие его, вызывающие пассивность и упадок его энергии.

Сталин в одной из своих речей заявил, что не было еще в истории примера, чтоб погибающий класс без борьбы уступал свои позиции. Он будет бешено бороться, защищать с боем каждую пядь своих интересов [53]. Это верно. Но такая общая голая формула абсолютно еще ничего не доказывает, это по обыкновению пустая и «громкая» сталинская оговорка. Сталин, если он хочет

апеллировать к истории для доказательства правильности своей теории, должен был бы показать, что в истории имеются примеры, доказывающие, что, после того как уже утвердилось после революции политическое господство нового класса, сопротивление умирающих классов, потерпевших в борьбе с революцией поражение, начинает возрастать и борьба с ними начинает обостряться. «Такой пример был бы весьма убедительным и доказательным, но именно таких примеров Сталин и не может привести, ибо в истории их нет. Наоборот, история буржуазных революций в ряде стран дает нам классические примеры прямо противоположного порядка, когда после победы буржуазии и укрепления ее господства сила сопротивления потерпевшего поражение дворянства систематически ослабевает и его классовая борьба с новым господствующим классом постепенно смягчается. Именно об этом свидетельствует история классической буржуазной революции во Франции, об этом же говорит и история английских революций.

Столь «любимый» рабочими и партийцами Харькова Л. М. Каганович года три тому назад, на активе в Свердловске, для оправдания сталинской теории пытался даже эксплуатировать имя Маркса. Он говорил, что еще Маркс подчеркивал: «силы революции сплачивают силы контрреволюции», а наши оппортунисты, дескать, этого не понимают и говорят о затухающей кривой классовой борьбы. Надо иметь, однако, наглость, чтобы таким шулерским образом использовать это выражение Маркса. Правильно ли утверждение Маркса? Бесспорно, правильно. Но Маркс, говоря о «классовой борьбе», имеет в виду период непосредственной борьбы за власть между двумя основными борющимися силами.

Пока идет вооруженная борьба за власть между силами революции и контрреволюции, пока победа окончательно не решена,— силы революции действительно сплачивают силы контрреволюции. Когда же враг оказывается в открытом бою разбитым, тогда начинается прямо противоположный процесс: если побеждает контрреволюция, силы революции на долгий период ослабевают, оказываются деморализованными. Таковы последствия июньского поражения парижских рабочих [54], таковы последствия поражения Парижской коммуны, таковы последствия поражения революции 1905 г. в России. И, наоборот, если в открытом бою побеждает окончательно пролетариат, то после этого начинается период ослабления, распада, дробления и разложения сил контрреволюции. Таковы последствия победы Октябрьской революции. При этом, если после своего поражения пролетариат через некоторый период, обогащенный опытом, поднимается на борьбу с новой, удесятеренной силой, ибо рост капитализма неизбежно влечет за собой развитие, рост и укрепление пролетариата, то после поражения буржуазии она в дальнейшем уже не в состоянии даже с прежними силами подняться на борьбу, ибо рост пролетариата отнюдь не означает после пролетарской революции прежнего роста буржуазии. Известный рост новой буржуазии в восстановительный период, как это имело, например, место в Сов. Союзе, неизбежен, откуда, конечно,

и некоторое усиление ее политической и экономической активности. Однако с переходом в реконструктивный период и этот процесс меняет свое направление.

Кагановичу до всего этого нет никакого дела; ему важно авторитетом Маркса подкрепить антимарксистскую теорию своего «патрона» и обмануть членов партии и рабочих.

Посмотрим теперь, насколько гармонирует теория Сталина с другими его утверждениями и решениями ЦК ВКП(б) за последние 3—4 года. Сталин утверждал: по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму сопротивление капиталистических элементов будет возрастать и классовая борьба будет обостряться. Но наряду с этим мы, по словам Сталина, в последние годы: а) осуществляем ликвидацию кулачества как класса и выкорчевываем корни капитализма, б) имеем укрепление союза рабочего класса с середняком, что нашло свое выражение, между прочим, и в том, что середняк окончательно повернул в сторону социализма, в) имеем подъем материального благосостояния и культурного уровня, политической сознательности середняцких и бедняцких масс деревни.

Сталин не видит никакого противоречия между его теорией и утверждениями о ликвидации кулачества как класса, об улучшении материального положения середняцких и бедняцких масс и о том, что середняк бесповоротно повернул в сторону социализма. На деле же они взаимо исключают друг друга.

В чем заключается сила кулака? Во-первых, и главным образом, в его экономической силе, дающей ему возможность экономически и политически подчинять себе отдельные группы бедноты и середняков, и, во-вторых, в экономической необеспеченности, некультурности и политической отсталости масс. Кулак силен в деревне не сам по себе. Численно он представлял даже в 1927—1928 гг. ничтожную горсть населения деревни Сов. Союза — не больше 5—6 процентов. Кулак силен тем влиянием, которое он оказывает на середняцкие и бедняцкие массы. Но вытеснение, а затем и ликвидация кулачества как класса означает подрыв экономической, а вместе с тем и политической силы кулачества, ослабление этой силы. В то же время рост материального благосостояния бедняцких и середняцких масс означает сужение экономической (а их культурный и политический рост — сужение политической) базы и сферы влияния кулачества. Рост материального уровня и политической сознательности масс бедноты и середняков, решительный поворот их в сторону коллективизации при одновременном подрыве экономических корней кулачества знаменует политическую изоляцию кулачества, т. е. ослабление его капиталистического влияния и сопротивления. По сталинской же теории все выходит наоборот. В результате получается невероятная каша, одно противоречит другому. Правая рука не знает, что творит левая, и это выдается за ленинизм! Так обстоит дело с «усилением сопротивления кулачества».

Не лучше и «с обострением классовой борьбы по мере нашего продвижения вперед к социализму». Прежде всего обострение

классовой борьбы с кулачеством и усиление сопротивления кулачества далеко не совпадают друг с другом. Сталин этого тоже не понимает.

Что такое обострение классовой борьбы? Это переход от низших форм классовой борьбы к высшим, от саботажа — к вредительству, от вредительства — к восстанию со стороны контрреволюционных элементов при диктатуре пролетариата, от экономической стачки — к политической, от политической стачки — к всеобщей массовой политической стачке; от стачки — вместе со стачкой к восстанию. Восстание есть наиболее высокая и наиболее острая форма классовой борьбы.

История показывает нам многочисленные примеры, что усиление сопротивления одного борющегося класса другому всегда связано с обострением классовой борьбы, но обострение классовой борьбы со стороны того или иного класса довольно часто было связано в истории с периодами, когда сопротивление этого класса ослабевало и когда переход к более высоким острым формам классовой борьбы был не выражением усиления его сопротивления, а как раз его ослабления, «последним вздохом» этого сопротивления. Таковы некоторые восстания мелкого дворянства в Западной Европе в период окончательного утверждения королевской власти, таковы последние контрреволюционные восстания во Франции в период Великой французской революции [55], таково наше грузинское восстание в 1924 г.

В отдельные моменты погибающие классы, таким образом, могут переходить к более острым формам классовой борьбы. Это возможно по ряду причин. Например, международные осложнения, интервенция, заговор отдельных групп кулачества даже при правильной политике и при господстве пролетариата. Можно ли, однако, на основании этого устанавливать закон неизбежного обострения классовой борьбы по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму? Ни в коем случае!

При правильной политике партии, при действительном укреплении союза рабочего класса со середняком и опоре на бедноту, при действительном повороте середняка к социализму, при действительном улучшении положения трудящихся масс в деревне, при росте политической сознательности основных масс деревни, при подрыве и сужении экономической базы кулачества и его политической изоляции — основной закон классовой борьбы для Советского Союза должен быть формулирован прямо противоположным образом: **по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму сопротивление капиталистических элементов будет ослабевать, и классовая борьба будет смягчаться, постепенно затухать**.

И сколько бы ни кричал Сталин и клика его «теоретиков» против этого положения, сколько бы ни выдергивали они произвольно отдельных ленинских цитат и ни истолковывали их вкривь и вкось,— они против этого положения не могут привести ни одного серьезного возражения. Теория Сталина, при кажущейся ее внешней «революционности», не имеет ничего общего с марксизмом-ле-

нинизмом, она не имеет ничего общего и с программой Коминтерна. Программа Коминтерна по этому вопросу говорит следующее: «Таким образом, являясь уже решающей экономической силой, определяющей собою в основном все развитие экономики в СССР, социализм тем самым делает дальнейшие крупные шаги в своем развитии, систематически преодолевая затруднения, вытекающие из мелкобуржуазного характера страны и связанные периодами временного обострения классовых противоречий»[56].

Программа Коминтерна, во-первых, ни звука не говорит об усилении сопротивления капиталистических элементов и, во-вторых, она говорит лишь о периодах «временного обострения классовых противоречий», но не об обострении классовой борьбы по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму. Между программой Коминтерна и «теорией» Сталина существует явно коренное, принципиальное расхождение. Программа Коминтерна говорит о том «временном обострении классовой борьбы», о которой говорим и мы, Сталин же установил закон «усиления сопротивления капиталистических элементов и обострения классовой борьбы» на все время нашего движения по пути к социалистическому обществу. Мало того, Сталин и К° запутались и изолгались настолько, что, по их мнению, даже в социалистическом обществе неизбежно обострение классовой борьбы. По утверждению Молотова (а значит и Сталина, ибо Молотов — это только тень Сталина), как мы видели, СССР уже живет в социалистическом обществе, хотя и в начальной стадии. Во второй пятилетке построение социалистического общества, по утверждению резолюции 17-й партконференции, гигантски продвинется вперед. Основной политической задачей второй пятилетки, говорит резолюция, является «окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще». Классы, следовательно, во второй пятилетке окончательно будут ликвидированы, классов не будет, но в то же время, как подчеркивает резолюция, и в дальнейшем еще неизбежно обострение классовой борьбы (в отдельные моменты и особенно в отдельных районах и на отдельных участках социалистической стройки). Классы «окончательно будут ликвидированы», а «классовая борьба в отдельные моменты будет обостряться». Может ли быть более пошлая, клеветническая карикатура на учение Маркса и Ленина о социалистическом обществе, может ли быть более бесстыдная подделка под гениальный и диалектический анализ Маркса и Ленина тех противоречивых черт, которые присущи первой стадии коммунизма (социалистическому обществу)!

Бесспорно, что даже подлинное социалистическое общество, а не гнусная клеветническая сталинская карикатура и издевка над ним, будет еще, как говорит Маркс, во всех отношениях — в экономическом, нравственном и умственном — носить еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло. В социалистическом обществе (первая фаза коммунизма) полного равенства еще не будет, буржуазное право отменяется еще не вполне, а отчасти и т. д. Ленин по этому поводу пишет, что остатки старого в новом

показывает нам жизнь на каждом шагу — и в природе, и в обществе. И Маркс не произвольно всунул кусочек «буржуазного права» в коммунизм, а взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем из недр капитализма.

Совершенно естественно, что хотя классы исчезнут, но некоторые следы, «отзвуки», отражения постепенно затухающей вместе с подходом к социалистическому обществу классовой борьбы будут чувствоваться в известный период и в социалистическом обществе. Но следы, «отзвуки», отражения классовой борьбы смешивать с обострением классовой борьбы — это значит или быть марксистски безграмотным, или политическим жуликом, или тем и другим вместе.

Некоторые присяжные, казенные защитники «генеральной линии» в защиту теории обострения классовой борьбы попробуют сослаться на нашу советскую действительность. В действительности ведь классовая борьба обостряется? Разве это не оправдывает точку зрения Сталина?

Было бы нелепо отрицать гигантское обострение классовой борьбы в Советском Союзе. Обострение классовой борьбы приняло неслыханные размеры. Страна в течение последних трех лет кипит восстаниями. То там, то здесь, несмотря на невероятный террор по отношению к рабочему классу, вспыхивают забастовки; голод и нищета масс приняли ужасающий характер, массы членов партии, рабочих и основных слоев деревни горят возмущением и ненавистью к Сталину и его клике.

Обострение классовой борьбы налицо. Но это обострение связано не с нашим движением вперед по пути к социализму, а (несмотря на постройку ряда крупнейших заводов, как мы уже показали в другом месте) с движением назад и в сторону от социалистического общества, не с улучшением материального положения масс, а с беспримерным его ухудшением, не с ростом активности и творчества масс, не с развертыванием партийной и советской демократии, а с подавлением их активности и полным удушением партийной и советской демократии. Короче говоря, обострение классовой борьбы за последние годы является не результатом правильной политики, а, наоборот, результатом неправильной политики; оно свидетельствует не о ленинском руководстве страной, а об антиленинской, авантюристической политике. Нередко даже в период расцвета потрясались до самых основ, а порой терпели и полное крушение восточные деспотии. Авантюристическая политика отдельных римских императоров отбрасывала неоднократно назад, на целые десятилетия, даже в период ее подъема, Римскую империю. Авантюристическая политика приводила неоднократно к крушению феодальные государства в средние века. Авантюристическая политика приводила к неудачам и поражениям некоторые буржуазные государства. Авантюристическая политика уже подорвала и может погубить и первое пролетарское государство. Авантюризм многих государственных деятелей, их тупость, бездарность, жульничество и пр. входят в конечном счете сами составной

частью в общую закономерность исторического развития, но авантюризм от этого не перестает быть авантюризмом, а жульничество — жульничеством. Как руководители буржуазных государств могут вести более или менее трезвую, выдержанную политику с точки зрения их класса и могут вести политику гибельную, вредную, авантюристическую, так и руководители пролетарского государства, если они сходят с позиций ленинизма, неизбежно должны встать на путь оппортунизма или авантюризма. Последнее и случилось со Сталиным.

Посмотрим теперь в заключение на развитие теории «обострения классовой борьбы», на претворение ее в действительность. Гвоздем здесь является лозунг Сталина — «Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации», т. е. переход от политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов деревни к политике ликвидации кулачества как класса.

Подлинные кулаки в своей подавляющей массе, как известно, сразу же после чрезвычайных мер начали ликвидировать свое хозяйство и удирать в города. К концу 1928 г. они в основном были уже ликвидированы как класс, некоторая, незначительная часть из них была расстреляна и посажена в тюрьмы, а основная масса разными способами устроилась рабочими на заводы, железные дороги, стройки, сторожами при складах, истопниками, дворниками, конюхами, поварами, приказчиками, счетоводами, буфетчиками и пр. Значительная часть просто устроилась пока на иждивении у своих городских родственников и близких знакомых. Но лозунг «ликвидации кулачества как класса» с особенной исключительной силой начал «претворяться» в действительность именно как раз с начала 1930 г. Естественно, что его объектом в своей подавляющей массе оказались середняки и беднота. Круг зачисленных в кулаки, таким образом, постепенно расширился, и количество раскулаченных к началу 1932 г. в некоторых районах по отношению к общему количеству сельского населения этих пунктов достигло 30—35 процентов. Если же сюда причислить всех индивидуально обложенных и твердо-заданцев («твердышей»), то оно достигает в ряде районов даже 40—50 процентов. Общее количество всего сельского населения Советского Союза, подвергшееся за последние 4 года тем или иным формам репрессий со стороны партийных и советских органов (раскулачивание, аресты, расстрелы, ссылки, твердые задания, штрафы, обыски, угрозы и пр., пр.), во всяком случае, составляет не менее 40—50 процентов всего населения деревни. При таких условиях понятно, что «сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться», ибо, по существу, начиная с 1930 г., борьба шла в деревне уже не с кулаком, а с середняками и бедняками, с основными массами деревни. Именно середняки и бедняки, главным образом, оказались заключенными в «кулацкие» концентрационные лагеря; середняки и бедняки, начиная с 1930 года, составляют основной объект расстрелов и всякого рода карательных экспедиций с применением артиллерии и самолетов, середняки и бедняки со-

ставляют основную массу сосланных в Северный край, Среднюю Азию, Казахстан и другие места Сов. Союза.

Для того, чтоб облегчить «перечисление» из середняков и бедняков в кулаки, Сталин изобрел новые термины «кулацко-зажиточная верхушка деревни», «подкулачники» и пр., не применявшиеся до 1928 г. совершенно в партийной части и партийном лексиконе. Если до 1928 г. партийные решения, резолюции партийных комитетов, конференций, съездов (в том числе и XV съезда) имели дело с точным термином и понятием «кулак», то теперь этот термин был незаметно подменен крайне растяжимым и неопределенным понятием —«кулацко-зажиточная верхушка». Политическая цель термина «кулацко-зажиточная верхушка» заключалась в том, чтобы зачислить в разряд кулаков «нужное» количество середняков, а политическая цель термина «подкулачник» — в том, чтобы каждый протест середняка и бедняка против преступной политики насилий и издевательств над основными массами деревни можно было квалифицировать как протест «подкулачника», «классового врага» и расправляться с протестующим, как с «агентом» кулака.

Фабрикация кулаков из середняков и бедняков связана одновременно с самой гнусной травлей, обвинением в оппортунизме и исключением из партии местных работников, не могущих найти необходимого процента кулаков или не находящих их вовсе.

В результате такой политики тот, кто в 1929 г. считался бедняком или середняком, в 1930 г. оказывался кулаком или из бедняков переводился в середняки, или даже сразу в некоторых случаях в кулаки. В 1930 и 1931 гг. все эти операции повторялись снова с той только разницей, что с каждым годом они принимали все более и более гигантские размеры.

Сталин, как это свойственно бесчестному, беспринципному политикану, и здесь зачисление середняков в кулаки изображает как отдельные перегибы «на местах», как маленькие недостатки большого механизма, сваливает вину на других.

В действительности же это не «отдельные» ошибки, не «перегибы мест», а суть и результат общей политики и общей линии, результат всей системы мероприятий, одно из конкретных проявлений насилия, произвола и издевательства над трудящимися массами деревни, результат полного разрыва Сталина с принципами ленинизма вообще и с принципами ленинизма в крестьянском вопросе, в частности. Сталин еще и в настоящее время в своей печати изо дня в день трубит о сопротивлении кулачества. На деле кулаков как определенной социально-экономической категории, занимающейся в той или иной форме эксплуатацией чужого труда, в деревне нет по крайней мере уже с конца 1929 г. Даже бывших кулаков (за исключением ничтожной горстки, которая устроилась работать в совхозах, на лесозаготовках и шатается в повстанческих отрядах или просто нищенствует в деревне) в настоящее время нет. Но Сталин не может признать этого неоспоримого факта. Он как рыба в воде нуждается в криках о кулацком сопротивлении и «оппортунистах». Для него эти крики выполняют теперь функцию,

аналогичную почти той, какую выполняли крики о «жидах», «преступных агитаторах» и «внутренних врагах» для самодержавия.

Не имея возможности сказать правду о том, что вся деревня в своей основной массе находится в состоянии беспощадной и жестокой борьбы со сталинской политикой, он вынужден прикрывать эту борьбу фиговым листком «сопротивления кулачества» успехам строительства социализма.

Наконец, сталинский лозунг «ликвидации кулачества как класса» является антиленинским не только потому, что он главным своим острием направлен против середняка и бедняка. Нет, он является антиленинским в своей основе и по конкретному содержанию, и в той его части, которая действительно направлена против кулачества.

«Ликвидировать кулачество как класс» посредством полной его экспроприации, вплоть до последней его нижней рубашки, и посредством его физического истребления, к чему фактически сводится линия Сталина,— вещь по внешности чрезвычайно «р-р-революционная» и в то же время простая. Но иная простота хуже воровства. В политике часто бывает, что «простое» и по внешности «революционное» средство не только не приближает к цели, а, напротив, отдаляет от нее и даже лишает возможности достичь ее совершенно. Так, например, отказ коммунистов участвовать в буржуазных парламентах или работать в реакционных (желтых) профсоюзах, как известно, не только не приблизил бы момент низвержения господства буржуазии, но, напротив, чрезвычайно сильно отдалил бы и укрепил позиции господствующих классов.

Такая же «революционность» свойственна и лозунгу «ликвидации кулачества как класса».

Лозунг «ликвидации кулачества как класса» является фальшивым, беспочвенным, авантюристическим уже по одному тому, что он опирается на фальшивую, дутую основу. Официальное обоснование этого лозунга, как известно, заключается в том, что «середняк решительно во всей своей основной массе повернул к социализму» [57]. Этот поворот дает возможность осуществлять сплошную коллективизацию и на ее основе ликвидировать кулачество как класс. Фактически же, как мы знаем, этот массовый поворот «середняка к социализму» и к сплошной коллективизации является продуктом произвола, насилия и террора над середняцкими массами; середняки не вошли в колхозы добровольно, а загнаны мерами жестокого административного и экономического (прямого и косвенного) принуждения.

Но колхозы также не могут быть прочными, они не могут быть социалистическими, они вновь и вновь разваливаются десятками тысяч каждый месяц, а если еще и держатся, то на величайшем зажиме, угрозах и на том, что этим колхозникам некуда «податься». Все эти колхозы также обречены на неминуемый развал.

При общей неправильной политике Сталина в других областях из скороспелой аракчеевской стряпни и социалистической переделки крестьянского хозяйства, где нужны уменье, такт и действительные примеры действительных преимуществ действительно добровольно организованных колхозов,— из такой стряпни ничего путного получиться не может. Но если колхозы в современном их виде разваливаются и обречены на развал, то неизбежно вновь в той или иной степени развитие индивидуального крестьянского хозяйства, а вместе с тем и кулачества. И вновь та же сказка начинается сначала. Это и означает, что сталинское «усердие не по разуму» не ускоряет окончательную ликвидацию кулачества как класса и классов вообще, а, наоборот, самое меньшее,— необычайно отдаляет эту цель.

Каков же подлинно ленинский путь ликвидации кулачества как класса? Этот путь заключается (при наличии общей правильной политики партии во всех областях) в постепенном, в меру наших действительных успехов, индустриализации страны, действительной добровольной коллективизации деревни и строительства совхозов, вытеснении кулачества, подравнивании его мерами налогового порядка (а по мере надобности и прямого запрещения эксплуатации чужого труда) под середняка. Одновременно необходимо решительно бороться против кулацкой агитации, пресекая мерами ГПУ и воспитывая массы деревни в духе ленинизма, непримиримости классовых интересов кулачества с пролетарской диктатурой и социалистическим строительством. Через некоторый период такой осередняченный бывший кулак, при наличии с его стороны лояльного отношения к Советской власти и социалистическому строительству, должен, естественно, приниматься беспрепятственно в колхозы. Этот путь «ликвидации кулачества как класса» менее эффектен и «р-р-еволюционен». Он при поверхностных взглядах кажется более длительным, но в действительности он оказывается и несравненно более коротким и единственно правильным.

Можно не сомневаться, что свора сталинских «теоретиков», готовых по заказу своего начальства защищать и опровергать что и кого угодно, поднимут по поводу такой концепции ликвидации кулачества как класса настоящую свистопляску. Они окрестят ее «кулацкой» теорией, защитой кулачества и т. д. Так как они не в состоянии обосновать своей правоты, им остается одно — запугивать массы «страшным» словом «кулак», клеветать на противника и заниматься софистикой. Таким путем можно доказать, что Ленин — агент нэпманов, ибо он допустил развитие частного капитала в Сов. Союзе, таким способом можно доказать, как это делали левые эсеры, что Ленин — агент германского империализма, ибо он заключил Брестский мир. В такой аргументации нет ни грана марксизма. Это сплошное шарлатанство и самая низкопробная гнусная демагогия, но она всегда может поймать в свои сети некоторое количество простодушных, наивных и доверчивых людей, привыкших верить, но не размышлять.

Из всего изложенного в настоящей главе сами собой вытекают следующие выводы:

1. Теория Сталина об усилении сопротивления капиталистических элементов и обострении классовой борьбы по мере нашего продвижения вперед по пути к социализму является антиленинской. По своему методу она является механистической, а не диалектической, а по своему фактическому политическому содержанию она направлена на оправдание разжигания гражданской войны с основными массами деревни, дезорганизацию социалистического строительства и подрыв пролетарской диктатуры.

2. Она находится в коренном противоречии с рядом других утверждений и положений, выдвигаемых Сталиным и его ЦК.

3. Сталинский лозунг «ликвидации кулачества как класса» не может привести ни к какой действительной окончательной ликвидации кулачества, так как основа этого лозунга — «сплошная коллективизация» — построена не на действительном «повороте основных масс деревни в сторону социализма», а на прямых и косвенных формах самого свирепого принуждения крестьян вступать в колхозы. Не на улучшении их положения, а на их прямой и косвенной экспроприации и массовом обнищании.

4. Лозунг «ликвидации кулачества как класса» за последние 2—2$^1/_2$ года применяется фактически главным образом не к кулакам, а к середнякам и беднякам.

5. Кулаков как определенной социально-экономической категории в настоящее время в деревне нет. Есть лишь ничтожные, рассеянные остатки бывших кулаков. Крики о кулаке в настоящее время в устах Сталина — только метод терроризирования масс и метод прикрытия своего банкротства.

6. У нас происходит во всей стране и неизбежно будет происходить при настоящей политической линии гигантское обострение классовой борьбы. Целые огромные районы находятся в состоянии перманентной гражданской войны. Но это является не результатом успехов социалистического строя, а выражением подрыва и дезорганизации социалистического строительства, результатом антиленинской, авантюристической и гибельной для Советской власти политики Сталина и его руководства.

7*. ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО И МАРКСИЗМ

Запутавшись в одном вопросе и будучи неспособным признать свои ошибки, Сталин вынужден эту путаницу и извращения ленинизма проводить по всей цепи политических и теоретических вопросов.

Извращения учения Маркса и Ленина мы у него находим и в вопросе о расширенном и простом воспроизводстве в мелком крестьянском хозяйстве. Мы этого вопроса вскользь коснулись, уже раньше показавши беспринципность Сталина. Теперь мы проиллюстрируем на этом вопросе еще раз его безграмотность. На-

* Так в тексте. *Ред.*

помним «теоретическое открытие» Сталина, сделанное им на конференции аграрников-марксистов. В своей речи он заявил: «Можно ли сказать, что наше мелкокрестьянское хозяйство развивается по принципу расширенного воспроизводства? Нет, нельзя этого сказать. Наше мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но, наоборот, оно не всегда имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство. Можно ли [двигать] дальше ускоренным темпом нашу социалистическую индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкокрестьянское хозяйство, неспособное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве? Нет, нельзя» [58].

Итак, сказано яснее ясного: наше мелкое крестьянское хозяйство в своей основной массе, т. е. середняцкое хозяйство, не развивается по принципу расширенного воспроизводства, мелкое крестьянское хозяйство в Советском Союзе не способно к расширенному воспроизводству. Оно или находится в состоянии застоя, или падает, деградирует.

Как Маркс ставил вопрос о простом воспроизводстве для капитализма? «Простое воспроизводство,— говорит он,— воспроизводство в неизменяющемся масштабе представляет абстракцию в том смысле, что, с одной стороны, отсутствие всякого накопления, или воспроизводства в расширенных размерах, является неправдоподобным предположением при наличности капиталистического базиса, а, с другой стороны, отношения, в которых совершается производство, в различные годы не остаются абсолютно неизменными» [59]. По Марксу, таким образом, даже при наличности капиталистического базиса простое воспроизводство является «неправдоподобным предположением». По Сталину же, даже при социалистическом базисе простое воспроизводство является типичным для основной массы сельскохозяйственных производителей. Маркс, Энгельс, Ленин подчеркивают, что в сельском хозяйстве при господстве капитализма в общем действуют те же законы развития, что и в промышленности: крупное производство имеет все преимущества перед мелким, крупное производство побивает и вытесняет мелкое производство. В сельском хозяйстве, хотя и более медленно (благодаря наличию ренты и некоторым другим второстепенным причинам), происходит тот же процесс концентрации и централизации капиталов, процесс экспроприации мелких производителей, что и в промышленности. «В той самой мере,— пишет Маркс,— в какой земледелие становится простой отраслью промышленности, капиталистическое производство водворяется и в деревне» [60].

Основная и главная тенденция капитализма «состоит в вытеснении мелкого производства крупным и в промышленности, и в земледелии» (Ленин) [61].

Все эти положения среди марксистов-ленинцев были и остаются общепризнанными. Все они бесспорны. Они подтверждены

всем ходом капиталистического развития. Однако до сих пор ни одному грамотному марксисту-ленинцу не приходило еще в голову утверждать, что мелкое крестьянское хозяйство даже в условиях капитализма не способно к расширенному воспроизводству. Такое утверждение, во-первых, изобличало бы теоретическое невежество, во-вторых, оно противоречило бы фактам.

Вытеснение мелкого производства крупным, преимущества крупного производства перед мелким в сельском хозяйстве — это одно, а неспособность к расширенному воспроизводству — совершенно другое. Сталин благодаря своей теоретической ограниченности думает, что раз мелкое производство вытесняется крупным, значит, оно не способно к расширенному воспроизводству. В действительности же оно вытесняется, несмотря на то, что осуществляет расширенное производство. Само собою разумеется, что темп расширенного производства в мелком крестьянском хозяйстве несравненно более медленный, чем в крупном: мелкое крестьянское хозяйство ряд крупных сельскохозяйственных машин и технических усовершенствований, применяемых в крупном сельском хозяйстве, не может применить у себя совсем. Другие машины и усовершенствования оно может применить, но в очень ограниченном размере. Успехи агрономии и других близких к сельскому хозяйству наук оно также может использовать несравненно меньше, чем крупное. Но все же (хотя и в ограниченных размерах по сравнению с крупным капиталистическим хозяйством) мелкое крестьянское хозяйство пользуется и успехами агрономии, и развитием капиталистической техники. Эти решающие обстоятельства и создают основные условия для расширенного воспроизводства в мелком крестьянском хозяйстве. Применение некоторых домовых и простых сельскохозяйственных машин, переход от трехполья к многополью и к огромному хозяйству, от зерновых к техническим культурам, от мясного к молочно-масляному животноводству, к товарному свиноводству и птицеводству плюс непосильный труд — вот та база, база весьма узкая по сравнению с крупным капиталистическим сельским хозяйством, на которую опирается расширенное воспроизводство в мелком крестьянском хозяйстве.

У марксистов спор шел с Давидом, Герцем [62] и народниками совсем не о том, что мелкое крестьянское хозяйство не способно к расширенному «воспроизводству», а о том, что в сельском хозяйстве действуют те же законы капиталистического развития, что и в индустрии, что крупное сельское хозяйство имеет все преимущества перед мелким, что мелкое крестьянское хозяйство в борьбе с крупным капиталистическим сельским хозяйством держится только на непосильном труде и истощении крестьянина. Крупное производство вытесняет мелкое, и мелкое производство в сельском хозяйстве обречено в конечном счете на исчезновение и гибель. Но ведь это же совсем не то, о чем поведал нам Сталин!

Ни у Маркса, ни у Энгельса, ни у Ленина, ни у Каутского,

ни у Плеханова — нигде во всей мировой марксистской литературе вы не найдете даже намека на утверждение, что мелкое крестьянское хозяйство на капиталистическом базисе не способно к расширенному воспроизводству.

Наоборот, как мы видели, Маркс утверждает прямо противоположное. Он говорит, что отсутствие всякого накопления, или воспроизводства в расширенных размерах, является неправдоподобным предположением при наличности капиталистического базиса.

Для Маркса простое воспроизводство даже в условиях капитализма является абстракцией, а по Сталину и в условиях развернутого социалистического строительства простое воспроизводство господствует в хозяйстве подавляющей массы сельского населения!

Посмотрим, что отсюда получается дальше. При капитализме, по Марксу, развитие и в мелком крестьянском хозяйстве свершается по принципу расширенного воспроизводства, при пролетарской же диктатуре, как утверждает Сталин, основная масса крестьянского хозяйства или находится в состоянии застоя, или уменьшает свое производство. В переводе на простой язык это означает обнищание основных масс деревни.

Решения партии и сам Сталин все время, однако, утверждали и утверждают как раз обратное. А именно: что у нас происходит неуклонное улучшение положения основных масс деревни. Как связать одно с другим? Дальше. Если при капитализме в единоличном хозяйстве основных середняцких масс деревни осуществляется расширенное воспроизводство, а при пролетарской диктатуре и социалистическом строительстве — простое воспроизводство или даже отрицательное расширенное воспроизводство, то как возможно на такой почве неуклонное укрепление союза рабочего класса с крестьянством? И этакую галиматью Сталин преподносит массам как последнее слово марксизма-ленинизма! С таким безграмотным вздором могут люди выступать только тогда, когда они наперед знают, что возражать им никто не посмеет и не найдет для возражения никакой трибуны, ибо все трибуны находятся в личном распоряжении «вождя» и под надежной охраной.

Любопытно, что еще в апреле 1928 г., т. е. всего за полтора года до конференции аграрников-марксистов, он поучал Институт красной профессуры прямо противоположному. Он говорил: «Все данные говорят, что урожайность крестьянского хозяйства можно было бы поднять в продолжении нескольких лет процентов на 15—20. Сейчас имеется у нас в употреблении не менее 5 миллионов сох. Одна только замена их плугами могла бы дать серьезнейший прирост производства хлеба в стране. Я уже не говорю о снабжении крестьянских хозяйств известным минимумом удобрений, очищенными семенами, машинами мелкого типа и т. д. Метод контрактации, метод заключения договоров с целыми деревнями и селами на предмет снабжения их семенами и т. д., при

обязательном условии получения от них соответствующего количества хлебных продуктов,— этот метод является лучшим способом поднятия урожайности крестьянских хозяйств и вовлечения крестьян в кооперацию. Я думаю, что при серьезной работе в этом направлении мы могли бы иметь года через 3—4 не менее 100 миллионов пудов нового товарного хлеба от мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств» [63].

Совершенно ясно, что Сталин здесь утверждает наличие возможностей у индивидуального крестьянского хозяйства (не только середняцкого, но и бедняцкого) для расширенного воспроизводства.

Через полтора года он утверждает, однако, обратное. И обе теории продолжают мирно уживаться под одной дырявой крышей сталинской последовательности и эрудиции. Теоретическая безграмотность, помноженная на беспринципность, политиканство и эклектику,— таково истинное название сталинской теории «простого воспроизводства» в мелком крестьянском хозяйстве.

За антимарксистским, антиленинским содержанием сталинской теории имеется единственный политический смысл. Он заключается в подведении некоторой теоретической базы под насильственные формы коллективизации. В самом деле: если перед индивидуальным крестьянским середняцким хозяйством без превращения его в капиталистическое кулацкое хозяйство нет никаких дальнейших перспектив для расширенного воспроизводства, то индустриализация упирается в тупик, она не имеет под собой сельскохозяйственной базы. Отсюда нужно делать выбор — или всемерно форсировать коллективизацию, не останавливаясь перед свирепыми мерами прямого и косвенного принуждения и насилия (авось выгорит), или поставить крест на индустриализации и социалистическом строительстве. Авантюристическая политика требует теоретического оправдания. Для этого оправдания и состряпал Сталин выше охарактеризованную теорию.

8*. ОЦЕНКА ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ В СВЕТЕ УРОКОВ ИСТЕКШИХ ЛЕТ.

В течение последних 5 лет мы были свидетелями борьбы Сталина и его аппарата с двумя основными оппозициями — с оппозицией троцкистов во главе с Троцким и с оппозицией правых во главе с Бухариным. Теперь, в свете уроков истекших лет, более чем когда-либо необходимо произвести спокойную объективную оценку — в чем же каждая оппозиция ошибалась, если она ошибалась, и в чем она была права, если она в чем-либо была права?

Троцкистская оппозиция по решающим экономическим вопросам и по вопросам соотношения классовых сил в стране, как показал опыт, бесспорно ошибалась. Платформа троцкистов по вопросам политики индустриализации, политики заработной платы, налоговой политики по отношению к бедноте, с одной стороны,

* Так в тексте. *Ред.*

и кулачеству, с другой стороны, политики цен, роли и удельного веса кулачества в деревне и частного капитала в городе была явно демагогической. Вместо конкретного, трезвого марксистско-ленинского анализа мы здесь имели неоспоримое господство левой фразы, заигрывание с массами и невыполнение обещаний.

Сталин в начале 1928 г. решительно начал проводить экономическую часть платформы троцкистов, о чем откровенно говорили и сами троцкисты, выдвигая это как один из решающих мотивов для возвращения в партию и поддержки новой политики. Отрицательные результаты этой политики не замедлили, однако, сказаться. С началом этой политики начал развиваться и экономический кризис: сокращение посевов в крестьянском хозяйстве, сокращение и уничтожение скота, рост цен, быстрое падение червонца, падение реальной заработной платы, дезорганизация в планировании, падение заинтересованности основных масс деревни в развитии своего хозяйства и пр.

Сталин, конечно, довел экономическую платформу троцкистов до абсурда, до логического конца, но это далеко не случайно: «коготок увяз, всей птичке пропасть». В «новом курсе» Сталина каждое мероприятие с неумолимой железной экономической необходимостью влекло за собой второе, третье и т. д. Здесь же не Сталин руководил событиями, а события руководили Сталиным. Падение по этой наклонной плоскости можно было остановить лишь в том случае, если решительно и бесповоротно отказаться от ошибочных, демагогических исходных положений и произвести крутой поворот. Сталин на это совершенно не способен.

Л. Д. Троцкий и троцкисты, надо полагать, оказались бы более честными и преданными делу пролетарской революции: они сумели бы вовремя заметить свои «дискуссионные» заблуждения и круто повернуть. Если же они стали бы настаивать на своих ошибках и практически проводить их в жизнь до конца, то и они неизбежно пришли бы примерно к тем же «итогам», перед которыми стоит теперь Сталин.

Совершенно иначе обстоит дело с оценкой внутрипартийного положения и роли Сталина. В этом решающем и важнейшем для судеб пролетарской революции вопросе Троцкий и троцкисты оказались в основном, наоборот, правы. Троцкий раньше других увидел те процессы внутри партии, которые уже в 1923 г. начали развиваться. Троцкий раньше других увидел и вожделения Сталина утвердить свою личную диктатуру в партии.

Когда Троцкий еще в 1924 г. в своем «Новом курсе» [64] писал, что партия живет на два этажа: «в верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях», когда он говорил, что партийный аппарат, несмотря на идейный «рост партии», продолжает упорно думать и решать за нее, то партийные работники отвечали на это, что утверждения Троцкого — сплошная клевета. Кто, однако, в настоящее время, не кривя душой, может сказать, что Троцкий тогда ошибался? Но тогда, по сравнению с настоящим моментом, пульс внутрипартийной жизни бился все еще нормально, тогда по край-

ней мере признавали жизнь партии «на два этажа» ненормальным явлением. Спор шел только о том, есть ли налицо это ненормальное явление или нет. Теперь же жизнь на два этажа, когда «в верхнем — решают, а в нижнем — только узнают о решениях», стала не только «нормальным» явлением. К этому так все привыкли, что даже не замечают полного разрыва с принципами внутрипартийной демократии и демократического централизма при таком «двухэтажном» существовании.

Дальше Троцкий писал в своем «Новом курсе»: «Главная опасность старого курса, как он сложился в результате как больших исторических причин, так и наших ошибок, состоит в том, что он обнаруживает тенденции ко все большему противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры, всей остальной партийной массе, как объекту воздействия. Если бы этот режим упорно сохранялся и дальше, то он, несомненно, грозил бы в конце концов вызвать перерождение партии — притом одновременно на обоих ее полюсах, т. е. и в партийном молодняке, и в руководящих кадрах».

И этот прогноз Троцкого также в настоящее время оправдался целиком. Перерождение партии идет такими быстрыми шагами, оно уже настолько далеко зашло, что только решительные и смелые меры оперативного порядка могут спасти положение.

В этом своевременном и правильном ленинском вскрытии зародышей начавшегося незаметного перерождения партии, в страстном стремлении Троцкого вернуть партию на путь внутрипартийной демократии и здорового демократического централизма заключается огромная историческая и революционная заслуга Троцкого, которую не отнимает у него никакая клевета и никакие его прошлые ошибки.

Слабые и сильные стороны Троцкого известны. До 1917 г. он не был большевиком. В борьбе с Лениным он был целиком не прав, после 1917 г. он снова делал немало ошибок. Не гений, а только крупный талант, универсально и европейски образованный; блестящий, острый, но неглубокий ум; не глубокий теоретик, а лишь несравненный по стилю, первый во всей мировой марксистской литературе публицист, склонный к красивой схеме, к яркой революционной фразе, заменяющей порой конкретный трезвый анализ; железная воля, переходящая, однако, порой в упрямство; яркая крупная индивидуальность; замечательный организатор, мировой трибун, искренне и глубоко преданный делу коммунизма,— таков Троцкий как вождь.

Троцкий не цельная монолитная фигура гения, как Ленин. Он страдает рядом крупных недостатков и противоречий. И все же, несмотря на все усилия Емельянов Иловайских вычеркнуть имя Троцкого из истории Октябрьской революции, он навсегда останется первым после Ленина ее вождем и трибуном, ее знаменосцем, ее творцом и организатором! С именем Ленина и Троцкого навсегда будет связано торжество пролетарской революции, ее невиданный подъем, ее лучший героический период. С именем

Сталина, в лучшем случае, будут связаны годы лихолетья пролетарской революции, годы мрачной реакции, годы величайшего опозорения учения Маркса и Ленина.

Сталин объявил сейчас троцкизм авангардом международной контрреволюционной буржуазии. Однако, во всех этих действиях и «страшных» словах бессильно обнаглевшего диктатора нет даже и тени какого-нибудь обоснования.

Контрреволюционную роль отдельные лица и целые политические группы и течения могут играть порой и тогда, когда они причисляют себя (иногда даже искренне) к лагерю революции или, по крайней мере, к лагерю защитников интересов пролетариата и трудящихся масс. История дает для этого немало примеров. Такова роль эсеров и меньшевиков в Октябрьской революции, такова роль левых эсеров и левых коммунистов, такова роль с/демократии и, в частности, ее левого крыла. Революционные фразы нередко бывают связаны и прикрывают контрреволюционные действия и поведение. Это не подлежит сомнению. И если бы Сталин продолжал обвинять Троцкого и троцкистов в том, в чем он их обвинял в 1927 г., т. е. в том, что они объективно играют контрреволюционную роль, то такое обвинение хотя и было бы неправильным, клеветническим, но в нем все же была бы соблюдена хотя бы видимость марксистско-ленинского подхода к вопросу. Утверждение же Сталина, что троцкизм — авангард международной контрреволюционной буржуазии, просто глупо.

В самом деле, для того чтобы быть авангардом международной контрреволюционной буржуазии, политическая партия или группа не только субъективно, но и объективно, открыто, прямо должна быть врагом коммунизма и всякого пролетарского революционного движения. В настоящее время авангардом мировой контрреволюционной буржуазии всюду является фашизм, фашистские организации.

Основные требования программы фашистов как передового отряда международной контрреволюционной буржуазии сводятся к следующему:

1) беспощадные подавления с помощью террора мирового коммунистического движения и объявление всех коммунистических партий нелегальными, 2) подавление всякого пролетарского революционного движения, 3) уничтожение парламентаризма, 4) установление единоличной диктатуры, как в Италии, Венгрии.

Троцкисты же стоят на прямо противоположной точке зрения: они борются за вооруженное низвержение буржуазии, за пролетарскую диктатуру, за коммунизм, за вооруженное подавление рабочими фашизма. Они открыто пропагандируют эти свои взгляды. Наконец, «авангард контрреволюционной буржуазии» должен быть связан с соответствующими кругами буржуазии, как это имеет место у всех буржуазных политических партий, организационной и финансовой поддержкой. Троцкисты же ни организационно, ни экономически никаких связей ни с какой группой буржуазии не имели и не имеют.

Отныне у Сталина имеется два авангарда международной контрреволюционной буржуазии: с одной стороны, фашизм — авангард действительный, признанный решениями конгрессов, проявляющий себя в действии, и, с другой стороны, троцкизм — авангард, специально «состряпанный» Сталиным после чтения острых, бичующих статей Л. Д. Троцкого, в которых последний показывает подлинное лицо Сталина. Эти два авангарда противоположны. Их программы, тактика, пропаганда, агитация, идеология, социальная база — непримиримо враждебны друг другу, но Сталин заставляет их выполнять одну и ту же функцию. Какой бы вздор Сталин ни говорил, ВКП(б) и Коминтерн возражать не смеют. Все сойдет за марксизм-ленинизм!

Сталин всякую оппозицию по отношению к его политике и руководству объявляет контрреволюционной. Между тем быть в оппозиции по отношению к его неправильной, гибельной, антипролетарской, антиленинской политике — прямая обязанность всякого честного, преданного, подлинного коммуниста и пролетария.

Обратимся теперь к группе Бухарина.

Не подлежит сомнению, что Бухарин образованнейший марксист. Но по всему складу своего ума он больше схематик и механист. В его теоретических работах, из которых некоторые («Империализм и накопление капитала», «Мировое хозяйство и империализм», «Политическая экономия рантье») являются ценнейшим вкладом в мировую марксистско-ленинскую литературу, имеется немало серьезнейших ошибок. Из этих ошибок некоторые даже являются ошибками оппортунистическими. Особенно большим количеством ошибок изобилуют его теоретические работы «Экономика переходного периода» и «Теория исторического материализма». Ошибки и слабые стороны «Экономики переходного периода» гениально вскрыты и охарактеризованы Лениным. Что же касается «Теории исторического материализма», то основной и решающий ее порок заключается в том, что она опирается на совершенно антимарксистскую, механистическую богдановскую теорию равновесия [65].

Из других теоретических оппортунистических ошибок Бухарина следует отметить его «теорию организованного капитализма» и теорию «врастания кулацких кооперативных гнезд» в систему социалистической экономики.

Правильно ли, однако, Сталин превратил Бухарина в оппортуниста? Нет, неправильно. Неправильно потому, что отдельные оппортунистические ошибки еще не делают большевика оппортунистом. Только система оппортунистических взглядов делает человека оппортунистом.

Ни один пролетарский революционер не может быть гарантирован от отдельных оппортунистических ошибок. Сталин, как мы уже отметили выше, делал в прошлом несравненно более тяжелые, грубые и вредные оппортунистические ошибки, но было бы демагогией и гнусным политиканством превращать его из-за этих отдельных, хотя и серьезнейших оппортунистических ошибок в оппорту-

ниста. Оппортунистов нужно изгонять из ленинской партии, а оппортунистические ошибки критиковать, устранять и исправлять.

Фальшь, нечестный подход к Бухарину, Рыкову и Томскому со стороны Сталина обнаруживается, однако, не только в этом. Беспринципное политиканство Сталина обнаруживается в том, что Сталин теоретическими и оппортунистическими ошибками Бухарина «перекрыл» и правильные взгляды бухаринской группы, фальсифицировал их, свалил все в одну кучу и превратил в законченную «систему оппортунизма».

Это обычный метод политиканов и софистов. Когда Бухарин и его группа настаивали на сохранении меры в темпах индустриализации, когда они боролись за необходимость решительно раз и навсегда покончить с «чрезвычайными мерами» в деревне, они были абсолютно правы. Ход событий полностью подтвердил их взгляды. Авантюристические темпы индустриализации, политика «чрезвычайных мер» в деревне в течение четырех лет загнали партию, рабочий класс и всю страну в невиданный тупик.

Когда Бухарин в своих «Заметках экономиста»[66] писал, что для возможно более благоприятного хода общественного воспроизводства и систематического роста социализма, а следовательно, возможно более выгодного для пролетариата соотношения классовых сил в стране — необходимо добиваться возможно более правильных сочетаний основных элементов народного хозяйства («балансировать» их, расставлять их наиболее целесообразным образом, активно воздействуя на ход экономической жизни и классовой борьбы), то он был в десятки раз более последовательным ленинцем, чем Сталин со всеми его софистическими «фокус-покусами» о бурных темпах индустриализации, «вступлении в социалистическое общество», «улучшении положения рабочего класса» и пр.

Но если Бухарин как теоретик марксизма и ленинизма при всех его ошибках и промахах, при всей его склонности к механическому методу мышления остается крупнейшей фигурой, то как политический вождь он оказался ниже всякой критики. Умный, но не дальновидный человек, честный, но бесхарактерный, быстро впадающий в панику, растерянность и прострацию, не способный на серьезную и длительную политическую борьбу с серьезным политическим противником, легко поддающийся запугиванию; то увлекающийся массами, то разочаровывающийся в них, не умеющий организовать партийные массы и руководить ими, а, наоборот, сам нуждающийся в постоянном и бдительном руководстве со стороны других — таков Бухарин как политический вождь.

Между тем именно в такой момент, как настоящий, когда губится дело Маркса, Энгельса, Ленина, когда Сталин под лживые крики о победах социализма вонзает нож в спину пролетарской революции,— больше чем когда-либо прямой обязанностью всех честных подлинных вождей партии является не презренное холуйство перед Сталиным и обман масс, чем занимаются Бухарин, Радек, и даже не молчание, как это делают Рыков, Томский, Угла-

нов и бывшие вожди троцкистской оппозиции, а новая мужественная борьба, не останавливающаяся перед исключением из ЦК, перед исключением из партии и даже перед перспективой ссылки. Именно в этот момент подлинные вожди должны показать себя достойными звания вождей. Не оправдываться мнимой пассивностью масс, не оправдывать свое бездействие отсутствием поддержки со стороны затравленных, задавленных, терроризированных, но ищущих руководства для борьбы со Сталиным партийцев и беспартийных рабочих, а становиться во главе их, руководить ими — такова обязанность подлинных вождей, подлинных ленинцев в настоящее время.

«Признание» своих ошибок, маневрирование в обстановке внутрипартийного террора неизбежны и необходимы, капитуляция же нетерпима и позорна. «Признать свои ошибки», чтобы через некоторое время вновь открыто выступить и еще раз показать массам, к чему привели политика и руководство Сталина, призвать массы членов партии покончить с гибельным для партии и страны руководством бесчестного диктатора — только в этом и может быть для бывших вождей оправдание «признания своих ошибок», если они хотят быть вождями и подлинными пролетарскими революционерами.

В настоящее время наступил именно такой момент, когда требуется новое открытое выступление всех бывших вождей, всех честных большевиков со своей открытой, смелой программой выхода из тупика и возвращения к ленинским принципам руководства страной пролетарской диктатуры. Иначе история навсегда пригвоздит их к позорному столбу.

10. ОЦЕНКА ВЗГЛЯДОВ ВРАГОВ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ.

Излюбленный прием шельмования всякой оппозиции со стороны Сталина и его клики заключается обычно в ссылках на то, что враги Сов. власти говорят то же, что и оппозиция, что меньшевики хвалят оппозицию, соглашаются с ней и т. д.

Такой прием всякого марксистски незрелого партийца оглушает, пугает и парализует у него всякое желание самостоятельно продумывать и решать коренные вопросы пролетарской революции. Ведь таким образом всегда можно попасть в оппозицию!

В действительности вопрос отношения к тем или иным разногласиям внутри ВКП(б) со стороны врагов пролетарской диктатуры, оценка той или иной линии партии еще далеко не решает вопроса о правильности и самой этой линии.

Само собой разумеется, что нужно чрезвычайно внимательно прислушиваться к голосу врагов, чрезвычайно серьезно изучать их оценку того или иного шага партии, оппозиции, Советского правительства или отдельных его органов.

Но враг пролетарской диктатуры иногда может говорить прав-

ду, иногда же, наоборот, по тактическим соображениям может лгать. Как в настоящей войне разбитый противник очень часто для того, чтобы приостановить разложение, разброд и панику в своих рядах, сознательно раздувает всякую малейшую неудачу и освещает в ложном свете положение противоположной стороны, так и в политической борьбе в подобных случаях прибегают нередко к таким же приемам. Или может быть такое положение: факты могут иногда констатироваться врагом правильно, выводы же из этих фактов делаются совершенно лживые, продиктованные его классовыми и политическими стремлениями. Так, например, при переходе к новой экономической политике некоторые враги Сов. власти правильно отмечали, что мы, пойдя на уступки основной массе крестьянства, вместе с тем сделали известные уступки и частному капиталу. Выводы же из этих фактов, что большевики повернули назад к капитализму, оказались абсолютно неверными, лживыми, продиктованными их классовыми интересами и желаниями. Из правильных посылок очень часто, а в политике особенно, делаются неверные выводы.

Что же касается разногласий внутри коммунистической партии, то для буржуазии всякая серьезная борьба внутри партии представляет отрадное явление, ибо она связывает с этим надежды на разложение и гибель пролетарской диктатуры. Естественно поэтому, что по отношению ко всякой оппозиции внутри партии (как действительно оппортунистической, так и последовательно ленинской) она будет питать некоторые симпатии, как к открытому проявлению какого-то ненормального болезненного положения внутри партии и пролетарской диктатуры.

Если это оппозиция слева (по отношению к официальному курсу партии), то враги пролетарской диктатуры будут всегда по-своему использовать, перерабатывать аргументы оппозиции, кричать о крахе пролетарской диктатуры и в то же время критиковать самое оппозицию за утопизм и авантюризм. Смешно, однако, было бы брать эти обвинения в авантюризме за чистую монету. Для буржуазии всякая пролетарская революционная, ленинская политика — «авантюристическая политика». Буржуазия заинтересована в том, чтоб толкать партию вправо, на путь оппортунизма, а с пути оппортунизма — на путь полной реставрации капитализма. Ей выгодно даже оппортунизм выдавать за марксизм-ленинизм. Но было бы чистейшим политическим шарлатанством только на основании того, что враги пролетарской диктатуры используют те или иные аргументы оппозиции, что буржуазия проявляет некоторую радость по поводу возникновения оппозиции, утверждать, что данная оппозиция является антиленинской, непролетарской. Наоборот, по отношению к действительно оппортунистическому руководству левая оппозиция может быть и подлинно ленинской оппозицией. Может быть, конечно, и такое положение, что официальная линия партии является подлинно оппортунистической, а в то же время оппозиция слева не сумеет занять последовательной большевистской позиции, а займет пута-

ную позицию — по одним вопросам подлинно ленинскую, а по другим авантюристическую.

Тут возможно бесконечное количество комбинаций, вариантов и оттенков, и только конкретный марксистско-ленинский анализ может показать, права ли оппозиция, а если права, то в чем права и в чем ошибается.

Если это будет оппозиция справа по отношению к официальной линии партии, то враги пролетарской диктатуры и тут будут всегда по-своему одобрять и использовать критику и аргументы оппозиции, «углублять» их, кричать о гибели большевизма, и в то же время критиковать оппозицию, обвинять ее в непоследовательности, в половинчатости и стараться толкать ее дальше вправо.

Значит ли это все же, что всякая оппозиция справа является обязательно оппортунистической, антиленинской оппозицией? Ни в коем случае! По отношению к последовательной ленинской политике всякая оппозиция справа внутри партии является, конечно, оппортунистической оппозицией; по отношению же к действительно авантюристической, «архилевой» официальной линии руководства оппозиция справа может быть и последовательно ленинской оппозицией; Ленин постоянно учил большевиков, что мы никогда не можем и не станем ставить лозунга быть революционнее всех. За революционностью мелкобуржуазных авантюристов, оторванных от классовой почвы и реального трезвого учета экономической и политической обстановки, щеголяющих фальшивыми псевдореволюционными фразами, настоящие ленинцы никогда не гонялись и не будут гоняться.

Может быть, конечно, и такое положение, что официальная линия партии является авантюристической, «архилевой», но в то же время и оппозиция к ней является действительно оппортунистической, правой целиком или по некоторым вопросам. Здесь также возможно бесконечное количество вариантов, оттенков и оттеночков. Практика бесконечно разнообразнее, богаче всякой формулы, всякого закона. И здесь нельзя обойтись голым общим положением, а нужен конкретный анализ.

Но все это бесконечно далеко от сталинского объявления всякой оппозиции покушением на основные принципы ленинизма. Ленинское положение «кто хоть сколько-нибудь ослабляет единство партии и ее дисциплину, особенно во время диктатуры пролетариата, тот вольно или невольно помогает буржуазии» [67], является абсолютно правильным, но это положение покоится на другом, молчаливо признаваемом условии — на правильности политики партии.

И Ленин из своего положения отнюдь не думал создавать абсолютного закона, применяемого к какой угодно политике партии и ее руководству. Ленин, наоборот, прямо подчеркивал, что без правильной политики партии, при которой массы на своем собственном опыте убеждаются в ее правильности, всякие разговоры о единстве и о дисциплине превращаются в «пустышку», в «кривляние». Именно такой пустышкой, кривлянием являются в настоя-

щее время разговоры о единстве, ибо этого единства в настоящее время фактически нет. И никакой внутрипартийный террор этого факта скрыть не в состоянии.

Всякая, даже правильная ленинская оппозиция при господстве пролетарской диктатуры несет с собой известные опасности для пролетарской диктатуры, окруженной со всех сторон врагами, всякая оппозиция является с этой точки зрения «злом». Но при гибельной политике официального руководства, подрывающего и дискредитирующего основы ленинизма и социалистического строительства, издевающегося над правами членов партии,— это зло становится наименьшим «злом», это зло превращается в «благо», в прямую обязанность каждого честного и подлинного коммуниста.

Все наши враги были и остаются непримиримыми противниками коммунизма, но раньше для подрыва большевизма им приходилось фабриковать и выдумывать факты, теперь же Сталин и его политика доставляют им в изобилии подлинные факты, дискредитирующие пролетарскую диктатуру. Такие факты, как невероятное обнищание рабочих и крестьянских масс в результате проведения «генеральной линии», невиданное снижение реальной заработной платы, насильственная коллективизация, хлебозаготовки с помощью систематических репрессий над середняцкими массами, голод в деревне, голод в городах, бесчисленные восстания в деревнях и пр.,— совершенно неоспоримы.

Они единодушно признаются в Советском Союзе всеми — и коммунистами, и беспартийными, и рабочими, и крестьянами, и врагами Советской власти, и ее преданными защитниками.

Эти факты отрицать невозможно, если даже они констатируются врагами пролетарской диктатуры. Факты — упрямая вещь,— говорит английская поговорка. Они кричат о себе со всех крыш по всем городам и селам Советского Союза, они торчат тысячами со страниц всех советских газет, сколько они ни стараются их скрыть, они выглядывают во все щели резолюций и постановлений ЦК и правительства.

Огромное количество фактов враги пролетарской диктатуры и коммунизма из области нашей советской действительности отмечают в общем верно. Выводы же, которые они делают из них, коренным образом расходятся с нашими взглядами.

Враги коммунизма из современной советской действительности и всей политики Сталина делают вывод о крушении марксизма-ленинизма, мы же считаем, что банкротство Сталина и его клики не есть еще крушение марксизма-ленинизма.

Политика Сталина и его эксперименты могут отбросить наше поступательное победоносное шествие на 20—30 лет назад. Можно серьезно опасаться, что Сталину удастся даже окончательно погубить Советский Союз как социалистическую республику. И все же учение Маркса — Ленина непобедимо, ибо оно верно. Ибо оно верно и последовательно вскрывает основные законы развития природы и общества. Если извращения оппортунистов 2-го Интер-

национала во главе с Каутским не могли погубить учения Маркса, если невиданный крах 2-го Интернационала с возникновением мировой войны не мог похоронить коммунистическое мировоззрение и метод диалектического материализма, то этой роли не удастся выполнить и такому фальсификатору и «могильщику» ленинизма, как Сталин. Сталин обанкротился, а учение Маркса и Ленина, обогащенное опытом сталинского «эксперимента», после некоторой остановки поднимется еще на большую высоту и снова начнет свое поступательное победное шествие.

Враги большевизма из нашей советской действительности делают вывод о крушении самого принципа и системы пролетарской диктатуры, мы же видим в ней лишь крушение неправильной, антиленинской, авантюристической политики.

По мнению врагов коммунизма, банкротство Сталина требует ревизии учения Маркса и Ленина, мы же и в самом банкротстве сталинской политики видим только лишнее подтверждение полной правильности теории революционного марксизма. Само банкротство сталинской политики наиболее глубоко и наиболее правильно можно понять только с точки зрения ленинизма.

Отсюда для каждого большевика должно быть ясно, что все попытки Сталина на основании одного того, что мы признали правильными многие факты из нашей советской действительности, отмечаемые врагами большевизма, причислить нас к врагам ленинизма или к оппортунистам, будут обычным софистическим приемом, выдерживающим один внешний признак сходства и скрывающим коренные признаки отличия. Этим приемом ни один подлинный коммунист не должен дать себя запугать или обмануть.

Точно так же нельзя поддаваться и на запугивания партийного аппарата криками о нарушении единства партии. Ленинское единство партии нужно всемерно охранять и защищать. Сталинское же «единство» партии, основанное на терроре партийных масс и ведущее к гибели пролетарской диктатуры, необходимо не только нарушить, но и возможно скорее разрушить.

11. КРИЗИС КОМИНТЕРНА.

После характеристики Сталина, его приемов борьбы и его теоретических позиций мы можем перейти к международной обстановке и нашему внутреннему положению.

Объективные экономические предпосылки и условия для низвержения капитализма во всем мире уже давно имеются налицо. Империализм — канун мировой социалистической революции. Капиталистическая система переживает всеобщий кризис. Современный мировой экономический кризис, невиданной еще глубины и широты, развивается в рамках всеобщего кризиса капитализма и по своим особенностям является отражением и выражением общего кризиса капитализма. Существование пролетарской диктатуры на одной шестой части земного шара, несмотря на переживаемый самой пролетарской диктатурой кризис, вытекающий из

чисто субъективных причин, неправильного антиленинского руководства, является наиболее ярким выражением и проявлением начавшегося распада и краха капиталистического общества.

Материальные предпосылки для победы социализма во всех капиталистических странах имеются налицо. Не хватает субъективных предпосылок и, прежде всего, массового влияния руководства этих партий пролетарскими и мелкобуржуазными трудящимися массами города и деревни, не хватает кадров, достаточно многочисленного теоретически зрелого, закаленного, выдержанного актива, наконец, не хватает кадров авторитетных, с широким марксистско-ленинским кругозором и основательным теоретическим багажом, умеющих самостоятельно ставить и разрешать как общие теоретические вопросы, так и вопросы стратегии и тактики классовой борьбы вождей.

При таких условиях правильное руководство Коминтерном для судеб мировой пролетарской революции имеет решающее значение. Между тем на деле мы имеем картину прямо противоположного порядка. Руководство Коминтерном за последние годы носит такой характер, оно приняло такие формы, что об укреплении позиций Коминтерна не может быть и речи. Наоборот, Коминтерн переживает в настоящее время несомненный кризис. Этот кризис выражается в следующем:

1. Коминтерн из штаба мировой пролетарской революции, чем он на деле был под руководством Ленина, Зиновьева и до некоторой степени даже под руководством Бухарина, превратился после разгрома всех оппозиций и соратников Ленина, после утверждения личной диктатуры Сталина в ВКП(б) и в Коминтерне просто в канцелярию Сталина по делам компартий.

Если Людовик XIV говорил: «Франция — это я», то Сталин теперь с такой же уверенностью говорит: «Коминтерн — это я».

2. При Ленине и при Зиновьеве в руководящем ядре Коминтерна работали подлинные вожди, каждый из которых самостоятельно и смело ставил коренные теоретические и политические вопросы, не боясь ложных обвинений в уклонах, не опасаясь, что за допущенные ошибки его будут шельмовать и оплевывать, а зная наперед, что его лишь товарищески поправят. В руководящем ядре Коминтерна постоянно билась живая творческая большевистская мысль. Никто не боялся возражать Ленину или Зиновьеву, ибо они боролись с ошибками силой аргумента, а не аргументом силы. В настоящее время, наоборот, в Коминтерне нет вождей, а есть лишь исполнительные чиновники, боящиеся проронить лишнее слово, высказать самостоятельную смелую мысль, постоянно оглядывающиеся на мстительного и не разбирающегося в средствах борьбы начальника. Даже некоторые бывшие подлинные вожди, пройдя за последние годы курс сталинской учебы, превратились в простых сталинских холопов, в героев «чего изволите».

3. В теоретической области в Коминтерне мы имеем за последние годы полное оскудение, на философском фронте и в области теоретической экономии — настоящая Аравийская пустыня.

Нет ни одной работы, ни философской, ни по политической экономии, ни по другим общественным наукам, достойной упоминания. Вся теоретическая мудрость последнего времени воплощена для Коминтерна в безграмотной, тупой, лживой статье Сталина — письме в редакцию «Пролетарской революции». Весь диалектический материализм уложен им в прокрустово ложе «шести условий» [68].

Сталин теперь является для Коминтерна официально непогрешимым папой. Но не потому, что компартии считают его действительно авторитетом в области теории марксизма-ленинизма, а, наоборот, несмотря на то, что все, видя его теоретическое и идейное убожество, не в силу его права, а в силу его силы, не из доверия к нему, а из боязни перед ним. Всех руководящих работников Коминтерна не только в Москве, но и на местах Сталин держит крепко в руках прямой и косвенной материальной зависимостью, и это решающий аргумент для утверждения его «теоретической» непобедимости.

Но такое противоречие между словами и действительностью, между заявлениями и внутренними убеждениями, такое низведение марксизма-ленинизма до уровня плоской аналогистики, произвола и различных политических ходов и комбинаций Сталина не может содействовать теоретическому росту членов партии и всего актива Коминтерна, не может помогать укреплению дисциплины и сплоченности компартий, их количественному и качественному росту.

4. Кризис Коминтерна находит свое начало, как видно уже из предыдущего, в кризисе ВКП(б), руководящей секции Коминтерна, о чем мы более подробно будем говорить дальше. Без преодоления кризиса в ВКП(б) нельзя рассчитывать и на преодоление кризиса Коминтерна. Противоречивость положения руководящих центров всех компартий заключается в том, что они вынуждены обманывать своих членов партии и рабочих о действительном положении в ВКП(б) и о действительном положении Советского Союза. Они вынуждены выдавать за правду то, что пишут в советских газетах, о чем кричат в постановлениях и воззваниях. Но факты о действительном положении в СССР все же просачиваются и в партийные, и в рабочие массы. Некоторые рабочие сами попадают в Советский Союз и имеют возможность видеть всю лживость утверждений Сталина об улучшении положения масс, росте их активности, повороте середняка в сторону социализма, вступлении СССР в социалистическое общество и пр., другие вылавливают эти факты, хотя и в искаженном виде, из буржуазной печати, третьи, достаточно вдумчивые, кризисное состояние ВКП(б) и СССР видят даже из того материала, который доставляет им их собственная коммунистическая печать.

В результате всего этого — пассивность, разброд, разочарование и рост выходов из компартий.

5. Запутавшись безнадежно во внутренней политике СССР, зайдя в безвыходный тупик, превратив политику ВКП(б) в поли-

тику трюков и беспринципных шахматных ходов, Сталин эту же линию вынужден проводить и во внешней политике. При этом авантюризм во внутренней политике он вынужден компенсировать в ряде случаев подлинным оппортунизмом во внешней политике. Образцом такой подлинно оппортунистической, изменнической линии Сталина в Коминтерне может служить позиция ВКП(б) и Коминтерна по отношению к империалистическому грабительскому нападению Японии на Шанхай [69].

В самом деле, раньше, как известно, самое мелкое нападение империалистов на какие-нибудь народы и племена Африки или Азии, самая незначительная опасность нападения империалистов на Советский Союз сейчас же влекли за собой бурную кампанию Коминтерна и ВКП(б) против этого нападения и против этой угрозы. Тотчас же выпускались воззвания Коминтерна, устраивались массовые демонстрации протеста по всему Советскому Союзу, созывались собрания рабочих по заводам и фабрикам, газеты заполнялись пламенными резолюциями протеста и т. д. Такая политика Коминтерна и ВКП(б) была понятна и ясна каждому рабочему и каждому коммунисту.

Теперь картина совершенно обратная. Нападение японцев на Шанхай — мировой пролетарский центр — имеет всемирно-историческое значение. Убиты самым зверским (безусловно) образом тысячи пролетариев, тысячи и десятки тысяч их жен и детей, уничтожены величайшие культурные ценности, уничтожены библиотеки. И Коминтерн молчит как рыба! Ни одного воззвания к пролетариям и народам всего мира! Никакой открытой позиции, которая бы была ясна и понятна массам! Сталин может сослаться на то, что отдельные компартии, за исключением ВКП(б), выпускали воззвания и выносили на собраниях резолюции протеста. Но разреженные выступления отдельных компартий — это еще не выступления Коминтерна.

Выступления отдельных компартий не могут заменить выступления Коминтерна, его руководящего центра. Почему Коминтерн не показал своего отношения к этому важнейшему историческому событию, почему Коминтерн таинственно молчит? Почему не проведено ни одного собрания рабочих СССР? Почему не напечатано ни одной резолюции протеста в газетах?

Потому, что внутреннее положение Советского Союза вынуждает Сталина вести в ряде случаев оппортунистическую внешнюю политику, что и находит свое отражение в отсутствии по этому вопросу у Коминтерна и ВКП(б) открытой и понятной массам позиции. Сталин по этому вопросу делает таинственное лицо и изображает свою линию как очередное проявление его мудрости. В действительности мы здесь имеем перед собой только очередной трюк беспринципного политикана, не больше.

Затем, на Дальнем Востоке надвигается военная гроза. По всей стране ползут и ширятся слухи о надвигающейся войне. А Коминтерн снова молчит как рыба! Снова ни одного воззвания. Снова никакой ясной позиции ЦК ВКП(б). Наоборот, и здесь, вме-

сто ясно выраженной и подробной характеристики данного положения вещей, новый трюк — передовая в «Известиях», наполненная неясностями [70]. На другой день перепечатка передовой «Известий» «Правдой» (небывалое явление) и другими газетами, что должно подчеркнуть какой-то особый, тайный и важный политический смысл этой передовой. И снова массы в недоумении, снова бродят в потемках.

Происходит какая-то таинственная шахматная игра. Не исключено, что и здесь Сталин перекинется от оппортунизма к авантюризму.

Но если Коминтерн в своей политике последовательную и принципиальную позицию, понятную и близкую массам, подменяет дипломатическими комбинациями, то это может свидетельствовать только о необычайном падении роли Коминтерна и о его кризисе.

Наиболее яркое и наглядное выражение кризис Коминтерна за последние годы находит в гигантском уменьшении численности компартий при остановке роста и влияния на рабочие массы. Прекращение роста влияния компартий на рабочие массы особенно ярко показали выборы в английский, германский парламенты и выборы президента в Германии. Что же касается падения численности компартий, то оно видно из следующей таблички:

	1928 г.	1931 г.
Англия	3500	3200
Франция	55000	35000
Германия	130000	265000
Америка	11700	10000
Чехо-Словакия	110000	45000

За исключением Германии — всюду падение. Чем это объясняется?

Удовлетворительное объяснение можно найти только в кризисе компартий и кризисе Коминтерна. Одной очисткой от оппортунистических элементов (а в коммунистических партиях капиталистических стран и теперь еще имеется немало подлинных оппортунистов) такого явления объяснить нельзя. Наоборот, очистка от оппортунистов при правильном руководстве должна была бы содействовать быстрому росту и усилению влияния в массах. Фактически же мы видим и уменьшение компартий и ослабление их влияния.

Кризис Коминтерна находится, однако, только еще в начальной стадии. Компартии должны в себе найти силы и радикально покончить в ближайшее же время с политикой Сталина и его руководством. Они должны возвратить Коминтерн на ленинский путь. В противном случае рост кризиса грозит неисчислимыми тяжелыми последствиями для всего мирового пролетарского революционного движения на длительный период.

12. КРИЗИС ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ.

I. Экономический кризис.

Партия и пролетарская диктатура переживает глубочайший кризис. Этот кризис является универсальным, всеобщим. Он находит свое выражение и проявление: во-первых, в экономическом кризисе, охватывающем как социалистическую экономику, так и единоличное крестьянское хозяйство, во-вторых, в гигантском кризисе ВКП(б) и, в-третьих, в кризисе всего механизма пролетарской диктатуры и ее приводных ремней (Советы, профсоюзы, кооперация, печать и пр.).

При обычных нормальных условиях статистика служит важнейшим орудием для познания процессов состояния экономики. Для социалистического строительства статистика является незаменимым орудием планирования. Без добросовестного и строжайшего отношения к составлению отчетных статистических данных и плановых статистических предположений не может быть планового социалистического строительства, не может быть нормального, в основном бескризисного, социалистического развития. Социализм — это учет, говорил Ленин.

Но в настоящее время сталинской статистике доверять может только безнадежный идиот. «Сталинская статистика» служит не для обоснования истины, а для прикрытия ее, для обмана масс. В будущем статистиками-марксистами и историками, несомненно, будут написаны целые научные труды о том, как Сталин с помощью своей «статистики» надувал массы членов партии и рабочих насчет своих темпов.

Существует английская шутка, что статистикой можно доказать все, что угодно. Для Сталина эта шутка превратилась, однако, в настоящую максиму, принцип руководства при освещении «успехов» соцстроительства статистическими данными.

Теперь Сталин в газетах начинает везде кричать об очковтирательстве местных работников. Очковтирательство районных работников в статистических данных о посевных площадях под хлопком, льном, пшеницей, обман в статистических данных по засыпке семфондов, очковтирательство заводов в выполнении промфинпланов. Всюду очковтирательство и обман! И снова районные работники и директора виноваты. Поистине козлы отпущения и мальчики для битья! Почему, однако, 5—6 лет тому назад не было этого очковтирательства, почему оно стало массовым, типичным, характерным явлением лишь в последние годы? Потому, что вся политика Сталина — сплошное очковтирательство, сплошной обман масс. Политика дутых темпов и дутых планов с обязательным требованием их выполнения и перевыполнения, политика крикливых и лживых реляций о победах, находящаяся в кричащем противоречии с действительностью, неизбежно связана с лживыми статистическими сведениями. Отцом, шефом и творцом очковтирательства во всех его формах является Сталин и только он. Очковтирательство, его развитие шло не снизу вверх,

а сверху вниз. Местные работники были только исполнителями и маленькими винтиками во всей механике обмана.

Теперь же, когда «бумеранг» сталинского надувательства возвращается обратно и поражает самого «творца», он начинает кричать об очковтирательстве и обмане партии местными работниками. Это, что называется, свалить с больной головы на здоровую. Возвращаясь к статистике, можно сказать, во всяком случае со всей определенностью, что сталинской статистикой можно пользоваться лишь крайне осторожно и то в качестве подсобного материала для того, чтобы установить действительную картину экономики.

Выводы нам придется делать лишь на основании многочисленных наблюдений и показаний очевидцев и соответствующей обработки их, что сможет, в известной степени, заменить метод выборочного статистического обследования.

Основной и характерной чертой экономического кризиса является, во-первых, уменьшение основного капитала страны, несмотря на постройку десятков крупнейших заводов.

Основной капитал страны в 1927 г. (тогда статистика была еще верна), по данным Госплана, равнялся 61 миллиарду рублей. Из них на долю промышленности и транспорта приходилось 21 миллиард рублей; городские жилищные постройки — 14 миллиардов рублей; все сельские постройки — 14 миллиардов рублей; весь скот — 9 миллиардов рублей и прочий сельскохозяйственный инвентарь — 3 миллиарда рублей.

За это время в ценах 1927 г. капитальные вложения составляют примерно 9 миллиардов, из них основных — не более 7 миллиардов, а остальные находятся в постройке или законсервированы в начатых, но приостановленных строительствах. Основной капитал промышленности составляет теперь, таким образом, 28 миллиардов. В новое городское жилищное строительство с 1927 г. (в ценах 1927 г.) вложено около 2 миллиардов рублей; но в то же время старый жилищный фонд в тысячах уездных, заштатных и десятках крупных городов (за исключением небольшой части таких городов, как Москва, Ленинград, Харьков) совершенно не ремонтировался, а, наоборот, шло необычайно быстро его разрушение. Если принять во внимание, что этот фонд состоит в весьма значительной части из деревянных строений, требующих частного и тщательного ремонта, то расходы на амортизацию должны составлять не менее 3—3,5 процентов ежегодно, что составляет за 4 года (1928—1931 гг.) те же 2 миллиарда. Жилищный фонд городов в ценностном выражении остается, следовательно, без изменения. Зато основной капитал деревни гигантски уменьшается. Жилищный фонд деревни и другие строения за последние 4 года разрушены не менее, чем на 30 процентов. От 14 миллиардов это составляет 4,2 миллиарда. На все же строительство колхозов в лучшем случае падает 200 миллионов рублей. Сельскохозяйственный инвентарь, телеги, сани, сбруя, плуги разрушены, поломаны, растеряны, порваны не менее чем на 50 процентов. Это состав-

ляет 1,5 миллиарда рублей. Наконец, количество скота, по общим утверждениям всех добросовестных наблюдателей, в результате принудительной коллективизации за все время авантюристической, антиленинской политики в деревне уменьшилось: лошадей на 70 процентов, коров на 10 процентов, свиней и овец на 85—90 процентов, кур на 70—80 процентов. В среднем сокращение животноводства мы имеем не менее чем на 70 процентов. Это составляет 6,3 миллиарда рублей. Этому мы можем противопоставить лишь 100 тысяч тракторов, что при стоимости трактора в 2 тысячи рублей дает всего 200 миллионов. Если даже сюда на остальные сельскохозяйственные машины, приобретенные деревней за последние годы (а их покупка почти приостановилась), прибавить еще 300 миллионов рублей, то и тогда все вместе составит 500 миллионов рублей. Все же остается минус 5,5 миллиарда рублей. В итоге основной капитал деревни в настоящее время составляет вместо 26 миллиардов рублей всего 14 миллиардов рублей (9,8 миллиарда руб. строения, 1,5 миллиарда руб. инвентарь, плюс 2,7 миллиарда руб. животноводство). Основной капитал страны составляет, таким образом, в данное время: 28 миллиардов руб. промышленность и транспорт, 14 миллиардов руб. городской жилищный фонд и 14 миллиардов руб. сельское хозяйство — итого 56,5 миллиарда рублей. Против 61 миллиарда рублей в 1927 г., т. е. в общем и целом мы имеем уменьшение основного капитала страны за 4 последних года на 5 миллиардов рублей, или на 8,5 процента.

Основной капитал промышленности за последние 4 года возрос на 30 процентов, зато основной капитал сельского хозяйства уменьшился почти на 45 процентов.

Но наряду с уменьшением основного капитала страны гигантски уменьшился и ее оборотный капитал: уменьшение запасов золота, продовольствия, одежды, мебели, запасов сырья для промышленности и пр. достигает также не менее 10 миллиардов рублей. Мы живем в настоящее время буквально без всяких запасов, без всяких резервов со дня на день! Как проигравшийся игрок шарит, выискивает в кармане последний пятак, чтобы поставить последнюю ставку, так Сталин и его клика выколачивают из населения последние драгоценности, последние золотые кресты, кольца. Продают за границей, выручая гроши, драгоценные картины, ковры, ценные антикварные безделушки во избежание банкротства сегодня, но только затем, чтоб перед тем же роковым вопросом стать завтра.

Основной и оборотный капитал страны уменьшился, таким образом, не меньше чем на 17—20 миллиардов рублей, сельскохозяйственная база промышленности в корне подорвана, индустриализация — в воздухе. Таковы подлинные, реальные результаты сталинского руководства социалистическим строительством.

Наша промышленность, несмотря на то, что ее основной капитал возрос на 30 процентов, в связи с подрывом сырьевой и финансовой налоговой базы индустриализации также переживает глубочайший кризис. В резолюции 17-й партконференции говорится, что продукция всей социалистической промышленности

составила в 1931 г. 27 миллиардов рублей, что дает 21 процент прироста к 1930 г. [71] Посмотрим, верна ли цифра «27 миллиардов рублей» и верны ли эти проценты.

Сопоставим эти цифры с данными Молотова, приведенными им на XV партсъезде.

Молотов в своем докладе в марте 1931 г. на VI съезде Советов говорил: «Рост промышленности ВСНХ за два года обеспечил повышение валовой продукции с 9,5 до 15,6 миллиарда рублей, т. е. на 64 процента против 41 процента, предусмотренных по плану пятилетки» [72].

Итак, во втором году пятилетки продукция промышленности ВСНХ в ценах 1926—27 гг. составляла 15,6 миллиарда рублей. В третьем (1931 г.) «решающем» году пятилетки мы имеем согласно резолюции 17-й партконференции увеличение продукции на 21 процент по отношению к предыдущему году.

Двадцать один процент по отношению к 15,6 миллиарда рублей составляет 3,3 миллиарда рублей. Итого к концу 1931 г. мы имеем в ценах 1926—27 гг. 18,9 миллиарда рублей. Откуда же взялись 27 миллиардов рублей? Совершенно очевидно, что исчисление велось не в ценах 1926—1927 г., а в ценах 1931 г. Но вести исчисление в ценах 1931 г. при бешеном падении стоимости червонца и не говорить об этом в резолюции ни звука — это значит, во-первых, оглушать цифрами, заниматься надувательством и очковтирательством, в чем сталинская клика обвиняет низовых работников, во-вторых, вести исчисление стоимости в повышающихся беспрерывно ценах 1931 г.— это означает не дать никакого действительного определения размеров роста продукции. Уже этот статистический трюк Сталина и компании сам по себе говорит, что нужно было во что бы то ни стало натянуть хотя бы до 20 процентов повышения.

Итак, мы имеем явное статистическое мошенничество сверху. Но оно, кроме того, дополняется поступлением фальсифицированных, преувеличенных данных непосредственно от заводов, ибо за невыполнение плана снимали с работы, отдавали под суд, обвиняли в оппортунизме и т. д. Не случайно теперь сталинские газеты кричат об очковтирательстве многих предприятий и директоров. Сюда нужно присоединить гигантское ухудшение качества продукции при повышающихся расценках. В переводе всей современной продукции хотя бы только на качество продукции 1926—1927 гг. это должно дать снижение действительной стоимости продукции по крайней мере на 30—40 процентов. Затем сюда нужно добавить огромный рост себестоимости продукции, благодаря гигантским простоям промышленности, растущим из года в год из-за недостатка сырья и дутого планирования. Наконец, сталинская статистика игнорирует, что четыре года тому назад кустарная промышленность также производила значительный процент промышленной продукции, входившей в общий промышленный и торговый оборот страны. В настоящий же момент мы имеем сокращение продукции кустарной промышленности по крайней мере на 35 процентов.

В результате всех этих «поправочных» коэффициентов мы в 1931 г. в общем и целом не только не имели действительного роста производства, но, наоборот, имели бесспорное снижение. В самом деле, металл (даже по официальным данным) дал повышение всего на 6 процентов за год, уголь — 11 процентов, транспорт дал снижение, сахарная промышленность — снижение, химия — ничтожный прирост. Что же касается основных отраслей легкой индустрии, то текстильная промышленность работала исключительно, главным образом, на суррогатах и производила (только для счета) настоящий хлам, кожевенная промышленность на $^{3}/_{4}$ производила брак и суррогаты, пищевая, торговая, швейная и пр. дают опять-таки аналогичную картину.

Если итоги 1931 г., со всеми вышеперечисленными поправочными коэффициентами, добросовестно сравнить даже с итогами 1927—1928 гг., то тяжелая промышленность нам даст за этот период рост, легкая же промышленность даст, безусловно, снижение.

В 1931 г. наша промышленность работала в целом с нагрузкой 50—60 процентов, не больше. Сотни тысяч предприятий и цехов работали с огромными перебоями и простоями из-за недостатка сырья, тысячи предприятий целыми месяцами совершенно стояли.

В настоящее время положение не улучшается, а ухудшается. За исключением угля, металла, автомобилей и тракторов, давших скачок в последние месяцы 1931 г. и теперь остановившихся на этой точке (190 тонн суточная добыча угля, 15 тысяч тонн — чугуна и 15—16 тысяч тонн — стали), остальные отрасли промышленности даже по отношению к 1931 г. дают снижение продукции или стабильное состояние. Сырья нет, необходимых импортных полуфабрикатов нет, оборотных средств нет, хозрасчет в условиях общей анархии хозяйственной жизни из мощного рычага стимулирования производства превратился в оружие дальнейшей дезорганизации.

Реальная зарплата рабочего по отношению к 1926—1927 г. составляет, бесспорно, не более 25 процентов. С выплатой заработной платы в провинции нередко опаздывают на несколько месяцев, питание рабочих невиданно скверное, спецодежды нет. При таких условиях немыслимо и думать о высокой производительности труда рабочих. Голодный, нищий, поставленный в бесправное положение рабочий не может дать высокой производительности труда, даже при наличии всех прочих благоприятных условий.

В дальнейшем перспективы для промышленности еще более мрачны. Сырья в связи с катастрофическим положением сельского хозяйства и отсутствием валюты для покупки его за границей будет еще меньше, финансирование промышленности, в связи с полным подрывом платежеспособности рабочих и крестьянских масс, будет при всех условиях ухудшаться. Уже в настоящее время в скрытом виде по Советскому Союзу имеется не менее 400—500 тысяч безработных (Сталин это мошенническим образом скрывает и будет скрывать, ибо он ведь безработицу ликвидировал). В течение ближайших 1—2 лет безработица охватит

не менее 2—2,5 миллиона рабочих, ибо сырья на фабриках не будет и платить рабочим будет совершенно нечем. На инфляции далеко не уедешь, ибо чем больше используют ее сегодня, тем сильнее она дает отдачу завтра. Совершенно неизбежно дальнейшее падение реальной заработной платы рабочих, ухудшение их питания, падение их жизненного уровня и их обнищание.

Что касается капитального строительства, то если даже принято, что действительно будет в 1932 г. израсходовано 12 миллиардов рублей, то и тогда в ценах 1926—1927 г. это составляет не более 2 миллиардов рублей. В действительности же эта цифра просто предназначена для пускания простакам пыли в глаза, ибо под ней нет никакой реальной базы — ни соответствующего поступления средств по бюджету, ни соответствующих доходов промышленности. В какой части будет фактически выполнен вышеприведенный дутый план,— сказать трудно. Но уже сейчас на миллиарды рублей строительства законсервированы. Перспективы экономического положения и «динамика» его развития во всяком случае таковы, что в ближайшие два года абсолютно неизбежно полное прекращение капитального строительства, ибо ни налогово-финансовой, ни сырьевой, ни сбытовой, ни импортно-экспортной базы для этого не будет. Сталинская авантюристическая политика по неумолимому закону диалектики приводит, таким образом, к прямо противоположным результатам. И здесь «крайности сходятся». Чрезмерная авантюристическая индустриализация приводит к таким же результатам, как и оппортунистическое игнорирование индустриализации.

Но если таковы перспективы промышленности, то еще более катастрофичны перспективы сельского хозяйства. Основной капитал сельского хозяйства, как мы уже увидели, уменьшился не меньше чем на 45 процентов, оборотный капитал сельского хозяйства (продовольственные запасы для себя и корм для скота, семенной материал, одежда и пр.) уменьшился еще больше — процентов на 60—70. Совхозы, которым при правильной политике и постепенном органическом их росте принадлежит блестящее будущее, превратились в карикатуру и издевательство над социалистическим строительством. Все совхозы стали дефицитными. В зерновых совхозах до 20 процентов урожая оказалось даже неубранным с поля. Уборка урожая 1931 г. за отсутствием рабочей силы проводилась в весьма значительной части раскулаченными и мобилизованными в порядке трудповинности колхозниками и единоличниками. Подготовки к севу 1932 г., по существу, нет. Семян не хватает, инвентарь не отремонтирован или отремонтирован плохо, кормов нет, постоянные рабочие и специалисты из-за голода разбежались, заработок рабочим и колхозникам не выплачен еще за осенние полевые работы, оборотных средств нет. Что будет посеяно ныне в совхозах и как будет посеяно — ясно без комментариев. Сталин и здесь мошеннически, с цинизмом вину сваливает на работников совхозов.

В действительности виноваты не совхозы, а Сталин и его клика, их авантюристическая политика и руководство.

Еще хуже положение в животноводческих совхозах. Сталин кричит о гигантском росте стада совхозов, но при этом по обыкновению замалчивает, что это стадо создано просто отбиранием у колхозников и единоличников за $^{1}/_{5}$, $^{1}/_{6}$ действительной стоимости их коров, свиней и овец. Результаты такой потемкинской административной бюрократической стряпни животноводческих совхозов налицо.

В прошлом году в животноводческих совхозах погибло не менее 20 процентов всего стада и около 70 процентов приплода, в нынешнем году в общем такая же картина, хотя она скрывается. Кормов в животноводческих совхозах не хватает, а в значительной части совершенно нет, семян к весеннему севу не хватает на 50 процентов. Уход за скотом плохой, ибо, как правило, заинтересованности у рабочих никакой, помещений нет. Вместо демонстрирования преимуществ социалистического крупного сельского хозяйства получилось его дискредитирование, насмешка над ним.

Совершенно очевидно, что все совхозы в своей большой части, в их настоящей форме при настоящей политике и при полном расстройстве всей экономики страны обречены в ближайшие 2—3 года неизбежно на развал. Никакие репрессии по отношению к руководителям совхозов, никакие бюрократические усилия не помогут. Под ними нет ни экономической основы (доходность), ни финансовой (отсутствие средств для дальнейшего их субсидирования).

В колхозном секторе — картина не лучше.

Политика насильственной коллективизации потерпела полное банкротство. Постановление ЦК о том, что при 65 процентах коллективизации деревни считать коллективизацию деревни в основном завершенной — это замаскированное отступление от насильственной коллективизации, это признание того, что коллективизация дубиной натолкнулась на стену непреодолимого сопротивления деревни, это замаскированный приказ о приостановке наступления, ибо это наступление не удалось. Кто умеет читать политический смысл таких документов, для него в этом не может быть никакого сомнения.

Однако несравненно важнее еще другое, а именно что осталось в данный момент от этих 65 процентов. За последнее полугодие снова начался быстрый распад колхозов и огромные выходы. По ряду косвенных данных и наблюдениям положения в деревне, в настоящее время в колхозах осталось вместо 65 процентов снова не более 35—40 процентов. Например, когда сводка Наркомзема говорит о 18 процентах колхозников, находящихся в феврале месяце в отходе, то под этой цифрой в основном, несомненно, скрываются выходы из колхозов.

Известно, что на Урале, в Казахстане, Средней Азии, Западной и Восточной Сибири в ряде районов колхозы распались почти целиком. И эти районы не могут быть исключением, это всеобщее явление. Оставшиеся колхозы также держатся лишь на системе принуждения, угроз по отношению к выходящим из них и продолжении политики экспроприации крестьянина-единоличника.

Дальнейший распад их и разложение абсолютно неизбежны.

Современная политика ограбления деревни привела к тому, что мы имеем гигантское сокращение поголовья скота, причем даже и для оставшегося количества, благодаря отсутствию у крестьян-колхозников какой-либо заинтересованности в улучшении колхозного хозяйства, грубые корма не заготовлены, а концентрированные почти целиком забраны в хлебозаготовки. В итоге в этом году в колхозах повсюду бескормица и массовый падеж скота. Тягловой силой колхозы совершенно не обеспечены, сбруи нет, саней и телег нет, веревки нет. Плуги, бороны, сохи поломаны и не ремонтированы, ибо ремонтировать некому и нет железа и стали. Земля под весенний сев почти не обработана, семена собраны всего на 50 процентов, и те негодны в большинстве для сева.

Колхозники голодают. Во многих местах хлеба они совершенно не получают и питаются исключительно гнилыми суррогатами. Мяса и овощей и подавно нет. Трудодень колхозника в среднем обходится 20—26 коп. в день (3—4 коп. на довоенные деньги). Наконец, в машинно-тракторных станциях ремонт тракторов произведен всего на 65 процентов и то лишь для счету; горючего и смазочного не хватает, рабочих не хватает, наличные рабочие голодают. Отсюда понятно, что дальнейший распад колхозов неизбежен и никакими искусственными административными бюрократическими подпорками от развала их не спасешь. Отсюда понятно, что посевная кампания в колхозах неизбежно провалится.

Как же разрешил Сталин хлебную проблему — лучше всего видно из следующих цифр: в 1926—27 г. валовой сбор зерновых хлебов равнялся 4700 миллионов пудов. По источникам расходования эта сумма, по официальным данным, распределилась таким образом:

1. Продовольствие для сельского хозяйства	1630 миллионов пудов
2. Скота	1370 ,,
3. Семена	800 ,,
4. Заготовки	700 ,,
5. Самогон, порча хлеба и пр.	180 ,,
Итого:	4680 миллионов пудов

Кроме этого, у сельского населения к концу года было переходящих запасов, перешедших от прошлых лет, 570 миллионов пудов.

В настоящее время мы имеем такую картину. Во-первых, об остатках от хлебных запасов в деревне не может быть и речи. Их нет, нет зерна.

Затем на продовольствие сельского населения, даже по официальным заявлениям секретарей обкомов, оставляли на душу в год не более 8 пудов, а в действительности меньше. Если мы примем 8 пудов на душу — это на 130 миллионов человек сельского хозяйства составит 1040 миллионов пудов в год.

Скота осталось в настоящее время не больше 30 процентов от 1927 г., но и этот скот гибнет от бескормицы.

Следовательно, для скота вместо 1370 миллионов пудов надо выделить не более 350 миллионов пудов в год. На семена, допустим, израсходовано 800 миллионов пудов. Наконец, заготовлено в 1931 г., как утверждает постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) [73], 1400 миллионов пудов, в результате для 1931 г. мы получаем:

1. Для пропитания сельского хозяйства	1050	миллионов пудов
2. На прокорм скоту	350	" "
3. На семена	800	" "
4. Хлебозаготовки	1400	" "
Итого:	3600	миллионов пудов

Если даже допустим, что недород снизил валовой сбор хлебов на 300 миллионов пудов, то добавлением последней цифры мы все же получаем лишь 3900 миллионов пудов, т. е. по сбору урожая мы имеем в 1931 г. по отношению к 1926—27 г. уменьшение почти на 20 процентов.

Приведенные цифры, таким образом, явно показывают не увеличение посевных площадей по отношению к 1926—27 г., а уменьшение на 15—17 проц. Если же принять во внимание, что мы брали все еще преувеличенные цифры и на пропитание, и на посев, и на корм скоту, если, наконец, принять во внимание, что и сама цифра 1400 миллионов пудов заготовленного хлеба является дутой, то уменьшение посевных площадей в 1931 г. по отношению к 1926—27 г. надо считать не менее чем 30—35 процентов. Теперь результат фокуса налицо — сельское хозяйство переживает катастрофу.

Еще убийственнее положение в единоличных хозяйствах, которые в настоящее время, как мы показали, составляют фактически 60—65 процентов всего сельского населения. Тягловой силы у них по сравнению с 1926—27 г. остался ничтожный процент (25—30), семян к весеннему севу (дано по сводкам Наркомзема) почти совершенно нет (10—15), весь семенной материал отобран в хлебозаготовки. Земли под обработку в значительной части не отведены, а отведенные не обработаны, сами единоличники голодают и бегут куда глаза глядят. При таких данных можно наперед сказать, что единоличник посеет совершенно ничтожный процент, можно уверенно утверждать, что в этом году будет посеяно не более 60 процентов фактической посевной площади прошлого года, а фактическая посевная площадь прошлого года, в свою очередь, была ниже посевной площади 1930 и 1929 г. (Теперь Сталин в «Правде» кричит об очковтирательстве местных работников при составлении статистических сведений о посевных площадях, но это очковтирательство в результате сталинского требования обязательно демонстрировать его политику в деревне началось с начала 1929 г.)

Сейчас даже слепому должен быть ясен фокус Сталина, с

помощью которого он разрешил хлебную проблему. Увеличение размеров хлебозаготовок в 1929—30 и 1931 г. шло не за счет действительного увеличения производства хлеба, а за счет сокращения собственного потребления деревни (для пропитания населения, для корма скоту и для семян), за счет усиления с каждым годом завинчивания пресса хлебозаготовок и за счет сокращения основного капитала деревни. (Нельзя забывать, что крестьянам за отбиравшийся хлеб и скот с каждым годом начиная с 1928 г. платили все меньшую и меньшую долю их действительной стоимости. В 1932 г. эта доля составляла не более 15—20 процентов.)

Уже в этом году мы во многих районах наблюдаем в деревне и в городах положение, близкое к голоду 1929 г., на будущий же год положение будет несравненно хуже, ибо, во-первых, посеяно будет не более 60 процентов посевной площади 1931 г. и, во-вторых, можно заранее предвидеть плохой урожай, так как сев будет произведен плохими семенами, полученными от переваливания мякины и второго обмолота соломы, и на плохо обработанных землях (лишь бы выполнить план), и, в-третьих, для уборки урожая будет нехватка рабочей силы. Это, в свою очередь, будет неизбежно связано с дальнейшим уничтожением основного капитала деревни и превращением десятков миллионов сельского населения в подлинных нищих и бродяг.

Перспективы сельского хозяйства определяют в огромной степени и перспективы промышленности. Паралич подавляющей части промышленности при таких перспективах сельского хозяйства на более или менее длительный период совершенно неизбежен. От этого Сталин никак не сможет уйти. Законы экономического развития и при социалистическом строительстве обмануть нельзя. Если ты их игнорируешь сегодня, они с тем большей силой мстят за себя завтра.

В связи с перспективами промышленности и сельского хозяйства находятся и перспективы бюджета. До 1931 г. мы имеем (даже при переводе на устойчивую валюту) рост госбюджетов. Этот рост значительно меньше, чем его рисуют казенные финансисты, умалчивая, что он выражается в знаках бешено падающей валюты, но рост все же несомненный. За счет чего, однако, он совершался? Сталин и К ⁰ пытаются кого-то обмануть и утверждают, что этот рост опирался на рост материального благосостояния масс и рост народного дохода. В действительности же он опирался исключительно на прямую и косвенную замаскированную экспроприацию деревни, на понижение реальной заработной платы рабочих и служащих и на инфляцию. Увеличение доходной части бюджета происходило, во-первых, за счет гигантского роста замаскированной формы налогов (займы как в кооперации, взносы за акции Тракторокцентра, акциз, водка, повышение цен на товары, выпуск бумажных денег и пр.), во-вторых, за счет прямой экспроприации сначала кулацкой, а потом середняцкой части деревни и части городских нэпманов и, в-третьих, за счет большого роста прямых налогов.

Рост налоговых и вненалоговых бюджетных поступлений происходил не за счет роста материального благосостояния масс, а за счет снижения их экономического жизненного уровня и уничтожения основного капитала деревни.

Прямые и замаскированные налоги отнимали у рабочего не менее 40 процентов его заработной платы, а у крестьянина-середняка не только весь доход, но и часть его основного и оборотного капитала.

В 1931 г. мы, однако, уже даже в устойчивой валюте не только не имеем роста бюджета, но, наоборот, имеем его падение. По утверждению Гринько, в 1931 г. бюджет возрос на 58,8 процента. Но за этот же период произошло падение стоимости червонца не менее чем на 80—90 процентов по отношению к его стоимости в 1930 г. Таким образом, в переводе на устойчивую валюту доходная часть бюджета уже в 1931 г. понизилась, надо полагать, не менее чем на 20—30 процентов по сравнению с 1930 г. В 1932 г. бюджет по плану вновь должен возрасти на 34,1 процента.

Но первый квартал показывает, что при всех усилиях и репрессиях из обнищавшего населения городов и сел даже в падающей валюте уже нельзя выколотить нужной суммы.

Дальше падение платежеспособности при одновременном падении стоимости червонца пойдет еще быстрее. Отсюда совершенно ясно, что фактический бюджет 1932 г. в твердом ценностном выражении будет еще несравненно ниже, чем в 1931 г.

Перспективы бюджета во всяком случае таковы, что в ближайшие два года его доходная часть должна в твердом исчислении опуститься на 30—40 процентов ниже размеров бюджета 1927—28 гг., ибо платить прямые и косвенные налоги будет некому, а доходы промышленности составляют в бюджете всего 12—15 процентов и последние, в свою очередь, зависят от уровня благосостояния масс.

Чудес на свете не бывает. Все чудотворцы были шарлатанами. И сталинские чудеса роста бюджета на 50 процентов за год ходом событий также будут разоблачены как чудеса шарлатана.

Инфляция, развивающаяся необычайно быстро, в свою очередь, будет углублять кризис.

Развитие инфляции совершается с двух концов. Инфляция развивается, во-первых, благодаря новым и новым выпускам бумажных денег и, во-вторых, вследствие сокращения товарооборота, перехода крестьян, рабочих и даже государственных и кооперативных организаций к прямому товарообмену.

В настоящее время стоимость червонца в золотой валюте равняется всего 60—70 коп. Дальше процесс падения стоимости червонца пойдет по всем признакам еще быстрее. Если же Сталин попытался бы покончить с инфляцией, то острота кризиса на первых шагах лишь возросла бы.

Наконец, экономический кризис находит свое выражение как во внешней, так и во внутренней торговле. Во внешней торговле в 1932 г. мы имели пассивное сальдо в 200 миллионов золотых

рублей. Важнейшие статьи сельскохозяйственного экспорта — скот, мясо, лен, птица, сало, яйца, щетина и пр.— или выпали совершенно из оборота, или сильно сократились. То же, что вывозится за границу (хлеб, мясо), вывозится за счет недоедания рабочих и крестьян и продается за полцены, ниже себестоимости и с точки зрения разумной социалистической политики является преступлением.

В дальнейшем и по этим статьям совершенно неизбежно полное прекращение экспорта. Точно так же и в связи с общими перспективами развития кризиса неизбежно сокращение экспорта и по таким статьям, как нефть, лес, промтовары.

В настоящее время газеты кричат об освобождении от импорта, но эти крики означают только замаскированный крах нашего экспорта.

Во внутренней же торговле кризис проявляется:

1) в гигантском росте цен, в полном разрыве политики цен с ленинскими принципами торговли, подтвержденными вновь в решениях XV съезда ВКП(б). Требования Сталина и Микояна к кооперации культурно торговать — гнусное фарисейство, ибо культурная торговля означает в первую очередь низкие цены, Сталин же с Микояном, кругом запутавшись и обанкротившись, установили на все товары настоящие грабительские, ростовщические цены;

2) в гигантском товарном голоде на все товары и в то же время в проявлениях кризиса сбыта (замораживание товарооборота), отражающем полный подрыв покупательной способности населения;

3) в дефицитности огромной части кооперативной сети деревни;

4) в переходе между торгующими организациями во многих случаях к прямому товарообмену;

5) в повсеместном распространении спекулятивных сделок и перепродаж государственными и кооперативными торгующими организациями (покупка оптом по розничным ценам), перепродажа из-за нужды рабочими и служащими по двойным и тройным ценам того, что они купили в магазинах, на вольном рынке;

6) в создании локальных (местных) рынков с местными ценами, как результат разрыва торговых и экономических связей и как выражение различной степени дезорганизации экономики в различных частях Советского Союза;

7) в начавшемся переходе деревни к натуральному хозяйству;

8) в расстройстве всего торгового аппарата.

Беспомощно метаются * в политике цен, которые мы наблюдали за последнее полугодие, во внутренней торговле лучше всего иллюстрируют полную дезорганизацию внутренней торговли.

Так обстоит дело с характером, размером и перспективами нашего экономического кризиса. Где искать корни и истоки

---

* Так в тексте. Видимо, «Беспомощные метания». *Ред.*

кризиса? Они прежде всего лежат в авантюристических, не увязанных с развитием всего народного хозяйства темпах индустриализации. «Чудо» темпов теперь показывает оборотную сторону медали.

«Чудеса» темпов и рост капитальных вложений в промышленность совершились за счет следующих источников:

1) за счет экспроприации и обнищания деревни и понижения жизненного уровня;

2) за счет невиданного роста прямых и косвенных налогов, явных и замаскированных налогов на рабочих и понижения их жизненного уровня, их реальной заработной платы;

3) за счет инфляции, являющейся по существу тоже одним из видов налогов;

4) и наконец, за счет полного израсходования наших золотых запасов.

Сталинские темпы индустриализации, следовательно, коренным образом противоречат решениям XV съезда и установленным этими решениями принципам индустриализации. Не случайно Сталин и его клика как воры обходят эти «опасные места» в резолюциях XV съезда. Не случайно, что Сталин ни словом не обмолвился в своем докладе на XVI съезде об этих решающих директивах XV съезда.

Резолюция XV съезда ВКП(б) гласит: «При составлении пятилетнего плана народного хозяйства, как и при составлении всякого хозяйственного плана, рассчитанного на более или менее длительный срок, необходимо стремиться к достижению наиболее благоприятного сочетания следующих элементов: расширенного воспроизводства (накопления) в государственной индустрии на основе расширенного воспроизводства в народном хозяйстве вообще, более быстрого, чем в капиталистических странах, темпа народнохозяйственного развития и непременно систематического повышения удельного веса социалистического хозяйственного сектора, что является решающим и основным моментом во всей хозяйственной политике пролетариата». И дальше, в области соотношений между производством и потреблением «необходимо иметь в виду,— говорится в резолюции,— что нельзя исходить из одновременно максимальной цифры того и другого (как этого требует оппозиция теперь), ибо это неразрешимая задача, или исходить из одностороннего интереса накопления в данный отрезок времени (как того требовал Троцкий, выставляя пароль жесткой концентрации и усиленного нажима на рабочих в 1923 г.), или исходить из одностороннего интереса потребления.

Принимая во внимание и относительную противоречивость этих моментов, и их взаимодействие, и их связанность, причем с точки зрения развития на длительный срок интересы эти в общем совпадают, необходимо исходить из оптимального сочетания обоих этих моментов. То же самое необходимо сказать относительно города и деревни, социалистической индустрии и крестьянского хозяйства. Неправильно исходить из требования максимальной

перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и подрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв ее внутреннего рынка, подрыв экспорта и нарушение равновесия всей хозяйственной системы. С другой стороны, неправильно было бы отказываться от привлечения средств деревни к строительству индустрии: это в настоящее время означало бы замедление темпа развития и нарушения равновесия в ущерб индустриализации страны.

В вопросе о темпе развития необходимо главным образом иметь в виду крайнюю сложность задачи. Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития. С этой точки зрения нужно решительно и раз навсегда осудить оппозиционный лозунг повышения цен: этот лозунг не только привел бы к бюрократическому перерождению и монополистическому загниванию промышленности, не только ударил бы по потребителю и в первую очередь по рабочему классу и бедноте города и деревни, не только дал бы величайшие козыри в руки кулаку, он через некоторое время дал бы резкое снижение темпа развития, сузив внутренний рынок, подорвав сельскохозяйственную базу промышленности и застопорив технический прогресс в индустрии.

В области соотношения между развитием тяжелой и легкой индустрии равным образом необходимо исходить из оптимального сочетания обоих моментов. Считая правильным перенесение центра тяжести в производство средств производства, нужно при этом учитывать опасность слишком большой увязки государственных капиталов в крупное строительство, реализующееся на рынке лишь через ряд лет; с другой стороны, необходимо иметь в виду, что более быстрый оборот в легкой индустрии (производство предметов первой необходимости) позволяет использовать ее капиталы и для строительства в тяжелой индустрии, при условии развития легкой индустрии. Только учет всех выше означенных факторов и плановая увязка их позволяет вести хозяйство по пути более или менее планового, более или менее бескризисного развития».

Таковы принципы индустриализации, намеченные XV съездом в резолюции «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» [74]. Мы нарочно привели необычайно длинную выдержку из резолюций XV съезда, чтоб каждый мог убедиться, что современная политика и принципы индустриализации в корне враждебны решениям XV съезда, они непримиримы с этими условиями.

Решения XV съезда о темпах индустриализации дают образец правильного, марксистско-ленинского подхода к вопросу о темпах. Суть процитированной части резолюции заключается в требовании соблюдения всюду необходимой меры. Митины, Ральцевичи, Юдины, Кольманы [75] и К⁰, занимающиеся проституированием ленинизма на теоретическом фронте, без конца бол-

тают о диалектике и ее основных законах, но они при этом даже не заметили, что для практически революционной деятельности везде и при всяких условиях правильное понимание гегелевского и марксистско-ленинского учения о мере — решающее условие успеха. Кто не понимает необходимости сохранения и соблюдения меры (понимая, конечно, это слово в марксистско-ленинском, революционном, а не оппортунистическом и не в либеральном духе) в любой области борьбы за торжество коммунизма, кто не умеет применять этот важнейший принцип диалектики на практике, тот всегда будет беспомощно метаться между оппортунизмом и авантюризмом.

Мера конкретная истина бытия. Всякое состояние или действие, доведенное до крайности, переходит в свою собственную противоположность — так говорит Гегель. Всякая истина, если ее преувеличивать, если ее вывести за границу ее действительной применимости, неизбежно превращается в абсурд,— так учит Ленин[76].

Именно диалектическое требование соблюдений меры в темпах индустриализации, в соотношении развития тяжелой и легкой индустрии лежит в резолюции XV съезда о составлении пятилетнего плана, и, наоборот, полное отрицание меры в темпах индустриализации и правильных соотношений между потреблением и накоплением индустриализации и выколачиванием средств из деревни, развитием тяжелой и легкой индустрии мы видим на практике, результатом и выражением чего и является невиданный экономический и политический кризис в СССР.

Сталин, как свойственно мошеннику и софисту, изобразил дело так, что Бухарин, Рыков, Томский якобы были против быстрых темпов. На деле их требование заключалось только в соблюдении меры как в темпах индустриализации, так и в извлечении средств на дело индустриализации из деревни. И в этом отношении они были абсолютно правы.

Индустриализация, доведенная до абсурда, превратилась в свою собственную противоположность: из орудия могучего роста материального благосостояния трудящихся она превратилась в подлинное народное бедствие и проклятие для народных масс. Социалистическое строительство Сталин превратил в строительство фараона. Социалистическое строительство индустрии характеризуется не только тем, сколько строят и что строят, но и если строят, то как строят. Строительство на костях рабочих и трудящихся, на обнищании, на ограблении масс и насилии над ними — не есть подлинное социалистическое строительство.

Кроме того, выдвинувши авантюристический лозунг — догнать и перегнать передовые капиталистические страны в 10 лет,— он добился этим только того, что мы не сможем догнать их и в 25 лет (что было бы возможно при правильной политике и разумных темпах, если допустить, что капитализм может просуществовать и развиваться еще 25 лет), ибо дальнейшая индустриализация на длительный период оказывается, как мы уже видели и выше, невозможной.

Из авантюристической индустриализации выросла и авантюристическая насильственная коллективизация. Для выколачивания средств из деревни Сталину сначала потребовались «чрезвычайные меры», а затем лозунг «ликвидации кулачества как класса», под прикрытием которого была проведена экспроприация кулаков, а затем и всей основной массы деревни. «Бурные темпы коллективизации» явились закономерным, естественным продуктом всех вышеназванных мероприятий. Исход такой коллективизации можно было бы, однако, заранее предсказать.

Когда Энгельс в свое время в брошюре «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» писал, что наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели [77],— он гениально предвидел гибельные последствия, которые повлекут за собой насильственное объединение частного производства крестьян в товарищеское. Когда программа Коминтерна против насильственной коллективизации крестьян специально говорит, что «всякая насильственная ломка их хозяйственного уклада и принудительное их коллективизирование привели бы лишь к отрицательным результатам» [78], мы в настоящее время также видим гигантское значение этого предупреждения.

Но для Сталина программы партии и Коминтерна существуют только затем, чтоб их не выполнять.

Сталин изображает дело так, что никакой насильственной коллективизации нет, а есть лишь «организационное содействие» и «поощрение» коллективизации при наличии «решительного поворота середняка к социализму». Сталинское «организационное содействие» и «поощрение» так же похожи, однако, на то, что ими обозначается, как японская политика в Маньчжурии на политику содействия самоопределению народов. Результаты этой коллективизации те же, что и результаты индустриализации. Плюсы превратились в минусы, и лучшие надежды лучших умов человеческих превращены в посмешище. Вместо показа преимуществ крупного социалистического сельского хозяйства — демонстрация его недостатков перед мелким индивидуальным хозяйством.

Антиленинская политика индустриализации и коллективизации, само собою разумеется, выражается и в соответствующих методах планирования. При правильной политике планирование является могучим рычагом социалистического строительства. Без планирования нет социалистического строительства. В капиталистическом обществе развитие производительных сил совершается стихийно.

Закон стоимости постоянно и с неумолимой силой определяет здесь меру развития и меру количественных соотношений между различными частями хозяйства.

Восстановление нарушенных соотношений и пропорций в капи-

талистическом обществе совершается через кризисы и катастрофы.

При пролетарской же диктатуре в условиях социалистического строительства темпы развития, соотношения и пропорции между различными частями экономики, мера изменения соотношений в каждый данный отрезок времени должны устанавливаться сознательно, заранее, с обязательной постановкой цели — укрепления социалистического сектора хозяйства и его удельного веса.

Целеустремленность планирования, однако, ни в какой мере неравнозначна авантюристическому, ненаучному, неленинскому плановому субъективизму и произволу. («План — это мы».) Подлинный, правильный путь — мера темпов и возможных сдвигов в развитии — в решающей степени зависит как раз не от воли людей, а от наличных материальных производительных сил, соотношения классовых сил, культурного уровня рабочего класса и трудящихся масс, внутренней и международной политической и экономической обстановки и даже от естественных, природных климатических условий.

Именно последние факторы являются решающими при расчетах темпов накопления и намеченных сдвигов и изменений в соотношениях между различными частями социалистического и частнохозяйственного сектора. И лишь на основе правильного и верного учета этих факторов сама воля людей является гигантским рычагом, ускоряющим и стимулирующим социалистическое строительство.

Только при принятии этих принципов планирования оно дает нам возможность научно предвидеть и действительно сознательно руководить социалистическим строительством.

В противном же случае планирование превращается в простую игру в циферки, в самообман, в авантюризм.

Авантюристический план и его влияние сегодня с большей силой ведут к дезорганизации всей экономики и подчинению власти стихии завтра. Планирование из орудия социалистического строительства становится орудием расстройства экономики и внесения в нее анархии и хаоса. Решающее преимущество социалистического строительства перед капитализмом — план, предвидение, расчет и учет — исчезают. Мало того, при этих условиях плюс и здесь превращается в минус, ибо в то время, как при капитализме закон стоимости (хотя и через кризис и величайшие жертвы, но через 2—3 года) создает условия (конечно, очень узкие, ограниченные рамками частной собственности) для нового развития производительных сил, или, по крайней мере, для прекращения их дальнейшего падения (депрессия), то при плановом строительстве авантюристические планы из года в год могут дезорганизовать экономику в течение более длительного периода и довести всю страну до полного паралича и голода, как это имеет место в данный момент.

Поистине, не только «вес», но и все сталинские эксперимен-

ты на спине трудящихся растут по Гегелю. Сталин на словах и в планировании и во всех других областях — тоже за меру. Его борьба на два фронта должна «изображать» соблюдение этой меры. Но как вся сталинская политика выродилась в злейшую карикатуру на ленинизм, так и его борьба на два фронта является издевкой над учением Ленина.

Ленинская борьба на два фронта вытекала всегда из честного конкретного, исчерпывающего марксистского анализа политической и экономической обстановки и взглядов своих противников. Сталинская борьба «на два фронта» за последние годы вытекает, наоборот, из его политического банкротства и разрыва с ленинизмом; она опирается на фальсификацию действительного положения вещей и взглядов инакомыслящих членов ВКП(б); она призвана только маскировать его политические комбинации.

Ленинская борьба на два фронта являлась всегда результатом величайшей его последовательности и принципиальности; сталинская, наоборот,— продукт его беспринципности и политических трюков.

Таков характер сталинской борьбы на два фронта вообще, таков он и в области планирования.

Экономическая политика Сталина, несмотря на то, что мы за последние годы построили десятки крупнейших заводов и фабрик, электрических станций и пр. по последнему слову техники, чему должен был бы, казалось, радоваться каждый рабочий, каждый трудящийся, привела, таким образом, не только к невиданному экономическому кризису всей страны, но она дискредитировала самые принципы социалистического строительства и отбросила нас в экономическом отношении не менее чем на 12—15 лет назад.

II. КРИЗИС ПАРТИИ.

Кризис партии охватил все стороны партийной жизни. Он находит свое выражение прежде всего в теоретическом кризисе.

Ленинизм извращен и фальсифицирован в настоящее время до неузнаваемости. Материалистическая диалектика заменена софистикой, схоластикой и плоской лживой апологетикой политики Сталина и его руководства.

Марксистско-ленинское понимание важнейших теоретических, а вместе с тем и политических вопросов — борьбы с оппортунизмом, массовой борьбы, классовой борьбы, природы социалистического общества, объективного и субъективного факторов в социалистическом строительстве, принципов социалистической индустриализации, политики партии в деревне и коллективизации и применение этого понимания на практике — подменено пустой, лживой и крикливой «левой фразой», находящейся в вопиющем противоречии с фактами и действительностью. Теоретическая, а вместе с тем и практическая постановка решающего для большевизма вопроса борьбы с оппортунизмом опошлена, до

последней степени вульгаризована, превращена в карикатуру и просто в средство для оправдания политики Сталина, терроризирования инакомыслящих и в хлопающий бич погонщика при проведении всякого рода кампаний.

В партии господствует невероятный теоретический разброд и страх не только перед постановкой какой-либо новой теоретической проблемы, что сейчас абсолютно невозможно, но и всякой мало-мальски самостоятельной мысли.

Убита всякая живая марксистско-ленинская теоретическая мысль.

Разгром деборинской группы[79] за то, что она не проявляла усердия в апологетической защите политики Сталина и в восхвалении его теоретически безграмотных и тупых статей, группы, имевшей ряд недостатков и делавшей немало теоретических ошибок и промахов, но бывшей все же лучшим из всего, что имелось на теоретическом фронте не только в ВКП(б), но и Коминтерне, окончательно завершил теоретическое опустошение партии.

В настоящее время на теоретическом фронте подвизается все, что есть в партии самого недобросовестного, бесчестного. Здесь работает настоящая шайка карьеристов и блюдолизов (Митин, Юдин, Ральцевич, Кольман и пр.), которые в теоретическом услужении Сталину показали себя подлинными проститутками.

Вся марксистско-ленинская и партийно-историческая литература, вплоть до истории ВКП(б) Ярославского, фактически в настоящее время находится под запретом. Даже Ленина стараются всячески кастрировать и подстричь под сталинскую гребенку.

На книжном рынке по теоретическим вопросам в течение последних двух лет абсолютная пустота: портфели издательств пусты. Всякий не потерявший стыд литератор отказывается писать, ибо, если в книге нет ссылки на Сталина и его восхваления, ее или отказываются печатать или после выхода книги в свет шайка теоретизирующих лакеев подвергает ее «проработке».

В журналах идут схоластические и софистические рассуждения о завершении построения социалистического общества, гигантских успехах социалистического строительства, росте благосостояния масс, переделке колхозника, совершенно обходящие, замалчивающие и извращающие действительность, рассуждения, вызывающие у всякого честного мыслящего читателя-большевика только чувство тошноты и возмущения.

Сталинская теоретическая ограниченность, тупость и защита его обанкротившейся генеральной линии являются пограничными столбами, за черту которых отныне не смеет переступить ленинизм и материалистическая диалектика.

На практике это означает полное удушение ленинизма. На практике это означает, что партия отныне лишена возможности открыто пользоваться несравненным теоретическим оружием

марксизма-ленинизма для разрешения стоящих перед нею задач.

Подлинный ленинизм отныне перешел на нелегальное положение, является запрещенным учением. Этим характеризуется вся глубина теоретического кризиса в партии.

Теоретический кризис является, однако, не самостоятельным. Он вырос из организационного кризиса партии и является естественным продуктом последнего.

Организационный кризис партии выражается в том, что демократический централизм — организационный принцип, совершенно правильный и необходимый для компартии,— в результате внутрипартийной борьбы, отсечения одной руководящей группы партии за другой, постепенного и незаметного усиления роли партийного аппарата, постепенного и незаметного усиления роли Сталина в течение последних 7 лет,— за последние 2—3 года быстро, «скачком» перерос и превратился в личную диктатуру Сталина. Сам Сталин, в свою очередь, из «недостаточно лояльного», как его характеризовал Ленин в своем «Завещании», т. е. из недостаточно честного, добросовестного, но все же пролетарского политика, в свою очередь, превратился в мелкобуржуазного, авантюристического политикана и диктатора.

В настоящее время создалось совершенно своеобразное, оригинальное, невиданное положение. С одной стороны, сохранились по форме все старые органы пролетарской диктатуры, хотя они уже в значительной мере оказываются органами, враждебными массам, стоящими над массами, направленными, несмотря на формальное участие в них представителей самих масс, на подавление желания масс по-ленински разрешить вопросы социалистического строительства, на обман масс. С другой стороны, над этими органами возвышается неограниченный диктатор, никем фактически несменяемый, никому фактически неподконтрольный, ни перед кем фактически неответственный, сосредоточивший в своих руках в десятки раз большую власть, проявляющий в десятки раз больше личного произвола и издевательства и насилия над массами и страной, чем любой бывший монарх любого абсолютистского государства.

Для оправдания этого положения на многих партийных собраниях даже уже открыто выдвигается и новая теория — опыт коллективного руководства в партии себя не оправдал; для успехов социалистического строительства нужна единая сильная рука, нужен глава партии и государства.

Политбюро и ЦК в свою очередь из полновластных органов партии превратились в совещательные органы при Сталине, над которыми Сталин издевается не менее цинично, чем царь над Государственной думой. Блестящей иллюстрацией к доказательству этого положения может служить «историческое» выступление Сталина со своими пресловутыми 6-ю условиями. Всем известно, что всего за две недели до этого был Пленум ЦК [80], Сталин нарочно на этом Пленуме не выступал. После же опубликования резолюций Пленума, когда партаппарат только что за-

готовил тезисы для проработки резолюций по ячейкам, выступает на собрании хозяйственников Сталин, и вся печать и на всех собраниях вместо резолюций Пленума начинают прорабатывать, мусолить в течение нескольких месяцев его бездарные 6 условий. О Пленуме после выступления Сталина тотчас же забывают, о нем уже больше не упоминают, зато 6 условий склоняются на разные лады всюду и везде. Политически весь этот сталинский маневр означает не что иное как плевок Центральному Комитету в лицо. «Плевал я на Центральный Комитет,— сказал Сталин своим выступлением.— Извольте прорабатывать не резолюции Пленума, а мою речь». И Политбюро вместе с ЦК не нашло ничего лучшего, как выразить удовольствие по поводу получения этого плевка и самый плевок объявило «историческим» плевком.

Поистине дальше пасть некуда.

Совещательная роль ЦК находит в настоящее время свое внешнее выражение и в другом явлении: все постановления, все резолюции, все приветствия, все статьи в «Правде» говорят уже не просто о Центральном Комитете, а обязательно о Центральном Комитете «во главе с т. Сталиным». Это превращение «титула» Центрального Комитета произошло за счет сокращения его прав. Никогда такого «титулования» Центрального Комитета не было ни при Ленине, ни после Ленина до последнего времени. Это явление последних 2—3 лет, и оно с нескрываемой ясностью говорит о той жалкой роли, которую играет теперь ЦК. Такую же картину мы имеем и на местах. Секретари областных комитетов — просто наместники Сталина, а секретари районных комитетов — чиновники, назначенные секретарями областных комитетов или аппаратом с их согласия. Партийные комитеты и тут по существу играют совещательную роль. Личная диктатура вверху на единоличное руководство и уничтожение коллективности внизу.

Устав партии формально остается, не отменяется, но только затем, чтобы его не исполнять и действовать прямо вопреки уставу и тем правам, которые он предоставляет каждому члену партии и каждой организации.

Не менее характерна и эволюция ЦКК. Из органа, призванного не только охранять и защищать единство партии, но и ее права от узурпации вождя или вождей, она просто стала многочисленной кроватью, на которой диктатор справляет свои оргии — расправы с инакомыслящими членами партии и целыми организациями.

В результате всех происходящих в партии сдвигов и процессов партаппарат превратился в самодовлеющую силу. Раньше партия создавала аппарат, теперь аппарат создает по своему образу и подобию партию, раньше партия господствовала над аппаратом, аппарат был только одним из органов партии, сейчас партия превратилась только в орган аппарата. Партия в ходе «развития» превращена в безгласную исполнительницу воли ап-

парата, который сам, в свою очередь, является безгласным исполнителем воли диктатора и его агентов на местах.

Выборность по форме остается, фактически же она в течение последних 4-х лет, начиная с районных комитетов, совершенно уничтожена. Секретарь назначается, «рекомендуется» высшим партийным органом, а обязанность партийного комитета — его выбрать. Выборы всегда проходят потому, что у членов партии утратилось даже и само сознание своих прав, обезличенных уставом. Если же в каком-нибудь редком архиисключительном случае комитет поднимает «бунт на коленях» против присланного кандидата, то ему прописывают «кузькину мать» и рекомендованного для поддержания авторитета начальства все же проводят и избирают.

Все эти методы «выборности» стали в настоящее время партийной традицией. Молодые члены партии даже и не знают уже других методов выборов.

Усиление партийного аппарата, исполнительных органов партии за счет «законодательных» находит свое выражение и в удлинении сроков между съездами партии и Пленумами ЦК. Раньше съезды партии собирались каждый год, а Пленумы ЦК в $1-1^1/_2$ месяца раз, затем съезды стали собираться в 2 года раз, а Пленум в 3—4 месяца, теперь же XVII съезд партии соберется, по-видимому, уже не раньше как через $2^1/_2$ года после XVI съезда, а Пленумы собираются не чаще чем в полгода раз.

О внутрипартийной демократии даже и Сталин последнее время перестал говорить, ибо ее нет. В доме повешенного не говорят о веревке. Можно встретить в газетах иногда еще крики о развертывании самокритики. Но в этой самокритике также нет ничего большевистского. Тут мы имеем обычное сталинское жульничество. Большевистская самокритика в рамках ленинизма означает самокритику всех, начиная от секретаря ячейки и кончая секретарем ЦК. Большевистская самокритика означает самокритику без разрешения или распоряжения начальства, самокритику без боязни репрессии. При Ленине именно так и было. Ленина не боялись критиковать члены партии, и Ленин, в свою очередь, не применял к ним никаких репрессий, запугиваний и клеветнических выпадов. Теперь картина совершенно иная. Ныне самокритика допускается только до определенного ранга или в личных интересах Сталина.

Вы можете критиковать секретаря ячейки, директора треста, председателя кооператива. Вы можете иногда в провинции критиковать секретаря районного комитета. Такая критика и самокритика даже поощряется сверху. Это Сталину выгодно. «Самокритика» кооператоров отвлекает внимание от действительного виновника плохого снабжения рабочих, «самокритикой» директора, председателя треста отвлекается внимание от действительных причин «прорыва», остановки предприятий, отсутствия сырья и т. д. Наконец, Сталин поощряет «самокритику» тех вождей и теоретиков партии, которых он решает с треском вышибить

с их постов, оскандалить и оклеветать. Здесь он даже категорически требует «самокритики». Пусть попробуют не критиковать члены партии таких вождей и теоретиков! Он разделается с ними по-своему! История «самокритики» Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, Сырцова, Ломинадзе, Рютина, Деборина, Стэна и даже Ярославского [81] достаточно хорошо научила членов партии пониманию природы и механики этой самокритики. Все уклонявшиеся от «критики» этих людей или высказывавшиеся против подобных методов «самокритики» были сняты с работы, исключены из партии, подвергнуты невиданной травле, и, наоборот, все проявившие усердие в такой «самокритике» были повышены по службе.

Такая «самокритика» в почете.

Зато его верные чиновники и слуги (не только из членов Политбюро, но и секретари областных комитетов) могут быть совершенно спокойны. Их никто не посмеет критиковать. Всем известно, чем кончилась попытка ленинградцев разоблачить Кирова, как бывшего кадета и редактора кадетской газеты во Владикавказе. Им дали «по морде» и заставили замолчать. Сталин руководствуется правилом умершего американского босса Пенроза и решительно «защищает своих собственных мерзавцев». В серьезность сталинской «самокритики» может поверить только безнадежный идиот.

Самокритика в руках Сталина из орудия воспитания масс, из средства самопроверки и сплочения партийных рядов на почве уяснения спорных и больных вопросов, из оружия социалистического строительства также превратилась в орудие для достижения его личных политических комбинаций.

В связи и на основе всех сдвигов, происшедших в партийной жизни, изменился и самый состав руководящих партийных кадров. Раньше на партийную работу выдвигались люди, проявившие себя своей большевистской стойкостью, умением отстаивать свои взгляды и убеждения, своей принципиальностью, теоретической подготовкой, своими ораторскими способностями, своими глубочайшими связями с рабочими массами и умением руководить массами, своим героизмом, честностью и заслугами перед партией и пролетарской революцией. Теперь, наоборот, выдвигаются своей лестью, хитростью, покорностью, доносами, подхалимством и верностью начальству; сейчас на партийную работу подбираются люди самые ручные, самые беспринципные, готовые десятки раз покаяться и десятки раз отказаться от своих убеждений, люди, умеющие хорошо лицемерить и обманывать массы членов партии и рабочих.

Благодаря тому что вся политика Сталина и партаппарата является антиленинской, враждебной массам членов партии и рабочих,— сам партаппарат из органа близкого и родного массам, из органа, руководящего массами и воспитывающего их, из органа, опирающегося на глубочайшее доверие масс, превращается все больше в орган, стоящий над массами и враждебный им, в орган, по преимуществу карающий и терроризирующий их.

Политика, находящаяся в кричащем противоречии с учением Маркса и Ленина и в кричащем противоречии с самой действительностью, естественно, не может проводиться на основе принципов внутрипартийной демократии. Сознательная дисциплина большевистской партии может опираться только на внутреннюю уверенность партии в правильности политики партии. А так как у подавляющего большинства партии существует не только полная неуверенность в ее правильности, но, наоборот, полная уверенность в ее неправильности, то старая партийная дисциплина для партийного аппарата по необходимости оказывается недостаточной, и она дополняется и подменяется внутрипартийным террором. Исключение из партии, из профсоюзов, ВУЗа, аресты, снятие с работы, лишение пайка, карточек, травля в печати и на собраниях, обвинения в оппортунизме, вредительстве, связи с кулацкими элементами — все это без всяких оснований сыплется на голову членов партии буквально как из рога изобилия. Члены партии затравлены и запуганы партийным аппаратом.

Ни один член ВКП(б) не уверен за свой завтрашний день, ибо политика произвола Сталина дополняется и подкрепляется политикой произвола всего партийного аппарата.

Ленин внутрипартийную дисциплину и основы, на которых она держится, характеризовал следующим образом: «Чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? Чем она проверяется, чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и с непролетарской трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы собственным опытом убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, умеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, неосуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, в фразу, в кривлянье»[82].

У нас в настоящее время нет налицо ни одного из этих условий для существования подлинно большевистской дисциплины в партии.

Во-первых, партия в настоящее время не может выполнять роли сознательного авангарда, ибо подлинный ленинизм стал теперь в значительной мере нелегальной теорией, а то, что выдается за ленинизм, является невиданным опошлением теории Маркса — Ленина. Без ленинизма же не может быть и речи о большевистской сознательности. Во-вторых, в партии не может быть в настоящее время героизма, ибо партия задавлена, задушена, терроризована партийным аппаратом. В-третьих, мы

не только не имеем сейчас сближения, слияния партии, в особенности партийного актива с пролетарской и непролетарской трудящейся массой, но, наоборот, имеем разрыв, рост взаимного недоверия и вражды. В-четвертых, массы на собственном опыте убеждаются не в том, что стратегия и тактика партии правильна, а, напротив, в том, что она неправильна, вредна, гибельна, гибельна для рабочих, Советской власти.

В итоге мы имеем именно то, о чем говорил Ленин — дисциплина превратилась в пустышку, в фразу с кривлянием.

При Ленине и после Ленина известный период в партии не было террора, но была большевистская дисциплина, теперь господствует террор, но нет дисциплины. Раньше дискуссии в партии выражали ее силу, ее способность сознательно всей массой реагировать на важнейшие политические вопросы, ее жизненность, ее коллективную волю и сознание. Теперь отсутствие дискуссий, несмотря на глубочайший кризис в партии и пролетарской диктатуры,— парализация ее воли, упадок силы и сознания. При Ленине, несмотря на дискуссии, партия оставалась единым сплоченным, сознательным живым организмом, теперь, несмотря на отсутствие дискуссий, партия деморализована, дезорганизована, распылена, раздроблена на десятки тысяч мелких групп и группочек, каждая из которых по-своему обсуждает пути выхода из тупика и кризиса.

В прошлом в партии господствовали полнейшее товарищеское доверие, готовность помогать друг другу, учить друг друга, жажда смело обсуждать все боевые, жгучие и спорные вопросы партии и страны как в интимных беседах, так и на собраниях. Теперь же царит взаимное подозрение и взаимная боязнь, недоверие и желание избежать обсуждения всяких политических вопросов из страха, что могут «пришить» уклон.

Раньше член партии выполнял свои обязанности и поручения партии, руководствуясь исключительно интересами укрепления пролетарской диктатуры и социалистического строительства. Теперь же подавляющее большинство руководствуется только тем, чтобы не «пришили» уклон.

Раньше партийные обязанности выполнялись с радостью и добровольно, теперь — с неохотой и под принуждением. Господство террора в партии и стране при явно гибельной политике Сталина привело к тому, что лицемерие, двурушничество стали всеобщим явлением. Лицемерие стало знамением нашего времени. Лицемерят в своих официальных выступлениях на собраниях все члены партии, лицемерят в тисках террора рабочие массы, лицемерит задавленная деревня, лицемерят ответственные работники и рядовые члены партии, партийные и беспартийные, старые большевики и молодые партийцы. Никто не верит в эту политику, и все делают вид, что ею восхищены.

Все видят невиданный кризис и в то же время официально вынуждены кричать о гигантских успехах. Все желают с этой политикой покончить и в то же время не могут.

Гигантская централизация всего аппарата пролетарской диктатуры и сила политической инерции привели к тому, что Сталин, нажимая на одну кнопку террора, заставляет служить своим интересам весь механизм партии, Советов, профсоюзов, кооперации и пр. Все винтики — большие и маленькие, второстепенные и первостепенные — хотят они или не хотят, «верят» они или «не верят», вынуждены вращаться вместе со всей машиной. Если же какой-либо винтик или целая группа отказываются вращаться вместе со всей машиной и «протестуют»,— машина беспощадно их размалывает и со скрипом, с треском и скрежетом до поры до времени продолжает свою «работу» дальше. Террор в условиях невиданной централизации и силы аппарата действует почти автоматически. Терроризируя других, каждый в то же время терроризирует и самого себя, заставляя лицемерить других, каждый в то же время и сам вынужден выполнять определенную долю этой «работы».

Но эта сила сталинского террора (на основе централизации руководства и мощного аппарата) при первом же серьезном толчке обнаружит и все свое банкротство. Если при правильном руководстве партия, несмотря на свои разногласия, перед лицом опасности всегда собиралась в единый могучий железный кулак и становилась несокрушимой силой, то в настоящее время, при кажущемся невиданном единстве, при первом же серьезном испытании она обнаружит невиданное внутреннее разложение.

В прошлом под кажущейся слабостью скрывалась сила, теперь, наоборот, под кажущейся силой скрывается слабость партии..

Кризис теоретический и организационный, кризис руководства массами и социалистическим строительством, банкротство сталинской политики, естественно, находят свое отражение, проявление и завершение в развитии кризиса всего коммунистического мировоззрения. Этот кризис в настоящее время глубоко скрыт, он находит пока свое внешнее проявление только в отдельных редких случаях; пресс террора мешает ему вырываться наружу, но он захватил уже довольно значительный слой мыслящей части партии, имеющей действительно коммунистическое мировоззрение. Видя полный разрыв теории и политики с учением ленинизма, сопоставляя официальные утверждения с фактами, фразы о «вступлении в социалистическое общество» с действительностью и будучи не в состоянии объяснить этого разрыва между словами и делами, оставаясь на почве марксизма, значительная часть членов партии приходит или к полному разочарованию в возможности осуществления коммунизма вообще, или начинает вырабатывать совершенно новые представления о коммунистическом обществе, не имеющие ничего общего с учением Маркса и Ленина.

Значительная часть членов партии живет в настоящее время просто с выпотрошенными душами, изъеденная всеобщим скептицизмом и разочарованием. Эта часть членов не только не верит

в сталинскую «генеральную линию», но она потеряла в результате этой линии и коммунистические убеждения вообще.

Одни из них в личной жизни превращаются просто в мещан и обывателей, другие погружаются в непробудное пьянство, третьи начинают развратничать и т. д. И этот процесс не стоит на месте, а углубляется и расширяется. Таковы плоды сталинской политики и руководства. Мы имеем дело не с обычным политическим кризисом партии, но с кризисом, переросшим уже в перерождение известной части партии.

Руководящую верхушку партии уже нельзя в настоящее время рассматривать как людей просто ошибающихся, но субъективно искренне верящих в свою правоту. Такой взгляд является детским и наивным.

Вся верхушка руководящих партийных работников, начиная со Сталина и кончая секретарями областных комитетов, в основном прекрасно отдают себе отчет, что они рвут с ленинизмом, что они насилуют партийные и беспартийные массы, что они губят дело социализма, но они так запутались, создали такую обстановку, попали в такой тупик, в такой заколдованный круг, что сами не в состоянии из него уже вырваться.

Ошибки Сталина и его клики из ошибок переросли в преступления.

Политбюро и Президиум ЦКК, секретари областных комитетов превратились в банду беспринципных политиканов и политических мошенников. Они на деле рассматривают партию лишь как свою вотчину. Не они для партии, а партия для них.

Наркомы, зам. наркомов, члены коллегий, руководители трестов, видные работники партаппарата, редакторы крупных газет, председатели ЦК профсоюзов, руководители областных отделов советского и профсоюзного аппарата также захвачены в значительной части процессом перерождения. Все они, даже бывшие рабочие, никакой связи с массами, кроме официальных докладов на собраниях, давно уже не имеют. Они обеспечены высокими ставками, курортами, пособиями, дачами, великолепными квартирами, прекрасным явным и тайным снабжением, бесплатными театрами, первоклассной медицинской помощью и т. д., и т. д. И это при невероятном обнищании и полуголодном существовании всей страны. Они, таким образом, в известной мере подкуплены Сталиным. Сталин вообще систематически применяет подкуп как по отношению к отдельным прослойкам партии, так и рабочих.

Само собой, что вся эта группа членов партии в душе в подавляющем большинстве против современной политики, ибо они не могут не видеть ее гибельности. Но они так обросли жирком, они настолько связаны всеми предоставленными им привилегиями (а всякий протест против современного курса и его вдохновителя связан в результате с огромными лишениями), что значительная часть из них и дальше будет выносить любое иго, любые пинки и издевательства со стороны Сталина и партаппарата.

Эта часть потеряла основное свойство подлинного большевика-ленинца — везде и при всяких условиях, применяясь к обстановке, защищать свои взгляды и бороться за интересы пролетарской революции. Ее основной интерес в настоящее время заключается уже не в этом, а лишь в сохранении какой угодно ценой полученных привилегий и чинов.

В итоге мы имеем совершенно оригинальное положение. Жизнь и здесь оказывается несравненно богаче теории, она и тут показывает нам новое, своеобразное. Эпоха перерождения и оппортунизма партий 2-го Интернационала приучила нас опасность перерождения искать всегда справа.

Но вот в настоящее время мы имеем архилевую, авантюристическую политику Сталина при огромном приросте рабочих в партии и все же являемся свидетелями бесспорного перерождения некоторой части партии. От перерождения, следовательно, не может спасти ни левый авантюристический курс, ни механическая вербовка в партию рабочих.

От перерождения может спасти только правильная, ленинская теория и политика, постоянная, но тщательная и осторожная вербовка в партию рабочих, ленинское теоретическое и политическое воспитание молодых членов партии, подлинная внутрипартийная демократия и глубочайшая связь с массами. Но всех перечисленных условий в данный период как раз и нет налицо.

В партии мы, несомненно, имеем некоторую, хотя и незначительную прослойку немолодых, честных субъективно партийцев, продолжающих, однако, искренне верить в правильность политики Сталина. Как можно объяснить такое явление? Здесь решающую роль играет традиция, привычка.

В прошлом на протяжении трех десятков лет под руководством Ленина * партия вела правильную политику. Партийные и беспартийные массы на собственном опыте убеждались в правильности руководства Центрального Комитета. На этой почве вырос гигантский авторитет Центрального Комитета. У значительной части партийцев с небольшим теоретическим багажом или вовсе без багажа, с небольшим теоретическим кругозором выработалась традиция, привычка поддерживать ЦК, ибо «ЦК всегда решает правильно». Эта традиция переносится на современную политику Сталина. Политика из правильной превратилась в неправильную, а традиция, привычка осталась и на новую политику переносит старое отношение. Эти партийцы не могут объяснить гигантских противоречий между декларациями, речами, статьями и резолюциями сталинского руководства и действительностью, но они боятся как огня всяких «уклонов», они привыкли голосовать за ЦК и поэтому стараются не замечать этих противоречий, не задумываться над ними. Они не сопоставляют вчерашних решений с сегодняшними, вчерашних речей Сталина с теперешними. Они все объяснения противоречий

* Так в тексте. *Ред.*

нашей действительности сводят или к неизбежности трудностей социалистического строительства, или к неизбежным недостаткам во всяком большом деле. Рассудок, таким образом, выродился в предрассудок, а политическая привычка в политический идиотизм.

Маркс говорил: «Традиции всех мертвых поколений кошмаром тяготеют над умами живых»[83]. Выше охарактеризованное явление дает еще один блестящий пример правильности этого положения. Традиция, которая до известного времени, до известного момента играла в нашей партии гигантскую революционную роль, содействовала сплочению и укреплению сил партии, в настоящее время превратилась в путы на ногах партии, мешающие ей сбросить с себя иго Сталина. Нужно иметь, однако, постоянно нужно иметь в виду, что основной очаг кризиса партии мы имеем все же в самом партийном аппарате и основным агентом, несущим этот кризис и перерождение, является Сталин и его руководство.

Именно отсюда распространяется инфекция. Здесь особенно резко бросаются в глаза и происшедшие метаморфозы. Характерно, что эти метаморфозы, изменения при «архилевой», авантюристической политике все же явно растут в сторону политических нравов буржуазных партий. В буржуазных партиях, в особенности в С.А.С. Штатах *, наиболее ловким политиком считается тот, кто не принимает слишком всерьез своих убеждений, кто может изменять их, не слишком нарушая внешнюю стройность своих взглядов, кто не относится с неуместной щепетильностью к вопросу о логичности своего мировоззрения, кто может поверить в то, во что выгодно верить в данном политическом положении. Наиболее же ловкий политик, которому легче всего делать карьеру,— это тот, кто совсем не имеет никаких убеждений, кто умеет симулировать пламенную защиту какой угодно идеи, в действительности относясь равнодушно ко всему. Такой политик никогда не очутится на тонущем корабле. Подобный тип защищает энергично все идеи, которые выдвигаются текущей политикой. Он тщательно следит за всеми зигзагами политического курса и настроением правящих групп буржуазии и всегда следует за крысами, когда вода поднимается до верхней палубы.

В среде опытных буржуазных политиков выработалось на основании опыта единственное твердое убеждение, что твердых политических убеждений иметь нельзя. Если вы начинаете приобретать серьезные убеждения, которые для вас становятся более или менее дорогими и за которые вы хотите бороться, проливать кровь и умереть, тогда можно быть уверенным, что для политики вы потерянный человек. Идя таким путем, вы можете на политическом поприще лишь провалиться, но ни коим образом не преуспеть. По мнению прожженных буржуазных поли-

---

* Так в тексте. *Ред.*

тиков, неискренность в политике составляет необходимую часть политического оборудования.

В нашей большевистской партии, пока ее политика была правильна и внутрипартийные отношения более или менее нормальны, существовали прямо противоположные нравы и традиции.

Победоносная военная хитрость и обман всегда входили необходимым элементом в ленинскую стратегию и тактику в борьбе с врагом, но руководящие партийные органы неуклонно при этом соблюдали величайшую революционную честность и искренность перед лицом своей партии и класса.

Теперь же и у нас неискренность партийного аппарата и вождей, их лицемерие стали необходимым политическим оборудованием. Теперь и у нас искренний большевик, ленинец, уверенный в правоте своих взглядов и готовый их смело отстаивать где угодно и перед кем угодно, уже не может быть парт. работником — ему обязательно сломят шею. Он потерян для политики.

В настоящее время парт. работник должен уметь виться ужом, гнуться как тростник и беспрерывно балансировать на «генеральной линии», как цирковой актер на натянутой проволоке. Прикажут на 100 процентов коллективизировать — коллективизируй и кричи о подъеме колхозной волны, объявят это «головокружением от успехов» — кайся и уподобляйся унтер-офицерской вдове, декларируют рост благосостояния масс — шуми и кричи об этом, хотя этому никто не верит, дадут сигнал найти троцкизм, правый уклон, левый загиб, право-левацкий блок, троцкистскую контрабанду, гнилой либерализм, буржуазность и перерожденцев — ищи, находи и разоблачай!

История и тут шутит над Сталиным злую шутку: он, кричащий о том, что мы во второй пятилетке должны создать нового человека социалистического общества,— на деле, даже в самом пролетарском авангарде, создает лишь самый худший вид мелкобуржуазных политиканов наверху и задавленных, забитых манекенов, отученных от всякого самостоятельного ленинского мышления, внизу.

Классовое содержание политики Сталина и состоит именно в мелкобуржуазном авантюризме.

Ее мелкобуржуазность выражается, во-первых, в разрыве с материалистической диалектикой, учением Маркса и Ленина по всем важнейшим теоретическим вопросам, во-вторых, в переходе на точку зрения субъективного идеализма в понимании соотношения объективных и субъективных факторов в социалистическом строительстве; в-третьих, в разрыве с организационными принципами большевизма (личная диктатура вместо демократического централизма) и, наконец, в-четвертых, в беспринципном политиканстве и бешеном разгуле «левой фразы», хлестаковщины, лжи, надувательства масс, превращении их в слепое орудие в интересах тщеславия диктатора и его клики.

Амплитуда качаний мелкобуржуазных политиканов и политических деятелей необычайно велика.

Она простирается от Махно до Наполеона, от анархического бунтарства до бонапартизма. Мелкая буржуазия поставляет на рынки политики самые разнообразные продукты. Она является в большей степени и поставщицей левых фразеров, мелкобуржуазных авантюристов, прямых реформистов и оппортунистов и неограниченных диктаторов, надевающих порой на себя императорскую мантию. Нельзя забывать, что не только Пилсудский и Муссолини, но и сам Стимсон [84] начал свою карьеру как мелкобуржуазный политик. Иногда даже один и тот же мелкобуржуазный политик может проделать все вышеперечисленные превращения в том или ином, в чистом или в смешанном, порядке.

В поведении, в линии, в курсе мелкобуржуазного политика возможны самые причудливые, неповторяемые комбинации и самые неожиданные зигзаги. В диктатуре Сталина мы имеем одну из таких неповторяемых комбинаций.

Наличие и серьезность процессов перерождения верхушки партийного и советского аппарата совершенно неоспоримы. При этом характерно, что и на этот раз в истории перерождение совершается по всем классическим примерам перерождения: истинные последователи учения объявляются преследуемыми «еретиками», а его фальсификаторы, извратители — его истинными последователями. Так происходило перерождение первобытного христианства, так происходило перерождение верхушки германской социал-демократии и 2-го Интернационала, так происходит оно и у нас. Само собою разумеется, что даже сама сталинская клика, сознательно извращая ленинизм и принципы социалистического строительства, не видит подлинного характера и размеров своего перерождения. Но так всегда бывало и бывает в истории: перерожденцы никогда не видели своего собственного перерождения или крайне его преуменьшали. Его всегда видела только противоположная сторона. Переживая глубочайший кризис и оказавшись в верхушке, серьезно захваченной процессом перерождения, партия, однако, во всей своей основной массе несомненно здорова. Надо покончить лишь с очагом кризиса и начавшегося процесса перерождения, чтобы вся партия встала снова на ноги.

Задача заключается в том, чтобы вся партийная масса сплотилась, организовалась, уяснила себе современную обстановку, поставила перед собой ясную политическую цель, покончила с диктатурой Сталина и его кликой, встала снова на путь правильной, ленинской теории и политики и тем обеспечила победу коммунизма.

Именно в этом в настоящее время заключается основная обязанность всякого честного большевика. Именно к этому должны быть направлены помыслы всех лучших элементов партии и рабочего класса.

III. КРИЗИС СОВЕТОВ И ПРИВОДНЫХ РЕМНЕЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ.

Кризис партии является уже сам по себе и кризисом пролетарской диктатуры, ибо партия является душой пролетарской диктатуры, ее руководящей силой. Без ленинской коммунистической партии немыслима пролетарская диктатура. Опыт всей революционной борьбы рабочего класса во всех странах полностью подтвердил этот вывод.

Глубина кризиса пролетарской диктатуры в большей степени уже определяется глубиной кризиса партии. Но кризис пролетарской диктатуры выражается в настоящее время не только в кризисе партии, но и в кризисе Советской власти как формы пролетарской диктатуры, а также и в кризисе всех ее приводных ремней: комсомола, профсоюза, кооперации, добровольных обществ, печати и пр.

Кризис Советской власти, в узком смысле этого слова, выражается прежде всего в кризисе советской демократии. Советская демократия вытеснена и подменена единоличной диктатурой Сталина. Советы из органов, в которых выражалась воля, настроения и подлинные желания широчайших партийных и беспартийных рабочих масс и бедняцко-середняцкой части деревни, в которых могли критиковать не только повара, стрелочника, мастера или директора завода, но и коренные мероприятия партии и правительства (критиковать, оставаясь, конечно, на почве признания руководящей роли партии и Советской Конституции), превратились в органы подавления воли этих масс, в органы насилия и террора над массами, в органы, где выражается воля той же ничтожной горстки партийного аппарата и клики вождей, но не широких трудящихся масс. Раньше в Советах беспартийными проверялась правильность политики партии, ее руководство массами и страной. Теперь Советы превратились в простые, бесправные и беспомощные придатки партийного аппарата, где разрешается лишь восхищаться шестью условиями Сталина и принимать торжественные приветствия «дорогому вождю», несмотря на величайшую ненависть к нему рабочих и крестьян.

Выборность Советов в огромной, подавляющей степени тоже заменена, по существу, назначенством. В Советах ныне сидят люди, прислушивающиеся не к голосу масс, а только к голосу начальства, смотрящие не вниз, а вверх, люди, готовые по приказанию начальства учинить какой угодно произвол и насилие над массами, прикрываясь именем и волей этих масс. Положение нисколько не изменяется от того, что в Советах и в данное время работает в секциях и пр. большое количество партийных и беспартийных рабочих. Централизованный, необычайно разветвленный аппарат под угрозой, нажимом, террором и пр. заставляет этих рабочих и крестьян быть бездушным винтиком в огромной машине и давить, терроризировать вопреки своей воле других.

Бесконечное ухудшение положения рабочих и крестьянских масс, политика террора по отношению к ним подорвали гигант-

ски их доверие к пролетарской диктатуре и ее основному органу — Советам.

Советский аппарат в большей своей части работает совершенно на холостом ходу, все постановления и мероприятия партии и органов Сов. власти составляют предмет сплошных издевательств и насмешек со стороны советского аппарата, ибо несуразность, авантюризм, надувательство масс, хлестаковщина сталинской «генеральной линии» для советского аппарата, вынужденного проводить эту линию, особенно бьет в глаза.

Профсоюзы также переживают кризис. Кризис выражается в том, что они из школы коммунизма превратились в школу надувательства масс, в школу самого бесстыдного игнорирования воли и настроений масс, в простой придаток того же партийного и хозяйственного аппарата.

Задачей профсоюзов должно быть, по мысли Ленина, во-первых, воспитание масс рабочих в духе сознательного отношения к социалистическому производству и, во-вторых, защита их интересов от бюрократических извращений рабочего государства. В настоящее время профсоюзы не только не защищают интересы рабочих, но, наоборот, являются послушным орудием в руках Сталина по снижению реальной заработной платы и их материального жизненного уровня.

Воспитание в рабочих сознательного отношения к социалистическому производству тоже подменено клеветнической травлей отсталых рабочих как кулаков, вредителей, агентов классового врага и пр. Если Троцкий в свое время требовал огосударствления профсоюзов, против чего Ленин решительно боролся, то в настоящее время это огосударствление проведено, но при этом в самой грубой, карикатурной, бюрократической форме. Профсоюзы, в свою очередь, потеряли в глазах рабочих почти всякий авторитет и доверие.

Кооперация также болеет общей болезнью Советского Союза: кооперативная сеть в огромной части является дефицитной. Ни о какой культурной торговле при современной политике цен и отсутствии товаров не может быть и речи. Выборности в кооперативные органы, по существу, нет. Для масс кооперация теперь только сборщик дифпая, т. е. замаскированного налога.

Комсомол в отраженной и видоизмененной форме переживает примерно те же явления, что и партия. Эти явления в основном сводятся к следующему: разрыв с ленинизмом; превращение диалектики в софистику; превращение аппарата в самодовлеющую силу, чуждую массам; превращение в карикатуру борьбы с оппортунизмом; кризис мировоззрения; у мыслящей части комсомола разочарование в партии и в социалистическом строительстве; беспринципное политиканство, карьеризм и лицемерие, как продукт аппаратного террора и неправильной антиленинской политики партии.

Красная Армия и ГПУ из органов, которые использовались исключительно для подавления сопротивления эксплуататоров,

для борьбы с врагами пролетарской диктатуры, все больше и больше наряду с этим с каждым годом используются для подавления недовольства рабочих и бедняцко-середняцких масс деревни. (Массовые аресты членов партии и беспартийных рабочих, расстрелы, беспощадное подавление стихийных восстаний бедняцко-середняцких масс деревни, доведенных до отчаяния и голода политикой Сталина.)

Печать из орудия воспитания масс, из могучего рычага, содействующего социалистическому строительству, обозрению его со всех сторон, превратилась в гигантскую фабрику лжи и внесения разброда и деморализации в сознание масс.

Газеты в настоящее время используются Сталиным не затем, чтобы массы знали действительное положение вещей в Советском Союзе, а как раз затем, чтобы они не знали его, не для того, чтобы раскрывать им истину, а затем, чтобы вводить их в заблуждение. Произвольно выхваченные из общей связи или даже сфабрикованные отдельные факты, фальшиво скомбинированные сводки, раздувание одних явлений и событий и замалчивание в десятки раз более важных других — вот содержание и работа наших газет. Большинство газетных работников над своей фабрикацией лжи цинично издеваются, но и этот винтик, вопреки своему сознанию, вынужден «крутиться» вместе со всей машиной под нажимом кнопки из кабинета Сталина. Само собой разумеется, что все перечисленные нами процессы только еще развиваются. В каждой организации, в каждом явлении старое причудливо переплетается с новым, больное со здоровым, пролетарская диктатура с ее отрицанием, кусочки, осколки ленинизма с его фальсификацией и извращением, но основное направление эволюции пролетарской диктатуры под руководством Сталина идет именно так, как мы охарактеризовали.

Самый злейший враг партии и пролетарской диктатуры, самый злейший контрреволюционер и провокатор не мог бы лучше выполнить работу разрушения партии и соц. строительства, чем это делает Сталин.

Ленинизм и пролетарскую революцию нельзя надолго убить руками врага — они каждый раз после поражения поднимаются с новой удесятеренной силой. Сталин убивает ленинизм под флагом ленинизма, пролетарскую революцию под флагом пролетарской революции и социалистическое строительство под флагом социалистического строительства!

Сталин объективно выполняет роль предателя социалистической революции. Но это было бы самое страшное убийство, какое когда-либо видела история! Это отбросило бы все историческое развитие на десятки лет назад.

Все, что есть лучшего, честного, подлинно большевистского, ленинского в ВКП(б) и Коминтерне, должно во чтобы то ни стало помешать этому, пока не упущено время.

IV. ПУТИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА И ЗАДАЧИ ЧЕСТНЫХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ ЛЕНИНЦЕВ.

Партия в своем огромном подавляющем большинстве решительно настроена против политики Сталина и его клики.

Еще в большей мере единодушно против этой политики настроены рабочие и служащие.

Что же касается деревни, то там этот курс абсолютно не имеет не только сторонников, но даже людей, нейтрально к нему относящихся.

Вся деревня доведена до отчаяния и кипит возмущением. Непрекращающиеся массовые восстания в деревне — лучший показатель ее политических настроений.

Красная Армия также в огромной степени отражает политические настроения пролетариата и крестьянских масс. И даже партийный аппарат в своей большей части лицемерит и внутренне не верит в успешный исход сталинской авантюры. Сталин и его клика держится, следовательно, не на доверии, сочувствии и поддержке масс, а на каком-то другом основании, с помощью каких-то других рычагов. Каковы эти рачаги?

Режим невиданного террора и колоссального шпионажа, осуществляемых посредством необычайно централизованного и вместе с тем разветвленного гигантского аппарата, сосредоточившего в своих руках все материальные ресурсы страны и поставившего в прямую зависимость от себя физическое существование десятков миллионов людей,— вот главная основа диктатуры Сталина. Вся система государственного аппарата, включая и партию, терроризируя других и в то же время сама живя под постоянным дамокловым мечом террора, вопреки сознанию каждой отдельной его клеточки, как машина, вынуждена совершать свои движения, получаемые от первоисточника, и выполнять волю главного «механика».

Но зайдя в безвыходный тупик и установив во всей стране в самых разнообразных формах господство террора, Сталин отрезал себе и всякие пути для отступления и эволюционного выхода из кризиса. Он возвел себя на пьедестал непогрешимого папы и не может признать не только преступности своей политики, но и малейшей своей ошибки. Диктатор не может ошибаться — ошибаются только его подчиненные. Устранение Сталина и его клики нормальными демократическими методами, гарантированными Уставом партии и Советской Конституцией, таким образом, совершенно исключено.

Они всякими предлогами, с оружием в руках, пушками и пулеметами будут защищать от партии и страны свое господство.

Было бы непростительным ребячеством тешить себя иллюзиями, что эта клика, обманом и клеветой узурпировавшая права партии и рабочего класса, может их отдать добровольно обратно. Это тем более невозможно, что Сталин прекрасно понимает, что партия и рабочий класс не могут простить ему ужасаю-

щих преступлений перед пролетарской революцией и социализмом. При таком положении вещей у партии остается два выбора: или — или. Или дальше безропотно выносить издевательства над ленинизмом, террор и спокойно ожидать окончательной гибели пролетарской диктатуры, или **силою устранить эту клику** и спасти дело коммунизма.

Допустима ли такая постановка вопроса с точки зрения марксизма-ленинизма? Не только допустима, но и бесспорно правильна. Преступно, вредно, гибельно для пролетариата и его партии силой устранять свои руководящие партийные и советские органы, если они ведут правильную ленинскую политику и выражают волю партийных и беспартийных масс. И наоборот, следует считать прямой обязанностью всякого честного большевика и беспартийного рабочего борьбу за насильственное устранение органов тогда, когда они ведут антиленинскую и гибельную для пролетарской диктатуры политику, когда они превратились в клику, не выражают воли масс и в то же время, опираясь на аппарат, не допускают их смены нормальными методами, предусмотренными Уставом партии и Советской Конституцией.

Опыт пролетарской революции показал нам здесь нечто совершенно непредвиденное и неожиданное. Отвертываться от этих новых фактов, не видеть их — значит уподобляться страусам и стараться прятать головы в песок. Мы срослись, свыклись с представлением, что при пролетарской диктатуре руководство партии и страны всегда будет выражать волю масс. На деле же вышло так, что это руководство выродилось в ходе внутрипартийной борьбы в личную диктатуру, губящую Советскую власть и партию, ненавистную массам, опирающуюся главным образом на террор и провокации. Это новое, своеобразное, совершенно неожиданное для партии явление. Как ни больно, как ни тяжело, но это необходимо признать всем, кто не хочет остаться в плену иллюзий и оказаться перед фактом полного краха пролетарской революции.

Люди, не умеющие марксистски мыслить, думают, что устранение Сталина в то же время будет свержением Советской власти. Сталин такой взгляд всячески культивирует и распространяет. Но он абсолютно неверен.

На деле идет речь не об уничтожении пролетарской диктатуры, а о ее восстановлении, ибо она по форме осталась, а по своему содержанию в огромной части в настоящее время как раз утеряна. Речь идет не о нарушении принципов ленинизма, а как раз об их защите. Как устранение одного буржуазного правительства и замена его другим буржуазным правительством не означает еще свержения господства буржуазии, хотя и может в результате повлечь за собой это содержание, ибо всякий политический переворот развязывает силы враждебных данной политической системе классов, так и устранение одного «пролетарского» правительства и смена его другим про-

летарским правительством не означает еще свержения пролетарской диктатуры, хотя такая борьба и связана с большими опасностями для самой пролетарской диктатуры.

В настоящее время, в эпоху мировой пролетарской революции, в эпоху открытой борьбы за власть между буржуазией и пролетариатом всякий политический переворот — свержение одного правительства и замена его другим в целях сохранения господства данного класса — связан с опасностью свержения классом-антиподом всей системы экономического и политического господства этого класса.

Буржуазия и пролетариат постоянно подкарауливают друг друга, чтоб в момент наиболее обостренной борьбы в рядах противника свергнуть его господство.

Опасность «третьей силы» в настоящее время существует не только для Советского Союза, но и для всякой капиталистической страны, хотя и в различной степени. Для нас «третья сила» — это сила мирового капитализма и своих внутренних врагов Советской власти, мечтающих о реставрации капитализма. Для буржуазии «третья сила» — это сила революционного пролетариата своей страны и сила всего мирового революционного пролетариата во главе с Советским Союзом.

Но опасность потери экономического и политического господства данным классом в каждый данный период зависит, однако, не только от силы натиска враждебного класса. Оно в огромной, а иногда и в решающей степени зависит и от того, как осуществляют исполнительные органы данного господствующего класса, т. е. правительство, его волю, его классовые интересы, его классовую политику. Мало того, даже и сама сила наступления враждебного класса в огромной степени зависит от тактики правительства правящего класса, от его умения маневрировать, от его гибкости, способности трезво учитывать политическую и экономическую обстановку и т. д.

Поражение буржуазии и победа пролетариата в конечном счете неизбежны. Но история делается не автоматически. Мы не фаталисты. Она делается живыми людьми! Стратегия и тактика пролетариата и его партий, с одной стороны, стратегия и тактика буржуазии, с другой, входят важнейшими слагаемыми в те исторические сроки, в течение которых может быть достигнуто низвержение буржуазии и построение коммунистического общества во всем мире.

При нашей правильной стратегии и тактике и ошибках со стороны буржуазии эти сроки могут быть короче и победа может быть достигнута с меньшими жертвами; при наших ошибках и трезвой тактике со стороны буржуазии эти сроки могут быть удлинены на десятилетия и борьба потребует больших жертв.

Глупая авантюристическая или оппортунистическая политика пролетарского правительства может и верное дело пролетариата погубить и отбросить историю на 30—40 лет назад. Умная,

хитрая политика буржуазии может и «гиблое» дело капитализма спасать от окончательного краха в течение длительного периода.

Именно поэтому даже в настоящий период, когда капитализм переживает всеобщий кризис и пролетарская революция стучится во все двери капиталистического общества, буржуазия все же допускает насильственное свержение своих правительств, когда она видит, что они ведут опасную, с точки зрения ее господства, политику и в то же время не хотят добровольно уступить место другим.

В самом деле, за последние два десятилетия мы имели три таких переворота: Испания, Польша, Китай. Все эти перевороты, как известно, для буржуазии были связаны с огромными опасностями. Все они, как известно, повлекли за собой массовые революционные движения и восстания рабочих и крестьян. В некоторых из этих стран дело едва не дошло даже до свержения новых буржуазных правительств и утверждения диктатуры пролетариата. И все же буржуазия, ее наиболее сознательная часть пошла на этот риск.

Можно ли эти перевороты оправдать с точки зрения текущих «исторических» интересов буржуазии? Безусловно, можно. Глупая, с точки зрения интересов буржуазии, политика свергнутых правительств могла бы быстро довести государство до пролетарской революции. Наиболее сознательные элементы правящего класса пошли на риск переворота. И пусть на время, ибо на длительный период для класса, исторически обреченного, это невозможно, но они все же добились укрепления своего государства. Для нас устранение диктатуры Сталина и его клики также связано с риском. Мы развязываем силы внутренних врагов пролетарской революции и международного капитала. Эта опасность велика.

Но для нас уже в данный момент существует еще более серьезная опасность гибели пролетарской диктатуры от рук самого Сталина и его клики. Сталин пролетарскую диктатуру и социалистическое строительство, по их действительному содержанию, в огромной степени уже уничтожил.

Пролетарская диктатура уже гибнет, и ее нужно спасать. Пролетарская диктатура Сталиным и его кликой наверняка будет погублена окончательно, устранением же Сталина мы имеем много шансов ее спасти.

Партия находится в положении пассажиров автомобиля, шофер которого вдруг безнадежно спятил с ума, свернул с дороги и везет пассажиров по кочкам и ухабам, под уклон на полном ходу прямо в пропасть. Автомобиль трещит, скрипит, ломается, кувыркается из стороны в сторону, подпрыгивает на кочках так, что у пассажиров зубы брякают, пассажиры возмущены, многие растерялись, некоторые в панике, некоторые от толчков вылетают из автомобиля, а спятивший с ума шофер ругает пассажиров оппортунистами, «загибщиками» и успокаивает их уверениями, что

все это неизбежные трудности езды в автомобиле. При таком положении глупо и нелепо пассажирам ждать, пока «возница» спустит их под откос. Надо попытаться на ходу отбросить такого шофера от руля, на ходу же сесть умеющим править машиной за руль и вывести ее на торную дорогу. Иного выхода для пассажиров нет.

Если в настоящее время выбирать, какая опасность для нас большая — опасность ли гибели партии пролетарской революции и социалистического строительства от руки Сталина или от «третьей силы» в результате неудачной попытки устранения его диктатуры, то первая опасность, несомненно, больше, реальнее, серьезнее, неотвратимее.

Нельзя забывать, что сталинское руководство и политика являются не только отрицанием ленинизма и пролетарской диктатуры, но они и непосредственно организуют, сплачивают силы контрреволюции и в то же время деморализуют, дезорганизуют, расстраивают силы партии, рабочего класса и всех трудящихся.

Внутренняя контрреволюция и международная буржуазия в лице Сталина имеет, по его объективной роли, лучшего союзника.

Сталинская авантюристическая «архилевая» политика (по давно известному закону диалектики «крайности сходятся») с абсолютной неизбежностью ведет к реставрации капитализма. И чем дальше будет продолжаться этот курс, чем дальше будет Сталин оставаться у руля власти, тем неумолимее будет надвигаться эта реставрация.

Как это ни чудовищно, как ни парадоксально может показаться на первый взгляд, но главный враг ленинизма, пролетарской диктатуры и социалистического строительства находится в данный момент в наших собственных рядах и даже возглавляет партию.

Борьба за устранение Сталина связана с риском. Но еще ни одно великое дело, ни одно великое историческое событие не совершалось без риска.

Первая и главная опасность в борьбе за уничтожение диктатуры Сталина заключается в возможности нападения на нас империалистов.

Эта опасность серьезная. Но возможность нападения еще не означает его неизбежности. Если одни факторы будут толкать буржуазию к нападению на нас, то другие будут действовать в противоположном направлении.

Противоречия внутри основных империалистических хищников, поддержка нас мировым революционным пролетариатом, колониально-революционное движение и наше собственное искусное маневрирование спасали нас от нападения империалистов до настоящего времени, они могут предохранить нас от этого и в дальнейшем. Все дело в конечном счете будет зависеть от конкретной политической обстановки.

Вторая опасность — внутренняя контрреволюция.

Сталин основательно поработал над выращиванием контрреволюционных сил за последние годы. Силы контрреволюции, мечтающие о реставрации капитализма, возросли за последние годы в десятки раз. Масса преданных Советской власти и большевизму элементов из трудящихся города и деревни брошена преступной политикой Сталина в лагерь контрреволюции.

Но на наше счастье эти элементы распылены, раздроблены и не организованы.

Если мы окажемся достаточно сплоченными, организованными, если мы соберем вокруг себя достаточные силы и поставим перед собой ясные цели, то смелыми решительными действиями мы можем взять на себя инициативу разбить в самом же начале все реставраторские, контрреволюционные попытки и удержать за собой наши основные позиции.

Если теперешнему правительству Испании и Пилсудскому при переворотах удалось успешно подавить все революционные выступления рабочих, то почему мы не можем подавить все контрреволюционные выступления?

Задача заключается в том, чтобы сейчас же приступить к мобилизации и сплочению партийных сил на почве марксизма-ленинизма, на почве подготовки к уничтожению диктатуры Сталина. Партия и рабочий класс в своем подавляющем большинстве против Сталина и его клики. Надо только эти распыленные и терроризированные силы объединить, вдохнуть веру в это дело и начать работать по устранению сталинского руководства.

Пора перестать фрондировать, брюзжать и шептаться по углам. Надо начать действовать. В настоящее время недовольна и возмущена политикой Сталина вся страна, все или почти все рабочие и подавляющее большинство партии. Все возмущены, все фрондируют, но дальше бессильного, беспомощного фрондирования и шушукания не идут. Сейчас только слепой или ребенок не видит банкротство политики Сталина. Пора, однако, покончить с одним беспомощным пересказыванием бесчисленных фактов, иллюстрирующих гибельность сталинского руководства. Надо наряду с этим ставить и разрешать конкретные задачи по устранению этого руководства.

В настоящее время почти любой партийный филистер, обыватель и даже партийный чиновник недоволен и скулит по поводу того, что творится в партии и стране. Настоящий большевик-ленинец должен не скулить, а бороться. Организовать силы, сплачивать их и обязательно, непременно и систематически, где только представляется к тому малейшая возможность, ставить перед ними ясную политическую цель.

Беспредметные, бесцельные разговоры с глазу на глаз о гибельном антиленинском характере сталинского руководства стали уже настолько всеобщим, массовым, почти поголовным явлением, что они набили оскомину и стали противными.

Такие разговоры не столько уже организуют, сколько дезор-

ганизуют членов партии, вносят в их ряды разброд, разочарование и бесперспективность. Без таких разговоров в известной мере не обойдется, но нетерпимо, преступно, постыдно и дальше этим ограничиваться.

Само собою разумеется, что в этой работе нужна величайшая конспирация, ибо Сталин, несмотря на то, что мы последовательные ленинцы, обрушит на нас все свои репрессии. Но работать необходимо. Дело надо начинать. Или гнить на корню, или бороться.

В этой борьбе со сталинской диктатурой было бы нелепо цепляться за старые внутрипартийные разногласия и догматически защищать свои старые групповые и фракционные взгляды.

Задача заключается, наоборот, в том, чтоб каждая внутрипартийная группировка подвергла критической переоценке свои старые взгляды и, не боясь признать свои ошибки, сумела со всей большевистской трезвостью оценить современное положение вещей и объединиться на почве Программы партии и коренных положений учения Маркса — Ленина для спасения пролетарской революции.

Старые группировки и фракционные образования в настоящее время безнадежно устарели, изжили себя и побледнели перед новым решающим водоразделом — за пролетарскую диктатуру и ленинскую ВКП(б) или за Сталина и гибель всех завоеваний рабочего класса и его партии.

Кто хватается за старые, фракционные деления, кто не видит, что жизнь ушла от них бесконечно далеко вперед, тот потерян навсегда для марксизма-ленинизма.

Именно на почве этого положения должно идти объединение всех подлинно ленинских сил партии для устранения Сталина и его клики, именно это положение должно послужить гарантией трезвой ленинской оценки всей совокупности современного положения вещей.

В борьбе со Сталиным и его кликой нужно предупредить против одной весьма распространенной иллюзии, что эту борьбу могут начать и возглавить еще раз все бывшие покаявшиеся троцкистские вожди или бывшие лидеры правой оппозиции.

Это глубочайшая ошибка. В своем большинстве они пока что представляют для борьбы со Сталиным лишь отработанный пар.

Они ненавидят Сталина всеми фибрами своей души; они будут сочувствовать этой борьбе, на определенной стадии борьбы они несомненно вновь выступят в той или иной роли на политическую сцену. Но сейчас они будут или молчать и выжидать, а некоторые из них даже подличать и лакействовать перед Сталиным.

Для борьбы за уничтожение диктатуры Сталина надо в основном рассчитывать не на старых вождей, а на новые силы. Эти силы есть, эти силы будут быстро расти. Выдвинутся неизбежно новые вожди, новые организаторы масс, новые авторитеты.

Борьба рождает вождей и героев.

Надо начать действовать. Эта борьба потребует жертв. Она потребует гигантских усилий, даже после свержения диктатуры Сталина потребуются многие и многие годы для того, чтобы вывести партию и страну из той невиданной трясины, в которую их завел Сталин.

Но пугаться таких трудностей — значит перестать быть пролетарским революционером.

Задача революционного, а не контрреволюционного устранения диктатуры Сталина может быть выполнена только партией и рабочим классом, и они ее выполнят, какие бы трудности им не пришлось преодолеть и каких бы жертв это не потребовало.

Конкретно вся сумма мероприятий, необходимых для выхода партии и страны из кризиса и тупика, сводится в основном к следующему:

I. В области партийной.

1. Ликвидация диктатуры Сталина и его клики.
2. Немедленная смена всей головки партийного аппарата и назначение новых выборов партийных органов на основе подлинной внутрипартийной демократии и с созданием твердых организационных гарантий против узурпации прав партии партийным аппаратом.
3. Немедленный чрезвычайный съезд партии.
4. Решительное и немедленное возвращение партии по всем вопросам на почву ленинских принципов.

II. В области советской.

1. Немедленные новые выборы Советов с решительным и действительным устранением назначенства.
2. Смена судебного аппарата и введение строжайшей революционной законности.
3. Смена и решительная чистка аппарата ГПУ.

III. В области индустриализации.

1. Немедленное прекращение антиленинских методов индустриализации и игры в темпы за счет ограбления рабочего класса, служащих и деревни, за счет прямых и косвенных, открытых и замаскированных непосильных налогов и инфляции. Проведение индустриализации на основе действительного и неуклонного роста благосостояния масс.
2. Приведение вложений в капитальное строительство в соответствие с общим состоянием всех наличных ресурсов страны.

ние цен. Восстановление кооперации и ее прав.

VI. В ОБЛАСТИ ФИНАНСОВО-НАЛОГОВОЙ.

1. Прекращение инфляции, падающей тяжелым налоговым бременем на пролетариат и всех трудящихся.

2. Прекращение бесконечных поборов в виде всякого рода займов, размещаемых фактически принудительно, постоянного увеличения дифпая в кооперации и пр.

3. Максимальное и реальное сокращение всех налогов на рабочих, служащих и трудящихся деревни.

VII. В ОБЛАСТИ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ПРАВОВЫХ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ МАСС.

1. Восстановить все права рабочих по отпуску спецодежды, оплате брака и пр., которых они лишены были в последние 4 года.

2. Восстановить старые правила увольнения рабочих с предприятия, существовавшие 4 года назад.

3. Восстановить старые права и ленинскую политику в работе профсоюзов.

4. Немедленно прекратить авантюристическую политику раскулачивания в деревне, направленную фактически против всей основной массы в деревне.

В Е Р Н О:

ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ 1 СПО ОГПУ: [подпись] (Боген)

Последняя страница машинописной копии «платформы Рютина», сделанной органами ОГПУ с экземпляра, изъятого при арестах.

IV. В области сельского хозяйства.

1. Немедленный роспуск всех насильственно созданных дутых колхозов. Действительная добровольность коллективизации на основе машинной техники и всемерная помощь колхозам.

2. Немедленное создание всех необходимых реальных условий и оказание поддержки для развития индивидуального бедняцко-середняцкого крестьянского хозяйства.

3. Ликвидация всех дефицитных совхозов. Оставление в наших руках такого количества лучших совхозов, которые мы действительно в состоянии сделать подлинно образцовыми социалистическими предприятиями.

4. Передача всего крупного машинного инвентаря ликвидированных совхозов и колхозов в руки местных сельскохозяйственных машинных товариществ.

5. Передача МТС в руки местных с/хоз. машинных товариществ и кооперации.

6. Немедленное прекращение хлебозаготовок, скотозаготовок и заготовок других продуктов сельского хозяйства, современных методов ограбления деревни.

Землеустройство единоличников и закрепление за ними в длительное пользование отведенных им земель.

V. В области торговли.

1. Прекращение экспорта за бесценок продуктов сельского хозяйства.

2. Прекращение экспорта за бесценок промтоваров широкого потребления.

3. Возвращение к ленинской политике цен. Решительное снижение цен. Восстановление кооперации и ее прав.

VI. В области финансово-налоговой.

1. Прекращение инфляции, падающей тяжелым налоговым бременем на пролетариат и всех трудящихся.

2. Прекращение бесконечных поборов в виде всякого рода займов, размещаемых фактически принудительно, постоянного увеличения дифпая в кооперации и пр.

3. Максимальное и реальное сокращение всех налогов на рабочих, служащих и трудящихся деревни.

VII. В области материальных и правовых условий жизни рабочих и крестьянских масс.

1. Восстановить все права рабочих по отпуску спецодежды, оплате брака и пр., которых они были лишены в последние 4 года.

2. Восстановить старые правила увольнения рабочих с предприятия, существовавшие 4 года назад.

3. Восстановить старые права и ленинскую политику в работе профсоюзов.

4. Немедленно прекратить авантюристическую политику раскулачивания в деревне, направленную фактически против всей основной массы в деревне.

ПОТРЯСАЮЩИЙ ДОКУМЕНТ ЭПОХИ СТАЛИНИЗМА

Читатели впервые получили возможность ознакомиться с удивительным человеческим и политическим документом, принадлежащим перу активного участника Октябрьской революции и крупного партийного работника 20—30-х годов Мартемьяна Никитича Рютина. Только за чтение этого документа в 30-е годы людей подвергали жестоким наказаниям, а чаще — просто уничтожали.

«Платформа Рютина» явилась обвинительным заключением и приговором Сталину и сталинщине — за измену марксизму и ленинизму, идеалам Октябрьской революции, за созданную в стране обстановку морального, политического и физического террора.

Знакомство с «платформой Рютина», равно как и с другими, очень немногочисленными, подобными документами (назовем здесь письмо Х. Г. Раковского тов. В. *, а также письмо Н. И. Бухарина «Будущему поколению руководителей партии» и «Открытое письмо Сталину» Ф. Ф. Раскольникова **, ставшие известными нам в недавнее время), свидетельствует о лживости утверждений, будто в ВКП(б) не было никакого противодействия сталинщине, будто вся партия единодушно приняла установление диктатуры Сталина и его концепцию социализма. Нет, к чести партии, противодействие, безусловно, было, но в обстановке обмана и террора на открытое выступление против режима Сталина осмеливались, к сожалению, немногие. Мартемьян Рютин был одним из первых. «В настоящее время недовольна и возмущена политикой Сталина вся страна, все или почти все рабочие и подавляющее большинство партии. Все возмущены, все фрондируют, но дальше бессильного, беспомощного фрондирования и шушукания не идут». (Здесь и далее цитируется платформа «Союза марксистов-ленинцев».) Рютин и его группа пошли дальше.

Анализируя «платформу Рютина», прежде всего нельзя не отметить силу и смелость ума ее автора. «Интеллигентный пролетарий», как он себя характеризовал, Рютин хорошо знал труды Маркса и Ленина, свободно ориентировался в вопросах философии, политической экономии, хозяйственной политики, с глубоким знанием дела оперировал партийными документами и выступле-

---

* Неделя, 1988, № 43. С. 9—10.

** Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 609—610, 612—617.

ниями Сталина, досконально разбирался в истории партии. Критически относясь к действительности, он сумел обнаружить реальные противоречия в деятельности и состоянии партии, выявить корни и причины происходивших в жизни страны процессов и прямо назвать их. Во имя борьбы со сталинщиной он перешагнул через страх и заботу о личной безопасности. «Эта борьба потребует жертв,— писал Рютин.— Она потребует гигантских усилий... Но пугаться таких трудностей — значит перестать быть пролетарским революционером».

Чтение платформы создает уверенность в том, что Рютин ненавидел Сталина. Но это — не личная ненависть. Она порождена кровной обидой за измену Сталина ленинскому делу, за превращение партии «только в орган аппарата», «...который сам, в свою очередь, является безгласным исполнителем воли диктатора и его агентов на местах». Рютин решительно осудил ложь и фальсификацию Сталиным истории, результатов хозяйственного строительства, положения трудящихся, гневно заклеймил развязанный Сталиным террор против инакомыслящих, насаждаемое Сталиным «единомыслие» в партии.

Цель, провозглашенная Рютиным,— ликвидация диктатуры Сталина и его клики — не смогла, однако, осуществиться. Слишком далеко к тому времени зашел уже процесс формирования всевластия Сталина и той командно-административной системы, на которую он опирался. Рютин явно переоценивал возможные силы противников режима и недооценивал силу его сторонников, хотя и понимал, что «даже после свержения диктатуры Сталина потребуются многие и многие годы для того, чтобы вывести партию и страну из той невиданной трясины, в которую их завел Сталин».

Еще 21 год после появления рютинской платформы сохранялись личная диктатура Сталина и созданный им режим казарменного строя. И если после смерти Сталина и XX съезда партии, осудившего культ его личности, сталинский террор и беззакония, возникла кратковременная «оттепель», то это ни в малой степени не означало ликвидации сталинского режима. Он только трансформировался в постсталинизм — в авторитарно-бюрократическую систему власти, стремившейся сохранить все, на что опиралась сталинщина в период своего расцвета. Делались даже попытки прямой реабилитации Сталина *. Да и сейчас немало в стране и партии людей, со вздохом сожаления вспоминающих о былых временах и возлагающих надежды на «твердую руку». Прав был Рютин, когда писал о многих годах, необходимых для преодоления сталинского «наследства».

Причина этого заключается в том тотальном обесчеловечении личности, которое связано со строительством и утверждением казарменного социализма. В ходе этого процесса происходило

---

* См., например: К 100-летию со дня рождения И. В. Сталина.— Правда. 1979. 21 декабря.

отчуждение человека от политической власти (Рютин справедливо указывал на формальный характер советской «демократии»), от производства (и об этом говорится в платформе), происходило формирование общества «винтиков». «Все винтики — большие и маленькие, второстепенные и первостепенные,— хотят они или не хотят, «верят» они или не «верят», вынуждены вращаться вместе со всей машиной. Если же какой-либо винтик или целая группа отказывается вращаться вместе со всей машиной и «протестует» — машина беспощадно их размалывает и со скрипом, с треском и скрежетом до поры до времени продолжает свою «работу» дальше. Террор в условиях невиданной централизации и силы аппарата действует почти автоматически» — так ярко и образно писал Рютин. Создавалось общество всеобщего конформизма, вызванного как страхом перед репрессиями, так и навязанной сверху антиленинской (Рютин это многократно подчеркивал) идеологией. «Сталин,— отмечал Рютин,— убивает ленинизм под флагом ленинизма, пролетарскую революцию под флагом пролетарской революции, социалистическое строительство под флагом социалистического строительства!»

Каждый читающий сегодня «платформу Рютина», несомненно, отметит искреннее преклонение ее автора перед Лениным. Рютин справедливо считал Сталина антиподом Ленина, подчеркивал, что «Ленин был вождем, но не был диктатором; Сталин, наоборот, является диктатором, но не является вождем».

Вместе с тем преклонение перед Лениным переходит у Рютина (и это характерно для многих партийных умов того времени) в коленопреклонение. Критикуя Сталина, Рютин зовет партию назад, к Ленину, идеи которого воспринимает не только некритически, но и догматически. Даже в 1932 г. Рютин продолжает сохранять искреннюю веру в близкое крушение империалистической системы и победу мировой революции, не пытаясь подвергнуть анализу новые явления в рабочем движении и социальной политике буржуазных правительств. Он не только отрицает возможность какого бы то ни было реформирования капиталистического общества в интересах трудящихся, но и борьбу за такие реформы объявляет изменой делу пролетарской революции, настаивая на обострении классовых противоречий между буржуазией и пролетариатом во всемирном масштабе. Естественно, что и К. Каутский, и «вся клика вождей и теоретиков II Интернационала» являются для него непримиримыми врагами. Страстно настаивая на плюрализме мнений внутри партии (да и сама его платформа есть не что иное, как нелегальное осуществление этого плюрализма), он в то же время как одну из основных обязанностей большевика выдвигает «непримиримую борьбу» с оппортунизмом. И как следствие этого выражает политическое недоверие членам партии — бывшим меньшевикам, эсерам, кадетам — за «приспособление к режиму Сталина», хотя тут же, впрочем, отмечает, что политика последнего «даже из подлинных большевиков-ленинцев вырабатывает оппортунистов». Получается, что,

осуждая Сталина за нетерпимость, Рютин и сам был не чужд подобных взглядов.

Автор платформы явно недооценил и прочности созданной в стране командно-административной системы. Рютину казался неизбежным в ближайшее время кризис сельского хозяйства, промышленности, финансов, который должен довести СССР «до полного паралича и голода». В действительности командная система, созданная Сталиным, сохранилась до середины 80-х годов, да полностью не демонтирована и сейчас, на шестом году перестройки.

Все это, однако, частности. Главное в «платформе Рютина» — глубокая и всеобъемлющая критика Сталина и сталинщины, до уровня которой наши общественные науки и политические документы поднимаются только сейчас.

В заключение нельзя не сказать о том, как актуально звучат выдвинутые Рютиным требования по обновлению политической и экономической жизни страны. Направленные на решительную демократизацию внутрипартийной и государственной жизни, на восстановление законности и смену судебного аппарата и аппарата ГПУ, на подчинение хозяйственного развития росту благосостояния масс, на ликвидацию «дутых» и убыточных колхозов и совхозов, на возрождение единоличного крестьянского хозяйства и наделение его землей и т. д.,— эти требования, выдвинутые почти 60 лет назад, свидетельствуют, что современная революционная мысль имеет глубокие исторические корни, развивается в правильном направлении и поэтому победит.

Н. Маслов,
профессор Московской ВПШ,
доктор исторических наук

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ II

«О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ»

Доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. XX съезду КПСС
25 февраля 1956 года

[1] XX съезд КПСС состоялся 14—25 февраля 1956 г. Его работа проходила в Москве в большом Кремлевском дворце. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» был заслушан делегатами съезда на утреннем закрытом заседании 25 февраля 1956 г.

Предложение о проведении закрытого заседания съезда и выступлении на нем Н. С. Хрущева с докладом «О культе личности и его последствиях» было выдвинуто Президиумом ЦК КПСС 13 февраля 1956 г. В тот же день состоялся Пленум ЦК КПСС, который принял это предложение.

Ход закрытого заседания съезда не стенографировался. После окончания доклада было решено прений по нему не открывать. По предложению Н. А. Булганина, председательствовавшего на этом заседании, съезд единогласно принял постановление «О культе личности и его последствиях», которое было опубликовано в печати, а также постановление о рассылке текста доклада партийным организациям без опубликования его в открытой печати.

1 марта 1956 г. текст доклада, предназначенный для направления партийным организациям, был разослан с запиской Н. С. Хрущева членам и кандидатам в члены Президиума, секретарям ЦК КПСС. В этом тексте была сделана небольшая стилистическая и редакторская правка: даны ссылки на произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и другие цитируемые источники, уточнены даты принятия отдельных документов, включены отступления докладчика от заранее подготовленного текста, отмечена реакция делегатов на те или иные положения доклада.

5 марта 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об ознакомлении с докладом тов. Хрущева Н. С. «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС». В нем указывалось: «1. Предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом тов. Хрущева Н. С. «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников. 2. Доклад тов. Хрущева разослать партийным организациям с грифом «не для печати», сняв с брошюры гриф «строго секретно». В соответствии с этим постановлением доклад зачитывался на собраниях всех партийных и комсомольских организаций. Этот текст и публикуется в данном сборнике.

Хрущев Н. С. (1894—1971), член партии с 1918 г., участник гражданской войны, с 1920 г. на партийной и хозяйственной работе. В 1935—1938 гг. первый секретарь МК и МГК ВКП(б), в 1938—1949 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Украины, одновременно в 1944—1947 гг. Председатель Совнаркома (Совета Министров) Украины. В годы Великой Отечественной войны член Военных советов ряда фронтов. В 1949—1953 гг. секретарь ЦК, первый секретарь Московского комитета партии. Член ЦК ВКП(б) с 1934 г. С 1938 г. кандидат, а в 1939—1964 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК. В 1953—1964 гг. Первый секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958—1964 гг. Председатель Совета Министров СССР. С 1964 г. на пенсии.

Булганин Н. А. (1895—1975), член партии с 1917 г., Маршал Советского Союза (1947—1958 гг.), с 1958 г. генерал-полковник. С 1922 г. на хозяйственной рабо-

те, в 1931—1937 гг. председатель Моссовета. С 1937 г. зам. Председателя Совнаркома СССР. В годы Великой Отечественной войны член Военных советов ряда фронтов. С 1944 г. член Государственного Комитета Обороны и зам. наркома обороны СССР. С 1947 г. зам. Председателя Совета Министров СССР и одновременно в 1947—1949 гг. министр Вооруженных Сил СССР. В 1953—1955 гг. министр обороны СССР. В 1955—1958 гг. Председатель Совета Министров СССР. Член ЦК КПСС в 1934—1961 гг. Член Политбюро (Президиума) ЦК в 1948—1958 гг.

[2] Блос Вильгельм (1849—1927), немецкий публицист и историк.

[3] Лассаль Фердинанд (1825—1864), деятель немецкого рабочего движения.

[4] Речь идет о «Письме к съезду», включающем в себя записи, продиктованные В. И. Лениным 23, 24, 25, 26, 29 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г. (см. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343—348).

[5] Зиновьев Г. Е.

[6] Имеется в виду «Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б)», написанный В. И. Лениным 26 октября 1920 г. (см. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 394, 541).

[7] Берия Л. П. (1899—1953), бывший нарком (министр) внутренних дел СССР, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, член Президиума ЦК КПСС. В июле 1953 г. Пленум ЦК КПСС за преступные антипартийные и антигосударственные действия вывел его из состава ЦК и исключил из партии. Он был снят со всех государственных постов.

23 декабря 1953 г. Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР приговорило Л. П. Берия к расстрелу.

[8] Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 октября 1941 г. намечалось созвать Пленум ЦК ВКП(б) 10 октября 1941 г. с повесткой дня: «1. Военное положение нашей страны. 2. Партийная и государственная работа для обороны страны». Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 октября 1941 г. созыв Пленума был отложен «ввиду создавшегося недавно тревожного положения на фронтах и нецелесообразности отвлечения с фронтов руководящих товарищей». В годы войны был только один Пленум ЦК, состоявшийся 27 января 1944 г.

[9] Речь идет о комиссии, образованной Президиумом ЦК КПСС 31 декабря 1955 г. для изучения материалов о массовых репрессиях членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии, и других советских граждан в период 1935—1940 гг. В состав комиссии вошли секретари ЦК КПСС П. Н. Поспелов и А. Б. Аристов, председатель ВЦСПС Н. М. Шверник, заместитель Председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС П. Т. Комаров.

[10] Енукидзе А. С. (1877—1937), член партии с 1898 г. С июля 1918 г. член и секретарь ВЦИК и Президиума ЦИК СССР.

[11] Речь идет о постановлении ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов», получившем впоследствии наименование «Закон от 1 декабря 1934 г.» и действовавшем до 1956 г. Данное постановление не вносилось на утверждение сессией ЦИК СССР, как это требовалось по Конституции СССР.

[12] Николаев Л. В. (1904—1934), состоял в партии с 1924 г. Некоторое время был инструктором Ленинградского обкома партии и Ленинградского института истории ВКП(б). В апреле 1934 г. уволен из института, нигде не работал. 1 декабря 1934 г. совершил покушение на С. М. Кирова. Осужден и расстрелян.

[13] Жданов А. А. (1896—1948), член партии с 1915 г. В 1934—1948 гг. секретарь ЦК ВКП(б) и одновременно в 1934—1944 гг. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии. С 1935 г. кандидат в члены Политбюро. С 1939 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).

[14] Каганович Л. М. (род. 1893 г.), состоял в партии с 1911 г. С 1924 г. член ЦК, с 1925 г. секретарь, с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1957 г. за антипартийную деятельность выведен из состава ЦК КПСС. В 1962 г. исключен из партии.

[15] Молотов (Скрябин) В. М. (1890—1986), член партии с 1906 г. В 1920 г. секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1921—1930 гг. секретарь ЦК партии. В 1930—1941 гг. Председатель Совнаркома СССР. В 1941—1957 гг. первый зам. Председателя Совнаркома (Совета Министров) СССР, одновременно в 1941—1945 гг. зам. председателя Государственного Комитета Обороны. В 1939—1949 и 1953—1956 гг. нарком, затем министр иностранных дел СССР, министр Госконтроля. С 1957 г. посол СССР в МНР. С 1960 г. представитель СССР при МАГАТЭ (Австрия). С 1921 г. член ЦК партии. В 1921—1926 гг. кандидат, а в 1926—1957 гг.

член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС. В 1957 г. за антипартийную деятельность выведен из состава ЦК КПСС. В 1962 г. исключен из членов КПСС. В 1984 г. восстановлен членом партии с 1906 г.

[16] Ежов Н. И. (1895—1940), состоял в партии с 1917 г. На XVII съезде партии избран членом ЦК. С 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля. В 1936—1938 гг. нарком внутренних дел СССР, затем нарком водного транспорта. С 1938 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Арестован в 1939 г., расстрелян в январе 1940 г. по приговору Военной Коллегии Верховного суда СССР.

[17] Ягода Г. Г. (1891—1938), состоял в партии с 1907 г. В 1934—1936 гг. председатель ОГПУ, нарком НКВД. С 1936 г. нарком связи СССР. В 1938 г. был предан суду по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока» и расстрелян.

[18] Постышев П. П. (1887—1939), член партии с 1904 г. С 1926 г. секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1930 г. секретарь, член Оргбюро ЦК ВКП(б). В 1933—1937 гг. второй секретарь ЦК КП(б) Украины, затем первый секретарь Куйбышевского обкома партии. Член ЦК ВКП(б) с 1927 г., кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) с 1934 г.

[19] Карпов М. М. (1901—1939), член партии с 1920 г. До ареста работал зав. отделом пропаганды и агитации Киевского обкома КП(б) Украины.

[20] Эйхе Р. И. (1890—1940), член партии с 1905 г. Участник революции и борьбы за Советскую власть в Латвии. С 1925 г. председатель Сибирского крайисполкома, с 1929 г.— первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). В 1937—1938 гг. нарком земледелия СССР. С 1930 г. член ЦК, с 1935 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Член ЦИК СССР.

[21] Ушаков З. М., Николаев-Журид Н. Г., работники НКВД. В 1939 г. арестованы. В январе 1940 г. расстреляны по приговору Военной Коллегии Верховного суда СССР.

[22] Рухимович М. Л. (1889—1938), член партии с 1913 г. Активный участник Октябрьской революции и гражданской войны на Украине. С 1920 г. председатель Донецкого губисполкома. С 1925 г. на государственной и партийной работе, нарком оборонной промышленности СССР. С 1924 г. член ЦК партии.

[23] Межлаук В. И. (1893—1938), член партии с 1917 г. С 1920 г. комиссар ряда железных дорог, на государственной работе, зам. Председателя Совнаркома СССР. С 1927 г. кандидат в члены ЦК. С 1934 г. член ЦК ВКП(б).

[24] Рудзутак Я. Э. (1887—1938), член партии с 1905 г. С 1917 г. председатель Московского совнархоза. С 1920 г. председатель ЦК железнодорожных рабочих, одновременно генеральный секретарь ВЦСПС, затем председатель Средазбюро ЦК РКП(б). С 1923 г. секретарь ЦК РКП(б). В 1924—1930 гг. нарком путей сообщения СССР. С 1926 г. зам. Председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны СССР, одновременно с 1931 г. председатель ЦК ВКП(б) и нарком Рабоче-Крестьянской Инспекции. В 1923—1926 гг. и с 1934 г. кандидат в члены Политбюро ЦК. В 1926—1932 гг. член Политбюро ЦК.

[25] Комаров Н. П. (Собинов Ф. Е.) (1886—1937), член партии с 1909 г. В 1917 г. член Петроградского комитета РСДРП(б). В 1925 г. секретарь Северо-Западного бюро ЦК РКП(б). В 1926—1929 гг. председатель Ленинградского городского и губернского исполкомов. С 1931 г. нарком коммунального хозяйства РСФСР. Член ЦК партии в 1921, 1923—1934 гг. Кандидат в члены ЦК в 1922—1923 гг.

[26] Заковский Л. М., в 1937 г. нач. УНКВД Ленинградской области.

[27] Чудов М. С. (1893—1937), член партии с 1913 г. В 1928—1936 гг. второй секретарь Ленинградского обкома партии. Член ЦК ВКП(б) с 1925 г.

[28] Угаров А. И. (1900—1939), член партии с 1918 г. В 1934—1938 гг. секретарь Ленинградского горкома ВКП(б), с 1938 г. первый секретарь МК и МГК ВКП(б). Кандидат в члены ЦК ВКП(б).

[29] Смородин П. И. (1897—1939), член партии с 1917 г. В 1921—1924 гг. первый секретарь ЦК РКСМ. В 1928—1936 гг. на партийной работе в Ленинграде. С 1937 г. секретарь Сталинградского обкома ВКП(б). С 1930 г. кандидат в члены ЦК.

[30] Позерн Б. П. (1882—1939), член партии с 1902 г. В 1917—1918 гг. комиссар Северного фронта, затем на командно-политических должностях в Красной

Армии. С 1921 г. на хозяйственной и партийной работе. В 1937—1938 гг. прокурор Ленинградской области. С 1930 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б).

[31] Шапошникова Л. К. (1895—1942), член партии с 1917 г. С 1934 г. член бюро Ленинградского горкома партии.

[32] Кабаков И. Д. (1891—1937), член партии с 1914 г. С 1934 г. первый секретарь Свердловского обкома партии. Член ЦК ВКП(б) с 1925 г.

[33] Косиор С. В. (1889—1939), член партии с 1907 г. В октябре 1917 г. комиссар Петроградского ВРК. Один из организаторов КП(б) Украины. В 1919—1920 гг. секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1922 г. секретарь Сиббюро ЦК РКП(б). С 1926 г. секретарь ЦК ВКП(б). С 1928 г. генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1938 г. зам. Председателя Совнаркома СССР, председатель Комиссии советского контроля. С 1924 г. член ЦК РКП(б). С 1927 г. кандидат, а с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).

[34] Чубарь В. Я. (1891—1939), член партии с 1907 г. В 1918—1923 гг. член Президиума ВСНХ. С 1920 г. зам. Председателя, затем Председатель Совнаркома Украины. С 1934 г. зам. Председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны СССР. С 1937 г. нарком финансов СССР. Член ЦК партии с 1921 г. С 1926 г. кандидат, а с 1935 г. член Политбюро ЦК.

[35] Косарев А. В. (1903—1939), член партии с 1919 г. С 1926 г. секретарь МК ВЛКСМ. С 1927 г. секретарь, а с 1929 г. генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ. С 1934 г. член ЦК и Оргбюро ЦК ВКП(б).

[36] На Пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся в январе 1938 г., по докладу Г. М. Маленкова было принято постановление «Об ошибках парторганизации при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков».

[37] Родос Б. В. (1905—1956), бывший зам. нач. следственной части по особо важным делам НКВД—НКГБ СССР, полковник. Лично принимал участие в фальсификации следственных дел. В 1956 г. приговорен к расстрелу Военной Коллегией Верховного суда СССР.

[38] Имеется в виду милитаристский агрессивный блок Германии, Италии и Японии, сформировавшийся в 1936—1937 гг.

[39] Маленков Г. М. (1902—1988), состоял в партии с 1920 г. В 1939—1946 гг. и в 1948—1953 гг. секретарь ЦК ВКП(б) (КПСС). В 1953—1955 гг. Председатель Совета Министров СССР. В 1955—1957 гг. зам. Председателя Совета Министров СССР, министр электростанций СССР. С 1957 г. директор Усть-Каменогорской электростанции. В 1941—1946 гг. кандидат в члены Политбюро, в 1946—1952 гг. член Политбюро ЦК. В 1952—1957 гг. член Президиума ЦК КПСС. В 1957 г. за антипартийную деятельность выведен из состава ЦК КПСС. В 1961 г. исключен из партии.

[40] Рокоссовский К. К. (1896—1968), член партии с 1919 г. Маршал Советского Союза (1944 г.). Перед Великой Отечественной войной был незаконно репрессирован, реабилитирован в 1941 г. В годы Великой Отечественной войны командовал рядом фронтов. После войны главнокомандующий Северной группой войск. С 1949 г. министр национальной обороны и зам. Председателя Совета Министров ПНР, Маршал Польши. С 1956 г. зам. министра обороны СССР, затем на других высших командных должностях. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1961—1968 гг.

[41] Горбатов А. В. (1891—1973), член партии с 1919 г. Генерал армии (1955 г.). Участник первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн. Перед войной был незаконно репрессирован. В период войны занимал ряд командных должностей. После войны командовал Воздушно-десантными войсками, войсками Прибалтийского военного округа. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1952—1961 гг.

[42] Мерецков К. А. (1897—1968), член партии с 1917 г. Маршал Советского Союза (1944 г.). С 1937 г. зам. начальника Генштаба, с сентября 1938 г. командовал войсками Приволжского, затем Ленинградского военных округов. С 1940 г. начальник Генштаба, с 1941 г. зам. наркома обороны СССР. В 1941 г. был незаконно арестован, но вскоре освобожден. В Великую Отечественную войну командовал армиями, рядом фронтов. После войны командовал войсками ряда военных округов. Кандидат в члены ЦК партии в 1939—1956 гг., член ЦРК КПСС в 1956—1961 гг.

[43] Подлас К. П. (1893—1942), член партии с 1918 г. Генерал-лейтенант (1941 г.). Участник первой мировой, гражданской войн. Был незаконно репрессирован. В Великую Отечественную войну командовал армиями. Погиб в бою.

[44] Баграмян И. Х. (1897—1982), член партии с 1941 г. Маршал Советского Союза (1955 г.). В Великую Отечественную войну зам. нач., нач. штаба Юго-Западного фронта, Юго-Западного направления, командующий армией, с 1943 г. командовал рядом фронтов. После войны — командующий войсками Прибалтийского военного округа, зам. министра обороны СССР. Член ЦК КПСС в 1961—1982 гг.

[45] Василевский А. М. (1895—1977), член партии с 1938 г. Маршал Советского Союза (1943 г.). Участник первой мировой и гражданской войн. С августа 1941 г. зам. нач., нач. Генштаба и зам. наркома обороны СССР. В 1943—1944 гг. координировал действие ряда фронтов. С февраля 1945 г. командовал 3-м Белорусским фронтом, с июля 1945 г. главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке. После войны нач. Генштаба, зам., первый зам. министра, министр Вооруженных Сил, первый зам. министра обороны СССР. Член ЦК КПСС в 1952—1961 гг.

[46] Микоян А. И. (1895—1978) — член партии с 1915 г. В 1920—1926 гг. секретарь Нижегородского губкома партии, Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), Северо-Кавказского крайкома партии. В 1926—1946 гг. нарком внешней и внутренней торговли и ряда других наркоматов. С 1937 г. зам. Председателя Совнаркома СССР. В 1941—1946 гг. член Бюро Совнаркома СССР. В 1942—1945 гг. член Государственного Комитета Обороны. В 1946—1964 гг. зам., первый зам. Председателя Совета Министров СССР. В 1964—1965 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. В 1965—1974 гг. член Президиума Верховного Совета СССР. Член ЦК партии в 1923—1976 гг. С 1926 г. кандидат, а в 1935—1966 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК партии.

[47] Жуков Г. К. (1896—1974), член партии с 1919 г. Маршал Советского Союза (1943 г.). Участник первой мировой и гражданской войн. В январе — июле 1941 г. нач. Генштаба — зам. наркома обороны СССР. С начала Великой Отечественной войны — член Ставки Верховного Главнокомандования, затем командующий Резервным и Ленинградским фронтами и главнокомандующий Западным направлением. Командовал Западным фронтом при обороне Москвы. С августа 1942 г. первый зам. наркома обороны и зам. Верховного Главнокомандующего. Координировал действия фронтов под Сталинградом, по прорыву блокады Ленинграда, в битвах под Курском и за Днепр. В 1944—1945 гг. командовал 1-м Украинским фронтом, координировал действия 1-го и 2-го Белорусского фронтов, командовал 1-м Белорусским фронтом. После войны занимал ряд высших государственных и командных постов. В 1955—1957 гг. министр обороны СССР. Кандидат в члены ЦК партии в 1941—1946 и 1952—1953 гг. Член ЦК КПСС в 1953—1957 гг. Кандидат в члены и член Президиума ЦК КПСС в 1956—1957 гг.

[48] Поскребышев А. Н. (1891—1965), член партии с 1917 г. После Октябрьской революции на советской и партийной работе. С 1922 г. работал в ЦК партии инструктором по учету, зам. управляющего делами, помощником секретаря ЦК. В 1928—1953 гг. зав. особым сектором Секретариата ЦК, секретным отделом и особым сектором ЦК партии. В 1952—1954 гг. секретарь Президиума и Бюро Президиума ЦК КПСС. В 1934—1939 гг. кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1939—1954 гг. член ЦК партии.

[49] О так называемом «ленинградском деле» см. настоящее издание. С. 311.

[50] Абакумов В. С. (1908—1954), состоял в партии с 1930 г. В органах госбезопасности с 1932 г. В 1946—1951 гг. министр государственной безопасности СССР. В июне 1951 г. исключен из партии. В декабре 1954 г. приговорен к расстрелу.

[51] Речь идет о постановлениях ЦК ВКП(б) от 9 ноября 1951 г. и 27 марта 1952 г. о якобы вскрытой в Грузии мингрельской националистической организации, возглавляемой секретарем ЦК КП(б) Грузии М. Барамия. 10 апреля 1953 г. эти решения были отменены постановлением ЦК КПСС «О нарушениях советских законов бывшими Министерствами государственной безопасности СССР и Грузинской ССР».

[52] Имеется в виду июльский (1955 г.) Пленум ЦК КПСС, на котором был заслушан и одобрен доклад Н. С. Хрущева об итогах советско-югославских переговоров.

[53] Тито Иосип Броз (1892—1980) — деятель югославского и международного коммунистического и рабочего движения. С 1940 г. Генеральный секретарь ЦК

Коммунистической партии Югославии, с 1952 г. Генеральный секретарь Союза коммунистов Югославии, с 1966 г. председатель СКЮ. С 1945 г. глава государства и правительства ФНРЮ (затем СФРЮ).

[54] Речь идет о сфабрикованном в 1952—1953 гг. деле по обвинению группы врачей в проведении шпионской и террористической деятельности. Постановлением Президиума ЦК КПСС от 3 апреля 1953 г. были полностью реабилитированы 37 врачей и членов их семей, арестованных по так называемому «делу о врачах-вредителях».

[55] Игнатьев С. Д. (1904—1983), член партии с 1926 г. В 1951—1953 гг. министр государственной безопасности СССР. В 1953—1957 гг. первый секретарь Башкирского, а в 1957—1960 гг. Татарского обкомов КПСС, в 1952—1953 гг. секретарь ЦК КПСС.

[56] Каминский Г. Н. (1895—1938), член партии с 1913 г. В 1920 г. секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, затем на хозяйственной и советской работе. С 1930 г. секретарь МК ВКП(б). С 1932 г. председатель Мособлисполкома. С 1934 г. нарком здравоохранения. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1925—1927 гг. и с 1934 г.

[57] Мусаватисты — члены азербайджанской буржуазной националистической партии «Мусават» («Равенство»). Существовала с 1911 г. После Октябрьской революции выступила инициатором провозглашения Азербайджанской буржуазной республики (1918—1920 гг.).

[58] Снегов А. В. (род. 1898), член партии с 1917 г. С 1931 г. член бюро Закавказского крайкома ВКП(б), затем на советской и партийной работе в Сибири, на Украине, Куйбышеве, Мурманске. Незаконно репрессирован в 1938 г. Реабилитирован в 1954 г.

[59] Картвелишвили Л. И. (Лаврентьев) (1890—1938), член партии с 1910 г. С 1923 г. секретарь ЦК КП(б) Грузии, второй секретарь Закавказского крайкома партии, председатель Совнаркома Грузии. С 1929 г.— нач. политуправления Украинского военного округа, второй секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1931 г. секретарь Закавказского, Западно-Сибирского, Дальневосточного крайкомов, Крымского обкома ВКП(б). В 1930—1934 гг. кандидат, с 1934 г. член ЦК ВКП(б).

[60] Орджоникидзе Г. К. (Серго) (1886—1937), член партии с 1903 г. С 1920 г.— председатель Кавбюро ЦК РКП(б), первый секретарь Заккрайкома партии, Северо-Кавказского крайкома партии. С 1926 г.— председатель ЦКК ВКП(б), нарком РКИ, зам. Председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны СССР. С 1930 г. председатель ВСНХ, нарком тяжелой промышленности. Член ЦК партии с 1921 г. В 1926 г. кандидат, а с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).

[61] Кедров И. М. (1908—1940), член ВКП(б), старший лейтенант госбезопасности, сын Кедрова М. С. (см. примечание 63); Голубев В. П. (1913—1940), кандидат в члены ВКП(б), лейтенант госбезопасности. Арестованы в 1939 г., расстреляны 25 января 1940 г. вместе с Н. В. Батуриной.

[62] Андреев А. А. (1895—1971), член партии с 1914 г. С 1920 г. секретарь ВЦСПС, одновременно в 1924—1925 гг. секретарь ЦК РКП(б). С 1927 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). С 1930 г. председатель ЦКК ВКП(б), нарком РКИ СССР, зам. Председателя Совнаркома СССР. С 1931 г. нарком путей сообщения СССР. С 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б). В 1939—1952 гг. председатель КПК при ЦК ВКП(б). С 1946 г. зам. Председателя Совета Министров СССР. Член ЦК партии в 1920—1961 гг. Кандидат в члены Политбюро ЦК в 1926—1930 гг. Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1932—1952 гг.

[63] Кедров М. С. (1878—1941), член партии с 1901 г. В 1906—1907 гг. руководитель большевистского книжного издательства «Зерно». С ноября 1917 г. член коллегии Наркомата по военным делам, комиссар демобилизации старой армии, на командных должностях на Северном фронте. С марта 1919 г. нач. Особого отдела ВЧК, член коллегии НКВД. После гражданской войны работал в ВСНХ, Верховном суде СССР, Госплане РСФСР.

[64] Сталинские премии 1-й, 2-й и 3-й степеней присуждались в 1940—1952 гг.

[65] Решение о сооружении в Москве Дворца Советов было принято в 1922 г. на I съезде Советов СССР. Перед Великой Отечественной войной начиналось его сооружение.

[66] Ворошилов К. Е. (1881—1969), член партии с 1903 г. С 1925 г. нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР. С 1934 г. нарком

обороны СССР. С 1940 г. зам. Председателя Совнаркома СССР. В годы Великой Отечественной войны член Государственного Комитета Обороны. С 1946 г. зам. Председателя Совета Министров СССР. В 1953—1960 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член ЦК партии в 1921—1961 гг. и 1966—1969 гг. Член Политбюро (Президиума) ЦК в 1926—1960 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ IV

«ФАЛЬШИВЫЕ ПРОЦЕССЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

[1] Я. Э. Стэн — член партии с 1914 г., в 1932 г. профессор Института красной профессуры и сотрудник АН СССР.

[2] Н. А. Угланов — член партии с 1907 г., в то время начальник сектора Наркомтяжпрома СССР.

[3] Н. К. Кузьмин — член партии с 1918 г. В 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

[4] Н. А. Стороженко — член партии с 1917 г. В 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

[5] А. Н. Слепков — член партии с 1919 г., профессор Ростовского педагогического института.

[6] Н. В. Устрялов — политический деятель, юрист, член кадетской партии. После гражданской войны — эмигрант. Выдвинул программу так называемой «смены вех», в которой говорилось о буржуазном перерождении советского строя.

[7] См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 222—238.

[8] М. Ф. Шкирятов — секретарь партколлегии ЦКК ВКП(б).

[9] Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стенографический отчет. М., 1963. С. 71.

[10] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 96.

[11] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 96.

[12] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 110.

[13] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 55.

[14] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 110, 111.

[15] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 40.

[16] Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 577.

[17] См.: Рабочая оппозиция. Материалы и документы 1920—1926 гг. Госиздат, 1926. С. 59—60.

[18] См.: Рабочая оппозиция. Материалы и документы 1920—1926 гг. С. 61—62.

[19] См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 531—533.

[20] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 3, д. 557, л. 8, 14, 16; д. 599, л. 2, 5.

[21] ЦПА ИМЛ, ф. 589, оп. 3, д. 9102, л. 60.

[22] ЦПА ИМЛ, ф. 589, оп. 3, д. 9102, л. 62.

[23] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, д. 874, л. 2, 15.

[24] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, д. 874, л. 15.

[25] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 457.

[26] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 91—92.

[27] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 268—269, 283—284, 285—286; Т. 53. С. 272; Т. 54. С. 82—83, 83—84, 102.

[28] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 89—90.

[29] К. Б. Радек (1885—1939) — видный деятель партии и Советского государства. В 1936 г. был арестован и 30 января 1937 г. осужден Военной Коллегией Верховного суда СССР по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра» к 10 годам тюремного заключения. Убит в тюрьме 19 мая 1939 г.

[30] Мехлис Л. З. (1889—1953). В 1934 г. редактор газеты «Правда».

[31] Сафаров Г. И. (1891—1942). В 1922 г. член бюро Ленинградского губкома, член Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), секретарь Смольнинского райкома

партии, редактор газеты «Ленинградская правда». Затем на дипломатической работе.

[32] Мадьяр Людвиг (1891—1934) — деятель венгерского революционного движения. С 1928 г. работник аппарата Коминтерна.

[33] Залуцкий П. А. (1887—1937). Член партии с 1907 г. В 1917 г. член Петроградского ВРК. В 1920—1922 гг. кандидат в члены ЦК, в 1923—1925 гг. член ЦК РКП(б), секретарь Северо-Западного бюро ЦК и Ленинградского губкома партии.

[34] Харитонов М. М. (1887—1938). Член партии с 1905 г. После Октябрьской революции секретарь Пермского губкома, Уральского бюро ЦК РКП(б), Саратовского губкома партии. Работал в ЦКК, Наркомате РКИ.

[35] Левин В. С. (1897—1934). Член партии с 1917 г. В 1922—1926 гг. на политработе в Красной Армии. В 1924—1926 гг. член Петроградского райкома партии, член Ленинградского губкома. В дальнейшем на хозяйственной работе.

[36] См.: *Молотов В. М.* Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов. М., 1937. С. 9, 16, 53.

[37] Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства. 1921. № 12. С. 79.

[38] См.: Правда. 1927. 24 июля.

[39] См.: Правда. 1927. 24 июля.

[40] *Айхенвальд А.* Советская экономика. М.— Л., 1929. С. 275.

[41] *Айхенвальд А.* Советская экономика. С. 280.

[42] *Слепков А., Марецкий Д.* Экономическая платформа оппозиции. М., 1926. С. 14—15.

[43] *Слепков А.* Оппозиционные течения внутри ВКП(б). М.— Л., 1928. С. 36.

[44] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 417, л. 6.

[45] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 417, л. 6.

[46] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 417, л. 162.

[47] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 417, л. 249.

[48] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 441, восп. 1, л. 3, 63, 66.

[49] См.: Правда. 1930. 20 ноября.

[50] XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января — 10 февраля 1934 г.: Стенографический отчет. М., 1934. С. 125.

[51] П. Ф. Просвирнин был исключен из партии в 1935 г. за нарушение норм партийной этики. В 1937 г. и в 1948 г. подвергался арестам. В судебном порядке реабилитирован в 1957 г. В восстановлении в партии ему было отказано КПК при ЦК КПСС в 1959 г.

[52] Цитируется по неправленой стенограмме февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б).

[53] В 1939—1940 гг. Н. И. Ежов, М. П. Фриновский, З. М. Ушаков, В. С. Агас и другие, принимавшие участие в расследовании дела так называемой «антисоветской троцкистской военной организации», были осуждены к расстрелу по обвинению в шпионаже, принадлежности к антисоветской организации в органах НКВД, незаконных арестах и истреблении честных и преданных партии людей. Тем самым И. В. Сталин как бы перекладывал вину за незаконные репрессии целиком на прежнее руководство НКВД.

[54] Вместе с тем в этом отношении представляет некоторый интерес сообщение старого товарища М. Н. Тухачевского, бывшего члена ВЦИК П. Н. Кулябко при рассмотрении его персонального дела в партийной организации в июне 1937 г. П. Н. Кулябко, рекомендовавший М. Н. Тухачевского в 1918 г. в партию, объяснил парторганизации, что когда он узнал из газет о назначении М. Н. Тухачевского командующим ПриВО, то посетил его на квартире. М. Н. Тухачевский объяснил П. Н. Кулябко, что причиной его перевода в Куйбышев, как об этом сообщили в ЦК партии, является то обстоятельство, что его знакомая Кузьмина и бывший порученец оказались шпионами и арестованы.

[55] Ленинградский партийный архив (ЛПА), ф. 24, оп. 83, д. 438, л. 93.

[56] Правда. 1954. 24 декабря.

[57] ЛПА, ф. 24, оп. 85, д. 250, л. 28.

[58] См.: XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 г.: Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 94.

ПРИМЕЧАНИЕ К РАЗДЕЛУ VI

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТАЛИН И КРИЗИС ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Платформа «Союза марксистов-ленинцев» («группа Рютина»)

[1] Текст «платформы Рютина» печатается по одной из машинописных копий, сделанных сотрудниками ОГПУ в 1932 г. с экземпляров, изъятых при арестах, а также при обыске на квартире П. А. Сильченко 15 октября 1932 г. Оригинал документа не обнаружен, из-за чего невозможно установить полную идентичность публикуемого текста первоисточнику. Копии платформы ходили по рукам в Московской и Харьковской партийных организациях, их размножали, дописывали, редактировали.

[2] Цитируется неточно. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 33. С. 175.

[3] Имеется в виду «Письмо к съезду»,— записи, продиктованные В. И. Лениным 23, 24, 25, 26 и 29 декабря 1922 года и 4 января 1923 года и содержащие характеристики ряда членов ЦК РКП(б). См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343—348.

[4] Письмо И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция». См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 13. С. 84—102. Слуцкий А. Г. (1894—1979), советский историк, автор ряда работ по истории революционного движения Западной Европы. Волосевич В. О. (1882—1953), социал-демократ, большевик, в 1913—1922 гг. в эмиграции во Франции, после возвращения в Советскую Россию вузовский преподаватель истории, автор «Курса истории ВКП(б)», с 1932 г. преподавал математику.

[5] Иловайский Д. И. (1832—1920), русский историк, публицист дворянско-охранительной ориентации, автор учебников по русской и всеобщей истории.

[6] Бонапарт Луи-Наполеон (1808—1873), император Франции (1852—1870 гг.). 2 декабря 1851 г. совершил государственный переворот, который К. Маркс рассматривал как карикатуру на переворот, совершенный Наполеоном I 18 брюмера (9 ноября 1799 г.). См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 115—217.

[7] Приводятся в произвольном изложении цитаты из заключительного слова И. В. Сталина на XIV съезде ВКП(б) (см.: XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), 18—31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 502, 504—505, 506, 508).

[8] Каутский Карл (1854—1938), один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала.

[9] XV съезд ВКП(б), который состоялся 2—19 декабря 1927 г., осудил как антипартийный так называемый троцкистско-зиновьевский блок и исключил из партии его активных деятелей.

[10] «Восстановительный» и «реконструктивный» периоды — принятые в то время термины периодизации развития экономики страны.

[11] Цитируется неточно. См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 7. С. 315.

[12] *Сталин И. В.* Соч. Т. 10. С. 197. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) состоялся 21—23 октября 1927 г. 23 октября И. В. Сталин выступил на Пленуме с речью «Троцкистская оппозиция прежде и теперь».

[13] Это положение было сформулировано И. В. Сталиным в речи на Пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. («Об индустриализации и хлебной проблеме». Цитируется неточно. См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 171.

[14] О восстаниях в Грузии И. В. Сталин упомянул в речи на заседании Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 г. (см.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 10. С. 196). Имеются в виду вооруженные выступления крестьян в отдельных уездах Мингрелии и Гурии в конце августа 1924 г., недовольных проведением аграрной реформы, налоговой политикой и антирелигиозными мероприятиями властей. Выступления были подавлены рабочими отрядами из Батуми и Поти при поддержке войсковых частей.

[15] *Сталин И. В.* Соч. Т. 10. С. 196.

[16] Цитируется неточно. См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 7. С. 177, 179.
[17] XVI Московская губернская конференция ВКП(б) состоялась 20—28 ноября 1927 г. 23 ноября И. В. Сталин выступил на конференции с речью «Партия и оппозиция». Цитируется неточно. См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 10. С. 259.
[18] См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 10. С. 256.
[19] Имеется в виду заключительное слово И. В. Сталина на XIV съезде ВКП(б), в котором содержится ответ Л. Б. Каменеву по вопросу «об уступках крестьянству». Л. Б. Каменев в своей речи на съезде отметил: «Мы имеем, на мой взгляд, так сказать в краткой формуле вот что: мы попытались в этом году урегулировать результаты хорошего урожая, который был налицо. Что получилось? Получилось то, что не мы «регульнули» мужика в этом году, а мужичок «регульнул» нас». См.: XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 18—31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 263.
[20] См.: Речь И. В. Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)». См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 245—290.
[21] Всесоюзная конференция аграрников-марксистов, созванная Коммунистической академией при ЦИК СССР, проходила 20—27 декабря 1929 г. 27 декабря И. В. Сталин выступил на конференции с речью «К вопросам аграрной политики в СССР». Цитируется неточно: См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 12. С. 145.
[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 304.
[23] Брюнинг Генрих (1885—1970) — немецкий политический деятель, германский рейхсканцлер в 1930—1932 гг.
[24] Имеется в виду резолюция Пленума ЦК ВКП(б) (28—31 октября 1931 г.) «О развертывании советской торговли и улучшении снабжения рабочих» (см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 366—369).
[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 221.
[26] Статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов» была опубликована в «Правде» 2 марта 1930 г. См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 12. С. 191—200.
[27] См.: *Ленин В. И.* Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина.— Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290, 286.
[28] Цитируется по предисловию М. И. Ульяновой к сборнику В. И. Ленина «Письма к родным» издания 1930 г. Полностью работа опубликована в Полном собрании сочинений. См.: Полн. собр. соч. Т. 30. С. 349—356.
[29] Имеется в виду Куропаткин А. Н. (1848—1925), с октября 1904 г. главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке во время русско-японской войны 1904—1905 гг.
[30] «Дело Бейлиса» — судебный процесс (Киев, 1913 г.) над евреем М. Бейлисом по ложному обвинению в ритуальном убийстве русского мальчика. Был организован царским правительством и черносотенцами. Вызвал протест передовой общественности в России и за рубежом; суд присяжных оправдал Бейлиса.
[31] Циммервальдская конференция (5—8 сентября 1915 г., Швейцария, Циммервальд) — международная социалистическая конференция, выступила против развязанной империалистами мировой войны и социал-шовинизма. В. И. Ленин организовал на конференции циммервальдскую левую, которой противостоял так называемый циммервальдский центр. Конференция приняла компромиссный манифест, который указывал на империалистический характер войны, но не содержал тех четких политических лозунгов, на которых настаивал В. И. Ленин.
[32] Кинтальская конференция (24—30 апреля 1916 г., Берн, затем — швейцарская деревня Кинталь). Приняла антивоенный манифест и другие документы, которые хотя и не содержали ленинского лозунга о превращении войны империалистической в войну гражданскую, но включали внесенные по настоянию В. И. Ленина и циммервальдской левой призывы к всеобщей интернациональной борьбе против войны, за социализм. См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 3. С. 4—8.
[33] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 38.
[34] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 171—172. См. также: Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 180.
[35] «Просвещение» — большевистский легальный ежемесячный журнал, издавался в Петербурге с 1911 г. Имеется в виду статья И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», опубликованная в трех номерах журнала (март, апрель

и май) 1913 г. под заглавием «Национальный вопрос и социал-демократия». См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 2. С. 290—367.

[36] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 46.

[37] Цитируется неточно. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 237.

[38] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 58.

[39] *Сталин И. В.* Соч. Т. 13. С. 79—80.

[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 124.

[41] Гинденбург Пауль фон (1847—1934) — немецкий военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. С 1925 г. президент Веймарской республики. В 1933 г. передал власть в руки фашистов.

[42] Цанков Александр (1879—1959) — болгарский государственный и политический деятель. Один из организаторов фашистского переворота 9 июня 1923 г. В 1923—1926 гг. глава фашистского правительства. В 1926 г. стал председателем Народного собрания. В 1932 г. основал фашистскую партию Национально-социальное движение.

[43] Гринько Г. Ф. (1890—1938) — член партии с 1919 г. С октября 1930 г. нарком финансов СССР. Репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии посмертно.

[44] Попов Н. Н. (1891—1938) — член партии с 1919 г. В 1929—1933 гг. член редколлегии газеты «Правда». Репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии посмертно.

[45] Межлаук В. И. (1893—1938) — член партии с июля 1917 г. В 1924—1931 гг. член Президиума и заместитель председателя ВСНХ СССР, начальник Главметалла, с 1931 г. первый заместитель председателя Госплана СССР. Репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии посмертно.

[46] Серебровский А. П. (1884—1938) — член партии с 1903 г. С 1932 г. заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. Репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии посмертно.

[47] Киров (Костриков) С. М. (1886—1934) — член партии с 1904 г. В 1909—1911, 1912—1917 гг. работал корректором, репортером, секретарем редакции частной газеты «Терек» во Владикавказе, одновременно член владикавказской организации большевистской партии. С 1926 г. первый секретарь Ленинградского губкома (обкома) и горкома партии и Северо-Западного Бюро ЦК ВКП(б), с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б). Убит 1 декабря 1934 г. в Смольном.

[48] Цитируется неточно. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 46.

[49] См.: XVII конференция ВКП(б). Бюллетень № 8. М., 1932. С. 3—4. В. М. Молотов выступал с докладом о директивах к составлению второго пятилетнего плана 2 февраля 1932 г.

[50] Резолюция XVII конференции ВКП(б) «Директивы к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.)». См.: КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 392.

[51] Цитируется неточно. См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 171.

[52] Цитируется работа Н. И. Бухарина «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (М.; Л., 1925). См.: *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 184.

[53] См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 172.

[54] Имеется в виду вооруженное восстание парижских рабочих 23—26 июня 1848 г.

[55] Имеется в виду неудачная попытка роялистского восстания в Нормандии в декабре 1793 г.

[56] Программа Коммунистического Интернационала была принята на VI конгрессе Коминтерна 1 сентября 1928 г. (см.: Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933).

[57] Резолюция XVII конференции ВКП(б) «Директивы к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.)». Цитируется неточно. См.: КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 391.

[58] Цитируется неточно. *Сталин И. В.* Соч. Т. 12. С. 145. Всесоюзная конференция аграрников-марксистов проходила 20—27 декабря 1929 г. И. В. Сталин выступил на заключительном заседании конференции 27 декабря с речью «К вопросам аграрной политики в СССР».

[59] Цитируется по одному из изданий «Капитала» К. Маркса, вышедшему

в свет в 20-е годы. Ср. текст в 2-м издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 24. С. 444.

[60] Цитируется по одному из изданий «Капитала» К. Маркса, вышедшему в свет в 20-е годы. Ср. текст в 2-м издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 26. Ч. II. С. 57.

[61] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 193.

[62] Давид Эдуард, Герц Фридрих Отто выступили в своих работах с критикой марксистского аграрного учения, теоретически обосновывали устойчивость мелкого производства в земледелии и его превосходство над крупным.

[63] *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 91—92. Дата выступления И. В. Сталина названа неверно. Беседа И. В. Сталина со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета состоялась 28 мая 1928 г.

[64] Имеется в виду брошюра Л. Д. Троцкого «Новый курс», изданная в 1924 г. в связи с внутрипартийной дискуссией. См.: *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. М., 1990. С. 164—203.

[65] Богданов (Малиновский) А. А. (1873—1928) экономист, философ, политический деятель, ученый-естествоиспытатель, автор теории равновесия, согласно которой все существующее представляет собой сменяющее друг друга состояние подвижного равновесия. В. И. Ленин квалифицировал философские взгляды А. А. Богданова как идеалистические и реакционные.

[66] Статья Н. И. Бухарина «Заметки экономиста. (К началу нового хозяйственного года)» была опубликована в газете «Правда» 30 сентября 1928 г. См.: *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 391—418.

[67] Цитата приводится неточно. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 28.

[68] В речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. И. В. Сталин сформулировал шесть новых условий развития промышленности: 1. Рабочая сила. 2. Зарплата рабочих. 3. Организация труда. 4. Вопрос о производственно-технической интеллигенции рабочего класса. 5. Признаки поворота среди старой производственно-технической интеллигенции. 6. О хозрасчете. См.: *Сталин И. В.* Т. 13. С. 51—80.

[69] Речь идет о вступлении японских войск в Шанхай в январе — феврале 1932 г., в результате которого была разрушена значительная часть города, уничтожены культурные и материальные ценности, произошла варварская расправа с безоружным населением.

[70] Речь идет о передовой статье «Советский Союз и Япония», напечатанной 4 марта 1932 г. в газете «Известия» и перепечатанной 5 марта газетой «Правда».

[71] Резолюция XVII конференции ВКП(б) «Итоги развития промышленности за 1931 год и задачи 1932 года». См.: КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 378.

[72] VI съезд Советов Союза ССР. Стенографический отчет. М., 1931. Бюллетень № 2. С. 3.

[73] Имеется в виду постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом», опубликованное в «Правде» 7 мая 1932 г.

[74] Цитируется неточно. См.: Резолюция XV съезда ВКП(б) «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» (см.: КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 276—278).

[75] Митин М. Б. — советский философ, главный редактор журнала «Под знаменем марксизма». Юдин П. Ф. — советский философ, в 1932—1938 гг. директор Института красной профессуры. Кольман А. (Э.) — в 1931—1933 гг. член редколлегии журналов «Под знаменем марксизма», «Социалистическая реконструкция и техника», «Вестник Комакадемии», директор Института естествознания Комакадемии. Ральцевич В. Ф. — в 1931—1932 гг. редактор журнала «Революция и культура», зам. директора научно-исследовательского института философии Комакадемии.

[76] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 46.

[77] См.: *Маркс К. Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 518.

[78] Программа Коммунистического Интернационала, принятая на IV конгрессе Коминтерна 1 сентября 1928 г.

[79] Деборин (Иоффе) А. М. (1881—1963) — советский философ и историк, академик. В 1926—1930 гг. ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма». 25 января 1931 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о журнале

«Под знаменем марксизма». В нем отмечалось, что группа Деборина по ряду важнейших вопросов занимала позиции «меньшевиствующего идеализма». См.: КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 264—265.

[80] Имеется в виду Пленум ЦК ВКП(б) 11—15 июня 1931 г.

[81] Ломинадзе В. В. (1897—1935) — член партии с 1917 г. В 1925—1930 гг. кандидат в члены ЦК ВКП(б), с июля 1930 г. член ЦК, в декабре 1930 г. исключен из состава ЦК ВКП(б). В 1930 г. первый секретарь Заккрайкома ВКП(б), в 1931—1932 гг. начальник сектора Наркомснаба СССР. Покончил жизнь самоубийством. Стэн Я. Э. (1899—1937) — член партии с 1917 г. В 1925—1930 гг. член ЦКК ВКП(б). В 1928—1930 гг. заместитель директора Института Маркса и Энгельса, затем профессор Института красной профессуры. В 1932 г. исключен из партии за распространение документов «группы Рютина», в 1934 г. вновь принят в партию, работал в редакции БСЭ. Репрессирован. Реабилитирован и восстановлен в партии посмертно. Биографические данные Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского, Н. А. Угланова, С. И. Сырцова и Е. М. Ярославского (см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 88—135).

[82] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 6—7.

[83] Цитируется неточно. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 119.

[84] Стимсон Г. Л.— американский политический деятель, член республиканской партии, в 1929—1933 гг. государственный секретарь США.

СОДЕРЖАНИЕ

Реабилитация: Полит. процессы 30—50-х годов / Под
Р31 общ. ред. А. Н. Яковлева.— М.: Политиздат, 1991.—
461 с.: ил.— (Б-ка журн. «Известия ЦК КПСС»).
ISBN 5—250—01429—1

Настоящий сборник о репрессиях периода культа личности — первое издание такого рода.

В нем на основе архивных документов и аналитических материалов, представленных КПК при ЦК КПСС, ИМЛ при ЦК КПСС, Прокуратурой СССР, КГБ СССР, показано, как фабриковались «дела» так называемых «антисоветского правотроцкистского блока», «антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии», «московского центра», а также «кремлевское дело», «ленинградское дело» и многие другие политические процессы.

В сборник включены закрытый доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, протоколы допросов, письма, фотографии, другие малоизвестные или ранее недоступные советскому читателю документы. Впервые публикуется документ «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», известный под названием «платформа Рютина».

В подготовке материалов сборника принимали участие работники информационно-издательской группы Общего отдела ЦК КПСС.

Р $\frac{0902020000-056}{079(02)-91}$ ББК 63.3(2)7

Составители:
кандидат исторических наук И. В. КУРИЛОВ,
доктор философских наук Н. Н. МИХАЙЛОВ,
доктор исторических наук В. П. НАУМОВ.

РЕАБИЛИТАЦИЯ

Политические процессы 30—50-х годов

Заведующий редакцией В. Я. Грибенко
Редактор А. В. Юркин
Младший редактор Н. Ю. Качина
Художник В. В. Дунько
Художественный редактор В. И. Шедько
Технический редактор Т. Н. Иванова

ИБ № 9117

Сдано в набор 18.09.90. Подписано в печать 19.02.91. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,0. Уч.-изд. л. 36,06. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1198. Цена 3 руб.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.